

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

I. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796 — 1874). В. Щербини	1—21
II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. Н. Ѳ. Сумцова	22—36
III. МАЛУРУССКІЯ ВИРШИ ПРАВОПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. П. И. Житецкаго	37—58
IV. БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ. Мирона	59—70
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	71—88 ✓
VI. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. (<i>Окончаніе</i>). Б. С. Познанскаго	89—104
VII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Ѳ ПЕРЕЖИВАНІЯХЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ. Ник. Бѣляшевскаго	105—111
VIII. МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ († 9 МАРТА 1892 Г.). (Некрологъ). Н. В.	112—115
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Пасхальная вирша. В. Науменка. б) Вирши на воскресеніе Христова. Мирона. в) Слѣды древнихъ поселеній. В. Боржновскаго. г) Цѣлебный источникъ. В. Боржновскаго. д) Изъ прошлаго Кіева. А. Г—снаго. е) Изъ прошлаго Кіево-Печерской Лавры. А. Г—снаго. ж) Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). А. А. з) Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ. В. Н.	116—130
X. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. Е. Пѣтухова. б) Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ, выпуски 3, 4 и 6. В. А. в) Н. П. Загосинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. Н. В. г) Обзоръніе журналовъ	131—156
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.	
ОБЪЯВЛЕНІЕ	1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

КІЕВЪ.

Литографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Київъ, 30-го марта 1892 г.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.

I. ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1796 — 1874).

Во многихъ семействахъ сохраняются различныя преданія о жизни предшествовавшихъ поколѣній, а иногда и письменные матеріалы—старыя письма, документы, книги, рукописи и т. п. Эти остатки старины нерѣдко представляютъ довольно важныя историческіе матеріалы, преимущественно для внутренней, бытовой исторіи, и потому заслуживаютъ тщательнаго сохраненія и разработки. Подобными матеріалами, сохранившимися въ моей семьѣ, нахожу небезполезнымъ подѣлиться съ читателями. Это—стихотворенія дѣда моего Евстафія Петровича Рудыковскаго и записки его младшаго брата Андрея Петровича. Такъ какъ стихотворенія старшаго брата относятся къ 30—40 годамъ, записки же младшаго относятся къ болѣе раннему времени, то помѣщаю сначала эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя относительно старшаго брата. Самые матеріалы печатаются безъ всякихъ измѣненій и сопровождаются біографическими очерками, составленными на основаніи семейныхъ преданій и сохранившихся документовъ, а также нѣкоторыми замѣчаніями относительно самыхъ сочиненій.

В. Щербина.

I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго.

Родъ Рудыковскихъ, по семейнымъ преданіямъ, происходитъ отъ переселившихся въ Польшу въ половинѣ XVIII в. хорватовъ, выходцевъ изъ Иллиріи. Фамилія Рудыковскій представляетъ полонизированную форму первоначальнаго прозвища Рудой. Послѣ переселенія въ Польшу родъ Рудыковскихъ раздѣлился на двѣ вѣтви.—Одна поселилась въ польскихъ областяхъ, приняла католицизмъ и достигла виднаго общественнаго положенія (по преданіямъ, одинъ изъ Рудыковскихъ былъ „архіепископомъ Варшавскимъ при послѣднемъ королѣ польскомъ“). Другая вѣтвь, поселившаяся на Украинѣ, осталась православною и обѣднѣла. Когда украинскіе Рудыковскіе вынуждены были обратиться за помощью къ своимъ богатымъ родственникамъ, съ ихъ стороны поставлено было необходимымъ условіемъ принятіе католицизма. Рудыковскіе не согласились на это и остались бѣдняками. Мнѣ не удалось провѣрить этихъ преданій, но по существу они не представляютъ ничего неправдоподобнаго¹⁾ и не противорѣчатъ встрѣчающимся въ „Запискахъ“ указаніямъ на семейство автора—отца, православнаго священника, и дядю иконописца, принадлежавшихъ однако по происхожденію къ дворянскому сословію.

Объ отцѣ автора записокъ, Петрѣ Рудыковскомъ, сохранилось слѣдующее преданіе. Онъ былъ келейникомъ преосв. Павла Конюсевича („Павель Тобольскій“), когда послѣдній жилъ на покоѣ въ Кіево-печерской Лаврѣ²⁾. Когда началась въ Кіевѣ чума, онъ сталъ проситься на родину, къ своей семьѣ. Преосвященный не соглашался, указывая на опасность, и наконецъ, положивъ паспортъ передъ иконою, велѣлъ молиться и поступать такъ, какъ Богъ укажетъ. О. Петръ взялъ паспортъ и ушелъ. Съ большимъ трудомъ выбрался онъ изъ Кіева, такъ какъ кругомъ устроены были карантинны, но домой добрался не скоро: дорогою онъ заболѣлъ чумою и нѣсколько недѣль пролежалъ въ какой-то деревнѣ, въ хлѣву.

¹⁾ Преданіе объ архіепископѣ Варшавскомъ оказалось впрочемъ невѣрнымъ, но лицо, о которомъ идетъ рѣчь, могло занимать какой-нибудь другой видный постъ.

²⁾ Какъ извѣстно, въ 1768—1770.

Впослѣдствіи о. Петръ былъ священникомъ въ с. Ольшанкѣ (Васильк. у.). Извѣстно, въ какомъ положеніи было въ эту эпоху сельское духовенство въ нашемъ краѣ. Семья Рудиковскихъ не представляла въ этомъ отношеніи исключенія, какъ можно видѣть изъ записокъ. Въ бумагахъ Андр. Петр. сохранилось нѣсколько писемъ отца къ старшему брату, Евстафію Петровичу. Письма эти также довольно наглядно рисуютъ тогдашняго духовенства, почему нахожу не лишнимъ помѣстить отрывки изъ нихъ въ видѣ приложенія. Письма эти представляютъ еще и тотъ интересъ, что показываютъ, какъ этотъ бѣдный и малообразованный „парохъ церкви ольшанской“ забитился о воспитаніи своего старшаго сына.

У о. Петра было три дочери и два сына. Біографическія данныя о старшемъ сынѣ Евстафіи Петровичѣ мы изложимъ въ другомъ мѣстѣ. Что же касается младшаго, Андрея Петровича (1796—1874), то дѣтство его, воспитаніе въ кievской бурсѣ и начало военной службы описаны подробно въ предлагаемыхъ его запискахъ. Другая часть этихъ записокъ, описывающая службу автора въ араччевскихъ военныхъ поселеніяхъ въ новгородской губерніи, еще при жизни автора напечатана была въ „Русской Старинѣ“¹⁾. Послѣдующая біографія А. П. несложна. Послѣ перевода въ армію (въ Волынскій полкъ) онъ участвовалъ въ походѣ 1833 г. въ кн. Молдавію и Валахію, въ 1839 г. переведенъ въ Измаильскую крѣпость плацъ-адъютантомъ; въ 1848 г. уволенъ, согласно прошенію, за болѣзнію отъ службы „съ награжденіемъ чина майора, мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья по 315 р. въ годъ“.

Выйдя въ отставку, А. П. переселился въ Кіевъ и жилъ здѣсь до самой смерти. Просто и скромно провелъ онъ эти года. Чѣмъ-то монашескимъ вѣяло отъ всей его обстановки. Маленькая квартирка, полка съ книгами религіознаго содержанія (любимая книга его была „Училище благочестія“), токарный станокъ, доставлявшій ему необходимый моціонъ и въ тоже

¹⁾ Устройство военныхъ поселеній (изъ записокъ отставнаго майора А. П. Рудиковскаго) 1820—1821 г.—„Русская Старина“ т. VIII, 1873 г., кн. 10, стр. 594—6.

время подспорье къ скромному пенсіону. Развлеченій никакихъ онъ не признавалъ: „Не насытитесь око зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ“, говорилъ онъ. За то онъ любилъ рассказывать о прошломъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о тяжелыхъ условіяхъ своего воспитанія и службы, сравнивая ихъ съ условіями новой, слагавшейся передъ его глазами жизни.

Подъ вліяніемъ подобнаго настроенія написаны и предлагаемыя записки. Этимъ объясняется нѣсколько односторонній характеръ заключающагося въ нихъ описанія кievской академіи. При всѣхъ своихъ общепризнанныхъ недостаткахъ, школа эта и въ ту пору имѣла свои хорошія стороны: достаточно вспомнить дѣятельность извѣстнаго ея ректора Ириней Фальковского¹⁾. Но автору записокъ не пришлось познакомиться съ этими сторонами, такъ какъ онъ прекратилъ ученіе (вслѣдствіе пожара 1811), будучи въ одномъ изъ низшихъ классовъ академіи. Кромѣ того, при самомъ началѣ его ученія произошла неблагопріятная перемена въ управленіи академіею: вновь назначенный митрополитъ Серапіонъ²⁾ устранилъ Ириней Фальковского отъ управленія академіею, которая, по выраженію біографа пр. Ириней, „оставлена была доживать послѣдніе годы своего двухвѣковаго существованія въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита“. Въ 1817 г. кievская академія была, какъ извѣстно, временно преобразована въ семинарію, а въ 1819 г. открыта вновь, но уже на новыхъ началахъ, подъ именемъ кievской духовной академіи. Старая „Кіево-Могило-Заборовская академія“ прекратила свое существованіе.

Главный интересъ предлагаемыхъ записокъ составляетъ подробная и неприкрашенная картина внутренняго быта древней кievской академіи въ послѣдніе годы ея существованія наканунѣ преобразования. Кромѣ того, записки рисуютъ бытъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1883, № 1, 5, 8—Иридей Фальковский, коадьюторъ кievскій. Г. Булашева.

²⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1883 № 9—10—Серапіонъ митрополитъ кievскій. Ф. А. Гершовскаго.

сельскаго духовенства въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, бытъ мелкой шляхты, условія тогдашней военной службы,—словомъ, цѣлый рядъ бытовыхъ картинокъ, написанныхъ просто, безыскусственно, но потому именно и возбуждающихъ полное довѣріе.

**Воспоминаніе отъ юности бурсацкой жизни до вступленія
въ военную службу и до офицерскаго чина.**

Предисловіе.

Не осуди меня, читатель, что не по правиламъ грамматики описалъ воспоминаніе моей юности и бурсацкой жизни. Изъ описанія увидишь начало и окончаніе моего жалкаго воспитанія и не будешь удивляться моей неграмотности. Съ этой мудростію я прослужилъ въ военной службѣ два года юнкеромъ и тридцать лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ съ Божіею помощію.

А. Р.

О бѣдность, бѣдность!
Горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствамъ воли дать!

Родился я 1796 году отъ благочестивыхъ родителей кievской губерніи, васильковскаго уѣзда, въ имѣніи графа Браницкаго въ с. Ольшанкѣ, приходскаго священника Петра и матери Ксеніи. По рожденію у родителей я былъ четвертый; послѣ меня еще родилась дочь. Насъ всѣхъ было пятеро дѣтей—два сына и три дочери; самый старшій сынъ Евстафій Петровичъ, который уже находился въ г. Кіевѣ въ школахъ, а остальные дома при родителяхъ.

На годовые праздники и ваканціи старшаго сына брали домой. Однажды какъ-то отецъ опоздалъ послать къ празднику Пасхи и получилъ письмо, что сынъ заболѣлъ и желаетъ скоро видѣться. Отецъ, получивши такое письмо, не взирая на распутицу и разлитіе водъ, на требы по приходу, рѣшилъ ѣхать въ Кіевъ за сыномъ, поручилъ приходъ священнику другого прихода того же села, а самъ поѣхалъ. По приѣздѣ къ первой

деревнѣ, гдѣ была плотина, около которой нѣсколько мужиковъ стояло и смотрѣло, какъ вода черезъ плотину идетъ, отецъ спросилъ у мужиковъ можно-ли проѣхать чрезъ плотину? Ему сказали, что плотину вода прорвала и что проѣхать нельзя. Отецъ не послушалъ и пустился на плотину и до перваго прорыва доѣхалъ; лошади съ повозкою и имъ снесла вода внизъ; мужики бросились и спасли лошадей съ повозкою и его, но онъ, перепуганный и простуженный, принужденъ былъ воротиться домой больной и скоро умеръ.

Матушка осталась съ пятью сиротами и не могла уже на свой счетъ содержать старшаго сына на наемной квартирѣ, подала просьбу митрополиту Кіевскому Серапіону, просила о принятіи сына въ бурсу на казенное содержаніе, а ей дать средства къ пропитанію себя съ четырьмя сиротами, при ней живущими. По каковой просьбѣ старшій сынъ принять въ бурсу на казенное содержаніе, а для пропитанія самой съ четырьмя дѣтьми предписано другому приходу выдѣлять половину изъ дохода двухъ приходоѡ. Эта формальность такъ на бумагѣ икончилась.

Когда необходимость заставила матушку потребовать должной части, послала старшую дочь къ священнику за этимъ доходомъ, то ей дали три хлѣба и болѣе ничего. По прошествіи довольно долгаго времени послала опять требовать должной части изъ доходовъ, и на сей разъ дали два хлѣба и сказали наотрѣзъ—доходу нѣтъ никакого и дѣлиться нечѣмъ. Послѣ этого отказа матушка уже болѣе не посылала, а принуждена своими трудами изыскивать средства къ пропитанію себя съ четырьмя дѣтьми.

Послѣ смерти отца, на хозяйствѣ осталось двѣ пары воловъ, одна корова, пара лошадей; удерживался еще работникъ и одна служанка, которыхъ матушка посылала на чужія поля лѣтомъ зарабатывать хлѣбъ, и они зарабатывали на цѣлый годъ. Обстоятельства заставили продать одну пару воловъ, а другая еще осталась для посылки въ лѣсъ за дровами, въ помѣщичій лѣсъ, на что было позволеніе отъ помѣщика, одинъ разъ въ недѣлю. И такъ матушка нѣсколько лѣтъ во вдовствѣ своемъ перебивалась съ прислугой; наконецъ работникъ, же-

нившись, вышелъ на свое хозяйство, осталась одна работница и та не надолго—отошла. Осталась матушка только съ нами, продала и другую пару воловъ по необходимости; осталась корова и пара лошадей, за которыми некому было ухаживать. По смерти отца я еще прожилъ при матушкѣ три года; мнѣ ужъ было семь лѣтъ; братъ старшій велѣлъ меня привезть въ Кіевъ. Меня матушка осенью отвезла и оставила у брата, а сама возвратилась домой. Старшія двѣ дочери подросли и могли уже быть въ помощь матушкѣ по хозяйству. Братъ мой Евстафій Петровичъ пристроилъ меня тоже въ бурсѣ на казенное содержаніе. Я еще не учился; давалъ братъ время привыкнуть къ новой бурсацкой жизни. Послѣ Рождества я заболѣлъ. Меня отвели въ больницу, и я тамъ что-то долго пролежалъ. Къ празднику Пасхи матушка прислала лошадей за нами. Братъ затруднялся, что со мною дѣлать, наконецъ рѣшился меня взять больного. Я не помнилъ, какъ меня положили на сани и отправились въ путь. Дорога была распутная, снѣгу мало по дорогѣ, лошади тощія едва тащились. Не доѣхали домой за двадцать верстъ, принуждены остановиться на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ наши лошадки околѣли. Братъ нанялъ подводу, пріѣхали домой. Матушка увидѣла меня больного и узнала, что лошади пали, была крайне огорчена. Какъ праздникъ прошелъ и какъ братъ уѣхалъ въ Кіевъ, того я не помню. Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника я началъ поправляться и выздоровѣлъ. Лѣто оставался дома, а осенью меня опять матушка отвезла въ Кіевъ къ брату. Тутъ я началъ уже учить славянскую азбуку при братѣ. Но не долго продолжалось это мое житіе при братѣ: духовное начальство назначило брата отъ Кіевской Академіи въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію, съ тѣмъ чтобы по окончаніи наукъ возвращень былъ въ академію обратно для преподаванія старшимъ ученикамъ медицинскпхъ лекцій.

Братъ скоро былъ отправленъ въ С.-Петербургъ; я остался безъ всякаго надзора; хотя и просилъ братъ товарищей, но они никакого вниманія на меня не обращали. Грустно и больно мнѣ было мое сиротство и одиночество. Къ кому ни

обращусь я съ просьбою показать мнѣ урокъ, мнѣ отказываютъ, говоря: свои уроки надо учить. Медленно я подвигался впередъ въ моемъ жалкомъ просвѣщеніи. Не успѣлъ я еще выучить славянскую азбуку, какъ мнѣ подсунили латинскую. Началъ долбить а, b, c, и тутъ товарищи начали надо мною смѣяться говоря: смотрите, Рудыковскій началъ долбить а, b, c, онъ хлѣба хце ¹⁾. Мнѣ больно было выдерживать такого рода насмѣшки, а показать урокъ никто не хочетъ. Долго что-то я эту азбуку долбилъ и, не окончивши ея, подсунили мнѣ латинскую грамматику. До сихъ поръ еще я за мою науку не получалъ награды розгами; начали задавать мнѣ уроки и выучивать наизусть, сдавать учителю; сколько я ни старался выучить наизусть заданный урокъ, не имѣлъ дара, приходилъ всегда по звонку на экспликацію со слезами, навѣрно ужъ зналъ, что будетъ: не сдать урока, вызываютъ на середину, и тутъ сколько угодно будетъ учителю, столько и отсчитаютъ.

Бывало, въ лѣтнее время ночь мала и хотѣлось-бы подольше поспать, но страхъ наказанія пробудить до схода солнца; взявъ книгу подъ-мышку и на дворъ, заберешься гдѣ-нибудь въ уголь между дровъ и начинаешь долбить урокъ, и не успѣешь нѣсколько разъ прочесть урокъ, а тутъ звонокъ уже призываетъ къ развязкѣ на экспликацію. Утерши кулакомъ слезы, книгу подъ-мышку, идешь навѣрно за наградою. Такъ бываетъ: высѣкли, задали другой урокъ, съ тѣмъ чтобы и прежній повторить, и оба на завтра сдать. А не сдать—двойная награда!

Что дѣлать было мальчику въ одиннадцать лѣтъ при такомъ безтолковомъ ученіи и при такихъ жестокихъ истязаніяхъ! Не къ кому обратиться съ жалобою и за помощью. Сѣдалище такъ уже изукрасили, что нельзя было сидѣть. Безжалостные наши учителя смотрѣли на текущую кровь хладнокровно, приговаривая: учись да не лѣнись!

При этакомъ безтолковомъ ученіи нища была самая свудная. Порція хлѣба не болѣе въ три четверти фунта на обѣдъ и ужинъ. На обѣдъ борщъ въ скоромные дни съ говядиною, но

¹⁾ Тогда польскія слова вѣдустъ съ русскими словами мѣшались.

говядины только и доставалось философамъ и богословамъ, въ постные дни съ олеемъ; другого кушанія не бывало. На ужинъ готовилась жидкая кашлица, а иногда галушки гречневья величиною въ полфунта, и при разливкѣ въ трапезѣ клалась одна въ миску и дополнялась ухой. Мальчишки попровориѣ заблаговременно узнавали, что галушки готовятся; приготовятъ деревянную спичку, по колокольчику собираются къ дверямъ трапезы и дожидаются, пока отворять двери; двери всегда зачинались въ трапезѣ, пока пищу разольютъ по мискамъ и разставятъ по столамъ; и тогда отворяется дверь, и вся толпа, собравшаяся у дверей, разомъ бросится къ своимъ столамъ, и тѣ, которые приготовили спичку, стараются схватить галушку на спичку, завернувъ ее въ полу и подъ-мышку, старается уйти назадъ, а остальные, усѣвшись около мисокъ похлебаютъ ушицы съ хлѣбомъ, у кого остался отъ обѣда, и съ тѣмъ уходятъ въ свои избы и собираются на экспликацію, т. е. на экзекуцію! Послѣ которой садятся кругомъ столовъ и занимаются уроками и письмомъ на одинъ часъ, послѣ чего ложатся спать. Въ зимнее время послѣ полуночи опять встаютъ, для чего съ вечера посылается два мальчика съ фонаремъ въ Братскій монастырь, въ келію звонаря, и тамъ ночуютъ. Звонарь встаетъ звонить къ заутрени, будитъ мальчиковъ, зажигаетъ въ фонарѣ свѣчу и отправляетъ ихъ въ бурсу. По приходѣ въ бурсу мальчики идутъ по всѣмъ избамъ и зажигаютъ свѣчи; обошедши всѣ избы, фонарь относятъ въ сеніорскую¹⁾, и сами идутъ въ свою избу и занимаются ученіемъ.

Изрѣдка приѣзжалъ митрополитъ Серапіонъ во время самаго обѣда и прямо входилъ въ трапезу. Всѣ встаютъ за своими столами и пропеютъ въ одинъ голосъ: „salutamus“. Обошедши всѣ столы, остановившись посрединѣ, скажетъ: „Учитесь, дѣти, во младые лѣта, а когда придетъ старость, тогда вамъ будетъ радость!“ Съ тѣмъ и уѣзжалъ. Митрополитъ тогда жилъ въ Софіевскомъ соборѣ.

¹⁾ И ба, названная сеніорскою, въ которой жилъ сеніоръ; онъ завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ.

Во всѣхъ избахъ, гдѣ жили бурсаки не было никакой мебели, кромѣ стола во всю длину комнаты, а поподъ стѣнами лавки широкія, на которыхъ старшіе ученики спали, а прочая мелочь подъ лавками и подъ столомъ, гдѣ кто захватилъ мѣсто. Подстилки никакой; кто въ чемъ ходилъ днемъ, въ томъ и ложился, книга подъ головы вмѣсто подушки. Изнуренный днемъ заснулъ-бы, да насѣкомыя одолѣвають. Клесовъ ужасная бездна подъ лавками и по стѣнѣ; стѣны всѣ исписаны кровью раздавленныхъ клоповъ. Изба никогда не бѣлилась и не чистилась изъ году въ годъ. Страшное неряшество.

Въ это время свирѣпствовала болѣзнь *короста* нарывная, больныхъ отправляли въ больницу, которая находилась на берегу Днѣпра, возлѣ Ильинской церкви, и тамъ на кухнѣ лѣчились дегтемъ и принимали сѣрные порошки; прочіе больные особо въ комнатахъ лежали на кроватяхъ. Докторъ былъ Бунге, посѣщалъ всякій день, прописывалъ лѣкарства, красные камфорные порошки. Не забуду до смерти, какъ они были противны. Пища больнымъ была одна, самая тоже скудная: жидкій супъ съ картофелемъ и въ скромные дни съ говядиной, и то золотниками; другого кушанья не бывало. Хлѣба не давалось, а давали называемое жалованіе—каждому больному по два гроша на булку. Самымъ труднымъ (больнымъ) варилась буквица съ медомъ вмѣсто чаю. Поваръ въ больницѣ былъ отставной солдатъ Семеновъ. Въ свободное время онъ занимался шитьемъ сапоговъ; въ частую онъ посылалъ двухъ мальчиковъ съ ведромъ къ Днѣпру по воду, которые лѣчились на кухнѣ отъ коросты, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ; простуживались и къ болѣзни получали простудную болѣзнь. На это никто не обращалъ вниманія.

При такой горестной и скудной жизни при изнуреніи, заболѣлъ я весной 1809 году золотухою; вся голова моя покрыта была сплошнымъ струпомъ, волоса слиплись матерією. Меня отвели въ больницу, гдѣ я что-то долго пролежалъ, и ничего мнѣ не дѣлали. Появились на головѣ кучи вшей, которыя распоззались по всему тѣлу. Бывало выйдешь на дворъ и руками отряхнешь на землю съ головы, а рубашку скинувши, тоже

руками обметешь. Въ такомъ положеніи меня застала старшая сестра, приходившая на поклоненіе. Нашла меня въ больницѣ и когда увидѣла меня, ужаснулась и зарыдала; нагрѣла воды, омыла мнѣ голову, рубаху сняла, выпарила и вымыла. Мнѣ показалось легче; но она не могла оставаться при мнѣ долго; на другой день отправилась домой, и чрезъ нѣсколько дней опять увидѣлъ на себѣ тоже. Этими насѣкомыми изобиловали всѣ больные, у каждаго на кровати бездна; одинъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати былъ тяжело боленъ и когда умеръ сняли съ него одѣяло, то кругомъ тѣла на пол-вершка кучи вшей; такъ его съ кровати и вынесли на дворъ. И что мудренаго: бѣлья по нѣскольку мѣсяцевъ не перемѣняли, прислуги къ больнымъ никакой не было, а выздоравливающіе мальчики служили, приносили съ кухни пицу для больныхъ, горницы подметали, зимою печки истапивали, и больше ничего; а для роздаванія лѣкарства вмѣсто фельдшера, жилъ тутъ же ученикъ риторики Рудецкій¹⁾; онъ принималъ отъ доктора рецепты, посылалъ въ аптеку и раздавалъ больнымъ по назначенію.

Въ такомъ положеніи жизнь моя юная продолжалась до 1811 года. Въ этомъ году случился пожаръ на Подолѣ, отъ котораго весь Подоль сгорѣлъ, въ томъ числѣ Братскій монастырь съ церковью, академическіе классы, бурса. Пожаръ этотъ случился передъ самымъ роспускомъ на вакаціи. Всѣмъ ученикамъ было объявлено не пріѣзжать въ Кіевъ, пока не исправятся погорѣвшія зданія; но эти зданія что-то долго не были исправлены по тогдашней скудости матеріальныхъ средствъ.

Кое-какъ я добрался домой. Старшая сестра была уже замужемъ, и зять жилъ вмѣстѣ. Пока я оправился въ здоровьѣ, меня не употребляли ни на какія работы. Какъ только я поправился, меня зять началъ посылать къ своимъ роднымъ на полевья работы. Это было осенью и не по моимъ силамъ. Цѣлый день изнурялся я при одномъ сухомъ хлѣбѣ и часто безъ воды. Такъ я продолжалъ эти работы, пока поля не были за-

¹⁾ Въ книгѣ Аскочинскаго показанъ въ 1813 г. „лекарскій помощникъ студентъ богословія Рудецкій Ѳеодоръ“. (Кіевъ, т. II, стр. 468).

сѣяны. Зиму кое-какъ я провелъ у одного шляхтича: училъ двухъ сыновей читать и писать, какъ самъ зналъ. Тутъ я имѣлъ по крайней мѣрѣ порядочную пищу. Открылась весна, меня потребовали домой, и опять послалъ меня зять къ своимъ родственникамъ на тѣ же работы—пахать, бороновать, пока не кончились работы засѣвамъ, послѣ чего я отдыхалъ до жатвы. Настала жатва; матушка договорилась у одного зажиточнаго шляхтича съ третьяго снопа жать; матушка, двѣ сестры и я ходили на жнива, заработали хлѣба довольно, такъ что хлѣба у насъ было достаточно на цѣлый годъ до новаго года. И такъ мы года два трудились по чужимъ полямъ, пока матушка на полѣ не заболѣла. Съ трудомъ мы довели ее домой; она слегла и скоро умерла. Я тоже въ этотъ день заболѣлъ горячкою и не помнилъ, какъ матушку похоронили. Когда началъ выздоравливать, спросилъ, что я матушку не вижу; мнѣ сказали, что матушка поѣхала къ роднымъ; а когда я совершенно выздоровѣлъ, узналъ, что я круглый сирота. Въ Кіевъ не было еще призыва къ ученію, года уходятъ, что мнѣ дѣлать! Узналъ я отъ старшей сестры, что есть дядя по матери) униатскій священникъ васильковскаго уѣзда с. Сухолисъ. Я отправился къ нему, нашелъ, и онъ меня принялъ, какъ родного сироту. У него было два большіе сына, которые еще не учились; онъ заставилъ меня учить читать и писать; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ занятіи. Къ сожалѣнію моему я узналъ, что дядя пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Я увидѣлъ, что тутъ не жить мнѣ, ожидалъ пріѣзда сестры, которая обѣщала пріѣхать навѣстить меня. Подъ осень она съ мужемъ пріѣхала, узнала огъ меня подробности, взяла меня съ собою и поѣхала въ г. Житомиръ, гдѣ также былъ дядя по отцу. По пріѣздѣ въ Житомиръ, сколько ни спрашивали о дядѣ, никто не зналъ; наконецъ узналъ, что онъ въ городѣ не живетъ, а что дочь его за мужемъ за дворяниномъ Журавскимъ, котораго домъ намъ указали. Нашли и отрекомендовались родственни-

1) Изъ сохранившейся метрической выписи видно, что жена о. Петра Рудыковского была „изъ Святославскихъ Ксенія“.

ками; насъ приняли разумѣтся какъ деревенскихъ жителей. Тутъ мы узнали, что дядя въ двухъ деревняхъ занимается подрядами на новыя иконостасы писать образа, и что онъ прїѣзжаетъ въ городъ для закупки матеріаловъ. Я упротился остаться и дождать прїѣзда дяди. Зять Журавскій занимался тоже подрядами мебельными; онъ держалъ у себя столяровъ, которые дѣлали мебель по заказу и въ новыхъ домахъ оконъ и дверей; самъ онъ не работалъ, а только отыскивалъ работы. Тутъ я, присмотрѣвшись къ дѣлу столярному, началъ кое-что строгать и скоро понялъ. Мнѣ дали выдѣлывать ножки къ стульямъ; жилъ я съ мастерами, обѣдалъ съ ними и спалъ въ мастерской, не какъ родственникъ, но какъ чужой; меня начали употреблять на разныя посылки. Вижу я, что зима недалеко, а у меня нѣтъ не только зимней, но и лѣтней одежды. Я началъ изъ обрѣзковъ дерева дѣлать разные скамейки, ящички, шкатулочки—ночью, покупая свѣчу; продавалъ и собиралъ гроши до грошей, и кое-что себѣ началъ покупать съ сапоговъ до рубашки и такимъ образомъ кое-какъ прикрывалъ наготу мою. Зять увидѣлъ мою способность къ дѣлу, былъ доволенъ мною. Тутъ мнѣ пришла охота сдѣлать скрипку, принялся и сдѣлалъ довольно порядочную, всѣ удивились; началъ учиться играть по слуху.

Зима кончилась. Въ великій постъ прїѣхалъ дядя въ городъ за покупками матеріаловъ и остановился въ домѣ дочери; ему сказали, что племянникъ здѣсь, родного брата сынъ осиротѣвшій; дядя позвалъ меня въ горницу, распросилъ обо всемъ подробно и сказалъ, что возьметъ меня съ собою. О братѣ я ничего не зналъ, живъ-ли онъ или нѣтъ, и я ему ничего не могъ сказать. Погостилъ онъ дня три, собрался ѣхать и мнѣ приказалъ быть готовымъ; распростился я съ моими товарищами по ремеслу и родными, уѣхалъ съ дядею въ деревню верстовъ за тридцать отъ города. По прїѣздѣ въ деревню меня дядя отреккомендовалъ племянникамъ, своей второй женѣ, которая косо посмотрѣла на меня и отворотилась. Старшая дочь у него была уже невѣста; та меня нѣсколько обласкала. Окунулъ я глазами все хозяйство: плохо, нищета; подали обѣдъ:

борщъ съ грибами даже безъ олеи, каша пшонная съ борщемъ, хотя былъ мясоѣдъ.

Въ это время, какъ я находился у дяди, начали проходить черезъ эту деревню полки корпуса Воронцова, который находился въ Парижѣ по взятіи его до уплаты контрибуціи. Въ этомъ корпусѣ при штабѣ служилъ и мой братъ Евстафій Петровичъ помощникомъ корпусному доктору. Проходя чрезъ Житомиръ корпусный штабъ, братъ зналъ домъ двоюродной сестры и уже прежде былъ знакомъ; прямо заѣхалъ къ ней, пробылъ дневку и тутъ узналъ обо мнѣ; а какъ я находился въ деревнѣ и въ сторонѣ отъ маршрута, не могъ заѣхать за мной, оставилъ денегъ у сестры и просилъ нанять попутчика и прислать меня въ Кіевъ, гдѣ была назначена корпусная квартира.

Между тѣмъ пока мнѣ въ Житомирѣ прискивали попутчика, и я еще ничего не зналъ о братѣ, какъ братъ самъ въ Кіевѣ прискалъ попутчика, и тотъ попутчикъ заѣхалъ въ Житомиръ за мной, меня тамъ не нашелъ, ему сказали, что я нахожусь въ деревнѣ по пути въ Кіевъ; попутчикъ везъ купеческіе товары, заѣхалъ за мной и подалъ мнѣ письмо. Тутъ только я по прочтеніи письма узналъ, что братъ живъ, и что я скоро увижусь съ нимъ. Какъ я тутъ обрадованъ былъ въ это время, и пока мой попутчикъ выкормилъ лошадей, я ужъ готовъ былъ въ дорогу; распрощавшись съ родными, поблагодарилъ ихъ за хлѣбъ-соль, сѣлъ въ сани, и тройка добрыхъ коней помчалась по хорошей дорогѣ. Проѣхали мы день и ночь, на другой день въ десять часовъ въ Кіевѣ и на квартирѣ у брата. Брата я не засталъ. Деньщикъ зналъ, что я приѣду, принялъ меня, обогрѣлъ чаемъ, приготовилъ обѣдъ, накормилъ меня досыта. Братъ у себя не держалъ стола, а у корпуснаго доктора всегда обѣдалъ. Къ вечеру братъ приѣхалъ и засталъ меня; очень былъ радъ. Увидѣлъ меня, что я ужъ парень хоть куда порядочный, сказалъ: ну, братъ, наука тебѣ не далась, надо итти въ полкъ и дослуживать шпаги, а для этого нужно тебѣ свидѣтельство о дворянствѣ; надо ѣхать въ Житомиръ къ дядѣ и съ нимъ хлопотать въ дворянскомъ собраніи, гдѣ наша родо-

словная вписанная. Дождались весны, поѣхали въ Житомиръ, отыскали дядю, объяснили причину нашего прїѣзда. Дядя сказалъ, что этого скоро сдѣлать нельзя; въ такомъ случаѣ братъ меня оставилъ у дяди, а самъ отправился обратно. Дядя отвезъ меня въ Житомиръ, написалъ просьбу предводителю дворянства, отправился со мной и подалъ просьбу правителю канцеляріи, а сей свазалъ, что черезъ недѣлю навѣдаться. Дядя поручилъ ходатайство зятю Журавскому. Тутъ потребовались деньги на расходъ; я написалъ къ брату, и мнѣ скоро посланы были деньги пятьдесятъ рублей, которые и были переданы зятю Журавскому. Въ скоромъ времени выдали мнѣ дворянское свидѣтельство. Скоро я отыскалъ попутчика и отправился въ Кіевъ; братъ былъ обрадованъ скорому и успѣшному дѣлу. Его желаніе было опредѣлить меня въ тотъ же полкъ, въ которомъ началъ свою службу; къ моему счастью все шло хорошо; полковой казначей прїѣхалъ въ Кіевъ за жалованіемъ и прїемкой годовыхъ вещей и навѣстилъ брата; тутъ братъ представилъ меня и просилъ взять съ собою и опредѣлить въ полкъ. Казначей охотно согласился, сказалъ—по прїемкѣ годовыхъ вещей дастъ знать, когда онъ отправится въ полкъ, и чтобъ я было готовъ. Черезъ недѣли двѣ онъ окончилъ прїемку, отправилъ транспортъ, и мнѣ велѣлъ приходить на его квартиру. Я собрался; меня братъ отвезъ и оставилъ у него; за лошадьми былъ послано уже, и мы скоро отправились въ дорогу. Квартира полковая была черниговской губерніи въ посадѣ старообрядцевъ Климовѣ. По прїѣздѣ въ полкъ и на другой день призвалъ аудитора, завѣдующаго полковою канцеляріею, отдалъ мое свидѣтельство, приказалъ отдать въ приказѣ по полку о зачисленіи меня на службу недорослемъ изъ дворянъ подпрапорщикомъ съ назначеніемъ въ первую гренадерскую роту, а между тѣмъ меня оставилъ при полковомъ штабѣ для обмундировки, призвалъ полкового закройщика и приказалъ ему меня обмундировать. Мнѣ отвели квартиру у богатаго раскольника; тутъ мнѣ было очень хорошо; кормили меня отлично, и какъ я трубки не курилъ и табаку не нюхалъ, меня сажали съ собою за столъ. Я увидѣлъ у нихъ книгу, читалъ имъ, и они всѣ были мною довольны.

Казначей распорядился, чтобы меня оставить при штабѣ и чаще меня видѣть, предложилъ полковому командиру собрать изъ полка молодыхъ и расторопныхъ солдатъ въ штабъ для обученія грамотѣ, читать и писать, приготовить въ унтеръ-офицеры. Это было исполнено въ скоромъ времени. Мнѣ были они поручены обучать и въ помощь мнѣ еще дали одного юнкера. Квартира для школы была отведена, и я началъ учить. Два дня въ недѣлю были назначены для фронтальной службы и ружейной экзерциціи; тутъ и меня учили; а между тѣмъ и достала школа рекрутскую и самъ изучалъ правила. Такимъ образомъ я успѣвалъ въ обученіи солдатъ грамотѣ и самъ учился. И такъ до году всѣ мои ученики порядочно читали, писали и четырехъ правилъ ариѳметики знали; всѣхъ ихъ произвели въ унтеръ-офицеры, а двухъ изъ нихъ, остряковъ, прямо въ фельдфебеля.

Такъ я годъ прожилъ, училъ и учился самъ. На другой годъ меня произвели въ портупей-прапорщики, и я перемѣнилъ тесака на шпагу съ серебрянымъ темлякомъ, и старшіе подпрапорщики остались назадъ. Въ первый инспекторскій смотръ дивизионнаго начальника Вуича, послѣ осмотра фронта и аммуниціи, были вызваны впередъ передъ фронтъ всѣ юнкера¹⁾, выстроились въ линію; началась экзаменовка ружейныхъ приемовъ по одиночкѣ, и кто изъ насъ показался въ успѣхѣ, того вызывалъ впередъ; въ томъ числѣ и я былъ вызванъ, но не зналъ для чего; вызвано насъ было четыре; начальникъ дивизіи указалъ на насъ четырехъ полковому командиру, приказалъ представить въ офицеры. Тутъ полковой командиръ указалъ на меня и сказалъ, что я въ продолженіи года и самъ довольно успѣлъ въ рекрутской школѣ и тридцать молодыхъ солдатъ выучилъ читать, писать и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, и всѣ они произведены въ унтеръ-офицеры и два изъ нихъ въ фельдфебеля.

Начальникъ дивизіи поощрилъ меня тѣмъ, что приказалъ меня поставить въ списки къ производству первымъ; и за все

¹⁾ Койхъ было въ полку сорокъ.

это я обязанъ моему благодѣтелю, полковому казначею Саввѣ Осиповичу Циклинскому.

По производствѣ въ офицеры, уже не такъ мнѣ фортунило. На другой годъ по производствѣ въ офицеры судьба меня забросила въ поселенные войска графа Аракчеева; съ 1820 г. и по 1830 годъ служилъ я въ этихъ резервахъ, гдѣ запрещена была отставка и домовые отпуска на семь годовъ, подъ видомъ за недоведеніе нижнихъ чиновъ по фронтовой части; комплектъ офицеровъ не убавлялся, а потому и производства въ высшіе чины не было.

Подробностей моихъ неудачъ, какъ по службѣ, такъ разныхъ предпріятій я не упоминаю, нахожу излишнимъ; скажу только, что съ подпоручичьяго чина начальство нашло меня способнымъ командовать ротой, и я принялъ и командовалъ постоянно одиннадцать лѣтъ до капитанскаго чина, что это въ арміи рѣдкость: старшіе офицера оставались безъ ротъ, а младшіе командовали.

По полку, бригадѣ и дивизіи были отдаваемы приказы, лестные для меня—образцовымъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, какъ по фронтовой, такъ и по хозяйственной части, и вся эта слава принесла мнѣ столько пользы, какъ голодному запахъ жареной баранины.

Послѣ инспекторскихъ смотровъ дѣлались представленія къ наградамъ, но награды получали только полковые, баталіонные командиры и тѣ офицеры, которые были ближе знакомы съ женами командировъ, хорошо умѣли льстить и въ мазуркѣ отличались; а кто отличался на полѣ и по фронтовой службѣ, тотъ оставался незамѣтнымъ и напрасно истощалъ силы.

Кромѣ фронтовой службы, вчастую меня отрывали отъ роты и посылали въ разныя командировки, какъ-то за приѣмкой годовыхъ и трехъ-годовыхъ вещей и жалованія, и за всякимъ разомъ выдавались мнѣ похвальные листы; у меня ихъ накопилось много, я представилъ при рапортѣ и просилъ занести ихъ въ формулярный списокъ, для каковыхъ и графа обозначалась въ формулярномъ списокѣ, но мнѣ и въ этомъ отказано, послѣ чего я бросилъ ихъ въ печь.

Послѣдняя моя командировка была самая важная и самая опасная. Въ 1830 году, смѣнившись съ караула въ Кіевѣ, возвратились на свои квартиры въ Харьковскую губернію. Не успѣлъ я расквартировать роту по деревнямъ, вдругъ получаю предписаніе сдать на законномъ основаніи роту назначенному штабсъ-капитану и явиться къ отрядному командиру, генераль - маіору Коровкину для особаго порученія. Въ два дня сдалъ я роту и поспѣшилъ явиться къ отрядному командиру. Тутъ я получилъ предписаніе и требованіе въ воронежскую комиссаріатскую комиссію на жалованіе и ремонтныя деньги для второй уланской дивизіи, кирасирскихъ кадръ и восемнадцать пѣхотныхъ резервныхъ баталіоновъ,—всеи суммы на 140000 р. ассигнаціями. Меня это до крайности удивило, что мнѣ незнакому пѣхотному офицеру дѣлается такая важная порученность. Неужели же въ кавалеріи не оказалось офицера, которому можно было-бы поручить такую порученность?

Нечего тутъ было долго разсуждать. Получивши документы, поторопился пуститься въ путь. Страхъ понуждалъ меня: о холерѣ пронесся слухъ, что въ Астрахани холера. Въ то время еще никто понятія не имѣлъ объ этой страшной эпидеміи. По пріѣздѣ въ Воронежъ и на другой день получилъ требуемую сумму денегъ, и на третій день въ обратный путь пустился. При мнѣ два конвойные были—жандармъ отъ кавалеріи и унтеръ офицеръ отъ пѣхоты. Проѣхалъ я первую станцію благополучно; на другую пріѣхалъ, и тутъ уже карантинъ учрежденъ. Меня останавливаютъ на четырнадцать дней въ дурной грязной и курной деревушкѣ Рындино, по имени помѣщика Рындина; показали мнѣ квартиру курную, мокрую, въ которой поросята и теля подъ поломъ, вонь невыносимая. Вотъ тутъ-то я ахнулъ. Зналъ я прежде, что эту деревушку населилъ помѣщикъ изъ бродягъ и что въ этой деревушкѣ дѣлались частые грабежи, при участіи и самого помѣщика. Видя себя въ такомъ положеніи, что я могъ заболѣть въ такой квартирѣ и могъ быть ограбленъ, на другой день я приготовилъ рапортъ въ комиссію съ описаніемъ моего опаснаго положенія, просилъ

распоряженія освободить меня отъ этого карантина и снабдить меня свидѣтельствомъ, что я слѣдую изъ благополучной стороны, и чтобъ меня нигдѣ не задерживали, какъ я по казенной и экстренной надобности проѣзжаю. На четвертый день я получилъ отъ комиссіи свидѣтельство на безостановочный проѣздъ, и губернаторомъ предписано въ карантинъ къ начальнику освободить меня безъ малѣйшаго задержанія. И такъ я благополучно пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ тоже карантинъ устраивался. Мнѣ оставалось еще ѣхать въ г. Чугуевъ въ отрядный штабъ для сдачи денегъ. Я ночью отправился. По пріѣздѣ въ штабъ, по сдачѣ старшему адъютанту денегъ, получивъ квитанцію, того же дня возвратился въ Харьковъ. Въ Харьковѣ прожилъ я недѣлю, пока пріемщики отъ баталіоновъ не пріѣхали. Раздавъ въ каждый баталіонъ деньги и получивъ квитанціи, отправился къ своей ротѣ, и тѣмъ окончилась моя командировка. Скоро опять насъ потребовали въ Кіевъ для содержанія карауловъ, а дѣйствующіе полки пошли въ помощь противъ мятежниковъ.

По прибытіи нашей резервной дивизіи въ Кіевъ и по занятіи карауловъ, вскорѣ Государь пріѣхалъ и сдѣлалъ смотръ нашей дивизіи и остался доволенъ, приказалъ отдѣлить маршевые баталіоны и отправить въ Варшаву на усиленіе дѣйствующихъ войскъ. Въ это время и меня начальникъ штаба корпуса Красовскій назначилъ съ маршевымъ баталіономъ, и тѣмъ я навсегда освободился изъ резерва и зачисленъ въ дѣйствующій полкъ.

А. Р.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма о. Петра Рудыковскаго въ сыну.

I.

Серцемъ любезнѣшому моему сыну Евстафію Рудиковскому.

Посилаеть ся чрезъ Килила дядка, что есть прописано въ свѣдѣтельствѣ ¹⁾, а что не прописано то здесь пишу для веротія, и посилаю на греческую книжицу что ти писалъ 3 палтинѣ, я рублей два посилаю за одного купи книжицу, а другого держи на иную потребу. А на сѣно для лошадей 3 гривнѣ даю, шалка какъ здѣла; то не палочи въ той ходи что тебѣ куплена, при семъ объявляется что ми еще живи и здрави, памилости всенавишаго Бога и создателя нашего, матушка твоя Родителька Сердечно тебе поздравляетъ; сестрицѣ Алезѣда, Евгения, Марѣяна, и братъ Андрей умило поздравляютъ, даби ти училъ ся и Богу малилъ ся; по нихъ память имѣлъ; да будетъ Благословеніе Божіе на тебѣ и буди всѣмъ смиренъ то благодать обрящешь отъ Спасителя и Бога.

Петръ Рудиковскій родитель твой.

Въ Ольшанинѣ 10 чис.

1799.

II.

Къ сему еще и благословеніе Божіе тебѣ послѣю да обучаешься и дастъ разумъ тебѣ Господь и щастіе; я еще здоровъ и матушка твоя здрава, сестри твои здрави, а братъ твой Андрей болящій впек ли вкروطъ; да страждетъ лютѣ; А тебе малить чтобъ пошолъ ти до великомученици варвари чтобъ его исцѣлила балѣзнъ поклоновъ сколько милость твоя братерска изъвалить вдарить за ево здавіе.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ писемъ служили для подателя свидѣтельствомъ на свободный проѣздъ и замѣняли такимъ образомъ паспортъ.

III.

Евстафію Рудиковскому.

Немалую ти мѣнѣ Печаль придалъ съвоимъ писаніемъ, что ти пророковалъ о свои смрти, и о моей, которая уже и была уже мнѣ у Германовской слободцѣ на греблѣ; все затопилъ мешковъ два, третій съ хлѣбомъ, четвертій зовсомъ, дѣжка огурцовъ, дѣжка съ саломъ и спромъ, мяса свиного стегно и плечко, свитка дячкова и сокира и свердель; на рублей два шкоды благодарю Бога моего что мене выратовали и дячка; возъ и мешки салдаты зъбѣглися и выратовали, люде знаеми приняли на квартиру, А я ворогился вдомъ свой, только что живій, води великіи заишли, а ти ожидаи доброй резолюцѣи якъ можетъ. Хозяина и хозяику якъ могтиму такъ буди петртеватъ по святахъ, приедемъ обое якъ води устануть, на потребу твою посилаю тебѣ гривень десять.

пша палъ-корца затопилось въ водѣ не нашли.

Петръ Рудиковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.¹⁾

Въ 1881 г. я защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацию о свадебныхъ обрядахъ. Моими официальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ. Изъ возраженій Потебни составилось въ печати нѣсколько статей, вошедшихъ въ первый томъ его „Объясненій малор. пѣсенъ“ (Возраженія г. Кирпичникова вошли въ его критическую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв.). „Объясненія малор. и сродныхъ пѣсенъ“—капитальный этнографическій трудъ, безусловно лучший въ малорусской этнографіи. Веснянки и въ особенности колядки здѣсь подвергнуты глубокому и разностороннему изученію. Кромѣ того, въ обоихъ томахъ „Объясненій“ разбросано множество цѣнныхъ этимологическихъ замѣтокъ и этнографическихъ этюдовъ. Это подвигъ научный, нравственный, патриотическій, подвигъ глубоко назидательный, какъ высшій образецъ безпристрастнаго, объективно-научнаго служенія родинѣ.

Сочиненіе Потебни о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ заслуживаетъ полной и мотивированной оцѣнки по частямъ. Общая высокая оцѣнка этого капитальнаго труда дана В. И. Ламанскимъ, по предложенію Географ. Общества, которое въ силу этой оцѣнки, дало Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль. Я имѣлъ случай коснуться первыхъ главъ 2 тома „Объясненій“ въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“ (1886 г.), но трудъ Потебни тогда не былъ еще законченъ. Га-

¹⁾ См. Кіевск. Старина 1892 г., № 3.

лицкага газета „Зоря“, по поводу моей статьи о колядках, обѣщала обстоятельный разборъ „Объясненій“ Потебни; но обѣщаніе это, кажется, осталось невыполненнымъ. Какъ трудно справиться съ обширнымъ изслѣдованіемъ Потебни, видно изъ рецензій г. Неймана на 1 т. „Объясненій“, напечатанной въ IV кн. „Кіев. Старини“ 1884 г. Рецензентъ отчетливо передаетъ содержаніе первыхъ 15 стр. труда Потебни, слѣдующія затѣмъ 19 стр. переданы уже неясно, сбивчиво, а отъ изложенія и оцѣнки остальныхъ 230 стран. рецензентъ отказывается и ограничивается нѣсколькими замѣчаніями о принятой Потебней группировкѣ пѣсенъ по размѣру. Г. Нейманъ—серіозный этнографъ, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ трудовъ по малорусской этнографіи, и отъ него можно было ожидать если не всесторонней оцѣнки 1 т. „Объясненій“, то, по крайней мѣрѣ, яснаго обзора его содержанія. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Нейманъ, что этотъ трудъ (Потебни), подобно другимъ (?) его трудамъ неудобочитаемъ, да, просто неудобочитаемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.... Потебня до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ (въ этомъ случаѣ П. подчинялся правописанію Рус. Фил. Вѣст.) и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, что тоже затрудняетъ чтеніе; но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою. Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія Потебни, по мнѣнію г. Неймана, много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. При этомъ г. Н. замѣчаетъ, что „всѣ работы Потебни отличаются большой содержательностью, мѣткостью сопоставленій, оригинальностью выводовъ“. „Я

не знаю другого автора, говорить г. Н., который въ такой степени соединялъ бы въ себѣ и замѣчательную эрудицію, и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ“. Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Неймана есть много справедливаго. Не только разборъ и оцѣнка „Объясненій“, но и самое чтеніе этого труда П. требуетъ отъ читателя большой научной подготовки и умственныхъ усилій. Приходится вчитываться въ детали, чтобы опредѣлить нить мысли автора, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ ничего не выдвигаетъ и не подчеркиваетъ. Такой способъ изложенія можно было бы поставить Потемнѣ въ упрекъ при другомъ матеріалѣ, болѣе цѣльномъ. Въ области же мелкихъ поэтическихъ мотивовъ осторожность Потемни представляется вполне умѣстной. Эта осторожность вытекаетъ изъ образцовой научной добросовѣстности автора, тщательно устраняющаго всякую личную односторонность и тенденціозность не только въ научномъ объясненіи фактовъ, но даже въ распредѣленіи ихъ. Потемня не допускалъ насилія надъ научнымъ фактомъ, хотя бы насиліе это производилось съ благими намѣреніями. Результаты могли не отвѣчать этимъ намѣреніямъ; могла получиться безобразная, фальшивая постройка. Потемня, кстати замѣтитъ, не любилъ драпироваться въ тогу ученаго и говорить *ogvi et urvi* отъ имени какой-то цѣльной и непогрѣшимой науки. Онъ терпѣть не могъ и строго осуждалъ тѣхъ людей, которые вѣщаютъ отъ имени „науки“, точно ея уполномоченные; „наука, молъ, такъ говоритъ“, „по выводамъ современной науки“ и пр. За этими вѣщаніями Потемня усматривалъ личное самохвальство, непониманіе значенія науки, наглое стремленіе къ самозванству и къ ограниченію свободы мысли и критическаго пониманія.

Въ „Объясненіяхъ“ заключается масса пѣсеннаго матеріала всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ неславянскихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ и литовцевъ. Съ фольклоромъ романскихъ народовъ П. не былъ знакомъ и не пользовался имъ, что обусловлено было главнымъ образомъ большими пробѣлами университетской бібліотеки по филологіи и фольклору роман-

скихъ народовъ, пробѣлами, лишь въ послѣднее время отчасти устраненными соединенными усиліями нѣсколькихъ преподавателей историко-филологическаго факультета. А. А. Потебня заботился объ облегченіи читателя въ пользованіи его трудами и потому снабдилъ свои изслѣдованія 80-хъ годовъ, въ частности „Объясненія“, подробными оглавленіями и еще болѣе подробными предметными указателями. Въ самомъ объемистомъ трудѣ „Колядкахъ“ (II т. „Объясненій“) указатель выдается по полнотѣ и детальности, причемъ поэтическіе мотивы и образы отмѣчены однимъ прифтомъ, а объясненія отдѣльныхъ словъ—другимъ. При такомъ указателѣ матеріалъ спеціально лингвистическій отдѣленъ отъ матеріала собственно этнографическаго, слитыхъ въ самомъ изслѣдованіи по ихъ внутреннимъ родственнымъ отношеніямъ. Составленіе этихъ указателей снимаетъ вполнѣ съ Потебни обвиненіе въ невниманіи къ читателю. Трудность изученія „Объясненій“ зависитъ отъ существа предмета, тонкости и глубины анализа, обилія фактовъ и глубины соображеній автора. Всѣ же частныя справки очень имъ облегчены.

Первая статья написана въ *разъясненіе пѣсенныхъ выраженій мысли „что къ чему идетъ“*, начиная съ пѣсеннаго символическаго выраженія „сосновое видеречко, дубовое донечко, ходимъ, повинчаймось мое сердечко“. По мнѣнію Потебни, это выраженіе создано лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озеро съ плавающимъ на немъ ведромъ. Символизмъ состоитъ въ мысли: мы пристали другъ къ другу, какъ дубовое дно къ сосновому ведру. Такимъ образомъ, „сосновое видеречко, дубовое донечко“ есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню ровнѣ. Затѣмъ Потебня удачно выясняетъ разные символы взаимности любви: обвиваніе дерева нитью, шелковинкой, хмѣлемъ, сопилка и денце, скрипка и струны. Невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, причемъ бондарь-любовникъ, „зробить на коновку денце“—полюбитъ дѣвицу. Вслѣдствіе обычности этого образа онъ сталъ запѣвомъ многихъ свадебныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ содержанію, но представляющимъ лишь формальное ихъ опредѣленіе, напр., „у тій чапенци солодокъ медокъ“. Потебня

считаетъ глубоко-древнимъ сходство въ малор. и великор. свадебныхъ пѣсняхъ мотивовъ о золотой чарѣ, золотомъ кубочкѣ. Эта статья обнимаетъ 15 стр. Она очень цѣнна для уразумѣнія символизма народной поэзіи.

Вторая статья посвящена объясненію выраженій „*лелю-но-лелю*“, „*диди-ладо*“. (16—38). Потебня собралъ массу этихъ выраженій въ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ, причѣмъ во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ поддѣлку. Мнѣніе В. Θ. Миллера, Н. Θ. Сумцова и др. о миѳическомъ значеніи *леля* и *лады* подвергается сильному сомнѣнію. Авторъ склоняется къ мнѣнію; что лель и диди-ладо были когда-то обыкновенными словами и затѣмъ утратили свое значеніе и стали припѣвами. Сомнѣнія сильны; но положительные выводы неясны, и авторъ, по шаткости матеріала, не рѣшается на точныя опредѣленія. Достаточно ясно и опредѣленно только то, что говорится о *полелю* (17—18). Заслуживаетъ полнаго вниманія мнѣніе Потебни, что *полелю* могло явиться вслѣдствіе частаго повторенія въ пѣсняхъ лелю, какъ усиленіе его, въ виду случаевъ повторенія глагола съ приставкой предлога *но* для выраженія повторенія дѣйствія (ходить—походить и др.). На значеніе слова *ладо* брошенъ лучъ свѣта преимущественно на стр. 32 въ сближеніи съ нимъ великор. ладони, малор. игры въ ладки и въ указанія на жалобы Стоглава, игум. Памфила (1505 г.) и Густынской лѣтописи на ночныя „плесканія“ на игрищахъ 23 іюня, „руками о руки или о столъ плещуце, ладо-ладо приплетающе“.

Третья статья *объ ирѣ* „*Сьянне проса*“ (39—45). Отмѣтимъ здѣсь прежде всего автобіографическую замѣтку Потебни въ примѣчаніи на 42 стр., что его магистерская диссертація „О нѣкот. символахъ“ 1860 г. написана подъ вліяніемъ соч. Костомарова „Объ истор. знач. рус. нар. поэм.“ 1843, что такимъ образомъ вполне подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное на одной изъ предыдущихъ страницъ, о вліяніи диссертаціи К. на диссертацію Потебни. Итакъ за соч. Н. И. Костомарова „Объ истор. знач. нар. поэзіи“ нужно признать еще одну заслугу: оно опредѣлило въ значительной степени общее символическое направленіе въ этнографическихъ трудахъ Потебни.

Въ статьѣ о сѣяніи проса П. мимоходомъ въ одномъ подстрочномъ замѣчаніи устанавливаетъ слѣдующее методологическое правило: при изученіи народной поэзіи нужно распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій. Насколько это легко и удобно въ практическомъ отношеніи—другой вопросъ. Мнѣ лично исполненіе этого правила представляется весьма труднымъ, сопряженнымъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ поэзію въ связи съ языкомъ, и что это мнѣніе не совсѣмъ личное, видно изъ того, что въ наукѣ до сихъ поръ не видно такихъ трудовъ, въ которыхъ было бы примѣнено методологическое правило Потебни. „Объясненія“ Потебни представляются единственнымъ сочиненіемъ, въ которомъ поэтическіе мотивы распредѣлены по образамъ и отчасти по представленіямъ; но даже и въ этомъ трудѣ опредѣленіе параллельныхъ рядовъ представленій имѣетъ случайный, эпизодическій характеръ и встрѣчается изрѣдка (съ наибольшей ясностью на стр. 43).

Изображеніе въ пѣснѣ о сѣяніи проса земледѣльческой работы съ перваго ея шага (расчистки сѣчи, лѣсной земли), родъ хлѣба—просо, бывшее въ древности главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, припѣвъ „ой диди-ладо“, широкое распространеніе пѣсни (у русскихъ и чеховъ)—все это въ совокупности привело А. А. Потебню къ мысли, что веснянка „сѣянье проса“ представляетъ остатокъ глубокой старины. Потебня отмѣчаетъ при этомъ попытку Сахарова усилить еще архаичность пѣсни передѣлкой нѣкоторыхъ выраженій, и затѣмъ говоритъ объ уподобленіи пѣсни другимъ хороводнымъ, въ коихъ дѣвичья сторона выдаетъ мужской дѣвицу, что внесло въ пѣсню о сѣяніи проса запутанность, причемъ ассимилирующими пѣснями, по предположенію П., были пѣсни о воротахъ. Наиболѣе древней чертой П. считаетъ, что сѣютъ просо дѣвицы, а топчуть парни, причемъ сила пѣсни заключается въ символикѣ: конь—молодецъ, садить, сѣять—любить, и отсюда собирать посѣянное или „жито жаты“, „братъ лень“ значитъ бракъ, „замижъ даты“. Ближайшая затѣмъ статья (45—54) объ игрѣ и пѣснѣ „ворота“ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и тѣсно свя-

зана съ предыдущей статьей, по сходству пѣсенъ въ размѣрѣ и отчасти по мотивамъ. Выводъ тотъ, что въ весенней игрѣ отворянье воротъ связано было съ мыслью о выходѣ замужъ, при символикѣ: ворота—дѣвица, отворять—любить, затворять—забывать.

Обширная статья о малорусской весенней *игра въ Ворота* или въ передѣланномъ названіи „Володаря“ (55—126) относится всецѣло къ миеологіи. Это одна изъ самыхъ трудныхъ статей, по массѣ матеріала, массѣ ссылокъ, массѣ отступлений и экскурсовъ. Нѣкоторыя изъ миеологическихъ обобщеній автора поражаютъ своею неожиданностью и вызываютъ большое сомнѣніе. Всю статью можно озаглавить иначе—„о солнцѣ и преимущественно зарѣ въ веснянкахъ и заговорахъ“, и это заглавіе, не исчерпывая всей сущности статьи, полнѣе указываетъ на ея главное содержаніе, чѣмъ заглавіе „Воротарь“. Игра въ воротаря состоитъ въ томъ, что играющія дѣлятся на два хора, изъ коихъ второй изображаетъ городъ, а поднятыя руки одной пары—ворота, въ которыя пробѣгаетъ первый хоръ. Первый хоръ проситъ воротаря пустить въ городъ, называя себя людьми князя Романа, панскими, царскими, вообще, людьми того, кому принадлежитъ и городъ. Второй хоръ требуетъ дара. Первый предлагаетъ серебро и золото (или пчелъ и медъ), затѣмъ предлагаетъ „мизинное дитя“, которое играетъ на золотой дудочкѣ и даритъ золотые перстни, и тогда слѣдуетъ пропускъ въ ворота.

А. А. Потебня указываетъ на мнѣніе Антоновича и Драгоманова, что въ игрѣ скрывается память о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ и на медовую дань, и далѣе на мнѣніе Костомарова, что въ игрѣ находится символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года. Потебня допускаетъ, что въ пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII в., но считаетъ эту черту несущественной для объясненія самой игры и замѣчаетъ, что въ сходной сербской пѣснѣ говорится о войскѣ Стефана. Болѣе важными П. считаетъ черты, допускающія миеологическое объясненіе игры, намекающія на сватанье и бракъ. „Мизинное дитя“, по обстоятельному дока-

зательству Потебни, дѣвушка, невѣста, а въ болѣе древнемъ значеніи—солнце, причѣмъ и всѣ атрибуты этой мифической личности—яблочко, золотое яичко, золотой перстень—суть образы солнца. Далѣе на 40 страницахъ идутъ разные экскурсы, побочныя детали, которыя мы упомянемъ отдѣльно, а въ настоящемъ случаѣ, въ интересахъ пониманія главнаго содержанія статьи, перейдемъ сразу съ 58 на 93 страницу къ слѣдующему какъ-бы заключительному выводу: „Первоначальная сцена здѣсь (въ игрѣ въ Воротаря) не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, въ которыя восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ заря (а можетъ быть и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зари, по другому съ медомъ. Это послѣднее воззрѣніе восходитъ ко временамъ гимновъ Ведъ—явленіе не болѣе странное, чѣмъ то, что самое слово медъ даже по своему склоненію (тема на *y*) непрерывно и независимо отъ посторонняго вліянія сохраняется отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ“.

Такова основная часть статьи, съ положеніями своеобразными, оригинальными. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя детали и отступленія, болшею частью имѣющія самостоятельное значеніе и мало уясняющія главное содержаніе статьи. Соображенія весьма вѣроятныя чередуются съ соображеніями сомнительными. Не входя въ подробное изложеніе этихъ деталей, мы отмѣтимъ ихъ здѣсь по возможности кратко: на с. 58—62 говорится о *символахъ солнца*—золотомъ яблочкѣ, перстнѣ, яйцѣ; на с. 62—78 объ отраженіи въ пѣсняхъ, заговорахъ и сказкахъ (преимущественно литовскихъ) представленія, что *солнце мать снаряжаетъ свою дочь и выдаетъ ее замужъ*; на страницахъ 69—74 находится цѣнный этюдъ о бытовомъ основаніи пѣсеннаго выраженія „крыть лѣса алымъ бархатомъ“, какой мотивъ встрѣчается въ веснянкахъ, пѣсняхъ свадебныхъ и купальскихъ, въ былевой пѣснѣ о Ксеніи Борис. Годуновой, записанной Р. Джемсомъ въ 1619 г., наряду съ мотивомъ о потерѣ перстня въ морѣ въ пѣсняхъ великор., малор., серб., что

говорить о глубокой древности этих мотивов; на с. 74—78 о *небесных воротах и трех воротах* в связи с свадьбой; на 79—92 в видѣ отступленія разборъ встрѣчающагося в болг. и серб. пѣсняхъ мотива „*Вила строитъ городъ, женитъ сына, выдаетъ дочь*“, который, по объясненію П., принадлежит къ величальнымъ пѣснямъ; на с. 93—99 объ ассоціаціи в славянской народной поэзи представленій *зоря, ключи, роса, медъ*; на с. 99—103 о томъ, что *зоря даетъ долю* (сомнительно); на с. 103—107 этюдъ: „*отпирание небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ*“ (сближеніе маловѣроятное; факты, взятые изъ заговоровъ, очень шатки); на с. 107—11 *обращеніе къ зорѣ въ заговорахъ отъ разныхъ болѣзней* (интересный подборъ фактовъ), и на 111—126 рядъ выписокъ изъ пѣсенъ о близости представленій *росы* (медовой) и *косы* (дѣвства), о противоположеніи „дивоцькой“ и „парубоцькой“ красы и о *соколѣ*, какъ символѣ жениха.

На с. 124—125 находится замѣтка Потебни по вопросу о *литературныхъ заимствованіяхъ* в пѣсняхъ. Нужно замѣтить, что Потебня не долюбивалъ теорію литературнаго заимствованія, и сужденія его по этому поводу не всегда убѣдительно. Такъ, Потебня говоритъ, что мифологи, начиная съ Гримма и Вольфа, всегда признавали вліяніе церковнаго преданія, что, не устраняя теоріи заимствованія, нужно опредѣлить ассимилирующую силу народа при помощи преждепознаннаго, что симпатіи къ той или другой теоріи, „становится ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лозъ, которыя онъ клонитъ“, зависятъ отчасти отъ свойства научныхъ данныхъ, частью отъ „пристрастій и отвращеній, навязываемыхъ впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“. Потебня несомнѣнно склонялся на сторону лозъ, не вѣрилъ въ большую силу внѣшнихъ литературныхъ давленій, признавалъ за народнымъ преданіемъ значительную устойчивость и допускалъ довольно высокую культуру въ праславянской и даже дославянской древности, когда сложилась символика народныхъ представленій. Признаніе церковнаго преданія

миеологами положеніе спорное, къ нѣкоторымъ ученымъ, (напр., къ Шварцу) неприложимое. Потебня находилъ, что „прямолинейность объясненія въ смыслѣ литературнаго заимствованія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ, какъ и противоположная, которая состояла бы въ признаніи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ“ (стр. 125). Мысль несомнѣнно вѣрная; но также вѣрно и то, что чрезвычайно трудно, да и прямо невозможно пройти между этими прямолинейностями такимъ образомъ, чтобы не уклониться въ ту или другую, и А. А. Потебня, при всей осторожности въ пользованіи фактами, при величайшей научной добросовѣстности, иногда слишкомъ склонялся на сторону туземно-языческаго преданія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на миеологическія толкованія колядокъ христіанскаго склада (65, 75—78); веснянки „церковь одмыкана. А хто въ тій церковци? золотее дитятко.—А що жъ воно робить? Золотого ножика держить.—А що жъ воно крае? Срибнее яблочко“ (на 64 стр.); свадебной пѣсни (точнѣе колядки) о томъ, какъ подъ воскресенье открылось небо и „та видно церкви и монастыри и святыи престолы, а конецъ престола Маты Христова“ и пр. А. А. Потебня говоритъ при этомъ, что небо, рай представляются церковью. А не будетъ ли вѣрнѣе другое предположеніе (отъ лозъ къ вѣтру), что въ основѣ этихъ и сходныхъ пѣсенъ лежитъ прямое, непосредственное знакомство съ церковью и словесное воспроизведеніе главныхъ и обычныхъ изображеній, церковнаго потолка или купола въ видѣ неба со звѣздами, престола и пр.

Статья о малорус. весеннемъ хороводѣ „мосты“ (127—152) представляетъ развитіе замѣтки о мостахъ, какъ символѣ любви, въ диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ“ 1860 г. и статьи „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“ 1868 г. Игра и пѣсня „мосты“ взяты у Чубин. III 83. Игра изображаетъ сватовство и бракъ. По припѣву (ладо мое) и содержанію эта игра того же разряда, что и „просо“. Потебня приводитъ много варіантовъ пѣсни и игры „мосты“, малор., польск., словен., хорут. и др. Кромѣ того, приведено много малор. свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ невѣста въ ожиданіи

жениха мостить мосты, кладеть кладки. Отсюда эти образы переходять къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще. Потебня подробно развиваетъ ту мысль, что въ основаніи этого символизма лежитъ мифическое представленіе о солнцѣ, опускающемся въ море. Мифологическое толкованіе игры „мосты“ развито главнымъ образомъ въ ближайшей затѣмъ статьѣ объ игрѣ „вербовая дощечка“ (153—171), причемъ получается сочетаніе „дѣвица-верба“, „дѣвица-солнце“ и „солнце-верба“. Въ статьи „мосты“ и „вербовая дощечка“ вошли мотивы: „невѣста сама идетъ черезъ мостъ“; „женихъ переводитъ невѣсту черезъ мосты калиновые (калиновый мостъ—дѣвство) или черезъ кладку“ (при этомъ приведены гаданія о мостѣ и свадебный обрядъ перехода черезъ воду); „женихъ строить мостъ для невѣсты“; „собираніе рассыпаннаго (жемчуга и пр.) съ милымъ“; „милый и рассыпаетъ“; „соколы (милый) просыпаетъ жемчугъ“; „соколы похищаютъ просыпанный жемчугъ“. По этимъ мотивамъ сгруппировано множество пѣсенъ великор., серб., болг., польскихъ, преимущественно малорусскихъ.

Статьи о весеннихъ играхъ „въ горюдуба“ и о веснянкахъ, въ которыхъ „дѣвица тонетъ“ (172—230), также построены на мифическомъ толкованіи и также заключаютъ въ себѣ массу пѣсенъ на мотивы: „дубрава горитъ и дѣвицы ее тушатъ“; „превращеніе утонувшей“ (тѣло въ рыбы, волосы въ траву и пр.); „о выростаніи дерева изъ утонувшей дѣвицы“; „превращеніе убитой или сгорѣвшей“. Исходными пунктами при объясненіи *горюдуба* служатъ символическія объясненія: огонь—любовь, горѣть—любить, жаръ—жаль (отъ любви и вообще), сырыя дрова—горе, гасить—утѣшать.

Въ концѣ сочиненія рассмотрѣно нѣсколько петровочныхъ и купальскихъ пѣсенъ, подходящихъ по размѣру и содержанію къ веснянкамъ, причемъ наибольшій интересъ представляетъ разборъ двухъ пѣсенъ: „Ой не стый, вербо, надъ водою“ (Чуб. III 205) и „Ой ты, ремезе, ремозеньку“ (Гол. IV 38). Объясненіе пѣсни о ремезѣ сопровождается превосходнымъ историко-литературнымъ и этнографическимъ комментариемъ (251—258).

Не останавливаясь на этомъ экскурсѣ Потевни, подробное изложение котораго заняло бы слишкомъ много мѣста (мы уже пользовались ранѣе этимъ экскурсомъ въ „культурныхъ переживаніяхъ“ § 161), я въ массѣ фактическаго матеріала и сближеній выберу двѣ детали, важныхъ по существу и характерныхъ для автора, для обрисовки его нравственной личности. Для удобства пониманія передаю эти детали вкратцѣ, съ устраниеніемъ мелочей, вариантовъ:

1) *Веснянка и купальская.*

Ой нестиѣ, вербо, надъ водою,
Не пускай гилла по Дунаю:
Ой Дунай море розливае,
И день и начъ прыбуае
Та въ верби корень пидмывае,
Изъ верху вершоѣ усыхае.
Ой ставъ, вербо, ва рыночку
У хрещатому барвиночку,
У запашному василечку...

Щедровка, вѣроятно, изъ веснянки.

Ой ты, ремезе, ремешонку,
Та не вий гнизда на ледоньку,
Бо ся ледонько буде розвивати,
Твое гнздо потопати.
Вий си гнздонько на явороньку,
Явирь ся буде розвивати
Твое гнздонько покрывати.
Ой ты Васыаю, Васыленку
Не ставъ свитлоньки у тешенька...
Ставъ си свитлоньку у батеньки и пр.

Эти пѣсенные образы, различные по происхожденію, сближены между собою, и въ народной словесности, и въ литературныхъ передѣлкахъ или подражаніяхъ у двухъ писателей малорусскаго происхожденія, Сковороды († 1794) и Капниста († 1824), съ весьма различными приуроченіями, у Сковороды въ пользу положенія, что „Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“, у Капниста для выраженія недовольства „низкимъ предѣломъ“ въ жизни.

Стихотвореніе Г. С. Сковороды.

Ой ты птычка желтобока,
Не клади гнизда висока;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Вотъ ястребъ надъ головою
Виситъ, хоцетъ ухватитъ;
Вашею живетъ онъ кровью.
Вотъ-вотъ ногти онъ остритъ

—
Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою.
Буйны вѣтры повѣвають,
Руки явору ломають.

Стихотвореніе В. В. Капниста.

Къ верху жаворонокъ вѣтсѣя,
Надъ горой летитъ соколъ,
Выше облаковъ несется
Къ солнцу дерзостный орелъ.
Но летаетъ надъ землею
Съ мягкой травы на цвѣтокъ
Нѣжной пылью золотомъ
Отягченный мотылекъ.

—
Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ:
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.

А вербочки шумять низко,
Волокутъ мене до сна;
Тутъ течеть поточокъ близко,
Видно воду ажъ до дна.

На что жь мѣ замышляты,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется;
А я буду себѣ тихо
Коратати милый вѣвъ:
Таъ минеть мене все лихо,
Щастливъ буду человекъ.

Случай какъ ни потрясаетъ
Урву, все уснѣха нѣтъ,
Какъ жезломъ въ ней не мѣшааетъ
Жребій мой на дно падеть.

Такъ и быть! Пусть на вершинахъ
Дубы гордые стоятъ;
Вѣтры буйные въ долини
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жь рокъ и тутъ озлится,
Что осталось? — Терпѣть!
Богъ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный умереть.

2) Вторая интересная деталь состоитъ въ объясненіи пѣсенъ „Ой кудро, кудро кудрявая“ (на с. 247) и пѣсни „Ой шли чумаки зъ Украины“ (на 267). Промежуточные матеріалы (отъ 247—266) опускаемъ. Объясненіе этихъ пѣсенъ бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны, на высоко-моральное достоинство малор. народной поэзіи, съ другой—на философское къ ней отношеніе самого комментатора, А. А. Потебни, умѣвшаго открывать въ народной пѣснѣ глубокую мысль и доброе гуманное чувство. Громадная масса сыраго фактическаго матеріала не поглотила всего вниманія Потебни и не обратила его въ сухого схоластика. За сухимъ матеріаломъ, самая сухость котораго обусловлена тщательностью научнаго анализа, вносящаго мелкое дробленіе пѣсенъ, за этимъ сухимъ матеріаломъ мѣстами выступаетъ гуманная личность автора, живое чувство симпатіи къ народу вообще, къ человекъ въ частности.

Ой кудро, кудро кудрявая,
Ой ты, вер'ице зеленаа!
Хто-жь тоби, кудро, кудри мзвивъ,
Хтожь жь тоби, вербо, корни пидмивъ?
— Ой звыли мене темни луги,
Темни луги, крути береги;
Звыла кудрята темна ничка,
Обмыла корни быстра ричка,
Обмыла корни быстра вода...
Ой я молода, якъ ягода,
Непійду замижъ за годъ, за два,
Та пійду замижъ ажъ пятого...
За пьяниченку проклятого.

Ой кажутъ люде, що винъ неше.
Ажъ що вечера зъ корчмы иде.
Та пропывъ коия вороного,
Иде до дому по другого,
А я молода протывъ его
Несу рублика золотого
Выкуплятъ коня вороного.
„Ой якъ выкупышь, люблю тебе,
Якъ невкупышь, убью тебе!“
Ой не разъ, не два выкуплала,—
Мени молодой одна пана:
Зъ хаты виконцемъ утикала,
Въ вышневимъ саду ночувала

Съ соловейкомъ розмовляла:
Соловеечко якъ техъ, такъ техъ!
А я молода якъ охъ, такъ охъ!

А зозуленька куку! куку!
За що жъ я терплю таку муку?

„Какъ веснянка, говорить А. А. Потебня о приведенной прекрасной пѣснѣ, это—предчувствіе; какъ неприуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила кудри дѣвичья воля (лугъ-берегъ=батько-маты); подмыла корни горькая доля. Недоля настигла, какъ ни откладывалось замужество, сколько ни трагилось замужемъ любви, смиренія, предупредительности. *И за что?* Характеристичный для малорусской пѣсни вопросъ безъ отвѣта“. Дальнѣйшее замѣчаніе Потебни по поводу этого вопроса отнесено къ другой пѣснѣ, заключающей въ себѣ такой же вопросъ, „Ой шли чумаки“, съ 5 строки:

Ой навару я хмѣлю зеленого,
Накладу я вогню жарьенького,
Та наварю пива пьянепного,
Та позову сестру багатую,
А вбога-небога сака прійде;
Посажу багату въ кинци стола,
А вбогу-небогу край порога,
Нанюю багату медомъ-выпомъ,
А вбогу-небогу гиримъ пивомъ.
Стала сестра сестру частувать,
Стала сестра сестри вымышляты:
„Сестро жъ моя, сестро убога?
Колы бъ ты, сестро, така якъ я;

То бъ ты сышла де теперь я;
Колы бъ ты, сестро, такъ робыла,
Ты бъ въ такихъ латахъ не ходыла.
Що я раненько уставаю,
По два почынки напрядаю,
Та свои скрѣни наповняю,
Та свои дѣты зодягаю“.
—Сестро жъ моя, сестро багатая!
Що я раній тебе уставаю,
По три почынки напрядаю,
Та чужи скрѣни наповняю,
Та чужи дѣты зодягаю!

„Здѣсь, говорить Потебня, какъ и въ построенной аналогично съ этою пѣснею „Ой кудро“ обнаруживается стремленіе возвыситься отъ созерцанія личной участи къ болѣе широкому весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на міровую сцену, при обзорѣннй которой можно въ ряду причинъ и слѣдствій найти отвѣтъ на вопросъ „почему“, нѣтъ отвѣта на вопросъ „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопросъ „за что“. Родственнаго воззрѣнія надо искать не въ христіанствѣ“. Далѣе у Потебни находится нѣсколько выписокъ изъ Книги Іова и Экклесіаста, между прочимъ, слѣдующее: „И обратился я и видѣлъ подь солнцемъ, что не про-

ворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда и не искуснымъ благорасположеніе; но время и случай для всѣхъ ихъ. Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣть и какъ птицы въ силки, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ“.

Веснянки „просо“, „воротарь“, вербовая дощечка, „мосты“, дѣвица танецъ“ и др. разсмотрѣны по общности размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4); на основаніи этого размѣра съ веснянками сближено много другихъ пѣсень, свадебныхъ, петровочныхъ, купальскихъ, въ предположеніи, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ вышли изъ круга веснянокъ. Все существенное въ группировкахъ матеріала дано, однако, фактическими мотивами пѣсень, въ особенности символикой веснянокъ. Размѣръ представляетъ весьма шаткую почву для классификаціи пѣсень, шаткую въ особенности потому, что стяженіе и растяженіе размѣра встрѣчаются въ пѣсняхъ весьма часто. Одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, и одинъ и тотъ же напѣвъ, какъ замѣтилъ уже г. Нейманъ въ рецензій на I т. „Объясненій“, можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію, въ особенности въ бытовыхъ пѣсняхъ.

И. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскія вирши правописательнаго содержанія.

Мы не знаемъ точно и опредѣленно, какова была этика нашихъ предковъ въ дохристіанскую эпоху, но изъ предыдущаго очерка мы достаточно могли убѣдиться въ ея христіанскихъ особенностяхъ, которыя выступаютъ ярко въ виршахъ правоучительнаго содержанія, созданныхъ южнорусской школой въ XVII и XVIII вѣкахъ. Тѣ же особенности мы встречаемъ и въ правописательныхъ виршахъ, не смотря на то, что онѣ отличаются развязностью тона, повидимому, не совмѣстимой съ серьезнымъ содержаніемъ ихъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ, такъ называемыя, рождественскія и воскресенскія вирши, въ которыхъ лица и событія евангельской исторіи воспроизводятся въ непосредственной связи съ обстановкой народной малорусской жизни,—въ духѣ и тонѣ наивныхъ разсказовъ, проникнутыхъ юмористическимъ настроеніемъ.

Сколько намъ извѣстно, первая по времени рождественская вирша написана была знаменитымъ лексикографомъ и типографомъ Памвою Берындюю. Напечатана она была въ Львовѣ въ 1616 году и посвящена епископу львовскому Іеремію Тисаровскому.

«Прійми»,

говорить составитель ея,

«о Архіерею великій, значный,
Яко в речахъ не похибне дѣльный и бачный,
За кождоу и щодрый дѣнь книжечкѣ тоую,

Котора то презъ дѣтокъ декламована
И для оутѣхи на днѣ тотъ з друукъ' выдана» 1).

Ясно изъ этихъ словъ, что рождественскія вирши, какъ и колядскія пѣсни, произошли изъ обряднаго славленія, которое началомъ своимъ восходитъ къ старинѣ незапамятной. Безъ сомнѣнія, гораздо раньше того времени, когда написалъ виршу свою Памва Берында, христіанскіе мотивы начали проникать въ колядованье, но можно сказать съ увѣренностью, что только въ эпоху южнорусскаго просвѣщенія эти мотивы разработаны были систематическимъ образомъ. Подъ вліяніемъ стародавняго обряда представители школы слагали разныя вирши, которыя произносились *молодыками школьными*, какъ поздравительные стихи въ дни праздниковъ. Чѣмъ ближе стояли эти вирши къ моменту происхожденія своего, чѣмъ выше была богословская ученость составителей ихъ, тѣмъ больше заключалось въ нихъ риторическаго пафоса и тяжеловѣсныхъ, книжныхъ формъ рѣчи. Таковы, между прочимъ, по содержанію и формѣ своей и вирши Памвы Берынды,—таковы-же и рождественскія вирши Кирилла-Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанныя въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“ 2). Многія изъ нихъ такъ и остались на ступени школьнаго велерѣчія, не тронутаго прикосновеніемъ народной мысли. Другія пошли дальше, но остановились на полъ-дорогѣ отъ школы къ народу. Есть, наконецъ, вирши, или переработанныя народомъ, или же написанныя въ народномъ вкусѣ самими бакалярами сельскими, ближе стоявшими къ народу, чѣмъ ученые латинскихъ школъ. Можно полагать даже, что нѣкоторыя вирши составлены младшими обитателями сельскихъ школъ или же получили въ ихъ средѣ окончательную отдѣлку. Таковы, на примѣръ, граціозныя поздравленія, произносимыя дѣтми младшаго возраста и теперъ не позабытыя:

«Я малый нахолокъ,
Родився въ вивторокъ,
А въ середу рано

1) Пмпер. публич. бібліотеки церковнослав. отд. 1, 8, № 12.

2) Перло многоцѣнное, 2-е изд. (въ Могилевѣ), 1699 г.

Мене въ школу дано.
Иду зъ школы — плачу
И свита не бачу,
Очи протыраю,
На карманъ позыраю,
Васъ съ праздникомъ поздоровляю».

Или же:

«Я маленька дивочка,
Якъ у поли квіточка,
Бильшь ничего не знаю,
Тильки азъ да буквы...
Пожалуйте мени грошыкъ у руки»¹⁾.

Чтобы получить *праздниковое*, нужно было, какъ видно изъ этого наивнаго лепета, кое-что смыслить въ школьныхъ наукахъ:

«Дарма, що я малый,
А въ церкви бувавъ
И обо всимъ чувавъ:
Оце и вамъ звищаю
И съ праздникомъ Хрыстовымъ поздоровляю»²⁾.

Колядованье служило такимъ образомъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для подростяющей молодежи.

«Пане господару»,
говорится въ одной колядкѣ,

«Мы твоего двору не мынаемо,
Вставай съ постели, одчынай двери,
Прыйде до тебе Дива Марія,
Дива Марія и Святый Мыколай:
Сяде Мыколай у конецъ стола
Кныгы чытаты, тебе пытаты,
Чы навчашь ты диты малии

¹⁾ Чубинс. III, 435.

²⁾ Безсонова „Калики переходжис“, вып. IV, 47.

Богу молыцца, старшымъ корыцца?
 Дива Марія стане цытаты,
 Чы навчаешъ ты диты малы
 Книгы чытаты, въ церковь ходыты,
 Святе Рождество празныкомъ чытыты,
 Батьба, матинку вирне любыты?»¹⁾

Но молодость имѣетъ свои права, — да и задачи нравственнаго свойства, отмѣченныя въ приведенной нами коладкѣ, вовсе не требуютъ покаянія и слезъ—особенно въ дни праздничные. Поэтому неудивительно, если мы встрѣчаемъ во многихъ виршахъ свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, сопровождаемое шуткой.

«Слава Богу»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«того ми тепера дождались,
 Що за шесть недѣль съ ковбасою опать повидались!
 Я-жь казавъ: шутка, що позавчора свинѣ галасали!
 Ажь то люди не святеамъ все ковбаси дбали,
 Лишь почули, що Рѣздо вже не за горами,
 Не схотѣли болпѣ сидѣти над огѣрками,
 Заразь стали шататись мижъ скоромнымъ крамомъ:
 То зъ гусми, то съ курми, то зъ битимъ товаромъ»²⁾.

Оканчивается вирша обычнымъ поздравленіемъ хозяина и выраженіемъ всякихъ благожеланій ему.

То-же настроеніе мы видимъ и въ коладкахъ виршеваго происхожденія. Оно совпадало съ извѣстнымъ расположеніемъ малорусскаго народа къ юмору. Что касается до слагателей виршей, то, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, они имѣли полную возможность говорить о матеріяхъ неважныхъ церковно-славянскою рѣчью, и наоборотъ, о важныхъ матеріяхъ рѣчью простонародною, и такимъ образомъ въ самой двухсторонности литературнаго стиля

¹⁾ Чубинс. III, 384—385.

²⁾ Кіевс. Старина, 1889 г., Январь, 242.

по отношенію къ предметамъ различнаго свойства они находили всѣ краски для пародіи и шутки. Но, чтобы воспользоваться этими красками, нужно было имѣть тотъ особенный складъ души, который выражается въ стремленіи сблизать противоположное и разъединять сходное. Это и есть психическая основа юмора, которою проникнуты праздничныя вирши и соотвѣтствующія имъ колядскія пѣсни.

Со стороны содержанія своего эти вирши представляютъ нѣсколько основныхъ темъ.

Первая тема—догматическаго характера: это грѣхопаденіе прародителей, какъ причина воплощенія Сына Божія.

Мы имѣемъ двѣ редакціи виршей, написанныхъ на эту тему. Одна—болѣе книжная, другая—народная.

Въ книжной редакціи рассказывается библейская исторія близко къ подлиннику—о томъ, какъ Богъ по сотвореніи прародителей поселилъ ихъ въ раю, какъ „врагъ злосливій и не жичливій“ сталъ Еву намовляти¹⁾, чтобы она вкусила отъ древа познанія добра и зла, а Ева—Адама, какъ смущены они были, познавши себя нагими, какъ проклялъ Богъ змія. Заканчивается вирша картиной изгнанія прародителей изърая:

«Богъ зъ раю сходить,
Ангель приходитъ,
Гнѣвъ Божій объявляє,
Грозно гукаеть,
Мечемъ дмухаеть,
Изъ раю вигоняеть»¹⁾.

Въ народной редакціи эта вирша представляетъ логически законченное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ самомъ началѣ ея: „чого прийшовъ до насъ самъ Богъ?“ Рассказъ начинается ab ovo. Задумалъ Сатана „зривнятися зъ Богомъ“ и былъ низ-

¹⁾ Сборникъ Кибальчича № 49. Есть эта вирша и въ рукописномъ сборникѣ церковно-археологич. музея при кievс. Академіи, № 252. Болѣе обстоятельный вариантъ, соединяющій начало съ концемъ, т. е. грѣхопаденіе прародителей съ рождествомъ Спасителя, и въ то же время пропитанный апокрифическими сказаніями объ изгнаніи Адама и Евы изърая, напечатанъ недавно въ ноябрьской кн. Киевс. Старинъ за 1891 г., стр. 274.

вержень за это съ неба. Тогда „зайшовъ винъ зъ иншого краю“, приглашаетъ въ гости Адама, и самъ является у него въ раю въ качествѣ гостя. Обычай гостепрїимста, какъ видно, не моложе библейскаго рая. Но печальны были плоды этого гостепрїимства: „Адамъ яблука вкусывъ“. Въ этихъ трехъ словахъ рассказана вся сцена искушенія. За то ближайшія послѣдствія этого событія воспроизведены подробно. Дѣло представлено такъ, что Адамъ, искушаемый дьяволомъ, выпилъ лишнее. Проснулся онъ на другой день, а товарищъ съ него „и сорочку знявъ“. Приходитъ Богъ къ нему и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ сорочку.—„Не знаю, десь вчора загубивъ“, отвѣчаетъ Адамъ. „Отъ-такъ ты доглядаешъ гаю“, говоритъ ему Богъ, какъ добрый хозяинъ своему наймиту, „пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю!“ Наказана и Ева не тѣмъ, что въ болѣзняхъ раждать будетъ чада свои, но тѣмъ, что будетъ она „прясты“,—„а щобъ не смила яблукъ красты“, говоритъ Богъ, „такъ я Адамови нагайку давъ“. Самъ искушитель низвергнуть въ пекло, „де огонь горить“. А чтобы одѣть Адама и Еву, Богъ „родывся самъ“.

«Родывсь Христось»,

заканчивается вирша,

«Адамъ гуляе,

Е нова свытка и кожухъ,

И Ева въ плахти нохожае,

И зновъ радіе духъ.

Теперь и въ васъ жупаны нови,

Бо вы Адамови ридня...

Такъ будьте жъ зъ праздыкомъ здорови,

Гуляйте, пийте, хочъ-що-дня!¹⁾

Дѣйствія Адама въ этой виршѣ мотивированы обстановкой народнаго праздника: вся бѣда не въ Евѣ, а въ самомъ Адамѣ, въ его неводержаніи. Затѣмъ—чувство стыда понято не въ

¹⁾ Кіевская Старина, 1882 г., Ноябрь, 398. Вирша эта записана ученикомъ купянскаго духовнаго училища, В. Лавровскимъ; въ сожалѣнію, неизвѣстно, отъ кого и когда.

его психическихъ основаніяхъ, а въ простѣйшей формѣ совершившагося факта: нѣтъ у Адама сорочки. Наклонъ мысли таковой, что она отказывается представить себѣ полноту райскаго блаженства безъ „доброи одежи“. Христось и родился для того, чтобы одѣть Адама и всѣхъ потомковъ его. И всѣ одѣты по праздничному: есть причина для радости и веселья.

Нѣсколько иначе рассказывается о грѣхопадєніи Адама и Евы въ другой подобной виршѣ. Умѣлъ Адамъ прекрасно играть на сопилкѣ,—

«Що було якъ заграє,
Такъ ажъ дерево скакає».

Одинъ разъ заснулъ Адамъ

«пидъ кустами,
А сопилку положивъ безпечно пидъ головою»

Подкрался къ нему змій и

«Вывравъ пыжь изъ сопилы.
Кинеться Адамъ,—ажъ дирочки тилькы:
Свысь, свысь! Ажъ не грає,
Тилько сыпыть, а голосу не має».

А между тѣмъ утромъ онъ долженъ былъ игрой своей „Богу на-добрыдень дати“. Посылаетъ Богъ ангеловъ за Адамомъ. Оказывается, что испортилась Адамова сопилка.

«Постий же ты, козаче»,

говорить Богъ,

«Я зъ тобою подумаю поступить иначе»...

За небрежность въ обращеніи съ сопилкой Адамъ вмѣстѣ съ Евой былъ изгнанъ изъ рая. Съ того времени

«Стала смерть надъ людьми старшыноваты,
Стала вона зъ янцболотомъ въ одну цѣль стрѣляты,
Ставъ людъ вѣянуть, якъ у змьку свекла,
Поробылися кобзалкы до самого некла.
Первый Капнѣ пидскобзнувся, а за нымъ другыи,
Стали вже й добри люде кобзаться, а не тильки злыи».

И вотъ Богъ для спасенія людей посылаетъ въ міръ сына своего¹⁾.

Нельзя не отмѣтить въ этой виршѣ наивнаго представленія о музыкальныхъ способностяхъ Адама, который и созданъ былъ, повидимому, не для одного наблюденія за раемъ, но и для артистическихъ занятій, предназначенныхъ для самаго Бога. Усвоена ли была эта фабула со стороны, или же самостоятельно создана, во всякомъ случаѣ это находится въ полномъ согласіи съ музыкальными склонностями малорусскаго народа, въ средѣ котораго она была обработана.

Не мало есть рождественскихъ виршей, написанныхъ на историческія темы—о поклоненіи родившемуся Спасителю пастырей и царей, о встрѣчѣ царей съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ. Каждая изъ этихъ темъ разрабатывается то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими темами.

Пастухи въ виршахъ изображаются дѣтьми природы и родной обстановки украинскаго быта. Разъ,—говоритъ одинъ изъ этихъ пастуховъ, пасли мы стадо овецъ:

«Кормокъ прыдавси зелененькій,
Булы кошары готовеньки,
Прывилля для всего було».

Подъ вечеръ два пастуха остались при стадѣ, а остальные три

«Пишли у вербняжокъ,
Во недалеко бувъ лужокъ».

Замѣтили и тѣ, и другіе, что небо краснѣетъ, „да ще не такъ, якъ на морозъ“. Въ это время прибѣгаетъ Явтухъ, который оставался при стадѣ, съ извѣстіемъ, что въ кошарѣ появился воръ. Бросились всѣ они къ стаду и видятъ, что

«въ кошари съ края въ край шагае
Таке вельке, ще й лптае,
Не чоловикъ, а бачця, схоже».

Оказалось, что это былъ „янголь божый“, который приказалъ имъ идти къ Виѳлеему „въ станю“:

¹⁾ Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго автору.

«Тамъ е»,
сказалъ имъ Ангель,

«меньшее дятяго,
Отдайте ему се ягняго:
Оце въ сю ничь Хрыгось родывся,
Сынъ Божый зъ Дивы воплотывся».

„Не довго тутъ мы раховалысь“, продолжаетъ раскащикъ,
«Пишлы въ кошару до овецъ,
Ягня, що лучше, те й пиймалось».

Яркій свѣтъ осіялъ ихъ „въ стани“, а затѣмъ, когда пришли они въ себя, то упали на колѣни и принесли убогій даръ свой „пани“—матери божьей:

«Прыймы ты», сказали они, «от-се ягняго,
Щобъ не голодне було твое дятяго».

Замѣтили они, что

«Видя тѣи пани
Стоявъ у жовтому жупани
Старый, сиденьый чоловнѣ,
Якъ будьто проживъ другый викъ».

Это былъ Юсифъ, который

«трохы поворчавшы,
На ухо пани щось шептавшы»,

сказалъ имъ:

«Идять у мыръ и повдайте,
Що се родывся Божый сынъ».

Пошли пастухи съ вѣстью этой по своимъ домамъ:

«Хто вправо, а хто вливо взявъ,
А я», забанчиваетъ раскащикъ, «оце до васъ понавъ,
Щобъ васъ съ Риздомъ поздоровляты»¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ виршахъ поздравленіе пастуховъ принимаетъ размѣры необыкновенные. На сцену является цѣлая толпа

¹⁾ Вирша записана въ харьковской губерніи отъ Н. М. Полторацкаго. Основа, 1862 г., Іюнь, 4;—49.

сельской молодежи, которая суетливо бѣжитъ къ родившемуся Спасителю не съ одними пастушескими дарами, но со всякими яствами и питіями, обычными въ праздничное время.

«Першій Нивята, самъ Бога вита»,

говорится въ одной старинной виршѣ,

«Самко з Юхимомъ, своимъ побратимомъ,
Скоро прибѣгли, заразь зашѣли.
Якимъ из Яцькомъ, а третимъ Мацькомъ,
Несли барана до Христа-пана.
Пилипъ з Макаркомъ ишли тамъ з даромъ,
Два хлѣба взяли, Богу отдали.
Гаврило в вѣчку ослови сѣчку,
А Стахъ волови принесь полови.
Данпо по морозѣ въ драбистумъ возѣ
Привизѣ горѣлки чтири барилки.
А тамъ у дверецъ тютюнъ и перецъ
Хима стояла и продавала.
Андрей и Демко прибѣгъ рихленько,
Перцю тежъ мѣрку всипавъ в горѣлку.
А една Дося спекла пороса,
Нимъ Бога взрѣла, пороса зрѣла.
Граецъ ажъ мило въ дуду Кярило,
А ти, Матѣю, грай у трубѣю»¹⁾.

Вариантъ этой вирши съ припѣвами: „Аллилуя, Господи помилуй!“ существуетъ въ видѣ колядки²⁾, но такъ какъ этихъ припѣвовъ нѣтъ въ старинномъ текстѣ, приведенномъ нами выше, то можно заключить отсюда, что въ первоначальной редакціи эта вирша предназначалась для произношенія, а не для пѣнія. Иногда, впрочемъ, и вирши - колядки съ прибавкой въ самомъ концѣ привѣтствія отъ лица поздравляющаго передѣлывались въ вирши - ораціи. Въ этомъ взаимодѣйствіи вліяній

¹⁾ Рукопись перковно-археолог. музея при кіевс. Академіи, списокъ второй половины прошлаго вѣка. Въ такомъ же родѣ вирши съ врончаскими выходками на счетъ Латвиновъ (Бѣлорусовъ) помѣщены у Безсонова, „Калики переходіе“, IV № 257 См. также у Чубинскаго, Труды экспед., т. III, № 100. вар. Б.

²⁾ Чубинс. III, стр. 381, № 104.

одного типа виршей на другой заключается причина отклоненій ихъ въ ту или другую сторону. Нельзя не замѣтить, однакоже, что гораздо чаще подвергались этимъ отклоненіямъ въ сторону виршей-ораціей вирши-колядки. Рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія первыхъ на послѣднія служитъ перемѣна тона ихъ — серьезнаго на шуточный тонъ, который господствуетъ въ виршахъ-ораціяхъ¹⁾. Вотъ въ этомъ тонѣ и заключается правописательная сила виршей-орацій, которая даетъ имъ значеніе матеріала, обязательнаго для изученія быта и нравовъ старинной Малороссіи. Это своего рода эпосъ, обнаженный отъ всѣхъ условныхъ формъ церковной лирики, которою изобилуютъ вирши-колядки, — эпосъ старинныхъ малорусскихъ нравовъ, перенесенныхъ въ болѣе отдаленную—евангельскую или даже библейскую старину. Съ научной точки зрѣнія правы эти, каковы бы они ни были, представляютъ такой же интересъ, какъ и всякія историческія лица и событія. Понятно поэтому, почему мы указываемъ на вирши-колядки только мимоходомъ, не извлекая изъ нихъ того, что въ усиленной дозѣ имѣется въ виршахъ-ораціяхъ.

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виршахъ, рассказъ идетъ далѣе о царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю міра. По непрерывности событій этотъ рассказъ соединяется болшею частью съ рассказомъ о встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ, объ избіеніи младенцевъ, о судьбѣ самаго Ирода.

Въ одной виршѣ-ораціи говорится, что цари пришли въ Вифлеемъ съ востока.

«Дары поклалы и поздравляли
Попысьменськи, звысока».

Предъ нами уже—не пастухи съ ихъ наивнымъ простодушіемъ, а знатные и мудрые люди. Принимаетъ ихъ Іосифъ, повидимому съ болшею любезностью, чѣмъ пастуховъ:

«Сядайте жъ у насъ»,

¹⁾ Нѣкоторыя вирши-колядки представляютъ ничто иное, какъ слегка видоизмѣненный текстъ церковныхъ пѣсень; таковы, напримѣръ, вирши, помѣщенные у Безсонова, т. IV, подъ №№ 60, 273, 278.

говорить онъ имъ,

«Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ».

Послѣ угощенія цари заснули, а во снѣ ангель повелѣлъ имъ иною дорогою идти домой, чтобы Иродъ не узналъ, гдѣ родился Спаситель. Иродъ ждалъ царей и не дождался. На этомъ обрывается вирша ¹⁾.

Въ другой болѣе обширной редакціи этой вирши продолжается разсказъ объ Иродѣ, который созвалъ „мудрыхъ мудрецовъ, свитскихъ пань-отцовъ“, чтобы они ему „сказали и прослѣбзували, де Хрыстось родыться мавъ“. Тѣ указали на Виелеемъ. Впечатлѣніе этого отвѣта передается въ виршѣ съ патологическими подробностями: долго стоялъ Иродъ *безъ ума,*

«Дереть рукамы, срегоче зубамы.
А речи зовсімъ нема».

Затѣмъ вырвалось у него роковое повелѣніе избивать младенцевъ. За это беззаконіе, за неповинно пролитую дѣтскую кровь, Богъ посылаетъ на Ирода кару:

«По грудяхъ болячки, по спини чырачки...
Ковтуны въ чуби стали...
Пидь очыма позеленило,
Пидь носомъ почорнило,
Якъ у собаки пидь хвостомъ.
Ризачка до пупа докучала,
Дуже въ животи бурчало...
Лцкаривъ призывалы,
Пластырь клалы»...

Ничто не помогло. Сгинулъ Иродъ, „дьявольськый гайдамака“:

«Не вмивъ хлиба исты,
Пронавъ безъ висты,
Якъ у ярмарку собака»...

Такъ ему и слѣдуетъ... „А мы“, такъ заканчивается вирша, „звеселимся, Христу-Рождеству и Божеству поклонимся“ ¹⁾.

¹⁾ Терещенко, „Бытъ русскаго народа“, ч. 7, 68–69. Отсюда перепечатана эта вирша у Безсонова, см. „Калики перехожіе“, IV, 27.

¹⁾ Киевская Старина, 1888, Январь, 278. Записана эта вирша отъ Гузака-Артемовскаго около 1848 года.

Вирши-колядки о царяхъ и объ Иродѣ не отличаются художественностью, за исключеніемъ тѣхъ колядокъ, въ которыхъ цари даютъ имя родившемуся Спасителю, а также немногихъ колядокъ, въ которыхъ изображается горе матерей послѣ избіенія младенцевъ:

«Ой есть Иродъ, есть провлятый,
Сына своего не пускае,
Малыхъ дитокъ выбывае,
Голымъ мечемъ вырубаетъ,
Кровь невыину прольвае...
Плаче ненька и рыдае...
Годи, маты, вже рыдаты,
Малыхъ дитокъ вже немае»¹⁾...

Тема, какъ мы знаемъ, излюбленная въ малорусской народной поэзіи. Безумная жестокость Ирода глубоко напечатлѣлась въ сознаніи малорусскаго народа, который не мало видѣлъ Иродовъ въ родной землѣ своей въ лицѣ враговъ-иноплеменниковъ—такихъ, напримѣръ, какъ Татары и Турки. Отсюда ведутъ свою исторію извѣстныя выраженія: „Иродивъ сынъ“, „Иродового сына дытына“...

Есть еще одна рождественская вирша, едва-ли не лучшая въ художественномъ отношеніи. Она изображаетъ всеобщую радость по поводу рожденія Спасителя. Основной мотивъ этой вирши въ неразработанномъ видѣ мы нашли въ одной старинной рукописи прошлаго вѣка. Повидимому, это вирша-колядка:

«Солнце и мѣсяць весело играютъ,
Гори и холми радость въ себѣ мають,
Поля и дуброви
Хвалить Бога вси готови,
И вси чловѣци днесъ весело скачуть,
А зліе души вси во адѣ плачуть.
А ти, Аароне, старій чловѣче,
Сподобилеси жить въ небѣ вѣчне,

¹⁾ Чубявс.Ш, стр. 359, № 87, вар. Б.

Же Богъ-Месія

Съ твоего жезла возсія.

А ти, Давиде, своя гусли строй, строй,

Грай весело, а Бога ся бой, бой,

Возграй, восклищай, веліимъ гласомъ викричай!»¹⁾

Вирша-орація починається изображеніємъ праздничнаго торжества между людьми:

«Бабы, диды пиво-меды, горилку варену

Кухлыкомъ пьють, съ кнышами труть свынину печену,

Хлопци, дивкы навпередкы бигають пидъ хаткы,

И якъ вовкы, або свынкы, скыргычуть колядки.

Паны, купци, славни кравци, шынкарство, мищане

Объ симъ Риздвѣ уся въ нови убрались жупавы».

Тутъ есть все: разные возрасты и сословія обитателей Малороссіи, пища и одежда ихъ. Живая, бытовая картинка эта замыкается олицетвореніемъ матери-земли:

«Маты-земля уся гуля и, взявшысь у боки,

Писни гука, бѣе гопака въ пидивкы шыроки».

Торжествуютъ и ангелы на небѣ: „въ долони бьють, писни гудуть“. Глядя на это всеобщее ликование,

«Стареньый Бигъ на стилъ излигъ и самъ соби дума:

«Праздныкъ душамъ, тильки Адамъ пзъ Евою рюма».

Тяжело ему видѣть эту неполноту міроваго счастья: „важно здыхнувъ“ онъ и приказалъ архангелу Гавріилу написать въ адъ къ праотцамъ, что Христось родился. Небесный посланникъ на этотъ разъ оказался искуснымъ писаремъ: тотчасъ досталъ онъ „папиръ и черныло“ и написалъ измученному Адаму длинное посланіе съ отрадною вѣстью, что онъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ „изъ пекла спасеться“. Съ характерными приемами медленнаго и флегматическаго украинца читаетъ Адамъ посланіе отъ Бога: предварительно онъ „надивъ сирягъ, на лавку сивъ да и надивъ на нись окуляры“... Ожилъ Адамъ, какъ только окончилъ чтеніе:

¹⁾ Рукопись церк.-археологич. музея при кievс. Академіи. № 252.

«Якъ прочытавъ, Еви сказавъ: «давай варенухы!»

Подерѣпившись изрядно, онъ съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ церемоній

«Зъ гыри знима капелюху,
 На пень же ставъ тай прочытавъ той лытъ всимъ до слуху,
 И увесь тутъ загудивъ людъ, мовъ литомъ ти бджолы,
 Беруть жинокъ, ведутъ въ танокъ, затыкавши полы.
 Ти бычка, ти козачка, ти горлыцю скачуть,
 Сами-жь стари, сыдя въ шатри, одъ радости плачуть.
 Пророкъ Давыдъ тамъ-же сыдыть и въ кобзу играе,
 Писню святу Спасу-Хрысту зъ псалтыри чытае.
 Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и риже въ сонилку,
 Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку.
 Куци чорты, мовъ ти хорты голодніи, свиглять,
 Лапы грызуть, що понавъ рвуть, сверутылысь и пивнятъ.
 Сущига-смерть соби жъ верть-верть и ляпъ-ляпъ кисткамы.
 Смерте, вгаймусь!..
 Нашъ Богъ-Хрыстось чортивъ, якъ ось, подавыть ногою,
 Зъ твоихъ вистокъ, смерте, трисокъ наробыть и гною,
 Всихъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробыть до раю.
 Сымъ я Хрыстомъ, паны, зъ Риздомъ васъ поздоровляю»¹⁾.

Мы не имѣемъ серьезныхъ основаній отказывать нашимъ предкамъ въ набожности религіозной. Борьба за вѣру отцевъ, за „благочестіе“, какъ говорили въ старину, наполняетъ много страницъ въ исторіи малорусскаго народа. И нужно сказать еще, что борьбу эту вела не одна простонародная масса; не отставали отъ общаго дѣла всѣ слои малорусскаго общества, не исключая, конечно, и тѣхъ, изъ которыхъ происходили сочинители праздничныхъ виршей. И однако-же мы не видимъ въ этихъ виршахъ церковной регламентаціи и соотвѣтствующей выдержанности. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ совершенно сво-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1882 г., Декабрь, 624—626. Сообщилъ С. И. Погонаревъ безъ означенія мѣста и времени записи. Варіантъ той-же вирши, но безъ конца списавъ въ 1888 г. въ Кролевецъ, у. со словъ А. А. Пороховской; см. „Кіевская Старина“, 1889 г., Январь 234. Въ нашемъ распоряженіи есть тоже два списка этой вирши, сравнительно недавніе.

бодное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ сюжетами, которые составляютъ святыню христіанскаго вѣрующаго чувства. Можно-ли сказать безъ всякихъ колебаній, что въ нихъ нѣтъ этого чувства? Намъ кажется прежде всего, что въ нихъ есть особенное чувство, именно чувство мѣры, которое управляетъ мыслями писателя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ, какъ говорится въ народѣ, „не передать кути меду“. Въ оцѣнкѣ этого чувства, въ соображеніяхъ о томъ, на сколько и какъ соблюдено оно, конечно, могутъ быть разные точки зрѣнія. Но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ вымышленныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой жизни, во всѣхъ приведенныхъ нами виршахъ сквозь реальную и даже, повидимому, грубую оболочку проглядываетъ тотъ идеализмъ религіозный, который далекъ былъ отъ развѣдающаго скептическаго настроенія и который не боится свободнаго слова, такъ какъ почиваетъ онъ на глубокой увѣренности въ самомъ себѣ, въ собственной природѣ своей. Оттого и святые, выступающіе въ виршахъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ и тонѣ праздничнаго всенароднаго настроенія, производятъ впечатлѣніе людей симпатичныхъ по своему нравственному настроенію, понятому въ смыслѣ идеи, а не въ смыслѣ обряда. Напротивъ того, дьяволъ и послѣдователи его внушаютъ полнѣйшее отвращеніе именно вслѣдствіе отсутствія въ натурѣ ихъ нравственной основы. Мы понимаемъ, что тѣ и другіе поставлены въ кругъ человѣческихъ отношеній, на почву живой, текущей дѣйствительности съ ея заурядными стремленіями и тревоженіями, но мы не видимъ въ то-же время принципіальнаго разногласія въ изображеніи этихъ лицъ съ основной идеей, завѣщанной библейскимъ или евангельскимъ ученіемъ. Мы не можемъ требовать отъ нашихъ виршей того, что составляетъ необходимую принадлежность церковныхъ пѣснопѣній. Мы можемъ судить объ нихъ только лишь со стороны ихъ поэтическаго достоинства, со стороны поэтическаго метода въ изображеніи религіозныхъ понятій. Въ этомъ отношеніи онѣ удовлетворяютъ не только общимъ условіямъ поэтическаго творчества, но и тому основному требованію его, которое заключается въ соблюденіи индивидуальныхъ особенностей, свойствен-

ныхъ творящей силѣ. Если бы намъ предложили, наконецъ, въ немногихъ словахъ назвать эти индивидуальныя особенности, то мы сказали-бы, что въ праздничныхъ малорусскихъ виршахъ, и именно въ виршахъ-ораціяхъ, мы видимъ оригинальное сочетаніе элементовъ неоднородныхъ — юмористическаго замысла и простодушно-наивнаго чувства.

На воскресенскихъ виршахъ мы не будемъ долго останавливаться. Онѣ развиваютъ только одну тему, достаточно развитую въ послѣдней рождественской виршѣ, именно мысль объ „избавленіи отъ вѣчнаго плена нашего“, какъ говорится въ одной виршѣ, т. е., объ изведеніи Спасителемъ праведныхъ душъ изъ ада. Начинается эта вирша разсказомъ о встрѣчѣ Іуды съ Люциперомъ во адѣ. Радъ Люциперъ дорогому гостю и принимаетъ его, какъ союзника своего:

«Теперь же я», говоритъ онъ,—

«позволю зъ собою сыдти,

И яже азъ шю чашу, то й ты будешъ пыты».

Онъ надѣется, что посланные имъ бѣсы приведутъ въ адъ и Спасителя. Между тѣмъ бѣсы извѣщаютъ Люципера, что приближается къ аду воскресшій истинный Богъ въ сопровожденіи ангеловъ, которые поютъ ему пѣснь славы. „Що тамъ за царь славы“? восклицаетъ Люциперъ и хочетъ не пустить Спасителя на небо. Другіе бѣсы совѣтуютъ ему оставить этотъ планъ:

«Хиба жъ ты», говорятъ они,

«не знаешь? Якъ винъ сюда прийде,

То весь собраний нами народъ изъ пекла выйде».

Вотъ наконецъ является въ аду Спаситель. Божественный свѣтъ осіялъ мрачныя пучины ада. Спаситель приказываетъ Адаму, чтобы онъ самъ выходилъ изъ ада, не оставляя ни одной праведной души, кромѣ Каина и Соломона, который можетъ „крипко-дуже мудроваты“. Люциперъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что ему достался мудрѣйшій человѣкъ, но Соломонъ не замедлил поспорить съ Люциперомъ, за что бѣсы изгоняютъ его изъ ада. Такъ-то и Соломонъ изъ пекла „вымудровався“¹⁾.

¹⁾ Основа, 1862 г. № 6, стр. 49—53. Вирша эта записана отъ И. М. Полторацкаго въ харьковской губерніи.

Въ другихъ воскресенскихъ виршахъ рѣчь идетъ о томъ же, только подробнѣе нарисована сцена исхода ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада и самое водвореніе ихъ въ рай. Въ видѣ предисловія къ одной изъ этихъ виршей, исполнѣ народной по языку, разсказывается о томъ, какъ Марія встрѣтилась съ воскресшимъ Спасителемъ, какъ жида подкупили стражу, чтобы она сказала Пилату, будто бы Христа кто-то укралъ изъ гроба:

«А Христось бувъ на роботѣ,
Попалывъ соби чоботы,
Повилъ пекло погасывъ
И Адама воскресывъ».

Уже въ аду начинаютъ догадываться праведники о радостномъ событіи: Моисей

«Прыбигъ швидче къ Аарону
Зробить справку по закону:
Чы прыйшла годна та,
Чы выйшли лита Христа?
Ааронъ очы надивъ
И въ быблію поглядивъ».

Догадался и дьяволь, что Христось воскресъ, и потому
«Злякався, затрусывсь увесь».

Но вотъ приближается Христось къ аду, разыспались стѣны ада, спрашиваетъ Христось дьявола:

«Де старенька баба Ева?»

Помѣшалъ дьяволь кочергою въ пеклѣ, вышла Ева съ обгорѣлыми плечами, а за нею и Адамъ,

«Ажъ Христось злякався самъ».

Ступайте, говоритъ онъ имъ, въ рай! Побѣжали пратцы, какъ малыя дѣти:

«Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ уютивъ,
Попередъ усихъ летивъ».

Затѣмъ одинъ за другимъ выходятъ Ной, Іафетъ, Авраамъ,

«Рудый богатырь Самсонъ,
 Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
 Наробывъ винъ въ пекли трусу,
 Крыкнувъ Навину Исусу,
 Щобъ винъ сонце придержавъ:
 Адъ затрясся, задрожавъ».

Прибѣгають праведники къ дверямъ рая. Здѣсь

«Премудрый Соломонъ
 Задзвонивъ у райскый дзвонъ».

Зовуть всѣхъ на обѣдъ:

«Тутъ послали вси за стилъ,
 Подали и хлибъ, и сіль,
 Кожному по чарци пыва.
 Наробывъ Давыдъ тутъ дыва,
 Прударывъ въ гусли тавъ,
 Що пишовъ свакать усягъ».

Въ танцахъ принимаютъ участіе ветхозавѣтныя женщины: Сарра, Рахиль, Лія, Ревека, Сусанна и Эсфирь.

Грубо поняты въ этой виршѣ наслажденія праведныхъ въ раю, но точкой исхода въ перенесеніи земныхъ наслажденій на небо было, конечно, представленіе о псалмопѣвцѣ Давидѣ, который и въ живописи церковной является съ гуслими. Въ Симоновской псалтири (до 1280 г.) мы видимъ изображеніе Давида съ гуслими въ цѣлой толпѣ музыкантовъ, которые играютъ на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ¹⁾. А гдѣ игра, тамъ и пляска, по наивному убѣжденію народа.

Особенный интересъ представляютъ заключительныя слова этой вирши:

«Не здывуй, святыи Владыко,
 Може, для тебе и дыко,
 Що я виршъ таку сказавъ,
 Да и пысанкы не взявъ.
 Не доладня наша мова,

¹⁾ Изъ бібліотеки Хлудова. (См. Сборникъ изображеній святыхъ съ X по XV в. Архим. Амфилохія, 1885 г., л. 17-й).

Да не збрешемъ мы ни слова,
 Хоть и сердце разверны,
 То не найдешь тамъ брехни.
 Ты, Всевидецъ в Творецъ,
 Висы начало й конецъ ¹⁾.

Очевидно изъ этихъ словъ, что вирши юмористическаго содержанія, и притомъ на чисто народномъ языкѣ, произносились даже предъ высокопоставленными лицами. По преданію, одну изъ такихъ виршей въ день праздника Пасхи говорили черноморцы свѣтлѣйшему князю Потемкину ²⁾. Повидимому, обычай этотъ интересовалъ не только молодежь, но и взрослыхъ людей, занимавшихъ солидное общественное положеніе. Такъ можно думать, между прочимъ, и на основаніи содержанія одного изъ варіантовъ черноморской вирши, въ которой рѣшительно и прямо высказываются desiderata посполитаго люда. Какъ только воскресъ Спаситель, говорится въ заключительныхъ строкахъ вирши,

«Заразъ тая середъ рая свобода засила,
 Тутъ тышына, вся старшына не мае къ имъ дила;
 Тутъ синуга, вѣйтъ-пьянюга, вже не докучае,
 И въ пидводу тутъ изъ роду ниhto не хапае.
 Всн подублы, що ихъ скублы, сільскіи нахалы,
 Подеречи, колотнечи вси уже пропалы.
 Утикъ куражъ, здырства нема жъ, пропалы вси драчи,
 Счезло лыко, живуть тыхо, не дають подачи» ³⁾.

Какъ бы то ни было, только отъ правоописательныхъ виршей не далеко былъ уже переходъ и къ поэтическимъ произведеніямъ чисто общественнаго содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуесть одно изъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшее отъ

¹⁾ Киевская Старина, 1888 г., № 1-й, 279—282. Записана эта вирша въ сороковыхъ годахъ И. М. Звониковымъ отъ мѣщанина кіевского Плекуна. Мы изложили содержаніе ея по списку болѣе полному, относящемуся къ тому-же времени.

²⁾ Сводный списокъ этой вирши по рукописямъ А. А. Скальковскаго и Н. В. Гоголя помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г., Апрель.

³⁾ Ibidem, 1882 г. Сентябрь. Варіантъ этой вирши см. Терещенко, „Бытъ рус. народа“, ч. 6, стр. 112—115;—кіевс. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 7.

XVIII в. въ позднѣйшемъ спискѣ. Мы разумѣемъ стихотворную легенду о пекельномъ Маркѣ¹⁾, который

«Бувъ ледарь завзятый,
 Батька й матирь не поважавъ,
 А все тильки пывъ та гулявъ;
 На улыцю до двчать першымъ поспивався,
 А у церкви послиднимъ зоставався,
 Щобъ мерщій можна було втигаты,
 Якъ нипъ на выходъ почне благословляты;
 Зъ чужымы жиньама женихався,
 Та старыхъ людей цурався,
 За его буйною головою
 Не було нікому спокою».

Одинъ разъ говѣлъ онъ и причастился. Въ этотъ моментъ, когда еще не успѣлъ онъ натворить новыхъ грѣховъ, явился къ нему апостоль Петръ во снѣ и приказалъ ему освободить изъ пекла козаковъ, которыхъ бѣсы старались задержать въ пеклѣ всякими приманками:

«Живнокъ понапускалы,
 Щобъ козакивъ на нови грихы скушалы.
 Уже де-яки почалы женихаться,
 Щобъ у пекли на виць позостаться.
 А иншыхъ стали горилкою частуваты,
 Щобъ тильки спасенія пересталы прохаты.
 «Будешъ мени зъ пекла», говоритъ апостоль, «ко-
 закнвъ вызволяты,
 Та у рай заставы видчыняты».

Исчезло видѣніе, и Марко очутился въ пеклѣ. Началъ онъ, какъ говоритъ народная пословица, „товктысь по пеклу“ и окончилъ миссію свою съ полнымъ успѣхомъ: освободилъ онъ всѣхъ козаковъ.

«Сто литъ пекло пустовало»,

¹⁾ Ibidem, 1885 г., Августъ. Легенда записана въ Тенчійской станицѣ Черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ, Вакулы Губы, въ 1835 г.

такъ заѣанчивается легенда,

«И такъ було бѣ и пропало,
Та козаки почалы гришыты,
Та Госнода гнивыты.
Зъ сего упать чорты понаплодылись,
Та пекло почалы робыты,
Щобъ де було козацькымъ грихамъ жыты»...

Много было грѣховъ этихъ, не мало и добродѣтелей. Для знакомства съ тѣми и другими остановимся на діалогахъ и интермедіяхъ, которыя тоже входятъ въ составъ виршевой литературы, созданной старинной малорусской школой.

II. Житцѣвій.

БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ.

Извѣстно, какое важное мѣсто въ системѣ древняго польскаго, а затѣмъ и южно-русскаго воспитанія занимали пѣніе, инструментальная музыка, драматическія представленія, диспуты и діалоги на разныя темы. Такъ въ статутѣ хелмненской школы (въ Познанщинѣ) читаемъ: 1) „На всякую субботу должны поочередно быть назначены нѣсколько человекъ студентовъ, которые должны произносить небольшіе рассказы или исторіи въ присутствіи другихъ. Рассказы эти могутъ относиться къ жизни какого нибудь святого, къ историческимъ событіямъ, къ описаніямъ природы, или это могутъ быть поздравленія, рѣчи на случай свадьбы или похоронъ, разсужденія для доказанія чего нибудь, или фигтивные рѣчи сеймовыя. 2) По крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ должны быть устраиваемы въ присутствіи шляхты (т. е. отцовъ и сродниковъ учениковъ) упражнительныя пренія по образцу сеймиковъ; для того надо опредѣлить 10 или 12 учениковъ, которые бы диспутировали pro и contra о матеріяхъ политическихъ, такихъ, какія обыкновенно бываютъ предметомъ сеймиковыхъ совѣщаній“¹⁾. Хотя о драматическихъ представленіяхъ въ этомъ статутѣ ничего не сказано, но существованіе ихъ неоспоримо доказываетъ рукописная тетрадь, находящаяся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2455) и заключающая въ себѣ нѣсколько школьныхъ драмъ на польскомъ языкѣ, представленныхъ въ 1760, 1761 и 1762

¹⁾ *Józef Łukaszewicz* *Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie litewskiem*, т. III, стр. 413.

годахъ. Замѣчу кстати, что одна изъ этихъ драмъ имѣетъ своимъ основаніемъ извѣстную исторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Особенно годовичные и полугодовичные экзамены въ древнихъ польскихъ школахъ были устраиваемы съ большимъ торжествомъ и при стеченіи громадной толпы публики. Настоятели этихъ школъ, обыкновенно духовные, іезуиты или пiары, заботились болѣе о томъ, чтобы изъ такихъ оказій дѣлать рекламу для своихъ заведеній и своего ордена, чѣмъ о томъ, чтобы дѣйствительно показать научные успѣхи своихъ воспитанниковъ. „Диспуты по теологіи, философіи и проч. въ школѣ Любранскаго въ Познани—говоритъ Лукашевичъ¹⁾ оповѣщаются были обыкновенно афишами, которыя разсылались монастырямъ, мірскимъ духовнымъ и болѣе образованнымъ познанскимъ жителямъ и приклеивались на дверяхъ костеловъ“. Въ польскихъ мемуарахъ XVIII в. есть множество упоминаній о торжественныхъ экзаменахъ, диспутахъ и проч., составлявшихъ вѣнецъ польскаго воспитанія того времени. Что и въ южнорусскихъ школахъ, устроенныхъ въ XVI и XVII вѣкѣ по образцу польскихъ, существовали такіе же обычаи, объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ, а прежде всего, имѣемъ на лицо довольно значительное число школьныхъ драмъ, сочиненныхъ воспитателями Кіево-Могилянскои академіи въ XVIII вѣкѣ, а также еще болѣе значительное число виршей, кантовъ, поздравительныхъ стихотвореній, сочиненныхъ для такихъ оказій и частью печатанныхъ еще въ XVII и XVIII вѣкахъ. Какъ популярны были эти студенческія торжества и какую долю культурнаго элемента вносили они въ массу южнорусскаго населенія, объ этомъ достаточно будетъ привести одно авторитетное свидѣтельство. „Во время праздника Рождества Христова,—пишетъ митрополитъ Евгенийъ въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевскои епархіи“—отборные студенты (Кіево-Могилянскои академіи) и ученики ходили по домамъ со звѣздами, съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христова, но послѣ сіи представленія предоставлены це-

¹⁾ Тамже, стр. 505.

ховымъ мастерамъ, а вмѣсто того представлены *dialogi*, драмы. Въ ваканціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ—пѣвали по домамъ разные канты... представляли *dialogi*, комедіи, трагедіи и пр.... Пѣвческая и инструментальная музыка на разныхъ, а паче духовныхъ инструментахъ, по общей склонности къ оной малороссійскаго народа, была любимымъ упражненіемъ академистовъ... Въ три майскія рекреціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи обязанъ былъ для такихъ прогулокъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя *dialogi*... Въ философіяхъ и богословіи вмѣсто экзаменовъ были годовые публичныя диспуты... въ промежуткахъ пѣты бывали канты съ инструментальною музыкою. Въ давнія времена всѣ диспуты производились только на латинскомъ языкѣ. Но въ послѣдствіи *для разумнѣя и простому, въ множествѣ стекавшемуся народу*, нѣкоторыя положенія ослариваемы были и на русскомъ (мѣстномъ) языкѣ. Въ промежуткахъ также ученики низшихъ классовъ говаривали разные *dialogi* и читали стихи¹⁾.

Въ этой интересной выпискѣ мы нарочно подчеркнули слово „діалоги“. Какъ видно, они на ряду съ кантами, комедіями, трагедіями и стихами составляли главный продуктъ той школьной литературы. А между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, именно изъ числа этихъ произведеній нашей старой письменности до сихъ поръ ничто не было опубликовано. Кантовъ и виршей имѣется въ печати довольное количество; еще въ XVIII вѣкѣ громадная масса ихъ вошла въ составъ почаевского „Богогласника“, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, соотвѣтственными видамъ его уніатскихъ издателей. Изъ области школьной драмы тоже значительная часть имѣющагося матерьяла приведена въ извѣстность, благодаря, главнымъ обра-

¹⁾ Описаніе Кіево Софійскаго Собора и Кіевской епархіи, часть II, стр. 215, 216, 218, 223, 224.

зомъ, поищу г. Н. Петрова. Но что касается школьных діалоговъ, то о нихъ мы до сихъ поръ не умѣемъ сказать ничего положительнаго, кромѣ самаго факта, что они когда то были въ большомъ ходу. Я не знаю, можно ли причислить къ этого рода произведеніямъ опубликованный въ „Кіевской Старинѣ“ „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей“, но несомнѣннымъ кажется мнѣ то, что интересныхъ разговоровъ Сквороды, опубликованныхъ въ томикѣ его сочиненій (С.-Петербургъ, 1861) сюда причислить нельзя. Это философскіе трактаты, въ которыхъ знаменитый „духовный Богочтецъ“ въ довольно замысловатыхъ аллегоріяхъ излагалъ свои идеи и воззрѣнія для собственнаго удовольствія и назиданія не многихъ друзей—вещи отнюдь не популярныя и недоступныя массѣ обыкновенныхъ слушателей. Значитъ, за вычетомъ этихъ вещей, мы не имѣемъ въ печати почти ни одного изъ многочисленныхъ и популярныхъ когда-то школьных діалоговъ и не имѣемъ даже собранныхъ извѣстій о томъ, есть ли они еще гдѣ нибудь въ рукописяхъ.

А между тѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что приведеніе въ извѣстность этихъ, хотя и скромныхъ плодовъ нашей давней письменности, могло бы представить значительный интересъ для историка южно-русской жизни и литературы: историкъ южно-русскаго просвѣщенія нашелъ бы въ нихъ драгоцѣнныя бытовыя подробности и намеки, коихъ въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ иногда и искать напрасно. Особенно діалоги, составленные на „мѣстномъ русскомъ“, т. е. на малорусскомъ языкѣ, должны представлять большой интересъ въ отношеніи языка и фразеологіи.

Все сказанное должно, кажется, быть достаточнымъ поощреніемъ для любителей южно-русской исторіи и литературы къ разыскиванію и приведенію въ извѣстность сохранившихся еще въ разныхъ мѣстахъ древнихъ школьных діалоговъ, и по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на южно-русскомъ языкѣ, хотя и въ діалогахъ латинскихъ и церковно-славянскихъ могутъ попадаться очень интересныя и цѣнныя частности. вмѣстѣ съ тѣмъ эти строки должны служить введе-

ніемъ къ тексту одного памятника, принадлежащаго несомнѣнно къ числу школьныхъ діалоговъ и найденнаго мною еще въ 1889 году, во время археологическо-библиографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ той-же рукописи, бывшей Подгорецкаго Василианскаго монастыря, а теперь приобрѣтенной львовской Ставропигіей, въ которой находится также фрагментъ „Книжицы Іоанна Вишенскаго“, описанный мною въ „Кіев. Стар.“.

Къ сожалѣнію, первый листокъ рукописи, гдѣ было оглавленіе и начало нашего діалога, утерянъ, и поэтому мы ничего не знаемъ ни о его авторѣ, ни о мѣстѣ и времени его составленія. Судя по рукописи, его нужно отнести къ тому же времени, что и весь сборникъ, т. е. ко второй половинѣ или даже къ концу XVII вѣка. Я далъ этому діалогу заглавіе „Банкетъ духовный“, какъ онъ и названъ сейчасъ въ первой фразѣ разговора.

Діалогъ состоитъ изъ трехъ частей: стихотворнаго пролога, разговора, и стихотворнаго же эпилога. Судя по содержанію, сочиненіе это должно было быть произнесено при какойнибудь торжественной оказіи, можетъ быть, при годичномъ экзаменѣ, передъ многочисленной публикой, состоявшей главнымъ образомъ изъ отцовъ и сродниковъ учениковъ. Вѣроятно, прологъ и эпилогъ произнесены были или кѣмънибудь изъ старшихъ учениковъ, или даже самимъ учителемъ: особенно отечески наставительный а мѣстами патріотически-грустный тонъ эпилога наводитъ на это предположеніе.

Что касается самаго діалога, то онъ очевидно былъ предназначенъ для учениковъ меньшаго возраста, какъ объ этомъ сказано и въ эпилогѣ. Къ концу разговора попадаютъ нѣкоторыя частности апокрифическаго характера, какъ напр.—о непорочномъ зачатіи Іоанна Крестителя и пророка Іереміи, а также о томъ, что сыны патріарха Іакова, Исавъ (здѣсь ошибочно названный Савуломъ) и Іаковъ были близнецы и ссорились еще въ матерней утробѣ.

Текстъ нашего діалога, писанный мелкимъ полууставомъ, безъ ошибокъ и поправокъ, и сохранился хорошо, за исключе-

ніемъ утеряннаго заглавнаго листка, на которомъ было также начало пролога; изъ пролога сохранилось на слѣдующемъ листкѣ только 6 стиховъ. Языкъ діалога, какъ увидитъ читатель, обыкновенный литературный языкъ Южной Руси, выработавшійся въ XVI и XVII вѣкахъ. Правописаніе не послѣдовательное, титлы рѣдко попадаютъ (въ моей транскрипціи онѣ совсѣмъ устранены), твердый знакъ обыкновенно поставленъ надъ строкою въ видѣ ковычки, которую я тоже пропускаю; впрочемъ, воспроизвожу текстъ безъ всякихъ измѣненій.

Миронъ.

БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ.

ПРОЛОГЪ.

.....
 що въ діалогу теразнѣйшомъ маемъ
 пребачте теразъ, васмосцювъ жадаемъ
 кволи дѣтокъ котріє суть въ школѣ.
 Будемъ розмовляти и родичомъ кволѣ,
 бы на насъ были потомъ бачнѣйшіє
 и до своихъ домовъ приємнѣйшіє.

Пытанье. Прошу ты брате на банкетъ духовный, бысми на квестіє (sic!) отповѣдалъ, которіє ся будутъ мною освѣдчати.

Отповѣдь. И овшемъ, брате мой, пытайсе, на вшистка ти доводне зъ волею Божею отповѣмъ.

Пытанье. Много кратъ человекъ каждый на свѣтъ ся родить, добрая бы речъ о томъ знати.

Отповѣдь. Три разы родится. Першій разъ зъ отца и матки по плоти. Другій разъ предъ Крещеніє отъ воды и Духа. Третій разъ родится на змертвыхъ стане енералнаго суду Христа.

¹⁾ Недостаетъ неизвѣстное число строкъ.

Пытанье. Адамъ продоеъ и праотецъ напъ бывши въ раю и по выгнаню зъ рая много становъ въ собѣ малъ.

Отповѣдь. Чтыри станы въ собѣ мѣлъ. Першій гды былъ въ раю безъ грѣха. Другій по выгнаню зъ рая, третій во благовѣстїи новаго тестаменту Исусъ Христова, четвертый въ остатномъ судѣ.

Пытанье. Душа челоувѣчая много становъ въ собѣ маеть.

Отповѣдь. Три маеть станы. Першій въ тѣлѣ, другій безъ тѣла, третій во божественномъ тѣлѣ по змертвыхъ встаню.

Пытанье. Душа если маеть покой завше, пытаюся.

Отповѣдь. Не завше, брате, маеть повои и добрая душа, гдыжъ въ тѣлѣ чолоувѣчомъ бывши не маеть покою, але война уставичнал, веддугъ псалма: отъ юности моя мнози борутся со мною страсти. По смерти зась маеть дочасный покой, а по змертвыхъ встаню вѣчный одержитъ покой.

Пытанье. Южъ о томъ досытъ. Пытаю жъ ты еще, если и крещенный, якъ жесь ся окрестилъ.

Отповѣдь. Окрестилемся во ими Отца и Сына и Святаго Духа.

Пытанье. Если есь ся окрестилъ якъ вѣришь.

Отповѣдь. Вѣрую якъ церковь каѳолическая вѣритъ и якъ визнаваеть символъ апостолскїй: Вѣрую во единаго Бога и проч., при томъ статечне стою и умираю.

Пытанье. А якъ же церковь каѳолическая вѣритъ.

Отповѣдь. Вѣритъ въ Отца и Сына и Святого Духа, въ Троицу единаго, три персоны а божество едино, вѣритъ въ отца безлѣтнаго, Сына отъ Отца предъ вѣки рожденнаго, подъ лѣты зассе зъ матери Дѣвы Марїи дѣвствомъ (sic. вм. дѣйствомъ) Святого Духа. Вѣритъ Духа Святого отъ Отца исходящего, Сыномъ посылаемаго. Вѣритъ ижъ святыя молятея завше о насъ. Прїимуетъ образъ Святыхъ для окрасы своей. Вѣритъ змертвыхъ встаню и царствїю небесному.

Пытанье. Есть ли яка таемница въ церкви.

Отповѣдь. Таемницъ въ себѣ церковь святая замыкаетъ седмъ, которїе называются сакраментами. Першїй сакраментъ крещенїе, другїй помазанїе миромъ святымъ, третїй евхаристїе

то есть причастіе тѣла и Крове Христовой, четвертый покаяніе либо тежъ епитемія, пятый священство, шестый малженство, седмый елеомъ святымъ остатнее помазаніе.

Пытанье. Доводне ми брате на все отповѣдаешъ. И еще ты пытаю, могутся тые сакрамента повторяти.

Отповѣдь. Не всѣ ся повторяють, едно чтыри.

Пытанье. А которіежь ся повторяють и не повторяють.

Отповѣдь. Якомъ рекль первше, чтыри сакрамента могут ся повторяти, то есть малженство, покаяніе, причастіе тѣла и крове христовы и елеомъ помазаніе. А трохъ не повторяють: крещенія, миропомазанія и священства. Кто бы ихъ мѣль любъ важился повторяти, грѣшитъ смертелне.

Пытанье. Много крещеній признаваемъ.

Отповѣдь. Три крещеній знаю. Первое пустынно слезное, второе мученическое, третее отъ воды и духа.

Пытанье. Въ старомъ законѣ кто фѣгуроваль крещеніе.

Отповѣдь. Авраамъ отъ обрѣзанія и Мойсей отъ моря чермнаго.

Пытанье. Въ новой благодати кто впредь крещеніе освѣдчилъ и покаяніе.

Отповѣдь. Иоаннъ Креститель на Иордани, котрый крестиль водою але недосконале: бо самъ ознаймилъ, я васъ крещая водою, грядый по мнѣ той васъ крестити будетъ огнемъ и духомъ; а то даваль о приходѣ Сына Божія знати, отъ котораго вси рѣчи досконалыми стали.

Пытанье. Въ старомъ законѣ читаемо, гды Мойсей на горѣ сынаиской зъ Богомъ розмовляль предъ чтыри десять днй, що тамъ за розмова была и що за приказанія stondъ отнесль.

Отповѣдь. Трудная то речъ на мене таемници Божіе знати, еднакъ вкоротце ведлугъ науки моей плохой отповѣдаю. Розмовляль Богъ предъ ангела до Мойсея даючи знати бытность Адамову въ раю и о выгнаню его зъ рая, и о потопѣ и о Авраамѣ и якъ мѣль людъ Божій ридити и научати. Маемо тоей размовы пять книгъ Мойсеовыхъ. Даваль тоежь знати и о приходѣ Сына Божія единороднаго на земли.

Пытанье. Вижу ты брате мой, же письмо добре памятаешъ, ещѣжь ми повѣжь, много приказаній Мойсей зъ горы сынайскай знесль и на чомъ писанныи.

Отповѣдь. Десять приказаній на камени предорогомъ перстомъ Божіимъ писанный Мойсей зъ гори знесль. Первое приказаня, Я естемъ и Господь Богъ твой изведый ты отъ земли египетскія, абысь не мѣль боговъ опрочь мене. Вторая заповѣдь, абысь болвановъ поганскихъ не мѣль и не кланялся имъ. Третья абысь не бралъ на даремне имене Господа Бога твоего. Четвертая, памятай день святочный святити его. Пятая, чти отца твоего и матеръ, да благо ти будетъ и будеши долголѣтенъ на земли. Шестая не убиеши. Седмая не прелюбы сотвориши. Осмая не украдеши. Девятая абысь на ближняго своего не свѣдчилъ фальшиве. Десятая абысь не прагнуль жены ближнего своего, анѣ маетности его, и всѣхъ речій що колвекъ маеть ближній твой.

Пытанье. А оныѣжь таблицѣ, на которыхъ приказане божое написано было, стовклися и въ порохъ обернулися, ажъ повторе розказаль Богъ Мойсеови на гору сынайскую пойти. Но приказане, що то значило.

Отповѣдь. Значило въ моемъ плохомъ разумѣ то, же якъ першии ся таблицѣ скрушили, такъ зась неблагодарный ласки Божей людъ жидовскій мѣлся о землю на вѣки ударити и такъ оное ударе не вѣвечся обернуло, такъ власне и народъ жидовскій предъ невѣрство вѣвечся оборочаетъ. Другіе зась таблицы, которіе въ цалѣ зостали, значило (sic!) новый людъ христіанскій, которій въ цалѣ и въ ласцѣ Божой оплывають (sic!) вѣчне.

Пытанье. У которомъ законѣ два завѣта тую моцъ мають, на которихъ увесь законъ и пророци зависли, если бысь памяталъ, прошу ознаймити.

Отповѣдь. Памятаю: любити Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, то першій завѣтъ. Другій, любити ближняго своего якъ себе самого.

Пытанье. Спя цнотъ богословскихъ признаваешъ.

Отповѣдь. Три цнотѣ: вѣра, надѣа и любовь.

Пытанье. Сила зась грѣховъ смертелнихъ вѣдаешъ.

Отповѣдь. Седмъ грѣховъ смертелнихъ знаю, пыха, лакомство, нечистота, заздросць, гнѣвъ, обжирство, лѣнивство.

Пытанье. Много учинковъ милосердныхъ признаваешъ.

Отповѣдь. Седмъ, голодного накормити, прагнущего напоити, нагаго одѣти, въ темници сущаго свободити, хораго навѣдити, страннаго въ домъ свой пріяти, мертваго до гробу отпровадити.

Пытанье. Презъ що человекъ збавленный можетъ быти.

Отповѣдь. Презъ молитвы и постъ и милостиню.

Пытанье. Презъ якіе речи Адамъ въ раю согрѣшилъ.

Отповѣдь. Для пяти речей: презъ виденіе очима, презъ слухъ ушима, презъ осязаніе рукама, презъ запахъ ноздрій.

Пытанье. На якіе речи человекъ повиненъ завше памятати.

Отповѣдь. На чтыри, то есть на смерть, на судъ, на пекло и царство небесное.

Пытанье. Еще ся до квестій посполитыхъ людій удаймо. Пытаю ты брате, далекъ (?) земля найвышше стоитъ.

Отповѣдь. Въ единствѣ христовомъ зо чтырехъ элементовъ, поневажъ въ тѣлѣ увелбенномъ надъ всѣ небеса сѣдитъ по правици отца своего.

Пытанье. Многихъ святыхъ находимъ, которіе еще въ утробѣ матчиной освятились, якъ бись ми о томъ выводилъ.

Отповѣдь. Напродъ опрочъ самага Христа сына Божія, которій не отъ крве але отъ самага духа святаго плодъ пріемъ, пресвятая Богородица, Іоаннъ Креститель и пророкъ Іеремѣа.

Пытанье. Которіи дѣти сварилися первѣй, нижъ ся народили.

Отповѣдь. Сыны Ісааковы близнята Савулъ и Іаковъ нѣмъ ся народили, въ животѣ матчиномъ войну точили, бо одинъ другаго за ногу тянулъ.

Пытанье. Кто Божіе приказане выполнилъ а естъ затрачонъ.

Отповѣдь. Іуда, бо гды ему Ісусъ Христосъ предъ страстію своею рекль: товарищу, отправуй тое, по щось пришлоъ.

Пытанье. Кто по смерти илъ и пилъ и южъ болше не умираль.

Отповѣдь. Ісусъ Христосъ.

Пытанье. Кто первій ся народилъ нѣжели отецъ и matka.

Отповѣдь. Дѣти Адамовы, понеже Адамъ не есть рожденъ але сотворенъ.

Пытанье. Еще ти брате едну квестію задамъ, а въ томъ и скончимо. Много водъ есть найчистшихъ.

Отповѣдь. Пять. Первая при Крещеніи, другая Иорданская, третья слезы, которіи за грѣхи вытѣкають, четвертая слезы дѣтей малыхъ, же гды ихъ родичове за выступки каруть и въ школѣ, пятая котрая на млинъ идетъ.

Досытъ южъ, брате мой милый, розмовляти, досытъ, бысмо часу не обавили, бо якъ вижу на все ми доводне отповѣлес. Научимся многихъ рѣчій, за що благодарю Бога моего, и тобѣ за таковой банкетъ и розмову вельце дякую.

ЕПЪЛЪОГЪ.

Южъ дошелъ конецъ, на томъ теразъ стало,
 Пребачте, бо ся розне мотало.
 Здало бы ся было вамъ уконтентовати,
 Цные слухаче, болше банкетовати.
 Еднакъ кто слухалъ и писма не знаючи,
 Сила зрозумѣлъ, въ памяти маючи.
 Вшисткихъ заровно просимъ, пребачте,
 Якъ то отъ дѣтей, ласкаве пріяти рачте.
 А свое дѣти до школы давайте,
 Бы ся учили въ школѣ пановати,
 Родичовъ своихъ, якъ тежъ и Бога знати.
 Не доуцайте дѣтемъ своей волѣ,
 Не поблажайте, хочъ выбють въ школѣ.
 Слезы то чистые очи вытискають,
 Гды капость у школѣ дѣти пріймають.
 Але, якъ бачу, всѣ ходять по воли,
 Ажъ хйба сотый дастъ хлопця до школы.
 Для того вѣра въ Россіи угасаеть,
 Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
 Предъ що подданство сроеое настало,
 Чемъ панство нашей Россіи упало,

Поневажъ вѣкъ свой въ пестотѣ стравили,
А въ наукахъ бы на мнѣ ся не бавили.
Жаль то незносный мѣвши та не мѣти,
Прето давайте до школь свои дѣти.
Досыть бы на томъ молитвы умѣти,
И вѣру свою строха зрозумѣти.
При семъ и тое вамъ до слуховъ приносимъ,
За якую колвекъ працу оремусу ¹⁾ просимъ.

¹⁾ Лат. Oremus — помолимся.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.

Авторъ записокъ, отрывки которыхъ мы печатаемъ на страницахъ „Кіевской Старины“,--Автономъ Акимовичъ Солтановскій родился въ 1826 году и былъ уроженцемъ Подольской губерніи. По окончаніи въ 1849 году философскаго факультета университета св. Владиміра, онъ до 1864 г. былъ преподавателемъ въ ровенской гимназіи, занимая сначала должность учителя „наукъ историческихъ“, а затѣмъ русской словесности. Въ 1864 году Солтановскій былъ назначенъ инспекторомъ каменецъ-подольской гимназіи и исправлялъ должность директора народныхъ училищъ Подольской губерніи; но оставаясь въ этой должности всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Приглашенный въ томъ же 1864 году на службу въ Царство Польское, онъ получилъ назначеніе начальникомъ сувалкской учебной дирекціи, а въ 1871 переведенъ въ Плоцкую, гдѣ и служилъ до своего выхода въ отставку 1 августа 1875 года. Затѣмъ онъ поселился въ гор. Брацлавѣ, Подольской губ., гдѣ и умеръ 16 іюля 1886 года, 60 лѣтъ отъ роду.

Печатаемыя нами записки любезно доставлены въ редакцію супругой покойнаго, Флорой Ивановной Солтановской. Подлинникъ ихъ, который хранится теперь въ редакціи „Кіевской Старины“, писанъ рукою самого А. А. Солтановскаго. Вся ру-

копись заключается въ 11 довольно толстыхъ тетрадяхъ, хотя, кажется, конца въ ней недостаетъ, потому что послѣдняя тетрадь обрывается неожиданно, на полусловѣ.

Записки обнимаютъ собственно время съ 1846 года (годъ поступленія Солтановскаго въ университетъ) по 1867-й, хотя авторъ говоритъ и о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи, равно какъ и о времени болѣе позднемъ 70-хъ и даже 80-хъ годовъ,—но говоритъ объ этомъ при случаѣ, мимоходомъ. До переѣзда Солтановскаго въ Польшу, приблизительно до 1864 года, записки носятъ характеръ воспоминаній, а затѣмъ переходятъ въ дневникъ, отчасти, конечно, теряя отъ этого въ интересѣ, главнымъ образомъ, со стороны литературной и какъ характеристикъ, хотя фактами онѣ остаются, по прежнему, богаты.

А. А. Солтановскій, какъ видно изъ его записокъ, былъ человѣкъ наблюдательный, съ передовыми взглядами по многимъ вопросамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ умѣвшій серьезно и критически относиться къ окружавшей его дѣйствительности.

Записки А. А. Солтановскаго, думается намъ, представляютъ цѣнный матеріалъ для характеристики русскаго общества и русской администраціи въ юго-западномъ краѣ передъ возстаніемъ 1863 года. Особенно ярко у автора нарисовано состояніе средней школы, нравственнаго уровня ея учителей (характеристика ровенской гимназіи) и административныхъ порядковъ кіевскаго учебнаго округа—вѣдомства, наиболѣе близкаго автору, и съ которымъ онъ, слѣдовательно, лучше всего былъ знакомъ. Много цѣннаго содержатъ записки и для характеристики дѣйствій учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ. Приходится искренно пожалѣть, что мы, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, можемъ помѣстить только отрывки изъ этихъ замѣчательно-интересныхъ записокъ, правдивость которыхъ (за исключеніемъ мелочей, что объясняется простой забывчивостью) мы имѣли возможность провѣрить справками у нѣкоторыхъ современниковъ описываемыхъ авторомъ событій. Такъ, все касающееся давней кіевской жизни провѣ-

рено нами указаніями одного почтеннаго старожила кievскаго, пребывающаго безвыѣдно въ нашемъ городѣ съ 1835 года и стоящаго довольно близко къ той средѣ, которой касаются передаваемые факты. Ему, между прочимъ, мы обязаны поправками и дополненіями, помѣщенными нами въ примѣчаніяхъ.—Ред.

Кіевъ въ 1846 году, если не считать церковей и монастырей, былъ городъ болѣе деревянный, чѣмъ каменный. На Крещатикиѣ я помню только двухъ-этажный домъ почтамта и какой-то большой въ три этажа домъ, еще неоконченный; сверхъ того, нѣсколько каменныхъ лавокъ, да еще два-три дома между Институтскою улицей и другою, поднимавшеюся къ крѣпости мимо царскаго сада ¹⁾. Всѣ прочіе дома были одноэтажные, деревянные, крытые гонтой, какъ на примѣръ, домики профессоровъ университета Нейкирха и Деллена. На старомъ Кіевѣ, помнится, было два или три одноэтажныхъ дома изъ камня, да двухъ-этажный домъ Анненковыхъ съ лавочкою, въ которой продавались иконы, и еще одинъ домъ между Андреевскою церковью и Михайловскимъ Монастыремъ, кажется, Должиева, и другой въ саду, противъ Михайловскаго Монастыря, въ которомъ жилъ предсѣдатель Казенной Палаты Жандрѣ. Были и двѣ ветхія деревянныя церкви; одна изъ нихъ—„Скорбящей Матери Божьей“, которую каждую Субботу посѣщала вся кievская знать женскаго пола, и гдѣ часто бывалъ всемогущій генераль-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ.

Старый Кіевъ еще былъ обнесенъ тройнымъ валомъ, начинавшимся отъ Десятинной церкви, возобновленной купцами²⁾ Анненковыми, и тянувшимся до Козьяго болота, съ перерывомъ

¹⁾ Нынешняя Александровская улица.—Ред.

²⁾ Десятин. церковь реставрирована была Анненковыми, который былъ не купецъ, а помѣщикъ курской губерніи. Какъ гласила молва, самое возобновленіе храма задумано было Анненковымъ въ виду необходимости загладить этимъ какое-то темное дѣло, считавшееся за нимъ.—Ред.

въ золотыхъ воротахъ. Были на старомъ Кіевѣ запустѣлыя неогороженные сады и разваливающіяся лачужки, вросшія въ землю. Одна изъ нихъ находилась противъ Софійскаго собора, подлѣ развалинъ церкви Св. Ирины. На старомъ Кіевѣ не было вовсе лавокъ. Между Золотыми воротами и университетомъ былъ пустырь, на которомъ стояли ветхіе деревянные провіантскіе магазины. Все пространство между университетомъ, валами и нынѣшней житомирской заставой, представляло пустырь, изрытый оврагами и холмами, и на немъ далеко, на возвышенномъ мѣстѣ виднѣлось зданіе обсерваторіи. За Ботаническимъ садомъ строилось большое зданіе какой-то тюрьмы¹⁾; а оттуда къ Лыбеди и митрополичьей роцѣ стали строиться маленькіе деревянные домики, крытые гонтой и дранью; такими же домиками застроено было все пространство налѣво до Васильковской улицы и заставы—Новое строеніе. Такъ что вся эта мѣстность представляла совершенную деревню. Только подлѣ самаго университета находился недурной домикъ профессора философіи Ореста Марковича Новицкаго и каменное одно-этажное зданіе анатомическаго театра Оранжерея въ Ботаническомъ саду была уже устроена; но садъ только что планировался и засаживался подъ руководствомъ ученаго огородника и профессора Траутфеттера, впослѣдствіи ректора Кіевскаго университета и наконецъ директора Горыгорецкаго земледѣльческаго института. На Васильковской улицѣ тоже стояли старыя деревянные дома, но было и нѣсколько каменныхъ одно-этажныхъ, напр. аптека. Было тамъ и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Передъ университетомъ былъ пустырь, заканчивавшійся деревяннымъ домишкой профессора Виленскаго университета Здановича, глубокаго старика, который ежедневно исповѣдывался и пріобщался въ костелѣ и пользовался большимъ вліяніемъ на польскую университетскую молодежь. Онъ говорилъ только по польски.) На правой сторонѣ пустыря стояли два новыхъ одно-этаж-

¹⁾ Такъ называемыя нынѣ „гражданскія арестантскія роты“ по Бибиковскому бульвару, за памятникомъ гр. Іобринскому.—Ред.

ныхъ каменныхъ дома бывшаго Ровенскаго, а затѣмъ Житомирскаго директора гимназіи А—ва, котораго Бибиковъ наконецъ удалилъ за страшное взяточничество и крайне безнравственную жизнь.

По лѣвую сторону пустыря тянулся къ Крещатику бульваръ, засаженный молодыми чахлыми каштанами ¹⁾, а за нимъ подъ старо-кѣвскими валами вытягивалась улица къ Крещатику-же со вновь строящимися полутора-этажными каменными домами ²⁾. Прямо съ бульвара можно было, поднявшись по тропинкамъ на гору, пройти къ крѣпости черезъ такъ называемые „кресты“. Кресты располагались въ оврагахъ и состояли изъ развалившихся лачужекъ и землянокъ, гдѣ жилъ самый забубенный людъ: низшаго сорта уличныя проститутки, пьяницы, воры, спившіеся отставные чиновники, строчившіе ябеды, и самыя бѣдныя рабочіе и ремесленники. Черезъ „кресты“ проходить днемъ было небезопасно, а ночью положительно невозможно. Около крѣпости на горѣ была какаля-то бѣдная часть города съ каменною церковью св. Ильи ³⁾, толкучимъ рынкомъ, гдѣ ежедневно продавались жителями „крестовъ“ и солдатами ворованныя вещи, и гдѣ осенью и весной люди, безъ преувеличенія, тонули въ грязи. Аристократическою частью считались Липки, гдѣ жили высшіе чиновники въ собственныхъ одно-этажныхъ домахъ съ садиками и нѣсколько помѣщиковъ. Тутъ же былъ 2-хъ этажный домъ вице-губернатора, богача Фундуклея ⁴⁾, впоследствии члена Государственнаго Совѣта, и основанное имъ какое-то женское училище; тутъ же въ особой улицѣ по направленію къ Васильковской части находилось каменное зданіе первой гимназіи, пансіонъ француза Гедуана и огромный домъ съ круглымъ фронтономъ и колоннами генерала Сулимы. Противъ

¹⁾ Тополями.—Ред.

²⁾ Нынѣ Фундулевская ул., прежде называвшаяся Кадетской.—Ред.

³⁾ Очевидная ошибка: вѣрнѣе всего цѣковь св. Ольги на Печерскѣ.—Ред.

⁴⁾ Фундуклей жилъ не въ собственномъ домѣ, а въ нанятомъ домѣ генерала Рудзевича въ Липкахъ.—Ред.

царскаго сада ¹⁾ шли каменные двухъ-этажные дома; въ одномъ изъ нихъ прежде помѣщался университетъ, когда студентовъ было едва нѣсколько десятковъ. Отъ Никольскаго монастыря и зданія арестантскихъ ротъ до Плацъ-параднаго поля передъ крѣпостью тянулись каменные Никольскіе ряды съ книжнымъ магазиномъ одного изъ Литовыхъ и книжною лавкою другого Литова; продавались тѣ также матеріи, ситець, сукно и прочее. Плац-парадное поле имѣло съ одной стороны крѣпость, а съ другой улицею отдѣлялось отъ двухъ-этажныхъ домовъ, изъ которыхъ въ первомъ, крайнемъ, помѣщалась гостинница, та самая, гдѣ былъ арестованъ во время царскаго смотра, по личному повелѣнію Николая Павловича, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края, владѣлецъ мѣстечка Тульчина, графъ Мечиславъ П—кій. Внизъ къ Днѣпру отъ царскаго сада и Никольскаго монастыря лѣпились по обрывамъ и оврагамъ лачужки; тамъ же среди кладбища стояла на Аскольдовой могилѣ круглая, небольшая каменная церковь. Посѣщали это уединенное мѣсто и разгульные студенты. Часто между ними и монахами Никольскаго монастыря и Лавры происходили серьезные столкновенія.

Болѣе всего каменныхъ домовъ было на Подолѣ; тамъ сосредоточивалась вся кіевская торговля; тамъ приходила въ концѣ января мѣсяца знаменитая ярмарка, извѣстная подъ названіемъ кіевскихъ контрактовъ. На контракты свозились товары изъ всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи; пріѣзжали иностранные купцы; жида—торговцы и факторы кишѣли тысячами на Подолѣ. Въ контрактowychъ залахъ расположены были всевозможные товары. Въ другихъ залахъ день и ночь шла азартная карточная игра; проигрывались тысячи, десятки и сотни тысячъ, исчезали цѣлыя имѣнія. Игру часто велъ знаменитый шулеръ С—ичъ. Всѣ помѣщики, всѣ магнаты юго-западнаго и сѣверо-зап. края и даже царства польскаго являлись

¹⁾ Не противъ сада, а нѣсколько дальше—противъ теперешняго дворцоваго парка.—Ред.

сюда поиграть, покутить, а также покупать, продавать или арендовать имѣнія и послушать знаменитыхъ артистовъ: піаниста Листа, віолончелиста Серве, поляка Коссовскаго и многихъ другихъ, поочередно посѣщавшихъ Кіевъ во время контрактовъ. Конечно, не обходилось на этихъ сѣздахъ безъ политическихъ совѣщаній: гдѣ только собиралось нѣсколько польскихъ пановъ—тамъ непременно затѣвались бесѣды о мѣрахъ къ восстановленію Польши и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ—отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго до Чернаго моря и Карпатовъ. О С—ичѣ рассказывали чудеса. Гдѣ-то въ Италіи онъ сорвалъ игорный домъ и съ милліонами прибылъ въ Вѣну, но тамъ все спустилъ, и самого его спустили изъ окна второго этажа на улицу. Тогда ему пѣшечкомъ, прося подаянія, пришлось пробираться къ семьѣ въ свою маленькую деревеньку въ Волинской губ. Контракты всегда выводили его изъ затрудненія. Онъ заключалъ въ Дубно условіе съ богатымъ балагулой (еврейскимъ извощикомъ). Тотъ долженъ былъ его на свой счетъ въ каретѣ доставить на контракты въ Кіевъ и всю дорогу и первые дни въ Кіевѣ содержать его по-магнатски и дать денегъ на разживу. Затѣмъ, когда фонды С—ича поднимались въ гору, онъ расплачивался съ балагулой. На Подолѣ особенно выдавались зданіе контрактowychъ залъ и складъ стекла и хрустали Мальцева, расположенный на набережной Днѣпра. Самая богатая лавка всевозможныхъ товаровъ принадлежала купцу Барскому, изъ кіевскихъ православныхъ мѣщанъ.

Не помню, въ 45 или въ 46 году былъ на контрактахъ и магнатъ, владѣлецъ Тульчина, крайне эксцентричный человѣкъ, графъ Мечиславъ П—кій. Одни о немъ говорили, что онъ вдовъ; другіе, что въ разводѣ съ первою женою, русскою изъ родовитыхъ вельможъ, которая не вынесла его характера и съ какимъ-то генераломъ, квартировавшимъ въ Тульчинѣ, бѣжала въ Одессу. Графъ ее преслѣдовалъ. Никто не зналъ, что тамъ произошло; извѣстно только, что П—кій высланъ былъ на жительство въ одну изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній, а спустя нѣкоторое время былъ возвращенъ въ свои имѣнія. Въ одинъ изъ означенныхъ выше годовъ, во время контрактовъ,

П—кій встрѣчалъ въ театрѣ и въ концертахъ семейство покойнаго полковника войскъ польскихъ П—о-Ш—каго, состоявшее изъ матери и двухъ красавицъ дочерей. Онѣ были совѣмъ бѣдны, но какъ-то умѣли держаться въ высшемъ кіевскомъ аристократическомъ обществѣ и жили въ собственномъ домѣ въ Липвахъ. За старшей дочерью приволакивался генераль-губернаторъ, и не смотря на то, что ему было больше 60 лѣтъ и не имѣлъ одной руки, онъ, какъ говорили, нравился красавицѣ и своими манерами, и своими чудными глазами, горѣвшими, какъ два раскаленныхъ угля, и своимъ богатырскимъ ростомъ, и статной фигурой. Конечно, она не могла рассчитывать на бракъ съ Бибиковымъ: у него въ Петербургѣ была жена и два взрослыхъ сына, кажется, въ Петербургскомъ университетѣ. П—кій забралъ о семействѣ Ш—кихъ справки и въ одинъ прекрасный день явился къ нимъ. Доложили Ш—кой матери, что графъ Мечиславъ П—кій пріѣхалъ къ ней по важному дѣлу. Ш—кая поспѣшила любезно встрѣтить его. П—кій прямо объявилъ ей, что ему понравилась старшая ея дочь, и онъ намѣренъ на ней жениться на слѣдующихъ условіяхъ: 1) вѣнчаться спусти недѣлю; подвѣчное платье и все необходимое будетъ имъ доставлено къ сроку; 2) невѣстѣ сейчасъ назначается 300 тысячъ рублей, но если она родитъ ему сына, то еще милліонъ; 3) m-me Ш—кой и ея младшей дочери выдается 300 тысячъ рублей, но съ подпиской, что онѣ никогда въ жизни не позволятъ себѣ явиться къ его будущей женѣ въ Тульчинъ и никогда съ нею не будутъ вести переписки, и 4) сейчасъ послѣ вѣнчанія прямо изъ костела онъ увозитъ жену свою въ Тульчинъ. Ш—кая объявила, что предложеніе его ей очень лестно, но безъ дочери она не можетъ сказать ему ничего опредѣленнаго. П—кій объявилъ, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра явится за отвѣтомъ. Невѣста встрѣтила его на другой день согласіемъ на бракъ, и принявъ всѣ его условія, прибавила, что ей чрезвычайно понравилась его манера свататься и дѣловой характеръ сватовства, и онъ самъ нравится ей своимъ оригинальнымъ лицомъ и уже прежде обратилъ ея сочувственное вниманіе на себя въ

театрѣ и концертахъ. Мечиславъ былъ высокаго роста, но лице имѣлъ некрасивое, изрытое оспой, и страшно злые глаза. Въ Тульчинѣ Мечиславъ держалъ молодую жену взаперти въ своемъ великолѣпномъ палацѣ; самъ былъ съ нею почти безотлучно; въ костель возилъ ее и гулялъ съ нею въ своемъ роскошномъ саду не иначе, какъ надѣвъ на нее полумаску. Никого у себя не принималъ, отказался участвовать на вечерахъ квартировавшаго во флигелѣ его палаца генерала. Молодая скучала; она привыкла къ свѣтской жизни, къ постояннымъ развлечениямъ, шуму, къ новымъ все лицамъ. Замѣчая ея скуку, П—кій зимою, во время генеральскихъ вечеровъ, приказывалъ противъ оконъ танцевальнаго зала, на галлерей, разстилать ковры и мѣха; выносились два кресла, и онъ, надѣвши на жену полумаску и закутавшись въ шубу, помѣщался съ нею въ креслахъ подъ окнами танцевальнаго зала. Отчасти, чтобы хоть этимъ поразвлечься, а отчасти, чтобы его помучить, она благодарила его за это развлечение и заставляла просиживать всю ночь подъ окнами зала. Нѣкоторыя лица изъ служащихъ у П—каго, а также кое-кто изъ прислуги стали принимать участіе въ ея горестномъ положеніи и, задаренные ею, передавали ея письма къ матери и сестрѣ, а также къ Бибикову по назначенію. Тѣмъ же путемъ она получала письма и отъ нихъ. Наконецъ она родила сына. Она этого ждала, чтобы получить миллионъ и бросить мужа. Но съ рожденіемъ ребенка она стала колебаться. Не смотря на ненависть къ мужу, ей не хотѣлось вдругъ разлучить отца съ сыномъ; наконецъ, она успѣла попривыкнуть къ своему положенію, и теперь всю свою любовь сосредоточила на ребенкѣ и въ непрерывныхъ заботахъ о немъ нашла для себя развлечение. Ребенокъ спалъ съ кормилицей въ сосѣдней комнатѣ. Однажды на разсвѣтѣ графиню разбудилъ раздирающею душу крикъ ребенка. Въ одной рубашкѣ графиня вскочила въ дѣтскую. Посинѣлый ребенокъ продолжалъ страшно кричать и метаться. Графиня схватила его на руки и замѣтила на бѣльѣ у него пятна какой-то жидкости. На вопросъ, что сдѣлали съ ребенкомъ, кормилица объяснила, что только что былъ графъ и влилъ ребенку въ ротъ ложку какой-то жидкости. При

этомъ кормилица рассказала, будто, по словамъ дворни, графъ запойлъ лѣкарствомъ сына отъ первой жены, которая его за это и бросила. Графиня моментально рѣшилась во что бы то ни стало бѣжать съ ребенкомъ. Она спеслась съ матерью и съ генераль-губернаторомъ, и они позаботились о заготовкѣ лошадей отъ Брацлава до Кіева. Графиня не разставалась съ сыномъ и помѣстила его на ночь въ своей спальнѣ. До разсвѣта проснувшись, графиня помѣстилась подлѣ колыбели. Явился графъ съ бутылкой и ложкой. Графиня объявила, что не допуститъ поить Богъ знаетъ какими лѣкарствами здороваго ребенка. Графъ настаивалъ, объясняя, что это лѣкарство, предохраняющее отъ всевозможныхъ болѣзней. Графиня не соглашалась. Графъ пробовалъ ее оттолкнуть. Графиня оказала сопротивленіе и испарала ему лице. Ребенку все лицо залито было лѣкарствомъ, но въ ротъ не попало. Взбѣшенный графъ выбѣжалъ изъ спальни съ угрозой, что въ слѣдующій разъ онъ явится съ лакеями и прикажетъ графиню связать. Около полудня онъ выѣхалъ на нѣсколько дней въ свои херсонскія имѣнія. Графиня сейчасъ послала нарочнаго, чтобы лошади были готовы. На слѣдующій день вечеромъ она приказала запречь покойную дорожную карету, чтобы прокатить ребенка. Съ ребенкомъ и кормилицей на подставныхъ лошадяхъ она быстро понеслась въ Кіевъ и на слѣдующій день поручила себя и сына покровительству генераль-губернатора Бибикова. Между тѣмъ въ Кіевъ ожидался для смотра войскъ Николай Павловичъ. Хорошо награжденный графиней кучеръ воротился въ Тульчинъ изъ Брацлава съ лошадьми только на третій день. Произошла тревога. Не знали, что дѣлать. Главноуправляющій всѣми имѣніями графа, Р—скій, находился тогда по дѣламъ въ Петербургѣ. Графу такъ и не дали знать о случившемся до возвращенія его въ Тульчинъ. Бибиковъ, желая совсѣмъ оградить графиню отъ ея мужа, приказалъ составить отъ ея имени прошеніе на имя Государя. Въ прошеніи, сверхъ указанія на неестественное обращеніе мужа съ женою и сыномъ, перечислено было нѣсколько сотъ уголовныхъ преступленій графа, слѣдствія по которымъ еще не были закончены. Графъ

обвинялся въ поджогахъ своихъ арендаторовъ и даже въ убійствахъ посредствомъ своего наперсника, исполинскаго роста придворнаго козака, который находился при графѣ неотлучно и даже ночевалъ въ его спальнѣ. Когда начались слѣдствія, означенный козакъ исчезъ безслѣдно. Говорили, будто графъ завелъ его въ подземелья, застрѣлилъ и зарылъ тамъ въ землю, чтобы спрятать всѣ концы въ воду. Нѣтъ сомнѣнiя, что при подкупности тогдашнихъ чиновниковъ и судей, графъ по всѣмъ этимъ дѣламъ былъ бы совершенно обѣленъ, не вмѣшайся жена и генераль-губернаторъ. Графъ, узнавши о побѣгѣ жены, сейчасъ помчался вслѣдъ за нею, прибылъ въ Кіевъ ночью, часа два спустя послѣ пріѣзда Государя, и остановился въ гостинницѣ противъ крѣпости, подлѣ плацъ-параднаго поля. Государь остановился въ крѣпости ¹⁾. На другой день часовъ въ 8 Государь показался изъ воротъ крѣпости на прекрасномъ бѣломъ конѣ, съ многочисленною блестящею свитою, и стрѣлою помчался къ войскамъ, расположеннымъ на плацъ-парадномъ полѣ. Государь съ своимъ конемъ, казалось, срослись, слились въ одно. Прекраснѣе картины скачущаго всадника, какую изображалъ собою Государь, трудно себѣ и представить. Вся свита теряла при немъ. Никто не умѣлъ такъ ѣздить верхомъ, какъ Государь Николай Павловичъ. Войска встрѣтили Государя генераль-маршемъ и громкимъ продолжительнымъ „ура“. Обѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Государь со свитой остановился подъ самымъ балкономъ гостинницы. Войска стали проходить церемонiальнымъ маршемъ. Разбуженный музыкой и „ура“, графъ Потоцкiй, накинувъ на себя халатъ, надѣлъ свой классическiй свѣтлаго цвѣта цилиндръ на голову, закурилъ

¹⁾ Здѣсь авторъ записокъ, очевидно, введенъ былъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ онъ говоритъ далѣе, Государь на другой день показался изъ воротъ крѣпости на бѣломъ конѣ. Дѣло было такъ: Николай Павловичъ всегда останавливался въ генераль-губернаторскомъ (собственно городскомъ) домѣ и на другой день очень рано отправился въ Лавру, а оттуда возвращаясь, доѣзжалъ въ экипажѣ до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ его ждалъ ослѣпанный конь, и дѣйствительно онъ явился передъ войсками изъ воротъ крѣпостныхъ.— Ред.

крѣпкую американскую сигару и расположился на балконѣ, опираясь на перила и сверху разсматривая Государя и свиту, находившихся у его ногъ. Былъ вѣтеръ и дулъ прямо съ крыши гостинницы на Государя и свиту. Тѣдкій дымъ американской сигары прямо несся въ носъ и глаза Николаю Павловичу. Государь оглянулся во всѣ стороны, ища дерзкаго, осмѣливагося курить подлѣ него. Оглянулся Государь разъ, оглянулся нетерпѣливо другой, наконецъ взглянулъ вверхъ. „Это что за мерзавецъ?“ указаль онъ на П—каго Бибикову. „Это, Ваше Величество, владѣлецъ Тульчина, графъ П—кій. Онъ не повинуется закону, не признаетъ надъ собой никакой власти“, отвѣчалъ генераль-губернаторъ. „Посадить его, какъ онъ есть сейчасъ, въ крѣпость!“ повелѣлъ Государь. Бибиковъ распорядился. Засуетились жандармы, и П—каго въ халатѣ, въ открытыхъ дрожкахъ жандармъ повезъ въ крѣпость. Государь послѣ смотра посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, университетъ, университетскую оранжерею, госпиталь, Софійскій соборъ, гдѣ тогда возобновлялись древне-греческія фрески, случайно открытыя подъ штукатуркой, которая наложена была на нихъ толстымъ слоемъ базиліанами во время принадлежности Софійскаго собора этому ордену. Посѣтилъ Государь и мощи святой Варвары въ Михайловскомъ монастырѣ, и духовную академію при Братскомъ монастырѣ на Подолѣ, и наконецъ съ шефомъ жандармовъ, графомъ Орловымъ, отправился на обѣдъ къ генераль-губернатору. При подъемѣ на лѣстницу Государь встрѣтилъ необыкновенную красавицу въ роскошномъ костюмѣ, стоявшую на колѣняхъ и державшую въ протянутой къ Государю рукѣ прошеніе. „Кто это?“ спросилъ онъ Бибикова. „Это несчастная жена того графа П—каго, котораго Ваше Величество повелѣли во время смотра отправить въ крѣпость. Она ищетъ у Вашего Величества защиты отъ своего изверга мужа, который покусился на ея личную свободу и покушается на жизнь ея и ея ребенка, своего сына!“ Государь принялъ прошеніе, собственноручно поднялъ съ колѣнъ графиню П—кую и далъ ей царское слово, что серьезно разсматривать ея жалобу. Послѣ обѣда Государь съ Бибиковымъ и Ор-

ловымъ, разсмотрѣвъ прошеніе, повелѣлъ немедленно П—каго сослать на жительство въ одинъ изъ восточныхъ городовъ; надъ имѣніемъ его учредить администрацію и строжайше изслѣдовать всѣ преступленія графа, а о послѣдствіяхъ ему донести. По выѣздѣ Государя изъ Кіева увезли и графа П—каго, не помню, куда именно — въ Астрахань или въ Пермь. Женѣ и ребенку назначено съ доходовъ огромное содержаніе; графъ имѣлъ право распоряжаться всѣми своими средствами. Администраторомъ назначенъ по своимъ связямъ предсѣдатель Каменецъ-Подольской казенной палаты Аѳанасій Абаза, съ огромнымъ содержаніемъ и квартирой во дворцѣ графскомъ въ Тульчинѣ. Аѳанасій Абаза имѣлъ большое семейство и при небольшомъ содержаніи пуждался даже въ мелочахъ. И мѣсто предсѣдателя палаты, и мѣсто администратора онъ получилъ стараніями какой-то придворной дамы старухи. Между тѣмъ графъ П—кій просилъ объ отпускѣ за-границу для поправленія здоровья. Ему отказали. Тогда онъ записался въ купцы 1-й гильдіи и сталъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Паспорта ему не выдали, указавъ, что онъ можетъ для торговыхъ дѣлъ отправлять за-границу своихъ прикащиковъ. Графъ тогда рѣшился бѣжать. Вездѣ, отъ мѣста ссылки до границы, приготовлены были курьерскія лошади, и графъ П—кій съ чужимъ заграничнымъ паспортомъ пустился въ путь, но на одной станціи его узналъ проѣзжавшій исправникъ и арестовалъ. Послѣ этого послѣдовало распоряженіе о переводѣ его въ Вятку и объ ограниченіи его содержанія 100 руб. въ мѣсяць. Терпя стѣсненія и раздражаясь слухами о роскошной жизни въ Кіевѣ измѣнницы графини, П—кій прибѣгъ къ крайнему средству: онъ объявилъ, что желаетъ присоединиться къ православію. Ему разрѣшили; но оставили въ Вяткѣ. Онъ заявилъ, что желаетъ присоединить къ православію своего сына-ребенка, и просилъ, чтобы сына, какъ православнаго, отняли у католички матери и передали ему; иначе, подъ вліяніемъ католички матери и ксендзовъ, онъ выростетъ не православнымъ, а католикомъ. Въ университетской церкви въ Кіевѣ ребенокъ былъ присоединенъ къ православію; воспріемникомъ былъ генераль-губернаторъ Бибииковъ. На ходатайство

же графа отвѣчено, что для сбереженія его сына въ лонѣ православія, онъ вмѣстѣ съ матерью будетъ переведенъ на жительство въ Петербургъ. Видя неуспѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, графъ вошелъ въ частное соглашеніе съ администраторомъ Абазой, который напелъ возможнымъ частью отъ продажи драгоценностей и старинныхъ вещей, частью изъ доходовъ съ имѣнія, снабжать его крупными суммами. Графъ посредствомъ подкуповъ старался добиться отпуска за границу. Но Николай Павловичъ запретилъ разъ навсегда ходатайствовать передъ нимъ о смягченіи участи П—каго и объ отпускѣ его за границу. Спустя только нѣсколько лѣтъ адвокату П—каго Киприану К—скому удалось войти въ секретное соглашеніе съ министромъ двора Адлербергомъ, который успѣлъ таки добиться у Николая Павловича разрѣшенія на выѣздъ графа за границу.

Графъ П—кій умчался навсегда въ Парижъ, а имѣнія свои продалъ съ Тульчиномъ графу Строганову, который женился на дочери родного брата Мечислава. Тульчинъ Строгановъ продалъ послѣ Удѣльному Вѣдомству. Сынъ П—каго, достигнувъ зрѣлаго возраста, уѣхалъ тоже въ Парижъ къ отцу, и оба они опять сдѣлались католиками; они говорятъ, еще живы до сихъ поръ. Послѣ выѣзда графини П—кой изъ Кіева въ Петербургъ, о ней замолкли всѣ слухи. Въ Кіевѣ она жила весьма роскошно. Ея рысаки, экипажи, ея бархаты, кружева и брилліанты въ соединеніи съ необыкновенной красотой и молодостью всѣмъ кружили головы. Бибиковъ бывалъ у нея по нѣсколько разъ въ день, и всѣ говорили, что онъ пользуется ея благосклонностью. Но она особенно любила инспектора первой гимназіи С. К. Это, дѣйствительно, былъ красавецъ-мужчина въ полномъ значеніи этого слова. Статный, высокаго роста, довольно плотный, съ черными искрящимися глазами и великолѣпными волосами цвѣта воронова крыла, которые падали ему на плечи прекрасными кудрями; онъ пользовался благосклонностью всѣхъ замужнихъ дамъ и доводилъ до безумія дѣвицъ. Однажды въ своемъ одно-этажномъ домѣ въ Лицкахъ графиня сидѣла въ огнѣ, а подлѣ нея за портьерой, никому съ улицы невидимый, сидѣлъ Бибиковъ.

Въ это время, послѣ полуденныхъ занятій, возвращался съ портфелемъ изъ гимназіи С. К. Онъ поклонился графинѣ и, принявъ указаніе ея глазъ, не заговорилъ съ нею и пошелъ дальше. Графиня не выдержала: „отъ такихъ кудрей можно сойти съ ума!“ вырвалось у нея невольно. „У кого это такія кудри?“ спросилъ Бибииковъ. „Да у С. К.; онъ сейчасъ прошелъ изъ гимназіи и поклонился“. Вечеромъ С. К. получилъ приказъ Бибиикова явиться къ нему въ 8 часовъ утра обстриженнымъ по солдатски, подъ гребенку; иначе завтра же его обстригутъ у генераль-губернатора на барабанѣ. И этимъ дѣло не ограничилось. Хотя по настоянію П—кой онъ вознаградили его директорскимъ мѣстомъ въ Кіевѣ, но вскорѣ совѣталь его на дочери предѣдателя палаты и перевелъ директоромъ Нѣжинскаго лицея. Съ переходомъ Бибиикова въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ С. К., по настоянію графини, назначенъ былъ Виленскимъ губернаторомъ¹⁾. Это мѣсто онъ занималъ до своей смерти и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго орла. С. К., главнымъ образомъ, посредствомъ женщипъ и своей красоты сдѣлалъ всю свою карьеру: онъ, по окончаніи университета, назначенъ былъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ Каменецъ-Подольскую гимназію и сдѣлался сейчасъ же львомъ среди городского женскаго общества. Въ это время губернаторствовалъ Л—въ, человѣкъ честный, трудолюбивый, понимавшій и исполнявшій добросовѣстно свои обязанности, по супруга его, уже пожилая дама, представляла собою женскій типъ особаго рода. Она на счетъ своего мужа страшно взяточничала и, не смотря на сѣдину, продолжала развратничать. У нея были и малыя, и взрослые дѣти. Одинъ сынъ служилъ въ кавалеріи корнетомъ. Л—ва пригласила С. К. давать уроки русскаго языка ея дѣтямъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того онъ сдѣлался интимнымъ другомъ губернаторши. Такъ какъ не всегда удобно было имѣть секретныя свиданія въ губернаторскомъ домѣ, то, согласно ея желанію, С. К. по-

¹⁾ Не совсѣмъ точно. С. К. назначенъ Виленскимъ губернаторомъ въ концѣ 60 хъ годовъ, а Бибииковъ вышелъ въ отставку въ 1855 году.—Ред.

далъ рапортъ о болѣзни. Губернаторша поѣхала провѣдать его сперва утромъ, потомъ вечеромъ, а послѣ стала проводить у него всѣ вечера до поздней ночи. С. К. всегда небрежно относился къ своимъ обязанностямъ въ гимназіи—пропускалъ уроки, опаздывалъ, скучалъ съ учениками, но теперь его привлекала не гимназія, а масса пациентовъ помоложе и покрасивѣе Л—вой, и онъ ей наотрѣзъ объявилъ, что служебныя обязанности не позволяютъ ему болѣе сказываться больнымъ. Однако начало было сдѣлано: Л—ва по прежнему часто продолжала его посѣщать. Л—въ упрашивалъ и усовѣщевалъ жену не компрометтировать его должность и доброе имя дѣтей; по его просьбѣ, усовѣщевалъ ее архіерей Кирилль, даже обличалъ ее публично въ церкви; но все это не останавливало старухи¹⁾. С. К. состоялъ подъ покровительствомъ всѣхъ вліятельныхъ дамъ города, и между прочимъ—директорши гимназіи В—ной, и представлялъ силу, съ которой трудно было бороться самому В—ну, отставному военному. Губернаторъ совѣтовалъ В—ну сдѣлать о С. К. блистательное представленіе съ ходатайствомъ о переводѣ его въ Кіевъ старшимъ учителемъ. Но представленіе осталось безъ послѣдствій, такъ какъ по тогдашнему положенію за всякое повышеніе нужно было внести впередъ вознагражденіе по таксѣ правителю канцеляріи попечителя округа. Первыхъ кандидатовъ назначали младшими учителями, а дѣйствительныхъ студентовъ, учениковъ, окончившихъ и даже не окончившихъ гимназію—старшими учителями. Въ числѣ директоровъ и инспекторовъ рѣдко встрѣчались люди съ университетскимъ образованіемъ; они выдвигались или юбками, какъ С. К., или безшабашнымъ взяточничествомъ. Всѣ же начальствующіе въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ были или отставные военные, или воспитанники гимназій, смотрѣвшіе съ пренебреженіемъ на своихъ подчиненныхъ, честныхъ тружениковъ, кандидатовъ университета, и прозывали ихъ идиотами, а за нищету, вмѣстѣ со своими пріятелями, городскими властями, причисляли ихъ къ классу городскихъ лакеевъ. „У меня лакей

¹⁾ Она не была вполнѣ старухой, т. е. ей было только за 40 лѣтъ.—Ред.

за одни карты въ годъ имѣеть больше дохода, чѣмъ вашъ учитель жалованья“,—говаривали власти директору и смотрителю. „Да этакимъ идиотамъ и не подобаеть больше получать!“—отвѣчали послѣдніе. Кандидатамъ математическихъ наукъ часто поручалось преподаваніе историко-филологическихъ предметовъ, а кандидатамъ философскаго факультета—математика. „Учились вы въ университетѣ и гимназіи—должны все знать“, говаривали директора. Многіе труженики не выдерживали—сбѣгали въ гражданскую службу; другіе, обремененные семействами, спивались до чертиковъ. Наградъ не было. „Баловать не слѣдуетъ, иначе и работать перестанутъ, и фантазіи пойдутъ. Нужно держать въ черномъ тѣлѣ, а то зазнаются и станутъ проповѣдывать дѣтямъ разныя зловредныя идеи; а усмотрѣть за этими господами некогда. На насъ лежитъ столько заботъ, что ни одинъ смертный не въ состояніи ихъ выполнить: управляй учебною частью и веди хозяйство заведенія“. И хозяйничали же они! Всѣ годовые остатки смѣтныхъ суммъ, половина денегъ строительныхъ смѣтъ прямо попадали въ ихъ карманы, а въ классахъ въ зимнее время, не смотря на многолюдство, не было возможности согрѣться, хотя и ученики, и учителя не снимали съ себя верхняго платья. Управление учебною частью тоже представляло не мало выгодъ. Директоръ съ инспекторомъ или смотритель въ экзаменаціонныхъ спискахъ безъ всякой церемоніи исправляли отмѣтки и подписывали „переводится въ высшій классъ“ всякому, кто вносилъ имъ установленное количество платы или соответственной цѣнности подарокъ. Случались такіе директора, которые хозяйничали и управляли учебною частью, не являсь въ гимназію ни разу по цѣлымъ годамъ. Даже поручали инспекторамъ вмѣсто себя присутствовать на торжественныхъ актахъ. Къ ученикамъ состоятельнымъ, оказывавшимъ хорошіе успѣхи, придирались за всякую малость въ поведеніи и больно сѣкли до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не догадывались, въ чемъ дѣло, и не выпрашивали у родителей внести за нихъ выкупное. Собрана была въ округѣ сумма въ 66 тысячъ для раздачи пособій семейнымъ учителямъ, не пользовавшимся казенною квартирою. Но ни одинъ учитель

никогда не получилъ изъ этой суммы ни копѣйки пособія, а самая сумма, при учрежденіи общей кассы и новыхъ контрольныхъ учреждений, гдѣ-то исчезла безслѣдно. Ревизія учебныхъ заведеній производилась иногда профессорами университета по распоряженію совѣта университета. Ревизоры представляли часто отчеты о плачевномъ состояніи учебныхъ заведеній, указывали причины ихъ. Совѣтъ обо всемъ этомъ, а также о поступленіи въ университетъ слабо подготовленныхъ воспитанниковъ доносилъ попечителю округа, и все оставалось по прежнему. Обрядъ ревизіи исполненъ, отчеты составлены, канцелярская работа сдѣлана—чего же болѣе! Л—въ, не видя успѣха отъ директорскихъ представленій, отправился самъ въ Кіевъ поздравить генералъ-губернатора съ какою-то Высочайшею милостью и вмѣстѣ исходатайствовать С. К. переводъ старшимъ учителемъ въ первую Кіевскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стор. 5.
1892. Август.

(а) Среди населения словенская в то время крайнего и конституционного образования № балабуха как семейства прослывшая и всею степеню чуждым духом таковыми конкретными, секретом приготовления по той мере переходить в стелю семейства по наблюдению, буднично не оставив в своем обращении крайнего балабуху, и ради медовых в чуждым М. Б. Скардичей по едвинути. № балабуха, и что была билирны сказать это между студентами и среди их наблюдению, о-бшири велико пакамерю на таковыми вечерах и плясать, возарившая улариванием втн. Габриелем. Приказав по урисуам, она перестала отвечать на поклонны выпадением в нее медовых, о на вернуть улариванием более таковыми и студентами, при почитав венчанью, и что было длиннее карбидичей; а также именованы его канцелярии. Пожелаво сф студентам именованы макаратам сф, фамат сф эту-детна Сивагита, именованы буднично, что нас-ловодит в билирны по едвинути адмичит балабуху премеит в чфв М. Б. Скардичей, сн по адмичит, таковыми дружи свичезетиничу этой чфв сати-самы и фамат, премеит карбид именованы медовых со спарение (карбид, и что ее дуно Марис) - Марис. Сф именованы принимаю самими по чфв, и - чфв сн удукино, что студентам именованы адмичит ма-гарбичны оупомы; но прочитавши фамат идуку, дружиру самими, сн не мамичи оичего предс-судит едвинути и урисуамей. Адмичит все амичи, едмичит балабуха, принимаеиз и адмичитамы и будично. Свичезетиничу идуков, чфвны видны са-пичеа, и мамичаеиз сн по мамиче чтение втн. фаматей, сн - со спарение Марис. Именованы детне-ничу итупу 20 век варты обривичны по балабуху, будично поим сн это люди. Еще именованы до-самими фаматей - и балабуха урива в адмичитам; сн вынеси и уривичи в карету. Будично мамичи ступиче расемидваам, расемич свичезетинич. та, но мамичо всего и урива, что спарива втн урисуамей студентами; именованы и фаматичичны спарива не адмичитам. Спурдич именов-но варты, будично едмичи в таковыми мамичи урив-

вероятности, жаловаться профессору и студентам
и сугубо интимно сообщать, задавая студентам
вопросы и баллотируя частно само собой, и про-
чень или лезть о том, покуда доктор будет
правомочности истребовать Королевскими
плато немому. Могло понабиться в дело тогда
лишь; могло тиском, не великометирять
предметы своей ступати, поприбаву ет ошину в
саду над куртиком иди в буди огу, иебедено
со коммунистиче дамами. Во поименити Бело-
наконе чинити ет ввизити, такнаше ииелити-
ствиз гумеа пидуть на сят, гуда, по велико-
метириваити тугичеа даму иди ввизити — ето
везд бесправности, и сугуб, донофат ввизити
гудити, иебедено вавити пубави, не тарити не
могути даити терпимти в управделомти или
чредельи окурити и университетно, о воститат-
ликане кетирого сав ввезда несто оуравити
передь своимти и общинти благоотчетелии гуде-
релии вимоланити правобичеити. Поименити — вв
сеити не сир, гуда, саконити в ввизити. Мо-
адруги ввизити авт ииенно до ввизити етенеи —
сеити етти понадеити в гудити тамти гудити, то
наше гаети четенеи и твердее етенеи, гудити
тамти иди фривити етенеи иди павити ошину
четити четиди ииенно.

а) Ииенно етенеи и димити, авт в ошину гудити ошину
и иити ииенно етенеи со ввизити, сир, не ииенно четити,
гудити ииенно, етенеи ииенно, и в гудити
сугубити ииенно ииенно себдо гудити поименити
и ииенно ииенно четити по гудити тамти ии
димити павротамти.

б) Ииенно, раденагудити, ето 2 мамата ввизити
и гудити гудити со студентами ииенно ето поименити
тиди. Студентеа етенеи таварити сугубити
ликанити етенеи павнагудити етенеи
ииенно. Автарови пошину, кона мамата гудити
до мамата гудити и сави гудити ииенно
савити ииенно гудити на поименити, — ввизити гудити
и мамата гудити мамата гудити ииенно ииенно
мамата гудити ииенно 12 автарови гудити. Мамата

Меняли статьи просились почитать, писки студента -
только почитавшие и помирившие, покуда в
пугливости мануишь, неопытенный студент
стать все так же требовать выведи, многофакт.
Меняли добровольно почитать вбить ванд-
человеким. Студенты все равно менагов, все
компания вкисельды и проститутка и - разло-
дывишь - сидит адринка бариды менавалит
и человек проституткаим. Умериз эта ма-
стала иуиу, но и выдвалам выалишь и ад-
лиментуаитивитат нестаравишь пожуишь
это вмио, и выволанке студент меналим
дир все спалишь.

2) Адвердэро нечурит за это на ручи Камудимека
мичево в своем кабинете 50тр. и по своимам вале
туге мичево в своем кабинете 50тр. Все это ушло до
Н. Кав. и ашь перучишь шеру менавалит почурашь толь
по лобило адвафитио. Камудимека вдури выведи
нечурит принамерие адвафитио на шеру рандертов.
Машь нашь в групп менавалит пожуишь у меналим
гр. Стуроговалов, то Камудимека - бичево в мена
имити, у себя 50тр. не передавалишь шеру адвердэру
до вручишь до м. вручишь расидишь - просидишь и
Уро галови и вручишь эти гетви елиу менавалит
Шеру рандертов макимучишь на Кам., нашь ашь
сидеть преступитио в менавалит менавалит
и ашь сити и менавалит по ашь иуделишь графа Н.
Шеру менавалит, что ашь мичево вывалит у
гр. Адвердэра и др. менавалит менавалит и менавалит.
Камудимека ашь менавалит, что ашь менавалит -
мичево ведеть в менавалит по менавалит гр.
Н., но ашь менавалит менавалит менавалит
не в менавалит и менавалит менавалит. менавалит
мичево. - Я все менавалит, и менавалит все менавалит по
мичево в менавалит и менавалит менавалит менавалит,
мичево менавалит менавалит и менавалит менавалит;
но менавалит менавалит менавалит; менавалит
решь менавалит менавалит. Ступай менавалит.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. ¹⁾

(О К О Н Ч А Н І Е).

Рано, еще до восхода солнца, пробудившаяся жизнь села подняла меня. Выспавшийся Прокопъ уже успѣлъ подмазать возъ, и мы, поблагодаривъ хозяина за пріютъ, тронулись со двора, какъ только брызнули первые лучи восходящаго солнца. Послышался звонъ небольшого колокола; на улицѣ встрѣчались намъ празднично одѣтые крестьяне въ черныхъ свиткахъ, бабуси въ намиткахъ и дивчата въ *бындахъ* и *заквитчаныя* ярко-желтыми *воздыками*, „въ *царыни* ²⁾“ мы нагнали череду, выгоняемую на пастбище. Но вотъ село, съ его сѣрыми крышами хатъ, съ позолоченными свезеннымъ хлѣбомъ токами, съ вербами и садочками, осталось позади насъ, а кругомъ пошли нивы, кой гдѣ ряды полукопенъ несвезеннаго хлѣба, и вдали рѣзко чернѣлъ вспаханный панскій ланъ.

Умостившись на возу, я заснулъ мертвымъ сномъ. Долго я спалъ и проснулся благодаря какой-то ругани. Выпутавъ прикрытую шинелью голову, я увидѣлъ фізіономію Прокопа, улыбающуюся и особенно оживленную. Оказалось, что онъ дразнилъ евреевъ, которыми была набита громадная будка, ѣхавшая намъ на встрѣчу и уже минувшая насъ. Когда я приподнялся на возу и надѣлъ фуражку, то увидѣлъ въ нѣс-

¹⁾ См. Кіевская Старина, 1892 г., № 3.

²⁾ *Царыною* на Украинѣ называютъ вообще поле около села, а также выѣздъ изъ села, лѣтомъ обыкновенно запираемый воротами.

колькихъ шагахъ отъ нашего воза остановившихся двухъ евреевъ и нѣсколько головъ торчавшихъ изъ будки. Евреи что-то оживленно говорили и махали руками, а затѣмъ воротились назадъ къ будкѣ, угрожая намъ кулаками и ругаясь.

Прокопъ хохоталъ до упаду, причемъ ротъ у него раскрывался чуть не до ушей, и все тыкалъ по направленію къ будкѣ пальцемъ. Сквозь его смѣхъ я слышалъ произносимыя слова—„одинъ, два, три, чотыри, а пятого чорты зѣли“. Наконецъ евреи усѣлись и поѣхали.

Тогда только въ отвѣтъ на мои разспросы Прокопъ объяснилъ, что при встрѣчѣ съ будкой онъ сталъ ихъ, „якъ и слидъ“, считать, а они начали его ругать, угрожали побить, но отступили, увидавъ красный околышекъ моей фуражки.

— Посыкнулись, думалы такъ соби, ажъ воно онъ що!— объяснилъ Прокопъ, очевидно вѣруя въ значеніе краснаго околышка. Почему же считать евреевъ, тыкая пальцемъ и съ такимъ характернымъ приговоромъ—„слидъ“, т. е. слѣдуетъ, необходимо, онъ—и не объяснилъ.

Понасши и напоивъ воловъ и слѣпного около какой-то корчмы, мы къ полудню доѣхали въ мѣстечко Ставищи и остановились на базарѣ около лавокъ и ряда торговыхъ. Базарная суета замѣтно уже затихала; возовъ пріѣзжихъ на площади было мало, да и тѣ постепенно разѣзжались, только евреи сновали еще между лавками и около „заиздовъ“ (постоялыхъ дворовъ), да виднѣлись группы мѣстныхъ жителей, между которыми замѣтно выдавались кучки дивчатъ, разодѣтыхъ въ пестрыхъ цвѣтахъ и лентахъ, и парубковъ въ зеленыхъ поясахъ поверхъ свитокъ.

При вѣздѣ на базаръ, въ открытомъ окнѣ какого-то шинка мы увидѣли низку чехони, на которую обратилъ мое вниманіе Прокопъ:

— Ой тай чехоня-жь добра! Я, мойки¹⁾, разъ ии коштувавъ: чумаки стоялы на могилянському стѣну, такъ далы намъ съ Омелькомъ по едній.

¹⁾ На Побужжѣ, и вообще на Подоліи употребляютъ въ рѣчи восклицанія: мой, мой-мой, мой-ки-мой, мойки.

Замѣтивъ такую же чехоню у какой-то торговки на базарѣ, и порѣшилъ и самъ ее „покоптувать“, и Прокопа потчивать.

Возвратившись къ возу съ двумя чехонями, и увидѣлъ около нашего воза цыгана съ какимъ-то ремнемъ. Онъ предлагалъ Прокопу, а послѣ и мнѣ, купить у него этотъ ремень (сыромятный) на „прывій“ (кольцо, которымъ прикрѣпляется ярмо къ вазовому дышлу—вію). Онъ такъ расхваливалъ, такъ соблазнялъ насъ добротностію ремня, что я уже было взялъ его въ руки и сталъ разсматривать, но въ это время Прокопъ схватилъ лежавшій около него кнутъ и со всего маху стегнулъ цыганку, подкравшуюся къ намъ и схватившую положенную мною на возъ чехоню.

Произошла неожиданность и пренепріятная исторія.

Цыганка взвизгнула отъ боли и, бросивъ чехоню, кинулась къ Прокопу, но тотъ отскочилъ и стегнулъ ее еще разъ кнутомъ. Откуда-то появилось еще двѣ цыганки; я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ подхватила брошенную рыбу и напала на Прокопа, который уже не кнутомъ а кнутовищемъ отмахивался отъ нихъ, какъ отъ собакъ. Цыганъ рванулъ бывшій у меня въ рукахъ ремень и ударилъ имъ по головѣ Прокопа, но тотъ только мотнулъ головою и кнутовищемъ наотмашъ такъ сильно ударилъ цыгана по лицу, что у него сразу показалась на усахъ и на бородѣ кровь.

Все это произошло такъ неожиданно, такъ скоро, что я растерялся и не зналъ, что дѣлать: искаженное злобою лицо, обрамленные космами черныхъ волосъ блестящіе глаза цыганокъ, ихъ какое-то шипѣніе и гортанные звуки голоса, кровь на лицѣ цыгана—все это смѣшалось у меня въ глазахъ и въ сознаниіи и вызвало у меня дрожь въ колѣняхъ; но когда я увидалъ, какъ цыганки вѣдѣнулись въ Прокопа, покрыли его собою, и какъ цыганъ тоже пригнулся къ этой кучѣ, стараясь схватить Прокопа руками, и выдернулъ изъ воза бучокъ и, замахнувшись обѣими руками, сколько моей силы стало, ударилъ имъ по спинѣ цыгана. Онъ застоналъ, какъ-то особенно выгнулся и, выпрямившись, бросился ко мнѣ. Я отскочилъ и уже

было замахнулся опять ударить его, но—устремившійся ко мнѣ цыганъ, вѣмъ-то ударенный въ ухо, полетѣлъ въ сторону, а передо мною очутился рослый козакъ ¹⁾ въ высокой съ краснымъ верхомъ шапкѣ и въ синемъ жупанѣ. Онъ не далъ цыгану подняться, ударомъ ноги сбиль его опять на землю и затѣмъ вмѣстѣ съ другими какими-то людьми началъ его колотить.

Тогда только я увидѣлъ, что насъ окружаетъ цѣлая толпа людей—крестьянъ, бабъ, дѣвокъ и евреевъ—и что нѣсколько человекъ отдираютъ вцѣпившихся въ Прокопа цыганокъ.

Я дрожалъ отъ испуга и раздраженія и принаравливался все тѣмъ же бучкомъ ударить кого-либо изъ цыганъ, но меня удержалъ какой-то еврей словами:

— Нехай, нехай! Вони сами управляться!

Наконецъ оттащили цыганокъ отъ Прокопа; лицо у него было изцарапано до крови, рубаха разорвана въ воротѣ и въ пазухѣ до пояса. Цыганки, распатланныя, безъ очипковъ и головныхъ платковъ, какъ бѣшенныя, кидались на заслонявшихъ насъ мужиковъ, но встрѣчали сильный отпоръ; одна изъ нихъ, вѣмъ то оттолкнутая, просто таки кубаремъ покатила въ сторону; цыганъ, весь оборванный и съ окровавленной физиономіей, что-то кричалъ и унималъ цыганокъ, которыя, наконецъ, убѣдившись въ безуспѣшности своихъ нападеній, грозя кулаками и ругаясь, стали удаляться, но въ концѣ одна изъ нихъ уже далеко на площади остановилась, что-то рѣзко прокричала и, наклонившись, сдѣлала неприличный жестъ. Ихъ провожали обычнымъ тюканьемъ, а при послѣдней выходкѣ цыганки нѣсколько человекъ вздумали было погнаться за ними, но кто то сказалъ: „Ось иде тысяцькій зъ соцькими!“—и всѣ мы обратили вниманіе на подходящихъ къ намъ трехъ человекъ съ палочками въ рукахъ и съ круглыми бляхами на грудяхъ. Двое изъ нихъ были въ свиткахъ, а одинъ въ синемъ жупанѣ.

¹⁾ Козаками въ имѣніяхъ графовъ Браницкихъ въ то время назывался особый родъ экономической и дворцовой прислуги.

Подошедшему начальству не дали времени даже распросить насъ съ Прокопомъ, а въ нѣсколько голосовъ рассказали, какъ цыгане стали „красты зъ воза“, а когда ихъ отгоняли, то они накинулись „на людей“ и вотъ какъ изцарапали парня, что его еле отняли, а то они-бъ его „загрызли“. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, и въ томъ числѣ мой защитникъ, какъ, стояли безъ шапокъ, всѣ были оживлены, а особенно евреи, которые настаивали, чтобы цыганъ, „дцихъ злодiивъ“, сейчасъ же выгнали изъ мѣстечка.

Въ числѣ особенно горячихъ предстателей за насъ я замѣтилъ толстую бабу торговку съ крупнымъ „добрымъ намыстомъ“ на шеѣ, которая, покрывая своимъ рѣзкимъ голосомъ всѣхъ, оживленно рассказывала тысяцкому.

— Я жъ сама и бачила, якъ вони прокляти й захожувались по-биля ныхъ; якъ вона, чортова баба, й чехоню вкрала, якъ після до парубка прысикалася; усе своимы очыма бачила!

Тысяцкій послалъ за цыганами соцкихъ и еще какихъ-то людей, въ томъ числѣ и козака.

За ними потянула и часть публики, очевидно, жадной къ зрѣлищамъ, а самъ начальникъ куда то ушелъ съ какими то людьми.

Оставшаяся публика еще немного потолкалась около насъ, пересказывая случившееся вновь подошедшимъ; кто-то поднялъ совершенно истоптанную и запачканную пылью чехоню, кто-то принесъ въ баклагѣ воды и далъ Прокопу обмыть лицо. Сочувствiе публики было вполнѣ на нашей сторонѣ: ругали цыганъ, и кто-то даже похвалилъ меня за то, что я ловко ударилъ цыгана, опредѣливъ вѣрно мое званiе.

— А панычъ молодець! Якъ лупонувъ його бучкомъ межы плечы, такъ тилько бухнуло!

Начали расходиться. Одинъ изъ оставшихся, пожилой крестьянинъ, опершись на „дцпокъ“, молча осматривалъ воловъ, а послѣ сказалъ намъ:

— Вы отъ що, хлопци: рушайте соби зъ Богомъ у свою путь, щобъ ще васъ не зупынылы, якъ що наскочить становый.

Я и самъ радъ былъ поскорѣе убраться куда-нибудь: меня конфузило это общее вниманіе; раздраженіе и испугъ на столько еще не улеглись у меня, что... мнѣ по просту хотѣлось заплакать, и я еле-еле сдерживалъ себя; бучокъ такъ и оставался еще у меня въ рукахъ.

Прокопъ, взволнованнымъ голосомъ повторявшій „отъ чортова пара! дьявольска! Щей не бый ін!...“ Хотѣли было мазать колеса, но я велѣлъ запрягать, и мы поѣхали.

Сѣхавъ съ базара въ улицу, я припомнилъ, что въ Ставищахъ живетъ хорошій знакомый моего дяди, докторъ Б—скій. На мгновеніе мелькнула у меня было мысль заѣхать къ нему—мнѣ такъ хотѣлось въ эту минуту быть при комъ-нибудь изъ знакомыхъ, подъ чьею нибудь защитою,—но я раздумалъ: мнѣ почему-то показалось, что эти „паны“ не отнесутся сочувственно ко мнѣ, ѣдущему на волахъ, мыкающемуся по базарамъ въ средѣ мужиковъ.

Страшно, что въ эту тревожную минуту, когда я испытывалъ потребность сочувствія, защиты, мысли мои не уносились даже къ моимъ роднымъ, а къ ихъ дворнѣ. Я почему-то сознавалъ, что вполне поймутъ мое положеніе, отнесутся сочувственно ко мнѣ не мои „родычи-паны“, а всѣ ихъ Грыцьки, Дороши, кухарка Хотына, лакей Михайло, что эти только послѣдніе раздѣляютъ вполне мое раздраженіе и такъ же безкорыстно кинутся защищать меня, какъ это сдѣлали совершенно чужіе мнѣ „мужики“, козакъ, толстая баба—торговка; что „родычи-паны“ могутъ охранить меня своимъ престижемъ, но непосредственную помощь, не щадя себя, въ такихъ случаяхъ могутъ оказать мнѣ только „мужики“.

И это мое убѣжденіе теперь только формулирую, но тогда оно у меня являлось, разумѣется, безъ всякой формулировки въ цѣломъ роѣ мыслей, долго будоражившихъ меня, не остывавшаго отъ раздраженія.

Прокопъ, когда мы минули послѣднія хаты и плетни мѣстечка, вспомнилъ, что онъ не обѣдалъ и, доставъ хлѣбъ и кавунъ, сталъ ѣсть. Его жеваніе вызвало аппетитъ и у меня, и я тоже принялся закусывать, но и во время ѣды мысли вер-

тѣлись около столкновенія съ цыганами. Соображались всѣ подробности, непріятно вспоминался тотъ моментъ, какъ цыганъ кинулся было ко мнѣ и какъ я испугался: я сознавалъ, что не подоспѣй на выручку козакъ, сбившій цыгана съ ногъ, мнѣ бы не справиться съ нимъ. Мнѣ было обидно и стыдно за свое безсиліе, мнѣ такъ хотѣлось бы быть такимъ ловкимъ и сильнымъ, какъ тотъ козакъ, и даже такъ, какъ онъ, одѣтымъ. Припоминались другіе видѣнные мною въ Бѣлой Церкви козаки, и все въ томъ же видѣ, возбуждавшемъ у меня зависть къ ихъ статности и ловкости.

Относясь къ этимъ моимъ тогдашнимъ желаніямъ по возможности объективно, могу сказать, что въ тотъ моментъ вышеописанныхъ передумываній у меня создавался идеаль, вызванный потребностью минуты.

Все передумывалось, соображалось—все, что произошло. На фонѣ всѣхъ этихъ размышленій нѣтъ-нѣтъ да и блеснутъ въ памяти свирѣпыя лица цыганъ, ихъ злые блестящіе глаза.—Опять всплываетъ чувство раздраженія, злобы, и такъ безъ конца.

Проконъ тоже, очевидно, передумывалъ все происшедшее, но какъ-то благодушно, безъ особеннаго раздраженія:

— И його проклятого такъ добре мазанувъ по пыци пужалномъ! Намъятатыме!

— Сорочку, чортова, бачъ, якъ распаювала!—Пазуха у него дѣйствительно была разорвана до самой „очкурни“, и онъ складками рубахи закрывалъ загорѣлую грудь и часть живота. Отъ лѣваго глаза вдоль по щекѣ краснѣли у него полосы глублихъ царапинъ.

— Якъ кишка пазурамы дряпонула,—объяснилъ онъ.

Но все это ничуть не смущало его и, когда впереди по дорогѣ показалась ѣдущая жидовская бричка, то онъ остановился и уже готовился опять „якъ слідъ“ пальцемъ считать этихъ многочисленныхъ пассажировъ, но я положительно воспротивился этому, и мы мирно разминулись съ балагулой.

По обѣ стороны дороги желтѣли жнивья, и только на днѣ ложбины темнѣла зелень конопли на „пидметахъ“, да въ сто-

ронѣ, за версту отъ насъ, чернѣль лѣсъ. Въ полѣ было пусто, — очевидно, и череду не гоняли въ эту сторону. Самое путешествованіе, ѣзда на волахъ начинала надобдаться. По-временамъ я слезилъ съ воза и шелъ сторонкой дороги по высохшему споришу, иногда садился верхомъ на слѣпного и заѣзжалъ впередъ, опережая воловъ.

Въ одну изъ такихъ заѣздокъ, выѣхавъ на горку, я наткнулся на ѣдущаго четверней въ простяжъ родственника графовъ Браницкихъ, М — скаго, котораго я зналъ, встрѣчая у дяди въ домѣ. Онъ самъ, кучеръ съ длиннымъ бичемъ и сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ козакъ проводили меня глазами; но когда повстрѣчали воловую подводку, то остановились и что-то разспрашивали Прокопа, послѣ чего соскочившій съ козель козакъ сталъ звать меня, но я не остановился, не желая показываться пану М — скому. Оказалось, что Прокопъ не умѣлъ назвагъ фамилію ни дѣдушки, ни дяди, только объяснилъ, что „старшій панъ“ посылаетъ „сынови у Билу Церкву воливъ и ще де що зъ панычемъ“.

Къ ночи мы доѣхали до Острой Могилы и попросились ночевать къ какому-то шляхтичу (чиншевику). Во время крѣпостнаго права эта шляхта выдавалась среди сельскаго населенія какъ своею зажиточностію, такъ и внѣшними признаками: одеждою, способомъ общенія съ людьми и даже языкомъ. Это было что-то среднее между крестьянами и панамъ. Они такъ же работали, какъ и крестьяне, но одѣвались не по-украински, а въ малорусскомъ ихъ говорѣ слышны были польскія слова. Между ними были и католики, и православные. Люди этого сорта мнѣ хорошо знакомы, потому что въ селѣ, гдѣ жилъ мой дѣдушка и гдѣ я провелъ дѣтство и проводилъ гимназическія каникулы, было много шляхты. Старики изъ нихъ были болѣе ополячены, чѣмъ молодежь; при ихъ католичествѣ они между прочимъ придерживались ритуала православнаго; такъ напри- мѣръ — тѣ, у кого мы ночевали, извинялись, что по случаю поста (спасовки) имъ нечѣмъ насъ покормить, кромѣ соленыхъ огурцовъ; на мой вопросъ объ ихъ вѣрѣ, они отвѣтили мнѣ, что они католики. Разспросивши ихъ, я узналъ, что семья эта

знаетъ моего дядю, къ коему они возили, какъ къ извѣстному доктору, свою невѣстку, больную чахоткой. Старикъ хозяинъ толково разсказалъ мнѣ, что Острая Могила—имѣніе генерала Монтрезора, который командовалъ дружинами во время царскаго смотра, бывшаго въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви передъ войною, что благодаря Монтрезору, его одинъ сынъ возвращенъ изъ военной службы „уже забритый“.

Вообще въ этомъ дворѣ на ночлегъ обращались со мной, какъ со взрослымъ и—панычемъ.

Очень рано, еще до восхода солнца, мы стали собираться въ дорогу; но когда я хотѣлъ помочь Прокопу подмазывать возъ, то несшая съ оборы доенку молока старуха позвала одного изъ сыновей словами:

— Пуйдзь помужь воза посмароваты; нѣхъ паничъ не всыляется...

Среди мычанія и бляннія выгоняемаго на пастбище стада, мы выѣхали изъ села и неподалеку увидѣли большую валку чумаковъ, везшихъ громадныя брусья дерева. Чумаки, очевидно, ночевали здѣсь, только собирались трогаться въ путь, смазывали возы, „налыговали“ подогнанныхъ къ табору воловъ. Памятуя столкновение съ пьянымъ чумакомъ въ корчмѣ и послѣ привѣтливости хозяевъ нашего послѣдняго ночлега, я даже отвернулся отъ табора, не хотѣлъ смотрѣть на оборванные, дегтарныя фигуры чумаковъ.

Опять поля, то желтыя, то чернѣющія недавно взоранными борознами; людей въ полѣ больше; они то пахутъ, то еще убираютъ, а гдѣ и возятъ хлѣбъ.

И прикурнулъ на возу, и даже больше того,—крѣпко заснулъ. Разбудилъ меня крикъ Прокопа. Онъ затююкалъ на пробѣжавшаго поперекъ дороги зайца. Пришедши въ себя послѣ сна и выслушавъ замѣчаніе Прокопа, что „колыбъ чего не трапилось, цо заецъ перебигъ дорогу“, я замѣтилъ на возу два просяныхъ снопа. Прокопъ, оказалось, взялъ ихъ съ придорожной нивы, и когда я сталъ его журить, то онъ прехладнокровно объяснилъ:

— А же я не людске, а паньске взявъ! у ихъ богато, не забиднiють!.. Що ихъ жалить! И я по малодушiю, хотя и сознавалъ, что чужаго брать нельзя, промолчалъ.

Мы вѣхали въ свекловичныя плантаціи, которыя далеко растянулись въ обѣ стороны отъ обкопанной канавками дороги. Прокопъ недоумѣвалъ, что это за посѣвъ, но когда я рассказаль ему, что это бураки, изъ которыхъ дѣлають сахаръ, то онъ еще болѣе сталъ удивляться и наконецъ сознался, что онъ не знаетъ, что это такое „цукоръ, що винъ таке и дочого“. Тетка снабдила меня сахаромъ, котораго не пришлось за всю дорогу вынимать; я сейчасъ полѣзъ въ мѣшокъ и показаль Прокопу кусочекъ сахару и далъ ему попробовать. Онъ одобрилъ: „воно таке солодке, наче медъ; изъ роду я его, мойкы, не йивъ!“ Но онъ все таки недоумѣвалъ, какъ изъ этого зеленѣющаго растенія дѣлають сахаръ и, хотя я ему и говорилъ, что это бураки, но онъ для удостовѣренія перескочилъ ровъ и вырвалъ одинъ корень, обтрепаль землю съ него и попробоваль зубами. Вѣроятно, послѣ сахару онъ не показался ему достаточно сладкимъ, потому что онъ плюнулъ и замоталь головою.

— Такъ соби буракъ! Я, къ несчастiю, не могъ въ точности объяснить ему процессъ добыванія сахара изъ этихъ бураковъ.

Теперь, если живъ Прокопъ, то онъ и его потомки давно уже познакомились съ этою продукціею, такъ какъ, по всему вѣроятiю, и „Могилянскій степъ“, гдѣ стояли чумаки и потчивали его „доброю рыбою чехонею“, и другіе сосѣднія степи уже вспаханы и засѣяны бураками.

Перебѣжавшій намъ дорогу заяцъ все таки напророчилъ бѣду.

Проѣхали мы свеклу и уже затѣвали остановиться кормить воловъ ворованными снопами проса, какъ вдругъ что-то въ возу треснуло, и онъ сѣлъ на передокъ: оказалось, что старая передняя ось, „зъ макогономъ“, т. е. съ поддѣланнымъ однимъ плечомъ, сломилась въ мѣстѣ сная. Положеніе было безпомощное, такъ какъ запасной оси у насъ не было, да если бы и была ось, то что мы могли сдѣлать безъ инструментовъ и при

нашей малосильности?! Нужно было все снимать съ воза, а на немъ одной кукурузной крупы было около восьми пудовъ.

Воловъ мы выпрягли и пустили къ брошеннымъ съ воза снопамъ проса. Попробовали подвигнуть возъ имѣющимся дрючкомъ, но такъ какъ у насъ не было настоящей „важницы“, то съ трудомъ только удалось намъ отдѣлить сломанную часть оси отъ воза, потому что колесо упиралось въ возъ, а люшня давила ось. Прокопъ только чухалъ „потылицю“, ругалъ зайца, а я стоялъ и придумывалъ, какъ помочь горю. Оставалось сѣсть на слѣпаго и ѣхать въ село Езерно, которое мы уже минули. Тамъ въ экономіи знали дядю и, разумѣется, не отказали бы въ помощи, но я почему-то стѣснялся ѣхать туда на слѣпомъ.

Проѣхали, обгоняя насъ, двѣ жидовскихъ брыки, биткомъ набитыя евреями, равнодушно посматривавшими на насъ, промчался на лихой парѣ въ нейтычанкѣ какой то экономъ, служащій въ имѣніи графовъ Браницкихъ ¹⁾, и только покричалъ намъ, чтобы мы не впускали воловъ въ далеко оставшуюся за нами полосу гречихи.

— Онде надиходять ти чумаки, що мы ихъ проихалы: вонь дадутъ пораду,—какъ то увѣренно сказалъ Прокопъ.

Дѣйствительно, по шляху отъ Езерной тянулась громадная валка, пыль отъ нея относилась вѣтеркомъ въ сторону и слышенъ былъ скрипъ чумацкихъ мажъ.

Я не хотѣлъ просить помощи у этихъ *непретънно пьяныхъ*, по моему мнѣнію, грубыхъ гайдамакъ и уже порѣшилъ было ѣхать въ Езерно, но такъ какъ ѣхать туда нужно было мимо чумаковъ, то я надумался остаться, пока они проѣдутъ мимо насъ.

Валка подвигалась все ближе; можно было уже рассмотреть лицо идущаго около передняго воза чумака. Это былъ высокій человѣкъ, совершенно загорѣлый и замазанный дегтемъ, запыленный, съ длинными усамн и съ давно небритой бородой. Онъ медленно ступалъ по дорожной пыли своими гро-

¹⁾ Экономъ по русски приказчикъ въ имѣніи.

мадными чоботами и слегка помахивалъ только кнутомъ; на торчащей изъ воза палкѣ повѣшена была его изношенная шапка. И онъ, и его волю съ широкимъ ремненнымъ налыга-чемъ, и вся *мажа*—все это было покрыто пылью; за нѣсколько шаговъ отъ всего этого несло запахомъ дегтя.

Поровнявшись съ нами, чумакъ грубо, съ ироніей какъ бы, спросилъ насъ:

— Що! здобулы лыха, чумаки?!

Я молчалъ, оскорбляясь этимъ его тономъ, но Прокопъ спокойно отвѣтилъ.

— Та ось прыгода трапылась: ося поламалася.

Чумакъ какъ то зацокалъ: „цъ! цъ! овва!“, но продолжалъ идти своей дорогой около своей передней пары, за которой шли три воза безъ погоньчегъ; на четвертомъ возу сидѣлъ чумакъ, похожій на передняго. Этотъ слѣзъ и подошелъ къ намъ, и вслѣдъ за нимъ, по мѣрѣ прихода валки, къ намъ подошло человекъ болѣе десяти чумаковъ разныхъ возрастовъ, и всѣ одинаково замазанные, загорѣлые, грязные. Каждый изъ нихъ, какъ бы сговорившись, цокалъ и оввакалъ:

— Цъ! цъ! овва!—Нѣкоторые разнообразили выраженія своего участія или фразою—„погана справа!“,—или насмѣшливымъ „отъ такъ дочумакувались!“—Заглядывали подъ возъ, повторяли слово „макогинъ“ съ тѣми же прицокиваніями. Меня все это злило, и я ожидалъ только ихъ ухода, чтобы ѣхать въ Езерную за помощію, но къ моей досадѣ тотъ, что шелъ впереди всѣхъ, что-то закричалъ, и когда чумаки, стоявшіе около насъ, поспѣшно пошли къ возамъ, то я увидѣлъ, что валка тутъ же въ саженьяхъ пятидесяти располагается на отдыхъ.

Это обстоятельство меня сильно смутило. Мнѣ вовсе было нежелательно такое близкое и по неволѣ долговременное соседство этихъ грубыхъ чумаковъ-гайдамакъ, которые непременно сейчасъ же послѣ остановки сдѣлаются пьяными, и не преминуть, чего добраго, и нашихъ воловъ угнать, если я оставлю самого Прокопа. Раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть, я увидѣлъ идущаго къ намъ того самого грубаго пронизирую-

щого передняго чумака, между тѣмъ, какъ другіе распрягали своихъ воловъ и копошились около возовъ. Подошедши къ намъ, чумакъ такъ же грубо и, какъ бы иронизируя, сказалъ:

— А нуге! що тутъ у васъ, чумаки, трапылось?!

Прокопъ сейчасъ же рассказалъ и показалъ все. Чумакъ молча осмотрѣлъ, почесавъ свою запыленную копну волосъ, и сталъ также цѣмокать, но съ добавленіемъ раздумчиваго: „гмъ! гмъ! Отъ таке!“—Затѣмъ онъ взялъ вынудое уже Прокопомъ плечо оси, осмотрѣлъ и громко крикнуть къ табору:

— Хведько! несы сюды сокыру и сверделъ. Я понялъ, что этотъ грубый *гайдамака* собирается помочь намъ, и чувство враждебности вдругъ замѣнилось у меня уваженіемъ къ его умѣлости.

Хведько, молодой парень, очень красивый, что я только теперь увидалъ, такъ какъ прежде по возможности избѣгалъ смотрѣть на этихъ „грубыхъ“ чумаковъ, сейчасъ же исполнилъ требованіе, а затѣмъ явились еще человекъ четыре, которые помогли вынуть передокъ воза, послѣ чего передовой чумакъ принялся примѣривать „макогонъ“, а когда таковой оказался совершенно никуда негоднымъ, то съ табора была принесена ось, изъ которой вышла надставка къ нашей оси. Во время этой работы Йосыпа—такъ звали передняго чумака—изъ табора пришло еще двое, трое, и всѣ они расположились около насъ, кто сидя, а кто растянувшись на землѣ; нашъ макогонъ и щепки Хведькомъ были собраны и отнесены въ таборъ на кострикъ, разведенный подъ треногомъ, на которомъ привѣшенъ былъ казанъ. Чумаки предобродушно спрашивали насъ, кто мы и откуда ѣдемъ, не называли меня „панычемъ“ и—что всего страннѣе—не восхищались нашими волами, не далеко отъ нашего воза ѣвшими принесенные Прокопомъ просяные снопы. Много времени спустя, я уразумѣлъ *manière d'être* этихъ моихъ благодѣтелей: всѣ они были изъ казенныхъ селъ Чигиринскаго уѣзда и не питали ни особаго уваженія, ни ненависти къ папамъ (ляхамъ тоже); воловъ же не хвалили по ихъ чумацкой „благовоспитанности“, правилами коей воспрещается хвалить въ глаза хозяину его скотину, чтобы „не наврочыты“ (сглазить) ее.

Чумаки курили трубки всѣ, не исключая и Йосыпа, которъй былъ, какъ оказалось, у нихъ атаманомъ и съ Хведькомъ, младшимъ братомъ, гналь „сімъ паровыць“. Ъхали они изъ Одессы, откуда везли въ Кіевъ „казьонну“ хуру—дерево на лафеты, какъ значилось въ ихъ накладной, мною громко, по ихъ просьбѣ, прочитанной. Это были огромные куски—цѣлыя глыбы какого-то дерева, привезеннаго, по словамъ чумаковъ, въ Одессу на кораблѣхъ. На каждомъ возѣ улеглось только по одному куску этого дерева. Чумаки обратили мое вниманіе на то, что дерево это совершенно сухое и безъ малѣйшихъ трещинъ.

Пока Йосыпъ придѣлывалъ намъ ось, я имѣлъ время при-смотреться къ чумакамъ. Правда, они были грязны отъ пыли и дегтю, нѣкоторые достаточно оборваны, съ давно небритыми бородами, но всѣ они были рослы и статны, съ серьезными, но замѣчательно добрыми лицами. Шутки и разговоры ихъ были степенны и приличны и въ обращеніи къ намъ съ Прокопомъ небыло ничего насмѣшливаго, какъ это мнѣ показалось было сначала. Изъ разговоровъ я узналъ, что они въ это лѣто дѣлають третій путь, что зимовали на „запорожьи“, гдѣ-то на Ингуль, по случаю прошлогодняго неурожая сѣна въ Чигиринщинѣ, что на „Мертвоводи“ имъ пришлось простоять нѣсколько дней по случаю необходимости переменить нѣкоторыхъ воловъ, что тамъ—(Мертвоводъ, т. е. Вознесенскъ)—собирается большая скотская ярмарка, что тамъ же они поймали какого-то карманщика и отодрали его батогами.

Ось наконецъ исправлена, отодранный отъ стараго макогона „пидисокъ“ вдолбленъ въ ось, для чего Хведько ходилъ въ таборъ за долотомъ; общими усиліями исправленный передокъ подвернуть подъ возъ, вдѣтъ шворень и даже было предложено помазать оси, но Прокопъ взялся самъ за это дѣло.

— Ну, теперъ зъ васъ, хлопци, могорычъ! сказалъ Йосыпъ, пока Хведько убиралъ струментъ. Я сконфуженно полѣзъ уже въ карманъ, не зная, сколько заплатить за работу, но компанія поняла мое замѣшательство и поспѣшила заявить, что „винъ жартуе, грошей не возьме, а горилки купувать тутъ

нигде“ ; тогда Йосыпъ все такимъ - же серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Не выймай, хлопче, грошей, а якъ Богъ донесе тебе до господы, то въ недилу поставь свичку за чумакивъ!

— Ну, що жъ рушатымете зъ Богомъ?! Тамъ у Вильшаній напоите худобу.—А то можебъ зъ нами кулишу поилы, якъ що ложки маете...—добавилъ онъ.

Я стоялъ и не могъ ничего сказать, окончательно сконфуженный этою любезностію, этимъ серьезнымъ, отчасти наставительнымъ тономъ, и даже не сумѣлъ поблагодарить этого чумазаго атамана, который пошелъ вслѣдъ за другими въ таборъ.

Мы стали собираться, а въ таборѣ чумаки мыли изъ боклага руки и усаживались обѣдать. „Воливя“ ихъ порядочнымъ гуртомъ паслась въ сторонѣ, и оттуда доносились звуки сопилки, на которой игралъ очередной пастухъ.

Когда мы уже минали по шляху таборъ, тогда только я подошелъ къ обѣдавшимъ чумакамъ и сказалъ:—Спасыби вамъ, дядку Йосыпе, за вашу помичь!—причемъ снялъ фуражку.

— Богу дякуй—отвѣтилъ онъ тоже серьезно, и на мое „прощайте“—почти всѣ отвѣтили:

— Йидьте здоровы зъ Богомъ!

Отходя отъ нихъ, я услыхалъ слова—„Бачъ! паненя, а дякуе!“—Когда же я, садясь на возъ, оглянулся на таборъ, то изъ-за возовъ видно было только часть обѣдающей группы чумаковъ, не обернувшихся даже въ нашу сторону.

Опять забродили у меня въ головѣ „думки та гадки“, опять я чувствовалъ, сознавалъ, что эти мужики, даже въ образѣ худшихъ до той поры въ моемъ мнѣніи ихъ представителей, чумаковъ-гайдамаковъ, все таки люди хорошіе, симпатичные, сумѣвшіе отнестись сочувственно ко мнѣ и оказать нужную помощь, что во всякомъ случаѣ они милѣе мнѣ этихъ пановъ, одинъ изъ которыхъ промчался мимо насъ, погрозивъ намъ, но не обративъ даже вниманія на постигшее насъ несчастіе. О привилегированности моей въ вызовѣ помощи со стороны серьезнаго чумацкаго атамана Йосыпа и рѣчи быть не могло, такъ какъ онъ все время серьезно говорилъ и ко мнѣ,

какъ и къ Прокопу,—„хлопче“ и даже ни разу не улыбнулся, не смягчилъ строгости выраженія своего загорѣлаго красиваго лица.

Все, говорю, это вращалось у меня въ мысляхъ, хотя точно и несформированное, но ясно и вѣрно сознаваемое всею впечатлительностію моей натуры. Одно было мнѣ ясно—это то, что всѣ эти мужики, начиная съ Прокопа и до этихъ заманныхъ дегтемъ чумаковъ, стали мнѣ съ этого времени близкими и какъ-бы своими.

Въ Ольшанкѣ мы напоили нашу худобу и передъ заходомъ солнца подѣзжали уже къ Бѣлой Церкви. Съ горы Зарѣчья передъ нами открылась обширная панорама всей долины Роси съ мѣстечкомъ, съ уходящею вдаль на Западъ зеленью Александріи и Голендерни, съ Рошкомъ, протягивающимся на Сѣверъ, и съ обширными левадами къ псарнѣ, внизъ по Роси. Но вотъ мы минули Зарѣчанскую церковь, мостъ на Роси и повернули влѣво за гимназіей, чтобы черезъ площадь, мимо палаца графовъ Браницкихъ, завернуть въ переулокъ, проѣхать во дворъ къ дядѣ.

Я шелъ гордо, самоувѣренно, съ сознаниемъ своихъ ново-прибывшихъ силъ, и въ ту пору въ совершеніи своего путешествія видѣлъ цѣлый подвигъ.

Борисъ Познанскій.

Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры.¹⁾

Матеріаль, послужившій для настоящей замѣтки, взятъ изъ данныхъ, добытыхъ раскопками на Княжей Горѣ въ прошломъ году. Изъ всей массы найденныхъ предметовъ я выдѣляю довольно многочисленную группу, состоящую изъ вещей, тождественныхъ, вполне или отчасти, съ теперь существующими, главнымъ образомъ въ крестьянскомъ быту. Какъ я уже раньше говорилъ въ общемъ отчетѣ о раскопкахъ на Княжей Горѣ²⁾, предметы эти до того похожи на современные, что на первый взглядъ представляется преувеличенной ихъ древность: съ одной стороны, трудно предположить, чтобы въ XI—XIII вв., къ которымъ относятся данные предметы, культура достигла такого развитія, съ другой—какъ то не хочется вѣрить, что, не смотря на столько прожитыхъ вѣковъ, культура такъ мало подвинулась впередъ. Но, какъ бы тамъ ни было, факты, на основаніи которыхъ мы можемъ опредѣлить время распространенія этихъ предметовъ, говорятъ за ихъ древность. Главное доказательство заключается въ совмѣстномъ нахожденіи этихъ простыхъ предметовъ съ другими, несомнѣнно принадлежащими великокняжеской эпохѣ; именно, все, что относится къ украшеніямъ, является типичнымъ представителемъ данной эпохи,—всѣ эти головныя повязки, шейныя гривны, серыги, браслеты, кольца, бусы, наконецъ кресты и образки—не представляютъ, за малыми исключеніями, обусловленными прямымъ

¹⁾ Читано въ засѣданіи Ист. общ. Цестора Лѣтовисца 23 февраля 1892 г.

²⁾ „Кіевск. Стар.“ 1892 г. январь.

назначеніемъ предмета, никакого сходства съ современными, хотя не только не уступаютъ, но иногда и превосходятъ эти послѣдніе художественностью работы. Такое полное различіе украшеній XI—XIII вв. отъ теперешнихъ объясняется быстрой смѣной требованій моды, болѣе всего сказывающейся именно въ украшеніяхъ. Кромѣ украшеній, и другіе предметы съ Княжей Горы, если и не въ такой степени разнятся отъ современныхъ, то все таки носятъ очевидные слѣды своей эпохи. Итакъ, главное обстоятельство, говорящее за древность интересующихъ насъ вещей,—совмѣстное нахожденіе ихъ съ несомнѣнно древними. Другое доказательство въ пользу того же носить отрицательный характеръ—это отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ, прямо относящихся къ болѣе позднимъ эпохамъ; объяснить это обстоятельство случайностью трудно, такъ какъ быть поселка или города на Княжей Горѣ представленъ найденными вещами въ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, хоть что-нибудь да дало бы намъ указаніе на болѣе позднюю эпоху, если бы съ ней имѣли въ данномъ случаѣ дѣло. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что съ большой долей вѣроятности эти простые предметы можно отнести къ той же эпохѣ, къ которой относится и большинство найденныхъ вещей, т. е. къ XI—XIII вв.

Переходя къ характеристикѣ предметовъ, которые я имѣлъ въ виду въ настоящей замѣткѣ, нужно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ уже стали выходить изъ употребленія въ крестьянскомъ быту, замѣняясь продуктами фабричнаго производства, но недавно еще были въ полномъ ходу, многіе же вслѣдствіе простоты тѣхъ потребностей, которымъ удовлетворяютъ, живутъ и до сихъ поръ. Еще разъ оговариваюсь: матеріалъ взятъ исключительно изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, и потому перечень предметовъ неминуемо будетъ страдать отрывочностью и отсутствіемъ правильной и подробной классификаціи. Начну съ жилья.—Здѣсь сохранились только печи. Устройствомъ они отличаются отъ теперешнихъ крестьянскихъ: не имѣютъ помѣщеній подъ печью, и самое устье очень невысоко приподнято отъ земли, такъ что при топкѣ приходилось или низко нагибаться,

или работать стоя на колѣняхъ; но способъ постройки печи остался тотъ же самый, именно: печи сбиты прямо изъ глины. Другія принадлежности жилья сохранились только желѣзныя; сюда относятся гвозди разной величины, пробои, задвижки—они всѣ, по формѣ, величинѣ, способу употребленія, совершенно такія же, какъ и теперь работаютъ сельскими кузнецами и расходятся въ крестьянской средѣ; въ любой деревенской кузницѣ, на рундукѣ, въ лавочкѣ какого-нибудь захолустнаго мѣстечка или на ярмаркѣ, ихъ всегда можно встрѣтить на ряду съ другими нехитрыми продуктами крестьянскаго потребленія. Тѣ предметы, къ которымъ я сейчасъ перейду, также точно сходны съ теперешними произведеніями закоружлыхъ рукъ деревенскаго кузнеца, ремесло котораго по видимому еще отъ времени глубокой древности, соприкасающейся съ началомъ желѣзной культуры, пользуется нѣкоторымъ престижемъ среди обыкновенныхъ смертныхъ крестьянскаго міра. Это разнаго рода предметы, именно: домашняго обихода, орудія и инструменты—ножи, ножницы, ножницы для стрижки овецъ и замки. Эти послѣдніе двухъ родовъ: меньшинство—всего 2—3 штуки,—такого устройства, какъ и теперь, остальные же, которыхъ около сотни, типа уже отживающаго, но еще не такъ давно бывшаго въ ходу у крестьянъ. Больше всего обращаетъ на себя вниманіе сходство посуды. На Княжей Горѣ найдено нѣсколько видовъ ея; изъ нихъ амфоры и еще сравнительно незначительные по числу особаго рода кувшины не сохранились въ употребленіи у мѣстнаго народа, за то третій видъ найденной посуды, именно обыкновенные горшки для варки пицци, живутъ и теперь въ тѣхъ же нетронутыхъ временемъ формахъ. Что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ древнюю посуду, это доказывается такимъ неоспоримымъ фактомъ: одинъ изъ кладовъ, найденныхъ въ прошломъ году на горѣ, состоящій изъ 45 предметовъ, типичныхъ представителей XII—XIII ст., каковы напр. шестиугольныя гривны, серьги киевскаго типа и др., помѣщался въ небольшомъ горшкѣ, о которомъ по первому впечатлѣнію положительно можно было-бы сказать, что онъ, не далѣе какъ вчера, купленъ на какомъ-ни-

будь базарѣ,—до того велико сходство съ современной намъ посудой. Посуда, благодаря тому, что часто попадаетъ съ кладами, точно датированными, каковы напр. всѣ монетные клады, даетъ возможность прослѣдить и въ послѣдующее затѣмъ время, вплоть до нашихъ дней, эту замѣчательную устойчивость типа. Земледѣльческія орудія, найденныя на Княжей Горѣ, то вполне сходны съ современными—это серпы, заступы, „чересла“, то лишь отчасти рознятся—напр. нарольники, то совсѣмъ несходны,—какъ напр.—косы. Изъ орудій рыболовства желѣзные и мѣдные крючки—такіе же какъ и теперь; но теперь не употребляются въ здѣшнихъ мѣстахъ остроги, которыми быють крупную рыбу и нѣсколько экземпляровъ которыхъ найдено на Княжей Горѣ. Инструменты кузнечные—молотки, паковальня, напильники; столярные—долота, буравчики, стамески, рубанки, струги—все какъ теперь; нѣкоторое различіе представляютъ топоры, хотя иногда единичные экземпляры близко напоминаютъ современные „сокры“. Есть также различіе и въ приспособленіи желѣзныхъ инструментовъ для работы; такъ, простая, обыкновенная стамеска вставлена въ ручку изъ оленьяго рога; для той же цѣли, повидимому, предназначалось и нѣсколько найденныхъ кусковъ отпиленного рога. Совершенно тождественны древніе и новые инструменты для подрѣзыванія и выбиранія меда, состоящіе изъ желѣзнаго прута, заканчивающагося съ одной стороны лопаткой, съ другой—ножемъ. Нѣтъ также различія между удилами и желѣзными кольцами и пряжками отъ сбруи, вырытыми на Княжей Горѣ и нынѣ употребляемыми крестьянами. Упомянемъ еще о такъ называемыхъ пашенныхъ ямахъ, обнаруженныхъ на Княжей Горѣ; онѣ аналогичны съ такими же ямами, еще недавно служившими для храненія разнаго рода продуктовъ. Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторые мелкіе предметы и тѣ, сходство которыхъ съ современными хотя и существуетъ, но не такъ ясно и очевидно. Настоящій вопросъ затронуть мною только слегка: я не выхожу за рамки раскопокъ на Княжей Горѣ; но и тѣ немногіе факты, которые приведены, даютъ возможность признать, что тотъ „звѣринный“ образъ жизни, который вели сначала наши предки, довольно рано смѣнился

жизвью, обладавшей сравнительно высокой культурой, и что если бы не внѣшнія, а послѣ и внутреннія препятствія, то культура эта несомнѣнно далеко бы ушла въ настоящее время отъ той, въ какой теперь проходитъ жизнь нашего простонародья, жизнь очень часто, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней, стороны во многомъ сходная съ давнопрошедшей стариной. Это сходство культуры даже и съ чисто внѣшней стороны еще разъ подтверждаетъ то извѣстное положеніе, что жизнь низшихъ слоевъ общества обыкновенно отстааетъ на нѣсколько вѣковъ отъ культуры верхнихъ.

Я затронулъ настоящій вопросъ, желая обратить вниманіе на то обстоятельство, какъ, благодаря очень мало измѣнившимся условіямъ жизни нашего народа, культура его, дошедшая еще въ глубокой древности до извѣстнаго предѣла, остановилась и потому даетъ матеріалъ, даже съ внѣшней стороны, для наблюденія факта устойчивости и долгой живучести формъ, выработанныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ; я думаю, что и такого рода переживанія, подобно переживаніямъ въ области нравовъ, обычаевъ, языка, народнаго міровоззрѣнія, также заслуживаютъ подробной разработки ¹⁾.

Съ развитіемъ фабричнаго производства, съ улучшеніемъ путей сообщенія, вообще съ развитіемъ сношеній и жизненнаго оборота, предметы, въ теченіе многихъ столѣтій бытовавшіе въ крестьянской жизни, уступаютъ мѣсто произведеніямъ новѣйшей культуры. Съ этой, чисто внѣшней стороны, обыкновенно и почитается движеніе и завоеваніе болѣе высокой куль-

¹⁾ Во время чтенія этого реферата В. В. Антоновичемъ было сдѣлано слѣдующее добавленіе: „У крестьянъ Южной и Западной Руси существуетъ такое поверіе: семья, въ которой дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ, употребляютъ особый приемъ для того, чтобы предотвратить дальнѣйшіе случаи этого бѣдствія; погребая умершаго ребенка, кладутъ на его грудь запертый замокъ и выбрасываютъ его ключъ, какъ-бы запирая такимъ образомъ смерть въ могилѣ послѣдняго ребенка. Обычай этотъ есть также обычай, относящійся къ явленіямъ переживанія весьма отдаленной старины. Въ прошломъ году, при раскопкѣ славянскаго языческаго кургана, относящагося къ VIII—X ст., я встрѣтилъ скелетъ ребенка не старше 7 лѣтъ и на грудной его кость лежалъ желѣзный запертый замокъ, архаическаго формы, съ замочною скважиной въ видѣ буквы Т и безъ ключа. — В. А.

туры, обнимающее затѣмъ и другія стороны ея. Движеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ происходитъ очень медленно, и очень долго еще вполнѣ культурная съ внѣшней стороны жизнь заключаетъ совсѣмъ не культурное содержаніе, такъ что вышеприведенное положеніе относительно полной еще архаизмами жизни простонародья должно быть почти вполнѣ распространено на средніе классы и отчасти не высшіе, конечно, если понимать культуру въ ея настоящемъ смыслѣ.

Вышеуказанное движеніе внѣшней культуры въ низшую среду какъ разъ наблюдается въ настоящее время среди нашего крестьянскаго міра; существовало оно, конечно, и раньше, но не такъ замѣтно и не въ такихъ размѣрахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы это движеніе было лишь чисто внѣшнимъ. Всегда, даже помимо желанія, переходятъ и развиваются и другія внутреннія стороны культуры; такъ напр., отъ простаго факта перемѣны простонародной одежды на европейскую, или quasi-европейскую, происходитъ перемѣна и взгляда даннаго субъекта на себя, перемѣна иногда не симпатичная, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дающая и хорошія послѣдствія, зависяція отъ стремленія сравняться во всемъ съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежишь по платью. Эти именно не-симпатичныя стороны, такъ быстро прививающіяся народу, обыкновенно и выставляются на видъ, какъ единственные результаты культуры. Но, во первыхъ, при этомъ забываются и хорошія стороны, которыя несомнѣнно существуютъ, но не такъ бросаются въ глаза, а во вторыхъ, культурнаго движенія ничѣмъ не остановишь,—нужно только дать ему извѣстное направленіе. И въ этомъ случаѣ единственнымъ надежнымъ путемъ можетъ служить какъ можно болѣе широкое распространеніе образованія, потребность въ которомъ сознается и самимъ народомъ.

Это сравненіе культуры двухъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, эпохъ, сравненіе, ведущее къ констатированію въ нѣкоторыхъ случаяхъ полной тождественности формъ у древнихъ насельниковъ придиѣпровья и теперешнихъ его обитателей, даетъ возможность затронуть настоящій вопросъ еще съ

другой стороны. Если принять во вниманіе внѣшнее различіе жизни не только большихъ этнографическихъ группъ, но даже и очень малыхъ подраздѣленій, затѣмъ если включить сюда и то обстоятельство, что время также накладываетъ свою руку на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—то наблюдаемый фактъ сходства представится довольно знаменательнымъ и не случайнымъ. Не говорить ли онъ намъ о послѣдовательной смѣнѣ одного поколѣнія другимъ, конечно, подвергавшейся колебаніямъ и даже довольно сильнымъ толчкамъ, но все таки не на столько могучимъ, что быони были въ состояніи въ корнѣ уничтожить основной мѣстный этнографическій типъ? Между предметами, которые я выдѣлилъ изъ числа найденныхъ на Княжей горѣ, помимо вышеуказаннаго общаго сходства съ таковыми же и теперь бытующими среди мѣстнаго населенія, замѣчается также совершенно одинаковая техника въ выдѣлкѣ ихъ, и даже тѣ попытки орнаментики, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ вещахъ, совершенно одинаковы въ своихъ мотивахъ съ нынѣ употребляемыми. Укажу еще на одинъ фактъ, констатированный при раскопкахъ и могущій также служить доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія. Я имѣю въ виду пищу древнихъ обитателей Княжей Горы. Среди разныхъ видовъ хлѣбныхъ растений, каковы рожь, гречиха, просо, преобладающимъ является именно это послѣднее. Имъ была наполнена одна изъ открытыхъ пашенныхъ ямъ, затѣмъ оно въ большомъ числѣ встрѣчалось въ видѣ обугленныхъ комьевъ сплавившагося пшена, и наконецъ, даже найденъ горшокъ, наполовину наполненный пшенной кашей, сохранившейся благодаря огню. Если же принять въ соображеніе, что просо и теперь играетъ видную роль среди пищевыхъ продуктовъ южно-русскаго племени, то и этотъ фактъ говоритъ за однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи. Я, конечно, далекъ отъ мысли, что одними данными археологіи можно вполне удовлетворительно разрѣшить этотъ спорный вопросъ, по думаю, что и они могутъ пригодиться на ряду съ фактами, добытыми другими науками.

Иск. Бѣляшевскій.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій († 9 марта 1892 г.).

(НЕКРОЛОГЪ).

9 марта въ Кронштадтѣ умеръ отъ крупознаго воспаленія легкихъ редакторъ-издатель журнала „Русская Старина“, Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

Покойный родился 4 января 1837 года въ великолукскомъ уѣздѣ Псковской губерніи; воспитаніе получилъ сначала въ полоцкомъ, затѣмъ въ константиновскомъ (дворянскій полкъ) кадетскомъ корпусахъ и, по окончаніи въ 1855 году своего образованія, поступилъ въ военную службу, гдѣ и оставался до 1861 года. Въ 1864 году, послѣ двухлѣтней отставки, М. И. поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству и служилъ здѣсь до 1882 года, сначала въ качествѣ помощника экспедитора и экспедитора государственной канцеляріи, а затѣмъ съ 1877 года, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, работалъ въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Покойный былъ, кромѣ того, почетнымъ мировымъ судьей великолукскаго мирового округа, гласнымъ петербургской думы и одно время въ 1883—85 гг. товарищемъ санктпетбургскаго городского головы.—Такова оффиціальная сторона его государственной и общественной дѣятельности. На сколько плодотворна была она—сказать мы не можемъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Отмѣтимъ только одну черту, характерную для М. И. Семевскаго, какъ общественнаго дѣятеля—это постоянное сочувствіе его основамъ реформъ прошлаго царствованія и, въ особенности, основамъ крестьянской реформы—

черту, выгодно отличающую его отъ многихъ его современниковъ. Извѣстность свою въ русской публикѣ М. И. Семевскій приобрѣлъ, во всякомъ случаѣ, не какъ государственный и общественный дѣятель, а какъ дѣятель литературный и редакторъ-издатель историческаго журнала.

Литературная дѣятельность покойнаго началась еще въ 1856 году, когда онъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ замѣтки о Грибоѣдовѣ, и была посвящена почти исключительно исторіи. М. И. Семевского нельзя, конечно, назвать ученымъ историкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, изслѣдователемъ народной и общественной жизни въ тѣхъ или другихъ ея проявленіяхъ и развитіи. Покойный былъ только собирателемъ фактовъ, характерныхъ для того или другаго лица и цѣлаго общества, и никогда не задавался ни широкими выводами, ни обобщеніями. Но эта дѣятельность заслуживаетъ признательности историка, особенно если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ появились болѣе важные труды покойнаго.

Характеръ историческихъ трудовъ М. И. Семевского въ значительной степени объясняется тѣмъ временемъ (начало 60-хъ годовъ), въ которое появились они: посвящены они, главнымъ образомъ, выясненію темныхъ сторонъ личности Петра и его реформы. Недавно одинъ изъ молодыхъ ученыхъ исторіографовъ бросилъ упрекъ покойному, что онъ „за пьянствомъ и казнями проглядѣлъ истиннаго Петра“¹⁾. Но этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ, какъ не совсѣмъ справедливъ и приводимый г. Шмурло упрекъ Н. В. Покровскаго²⁾. Поскольку мы знакомы съ трудами и взглядами М. И. Семевского на реформу Петра, нигдѣ онъ не отрицалъ ни значенія петровской реформы, ни величія Петра, какъ общественнаго дѣятеля, какъ человѣка принципа, человѣка съ сильной волей. Онъ сознавалъ только, что Петръ съ одной только этой стороны—не истинный Петръ, и, поэтому, повернулъ обратную сторону медали, кос-

¹⁾ Это, нѣсколько неудачное, выраженіе принадлежитъ проф. *Е. Ф. Шмурло* „Петръ Великій въ Русской литературѣ“ Ж. М. Нар. Просв. 1889 г. № 7 стр. 113.

²⁾ *ibid.* стр. 113—114.

нулся интимной стороны его жизни, посматрѣлъ на него не съ точки зрѣнія безжизненнаго исторіографа, а съ точки зрѣнія человѣка, съ точки зрѣнія „началь гуманности, нравственности и свободы“¹⁾. Тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ такая оцѣнка личности Петра была еще явленіемъ совсѣмъ новымъ, но она была необходима, потому что, какъ говоритъ болѣе безпристрастный критикъ М. И. Семевскаго: „всѣ условія, всѣ вліянія, при которыхъ слагался характеръ Петра, которымъ опредѣлялась психическая жизнь этого великаго человѣка,—требуютъ весьма серьезнаго изученія“²⁾. Мы не отрицаемъ, что въ иныхъ мѣстахъ М. И. Семевскій слишкомъ ужъ сгущаетъ краски, но это, повторяемъ, объясняется тѣми условіями, при которыхъ появились его сочиненія.

Цензурный запретъ, который лежалъ на исторіи XVIII вѣка въ первую половину настоящаго столѣтія, повелъ къ тому, что историческіе дѣятели, и между прочимъ Петръ, въ рукахъ изслѣдователей являлись въ ложномъ, почти исключительно панегирическомъ свѣтѣ³⁾. Не мудрено, поэтому, что какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ запретъ этотъ былъ снятъ и начался пересмотръ фактовъ, наступила реакція понегиризму и, какъ всякая реакція, она не всегда умѣла удержать надлежащую мѣру. Въ эпоху этой реакціи и выступилъ М. И. Семевскій. Ею объясняется и выборъ его темъ и затѣмъ характеръ его изслѣдованій⁴⁾, которыя не безъ пользы, вѣдь, прошли для нашей исторіографіи.

Наибольшую же заслугу исторической наукѣ покойный оказалъ изданіемъ ежемѣсячнаго историческаго журнала „Русская Старина“. Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1870 году и за все время своего 21-лѣтняго существованія далъ массу

¹⁾ *ibid.* стр. 113.

²⁾ Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Каз 1891 стр. 427.

³⁾ Е. Ф. Шмурло „Петра Великій въ русской литературѣ“ Ж. М. Н. Просв. 1889 г. № 7 стр. 105 и слѣд.

⁴⁾ Перечень статей М. И. Семевскаго см. въ его книгѣ „Слово и дѣло“ изд. 2-е.

матеріала для русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. Достаточно назвать записки кн. Щербатова „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Добрынина, Бологова, Манштейна, Пассекъ, сенатора Соловьева, проф. Ростиславова, Берга, дневникъ Никитенка, записки гр. Валугева и т. д. и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, какое значеніе имѣеть „Русская Старина“ для разработки исторической науки. Кромѣ записокъ, въ „Русской Старинѣ“ печаталось много писемъ литераторовъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, матеріалы для ихъ біографій, для исторіи учреждений и пр.; помѣщались также и изслѣдованія Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева В. С. Иконникова, В. И. Семевского и др. Вообще „Русская Старина“ отличалась самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и этимъ, конечно, она была обязана своему редактору. За одно ужъ это нельзя не помянуть добрымъ словомъ покойнаго!

По газетнымъ извѣстіямъ, „Русская Старина“, богатая бібліотека и собраніе рукописей М. И. Семевского переходитъ къ брату его, извѣстному историку русскаго крестьянства Василю Ивановичу Семевскому.

Н. В.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Пасхальная вирша. Помѣщенная въ настоящемъ номерѣ статья г. П. Житецкаго «Малорусскіи вирши нравоописательнаго содержанія», въ которыхъ идетъ рѣчь между прочимъ и о пасхальныхъ виршахъ, даетъ намъ поводъ представить еще одинъ вариантъ такихъ виршъ, кажется, нигдѣ еще ненапечатанный. Сверхъ того, апрѣльская книжка журнала очутится въ рукахъ у читателя какъ-разъ во время Свѣтлаго праздника, а потому кстати будетъ перенестись мыслию въ то, уже отбывшее свой вѣкъ, прошлое, когда этотъ «праздниковъ праздникъ» возбуждалъ въ старинныхъ нашихъ поэтахъ, вѣроятно — *пьеоризнаго* свойства, (см. стат. г. Житецкаго въ № 2-мъ текущаго года «Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи») особаго рода творчество. Въ этихъ виршахъ такъ искусно сплелись два элемента — простодушный и юмористическій, что рѣшительно иногда остановишься въ недоумѣніи: насмѣшка ли это, или наивный методъ переведенія религіозныхъ сюжетовъ въ область бытовыхъ народныхъ картинъ? Конечно, послѣ нѣсколькихъ минутъ сомнѣнія сейчасъ же является опредѣленный отвѣтъ: что сатира тутъ не имѣется въ виду, что настроеніе поэта въ моментъ такого творчества самое благочестивое, но что вся — такъ сказать — природа поэта, юмористическая по своему этнографическому типу, осложненная своеобразнымъ воспитаніемъ и школьнымъ ученіемъ, рвется наружу и выливается въ рѣчи тою характерной чертой, которая сказала въ цѣломъ рядѣ виршевыхъ произведеній, драматическихъ піесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ анекдотовъ и, наконецъ, въ пародированныхъ поэмахъ, такъ типично представленныхъ «Энеидой» Котляревскаго, «Вояжемъ ген.-губернат. Беклешова» (см. Кіев. Стар. 1890 г. № 3), «Жабомы-

шодракивкой» Думитрашка и пр. Этой однородностью тона и приемовъ во всѣхъ названыхъ произведеніяхъ, какъ мнѣ кажется, объясняется и тотъ фактъ, что паскальная вирша «Кажуть, буцимъ молодци—негодяйки, лыдащци», напечатанная въ Киев. Стар. 1888 г. № 1—3, приписывается, по слухамъ, Котляревскому, автору Энеиды. И имѣлъ случай, напечатавши впервые эту виршу, получить цѣлый рядъ и письменныхъ, и устныхъ заявленій, будто она принадлежитъ перу Котляревскаго, но такъ какъ всѣ эти заявленія голословны, то я отказываюсь согласиться съ ними и, стави вопросъ для отвѣта людямъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, обращаю только вниманіе на то, что сходство тона и приемовъ творчества могло дать поводъ къ появленію такого слуха.

Намъ любезно доставлена А. Н. Малинкою еще одна подобная же вирша, найденная имъ въ рукописномъ сборникѣ начала нынѣшняго столѣтія. Тутъ съ особенной рельефностью выступаютъ предъ нами картины, переводящія лицъ, извѣстныхъ въ исторіи ветхозавѣтной, прямо изъ ада въ обстановку утѣхъ и радостей въ духѣ сельскаго простонароднаго быта. Что ни строчка,—вамъ сразу бросается въ глаза тотъ же методъ онаціоналиванія церковныхъ сюжетовъ, какой видимъ у Котляревскаго по отношенію къ греческимъ героямъ и богамъ.

В. Науменко.

Путе лишъ берите айця;
Скажу я вамъ диво якесь:
Бачь, якъ будемъ пиловатця,
То скажу: Христось Воскрєсь!
И пиць казавъ: обнимайте
Хлопцивъ, дивокъ, молодць;
Тилько-жь—казавъ—не минайте
Старцивъ, сиротъ и вдовиць:
Щобъ хто встрине, то й цилуйся,
Чи погощичь, чи наничь,
Чи тамъ Феська, чи Маруся,
Чи богатый, чи вдовичь
Винь Святой велить сєго дни,
Вєлыкый щобъ теперь бувъ брать;
Винь въ некелий бувъ безодни,
Чорта звязавъ, огнерь адь.
Скільки тамъ набыто людю.
В н теперь у рай чкурить;
Чорту кицули Іуду,

Винь тоди почавъ стогнати
И все въ двери поглядавъ,
Да ба, не туды полався!..
Тамъ не вмють жартувать:
Чортъ веливъ въ смоли купаться,
Самъ багачъ¹⁾ ставъ підкладать
Нить, тамъ не таєвъ залкочешь, (?)
Якъ почнешь въ смоли кипить.
Да то лучче, якъ оць тїи,
Що теперь чвалають въ рай,—
И гришнїи, и святїи
Все заодно въ путь чухрай.
Лишь тилько вийшли вони въ поле
На зелєный гарный лугъ,
Тай забулы свое горе.
Старьки вси силы вкругъ,
Посидавши розмовляли
Де-що бачъ про старьну,
Въ Сичи якъ колись гулялы,

¹⁾ Тоже, что багаття=огонь.

Якъ бувало въ сарану;
 Парубки въ мяча гуляли;
 Де якіи-жь у жути;
 Дивки писеньки спивали,
 Мали жъ дити — у ката.
 Хто хотивъ, навбыгки бывси,
 Крычавъ: подай мени бойця!
 Соломинъ въ правду дивывся,
 Самсонъ выелыкавъ борця;
 Давыдъ буцимъ на годьну
 Отъ старыкивъ отлучився,
 А тамъ показавъ имъ спину,
 Зъ молодижю излучився;
 На ёго глядя, вси устали,
 Вси къ гулякамъ подошли,
 По двое въ рядъ посадили,
 Якъ дзыглыкы¹⁾ піднесли.
 Били ихъ сивъ и Аврамъ,
 Дальше зъ якимсь чоловікомъ
 Зъ Евою сыдивъ Адамъ;
 Яковъ, Исаакъ, Розекка,
 Мусій, Ярема и Михай
 Тутъ же силы недалеко,
 Харю, Лисько и Овдій;
 А тамъ Ной сыдивъ зъ сынами
 Отъ забувсь, — чи Лоть сыдивъ?
 Нить! бачця вивъ зъ дочками
 Черезъ головы глядавъ.
 Якъ оттакъ гарнецько силы,
 Втыхомпрылись на часъ,
 Хлопци, дивки ажъ радили,
 Що гулять прыходить часъ.
 Тутъ Давыдъ гусли підстроивъ,
 Козацькои якъ дернувъ!
 Такъ уже никто не встоявъ,
 И нежывый-бы скакнувъ.
 Якъ тилько вчувъ святый Афеть,
 Що вже гусельки брынчать,
 Якъ схопивси, якъ махнеть!
 А за нымъ другий встали,
 Всякъ пару соби прибравъ,

Ставши въ танецъ, тай прохали,
 Щобъ запорозьську гравъ.
 Вси якъ тутъ одтернули
 За свій жаль парубки,
 Ничого тутъ не забули
 Молодици и дивки;
 Перше навприсядки брали,
 Потимъ были трепака,
 А дивчата забывали
 Піддивками гоцака;
 Якъ же взяли молодици
 По своему бушувать,
 Ажъ погубили спидниці,
 Таекъ взяло ихъ розбывать.
 Сіе забачивши Сарра
 Мусила до нихъ устать;
 Такъ же соромъ, имъ сказала:
 Лучче-бъ „невку“ заснигать.
 Оттежъ правда! — вои силы,
 Щобъ хоть трохи одпочить,
 Бо якъ хлюща попотыли,
 Вся сорочка ажъ хлющить;
 Одпочивши, заразъ „невку“
 Уси гуртомъ завели;
 И хлопци якусъ гарнецьку
 Либонъ козацькую гули;
 Тамъ всякъ утишався,
 Що любо було глядять;
 Давай до раю чухратъ.
 Уже прыйшли щось близенько,
 Ажъ тутъ блискавиця блись!
 Вси поклонились низенько.
 И всякій въ землю дивывсь;
 А потимъ якъ загремило,
 Такъ усякъ перелякавъ;
 Разивъ съ п'ять перекрестились,
 Да й пошли роскошовать.
 Нехай вони тутъ гуляють,
 Нехай соби грушы рвуть,
 Нехай и насъ дождають;
 Поки жъ що — погуляймо й тутъ.

1) Маленькая скамочка

Оттеперъ же поцилуймось,
 За виршу кинку дай,
 Тогда съ пляшкой полюбуймось,
 То й на земли зробымъ рай.

За симт, Батьки, вибачайте,
 Бильш не вмию виршовати;
 Чи дасте-жь що, — дакъ давайте,
 Бо ми николи васъ ждаты.

Вирши на воскресеніе Христово. Выписываю здѣсь двѣ вирши на Воскресеніе Христово изъ упомянутой уже мною (Кіевская Старица, мартъ, 482) рукописи бутывинскаго священника Ильи Яремцакаго Бѣлахевича. Первая изъ нихъ обрѣтается на к. 91 verso, вторая на к. 110 v. — 111 recto (по новой нумераціи). Передаю текстъ виршей съ сохраненіемъ правописанія и удареній, причемъ однакожь развязываю титла и переносу надстрочныхъ буквы въ строку.

I.

Проміогъ на Воскресеніе Іисусъ Христово.

- Днёсь по хмурнихъ затменияхъ свѣтлость ся заявила,
 А по тяжкихъ ляментахъ рѣдость ся всѣмъ ѿверила.
 Гди Богъ Слво на крестѣ стояло, на крестѣ стояло,
 И солнце подббную свѣтлость ѿверивало,
 5 И страшніе громѣ перуни вдарили,
 И високіе скѣли ѿ страху трѣщали,
 Капатетазма (sic!), въ церквѣ вполси розодрѣла,
 И ажъ до доду своего цѣла не zostала.
 Усе створѣни Творца на крестѣ познало, !
 10 И въ ляментѣ великомъ три дни zostавало.
 Лечъ Израиль паймилшій і синь первородній
 Даровъ Божіихъ будучи и ласки (естъ) не гдѣнь,
 ѿдалъ Творцу за ласку незндснїе муки,
 Ото прибилъ на крестѣ Пречистіе руки.
 15 Положился во грѣбѣ животь нескончднїй,
 Три дни во грѣбѣ держимъ билъ Синь Божій влюбленнїй;
 Потомъ встѣвши ѿ грѣбу пресвѣтло сіяеть,
 А намъ вѣримъ весѣла гоїне подавѣть.
 Радуйтежся всѣхъ вѣрнихъ днесь усѣ собори,
 20 Христось воскресъ, сиѣваймо зъ ангелскими хдрї.
 Веселя вамъ слухачомъ зичу заживати
 И воскреснаго Христа миле оглядати.
 А потомъ бисте могли о немъ царствовати,
 24 Жичу оусѣмъ слухачомъ въ небѣ на вѣки пребивати.

II.

Отроки на Воскресеніе Господа нашего Иисусъ Христа.

- Днесъ Воскресенія день, ангели спѣвають,
 Тіе вѣсти намъ земнимъ чловекомъ подають.
 Днесъ (бо) вѣмъ чловеки зъ ангели зостаѣли,
 Гди такдого весела нинѣ дочекаѣли.
- 5 Втож $\bar{\omega}$ радости і я не могу стривати,
 Христось Воскресѣ $\bar{\omega}$ мертвихъ буду викригати.
 І Адамъ бо вѣмъ впеклѣ тое днесъ спѣваєть,
 Гди самъ Христосъ $\bar{\omega}$ ада [южь днесъ] егдъ визволяєть,
 Котрій въ темнихъ пекелнихъ мукахъ зостаѣлъ,
- 10 Котдрій бдлемъ великимъ Збавителя взявалъ.
 Отожь его Синъ Божій спѣкла вибавляєть,
 И пекелніе врата мужне истираєть,
 Оусѣхъ святыхъ $\bar{\omega}$ вѣла и во гробѣ спящихъ
 Воводить до палацовъ сіонскихъ свѣтятихъ,
- 15 Наполняєть весѣла тихъ що били всмутку
 Котдріе вляментѣ и жалосномъ skutку.
 Ізбранніе язци вси си веселѣте,
 А воскресшаго Христа гойне вси славѣте.
 День нинѣ той пресвѣтлій, день на триумфъ данній,
- 20 Днесъ $\bar{\omega}$ Господа самого ізбранній.
 Днесъ весѣла гойнаго днесъ наполненній,
 День слѣвчихъ дворовъ сіонскихъ речевній,
 День, у котрой свѣтлость вдячна восіяла,
 Котдрая $\bar{\omega}$ гроба триднєвно повстала.
- 25 Въ тотъ день Синъ Божій зъ моцарствомъ виходить,
 Адама всѣхъ бившихъ о нимъ прозвѣдить;
 Котдрихъ смѣгъ пекелній в антиподахъ трималъ,
 Тихъ Синъ Божій предвѣчній сам до неба послалъ,
 Аби вси тамъ весѣла гойне заживаѣли,
- 30 Зъ ангелами сполєчне Бога оглядаѣли,
 Іми егдъ святое гойне возносили,
 Чимъ котдріе на земли радость припосили.
 День бо вѣмъ той, въ котрій самъ Богъ [отпочиваєть і] $\bar{\omega}$ почивалъ,
 Коли Емпѣрейскіе палаци будоваѣлъ,
- 35 Въ той день Синъ Божій повсталъ $\bar{\omega}$ гроба;
 Церквамъ святымъ биваєть свѣтлалъ оздоба.
 Прѣто втѣй день весѣла гойне заживаймо,
 Воскресъ Иисусъ $\bar{\omega}$ гроба вдячне заспѣваймо.
 О востдчное солнце нинѣ засвѣтило,
- 40 Котдрое часъ спящихъ въ грѣхахъ сбудило.
 Воскресъ Иисусъ $\bar{\omega}$ гроба, солнце предсвѣтлоє,

- А Сынъ Оца любимій, слово безлѣтное,
 Восіа Христе во мирѣ благодать твоя,
 Оми бо ѿ мене вся грѣхи моя.
- 45 Воскресеніе пѣютъ Ангели на небеси,
 Неизмѣрному Божію дивятся чудеси.
 Триумфуетъ оувесь свѣтъ Воскресеніемъ Христовымъ,
 Радостію наполненный и веселіемъ гойнимъ,
 Же тѣмъ великій монархъ труда тяжкіе за насъ поднялъ,
- 50 Аби зъ насъ хрестіанъ ни одинъ во адѣ пѣвелномъ не zostалъ,
 Але жеби его Христосъ Сынъ Божій до царствѣа запровадилъ,
- 52 А тамъ въ горнѣемъ Сіднѣ праведника поставилъ.

Обѣ эти вирши помѣчены въ рукописи 1748 годомъ. Однакожъ судя по тому, что текстъ нашъ представляетъ многія погрѣшности, пропуски и ненужныя вставки, нарушающія размѣръ (здѣсь собственно число слоговъ) и рѣзю, отмѣченныя у насъ скобками, нужно полагать, что Яремещій самъ не былъ авторомъ этихъ виршей, но списалъ ихъ изъ какого нибудь болѣе древняго подлинника, или даже изъ устъ какихъ нибудь дьячковъ или «отроковъ», которые во время праздниковъ расхаживали по домамъ обывателей, декламируя или распѣвая ихъ и получая за это извѣстное вознагражденіе, обыкновенно нѣсколько крапановъ и «перѣничку», т. е. булку бѣлаго хлѣба. Обычай этотъ сохранился въ галицкихъ мѣстечкахъ еще до недавнихъ поръ, а можетъ быть, существуетъ гдѣ-нибудь еще и теперь; въ Дрогобычѣ я помню еще при концѣ 60-хъ годовъ мальчиковъ, ходившихъ такимъ образомъ, какъ называлось, «по ораціи». Позже обычай этотъ какъ то прекратился.

Прибавлю еще нѣсколько подробныхъ замѣчаній къ тексту виршей. Что касается содержанія виршей, то оно не представляетъ ничего особеннаго. Интересная здѣсь развѣ 17-я строка второй вирши, гдѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе объ антиподахъ какъ области духовъ враждебныхъ Богу, гдѣ томпились праотцы стараго завѣта, въ ожиданіи пришествія Христова. Представленіе это, кажется, не встрѣчается у нашихъ писателей XVI—XVII вѣка, и должно быть отнесено къ вліянію западно-европейскому¹⁾, гдѣ вопросъ объ антиподахъ составляетъ еще со временъ Данта средоточіе нескончаемыхъ теологическихъ препирательствъ. Стоитъ отмѣтить и еще одно, впрочемъ довольно обивчивое представленіе въ строкахъ 34—35, а именно, что Богъ,

¹⁾ Подробно разъясняется этотъ вопросъ въ сочиненіи Іоаннія Голятовскаго „Души людей умершихъ“.—Ред.

отдыхая въ воскресенье послѣ созданія міра, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалъ «емиѳрейскіе палацы», о созданіи которыхъ въ книгѣ Бытія ничего впрочемъ не упоминается. Такъ ли должно понимать это мѣсто, а ежели такъ, откуда взялъ авторъ вирши это представленіе, я не берусь рѣшать.

Языкъ нашихъ виршей представляетъ довольно странную смѣсь церковнославянскаго съ южнорусскимъ народнымъ нарѣчіемъ. Отмѣтимъ слѣдующія особенности:

Вирша I, стр. 4, *солнце-подобную* — въ текстѣ писано раздѣльно, должно составлять одно слово: солнцеподобную, *sonnenähnlich*; стр. 7 «капатетазма» стоитъ вм. катапетазма, по гречески занавѣсъ, интересная перестановка звуковъ, аналогическая съ многочисленными того рода явленіями въ южнорусской нар.—рѣчи (колушпокъ вм. полушпокъ, колушпокъ вм. полукшпокъ и т. п., см. *Em. Ogonowski, Studien an dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, стр. 95); стр. 16 «влюбленный» вм. улюбленный—возлюбленный. Вирша II, стр. 5 «Вгожъ» вм. отожъ, аналогическія явленія въ малороссійской нар. рѣчи очень многочисленны; какъ одно изъ болѣе рѣдкихъ, отмѣчу слѣдующее въ нар. пѣснѣ, записанной мною въ с. Лолинѣ, долинскаго пов.

Биджошъ моя несчастлива, биджошъ моя, биджо!
Я си гадавъ, що буду влїй (вм. олій) исты,
Най же го истъ дядько!

Миронъ.

Слѣды древнихъ поселеній. Лѣсная мѣстность Винницкаго уѣзда, находящаяся при рѣкѣ Бугѣ и ея притокахъ Згарѣ и Бобркѣ, гдѣ расположены с.с. Гуцинцы, Сопруновъ и м. Мизяковъ, представляетъ собою слѣды древнихъ поселеній. Особенно въ этомъ отношеніи богато с. Гуцинцы. По лѣвой сторонѣ Буга, напротивъ Гуцинецъ, находится урочище «Приська». Здѣсь, говоритъ преданіе, въ древности было поселеніе этого имени и, какъ на слѣды его, указываютъ на выпахиваемый кирпичъ, черепы и проч. По правую сторону Буга, въ верстѣ отъ села, возлѣ рѣчечки Бобрки, урочище «Селвице», какъ передаютъ, тоже бывшее когда-то село. Затѣмъ сохранилось преданіе, что по теченію Буга въ 4 верстахъ отъ Гуцинецъ былъ большой городъ «Билый каминь», въ которомъ находилось 7 церквей. Указываемое мѣсто на невысокомъ холмѣ имѣетъ съ восточной стороны идущій параллельно съ Бугомъ большой валъ

длиною въ 95 сажень. По словамъ крестьянъ, здѣсь часто выпахиваются гладкіе, какъ-бы шлифованные камни (изъ описанія ихъ можно предположить, что это остатки древнихъ орудій), а также кирпичъ и черепья.

Въ смежныхъ лѣсахъ Гуцинецъ, Сопрунова и Мизякова, расположенныхъ на гористой мѣстности, которая на востокъ ограничена р. Бугомъ, на сѣверѣ Бобровкой, а на югѣ Згаромъ, находится масса кургановъ и ямъ. Курганы эти разной величины, но между ними попадаются отличающіеся особенною высотой и обширностью¹⁾.

Въ Гуцинецкомъ же лѣсу на высокомъ холмѣ, который на западѣ соединяется посредствомъ хребта съ другимъ холмомъ, на сѣверѣ имѣетъ крутой спускъ къ р. Бобркѣ, а на востокъ и югѣ къ глубокой долинкѣ, находится урочище «Замчысько» съ слѣдами древнихъ укрѣпленій (въ Мизяковѣ наз. его «Паланкою»). Представляетъ оно собою площадь, окруженную двумя валами, въ срединѣ которыхъ находится глубокая канава. Внутренній валъ выше внѣшняго и въ длину имѣетъ до 300 арш. Глубина канавы отъ 12 до 16 аршинъ. Площадь «Замчыська» въ поперечникѣ 85 арш.; поверхность ея не ровна, такъ какъ на ней есть нѣсколько бугровъ и круглыхъ ямъ. На западѣ, въ 45 арш. разстоянія отъ этихъ окоповъ, хребетъ холма пересѣкается валомъ въ 135 арш. длины, съ внѣшней стороны котораго тоже находится глубокая канава. Вблизи «Замчыська» попадаются курганы и ямы. Преданій о немъ не сохранилось.

Въ описываемой мѣстности никогда еще не было археологическихъ раскопокъ, а также расхищеній древнихъ вещей по примѣру другихъ мѣстъ; поэтому можно быть вполне увѣреннымъ, что археологія обогатилась-бы, если бы здѣсь были слѣданы систематическія раскопки специалистами археологами.

В. Боржковскій.

Цѣлебный источникъ.—Недалеко отъ только-что упомяятаго «Замчыська», въ томъ-же лѣсу, въ глубокой долинкѣ, къ которой сходятся нѣсколько высокихъ холмовъ, есть минеральный источникъ «Чопова», извѣстный въ народѣ за цѣлебный. Изъ долины этой онъ

¹⁾ На одомъ изъ такихъ кургановъ, находящемся въ Мизяковскомъ казенномъ лѣсу, въ урочищѣ „Княжиха“ (последній холмъ возлѣ Буга) была, по преданію, устроена во время татарскихъ набѣговъ „вежа“, съ которой предупреждали жителей Мизякова о приближеніи татаръ.

ручейкомъ впадаетъ въ р. Вобрку. Надъ колодеземъ этымъ стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «кырыця Чонова вода помишна. 1887 г.». На крестѣ посерединѣ икона св. Николая, а по бокамъ нѣсколько меньшихъ иконокъ.

Объ источникѣ этомъ сохранилось двѣ легенды. Одна легенда говоритъ, что когда-то очень давно изъ той долины, изъ-подъ горы вытекала цѣлая рѣка и что будто бы изъ нея поднимались пары и надъ ней вѣчно носились тучи, что служило причиною частыхъ бурь, дождя и града. Это причинило такія бѣдствія въ окружающей мѣстности, что какой-то панъ приказалъ срубить много дерева и забить имъ то мѣсто, откуда рѣка брала начало, и съ того времени остался только колодезь съ маленькимъ ручейкомъ.

Другая легенда передаетъ, что тамъ, гдѣ теперь колодезь, начиналась большая рѣка и что возлѣ нея на холмѣ стояла церковь; но во время татарскихъ набѣговъ, жители, не желая допустить разграбленія церкви, затопили въ этой рѣчкѣ всю церковную утварь, колокола и даже самое зданіе ея. Съ тѣхъ поръ рѣчка эта обратилась въ колодезь и изъ глубины его можно слышать каждый годъ на пасху колокольный звонъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ были затоплены священныя принадлежности, вода этого колодца сдѣлалась цѣлебною. Возлѣ колодца съ лѣвой стороны находится трясина, въ которую, по словамъ крестьянъ, погружается шесть болѣе двухъ саж. длины. На трясину эту крестьяне и смотрятъ, какъ на «безодню», въ которой вмѣстлась церковь.

Между тѣмъ слава этого источника издавна уже разнеслась по окружающимъ селамъ и къ нему сходятся больные въ надеждѣ получить исцѣленіе; въ особенности водятъ къ нему золотушныхъ дѣтей. Грязь изъ колодца употребляютъ при сильныхъ головныхъ боляхъ, прикладывая её, какъ компрессъ на голову. Воду пьютъ и омываются ею. Послѣ омовенія, въ знакъ того, что оставляются здѣсь болѣзни, развѣшиваютъ на вѣтвяхъ свои рубахи, платки и т. п. Въ колодезь бросаютъ деньги («такъ ныбы то заплатывъ за воду», сказалъ по этому поводу мизяковский крестьянинъ). Воду эту, какъ «свячену», берутъ въ качествѣ лѣкарственнаго средства для домашняго употребленія; пользуются ею и насѣчники, чтобы разводить «сыту» при кормленіи пчелъ весной. Нужно замѣтить, что существуетъ въ народѣ обычай приносить съ разныхъ мѣстъ освященную воду; затѣмъ ее сливаютъ вмѣстѣ и хранятъ въ бутылкахъ. Вода эта обязательно должна быть составлена изъ трехъ источниковъ и притомъ «съ трюхъ

границь». Мизяковскіе, напр., крестьяне для этого приносятъ воду изъ «Чоповой», а также изъ «кернычовъ» с. с. Уладовки и Заливанщины, гдѣ въ виду цѣлебности воды, устанавлены «отпусты».

Ежегодно и издавна происходитъ возлѣ «Чоповой» водоосвященіе, но всего только два года, какъ гуцинецкіе крестьяне стали приглашать сюда крестьянъ другихъ селъ ко дню весенняго Николая, на «виднустъ». Руководить этимъ дѣломъ, какъ говорятъ, больше всего братство сестричекъ, которыя посылаютъ по селамъ нѣсколько человѣкъ для приглашенія, а также для собиранія съѣстныхъ припасовъ на «обидъ», которымъ угощаютъ всѣхъ присутствующихъ по окончаніи водосвятія и молебствія.

У крестьянъ есть желаніе построить когда нибудь церковь или часовню возлѣ колодца въ надеждѣ, что будутъ здѣсь устанавлены «отпусты» по примѣру другихъ селъ, какъ напр.: Уладовки и Заливанщины.

В. Боржковскій.

Изъ прошлаго Кіева. Допросъ въ Москвѣ стрѣльца, присланнаго изъ Кіева съ отписками.

¹⁹²₁₆₈₄ г. іюня въ 12 день, въ приказѣ Малыя Росіи явился изъ Кіева стольника и полковника Павлова полку Бохина стрѣлецъ Мигрошка Павловъ, а сказалъ: къ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ, послалъ его изъ Кіева бояринъ и воевода Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи съ отписки тому нынѣ *осьмой день*.

Въ Кіевѣ милостію Божіею все смирно и про непріятельскихъ людей нигдѣ не слышать; да въ нынѣшнемъ же въ 192 году, а котораго числа, того не упомнить, до его посылки недѣли за двѣ было въ Кіевѣ по два дни о полдняхъ въ церкви *Георія Стратотернца* среди дня свѣщи передъ образами засвѣщались и царскія двери отворились да и напередъ того послѣ свѣтлой недѣли въ той же церкви такожде было, а бояринъ и воеводы о томъ къ великимъ государемъ писали ли, того онъ не вѣдаетъ. А *хлѣбъ* купятъ въ Кіевѣ *кіевской мѣры* осмачку-рожъ *по десяти* и съ *алтыномъ по десяти*, овесъ *по осми алтынъ*. Великихъ государей съ казпою встрѣтилъ на дорогѣ промежъ Бохова и Карачева, а больше того сказати ни про что не вѣдаетъ.

(Моск. арх. Минис. Юст., Слб. Пр. столбцы № 1587).

А. Г—скій.

Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры. Челобитная о разрѣшеніи принять православіе.

Великому государю, ц. в. кн. Петру Алексѣвичу, в. в. и м. и б. Р. самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой солдацкого строѣ прапорщикъ Петрушка *Крефтъ*. По моему челобитью отпущенъ былъ я изъ Переяславля въ богоспасаемый градъ Кіевъ для свиданія сродниковъ своихъ и былъ я, холопъ твой, въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ и видѣлся я, холопъ твой, съ монахомъ Михаиломъ, которой былъ въ нашей Люторской вѣрѣ, а нынѣ онъ во православной кристіанской греческой вѣрѣ; и я, холопъ твой, разговорился съ нимъ монахомъ про православную крестьянскую греческую вѣру и онъ, монахъ, мнѣ, холопу твоему, рассказалъ православную крестьянскую греческую вѣру, какъ она есть во православіи и какъ святые отцы на Седмомъ Соборѣ ее, православную греческую вѣру, установили и какъ можетъ отъ чего человекъ спастися, потому что, государь, въ православной крестьянской греческой вѣрѣ воспріимають печать и даръ Духа Святаго и Пресвятую Богородицу и всѣхъ угодниковъ почитаютъ и поклоняются и посты святые ты всѣ держать, которые на Седмомъ Соборѣ святые отцы устави, а въ нашей Люторской вѣрѣ того нѣтъ и постовъ святыхъ ни единого не имѣють, также и Пресв. Богородицы и всѣмъ угодникамъ Божиимъ не поклоняются и я, холопъ твой, узнавъ то, что православная крестьянская греческая вѣра вельми благочестива, и хочу я, холопъ твой, ее воспріять. Милосердый велик. государь... пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, мнѣ, холопу своему, изъ Люторской вѣры приступить въ православную крестьянскую греческую вѣру. Великій государь смилуйси!

(Моск. архив. Мин. Юст. sib. прив. № 1602).

А. Г.—скій.

Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1760 г. отставной сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ, съ которымъ магистратъ кіевскій велъ многолѣтнюю бесплодную войну изъ-за «шинкованья», которымъ, несмотря на всѣ заурещенія, занимался сотникъ въ подрывѣ интересамъ магистрата, жаловался гетману Разумовскому на то, что магистратъ запрещаетъ ему производить торговлю въ рядахъ. «Имѣю я въ г. Кіевѣ, писалъ онъ, собственныя мои четыре крамныя лавки, въ

томъ числѣ двѣ состоятъ впускѣ чрезъ недонущеніе магистратомъ кievскимъ торговать, и двѣ, въ которыхъ сидѣльцы мои чрезъ семь годъ разными товарами торговали безъ всякаго отъ кого либо препятствія. Нынѣ же отъ магистрата кievскаго, по древней на мене (какъ и на всѣхъ кievскихъ козаковъ) злобѣ и ненависти, чинится препятствіе и запрещеніе, чтобъ въ показанныхъ лавкахъ товарами не торговали, и сидѣльцовъ моихъ магистратомъ берутъ подъ караулъ, требуютъ подписокъ, дабы въ оныхъ моихъ лавкахъ отнюдь не сидѣли и не торговали».

Гетманъ по этой жалобѣ далъ ордеръ магистрату не препятствовать купечеству Гудима. Но магистратъ, ссылаясь на Высоч. грамоты, «но коимъ никому изъ ратныхъ людей торговать въ Кіевѣ на Подолѣ не дозволено», заявлялъ, что онъ и ордера гетманскаго исполнить «никакъ не смѣетъ», такъ какъ и Гудимъ не иного какого званія человекъ, какъ воинскаго, а «до сего, сколько здѣ сотниковъ, сотенной старшины и рядовыхъ козаковъ ни было, ни еденъ съ нихъ ни самъ, ни чрезъ сидѣльцовъ никакихъ торговъ въ лавкахъ съ кievскими мѣщанами не производили»; при томъ же и сами сидѣльцы Гудимовы показали, что торгуютъ они не въ собственныхъ Гудимы лавкахъ, а въ наемныхъ: такъ — «изъ нихъ Григорьевъ сего 760 г. марта м-ца сѣлъ ваемно въ лавки здѣшняго мѣщанина Василія Копистенскаго, а Колчатій наемно въ лавки тестя его, сотника, умершаго мѣщ. Евстафья Михайлова». Между тѣмъ Гудимъ, видя неисполненіе со стороны магистрата гетманскаго ордера, вновь обратился въ октябрѣ того же года къ гетману съ жалобой, что де «свизнова сидѣльцевъ моихъ брато въ магистратъ подъ караулъ и держано цѣлой день, и отпущено съ тѣмъ строгимъ притверженіемъ, что ежелибъ оніе дерзнули сѣсть въ лавкахъ, то жестоко плетими имѣютъ быть наказаны». При этомъ Гудимъ доказываетъ, что запрещеніе «ратнымъ людямъ» торговать на Подолѣ относится къ великороссійскимъ солдатамъ, а никакъ не къ кievскимъ же козакамъ. Съ такимъ толкованіемъ согласилась и Войск. Г. Канцелярія, которая и подтвердила вновь данный магистрату гетманскій ордеръ: «понеже зъ оной высоч. грамоты видѣть можно, какое запрещеніе до козаковъ касалось, оное именно объяснено и изображено, гдѣ надлежало, — «ратнымъ людямъ и козакамъ», а что до продажи товаровъ, о томъ именно запрещеніе учинено однимъ ратнымъ людямъ, т. е. солдатамъ, а не козакамъ, кои въ Кіевѣ дѣйствительно жительствоуютъ и землями своими владѣютъ и, по силѣ правъ малорос., всякими проми-

слами на землѣ своей по волѣ своей же пользоваться свободни; а таково запрещеніе оному обитованному сотнику Гудимѣ въ немѣнни ему своихъ сидѣльцовъ отъ магистрата учинено неналежно, въ от-мѣну высоч. грамотъ, жалованныхъ тому маг-ту, и показанному повелѣнію нашему ослушаніе несправедливо», а потому В. Г. К. и подтверждаетъ «найкрѣпчайше—въ свободной продажѣ въ крамнихъ лавкахъ товаровъ и протчомъ незапрещенномъ торговомъ промислѣ никакова пренятствія ему, Гудимѣ, не чинить и сидѣльцовъ его подъ караулъ не брать и до нихъ мимо его Гудимы ничимъ не интересоваться».

А. А.

Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ.

Печатаемая въ настоящемъ номерѣ журнала воспоминанія А. А. Солтановскаго относятся къ тому періоду кіевской студенческой жизни, который можетъ быть названъ героическимъ, и о которомъ, поэтому, существуетъ такъ много анекдотовъ, характерныхъ для своего времени.

Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями еще одной страничкой изъ той-же эпохи, которая, хотя въ мелочахъ, но не безъ рельефности, рисуетъ одинъ изъ моментовъ этой разудалой студенческой бытовой обстановки. Страничка эта—стихотворный рассказъ студента медика о своемъ неудачномъ экзаменѣ на званіе лѣкаря, когда, послѣ буйно проведеннаго пятилѣтія въ студенчествѣ, пришлось дать отчетъ, представъ предъ судилище членовъ факультета. Подпись автора стихотворенія не имѣется, равно какъ нѣтъ и указанія времени написанія; впрочемъ, послѣднее довольно точно опредѣляется слѣдующей справкой: въ числѣ экзаменаторовъ фигурируетъ Василій Кузьмичъ Курдюмовъ, который могъ быть экзаменаторомъ только въ 1849 или 1850 году, т. е. въ эти два года онъ преподавалъ *въ видѣ опыта* теоретическую хирургию, а въ другіе годы только былъ помощникомъ директора хирургической клиники. (См. Біографическій Словарь профес. универс. Св. Влад., стр. 350). Что-же касается имени автора, то хотя преданіе его и называетъ, но я боюсь основываться только на преданія и подожду, не откликнется-ли, послѣ напечатанія стихотворенія, кто нибудь изъ современниковъ его и не дастъ-ли болѣе точныхъ указаній.

В. Н.

Вчера я видѣлъ чудный сонъ;
 Его я помню очень живо,
 Такъ въ память врѣзался мнѣ оня,
 Что я могу неторопливо
 Вамъ все до слова передать,
 Что мнѣ случилось увидать;
 Я видѣлъ страшный залъ совѣта,
 Гдѣ предъ зеркаломъ вдругъ стола
 Сидѣли члены факультета.
 Вся знаменитость туго была:
 Цыпурицъ, Бекоръ и Матвѣевъ, и
 Караваяевъ, и Козловъ;
 Короче, чтобы не тратить словъ —
 Соборъ всѣхъ нашихъ корифеевъ,
 Всѣхъ сокъ ученыхъ доггоровъ!
 А я, какъ агнецъ предъ закланіемъ,
 Стоялъ смиренно въ уголку
 Съ невольнымъ сердца трепетаньемъ.
 Какъ странно, на моемъ вѣку,
 Средь жизни буйной, разудалой
 Среди студенческихъ проказъ,
 Видалъ опасность я не разъ
 И непревожился ни мало,
 И не терялся никогда.
 Но тутъ, признаться господи,
 То чувство, что меня томило
 И что тогда мнѣ грудь сдавило,
 И объяснить вамъ не беруъ
 Хотя однакожъ я не трусъ.
 Я помню, какъ въ былые годы,
 Зажавши гривны двѣ въ кулакъ,
 Я расколачивалъ обходы:
 Но сердце не болѣло такъ,
 Когда и въ карцеръ запирали
 За эти штуки молодца,
 И за Павлину угрожали
 Мени стереть съ земли лица.
 Я помню какъ то разъ
 Меня купцы въ полночный часъ
 Порядкомъ притузили хогѣямъ,
 Но одному я вышибъ глазъ;
 Другой, бутылкой оглушенный,
 Качался долго, какъ шальной;
 А я отправился домой,
 Разбитый, но не побѣжденный.
 И страхъ былъ чуждъ душѣ моей;

Ему не было мѣста въ той.
 Но тутъ, друзья мои, о чудо!!
 Не знаю какъ и почему
 Я струсилъ, и пришлось худо
 И круто бѣдному уму.
 Пришлось тяжкій дать отвѣтъ
 За всѣ прошедшія пять лѣтъ!
 Они, увь! прошли безплодно—
 И въ медицинѣ я дуракъ.
 Разсудокъ шепчетъ мнѣ холодный:
 Ну, что жъ? пускай себѣ и такъ!
 Какъ много дураковъ отгнѣнныхъ
 Мы видимъ на мѣстахъ почтенныхъ!
 Такъ почему же какъ нибудъ
 Судьбѣ, еъ поэту благоселонной,
 Ему неприготовить путь
 Хотя невинный, но снокойный,
 Я негопяюся за славой,
 Не лѣзу я въ профессора:
 Учитъ другихъ мнѣ не по нраву
 Да. признаюсь, и не пора.
 Не таковы мои желанья,
 Не то рисуютъ мнѣ мечтанья!
 Люблю я тихій городокъ,
 Однообразный и старинный,
 Гдѣ заведенъ порядокъ чинный,
 Гдѣ нѣтъ коварства и порока
 Не занускалъ еще когтей
 Въ сердца безхитростныхъ людей.
 Гдѣ мода не илѣетъ власти,
 Гдѣ дремлютъ пагубныя страсти,
 И гдѣ до сихъ не знаютъ дней
 Дипломатическихъ затѣй,
 Гдѣ добродушный городничій,
 Блюститель нравовъ и приличій,
 Какъ древній патриархъ живетъ
 И мирный судъ для всѣхъ даетъ
 По долгу совѣсти и чести;
 Гдѣ жители не знаютъ лести
 И не знакомы душамъ ихъ
 Пороки городовъ большихъ.
 Гдѣ всѣ въ объятаяхъ сладкой лѣни
 Живутъ спокойно день за днемъ,
 Не зная свѣтскихъ тревоженій
 И не заботясь ни о чемъ.
 Тудабъ хотѣлъ я поселиться,

Въ тиши природу наблюдать,
 Въ странахъ фантазій носиться
 И плотно ѣсть, и крѣпко спать.
 Въ бесѣдѣ съ музой и ланцетомъ
 Я былъ бы медико-поэтомъ
 И жизнь чудесную-бъ повелъ;
 Но возвратился въ комитетамъ,
 Куда мой сонъ меня завелъ.
 Всѣ ждутъ; вотъ входитъ тихо, гордо
 Деканъ своей походкой твердой,
 И задрожали въ насъ сердца
 Узрѣвъ врачителей творца,
 Онъ сѣлъ, нахмурился и важно
 Сказалъ: извольте начинать...
 Студенты двинулись отважно
 Патентъ желанный грудью брать.
 И я подвинуся поближе
 И отряхнулся молодецъ;
 Самъ думаю, ну, ну—смотри-же,
 Поэтъ, не тресни въ глаза лицомъ!
 Съ кого-бы начать тутъ бой открытый?
 Глажу, Курдюмовъ знаменитый
 Всѣхъ ближе у стола сидеть,
 Покорный грозному велѣнью
 На всѣхъ убійственно глядеть,
 Но по привычкѣ къ снисхожденью
 Самъ подъ—вопроса говорить.
 Иду, забилось ретивое;

Себя на стулъ я помѣстилъ,
 Беру вопросъ, ба! что такое?
 Гаюргена съ истощенемъ силъ.
 „Ну съ“ громогласно возглашаетъ
 Почтеннѣйшій Василь Кузьмичъ.
 Меня въ ознобъ и жаръ бросаетъ:
 Сквозьъ языкъ мнѣ параличъ
 По волѣ мощнаго Зевеса.
 Друзья, видали ли вы бѣса,
 Когда предъ знаменемъ креста
 Онъ весь отъ морды до хвоста
 Проворно въ три дуги совьется
 И лапки подогнувъ, трясется,
 Смиренно преломивъ рога?
 Такъ вашъ покорнѣйшій слуга,
 Мрачнѣ самой темной ночи,
 На долъ спустивъ соколы очи,
 Молчать, потѣть, и сонить,
 И въ полъ бессмысленно глядѣть,
 „Ну чтожь, дождусь ли я отвѣта?“
 Курдюмовъ строго возгласилъ.
 Приходить круто для поэта!
 Экспромтомъ отвѣчать нѣтъ силъ,
 А специальныхъ знаній мало;
 Но я встряхнулся, какъ бывало,
 Да какъ пошелъ, да какъ завралъ!
 Увы друзья! мой часъ насталъ
 Явился! вароп

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. М. 1892.

Среди изслѣдователей, обратившихъ свое вниманіе на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя и на историческое изученіе его литературной дѣятельности, г. Шенрокъ въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, безспорно, занялъ очень видное мѣсто. Разнообразныя статьи его біографическаго и историко-литературнаго характера, касающіяся Гоголя, были опубликованы имъ какъ отдѣльно («Указатель къ письмамъ Гоголя», два изданія; «Ученическіе годы Гоголя»), такъ и въ журналахъ («Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ» и др.). Настоящее его сочиненіе, заглавіе котораго выписано выше, представляетъ собою обработку въ одно цѣлое этихъ предварительныхъ опытовъ; оно рассчитано на три тома, изъ которыхъ первый только что выпущенъ авторомъ въ свѣтъ, а продолженіе обѣщается въ близкомъ будущемъ. Новый трудъ г. Шенрока обладаетъ выдающимися достоинствами и, какъ по обширности и важности своей задачи, такъ и по началу ея выполненія, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, интересующагося судьбами новѣйшаго періода русской литературы.

Сочиненіе г. Шенрока даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ скромное его заглавіе. Конечно, его нельзя назвать біографіей Гоголя въ полномъ смыслѣ слова: въ изданной его части есть не мало пробѣловъ, не мало догадокъ и предположеній, которыя въ будущей біографіи великаго писателя должны быть восполнены и замѣнены фактами совершенно опредѣленными и ясными, поскольку позволяютъ это матеріалы; но едва-ли теперь можно поставить это въ вину автору разсматриваемаго сочиненія, который находился въ зависимости отъ доступныхъ ему данныхъ, и нужно сказать, что данныя эти, кото-

рыхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ, исчерпаны имъ съ замѣчательной полнотой; сочиненіе находится вполнѣ на высотѣ трактуемаго имъ вопроса, въ изслѣдовательномъ отношеніи. Съ другой стороны, въ книгѣ г. Шенрока, вышедшій первый томъ которой обнимаетъ время жизни Гоголя съ начала и по 1831 годъ, читатель найдетъ на одну біографію, но и историко-литературное разсмотрѣніе произведеній изслѣдуемаго писателя, причемъ эта послѣдняя задача ставится авторомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ: онъ старается «подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь» (168). Біографическія данныя у г. Шенрока переплетаются съ историко-литературными, образу послѣдовательный и связный рассказъ; такой, совершенно вѣрный, пріемъ позволяетъ догадываться, что, по мысли автора, «біографію» писателя надобно понимать въ обширномъ смыслѣ, по скольку произведенія писателя составляютъ неотъемлемую часть его жизни, и историко-литературный анализъ ихъ долженъ найти свое мѣсто въ его жизнеописаніи. Задачу свою по отношенію къ Гоголю г. Шенрокъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «наша цѣль по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и такъ св. погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ специалистовъ и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя; наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегрическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлію ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святыней для каждаго образованнаго человѣка» (23). Авторъ понимаетъ трудность своей задачи, припоминая слѣдующія слова С. Т. Аксакова, сказанныя имъ вскорѣ послѣ смерти Гоголя: «біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, пронизанная любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно

воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ,—ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю» (10).

Что же даетъ г. Шенрокъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя»? Книга его раздѣляется на четыре отдѣла, предшествуемыхъ двумя вступительными статьями: «вмѣсто предисловія» и «краткій обзоръ литературы о Гоголѣ». Въ первой статьѣ (1—7) авторъ высказываетъ свой общій взглядъ на Гоголя, становясь на сторону стараго и совершенно вѣрнаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ родоначальникѣ новой школы въ нашей литературѣ: «будущимъ историкамъ литературы—говоритъ г. Шенрокъ—предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы» (3); такое мнѣніе, высказанное лицомъ компетентныхъ (ср. еще стр. 339), является очень къ стати въ виду недавней попытки въ нашей литературѣ поколебать значеніе Гоголя, какъ основателя новой литературной школы,—попытки, встрѣтившей, впрочемъ, довольно единодушный отпоръ. Во второй статьѣ (9—24) представлена довольно полная бібліографія по вопросу о жизни Гоголя, съ краткой оцѣнкой нѣкоторыхъ изъ указанныхъ тутъ трудовъ, между которыми особенно видное мѣсто авторъ отдаетъ капитальнымъ изслѣдованіямъ П. А. Кулиша и акедемика Н. С. Тихонравова. Статьи, содержащія историческую или эстетическую оцѣнку произведеній Гоголя, не вошли въ это обзорѣніе.

Далѣе въ книгѣ г. Шенрока—первый отдѣлъ «Предки и родители Гоголя» (27—58). Глава эта въ настоящемъ изданіи значительно расширена сравнительно съ соответствующей главой «Ученическихъ годовъ Гоголя» (М. 1887), хотя и теперь нельзя не пожалѣть, что авторъ даетъ слишкомъ мало фактическихъ указаній о литературной дѣятельности Гоголя отца, особенно о двухъ его комедіяхъ, о которыхъ г. Шенрокъ упоминаетъ лишь вскользь (стр. 46); при такомъ широкомъ пониманіи обязанности біографа, какъ это мы можемъ предполагать у нашего автора, небольшое ознакомленіе читателя съ скромной литературной дѣятельностью В. А. Гоголя было бы совершенно уместно. Въ этомъ же отдѣлѣ г. Шенрокъ обстоятельно говоритъ и о матери Гоголя; впрочемъ, гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой личности читатель находитъ въ послѣдующихъ

отдѣлахъ труда г. Шенрока, которому, въ числѣ другихъ біографовъ Гоголя, должно быть поставлено въ особую заслугу то, что онъ первый представилъ обильный матеріалъ для сужденія о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь и удачно освѣтилъ вопросъ о ея нравственномъ вліяніи на сына.

Второй отдѣлъ составляютъ «Ученическіе годы Гоголя» (59—148). Не касаясь достоинствъ этой части изслѣдованія г. Шенрока, очень обстоятельно рисующей предъ читателемъ этотъ любопытнѣйшій періодъ въ жизни Гоголя, позволяемъ себѣ указать на то, что авторъ не вполне исчерпалъ по данному вопросу интересный матеріалъ, представляемый не однажды цитруемымъ имъ документальнымъ трудомъ профессора Н. А. Лавровскаго («Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» въ Извѣстіяхъ историко-фил. инстит. кн. Безбородко, т. III, неофф. отд., стр. 152—158 и прилож. № 3); обработкой этого, а также и другого матеріала, которымъ въ изобиліи располагалъ нашъ авторъ, г. Шенрокъ съ большей выгодой для самостоятельной цѣльности своего труда могъ бы замѣнить перепечатку разсказа г. Кулиша о школьныхъ годахъ Гоголя (стр. 81—89), хотя занимательность послѣдняго и никѣмъ не можетъ быть оспариваема. Особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отдѣлѣ главы IV-я («Воспоминанія А. С. Данилевскаго о школьной жизни Гоголя») и V-я («Переписка съ матерью. Отношенія къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ»). Исторія русской литературы обязана г. Шенроку важными въ біографическомъ отношеніи воспоминаніями о Гоголѣ его близкаго друга и школьнаго товарища А. С. Данилевскаго; эти воспоминанія добыты были нашимъ авторомъ путемъ личнаго знакомства и устной передачи отъ Данилевскаго не задолго до его смерти, и такимъ образомъ спасены отъ гибели драгоцѣнные матеріалы касательно жизни Гоголя. Но, отдавая всю справедливость цѣнности этой находки, не можемъ не высказать предположенія, что м. б. нѣкоторое пристрастіе къ ней было причиною того, что г. Шенрокомъ оставлены какъ бы въ тѣни отношенія Гоголя къ другому своему школьному товарищу и другу Н. Я. Прокоповичу. Въ другомъ мѣстѣ книги и совершенно по другому поводу г. Шенровъ, сопоставляя эти два вліянія на Гоголя, удѣляетъ Прокоповичу скромную роль исполнителя порученій Гоголя и допускаетъ, что онъ пользовался только «въ извѣстной степени его (Гоголя) расположеніемъ» (302). Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности по этому вопросу; укажемъ

лишь изъ матеріала, прекрасно извѣстнаго и г. Шенроку, два—три мѣста, свидѣтельствующихъ о гораздо болѣе сильномъ расположеніи Гоголя къ Прокоповичу, чѣмъ это допускаетъ нашъ авторъ. Гоголь писалъ Прокоповичу: «мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами вѣшними... Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности... Ты знаешь самъ очень хорошо, что я тебѣ и что ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь... Я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ (письмо изъ Рима), гдѣ я живу теперь, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ» (Русское Слово 1859, I, стр. 100, 103, 106, 109—110. Ср. тамъ-же стр. 119, откуда видно, что Гоголь довѣрялъ Прокоповичу самую редакцію своихъ сочиненій). Впрочемъ воздерживаемся отъ особаго упрека въ этомъ г. Шенроку, такъ какъ автору будетъ случай въ послѣдующихъ частяхъ своего труда говорить объ отношеніяхъ этихъ двухъ друзей. Въ V-й главѣ второго отдѣла нельзя не отмѣтить любопытныхъ замѣчаній г. Шенрока о слогѣ писемъ Гоголя въ школьную пору его жизни (119—123). Въ этомъ же отдѣлѣ своего труда (стр. 121, прим.) г. Шенрокъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя, во время пребыванія его въ школѣ; въ приложеніи въ книгѣ (стр. 383) онъ указываетъ на статью г. Пономарева въ «Кіевской Старинѣ» (1883, № 5), гдѣ сообщаются свѣдѣнія о гимназическомъ журналѣ «Метеоръ Литературы», въ которомъ участвовалъ и Гоголь; объ этомъ рукописномъ журналѣ (только уже съ именемъ «Звѣзда») говорится и въ другомъ мѣстѣ труда г. Шенрока (251), съ которымъ мы совершенно раздѣляемъ желаніе имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ участіи въ этомъ журналѣ Гоголя, причемъ пользуемся случаемъ заявить, въ отвѣтъ на недавнюю замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» (1890, № 11, стр. 332), будто лицейскій журналъ Гоголя «Метеоръ» находится въ бібліотекѣ нѣжинскаго историко-филологическаго института, — что такое сообщеніе по справкѣ оказалось не вѣрнымъ. Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о слѣдахъ школьныхъ литературныхъ опытовъ Гоголя, мы, забѣгая нѣсколько впередъ въ обзорѣннй труда г. Шенрока, укажемъ на сообщеніе одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя (стр. 241), что на одномъ изъ гимназическихъ представленій

играли «какую-то малороссійскую піесу, сочиненную тогда же Гоголемъ». Г. Шенрокъ полагаетъ, что тутъ неточность, и что надобно разумѣть подъ этимъ комедію отца Гоголя. Можетъ быть такъ, но можетъ быть и нѣтъ: прямой смыслъ приведенныхъ словъ указываетъ на точное представленіе неизвѣстнаго автора воспоминаній—о Гоголѣ, какъ авторѣ упомянутой малороссійской пьесы; едвали бы отъ товарищей ускользнуло свѣдѣніе о томъ, принадлежитъ ли пьеса Гоголю-школьнику, ихъ соучастнику въ театральномъ представленіи, или кому другому, напр. его отцу, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи малороссійской пьесы Гоголемъ-юношей нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но, разумѣется, это опять-таки одно предположеніе.

Въ третьемъ отдѣлѣ разсказывается «Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ, 1829—1830 гг.» (стр. 151—235). Тутъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о пріѣздѣ Гоголя вмѣстѣ съ А. С. Данилевскимъ въ Петербургъ, о первыхъ впечатлѣніяхъ его въ столицѣ, объ изданіи идилліи «Ганцъ Кюхельгартенъ», о тоскѣ Гоголя по родинѣ, первой поѣздкѣ его за-границу, такъ быстро кончившейся неожиданно для самого путешественника, наконецъ, о его попыткахъ найти определенное поприще дѣятельности въ Петербургѣ. Печатный первенецъ Гоголя, «Ганцъ Кюхельгартенъ» изученъ г. Шенрокомъ очень внимательно, но намъ кажется, что въ многочисленныхъ параллеляхъ автора, сдѣланныхъ съ цѣлю привести въ связь мысли и способы выраженія въ идилліи съ близкими по времени письмами Гоголя и его повѣстями, не вполне соблюдено чувство мѣры; впрочемъ, нельзя отрицать, что специально интересующійся вопросомъ о гоголевскомъ стилѣ, о постепенномъ развитіи въ его сознаніи художественныхъ образовъ и способовъ ихъ выраженія найдетъ для себя въ этихъ сопоставленіяхъ много любопытнаго. Нельзя не назвать мѣткими и справедливыми слѣдующихъ замѣчаній г. Шенрока о Гоголѣ этого періода: «самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ самыхъ простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ

человѣкъ глубокой вѣры, и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія» (230—231).

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ книги г. Шенрока является — «Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры», 1830—1831 гг.» (239—372). Тутъ проходятъ предъ читателемъ задатки яркаго художественнаго дарованія у Гоголя въ школѣ (весьма любопытна выдержка изъ воспоминаній А. М. Стороженка) и выраженіе его въ «Вечерахъ на хуторѣ», по переѣздѣ въ Петербургъ, литературныя и свѣтскія отношенія Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ (къ А. О. Смирновой, Пушкину, Данилевскому), наконецъ постепенное расширеніе литературныхъ связей Гоголя. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе автора на два мѣста этого отдѣла. На стр. 364, забывая впередъ въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ Данилевскому, г. Шенрокъ рассказываетъ о томъ, какъ Гоголь съ Данилевскимъ и другимъ товарищемъ по Нѣжинѣ И. Г. Пащенко возвратился въ 1835 году изъ Малороссіи въ Петербургъ; по дорогѣ ему вздумалось разыграть, при помощи своихъ спутниковъ, сюжетъ будущей своей комедіи «Ревизоръ»: для этой цѣли Пащенко выѣзжалъ впередъ и рассказывалъ на станціяхъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ ревизоръ incognito; со своей стороны Гоголь совершенно входилъ въ роль ревизора, ихъ съ Данилевскимъ принимали на станціяхъ съ необычайной предупредительностью и вездѣ безъ задержки давали лошадей. Припомнимъ, что «Ревизоръ» вышелъ въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года. Въ виду извѣстнаго признанія самого Гоголя въ «Авторской исповѣди» (сочиненія, изд. 10-е, IV, 249), что сюжетъ Ревизора данъ ему Пушкинымъ, читатель невольно ищетъ разъясненія этого пункта и не находитъ: такъ какъ о Ревизорѣ въ трудѣ г. Шенрока будетъ рѣчь позднѣе, гдѣ онъ, разумѣется, коснется этого любопытнаго біографическаго вопроса, то, можетъ быть, удобнѣе было бы отнести туда и приведенный рассказъ о Гоголевой поѣздкѣ. Но это, конечно, мелочь. Затѣмъ, на стр. 372, въ заключительныхъ словахъ своей книги, г. Шенрокъ говоритъ: «вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта, какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся, впрочемъ, въ противоположную крайность». Такой упрекъ петербургскимъ друзьямъ Гоголя кажется намъ несправедливымъ. Гоголь явился въ Петербургъ безъ всякихъ предшествовавшихъ литературныхъ заслугъ и въ скром-

номъ департаментскомъ чиновникѣ открыть поэта, какъ это досталось на долю петербургскихъ друзей Гоголя, было несравненно труднѣе, чѣмъ признать литературныя заслуги, уже заявленные и критикой и авторитетнымъ голосомъ выдающихся писателей, какъ это пришлось сдѣлать москвичамъ. Кромѣ того, самъ г. Шенрокъ нѣсколькими страницами ранѣе рассказываетъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ Плетневъ случая «подвести Гоголя (едва заявившаго себя нѣсколькими отрывками и неудачнымъ «Ганцомъ Кюхельгартеномъ») подъ благословеніе Пушкина, съ какимъ радушіемъ принялъ его уѣнчаный уже лаврами Жуковскій, о чемъ позднѣе писалъ ему Гоголь: «ты подаль мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!...» О Пушкинѣ нечего и говорить. Наконецъ, вотъ слова самого г. Шенрока о петербургскихъ друзьяхъ Гоголя: «Велика заслуга людѣй, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе» (299).

Въ «приложеніяхъ» къ книгѣ, кромѣ дополнительныхъ замѣчаній къ разнымъ мѣстамъ изслѣдованія, можно найти: официальныя свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя, коію съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Троицкому о назначеніи его на должность, два доклада В. А. Гоголя Троицкому и ненапечатанное доселѣ письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22 марта 1842 года.

Изложеніе г. Шенрока вообще очень хорошо, но придирчивая критика можетъ высказать относительно нѣкоторыхъ мѣстъ требованіе бѣльшей точности въ ссылакахъ. Напр. на стр. 87, приводя изъ книги г. Кулиша шуточные стихи ученика-Гоголя на своего товарища Бороздина, авторъ одну строку передаетъ иначе, чѣмъ въ цитируемой имъ книгѣ, но не указываетъ, что послужило ему матеріаломъ для внесеннаго исправленія. На стр. 46—47 авторъ, приводя мимоходомъ мнѣнія двухъ критиковъ о драматическихъ піесахъ Гоголя-отца, одного изъ этихъ критиковъ называетъ «суровымъ», отзывъ другого — «гораздо болѣе авторитетнымъ»; въ виду чрезвычайной краткости замѣчаній г. Шенрока по этому вопросу (на что уже мы указали выше), болѣе точное указаніе на упомянутые отзывы было бы не лишнимъ. Цитую въ нѣсколькихъ мѣстахъ статью «Дѣтство и юность Гоголя», помѣщенную въ «Московскомъ Сборникѣ», изд. въ 1887 году г. Шаранпо-

вымъ, г. Шенрокъ называетъ автора ея г. Александра Кояловича то «профессоромъ» (15), то «покойнымъ» (89), то «покойнымъ профессоромъ» (123, 127), прибавляя при этомъ одну лишь фамилію, безъ имени, что не близко знакомаго съ дѣломъ можетъ привести къ мысли о недавно скончавшемся М. О. Кояловичѣ, профессорѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ авторѣ цитуемой статьи, тогда какъ этого на самомъ дѣлѣ не было. Но, конечно, такія недомолвки предполагаются уже, такъ сказать, въ трудѣ такого объема, какъ сочиненіе г. Шенрока и нисколько не умаляютъ его достоинствъ, не могутъ помѣшать его успѣху.

Заканчиваемъ отчетъ нашъ слѣдующими справедливыми словами автора, въ которыхъ выразилъ онъ свой взглядъ на біографическую работу: «пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже иной разъ они будутъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывать разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостію якобы безупречнаго пушкинскаго Анджео. Иначе гениальный писатель или другой историческій дѣятель, не смотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время *raison d' être*; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны, въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злему преступнику». (207).

Е. Пѣтуховъ.

Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ подъ редакціею А. Н. Харузина. 1890, выпуски 3, 4 и 6.

Московское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи одно изъ самыхъ дѣятельныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи. Огромное количество ученыхъ силъ, которые сосредоточились

въ этомъ обществѣ, громадное количество изданій, посвященныхъ изслѣдованіямъ и собранію матеріала по всѣмъ отраслямъ наукъ составляющихъ предметъ занятій общества, организація политехническаго музея, организація и описаніе прекрасной антропологической выставки въ 1879 г., многочисленныя экскурсіи, предпринимаемыя на средства общества и доставляющія ему обильный научный матеріалъ — все это представляетъ рядъ такихъ заслугъ для отечественной науки, которыя высоко поставили значеніе этого общества. Не мало трудовъ и усилій положено было обществомъ на полѣ изученія антропологии Россіи; цѣлый отдѣлъ изданій общества и цѣлый рядъ снаряженныхъ имъ экскурсій посвящены были: собранію антропологическаго матеріала и его изученію, констатированію племенныхъ разнообразныхъ типовъ народностей, населяющихъ Россію и изслѣдованію взаимныхъ отношеній этихъ типовъ между собою и ихъ связи съ расами, въ доисторическое и историческое время обитавшими на обширномъ восточно-европейскомъ и сѣверно-азиатскомъ континентѣ. Конечно, это задача не легкая и, принявъ во вниманіе съ одной стороны недавнее выдѣленіе антропологии какъ самостоятельной науки, съ другой — обширность территоріи изслѣдованія и крайнее разнообразіе ея населенія, исполненіе задачи потребуетъ значительнаго времени и большихъ усилій, но отъ изслѣдованій антропологическихъ мы въ правѣ ожидать рѣшенія на основаніи точныхъ данныхъ многихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи и формировки расъ и національныхъ типовъ, которые или вовсе не могутъ быть разъяснены инымъ путемъ или разъясняются лишь приблизительно и гадательно.

Пересматривая многочисленныя изданія московскаго общества, посвященныя антропологии, насъ всегда поражала въ нихъ одна особенность, можетъ быть, вытекающая изъ метода изслѣдованія, принятаго обществомъ, можетъ быть также составляющая результатъ случайности: изслѣдованія антропологическія и наборъ матеріаловъ преимущественно и почти исключительно посвящены были различнымъ группамъ инородцевъ и почти вовсе не обращались къ изученію славянскаго или болѣе близкаго къ славянамъ народонаселенія имперіи. Между тѣмъ какъ мы встрѣчаемъ многочисленныя работы, описывающія южно-сибирскихъ и алтайскихъ инородцевъ, сахалинскихъ гилъковъ, башкировъ, вогуловъ, самоѣдовъ, зырянъ, лопарей, абхазцевъ, осетинъ и т. д. (Зографъ, Ядринцевъ, Нефедовъ, Тихомировъ, Кельсиевъ и др.), мы только изрѣдка находимъ небольшія, частичныя

замѣтки о русскомъ населеніи, не дающія возможности, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, представить антропологическій русскій типъ и указать на его подраздѣленія и разновидности.

Впрочемъ эта, вѣроятно случайная, односторонность стала изглаживаться въ новой серіи работъ по антропологіи, которая была выдѣлена обществомъ съ 1890 года и стала выходить отдѣльными выпусками подъ вышеприведеннымъ общимъ заглавіемъ. Въ десяти выпускахъ «Дневника антропологическаго отдѣла», вышедшихъ въ теченіи 1890 года, мы нашли три статьи, посвященныя изслѣдованію русскаго и литовскаго антропологическихъ типовъ. Въ 3-мъ выпускѣ помѣщена статья Н. А. Янчука — «Нѣкогорыя данныя къ вопросу объ антропологическомъ типѣ бѣлорусовъ». Основаніемъ для работы г. Янчука послужили имъ-же самимъ собранныя наблюденія въ минской губерніи въ 1886 году; онъ измѣрилъ 134 лица, выбравъ исключительно такіе индивидуумы, на счетъ которыхъ не представлялось сомнѣнія въ отсутствіи помѣса племенной въ восходящихъ поколѣніяхъ. Не вдаваясь въ подробности измѣреній головы и лица, произведенныхъ г. Янчукомъ, укажемъ только главные выводы его, относящіеся къ характеристикѣ бѣлорусскаго типа. По черепному указателю лица, измѣренныя г. Янчукомъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: длинголовыхъ 19% (въ томъ числѣ суббрахицефаловъ 13%), среднеголовыхъ 24% и короткоголовыхъ 57%; по цвѣту глазъ бѣлоруссы представляютъ рѣшительное преобладаніе свѣтлой окраски; совершенно свѣтлыхъ глазъ: сѣрыхъ, зеленыхъ, голубыхъ встрѣтилось 48%, свѣтлыхъ, пшеничныхъ желтыми или карыми пятнами 42% и карыхъ только 10%, черные глаза не встрѣтились ни разу. Тѣже результаты вытекаютъ также изъ наблюденій надъ цвѣтомъ волосъ: бѣлокурыхъ и свѣтлорусыхъ отмѣчено 46%, темнорусыхъ 48%, рыжихъ 2% и черныхъ волосъ только 4%. Въ окладѣ лица бѣлоруссовъ г. Янчукъ отмѣчаетъ двѣ особенности: значительное развитіе скуловыхъ костей въ стороны, отъ котораго зависитъ значительная ширина верхней части лица, и узкіе глаза, наружные углы которыхъ нерѣдко приподняты. Вообще, судя по измѣреніямъ г. Янчука, бѣлоруссы принадлежатъ къ типу коротколицему: средній лицевой указатель ихъ = $117\frac{1}{4}$ между тѣмъ какъ средній указатель лица славянъ вообще по Топинару¹⁾ = 108,3. Но за точность этого сравненія мы не можемъ ручаться, такъ какъ верхняя точка отпра-

¹⁾ Topinard. Elements d'anthropologie générale p. 919.

ленія продольнаго діаметра лица, какъ кажется, не тождественна у обоихъ писателей.

Въ шестомъ выпускѣ Дневника антропологическаго отдѣла помѣщена другая статья г. Янчука: «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ литовцевъ». Матеріалъ собранъ также лично г. Янчукомъ въ 1887 году въ сѣверномъ уголкѣ гродненскаго уѣзда, гдѣ имъ было промѣрено 34 литовца. Измѣренныя лица распредѣляются по черепному указателю слѣдующимъ образомъ: длинноголовыхъ $7\frac{1}{2}\%$ (въ томъ числѣ субдolioцефаловъ $5\frac{1}{2}\%$), среднеголовыхъ $24\frac{1}{2}\%$ и короткоголовыхъ 68% . По цвѣту глазъ литовцы представляютъ типъ довольно близкій къ бѣлоруссамъ: совершенно свѣтлые глаза составляютъ 49% , свѣтлые сложные 40% и карые 11% , по цвѣту-же волосъ нѣсколько болѣе удаляются отъ бѣлоруссовъ, бѣлокурыхъ и свѣтлорусскихъ мы встрѣчаемъ 47% , темнорусыхъ около 40% , рыжихъ $5\frac{1}{2}\%$ и черныхъ $7\frac{1}{2}\%$. Въ складѣ лица литовцевъ г. Янчукъ замѣтилъ, что оно менѣе широко чѣмъ у бѣлоруссовъ, длина носа нѣсколько больше, глаза преобладаютъ широкіе и прорѣзы ихъ горизонтальны.

Значительный интересъ представляетъ статья г. Икова, помѣщенная въ четвертомъ выпускѣ дневника: «Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико и малороссамъ». Авторъ обладалъ довольно значительнымъ, сравнительно, матеріаломъ—онъ собралъ измѣренія 1,100 особей, частью лично (великоруссовъ и бѣлоруссовъ), частью же воспользовался матеріаломъ, собраннымъ другими компетентными лицами: д-ромъ Эмме (полтавской губ. кобыляцкій у.) и д-ромъ Дибольдомъ (кіевской губ. уманскій у.). Г. Иковъ сосредоточился исключительно на данныхъ кефалометріи и разработалъ свой сюжетъ весьма тщательно; впрочемъ въ разсматриваемой статьѣ, названной авторомъ предварительнымъ сообщеніемъ, онъ даетъ только главные выводы своей работы, обѣщая въ послѣдствіи представить полный очеркъ разработаннаго имъ матеріала.

Разсматривая всѣ три группы череповъ, г. Иковъ прежде всего изслѣдуетъ зависимость черепнаго указателя отъ возраста, причемъ онъ находитъ ту общую для всѣхъ трехъ типовъ черту, что у дѣтей брахицефализмъ развитъ сильнѣе всего, затѣмъ онъ нѣсколько уменьшается въ силу того, что до 12—13 лѣтъ длина черепа нарастаетъ болѣе, чѣмъ его ширина; затѣмъ до 15—16 лѣтъ ростъ черепа вовсе приостанавливается; послѣ достиженія половой зрѣлости ростъ черепа вновь продолжается, но длина нарастаетъ постоянно больше чѣмъ ширина; наконецъ въ старческомъ возрастѣ, послѣ 55 лѣтъ,

ширина черепа уменьшается, длина-же его остается неизмѣнною, вслѣдствіе чего у стариковъ болѣе всего замѣтенъ процентъ длинно-головости.

Сравнивая затѣмъ три типа между собою въ отношеніи черепныхъ указателей, г. Иковъ приводитъ слѣдующіе результаты черепныхъ измѣреній:

	длинноголовыхъ	среднеголовыхъ	короткоголовыхъ
У бѣлоруссовъ онъ встрѣтилъ:	23 ⁰ / ₀	20 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	56 ¹ / ₂ ⁰ / ₀
У великороссовъ	19 ⁰ / ₀	17 ¹ / ₂	63 ¹ / ₂ ⁰ / ₀
У малороссовъ полтавскихъ	18 ⁰ / ₀	24 ⁰ / ₀	57 ¹ / ₂ ⁰ / ₀
У малороссовъ кіевскихъ	8 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀	75 ¹ / ₂ ⁰ / ₀

Такимъ образомъ изъ сличенія этихъ цифръ видимъ, что первыя три группы довольно близки между собою по черепнымъ указателямъ, между тѣмъ какъ группа кіевская довольно рѣзко выдѣляется слабыми остатками долихоцефализма и весьма сильнымъ развитіемъ процента брахицефаловъ. Обращая вниманіе на размѣры лица, г. Иковъ находитъ что размѣры эти гармонично совпадаютъ съ размѣрами черепа не только по отношенію къ тремъ главнымъ типамъ черепныхъ указателей, но и въ подраздѣленіяхъ этихъ типовъ на болѣе тѣсныя категоріи. Разсматривая эти категоріи подробно по подгруппамъ, установленнымъ Брокъ, г. Иковъ находитъ возможнымъ высказать весьма важныя и интересныя заключенія о составныхъ элементахъ образованія русскаго антропологическаго типа. Типъ этотъ сложился изъ смѣшенія нѣсколькихъ типовъ: двухъ длинноголовыхъ и трехъ короткоголовыхъ. Длинноголовые типы принадлежатъ автохтонамъ каменнаго вѣка, и типическіе черепа ихъ находимъ въ курганахъ того времени; атавизмъ того времени болѣе всего сохранился у бѣлоруссовъ, что выражается наибольшимъ у нихъ процентомъ длинноголовыхъ. Изъ трехъ типовъ короткоголовыхъ, вошедшихъ въ составъ русскаго типа, одинъ — брахицефалы (по Брока), представляетъ такія характеристическія черты, которыя наблюдаются по преимуществу у поволжскихъ финновъ, мордвы, вотяковъ, кареловъ и т. п., типъ этотъ отразился болѣе всего на типѣ великороссовъ, въ меньшей степени на бѣлоруссахъ и менѣе всего на кіевскихъ малороссахъ, за то послѣдніе болѣе всего подверглись вліянію другого короткоголового типа: высокихъ брахицефаловъ (type celto-slave Топинара), который встрѣчается нынѣ у западныхъ славянъ, особенно у карпатскихъ горцевъ (по изслѣдованію Коперницкаго), вліянію этого типа подверглись въ болѣе слабой мѣрѣ бѣлоруссы. Наконецъ третій ко-

роткоголовый типъ (эйроцефалы по Брока) играетъ менѣе важную роль въ образованіи русскаго антропологическаго типа и происхождение этого типа г. Иковъ пока затрудняется указать.—Почтенный авторъ заканчиваетъ свою работу положеніемъ весьма существеннымъ, по нашему мнѣнію, для дальнѣйшаго хода развитія русской антропологии: «для этнологіи Россіи, говоритъ онъ, важное значеніе должно имѣть тщательное изученіе подтиповъ, такъ какъ съ мнѣніемъ, что для объясненія состава славяно-русскихъ группъ достаточно допустить два основные типа—согласиться нельзя».—Намъ кажется, что это мнѣніе почтеннаго автора совершенно ясно и правильно обозначаетъ тотъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій русской антропологии, на которомъ мы въ правѣ ожидать весьма богатыхъ научныхъ пріобрѣтеній.

Всѣ три упомянутыя работы, конечно, мы можемъ разсматривать только какъ начало научной разработки славяно-русской антропологии; и количество наблюденій, и ограниченность территорій, на которыхъ они были собраны, конечно, не даетъ авторамъ возможности ставить въ широкой схемѣ общую характеристику антропологическихъ русскихъ типовъ, но во всякомъ случаѣ наука должна имъ быть благодарна за первые вслнѣ научные и рациональные шаги въ давно желанномъ направленіи.

В. А.

Н. П. Заоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи Казань 1892 г. Стр. 102 цѣна 50 коп.

Брошюра проф. Загоскина—это рѣчь прочитанная имъ на годичномъ актѣ Казанскаго университета. Отъ нея, по этому, нельзя требовать чего-нибудь новаго, самостоятельнаго, и она, м. б., по необходимости, является очеркомъ компилятивнымъ.

Въ исторіи смертной казни проф. Заоскинъ различаетъ три періода. Первый, приблизительно до изданія перваго судебника, характеризуется, какъ эпоха господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе; второй—эпоха господства строго—государственныхъ воззрѣній въ области уголовного права и системы устрашительныхъ наказаній и наконецъ третій періодъ—Эпоха реакціи противъ смертной казни и эпоха ея постепеннаго ограниченія.

Въ первый періодъ смертной казни, какъ наказанія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ не существуетъ; отдѣльные случаи ея примѣненія вызываются только экстраординарными обстоятельствами (стр. 27)

и могутъ считаться исключеніемъ. Полное право гражданства смертной казни далъ только Иванъ III въ Судебникѣ 1497 года, хотя уже и столѣтіемъ раньше въ Двинской уставной грамотѣ 1398 года смертная казнь впервые санкціонуется свѣтскимъ законодательствомъ, какъ наказаніе за кражу, совершенную въ третій разъ.

Несомнѣнно, что въ дѣлѣ введенія у насъ смертной казни сказалось главнымъ образомъ византійское вліяніе, проводникомъ котораго явилось духовенство (стр. 19 и слѣд.). Подъ его вліяніемъ Владиміръ Св. началъ было примѣнять смертную казнь, но скоро оставилъ: такъ это шло въ разрѣзъ съ духомъ и возрѣніемъ его народа! ¹⁾ Но время сдѣлало свое, и тѣ изъ постановленій Кормчей, которые содержали смертную казнь и членовредительныя наказанія, впрочемъ, въ первое время не примѣнялись, какъ несогласныя съ возрѣніемъ народа, скоро получили мало по малу право гражданства, оказали вліяніе на свѣтское законодательство и сдѣлались фундаментомъ, на которомъ развилась въ послѣдствіи сложная система русскихъ членовредительныхъ наказаній.

Въ западной Руси отчасти опять таки, благодаря этому же вліянію православнаго духовенства, но главнымъ образомъ, благодаря вліянію Польши и Нѣмецкаго права развилась своя система смертной казни и членовредительныхъ наказаній, которая санкціонирована, между прочимъ, въ Литовскомъ статутѣ.

Въ «Уложеніи», при составленіи котораго принималась во вниманіе Кормчая, Литовскій Статутъ и древнерусское право, кругъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній расширенъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, такъ что потомъ законодательствомъ дѣлались даже попытки къ смягченію отдѣльныхъ, установленныхъ уложеніемъ наказаній (стр. 51 и слѣд.). При Петрѣ, подъ вліяніемъ нѣмецкаго и шведскаго права, наказанія эти еще усилились, хотя въ то же время при Петрѣ замѣчаются и нѣкоторыя попытки къ ограниченію ужасовъ уголовной практики той эпохи, и фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено на практикѣ въ гораздо болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ то допускалось Вѣскимъ, наир., уставомъ (стр. 69). Но вообще, нужно сказать, что формы смертной казни и членовредительныхъ наказаній никогда у

¹⁾ Проф. Сертневичъ думаетъ, что вторая попытка ввести смертную казнь, и также неудачно, было сдѣлано при Ярославѣ I см. лекціи и изслѣдов. стр. 447, а также и юрид. древ. т. I стр. 107.

насъ въ Россіи не доходили до такого разнообразія и утонченности, какъ въ западной Европѣ. Смертные приговоры часто не приводились въ исполненіе отчасти въ силу права *печалованія* православнаго духовенства, а отчасти и въ силу *комилванія* въ виду какихъ нибудь торжественныхъ событій (стр. 73).

Послѣ смерти Петра начинается замѣтная реакція противъ смертной казни, окончившаяся приостановленіемъ въ 1744 году. Хотя законодательнымъ путемъ смертная казнь никогда отмѣнена не была, но ее примѣняли послѣ этого только въ отдѣльныхъ случаяхъ (Мировичъ, Пугачевъ). Проф. Загоскинъ довольно подробно излагаетъ судьбу смертной казни съ 1744 года до изданія свода законовъ въ 1832 году и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ въ 1845 г. (стр. 75—97), гдѣ смертная казнь назначена только за важнѣйшія государственныя и карантинныя преступленія. Тогда же былъ уничтоженъ и кнутъ, какъ орудіе наказанія, и замѣненъ плетью. Послѣдняя же вмѣстѣ съ шницрутенами, страшнымъ орудіемъ наказанія, введеннымъ Петромъ, были уничтожены уже при Александрѣ II въ 1863 году.

Законная сфера примѣненія смертной казни у насъ, въ Россіи, судами гражданскаго вѣдомства ограничивается двумя вышеупомянутыми видами преступленій и гораздо уже сферы примѣненій ея во Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи (стр. 101); хотя военные суды и у насъ могутъ практиковать смертную казнь въ самой широкой степени, и, намъ кажется, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что они иногда судятъ и въ мирное время лицъ гражданскаго вѣдомства за обыкновенныя уголовныя преступленія.

Отношеніе проф. Н. И. Загоскина къ смертной казни строго отрицательное. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ.. наше отечество, еще въ концѣ первой половины прошедшаго столѣтія, вызвавшее удивленіе всей Европы (sic) приостановленіемъ дѣйствія нормальной смертной казни, и въ теченіе полутора столѣтій протестовавшее въ лицѣ лучшихъ людей своихъ, противъ этого вида уголовной кары— и въ настоящее время идетъ въ области вопроса о смертной казни во главѣ великихъ культурныхъ державъ Европы» (стр. 101)... «Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX-ое столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣщаетъ историческое развитіе русскаго уголовного права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ,

этими лучшимъ земскимъ княземъ старинной Руси: «не казните ни правого, ни виноватаго — не губите души христіанской!» (стр. 102) — Эта вычурная тирада, думается намъ, не виолнѣ соответствуетъ исторической правдѣ, а еще болѣе существовавшему въ то время положенію вещей...

Н. В.

Обзорніе журналовъ.

Рѣшивъ въ текущемъ году дѣлать обзоръ большого количества журналовъ, а также представлять болѣе подробный отчетъ о содержаніи статей журнальныххъ, касающихся южной и западной Россіи, редакція будетъ печатать этотъ обзоръ 4 раза въ годъ, причемъ иногда, въ виду недостатка мѣста, онъ будетъ раздѣленъ на двѣ книжки, и въ концѣ будетъ указано, какіе именно номера и какихъ журналовъ были разсмотрѣны для каждаго обзора. Въ данномъ номерѣ мы помѣщаемъ первую часть обзора, окончаніе котораго дано будетъ въ № 5.

Русская мысль 1892 года январь—февраль — На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить странную повѣсть г. *Мачтеи* «*заклятый козакъ*» (II, 147—193) Въ этомъ разсказѣ замѣчается подражаніе Гоголю: тоже дѣдъ разсказываетъ сказку, сюжетъ, который очень несложенъ. Написанъ прадѣдъ разсказчика, жившій еще при Дорошеникѣ, горилки и поклялся печистою сплюю. Затѣмъ вышелъ изъ шинка, поднялась сильная буря и его понесло въ стогъ сѣна. Здѣсь явился ему смертельно блѣдный и удивительно похожій на прадѣда козакъ, котораго онъ видѣлъ въ шинку и просилъ разлучить его съ жинкою, обѣщаясь устроить прадѣду счастье и извѣстность. Прадѣдъ обѣщаль, заснулъ и только тогда проснулся, когда его разбудили посланные отъ Дорошенка. Оказалось, что прадѣдъ спалъ не на стогѣ сѣна, а на навозной кучѣ. Дорошенко даетъ ему порученіе свезти грамоту къ султану. Прадѣдъ ѣдетъ, на дорогѣ освобождаетъ блѣднаго козака отъ жинки — вѣдьмы, которая оказалась чудной красавицей. Здѣсь все обходится благополучно, прадѣдъ остается цѣлъ, но зато, когда пріѣхалъ къ султану и подалъ грамоту, то оказалось, что это не грамота, а бабскій очинюкъ. Прадѣда хотятъ казнить, но онъ призываетъ на помощь блѣднаго козака, который и спасаетъ его: грамота нашлась. Султанъ посылаетъ Дорошеникѣ помощь, съ пей прадѣдъ приходитъ во время, и полки Самойловича разбиты. Конечно, слѣдуютъ награды и т. п....

Повѣсть эта не можетъ быть названа вполне исторической, такъ какъ исторію въ ней напоминаютъ только имена, да примѣчанія автора. Не видно здѣсь также ничего типично-малорусскаго, потому что всю характеристику лицъ малорусской національности авторъ сводитъ къ тому, что они пьютъ много горилки, варенузу, говорятъ: «щуръ тобі, пекъ тобі» и ругаются какими-нибудь вычурными ругательствами.

Въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» отмѣтимъ рецензію на книги: *Ф. Щербини «Воронежское земство»* (1865—1889 г.) (II, 74); *А. Н. Барановскаго «Главные черты климата черноземныхъ областей Россіи»* (II, 80—81); сборникъ *«Колоски Збирникъ казокъ и повиданъ»*. Одесса 1891 г.; *В. Чайченка «Середь Крыжаного моря»* (II, 84—85); *«Народное образованіе въ Одессѣ»* (I, 22—23); *«Обзоръ состоянія земской медицинской помощи и бользненность населенія въ Елизаветградскомъ уездѣ, херсонской губ. въ 1890 году»* (I, 34—35); *Проф. Заюскина Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи* (I, 23—25).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ.—Статья г. *Л. Весина «Неурожаи въ Россіи и ихъ главные причины»* (I, 85—123; II 41—75), какъ показываетъ ужь само заглавіе, посвящена одному изъ интереснѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ нашей общественно-экономической жизни.

Давши историческій очеркъ неурожаевъ въ Россіи указавъ на тотъ фактъ, что нечерноземная полоса оказывается устойчивѣе въ смыслѣ постоянства урожаевъ, авторъ разсматриваетъ причины неурожаевъ—климатическія, зависящія отъ вредныхъ животныхъ и протекающія отъ дѣятельности самого человѣка. Конечно, послѣднія причины наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе автора, причежъ онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что поднятіе сельско-хозяйственной культуры одно не поможетъ дѣлу; «необходимъ рядъ мѣропріятій экономическаго свойства». Первое и самое главное изъ такихъ мѣропріятій должно, конечно, клониться къ тому, чтобы народъ не вуждался въ землѣ; о другихъ же мѣропріятіяхъ авторъ не упоминаетъ: это не входятъ въ задачу его статьи.

Въ 3 й книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» началась печатаніемъ очень обстоятельная статья проф. *Θ. И. Леонтовича «Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка»* (III, 46—76). Напечатано только начало, но изъ него уже видно, что статья г. Леонтовича, по своей полнотѣ и обстоятельности фактическихъ данныхъ, займетъ первое мѣсто между всѣми исторіями голодовокъ въ Россіи, литература которыхъ въ послѣднее время разрослась до почтенныхъ размѣровъ. Авторъ останавливается пока только на указаніи причинъ, вызывавшихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ недороды и усиливавшихъ ихъ, а также и на указаніи тѣхъ мѣръ, которыя принимались обществомъ и правительствомъ съ одной стороны для устраненія голодовокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,

а съ другой и для предотвращенія ихъ въ будущемъ. На сколько подробно проф. Леонтовичъ указываетъ основныя причины русскихъ голодовокъ, объ этомъ поговоримъ по окончаніи его статьи.

Г. В. Стасовъ въ своей статьѣ «*Вотъ наши строіе цѣлители и судьи!*» (I, 84—105) возражаетъ критикамъ картинъ г. Рѣпина, въ особенности же по поводу послѣдней его картины «*Запорожцы*».

Замѣтка члена новгородскаго окружнаго суда *О. М. Лихтенштадта* «*Давность и иски администраціи*» (III, 39—48) касается вопроса: «*можетъ ли отвѣтчикъ — еврей защищаться давностью противъ иска администраціи объ уничтоженіи крѣпостнаго акта?*» — вопроса, который кievская судебная палата рѣшила въ отрицательномъ смыслѣ. Указывая на отиѣну такого явно несправедливаго рѣшенія палаты гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ, г. Лихтенштадтъ отмѣчаетъ этотъ отраднй фактъ.

Въ отдѣлѣ «*Новыя книги*» отзывы о книгахъ *А. Брикнера*, *Потемкинъ* (II, 52) и *Н. П. Залюскина* «*Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи*» (II, 59).

Русская Старина 1892 г. т. 73 январь—мартъ. *Дневникъ акад. Никитенка* продолжаетъ быть интереснымъ, хотя въ напечатанныхъ теперь частяхъ, обънимающихъ 1869 (I, 151—174), 1870 (II, 393—422) и 1871 года (III, 605—633), и сообщается сравнительно меньше фактовъ. Особенно интересенъ 1871 годъ, когда общество было заинтересовано съ одной стороны судьбою средняго образованія въ Россіи, а съ другой исходомъ процесса Нечаева. Въ этомъ же году имѣлъ мѣсто и извѣстный «*инцидентъ*» съ избраніемъ А. Н. Пыпица въ академію, рассказанный въ дневникѣ довольно подробно.

Г. А. Колянковскій характеризуетъ извѣстнаго оригинала слависта В. И. Григоровича, бывшаго въ послѣднее время профессоромъ новороссійскаго университета (I, 131—176).

Въ воспоминаніяхъ акцизнаго чиновника *Б. Кукеля* «*Изъ эпохи уничтоженія откуповъ*» (I, 177—189) описывается введеніе акцизной системы въ курской губерніи и тѣ трудности, связанныя съ доносами и подвозами откупщиковъ, которыя пришлось перетерпѣть акцизнымъ чиновникамъ вообще и г. Кукелю, какъ управляющему акцизными сборами, въ особенности. Авторъ сообщаетъ намъ также нѣсколько чертъ для характеристики извѣстнаго самодура курскаго губернатора Дена (I, 179—181 стр.).

Въ февральской книжкѣ «*Русской С.*» интересна статья *проф. А. С. Лебедева* «*Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII в.*» (II, 313—339), написанная на основаніи архивныхъ документовъ курской и харьковской духовныхъ консисторій и монастырей курскаго и бѣлогородскаго. Изъ нѣлаго ряда дѣлъ, приводимыхъ авторомъ, видно, что тѣлесныя

наказанія въ XVIII в. примѣнялись широко въ мужскихъ и женскихъ монастырѣхъ, а также и по отношенію къ приходскому духовенству; подвергались имъ также по духовному суду и міряне, по крайней мѣрѣ изъ простолупшовъ, причѣмъ судъ этотъ считалъ тѣлесныя наказанія вообще хорошимъ средствомъ при открытіи преступленій и «практиковалъ ихъ едва-ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ судъ свѣтскій». Кромѣ тѣлеснаго наказанія въ широкихъ размѣрахъ практиковалось также сажаніе на цѣпь.

Въ своей замѣткѣ «Павелъ Коцюшкевичъ, митрополитъ тобольскій» (1758—1768 г.), проф. В. С. Иконниковъ дѣлаетъ нѣсколько дополненій и возраженій на статью А. И. Львова «Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Коцюшкевича, и. т.», приводя по своему обыкновенію, обширную литературу по затронутому имъ вопросу. Коцюшкевичъ былъ, какъ извѣстно, уроженцемъ Галиціи и воспитывался въ кіевск. дух. академіи.

Для біографіи Гоголя интересна кратковременная переписка его съ И. И. Срезневскимъ (III, 751—763). Переписка эта началась и кончилась своеобразно. Желая написать неосуществившуюся потомъ «Исторію малороссійскихъ козаковъ», Гоголь помѣстивъ въ журналахъ объявленіе съ просьбой присылать ему матеріалы, если у кого окажутся. Въ числѣ откликнувшихся на призывъ былъ и знаменитый славить, только что издавшій тогда «Запорожскую Старину». По этому поводу они обмѣнялись нѣсколькими письмами; переписка эта скоро прекратилась, Гоголь охладѣлъ къ своимъ занятіямъ, а Срезневскій усвоилъ себѣ тотъ неблагоприятный взглядъ на Гоголя и его литературную дѣятельность, котораго онъ послѣ ужъ держался до самой своей смерти.

Для характеристика малорусскаго общества начала нынѣшняго столѣтія важны «Записки доктора де-ла Флиза о походѣ въ Россію въ 1812 г.» (Р. Ст. I, 51—69, II, 339—365, III, 575—605). Взятый въ плѣнъ русскими, де-ла-Флизь долженъ былъ прожить больше двухъ лѣтъ въ мглинскомъ уѣздѣ черниговской губ.; здѣсь онъ познакомился съ очень многими мглинскими помѣщиками и описываетъ намъ образъ ихъ жизни.

Де-ла-Флизь описываетъ, напр., помѣщичью охоту (II, 351), роскошное нѣжнѣе гр. Завадовскаго Ляличи и образъ жизни графа (*ibid.* 354—357); говоритъ объ убійствѣ крестьянами Лашкевича, жестоко обращавшагося съ ними (III, 599—600), знакомитъ насъ съ темною личностью графа Петра Гудовича (III, 578) и со скромной жпзнью графа В. В. Гудовича, въ домѣ котораго авторъ въ качествѣ врача прожилъ больше года, посѣщая и знакомясь съ окрестными помѣщиками, Рославцемъ, Туманскимъ, Нокорскими и др., портреты которыхъ онъ рисовалъ намъ въ своихъ запискахъ. Одинъ изъ Нокорскихъ специально, напр., занимался собираніемъ карикатуръ на французовъ и съ удовольствіемъ показывалъ ихъ де-ла-Флизу, видя, какъ это ему не нравится

(III, 595—596). Въ домѣ другаго брата Покорскаго де-ла-Флизъ видѣлъ придворнаго шута.. «Входятъ въ комнату, говорятъ онъ, старикъ лѣтъ 60, въ придворномъ вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвѣсплъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣтилъ ему тѣмъ же; онъ попросилъ меня не беспокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, прилѣпивъ къ всему нелѣпыя французскія слова. Я не зналъ, что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ какъ корова и ржетъ какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшеннаго, но г. Покорскій посиѣдилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежавшій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держатъ шутовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшенъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая мнимамъ и маперѣ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшилъ общество» (III, 597—598).—Вообще въ запискахъ де-ла Флиза находятся много матеріала для характеристики быта малорусскихъ помѣщиковъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ 1814 г. де-ла-Флизъ покинулъ Россію.

Въ «библіографическомъ листкѣ» «Русской Старины» библіографическія замѣтки Н. К. Х—скаго объ «Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1888 г. (I, на оберткѣ); проф. В. И. объ изданіяхъ Воронежскаго статистическаго комитета (I, въ каталогѣ, стр. 7—8) А. П. о путешествіи Берниардта Таннера (ibid. 13); Г. А. Воробьева о книгѣ П. Н. Батюшкова «Подолія» (II, на оберткѣ); В. И. С. о кн. Турцевича «Христоматія по исторіи западной Россіи» (II, 535) Н. В. В. о кн. пр. Заоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи» (II, 536—537); о кн. С. М. Дубова «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества» (III, 840).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. т. 47 (январь—мартъ). Съ январской книжки (64—100 стр.) начался печатаніемъ бурсацкія воспоминанія И. Н. Потапенко «До и послѣ», характеризующія жизнь бурсы въ послѣдній годъ ея существованія и имѣющія цѣлью представить хоть «смутную» картину

водворенія новыхъ формъ на развалинахъ старой бурсы послѣ ея преобразованія (стр. 64—65).

Автору, впрочемъ, недолго пришлось пробыть въ бурсѣ: за хорошей голось его скоро перевели въ архіерейскій хоръ, и г. Потаненко описываетъ этотъ своеобразный міръ съ его особенными традиціями, выработавшимися въ-камп съ его грубостью, грубыми шутками и низкимъ нравственнымъ уровнемъ его членовъ. Здѣсь мы узнаемъ много новаго, до сихъ поръ намъ мало извѣстнаго или совсѣмъ невѣстнаго.

Воспоминанія И. Н. Потаненка еще далеко не кончены и общаются быть интересными. Нѣсколько вредитъ имъ то обстоятельство, что авторъ какъ то принципиально воздерживается отъ передачи своихъ тогдашнихъ впечатлѣній, заключеній, а только передаетъ факты. Отъ этого мы съ достаточной подробностью узнаемъ внѣшнюю бурсу того времени; типъ же бурсака, его внутренній міръ остается для насъ совсѣмъ неяснымъ. Последнее можно даже въ упрекъ поставить человѣку, пишущему свои воспоминаванія въ концѣ XIX в. да еще я литератору.

Изъ другихъ статей «Историческаго Вѣстника» отмѣтимъ ст. *проф. Д. И. Багалъя «Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Россіи въ старину»* (январь стр. 177—196).—Это—лекція, прочитанная авторомъ въ Харьковѣ въ пользу голодающихъ и заключающая въ себѣ краткій очеркъ бѣдствій (пожаровъ, мора, голодовъ, саранчи), постигавшихъ Россію отъ начала государства до XVIII вѣка. Въ Малороссіи особенно были тяжки годы 1680 и 1690 г., когда была страшная засуха; саранча и червь истребили посѣвы и затѣмъ въ 1711 году, когда господствовали вмѣстѣ голодь и моръ, и въ одномъ черниговскомъ полку погибло 11,830 чел. Въ Слободской Украинѣ былъ сильный голодь въ 1699 году и затѣмъ чума съ 1738—1739 года, когда въ Изюмѣ (харьк. губ.) умерло 6,610 чел. Подводя итогъ тому, какими средствами русское государство боролось съ бѣдствіями, проф. Д. И. Багалъй говорить: «Сначала борьбу вело не государство и даже не общество, а отдѣльныя лица, всякій на свой страхъ и рискъ. Потомъ въ XVI—XVII вѣкахъ эту борьбу приняло на себя государство. Въ XVIII в. оно вооружилось опытомъ своихъ сосѣдей и пыталось дѣйствовать исключительно полицейскими принудительными средствами. Но въ XIX вѣкѣ правительство уже призвало къ содѣйствію и русское общество». (Стр. 194). Много теперь помогаетъ и наука.

Въ своей замѣткѣ *«Древній Богоявленскій храмъ въ г. Остропь»* (I, 226—232) М. И. Городецкій, по случаю возобновленія этого храма въ 1891 году, дѣлаетъ о немъ историческую справку¹⁾. Статья М. В. С.

¹⁾ Къ статѣ приложены: видъ возобновленнаго въ 1891 г. храма и развалины прежняго, сооруженнаго въ XV в.

«Русская область въ юго-западной окраинѣ» (II, 536—554) вызвана предстоящимъ въ будущемъ году столѣтіемъ со времени присоединенія Подолія къ Россіи. Авторъ рассказываетъ судьбу этой области, пользуясь почти исключительно недавно вышедшимъ подъ ред. П. Н. Батюшкова официальнымъ сборникомъ «Подолія»¹⁾. Р. И. Сементковскій въ статьѣ «Силуэты русскихъ администраторовъ» (II, 499—524) характеризуетъ трехъ русскихъ администраторовъ трехъ различныхъ эпохъ — варшавскаго коменданта И. И. Тутчека николаевскаго служаку, губернатора начала 70-хъ годовъ, съ которымъ авторъ познакомился въ Лозаннѣ на водахъ и затѣмъ извѣстнаго саратовскаго губернатора А. И. Косича. Многосторонняя дѣятельность послѣдняго въ качествѣ губернатора на пользу общественную характеризуется на основаніи «циркуляровъ, указаній и рѣчей г. начальника саратовской губерніи ген.-лейт. А. И. Косича» — сборника, изданнаго въ пользу голодающихъ.

Въ отдѣлѣ «замѣтокъ и поправокъ» Г. Н. Ширяевъ (*Могила Мазепы* (I, 295—296) опровергаетъ всю неосновательность напечатанной въ «Южанинѣ» замѣтки, будто Петръ въ бытность свою въ Галацѣ разрушилъ могилу Мазепы, похороненнаго въ тамошнемъ монастырѣ. Указывая на то, что Петръ никогда въ Галацѣ не былъ, г. Ширяевъ рассказываетъ «истинную исторію могилы Мазепы».

Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» отзывъ г. П. П. объ «*Очеркахъ замѣчательнѣйшихъ древностей воронежской губерніи*. Исслѣдованіе члена секретаря воронежск. губерн. стат. комитета Л. Б. Вейнберга (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова, Воронежъ 1891 г.» (I, 268).

Русскій Архивъ 1892 г. январь—мартъ. Старый гвардеецъ («Изъ памятныхъ записокъ стараго гвардейца» I, 138—141) описываетъ то тревожное настроеніе, которое было въ Петербургѣ въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Память, впрочемъ, уже измѣняетъ автору: онъ не знаетъ даже точно, когда былъ объявленъ манифестъ, и днемъ объявленія его называетъ на одной и той же страницѣ то 19, то 26 февраля. Какъ извѣстно, манифестъ былъ объявленъ 5 марта.

Г. гвардеецъ приводитъ характерный случай, какъ екатеринславскій помѣщикъ Г. В. Нечаевъ не позволилъ мировому посреднику составлять уставныхъ грамотъ на томъ основаніи, что онъ унаслѣдовалъ крестьянъ отъ отца и

²⁾ Къ статьѣ приложено 9 рисунковъ: 1) Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ легич. уѣзда 2) портретъ гет. Сагайдачнаго 3, 4) турецкій Минаретъ и амвонъ въ К.-Подольскѣ 5) икона, изсѣченная турками 6) домъ, въ которомъ останавливался Петръ В. 7 и 8) портреты Бябикова и митр. Леонтія и 9) церковь св. Дмитрія въ с. Сѣнной балтскаго уѣзда.

никто не имѣеть права ихъ у него отнять, — а самъ, яко бы отъ себя, подарилъ крестьянамъ опредѣленный имъ надѣлъ.

Во второй книжкѣ «Архива» помѣщены два интересныхъ письма Н. И. Пирогова къ Э. О. Радень (1860—1862 г.), (II, 185—199), касающихся положенія дѣлъ въ юго-западномъ краѣ предъ польскимъ возстаніемъ, затрудненій, встрѣтившихся при введеніи положенія 19 февраля, и нѣкоторыхъ вопросовъ народнаго образованія¹⁾. Высказываясь противъ ограниченій доступа молодежи въ университетъ, Пироговъ указываетъ на ненормальность постановки какъ учебной, такъ и административной части въ нашемъ просвѣщеніи—я здѣсь видить причину тѣхъ волненій молодежи, которыми ознаменовано начало 60-хъ годовъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всѣ его взгляды, особенно о положеніи юго-западнаго края были вѣрны и безпристрастны, но они интересны, какъ взгляды передоваго администратора конца 50 и начала 60-хъ годовъ...

«Письма митрополита кіевского Арсенія къ архіепископу Костромскому Платону (II, 201—232) важны для характеристики міровоззрѣнія двухъ высшихъ іерарховъ, членовъ свѣтѣйшаго Синода. Въ ихъ перепискѣ затрогиваются и трактуются иногда разные вопросы государственной важности, бывшіе тогда на очереди въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ напр. вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, передаются слухи, дѣлаются характеристики лицъ, сообщаются свѣдѣнія объ юго-зап. краѣ и пр., Известная записка проф. Ростяславова о состояніи духовныхъ училищъ, напечатанная за границей, вызываетъ у м. Арсенія цѣлую бурю негодованія (I, 209). Относительно университетскаго преподаванія онъ говоритъ: «не худо бы, кажется, прибавить къ сему (къ проекту арх. Платона) еще и то, чтобы въ университетахъ и гимназіяхъ изъ духовныхъ лицъ былъ не одинъ законоучитель, но и другой наставникъ древней исторіи, а пожалуй и третій по гражданской исторіи. Тогда вліяніе духовенства на воспитаніе и образованіе имѣло бы вѣсь достаточный». (II, 210). Это писано въ 1863 году. Все же переписка охватываетъ періодъ съ 1856 по 1873 годы.

Въ этой же книгѣ «Архива» нѣсколько словъ посвящено «памяти Софьи Григорьевны Милорадовичъ», скончав. въ 1890 г. (II, 269—271.).

Юридическій Вѣстникъ 1892 г. январь—мартъ. Къ Малороссіи относятся здѣсь статья и замѣтки г. П. Дашкевича. Во первыхъ, «Предбрачные убытки по обычаямъ малороссовъ» (II, 216—238)—статья написанная на основаніи 285 рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ въ большинствѣ случаевъ, самимъ авторомъ, покойнымъ проф. А. О. Кистяковскимъ, комис-

¹⁾ Письма говорятъ: I. О христіанской любви. О юго-западномъ краѣ II. О воспитаніи и обученіи. О крестьянахъ и помѣщикахъ.

сіюе по преобразованію волостныхъ судовъ и экспедицію въ западно русскій край. Авторъ имѣетъ въ виду прослѣдить различныя гражданскія отношенія, которыя возникаютъ вслѣдствіе отказа отъ совершенія брака одной изъ сговорившихся сторонъ. — Затѣмъ двѣ замѣтки г. Дашкевича. — Одна — «Грабежъ», какъ уголовно-юридическій терминъ обычнаго права (I, 168—171) написана по поводу книги М. Р. Духовскаго «Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ», въ которой авторъ терминъ «грабежъ» употребляемый народомъ въ смыслѣ самоуправства смѣшиваетъ съ современнымъ научно-юридическимъ терминомъ грабежа и отсюда приходитъ къ ложному выводу, будто «открытое похищеніе у крестьянъ считается менѣе серьезнымъ преступленіемъ и карается легче, чѣмъ похищеніе тайное — кража». Свою мысль, правда, давно уже другими высказанную, г. Дашкевичъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. — Во второй замѣткѣ «Къ вопросу о способѣ собранія и порядкѣ изданія матеріаловъ по обычному праву» (I, 171—173) тотъ же авторъ возражаетъ г. Гольметену, требующему при кодификаціи гражданскихъ народныхъ обычаевъ, изученія «всѣхъ безъ исключенія рѣшеній волостныхъ судовъ». Указывая при этомъ на богатые матеріалы по обычному праву, оставшіеся послѣ проф. А. О. Кистяковского и М. Харузина, г. Дашкевичъ думаетъ, что изданіе ихъ, равно какъ и собраніе новыхъ матеріаловъ должно взять на себя Императорское географическое общество, при которомъ уже больше 10 лѣтъ существуетъ особая коммисія по обычному праву, о дѣятельности которой, впрочемъ, ничего неизвѣстно.

Журналъ гражданского и уголовного права 1892 г. январь — мартъ. — Кромѣ статей спеціально юридическаго содержанія, въ отдѣлѣ «Критики и библиографія» отмѣтимъ обстоятельную рецензію *Г. П. Хмельницкаго на книгу А. Боровиковскаго «Отчетъ судьи»*. Томъ I, Спб. 1891 г. (I, 110—132). и краткую замѣтку о брошюрѣ проф. Н. П. Загоскина «Очеркъ исторія смертной казни въ Россіи». Хорошая часть книги г. Боровиковскаго посвящена, какъ извѣстно, вопросу о чиншевомъ правѣ...

Кіевскія университетскія извѣстія. 1892 г. Январь. Статья проф. А. В. Романовичъ-Славатинскаго «Голода въ Россіи и мѣры правительства противъ нихъ» (27—68) является публичной лекціей, прочитанной авторомъ въ пользу голодающихъ. Она собственно не представляетъ изъ себя *полной* исторія голодовокъ въ Россіи, а посвящена, главнымъ образомъ, голодамъ XIX столѣтія, на которыхъ авторъ останавливается подробно, указывая какъ на причины, такъ и на мѣры, принимавшіяся правительствомъ для борьбы съ ними¹⁾. Для этого авторъ пользовался, главнымъ образомъ, «Исторією М—ва

¹⁾ Лекціи проф. А. В. Романовича-Славатинскаго вмѣстѣ съ лекціей правдоп. Н. М. Цитовича были вмѣстѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ загла-

Внут. Д.) Н. Вародинова п «Матеріалами по вопросу объ обезпеченіи продовольствія».

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета. 1892 г.
Книга I (январь—февраль). О рѣчи проф. Загоскина «Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи» (I—102 стр). см. отзывъ въ отдѣлѣ библіографіи.
Н. Н. Ойрсовъ. Содержаніе и характеристика Галицко - Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку (стр. 119—130; есть и въ отдѣльномъ изданіи)—слишкомъ жидкая, повторяющая общезвѣстное статейка, являющаяся пробной лекціей автора въ университетѣ, никакого, въ сущности, научнаго значенія не имѣетъ. Содержаніе ея даже мало соотвѣтствуетъ темѣ, потому что читатель не выноситъ почти никакого представленія о галицко-волинской лѣтописи. Всѣ свѣдѣнія авторъ сводитъ къ четыремъ категоріямъ: 1) относительно княжескихъ междоусобій 2) боярства 3) отношенія къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ и 4) татарское иго; но характеръ этихъ свѣдѣній остается неизвѣстнымъ, потому что авторъ ограничивается только пересказомъ элементарнаго учебника и приводитъ по одному—по два примѣра изъ лѣтописи. Да и то не всегда. Для читателей, конечно, такая тирада, безъ фактовъ совсѣмъ недоказательна.

иентъ „Голода въ Россіи и западной Европѣ“—цѣна 1 руб. Сборъ въ пользу голодающихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

41 и 42-й выпуски

(заключенъ III-й томъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. Гарбель и К^о,

въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣзников. п., д. Мартыновой.

Объясненіе словъ: (Истомкинъ—Кальдеронъ).

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска.

Подписная цѣна на все изданіе (болѣе 100 выпусковъ) на лучшей бумагѣ 32 рубля, на обыкновенной—25 рублей.

Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, по 40 и 30 копѣекъ за выпускъ, (смотря по разбору бумаги).

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежемъ, контора покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расходы ОДИНЪ РУБЛЬ почтовыми марками, кои зачтутся въ счетъ уплаты.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30-го марта 1892 г.

отъ себе еще мѣсть на себе дать мнѣ кабалу, переговорилемъ и купить его казалемъ господаревѣ. Отехалемъ въ Сварковъ, где шкляра уговорилемъ оболони дѣлать, а ему за тое дать пару суконъ, кунтушь тузѣнковой, да кафанъ мусулбесовой и пашнѣ всякой, але потомъ певнѣ уговорить его Василеви казалемъ. Войту Забарѣ указъ о его войтовствѣ далемъ ему и шо ему чинить. Приѣхалемъ въ фугторъ Калюжновскій, гдѣ видѣлемъ 4 кипи тютюну зложеного, а пятаю докладаетъ. Коней дрикганта воронострокатого, да верхового бѣлого оглядалемъ, але же дрикганта перелиты взяли, того ради до мѣста его попровадилы, а я, побувши въ шинку калюжновскимъ, отехалемъ въ Тулиголови, куда годиною передъ полночю приѣхалемъ, бо будетъ миль 3. Реестръ мнѣ достался шела, Архимомъ привезенного, именно: фляшки до 4 пуздерокъ, баніокъ лазебныхъ 60, бутилокъ плоскихъ 54, бутилокъ круглыхъ 46, штоповъ до столу 20, фляшь гарцевыхъ 15, глеконъ 15, шибъ аркушовыхъ 55, опрочъ шматковъ. Еще въ Глуховѣ далъ господаръ грошей мнѣ рублей 6, которіе Вежевскимъ дани на расходъ, и того въ первомъ пунктѣ записать запомнѣлось. Въ Глуховѣ, у Кошелева, когда костми метали лоти, синь брегадирскій Никита кинулъ вмѣсто родителя и пало 47, и же нѣхто столко не кинулъ, того ради лошадей пара припроважена до родителя.

29. Пятокъ. Въ Тулиголовахъ рано далемъ Роману дворникови, на покупку жита до винницѣ тамошней же, зол. 300. Тогда жъ, составивши наказъ, Василю господареви въ 25 пунктахъ далемъ, ему жъ Романови и грошей рублей 20, и листь, писанній до старости овдоколского о садовнику, жебы дать ему подводу до Стародуба и о присилцѣ въ Глуховъ бариль у полкуфи 15, алѣи, крупцювъ всякихъ и боклаговъ; сіи три рѣчи, наказъ, денги и листь отдалемъ Романови, жебы онъ вручилъ Василеви. Въ імбарѣ горѣлки куфъ 7 великихъ, повнихъ, обрѣтается. Устроивши вижей вираженніе рѣчи, отехалемъ въ Камень, где уже не засталемъ родителя, передомъ отехавшого къ Ромну на обѣдъ въ слободку Корсакову. Тамъ малое время забавилемъ, толко наказъ до Романа въ 6 пунктахъ написалемъ: 1) чтобъ перегналъ горѣлки 4 кувхи

оковитой на мяту, 2) чтобъ ліодовню въ Обложкахъ оправиль, 3) о покряттю ступника дранню, 4) о Совѣ и Козѣ шинникахъ, 5) о оберненню данныхъ ему грошей на единое жито, 6) о пересланню тютюну въ калужновскій футоръ къ тамошнему тютюнникови, жебы попереязоваль лутше, нѣжъ тулиголовскій тютюникъ. Поехалемъ зъ Каменя по полуднѣ, а пріехалемъ передъ смеркомъ въ слободку Корсакову, где и заночоваломъ; а зъ Каменя до Хижокъ, отколь милѣ меншъ, отъ Хижокъ до Козацкой миля 1, а одъ Козацкой до Грузской болшъ милѣ, а отъ Грузкой до слободки Корсаковой болшъ версти 1.

30. Субота. Съ полночи другой години поехали зъ слободки Корсаковой до Смѣлого и, на дорозѣ зъ версту поблудивши, а потомъ винайшовши дорогу, пріехалемъ въ Смѣлое свѣтомъ; ехалемъ 6 годинъ, а милъ будетъ добрихъ 4. Въ Смѣломъ служби Божой вислухалемъ и, по службѣ Божой, по чарцѣ водки сотнику и господареви, Кгресю старому, поднюсни, поехали къ Ромну. На дорозѣ стрѣтилемся зъ Яковомъ Дубровою, до Смѣлого зъ Ромна ехавшимъ, и, взявши у его допросъ Юрченка, поехали и пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Роменъ. Засталемъ Федора Юрченка, вчорайшого дня пріехавшого зъ обозомъ въ Роменъ. Орановскому кунтушъ легкій, зъ (?) лиштвами, позичилемъ.

31. Неделя. Человѣкъ отъ нѣжинского Самойлловича, значкового товариша, пріехалъ и объявилъ миѣ инструкцію, его панови данную, жебы зо всѣхъ бунчуковыхъ, мешканне свое въ полку нѣжинскомъ мѣючихъ, взялъ сказки, хто, когда и въ которихъ походахъ буваль и хто небуваль, за якою сказкою и ко миѣ пріехалъ. Орановскій шлюбъ зъ Агафѣю дворовою дѣвкою и свойственною самой родителки взялъ отъ отца Савѣцкого протопопи Роменского. Брати мои Марко, Лука и Иоанъ, зъ Кіева пріехавшіе, миѣ явилися. Коней 10, припроваженнихъ зъ Федоромъ Юрченкомъ, послалемъ до Сухоносовки, а въ Токарѣ давніе тутейшіи послани конѣ и на овесь дано 3 копи.

Февр. 1. Понедѣлокъ Пересмотрували реестровъ Юрченковыхъ, и показалось облягтовъ отъ позичившихъ денги 20, а тютюня 23,

а пшоно 8. Знималь родитель серпанокъ зъ молодой и дароваль Орановскому коня, а я по парѣ коней, кобилъ и воловъ, а самой зол. 50. П. Зарудній старій и п. Василь зъ Глинска пріехали. Подпяхомъ. Родитель Василю Дяченку говорилъ и послушаніе судебное здецилъ. Василеви писареви за жито 15 зол. заплатилемъ, котораго задолжился я. У Демяна отобрали грошей 105 зол., и отдани Якову.

2. Вовторникъ. Родитель подарилъ мнѣ фунтъ шафрану, зъ Баки привезенного, подобно: (?). Человѣка Самойловичевого, за сказкою о службахъ моихъ пріехавшого, отправилемъ зъ сказкою моею. Демянъ въ своей скринцѣ перебиралъ дещо и видалъ реестра и полотно, и баранки, и грошей рублей зъ 20. Указъ зъ вологіи, давню ко мнѣ принесенній, о томъ, чтобъ учинить вѣдомо, сколько денегъ въ скарбцю полковомъ есть, отдадемъ Петрановскому. Указъ зъ канцеляріи енер. о виключенню радовихъ, а вписанню значковихъ на мѣсто ихъ, въ Гилянъ врученъ мнѣ на мое імя. Иванъ Ивановичъ Гейтеръ, аптекаръ, пріехалъ зъ Лубенъ, а едетъ въ Москву.

3. Середа. Старшина чорнуская, Дроздъ и Звѣрака, пріехавши сюда, подали мнѣ карту за подписаніемъ рукъ своихъ, въ которой предложили тое, что сухоносовскіе жители за млинокъ въ годъ по 5 рублей до церкви тамошней, да поколѣщину 7 зол. заплатить. Такъ же другую купчую на грунта попа сухоносовского въ ценѣ 100 зол. Федоръ Юрченко отправленъ въ Глуховъ, черезъ котораго до господара писалемъ, и послани наручники до квартирокъ и завѣсь до дверей 12 паръ. На покупки розніе казалемъ дать Якову Дубровъ 100 р. и зъ нихъ вилѣчити атаманови на покупку воловъ къ 200 р., первой даннымъ, и еще 20 р. Баранковъ и шовку пересмотрували, дакъ шовку кренцоного 5, а простого 30 фунтовъ, а баранковъ лутшихъ 10, сѣрихъ 2, а подлѣйшихъ 12, а давнихъ 2. По вчорайшой рахубѣ показалось доводячихся отъ п. Семена 87 руб., а паней 10 рублей, и того 97 р. Романъ пріехалъ и донеслъ, что въ обѣ ліодовнѣ лохвицкую и лубенскую набыто ліоду. У п. Несторовича обѣдалисмо и позно въ ночь отехали. Молебень за царевну Анну Петровну отправлялся.

4. Четвергъ. Ездилемъ за Сулу осмотрувать воловъ моихъ, въ походъ наступуючій куплевнихъ, которыхъ всѣхъ куплено 60, равно и 1 прибылнй, и оніе, поклейновавши, послали въ Сухоносовку. Кобыли персидской и дрикгантовъ грузинскихъ осмотрувалемъ родителскихъ. Ходилемъ по ярмарку и нѣкаторіе рѣчи покупилиемъ. Попріездили многіе гостѣ и на двоухъ столахъ обѣдали, отъ нихъ же и госпожа Михайловая воронѣжская. Купилемъ регламентъ и букваръ Прокоповича.

5. Пятокъ. Родитель ярмаркового 20 р. далъ моеи сожителниці. Орановскому далемъ грошей 50 зол. Тарасъ посланъ въ Сухоносовку и Лубнѣ за кунми и иными интересами, которому данъ наказъ въ 12 пунктахъ, да при немъ же мѣди 16 фунт. послалиемъ. Полковникъ Шереметевъ Василій Петровичъ былъ у насъ и кушалъ. Интеллѣггаторови далемъ кону грошей за оправку книжокъ и еще 3 книжки оправити далемъ же. П. Василь глинской и Федоръ Заруднй пріехали. Отецъ Фома у вечеру былъ и просидѣлъ зо мною. П. Несторовичу на хоробу коробки далемъ въ палѣрку рубли. cord. rubr. зii. Вечералисмо сами, а родитель ускаржался на слабость свою.

6. Субота. Указъ, зъ войсковой енер. канцелляріи данній писару Сави Рагозѣнскаго, объ изелѣдованіи на ратушѣ здешней заводу его зъ купцами протчними, показованъ мнѣ. Указъ зъ коллегіи на імя мое о поправкѣ магазейну въ Веремѣвцу принесенъ и врученъ мнѣ черезъ сотника тутейшого наказнаго. Панъ Петрувскій, бувшій асауль, бувъ у мене и сторговалемъ у его дворъ попа сухонососовскаго и леваду, прозиваемую Козубовщину за 120 зол., якіе кгрунта ему отъ отца протопопи Пѣратинскаго и прежде судомъ консисторскимъ за долгъ его, на попу зависаючій, отданой ему вовся. П. Федоръ зъ Прилуки писалъ до родителя, что будто п. суддѣна послала въ Перервинцѣ вилучить себѣ кобили зъ лошатами зъ того стада, чего ради писалемъ до тамошняго атамана и войта, жебы нѣкому нѣчого оттуду невидавано и листъ нарочнимъ послать Орановскому далемъ. Параскеве (?) капитанъ и індуктаръ обѣдалъ у насъ. Адамъ грошей далъ 100 зол. за горѣлку мою, въ Криму

проданную. У лазнѣ былемъ. П. Василь глинескій отехалъ въ домъ. Ходилемъ по ярмарку и кушилемъ нѣкаторіе рѣчи.

7 Неделя. Запусти сирніе. Плетюнка приехалъ въ Ромонъ на 4 подводахъ по два конь. Да онъ же писмо привезлъ отъ Василя господара, въ которомъ объявляетъ, что зъ шкляремъ уговорился за каждую оболону платить по 4 зол. Онъ же, Плетюнка, показоваль квѣтацѣю, данную себѣ отъ Василя, что онъ, Василь, отобраль отъ его доводячихся денегъ 40 зол., и уже онъ не виновать. Онъ же, Плетюнка, далъ писмо крепостное, отъ зятя его Федора Иванова написанное, на которомъ и онъ во свѣдителиство вмѣсто себе упросиль Орановского о подписъ руки. Онъ же, Плетюнка, радиль взять намъ зъ собою зъ людей сварковскихъ Федка Сохаченка, да Ивана Шевца. Орановскому чеховъ зъ шагами болшъ 10 р. далемъ мѣнять на копѣйки. По вечерѣ свѣвалисмо канонъ воскресенскій, когда и прапорщикъ Волжинъ зъ Несторовичомъ приходили и, выпивши мало, отойшли, а по окончаніи, и ми, розійшовшись зійшлись ко мнѣ, брать п. Андрѣй зъ п. братовою и п. Семенъ, и тутъ повторне перекусили.

8. Понеделокъ. Постъ вел. Плетюнка отправленъ въ Сухоносовку зъ наказомъ, въ 9 пунктахъ содержимимъ, которому и 60 зол. денегъ далемъ на заплаченне дворика и левади поповской п. Петровскому. У жида, отъ Дубровского приѣхавшого, взялисмо двѣ штуки полуштамету, локот. 77, а ему вовну дали; вовни пудъ по 7 гривенъ, а сукна локот. по 8 шаг. До п. Федора въ Прилуку отправленъ Иванъ Войтенко—для переписѣ рѣчій покойного п. судіи и до п. судиной о присланню грамоти писано. Чаю фунтъ за 40 алт. купилемъ у Ивана Перехриста. Полянка Котляренко и протчіе отехали домой. Докупала еще до прежнихъ покупокъ декоторіе, на якіе Гаврилу далемъ 5 р.

9. Вовторокъ. Ивану Перехристу, едучому до Сумъ на ярмарокъ далемъ для покупокъ 40 зол. Максиму Коржовскому на приборъ далемъ зол. 5. Шкляра, дѣлаючого окна въ Сварковѣ, женѣ далемъ грошей таляръ. Орановскій поехалъ въ Сухоносовку для отправлення себе отъ дѣль. Между баранками показались лутшихъ 8, подлѣйшихъ 16, сивихъ два. Прапорщикъ Волжинъ булъ у насъ

и простился, понеже ему ехать въ Глуховъ въ колегію принесенъ указъ, которій у вечеру и компутовъ З прислалъ ко мнѣ черезъ своего писара при писмѣ своемъ, на якое и я отписалъ къ нему. Пива зъ Глухова бочку привезлъ ямщикъ, посланній туда зъ Юрченкомъ.

10. Середа. Ивану Перехристу еще далемъ грошей рублей 4 на покупку футра сѣбирковаго; ему жъ далемъ 14 зол. чеховъ, да шаговъ розмѣнять на копѣйки. Романъ у шинкара тутейшого взялъ 40 зол. грошей, 20 Перехристу тихъ далъ, и 20 есть. Гаврило молодой далъ на себе облѣкгъ, что онъ за тютюнъ виноватъ мнѣ 26 руб. Сотникъ пѣратинскій, бывши тутъ, отехалъ въ домъ, а атамана оставилъ. Вовни бранки родительской показалось 230 пудъ, а въ пудъ входитъ 21 руно. Сотникъ наказній роменскій приходилъ зъ объявленіемъ, что надзиратель одеть въ Глуховъ, и сказку отъ себе о чиншовикахъ, якую написалъ, показовалъ зъ кружками. Яковъ Дуброва переважовалъ астраханскіе покупки, рижу поль 7 камня, микгдалю безъ лушинъ самихъ камней 3 безъ 3 фунт., микгдалю зъ лушинами камней 3 и 30 фунтовъ, родзѣнокъ дробнихъ камней 3 безъ 3 фунт. родзѣнокъ болшихъ камней 2 и фунт. 2.

11. Четвергъ. Отъ старости перервинского Максима Захарченка, черезъ перервинскихъ козаковъ дворцевихъ, принесено писмо, въ которомъ объявляетъ, что минушого сего февр. 6 пріехалъ зъ Глухова нѣмецъ отъ ясневелможной зъ листомъ п. Федора туда, и избралъ самихъ лутшихъ дрикгантовъ воронострокатого и гнѣдого, и попровадилъ зъ собою. Также отъ судіной прилуцкой пріехавши, ея человекъ зъ козаками вилучили самихъ лутшихъ кобилъ 50 зъ лошаатами 29, дрикгантами двома, сивимъ и рижимъ, и особливе конемъ изждалимъ рижимъ и погнали къ ней. О чомъ къ старостѣ отписано, жебы онъ сюда ехалъ, а до Орановского писалемъ, чтобъ тамъ атаману и войту зъ роспискою все тамошнее господарство вручилъ, что мѣють въ цѣлости до указа содержать. Повторые, у вечеру, до его жъ Орановского писалемъ, чтобъ онъ въ Сухоносовку жито зъ Перервинецъ забралъ, зъ запискою, оставивши тамъ на харчъ и удѣливши до футора криворудского всякого борошна, о чомъ

и до старости сухоносковского Плетюнки писалемъ. Зъ войсковоу енер. канцеляріи указъ на імя мое принесень, въ которомъ предложено о присилцѣ въдомостей зъ полку въ оную жъ канцелярію, именно: 1) отъ полковника начавши, невчисляючи и бунчуковихъ, ажъ до самихъ родовихъ козаковъ, хто где и когда въ походахъ бывалъ и хто небывалъ; 2) о артиллеріи, по городехъ сотеннихъ найдуючойся, сотенная ли она, или мѣская; 3) имѣются ли въ полку лубенскомъ сторожѣ полевіе и сколько онихъ; 4) почему въ городехъ продавалась рожь и иншая пашня, также и сѣна возъ. Савѣцкій писарь черезъ отца Василя капеляна отзивался зъ тимъ до родителя, что мѣветъ прійти прощенія просити. Вѣжевскій хлопецъ отобралъ у Гаврила за тютюнъ мой, проданній въ Сулаку, 200 папущъ 4 рублѣ, а отъ Антона оставшіеся гроши 12 зол отъ покупокъ въ Кіевѣ, имъ же справленнихъ. Вовни моеу браньи взяли въ Москву 6 каменей и 10 фунтовъ, а було всей 130 рунъ, старой 60, а ярочой 70. Гаврило молодіеъ далъ реестръ девяти рублямъ, взятимъ отсюду на проходъ, и доводится на немъ 3 рублѣ, а особливе на горѣлцѣ доводится на немъ полъ 5 ведеръ, въ чомъ и самъ признался. Въ лазнѣ милемся, а передомъ оглядаемъ унѣверсаловъ п. Нѣсторовича, даннихъ на селце его Будки, зъ которихъ еденъ покойного гетмана Скоропадского Івана Іллича есть.

12. Пяткокъ. Рано сукно бенкель шугу далемъ ступовать, въ которой показалось локоть. Родитель сюда ко мнѣ приходилъ, куда и Иванъ Вуйтенченко прійшоль, повернувшись зъ Прилуки и привюзь писма отъ п. Федора, поехавшого на смотръ въ Глуховъ, и судіиной, между которими п. судіинная въ едномъ своемъ писмѣ объявляетъ о унѣверсалу на Перервинцѣ, рейментарскомъ, что хочай оноу и шукала у себе, однакъ незнать, где дѣвса, и развѣ впредъ чи не обшукается и проч. Да онъ же, Иванъ Войтеченко, привезъ зъ собою коней верховихъ судейскихъ 2, одного чалого, а другого сивого. Савѣцкій писарь, бувши у пана, получилъ прощеніе и у мене и зъ тимъ отозвался, что село и урядъ въ волю родительскую пустилъ. До Ісаака Івановича Іохемса писали и послали рецентъ медикаментовъ, которого копія зде, при протоколу. Черезъ Шолудва,

козака лукомского, поехавшого въ Глуховъ на смотръ, писалемъ до господара, а черезъ человекѣ заборовского послала сама въ Глуховъ до швакгровъ кавяръ, селдѣ и проч.

13. Субота. Комуниѣвался родитель, я, и браття вси, и сожительница моя. Андріяшъ былъ и обѣдалъ зде. Чернецкій Петро и Афанасъ, бывшій староста луганскій, поѣхали зъ вонною въ Москву, которимъ 2 реценти до аптеки далемъ (якихъ копія въ книзѣ *metogabilium*), а третій реестрикъ покупокъ за вонну мою 6 пуд. 10 фунт., мѣючихъ спорадитись. До сотника смѣловского о присланню сюда вѣдомостей писалемъ; атаманъ чорнускій говорилъ мнѣ, что Горлишинъ млинъ, въ заставѣ Колотъ своей имѣючій, уступаетъ мнѣ, а застава силна до 727 году, зъ которого надлежить намъ отбирать 5 частой. семую мѣрошнику а семую оной Горлисѣ, а платитъ въ годъ за оній.—Родителка, ездившая по футорахъ, приѣхала въ Роменъ вечеромъ.

14. Неделя. Солодуха, ходившій зъ волами родителскими въ С. П. бурхъ, повернулся. Романъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ. зъ навазомъ, даннимъ ему въ 10 пунктахъ. Да черезъ его жъ послано бочалку кавяру у 8 пудъ и рижу полъ 7 камня, и листъ до Василя о продажѣ того и другихъ интересахъ. Брати Марко, Лука и Иоаннъ отехали въ Кіевъ, а при нихъ Антонъ, которому на вино полинковое далемъ 5 рублей грошей. Черезъ Романа жъ послани 22 пар. завѣсокъ до оконъ въ Сварковъ. Яковъ Дуброва приѣхалъ зъ Смѣлого и говорилъ о курьеру, въ мимошедшій пятокъ проехавшомъ Смѣлое зъ С. П. бурху, а слався дому государинѣ императрицѣ.

15. Понеделокъ. До п. Василя глинского отписалемъ, соболѣзвучи его слабости и при томъ предлагаючи, жебы прислалъ сюда бондаровъ человекѣ два и послалъ бы по наметокъ п. Минѣцкого. Петровскій мимоездомъ въ Глуховъ заходилъ до насъ. Лесковъ синъ посланъ въ Глуховъ до ясневелможной зъ листами отъ родителя и гостинцемъ шафрану 2 фунт. и отъ мене поздравленемъ посту. Черезъ его жъ послалемъ до господара Василя 6 лотовъ шовку и цѣвку сѣбра, жебы шмуклѣръ паски здѣлалъ до

шаблѣ, и о горѣлцѣ писалемъ, жебы, если оной скудно будетъ, зъ 6 вуховъ здѣлалъ 8 перегаляной. Родителка шовку у насъ взяла торгомъ 7 фунтовъ. Мартинъ реестръ показалъ воловъ 60 купленнихъ, за которіе грошей пошло 1210 зол. и шагъ, а осталось 7 рублювъ и , якіе всѣ у Мартина. Интелѣкгаторъ принюсъ 3 книжки новіе, неписанніе, оправніе. Магнеса дѣйствіе показовалемъ братамъ.

16. Вовторникъ. Получена вѣдомость, что его величество Императоръ и самодержецъ всероссійскій временное на вѣчное премѣнилъ блаженство, януар. 28. Ездилемъ до Шавинища риби ловить и, тамъ нѣкого не заставши, повернулемся назадъ на обѣдъ тощъ. Вѣдомости въ Глуховъ въ вой. снер. канцелярію послалемъ о рознихъ интересахъ зъ моимъ доношеніемъ. Родитель ордеръ свой далъ, п. п. п. Федору Билиму, Семену асаулѣ и Василю Дяченку судемъ полковимъ и правленіемъ полковимъ, въ отлученіи его, завѣдовати. Староста овдоколскій пріехалъ въ Ромень, которому о крупняхъ, посудѣ и протчемъ предлагалемъ. Перспективо далемъ золотареви здѣлать шрубокъ до оного. Тарасъ молодикъ и Алексѣецъ пріехали сюда и привезли воловъ 61 купленнихъ тутъ, реестръ которыхъ показалось рижихъ 15, сивихъ 2, чорнихъ 10, бѣлихъ 2, гнѣдихъ 4, рижоперѣстихъ 2, сѣрихъ 10, половихъ 7, чорносѣрій 1, перистосѣрій 1, темносѣрій, лисій 1, чалихъ 2, гнѣдоперѣстій 1. Онъ же привезлъ купчую, отъ Колота данную, на размѣръ отъ млинва Ярмолихи Горлихи, на полтретя году пять мѣрочокъ, шестая Горлисъ семая мѣрочнику, а поколѣщини 6 зол. за сей годъ онъ повиненъ дать, а за протчіе я, а ему платить годъ по 8 копѣ. Лѣкарства зъ Лубенъ привезени по реценту. Въ Смѣломъ опредѣлени стрелцѣ зо мною, Василь Передеровъ, Самойло Саенко, Василь Римаренко, Стефанъ Романчукъ.

17. Середа. Рано, скоро свѣтъ, виехалъ родитель въ Глуховъ и, мало пождавши, я вслѣдъ, и на обѣдъ пріехали въ Смѣлое, куда потомъ и п. Несторовичъ пріехалъ же. Зъ Смѣлого писали въ Ромень, до родителки родитель, а я до самой, предлагаючи, жебы

въ Кіевъ на орѣхи дали грошей зол. 10, приливаніе волоскіе. По-
ехавши оттуду, пріехали на ночь въ Каменъ.

18. Четвергъ. Посвѣдавши въ Каменѣ, поехалимо по по-
луднѣ въ Глуховъ, подлинно извѣстилисмося о преставленіи его ім-
ператорскаго величества зъ манифесту сенатского, которій такъся
въ себѣ имѣеть ¹⁾).

Туть же въ Глуховѣ въ память его імператорскую отъ того
времени, когда принеслася вѣдомость тая, рано и у вечеру по го-
динѣ по всѣхъ церквахъ звонятъ. П. полковникъ нѣжинскій Петръ
Петровичъ Толстой зъ своею панею заехалъ до насъ повидатся зъ
родителемъ и отехали въ Нѣжинъ. Булисмо у яенежелможной, где
мало забавивши, отехали и заехали до прокурора, где и бригадиръ,
и Михайло Скоропадскій и, тамъ мало просидѣвши, въ домъ прі-
ехалисмо. Зъ вѣдомостю сею въ Москву пріехалъ маіоръ отъ гвардіи
Іванъ Іличъ Мамоновъ. Полковника чернѣговского Павла Полуботка
люде минувшого дня пріехали въ Глуховъ зъ Пѣтербурха и объявили,
что преставился онъ въ Пѣтербурху въ крѣпости декабр. 18 числа,
третьей години зъ полудня минувшого 1724 году.

19. Пятокъ. Былемъ у коллегіи, где повѣтчикъ полку лубен-
ского Петръ Михайловъ предлагаль мнѣ о меду зборномъ, дабы
вѣденіе о немъ прислать въ коллегію. У правителей былемъ, оттоль
у Яснополского, где и Косовича видѣлемъ. На мѣстѣ у лавокъ
бувъ и чубукъ кушивъ. Роману, дворникови моему тулиголовскому,
суква тузѣнку далемъ. Полки гварнѣзонніе, на ліуду собранніе,
стояли, а имъ объявили о преставленіи імператорскомъ. Бяловскій
бувъ у мене и, поговоря, отійшоль. Николая, бывшего слугу моего,
зъ П.Бурху отъ п. Чернѣговского по его преставлѣніи пріехавшого,
задержалемъ на время у себе.

20. Субота. Троцкій бувъ рано и оставилъ я его, а отехалъ
до Кошелева, где и родитель бувъ, откуду (повидавшись зъ маіо-
ромъ Молчановимъ, пріехавшимъ зъ кіевского гварнѣзону въ кол-
легію) заехали до брегадира, где засталисмо нашихъ правителей,

¹⁾ Вписанный здѣсь манифестъ напечатанъ въ изданіи „Дневныхъ Записокъ“
1859 года т. I. стр. 60—61.

пуженнихъ отъ бригадира и, забавши тамъ довольно, отехали. Бувъ у мене иноземець зъ винами розними продажными. Войтъ мой сварковскій Забара бувъ и, де о чомъ донесли, отехалъ. Бувъ я въ вечернѣ у судейской церквѣ, где панахиду по небожчику тестеву моему правили, тамъ увидѣлемся зъ п. Григоріевою новгородскою, пріѣхавшою зъ Новгородка.

21. Неделя. Рано зобранъ бувъ полкъ лубенскій на смотръ, и первой тутъ родитель въ дворѣ осмотрѣлъ оного и потомъ и на людю казалъ онимъ порадне стати козакамъ, але колленсти и правители не смотрѣли оного. У службѣ Божой у Михайла святого былисмо, где синъ бригадирскій Никита Степановичъ, стоявши купно со мною, объявилъ о себѣ, что мѣлъ сего дня ехать въ С.П.бурхъ. По службѣ Божой былисмо у ясневелможной, где бригадиръ зъ товарищи бувъ и, выпивши по 2 чарки водки, отойшли, а ми обѣдали и пообѣдавши, родитель пожекгналъ ей велможность. По обѣдѣ смотръ былъ полку, а смотрѣли бригадиръ Кошелевъ, правители, Мануйловичъ и Левенець, козаковъ било около 400 въ Гилянъ, а по осмотрѣ бригадиръ со всѣми заходилъ до насъ и, по 2 кубка вина выпивши, отехалъ, зъ которимъ и другими родитель простился, а правители, посидѣвши должае, отехали домой. Худолѣй давалъ сунѣлку. отпрошующись отъ походу у родителя. Купилисмо вина бутилокъ плетенихъ 6 буркгунского, а 6 еремѣтаржу у иноземца пополамъ зъ родителемъ, онъ же мнѣ въ придатокъ далъ 2 бутылки пор...(?). Отъ ясневел. Савка слуга принось вина и водки въ бутылкахъ родителю. Стаховичъ, канцеляристъ, вечераль зъ нами и много его ирритовали. Отъ Якова писмо получилимъ, зъ жалостію на тестя своего писанное. Писмо писалемъ до Якова и грошей зол. 50 послалемъ къ нему жъ черезъ п. Семена брата и штабъ желѣза 4, а въ нихъ вакги 5 пудъ, и вужищъ и наралниковъ по 4 пари. Ясневелможная ужаловалася зъ виговоромъ передъ нами на брата п. Андрѣя.

22. Понеделокъ. Отехалъ родитель въ Роменъ рано, а я остался тутъ для дѣлъ господарскихъ. Черезъ козака глинского, при тамошнемъ же сотникови найдуючогося, писалемъ, до родителя о

томъ, что увѣдомилися о намѣреніи обозного зъ товарищи респектомъ занесенія суплѣки брегадирю и что сенецкій въ С.п.бурсѣ подалъ у вишній судъ. П. Минѣцкій и отецъ Василій капелянъ п. писара снер. были зде. Ездилемъ до млина радіоновского, где жита на 3 четверики будетъ, гречки полубочокъ, пшеницѣ полтора, солуду ячного и овсяного. Жена моя пріехала зъ Ромна въ Глуховъ. Осмотрувалемъ реестровъ господарскихъ и на пріємномъ грошовомъ реестрѣ написалемъ 8 и 20 рублей, даннихъ ему на расходъ.

23. Вовторникъ. Ездилемъ въ калюжновскій футоръ и первей въ шинку былемъ, о потомъ заехали до футора, где воевъ 4 воловихъ спорадити казалемъ. Тамъ же видѣлемъ воли рабочіе 27, коровъ 7, а по реестрику, отъ тамошняго дворника показаномъ, отослано въ Тулиголови воловъ 3, коровъ 4, дробязку 15. Тамъ же въ тютюника былемъ и видѣлемъ тютюнъ увесь зложенъ въ 5 кипахъ. Поехавши оттуду и пріехавши въ Глуховъ, заехали до двора ясновелможной и тамъ, по набоженствѣ, обѣдалемъ и до вечера забавилемъ. Пріехали домой, где въ разговорѣ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ тое отъ его чулемъ, что обѣщаются во знакъ вѣдчности и зъ своихъ добръ, буде имъ вернени будутъ и мнѣ уступитъ часть купленнихъ и войсковихъ. Отъ писара Сави Ракгозѣнскаго бувъ чловѣкъ зъ писмомъ, въ которомъ требуетъ, ижъ бымъ отвѣтъ учинилъ въ канцелярію снер. о его интересѣ, мнѣ полѣценномъ до изслѣдованія, которому на словахъ отвѣтъ учинилемъ, что, несправясь зъ допросомъ, въ Ромнѣ чинившимся, нельзя отвѣтствовать. Стаховичъ бувъ и просидѣли, розговоруя.

24. Середа. Ездилемъ рано до Сваркова и оглядалемъ строенія тамошняго. Казалемъ майстрови Андрѣви передѣлать сходи на гору и оттуда повернулемся на службу въ Глуховъ. По службѣ былемъ у ясновелможной и на обѣдъ въ домъ отехали. По обѣдѣ Тарасъ молодикъ далъ мнѣ реестръ, въ которомъ всѣ ижджаліе конѣ означенни суть, и онихъ числомъ 66. (Въ день 26 пч 1 ясно—тоешъ виражено. Господаръ медъ розсичоваль. Лвовъ саржантъ отъ гвардіи пріехалъ въ Глуховъ и знову отехалъ. Куріеръ зъ Пѣтербурху пріехалъ и указъ привезлъ сюда зъ воинской коллегіи,

дабы брегадиръ съ товарищи присягу виконали на вѣрность ея величеству Государинѣ императрицѣ. Былемъ у Кошелева и, елучи, оборнулся и передягся у п. Тарнавекаго. 4 ослонци подорожныхъ необбитыхъ послани въ Ромень. У брегадира позно бувши, (пріехаломъ въ домъ и книгъ своихъ пересмотрувалемъ.

25. Четверъ. Книги въ библиотекахъ пересмотрувалемъ, которихъ въ скринѣ показалось и зложилось 66, а въ библиотецѣ 146, въ той же библиотецѣ зъ другой стороны 44, а винятихъ въ походъ 31, итого всѣхъ 287 и болшь, (vide день 26 № 2).

Иванъ Ивановичъ Лвовъ саржантъ отъ гвардіи, приехавшій сюда зъ грамотою Еропкину, зятеви п. писара енер., потребною о деревняхъ, обѣдалъ у насъ купно зъ Волжиномъ Иваномъ Афанасіевич. Шабелнику за оправу шаблей доплатилемъ зол. 1. Демянъ отправленъ въ Ромень зъ листомъ до родителя и наказомъ, даннымъ ему. чтобъ онъ, взявши денги, доводячіеся отъ Ивана Перехриста, ехаль до Нѣжина и Борзни для покупокъ, въ походъ мнѣ потребныхъ, которому и тутъ далемъ грошей самъ 50 зол, а ключникъ далъ 50 зол. Брегадиръ Степанъ Лукичъ Веддяминовъ и протчіе штапъ оберъ и ундеръ офѣцери и салдати присягали на вѣрность государинѣ Императрици Екаторинѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ російского престола. Тарнавскій и Доброницкій були зде у насъ. Господаръ кухву меду, присланную зъ Ромна прѣсного, розситиль, и стало куховъ 4, да 2 бочки меду неповнихъ, сиченого. Дрикганта воровострокатога козаки, зъ нами сюда пріехавшіе, попровалили въ Ромень. Извѣстилемся отъ Тарн., что о намѣреніи нашего обозного и протчіихъ нашихъ полчанъ говорилъ п. Левенецъ.

26. Тарасъ молодикъ показалъ мнѣ реестръ всѣхъ ижджалихъ коней, итого верховихъ 8, четверенъ 4, дрикгантовъ зхорещенихъ 4, возовихъ и подмолодиковъ 24, зъ Астраханѣ пришедшихъ 12, у Орановского 2, итого всѣхъ 66. Книги пересмотрувалемъ всѣ и знову поскладалемъ, отобралемъ зъ собою 32, а оставилемъ въ скринѣ 69, въ библиотецѣ суй сторонѣ 144, а въ другой 44, итого всѣхъ 289. Зъ Тулиголовъ черезъ Ивана паробка получилимъ на писмѣ вѣдомость отъ Романа старости и Романа слуги, что простой горѣлки

въ походъ мой перегнали 144 носатки, а на досипку уже оковитой горѣлки розійшлося, простой же носатокъ 6 и кварть 11, зъ простой зась горѣлки 144 носатокъ вѣйшло, оковитой носатокъ 85 и кварть 67, къ которой придавши досипку простой, то теперь въ кухвахъ 8 вѣхъ носатокъ 91 и кварть 78 оковитой, а простой на оную обернулось 150 носатокъ и кварть 11, и межи тоєю оковитою горѣлкою 6 куховъ зъ ганипомъ и мятою, семая кухва на самую мяту, осмая кухва зъ ганишемъ и конвалѣею. Дуплоногу и ковалю сварковскимъ казалемъ дерева на хати зъ Тулиголовъ дати. Ездилемъ ловити рибу въ радіоновскомъ ставу. Панахида по небожчику тестю била у судейской церквѣ.

27. Субота. Хлопецъ за презрѣніе росказання, что не збудилъ до утренѣ, наказанъ. Полонскому далемъ маліовать, чили рисовать дверцѣ. Поехалемъ на службу до яневелможной и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ пріехавши, заснулемъ, бо въ головѣ боль былъ. Архипъ сварковскій, мой подданный, посланъ въ Тулиголови, где ему велено, взявши горѣлку, запровадитъ въ Роменъ въ 26 днѣ, 3 числѣ, помянутую и описанную. Ездилемъ на вечерню до Михайла святого, а по вечернѣ зъ п. Левенцомъ простоялемъ довольное время. П.п. пвакгри тягнули неводъ на радіоновскомъ млинѣ и витягнули риби щучокъ щось и едну болшую щуку.

28. Неделя. Рано Минѣцкій приходилъ зъ объявленіемъ вѣдомости о пріездѣ Девейзбаха Господинъ генераль-лейтенантъ Девейзбахъ пріехалъ зъ С.П. бурху въ Глуховъ зъ манифестами о смерти імператорской, которій сказовалъ: 1, что імператорское величество мѣлъ лежать на ложѣ 15 день, а послѣ вложенъ быти въ труну, и послѣднихъ числѣ марта погребенъ быти въ церквѣ с. Апостоль Петра и Павла между обоима синами своими посерединѣ; 2, что освобожденни наша старшина въ С. П. бурху; 3, и что зде будетъ сямъ арестантамъ свобода. Былъ онъ по обѣдѣ, генераль, у брегадира, отгуду у яневелможной и поехалъ ночью въ Ахтирку къ князю Голѣцину. Обѣдалемъ у яневелможной и, отъ генерала позно пріехавши до брегадира, тамъ о моемъ удержаннюся отъ по-

ходу говорилося, и приехали ночью домой. Орановскій зъ Ромна приехалъ зъ писмами родительскимъ и п. Семена.

Мартъ 1. Понедѣлокъ. Панъ Скоропадскій и Минѣцкій були рано, и первой, кагве напившись, отехали. Полки гварѣзонніе присягали на вѣрность государинѣ императрицѣ. Неводничого Кочерувского уговорилемъ здѣлать до воскресенія два неводка, 1 по 6 сажень крыло, а другій по 15 и за то дать ему 30 зол. и 10 кварть горѣлки, о чомъ и до старости кучеровского писалемъ, жебы онъ ослабу ему учинилъ. Дворника калюжновского уговорили за годъ дать ему 20 зол. и кожухъ, свиту и чоботи, а годъ ему отъ Филиповихъ запустъ. Черезъ Пулверинского писалемъ до родителя о домашнихъ интересахъ. Здешнимъ арестантамъ нашимъ всѣмъ, именно Тарнавскому, асаулѣ переясловскому Лукашу, сотнику полковому переясловскому Добронизкому, сотникови полковому нѣжинскому Пѣроцкому, писареву полковому нѣжинскому Минѣцкому, писареву пол. стародубовскому Демяновичу, сотникови бакланскому Антипу, полковому писару полтавскому Богаевскому, тожъ полковому полтавскому асаулѣ Сибилевичу Федору объявлено въ коллегіи малороссійской освобожденіе и отпускъ на поруки, которыхъ господинъ бригадиръ Румянцевъ прошлого году взялъ за арештъ и зде осадилъ. П. судиной енер. Чарнишевой именины отправляли у ясновелможной, где кушалисмо купно зъ бригадиромъ и прокуроромъ. Приехали въ Глуховъ зъ С. П. бурху Полунѣцкій Иванъ, писаръ пол. черпѣгов. Криштопенко, сотникъ сенецкій и прочіи служители старшинскіе.

2. Вовторникъ. Дѣдикъ, подданній мой сварковскій, бувши тутъ, оправдался противъ чолобиття вдови новогребелской. Продали каваръ пудъ по рублю, а заважили зъ бочечкою пудовъ полъ 7. Ездилемъ у городъ и въ церквѣ Іліи Пророка присягу виконалемъ при бригадиру и протчіхъ на вѣрность государинѣ императрицѣ и подписалемся между бунчуковими на клятвенномъ обѣщаніи, где также правитель и протчіе подписивались и присягали. Купилемъ коломійки локоть 11, локоть по 2 зол. и 5 копѣекъ. Обѣдалемъ у ясновелможной и до вечера просидѣлемъ. Дс п.п. судиной и писаревой отъ ихъ сожителей писма привезени.

3. Середа. Манѣфестъ, чили указъ подь именемъ государинѣ императрици публѣкованъ, въ якомъ читани вина, чили погрѣшенія полковника чернѣговского Полуботка и старшины енеральной, также и миргородского полковника Апостола описани, и что имъ всемъ жить въ С. П. бурсѣ безидно, а имѣніе имъ движимое и недвижимое возвратитъ, печатанъ февр. 8; у ясновелможной обѣдалъ, где листъ читанъ п. судіи енер. о присланню туда провіянга, до самой п. судіиной писанній февр. 9. У брегадира у вечеру билемъ и о швакграхъ своихъ просилемъ. У чорномъ платтю началемъ ходить.

4. Четверъ. Рано былемъ у прокурора и о швакграхъ розговорувалемъ. У склену былемъ и вина зъ рознихъ анталовъ пона-сипалемъ. Кухву пива купилъ господаръ за полъ 6 зол. У Кошелева былемъ и оттоль домой приехали, где Шолунѣцкій и Иванъ писаръ були. Отець протопопъ глуховскій билъ у мене и объ Орановскомъ розговорували. Пасѣчнику уздицкому по рахубѣ дача годовая показала, именно грошей 25 зол., жита четвертей 12, гречаной муки мѣрокъ 12, крупъ гречанихъ мѣрокъ 6, сала каменей 2, соли полтора камня, риби вялой въ постъ по части, свиту, ко-жухъ, шапку, чоботи.

5. Пятокъ. Были швакгрѣ у коллегіи, куда и я ездилемъ за нихъ ручитися, того ради, что имъ отпускъ по указу обявленъ. Ездилемъ до Сваркова, где Забарѣ приказовалемъ досадитъ високой липини, а дробную повикопувать, а Андрѣю телѣ казалемъ ерен-жерѣ хати дѣлатъ и приехали по навечернѣ въ Глуховъ. Швакгрѣ еще крайней резолюціи о своемъ отпуску не получили, але на завтрей-шій день отложено.

6. Субота. Орановскій и господаръ въ Сварковъ ездилъ за дѣломъ Орановского зъ суилѣками, насвященство его жъ промучилими. Въ коллегіи малороссійской за швакгровъ своихъ Андрея и Якова поручилемся. У ясновелможной обѣдалемъ, где Яснополскій господаръ въ Ромень мнѣ будку визичилъ. Швагри мои освободились въ коллегіи. У брегадира Степана Лукяча просидѣлемъ долго въ ночь, а приехавши оттуду, засталемъ тутъ ночующихъ п. и. Тарнавскаго,

А К Т Ы

БОРИСПОЛЬСКАГО МѢЙСКАГО УРЯДА

1612 — 1699 гг.

1.

Бориспольскій мѣщанинъ Стефанъ Рѣзникъ продаетъ мельницу со ставомъ въ д. Нестеровкѣ войту Павлу.

Anno 1612, januarij 15 die.

Przede mną Piotrem burmistrzem y przy zupełney ławie urzędu mieskiego Borispolskiego oczewisto stanowszy Stepan Rzeznik mieszczanin Borispolsky dobrowolnie zeznał, iż on sprzedał młynek yz stawkiem, który nazywają Nesterowsky¹⁾. p. Pawłowy woi-towy, za kop dwie y za grosz y cztery litewskich, wiecznemi czasy.

2.

Грицько Федоровичъ просить назначить срокъ Власу для выкупа коня, принятаго имъ, какъ третьимъ лицомъ, въ обезпеченіе исправной уплаты Власу долга со стороны Ивана, Коломійцоваго свояка.

Anno Domini 1612, die 1 aprilis.

Na urzędzie przedemną Fedorem woytem Borispolskim y przy mnie będączemi Pawłem, Stepanem, Harasimem rayczami, stanowszy oczewisto Hriszko Fedorowicz y opowiadanie uczynił na opatrznego Jwana, Коломиежзового swoiaka, na tem, iż mu miał spłacic konia, ktorego szacowano u sthu groszach za dług od Уласа: pozwany Jwan na żalobie iego dłугу swego własnego odstąpił, ktorego mienił bydz pułkopy groszy, y onego się konia wyrzekł; na czym Hriszka pa tne założył, y prosił aby to запи-

¹⁾ Нестеровка — деревня остерскаго у. черниговской губ. верстахъ въ 4-хъ отъ м. Борисполя.

sano przy teyże sprawie. Hryszko Fedorowicz prosił o złożenie roku ku odkupieniu tego konia Własowi, na czo urząd rok złożył od dnia dzisieyszego do tygodnia, u gdzie za tydzień nie okupi tego konia, tedy na wpaд przepada u Hriszka, a Włas żadney trudnosci o tho mu zadawac nie ma czasy wiecznemi. Czo tho sobie Hriszko dał do xiąg zapisac, y iest zapisano.

3.

Бывшій войтъ Пашко жалуется на шинкаря Фартушнаго, который побилъ и выгналъ на улицу сына жалобщика съ женою, и на Матвѣя десятника, который самого Пашка ударилъ въ щеку.

Року 1614, месеца августа 11 дня.

1) Передо мною Коньдратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставши очевисто Пашко, бывшій войтъ, на Данила Фартушнаго шинкаря тыми словы: ижъ дей и сына моего з жоною и з иншими помочниками побили з двора и на улицу бьючи выгнали, што Пашко светками явне показав, Олексоу, бывшимъ бурмистромъ; Олекса признав, же били, и до Стецка коваля Пашко ставив; Данило не схотев. Еднане приняли.

2) Тогожъ часу тотъ же Пашко жаловал на Матвея десятника, ижъ дей побивъ, до чого ся Матвей не знавъ; Пашко ставив светка Стецка коваля, на которого и Матвей призовивъ о полукопья грошей. Стецко ставши перед нами зознав, же дей Матвей Пашка ударив пястю у щоку. Еднане приняли.

4.

Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ продаетъ свою усадьбу за 12 копъ грошей литовскихъ пану Войтеху Зарѣцкому.

Року 1614, месеца августа 12 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставши очевисто Грунь Ивановичъ мещан-

нин Киевский ку записованю до книг доброволное вознане учинив тыми словы: ижъ дей есми продав подварокъ свой власный, никому не пенный и ни в чом не заведенный, прозываемый Благутинский, пану Войтеху Зарецкому, за певную сумму пенезей, за дванадцать копъ грошей литовских, зо всімъ на все, с плацомъ з будованіемъ з огородомъ и што колвекъ естъ засевку у вогородѣ и зо всімъ на все, якъ ся сам в себе маеть вечными часы, который подварокъ пану Зарецкому заразом поступилом в моц и в держане подав; в чомъ я самъ, жона моя и потомки наши, и жаден з близких приятел наших, пану Войтеху Зарецкому, малжонце его и потомком их, и хтожбы колвекъ тот подварокъ держав, жадной перенкоды чинити не маем и моци мѣти не будемъ; а хтобы ся вступовати мев и якую перешкоду вышей помененым чинити мев, теды я Грушъ Ивановичъ выше помененый, жона моя и потомки наши в кожного права своим власным накладомъ под виною такъ сумы пенезей 12 копъ грошей шкодъ и накладовъ на врьд и сторону заступоват маем и повинни будем. О што просил пан Войтех Зарецкий, абы то было до книгъ записано—што естъ записано.

5.

Мартинъ Тесля въ двухнедѣльный срокъ долженъ заплатити долгъ паніи Бабицкой.

Року 1614, месеца августа 19 дня.

Рок од дня сегоднешнего за недель две Мартинъ Тесля поспол з жоною своею маеть заплатити две копе грошей литовских, кром накладу, паніи Бабицкой. Што про память до книгъ естъ записано.

6.

Урядъ оставляетъ за Семеномъ Несыномъ ниву, которую оспариваль у него Левко Хромый.

Року 1614, месеца августа 20 дня.

Передо мною Коньдратомъ Сеновичомъ войтомъ Баришпольскимъ, Остапомъ, Гринцемъ, Михайломъ бурмистрами, Демком, Да-

нилом присяжными, точилася справа Семену Несыну з Левком Хромым, о ниву у Груздова гумна, которую Семень Несын менует своею власною, а Левко также своею, и выравны Левко и просо посеяв, через заруку, которую ему Несын заручив, до скрынки местской грошей дванадцать, а на врид замковый копою грошей; Левко о заруки недбаючи сеяв; Семен Несын показав то люди, же то его нива власная. До которой нивы, для лѣпшей ведомости, посылалисмо присежьного Данила, перед которым признав Лысаковский стадникъ, же тую ниву Семен Несын копав и чистив, а не хто инший, чого объмежь той нивы сведомъ Семен Борсукъ, Иван Дробница и инних людей немало; которую ниву zostавились при Семену Несыну, яко при его пради власной. Што про память до книгъ есть записано.

7.

Священникъ о. Стефанъ заявляетъ мѣйскому уряду, что пасынокъ его Панько, несмотря на предшествовавшія судебныя рѣшенія и приказаніи подвоеводы, завладѣль его дворомъ и полемъ и не хочетъ допустить его до владѣнія собственнымъ его имуществомъ.

Року 1614, месеца сентебра 5 дня.

Постановившия передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Баришпольскимъ жаловав и оповедав господинъ отецъ Стефаній священникъ на Панка пасынка своего тыми словы: ижь дей што еси мев право передъ вм. о тую мастьность квалтовне побраную за слушнымъ показанемъ моимъ и переведономъ права за сказанемъ декрету вм., штосте вм. мне наказали, яко мое власное при мне zostавили, што все на писме покажу; онъ того декрету вм. не принявшы, ацелевав, абымъ до его милости нашего милостивого пана подвоеводего; я с тымъ декре(то)мъ вм., ездилъ еси до его милости пана подвоеводего и показалемъ его милости тие справы, што его милост, обачивши справы мои правныи, писати рачилъ до намѣстника своего пана Осташа, абыхъ я при всемъ своемъ zostалъ, домъ, пашню, поля и все што колвекъ моего есть, водлугъ декрету наказали, абы мне поступилъ.

Нижлися и тому Панко пасынок мой спротивив, тоеи маестности моеи мне не поступив, и такъ отповедив: „Хоч горло дам, а не поступлю“. О то просив отецъ Стефаній священникъ, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

2) Тот же господин отецъ Стефаній оповедавъ на тогож пасынка своего Панка тыми словами: ижъ дей еси ездив до его милости пана подвоеводего, тамже и Панко быв, и очевисто его милость Панку розказати рачив, абы ми двор мой, зо всею маестностью вернув, и послати его милост рачив до наместника своего, пана Остапа, абы вернув; теды Панко, яко устному розказаню его милости пана подвоеводего, такъ теды и писаню спроти(ви)в, того двора моего и жадное речы не дав и не поступив. О што господинъ отецъ Стефаній просив нас, вяду, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

8.

Кузьма жалуется на Демидиху за неотдачу овечки, приблудившейся къ ея стаду.

Року 1614-го, месеца сентебра 7 дня.

Передо мною Остапомъ Безбородком бурмистром на тот час на мещцу новом будучим, Михайломъ бурмистром, Пархо(мо)мъ и давными присежъными, жаловав и оповедав Кузьма, на Демидиху, иж овечка моя прилучила ся до овечокъ ее; теды девки мои зпознавши овечку свою межи овечками еи, почали нять, а пастух еи дочкам моим тое овечки поймати не дав: „заплати теды мнѣ лядкиру, бо я вже тую овечку шест дней пасу“. И кгда перед нами став Демидишин зять Дмитро и с тым пастухомъ поведив тыми словами: „ижъ дей тая овечка не межи нашими овечками, але межи Тимошовыми Чоботаровыми, бо дей того Тимоша пастух в тоеж обличье, якъ и напѣ“. То еси правом до пятницы одложили, абы Дмитро того хлопъца поставив.

9.

Урядъ оставляетъ за Тишкомъ Хромымъ ниву, которую самоу-
правно выоралъ и засѣялъ Войтеховъ братъ Андрей.

Року 1614-го, месеца сентебра 12 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ,
Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами, Пархомомъ присежънымъ, ставшы
очевисто Тишко Хромый поведивъ тими словами: „ижъ што дѣй есми
мев споръ о ниву свою власную зъ Андреемъ, Войтеховымъ братомъ,
которую упорне пооравъ и посеявъ“. Мы, вриадъ, наказали и тую ниву
при Тишку оставили, а Тишко маєть ему одорати его ниве, где
ему указать, а до нивы Тишковой Войтехъ жадное потребы вечно
мети не маєть. Што просивъ Тишко, абы то было до книгъ запи-
сано—што есть записано.

10.

Панъ Водвинскій жалуется на пана Ядловскаго за нанесеніе
ранъ и грабежъ имущества.

Року 1615, месеца января . . .

Передо мною Иляшомъ Михалловичемъ¹⁾, начальникомъ Барышполь-
скимъ, а Богданомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ и при насъ бу-
дучими, бурмистромъ, райцы и присяжъными на местцу звиклымъ судо-
вомъ засѣлими, жаловалъ урожоный Миколай Водвинскій зъ Барышова²⁾,
на пана Себестіяна Ядловскаго в тые слова: ижъ панъ Ядловскій, взяв-
шы на себе гневъ напротивко мене, за котрымъ желживости мене не поод-
нокротъ потыкали, и шкодъ немало поносиломъ, такъ же часу недавного, на-
нявъшы Яска Щербину козака, направилъ его дѣвку мою побити; кото-
рый будучи направеный от пана Ядловскаго, а маючи позволене яко
од уряду, перенявшы на рѣку идучую Ерынку на улицы, а правѣ

¹⁾ Можетъ быть, это позднѣйшій (1637) перелславскій полковникъ Ильяшъ Каранмовичъ.

²⁾ Барышовъ, нынѣ Барышевка—мѣстечко перелславскаго у. полтавской губ.
на берегу р. Трубежа. Въ княжеское время торкскій городокъ Баручъ.

против ворот пана Ядловскаго, окрутне и немилосерне кием збил, змордовал, при котором збитю и шкод немало почынил, которые готов буду часу права перед его мость паном подвоеводим, любь тежь перед его мость паном воеводю, нашим милостивым паном, наказать. Также я самъ, кгдаши ехав до Барышова для цилных потреб своих и кгдаши приехав до дому своего, а чуючисе быт велом никому ни въ чом не виньвым, былом безпечным, якъ панъ Ядловскый не ведат в який способъ взявъшы на мене злый умысль, а не чынячи з мене справедливости, што быв винен, але забравшы немало челяди своей, Омеляна слугу своего, Семена Бубянистого а Семена возницу, Олешка мещанина, Стася Зарецкого, праве с понделку на второкъ направивъшы их, абы ме забили, наслав на дом мой, которые нашедшы моцно квалтом на дом мой, а заставшы мене, учтивши слуху вашности, спячого в постели, окруте и немилосердне кийми побили и помордовали; а зоставивши на земли, в избе, на полумерлого, челяд розогнавшы, маетности з дому моего немало побрали и розшарили, а меновите: пулгак¹⁾, коштовал десет золотых; лацовница, коштовала чотыри золотых; цѣпка, коштовала осмъ золотых; пояс китайчаный, кушленый за мешокъ з грошми, а у ним было десят золотых; ножи, коштовали два золотых; пуяс оправный, коштовал чотыри золотых; хустька вышита, кушлена за два золотых; товалня шовком шыта, коштовала повтора золотыхъ; хустька безю шыта, коштовала повтора золотых; шликъ лисий, хваляндышом крытый, коштовал осмъ золотых; кайтан бархановый, коштовал чотыри золотых; перстенков два сребреных, коштовали пултора золотых; листов записов на разные долги, которых . . . съ тридцат, квитация пана Богуша Луцкевича, подстаростего Черкаскаго; рукавицы, коштовали золотый; на . . . къ, коштовала дванадцат грошей; стрел з сагайдака взяли два десятки, кушленые за два золотых; печат, коштовала золотый. А такъ мы, врадъ, выслухавшы жалобы Миколая Водвинского, за прозбою оного, на огледане ранъ, придали вижа Пархома присяжного, который огледавши призналъ

¹⁾ Пулгак=лукъ для стрѣльбы.

ку записаню до книг, иж видель есми Миколая Водвинского на твари рана кривавая, на руке левой, вышей локтя рана кривавая, а на нозе левой, на голени рана кривавая, хрибет вес синий, кийми побитый. От которого бою и зраненя неведати, если жив будет. Што мы, уряд, выслухавъши жалобу пана Миколая Водвинского и вижово признане казалисми до книгъ месцькихъ Барышъ-полскихъ записат, що записано.

11.

Бывшій бурмистръ Олекса жалуется на Герасима за угрозу его побить.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами постановивши(с) очевисто Олекса бывший бурмистр жаловав и оповедав на Гарасима тыми словы: „и жъ дей наважив на здорове мое и хотѣв мене бит, о чомъ есми и самъ не ведав у Шостака, як бы ажъ мя добрые люде остерегли, аж на завтрее мне сказали“. Якож Олекса заразомъ ставив Миска Товстобабию зятя, который ставшы перед нами поведивъ: „правда дей, панове, же Гарасим мовив на Олексу: небачный чловеце, буду тебе бит, а Олекса о томъ не ведав и того не чув“. И еще Олекса ставив брата Гарасимова Андрушка Шостака и Теренка Сахненка и иных людей сторонних, с трех копъ грошей Гарасим не приставляв; тедымы межи ними положили заруки на его милост пана подвоеводего по сту копъ грошей литовских, а до скрынки местской три коны грошей, еслибы Гарасимъ на Олексу отповедати мел сам через себе и через когос колвекъ. О што нас вряду просив Олекса, абы то было до книг записано и есть записано.

12.

Мисько Слуханъ явился на разборъ дѣла по обвиненію его Грицькомъ изъ Дударкова въ истребленіи собаки.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Перед тым же врьдомъ, Миско Слуханъ оповедавъ перед нами тыми словами: „што дей мене Грицько з Дударкова¹⁾ обвинив о пез, яко бых я мев где задѣтъ, и зложилисте нам ваша милость рокъ за недѣл две на ден сегодняшний; а иж его помаеш, прошу в. м., абы то было записано“. Мы врьд пилность Мискову казали записати и волным Мискав чинили; а Миску з Грицьком право волное зоставили, што про память до книг есть записано.

13.

Иванъ, Трохимышнъ братъ, жалуется на Евхима Слесаря за нанесеніе ему побоевъ.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Соновичомъ войтомъ Барышполским, Гринцемъ, Михайломъ, Лаврином бурмистрами, Васком, Демком при-сяжъными, ставшы очевисто Иванъ Трохимышин братъ жаловал и оповедал на Евхима слесара о збите и зранене, иж дей мене побив; до чого ся Евхим не знав. Теды Ивап ставив довод до Федора Корогода; Федор Корогод поведил, жей я того не сведомъ, хто его бив, одно в мене будучы оповедавъ, и на другого здався, Ярмолу Мацинина; а ижъ Ярмола хворый, посылалисеы Демка при-сежъного, перед которым Ярмола поведивъ: я дей самъ там небыв. жона моя мне пришедшы казала: шла дей еси зъ Евхимом, и дав мне Евхим шалокъ две и ведро пива, послав мене наперед, и я дей зашла за нани Бабицкой двор, стала и чула еси крыкъ, же там

¹⁾ Дударковъ—село остерскаго у. черниговской губ.

когое на рынку перле колодкую. Мы, врьд, видечы довод воллуг права послушный, наказались Ивану присегу на ранах на понеделокъ, а кгда присягнетъ, маеть его Евхимъ навезати. Што про памень есть записано.

14.

Вишенцы забрали сѣно у Евсея Евлашенка, который восиль его съ позволенія пана Сулимы.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполскимъ, бурмистры и присежъными, ставшы очевисто Евсий Евлашенко бондар, яко на рокъ зложонный напротивко Вишенцов ¹⁾ за одстинене (?) ю сено, чинил пилност од поранку ажъ до вечера и того ся вм. (до) водив писанемъ его мл. пана Сулиминимъ, же тое сено од пана Сулимы ²⁾ мелъ, которое Вишенцы своимъ меновали; а иж на рок зложонный справедливости Вишенцы не стали, на рокъ не прибыли, и жадной ведомости о себе не дали, мы его пилност видечы, од того волнымъ вчинили, и до книгъ записать казали, што есть записано.

15.

Якимъ присяжный и Левко мѣщанинъ купили что-то (въ рукописи дыра) у Павла.

Року 1617, месеца апреля 12 дня.

Ставши очевисто перед нами судомъ мѣскимъ, войтомъ, бурмистрами и присежъными вознали тыми словы Якимъ присяжный и Левко

¹⁾ Вишенцы—жители с. Вишенокъ, нынѣ остерскаго у. черниговской губ. на берегу р. Днѣпра.

²⁾ Панъ Сулима, судя по времени, къ которому относится актъ (1615 г.)—извѣстный запорожскій гетманъ Иванъ Михайловичъ Сулима, разоритель Кодака († 1635). Вѣроятно, Сулима получалъ земельный участокъ отъ Станислава Жолкевскаго († 1620), а не отъ Луки, какъ предполагаетъ Лазаревскій (Сулим. Арх., стр. V). Это подтверждается извѣстiемъ Мотыжинскаго Архива, стр. 112—113.

мѣщанин Барышпольскій, иж у Павла купили за двѣ копи и за 10 грошей у мѣсти Просили нас, жебы казали записат, що ест записано.

16.

Настя Васчиха, по первому мужу Антипиha, распредѣляетъ имущество, оставшенъ послѣ Антипы, между собою и сыномъ отъ Антипы Омелькомъ,

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца марта шостого дня.

Перед нами врьдом меским барышпольским передо мною Семеновом Свеченкомъ войтом на тот часъ будучимъ зъ бурмистрами и райцами одностайне заселыми въ ратушу Барышпольском. Приточиласе справа мещанина нашего Барышпольского Васка Хведоровича з жоною егож Настею, першого малженства Антипиhoю, то ест о речи спадковныя позосталныя по смерти небожчика Антипи першого мужа Настиного; теды оны становшы очевисто перед нами врьдом меским Барышполским вышей менованым вчнили роздѣлок вышей менованая Настя Васчиха а першого малженства Антипиha з сыном своим Омелком Антипенкомъ; которого то сына своего Омелка вышменованая Настя Васчиха зоставила въ дому отцевском, который зостал по смерти небожчика мужа моего першого Антипа; до которого дому и поле все, которое небожчикъ Антипъ працею своею розробил, мае спокойно сын мой Омелко ужывати и повинности панские отдавати, тилко помененный сын мой не мае жадное справы до того поля, которое я при собѣ и при теперешнемъ мужу своем Васку зоставую, то есть в кождой рѣцѣ по два днѣ, так теж и до внесены моего, которое внесла до мужа своего Васка Хведоровича, то ест вола гведорыжого и иншоу убозство мое, которое працею своею набыла. По смерти моеи не мае сын мой Омелко жадное справы до мужа моего Васка мѣти, и не мае ни през жадное право оноу позывати вечными часы; тилко помененный сын мой мае вышменованные речы, то ест дом лежачый подле дому Грицева Ходорковского и подле дому Свечыхи Медведыхи ис полем належачым до того двора,

мае спокойне уживати; волов тры, шкапу шерстю половую при нем же зоставую. Тилкож если лѣтъ доростуть дочки поменное Насти Васчыхи, которыя позоставали по смерти отца своего Антипа, мае Омелко сын Антипов оныхъ з маетности отцевской, которое позостало по смерти отца их Антипа, вывинити (дать вѣно), а болшей жадное справы ниhto не мае мѣти, так поменный сын мой Омелко до мене и до мужа моего Васка, яко теж и я сама, Настя, з мужем своим не маемо одно до другого жадное справы мѣти. Што для лепшее вѣри и певности просили нас уряду вышей менованого особы вышпомененные, абы та справа была до книг нинешныхъ меских Барышполскихъ записана. Што мы видечи реч слушную, казали до книг меских Барышполскихъ приняти и записати — што ест принято и записано.

17.

Ходося Иваниха и Лаврынъ Дужченко продали свой дворъ Хведору Чабаненку.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца марта дня петнадцатого.

Перед нами врьдомъ меским Барышполским, передо мною Семеном Сезченком войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском постановившысе очевисто Ходося Ивановая вдова и Лаврынъ Дужченко явне, яене и доброволне ку записаню до книг нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признали в тые слова: ижесмы, поведеае, продали двор свой никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежащий подле двора Ивана Павасенка на фолварку за мѣстом, зовсим, з будованем, с пляцом, з огородомъ и з нивою односю, которая лежит подле футора кгородского, Хведорови Чабаненкови за полшты коны грошей литовское личбы; до которого дому не мае мѣти помененная Иваниха з братом своим Лаврыномъ, так тежъ и потомкове ихъ, жадное потребы вечными часы, тилко помененный Хведор мае оный двор вышменованный спокойне

уживати, яко свой власный, и волно оному продати даровати и яко хотѣти тым домом оборочати вечными часы. Што для лепшого вѣри и певности дали собѣ обе стороне, абы тая справа была до книг нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ записана — што естъ записано и принято.

18.

Семень Третьакъ продалъ свой огородъ пану Денису Матушкевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегомо м. марта деветнадцатого дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Яковом Терешковичом войтом на тот час будучимъ, а при мне будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Семен Третьакъ мещанин нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал огород свой власный, никому, ни въ чом не певный и не заведеный, лежачий подле двора Гаврыла Бондара и подле огорода Миска Крамара, пану Деонисови Матушкевичу за конъ три грошей литовскихъ, вечными часы; до которого огорода не мае мѣти помененный Семень Третьакъ жадное potrzeby, ани он самъ, так тежъ и жона его и потомкове его, вечными часы; тилко помененный Матушкевич мае оный огород спокойне уживати, и волно оному продати, даровати и яко хотѣти тым огородом оборочати, яко своим власным вечными часы. Што для лепшого вѣри и певности дали себе обе сторонѣ до книг мескихъ Барышполскихъ записати — што ест записано и принято.

Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Барышпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта.

19.

Грицько Щавій продалъ свой дворъ Мойсею Старцу.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегомо месеца марта тридцатого дня.

На вряде меском Барышполском передо мною Яковом Терешковичем войтомъ з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в

ратушу Барышполском постановившысе очевисто Грицко Щавий, ясне, явне и доброволне ку записано до книгъ вынешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведеае, продал дом свой власный никому ни в чом не пенный и не заводеный лежащий подле двора Миска Белоуса и подле Луцка Дронницы, за полчварта копы литовское, Мойсееви Старцеви вечными часы и не мае мѣти вже жадное потребы до того двора помененый Грицко, ани он сам, так теж и жона и потомкове его вечными часы. Што для памяти обоу сторонѣ дали до книгъ мескихъ Барышполскихъ записати—што ест принято и записано.

20.

Игнатъ Сидоренко продалъ половину своей отчины зятю своему Кондрату Яценку.

Року 1637, месеца мая 6 дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ и при мне будучих бурмистровъ одностайне лави зуполной, ставши очевисто Игнат Сидоренко, мещанин Барышполский, явне ясне и доброволне до книгъ вынешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведеае, продал отчизну, половину в дому и в полю, за суму копъ осмъ личбы литовское, свою власную и ни в чомъ никому не пенную, лежащую подле Федеа и Андрея Демченка, Кондратови Яценкови приятеливи своему и зятеви вѣчными часы; который то помененый Игнат Сидоренко не мае мѣти жадное потребы, ани теж жона его, ани потомъкове его; тилко помененый Кондрат Яценко повинен уживат у вышпомененой половици, якъ в дому, так теж и в полю; що для лепшого вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книгъ мескихъ Барышполскихъ записат, що ест записано.

21.

Вдова Иваниха Угладчиха отдаеть комору въ уплату долга мѣйской скрынкѣ.

Року 1637, мая шестого дня.

Я, Яцко Терешкович, войтъ Барышполский, з бурмиистрами при мне будущими на тот час, чиню ведомо тымъ моимъ записомъ, иж Иваниха Угладчиха вдова винна будучи до скринки меское грошей готовых полсеми копы личбы литовское, прето вышпомененая Иваниха Угладчиха перед нами врадомъ мескимъ зналас того долгу, ясне, явне и доброволне за помененый долгъ комору, лежачую подле Салоновой, поручила на потребу мескую вѣчными часы, варуючи себе от ме(не)ного долгу. Просила нас, вриду, абы то было про память записано, що ест и записано.

22.

Урядъ опредѣляетъ считать Яна Янчевскаго свободнымъ отъ обвиненія въ грабежѣ 10 талеровъ у Пуховскихъ козаковъ Савы и Герасима.

Anno 1637, die 7 mai.

Na urzędzie mieyskym Boryszpolskym przy bytnosci urodzonego jego mosci pana Jana Kucharskiego, starosty Boryszpolskiego y Baryszowskiego, przede mną Jakowem Tereszkwiczem woytom Boryszpolskym a przy mnie będącym Pawłu Hryszczenku, Jarmolie Zbolickiemu, Sidorowi Bezborodczenkowi, Omelianowi burmistrami y raycami, iednostaynie zasiadłymi na mieyscu zwykłym w ratuszu Boryszpolskom, stanąwszy oczewisto Sawa y Harasim obywatelie Puchowskie¹⁾, kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego, y skarzali sie na Jana Janczewskiego obywatelia Boryszpolskiego sługę wielmożnego jego mosc pana podczaszego korąnego pana naszego miłosciwego. a to w te słowa: yż, powiada, panowie urzędowie, ten

¹⁾ Пуховка—селевіе остерскаго у. на р. Деснѣ.

pomieniony Jan Janczewsky przyiachawszy do nas na podpiłe ludzie siedzących u Icka żyda arędarza Baryszpolskiego, y nas bez dania żadney przyczyny, posiedziawszy z nami y od pasa gotowych pieniędzy taliarow dziesięć bitych z chustą oberwał. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy strony żałobliwey pomienionego Sawy kozaka zaporozkiego, który mianował przed nami żeby iemu szkoda stała, kazalichmy stronie obwinioney Janowi Janczewskiemu na odwod y żałowanie Sawy kozaka zaporozkiego stanąć; tedy on stanąwszy przed nami urzędem wyszmianowanym powiedział w tę słowa: yżem, powiada, panowie urzędowie ja o tych taliarach, ktore mianuie Sawa kozak obywatel Puchowsky s towarzyszem swoim Harasimom kozakiem woyska zaporozkiego, żebym miał od nich wydzirać; tedy ia o tych taliarach nie wiem y nie widziałem ich y od nich nie wydziarał, y nie wiem tego ieżeli byli przy nich pieniądze, abo niebyli. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy oboch stron, tak stronie żałobliwey, iako y stronie odporney, schiliwszy się iednostaynie ku prawu pospolitemu, nakazalichmy urzędownie dekretem swoim, aby pomieniony Jan Janczewsky przysięgą się odwiódł na tym, iako nieodrywał tych pieniędzy od Sawy kozaka zaporozkiego y nie znał o nich y nie widział ych dnia wyszmianowanego y roku. A ysz pomienione osoby Sawa y Harasim obywatele Puchowskie kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego na tę rok dla wysłuchania przysięgy Jana Janczewskiego nie stali y pilnować nie chcieli, a pomieniony Jan Janczewsky gotowość swoię do przysięgi uczynił y pilnował według prawa pospolitego do godziny nieszporney. Tedy my, urząd wyszmianowany, wydząc niewinność onego Jana Janczewskiego uczynilichmy wolnym od tey sprawy y niemają iuż nigdy ni przed żadne prawo y urząd pomienione osoby Sawa y Harasim Jana Janczewskiego pozywac y o szkode swoje wyszmianowane nie mają się nigdy upominać wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary y pewnosci kazalichmy do xiąg mieyskych Boryszpolskych zapisac; co iest zapisano y przyjęto.

23.

Миско Москаль продалъ свой огородъ Ивану Демиденку.

Року 1637, месеца мая деветнадцатого дня.

На вряде мескимъ Барышполскимъ передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ на тотчасъ будущимъ и при мнѣ будущими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, ставши очевисто Миско Москаль признал в тые словы мовечи: ижемъ, поведеае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пенный и незаведеный, лежащий подле огорода Хомяна, Ивану Демиденку, за певную суму золотыхъ чотыри литовскихъ, до которого огорода не мае мѣти помененый Миско жадное потребности, ани он самъ, ани теж жона его, ани потомъкове его, тилко помененый Иван Демиденко повинен ест оный огород спокойне уживат и волно ему оному продати даровати и як хотечи его обернути яко своимъ власнымъ вѣчными часы; што для лешное вѣри и певности дали себе обѣ стороны до книгъ нивнешнихъ Барышполскихъ записати. што и ест записано.

24.

Васко Яковенко продалъ свой огородъ Семену, зятю Ветливны.

Року 1637, месеца мая двадцатого дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ, а при мне будущимъ бурмистромъ и райцомъ одностайне заселыми на местцу звыклом в ратушу Барышполскомъ ставши очевисто Васко Яковенко мещанинъ нашъ Барышполский явене, явене и добровольне ку записаво до книгъ нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведеае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пенный и не заведеный лежащий подле Супруна Медведенка и подле Яска Пасеченка за пятъ копъ грошей личбы литовское Семенови Ветливное зятеву, вечными часы, отдаляючи самое

себе, жоны и потомковъ своихъ, вечными часы, што для лепшого вѣри и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книгъ местскихъ Барышполскихъ записати, што ест записано и принято.

25.

Иванъ Пустовойтенко продалъ свою ниву Ивану Окрайцовому внуку.

Року 1637, месеца мая двадцет третего дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполским, и при мнѣ будучими бурмистрами одностайне заселыми на местцу звѣкломъ в ратушу Барышполскимъ, ставши очевисто Иванъ Пустовойтенко мещанин нашъ Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал ниву свою власную никому ни в чом не ценную и по заведеную, лежачую подле Сидора и подле Левковой Шицкого, за певную суму грошей сто личбы литовское, Иванови Окрайцовому унукуви, вечными часы, который то помененный Иванъ Пустовойтенко не мает мѣти жадное потребности, ани онъ самъ, ани жона его, ани потомъкове, тилко помененный Иван Окрайцовъ унукъ повинен ей уживат, и волно ему продати, даровати, як хотити оною ниву обернути; што для лепшой вери и певности обѣ сторонѣ дали себе до книгъ мескихъ Барышполскихъ записати, што ест записано, року и дня вышъменованого.

26.

Мѣщанка Иваниха Смолдыровна продала свою ниву Ивану Чорному.

Року тисоча шестсот тридцать смого месеца июня дванадцатого дня.

Передо мною Павломъ Грышченкомъ войтомъ Барышполским, на тот час будучим, а при мне будучими бурмистром и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто

Иваниха Смолдыровна мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: ижем, поведае, продала ниву свою власную никому ни в чом не пенную и незаведеную, лежащую подле нивы панее Карминское и подле нивы Кондрата Накалюжного, Иванови Черному за полчварта золотого вѣчными часы; што для лепшого вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ записати, што ест записано.

27.

Уляна Тимошыха продала свою ниву Сергѣю Прасолу.

Року тисеча шестсот тридцать семого месеца июня семнадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским передо мною Павлом Грышченкомъ войтомъ на тот час будучымъ, а при мне будучими бурмистрами и райцами одностайно заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевистго Уляна Тимошыха вдова мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: иж, поведае, продала ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежащую подле нивы Якова Терешковича и подле нивы Хвеневои на гостынци¹⁾ Вышенском за полтретѣ копы грошей литовскихъ, Сергисви Прасолови мещанинови Барышполскому вечными часы; до которое нивы я, Уляна Тимошыха, не маю мѣти жадное потребности, ани я сама, так теж и потомкове мои, тилко помененный Сергей Прасол мае тую ниву спокойне ужывати вечными часы, и волю оному продати тую ниву и даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною; што для лепшого вѣры и певности просил нас уряду меского абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано. Теды мы уряд вышменованный видечы устное а очевистое признане Улянино Тимошыино, казали до книг мескихъ Барышпольскихъ записати, што ест записано и принято.

¹⁾ Гостынецъ — большая прѣлжная дорога.

28.

Уласъ Швець продалъ свою ниву Никону Рымарю.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца июня двадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтом на тот час будущимъ а при мне будущими Сыдорови Безбородченкови, Наумови, Омелянови Полуляхови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто мещанин наш Барышполский Улас Швець, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нынешнихъ меских Барышпольских признал в тые слова: ижем, поведас, продал ниву свою власную, никому ни въ чом не пенную и не заведеную, лежащую подле хутора Верны Сергеенка на врычышу Ладыжене, Никоннови Рымарови мещанинови Барышполскому за кои три литовских вечными часы, отдаляючи самого себе, жены и потомков своихъ; до которое нивы я, Улас Швець не маю мѣти жадное потреби, так теж и потомкове мои, тилко помененый Никон Рымар мае тую ниву спокойне уживати вечными часы и волно оному тую ниву продати, даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною. А што для лепшого вери и певности обѣ стороны просили нас уряду вышменованого абы тое признане было до книгъ меских Барышполских записано; tedy мы уряд видочы устное и доброволное признане Уласово Шевцово, казали до книгъ мескихъ Барышполскихъ принять и записати, што ест записано.

29.

Хвеско Дипковиченко продалъ свой дворъ Роману Сергѣевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца июня двадцать шестого дня.

Перед нами врядом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтомъ Барышполскимъ на тотчас будущимъ, а при мне будущими Сыдорови Безбородченкови, Наумови Сергеевичу,

Омелянови бурмистрами и райцами одностайне засельми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Хвеско Дицковиченко мещанин Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг вивешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал тыми словы: ижем, поведае, продал двор свой власный, никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле Корния Бураченка, за тры копы грошей литовскихъ Романови Сергеевичу мещанинови Барышполскому вечными часы. Што для лепшого вѣри и певности обѣ сторонѣ просили нас, уряду вышменованого, абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано, што ест принято и записано.

30.

Панась Черняховець продалъ свою ниву сыну своему Ивану Панасенку.

Року 1637, месеца августа 4 дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Семеном Колодежным войтом з бурмистрами и райцами одностайне засельми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Панас Черняховець мещанин Барышпольский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг вивешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: Ижем, поведа, продал ниву свою власную, никому ни в чом не певную и не заведеную, лежачую подле нивы Романовой Хижты, и подле нивы Хведора Шевця, Иванови, сынови своему, за кошь чтиры грошей литовскихъ, отдаляючи самого себе и других потомковъ своихъ вѣчными часы, тилко помененый Иванъ Панасенко мае спокойне тую ниву уживати вѣчными часы; што для лепшой вѣри и памяти обѣ сторонѣ дали собѣ до книг вивешнихъ мескихъ Барышполскихъ записати. Што мы, уряд, видечи устное сознане помененного Панаса Черняховца, казали до книг мескихъ Барышполскихъ записати — што ест записано.

31.

Федоръ Хорошій отдаеть часть имущества пасынку своему Марку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Передо мною Яцуютою войтомъ Барышполским, бурмистрами и присежными, зуполною лавою, ставши очевисто Федор Хорошій и с па(си)нком своим Марком, сознал доброволне перед нами врядом: иж што на моего пасинка отчизны его при мѣ было, коли матку его брал, теды отдаю корову и вола, овец осмеро, поля на чтыри дни, грошей коп двѣ мает Федор отдати пасинкови; тогда все тот Марко пасинокъ его жадное потребы до отчима и матки свое(е) мѣти не мает и позывати до жадного права вѣчными часы под зарукою на ратуш коп три. О што просили обѣ сторонѣ, абы тая их доброволная угода была до книгъ записана, што ест записано.

32.

Остапъ Ковтунъ продалъ двѣ нивы Филону Ерченку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Ставши очевисто Остап Ковтун зознал доброволне, иж продал нив двѣ своих власных, одна за Воробьевкою¹⁾ у островѣ, другая у Грицькова футора Лихоносого, звороты на Логвинову той нивки. О што просил Филон Ерчинко, абы тые нивы до книгъ записаны были, што ест записано, вѣчно мает уживати Филон Ерчинко, як свое власное, волно ему продати и даровати, што ест записано и принято.

33.

Криско продалъ свою ниву Митку.

Року 638, месеца мал 20 дня.

Ставши очевисто Криско перед нами врядом меским, войтомъ Яцуютою и бурмистрами в ратушу, сознал доброволне, иж продал ниву свою

¹⁾ Воробьевка—маленькая рѣчонка, протекающая по полямъ д. Кучасова и с. Сулимовки и впадающая въ р. Трубежь.

власную, никому не заведеную на селищи збоку Денисовой, Миткови за золотых три, отдаляючи отъ себе самого, жоны и потомков и приятелей своих вѣчными часы, волно Миткови уживати як свое власное. О што просил Митко абы то было до книг записано; што ест записано.

34.

Андрей Адаменко и Ясько Яковенко помѣнялись лошадыми.

Року 638, месяца июня 13 дня.

Ставши очевисто на врьдѣ меском Барышполским (передо мною) войтом Яцую и бурмистрами в ратушу, Анѣдрѣй Адаменко з Нижина подданий велможного его милости пана гетмана Потоцкого полного, сознал добровольне, иж проминял клячу сивую свою власную волную и не краденую мещанинови нашему Барышполскому Яскову Яковенку, на коня бѣлого; при котором фримарку напом были люди добрые мещале Яков Процик, Гарасименко для лепшого вѣры и памети. О што просили обѣ сторонѣ, абыми казали до книг записати, што ест записано и принято.

35.

Раздѣль имущества между Мискомъ Калужнымъ и Васкомъ Сестричомъ.

Року 638, июля 30 дня.

Перед нами врьдом меским Яковом войтом и бурмистрами, Миско Калужный мѣл росправу с приятелем своим Васком Сестричом о отчизну его, которую до сего часу Миско держал з ним посолу лѣт 11, тепер суд наказал, абы Миско отдал клячу сивую, вола гнѣдого, корову с телям перистую, поле все, што его власная отчизна, при Ивану зоставае, свиной двое, свиню чорную и подсвинка; озимины и ярины, што засѣяно тепер, маєт Миско Ивану всее пашнѣ четвертую част; кожух новый, чоботы, чукѣма бѣлая,

обрание новое суконное, сорочоць 2, портоць 2, сукна локот 8, сермига ест при нем. О што просил Миска и Иванъ, абы тая добровольная угода их была до книг записана, же юж Иван Сестричич его жадное потребности мѣти до Миска не мает и позывати под виною на врьд коц 3 грошей до скринки, што ест записано вѣчными часы.

36.

Раздѣль пмущества между Яковомъ Мулярченкомъ и Фескомъ Олейниченкомъ.

Року 638, месеца июля 30 дня и перед тым же врьдомъ.

Ставши очевисто Яцко Мулярченко ис своим шурином Феском Олейниченком погодилися межи собою с права, наказаного декретом правным, што Яцко держал отчизну его до лѣтъ, а тепер тот шуриин его Феско осѣлъ на своей отчизнѣ; то ест, напервѣй отдал коней трое, коров чтыри, вола, свиней шестеро, гусей шестеро, за вола другого коц шест, грошей готових коц пят; комору переставити, шкуру вытяти; жупан сивий, боты, панчохи, пояс повковый и кушак, гаплы штучни, тимец жовтый, пугвици, колца; поле все, што одно отчизны его ест на всѣх руках, при Феску заставаает; а засѣвок, што ему с права наказано, тилко тое мает забрати, а Яцко при своем заставаает, што ему належит, тогды тепер ведлуг росправы и угоди, Яцко мает няву ему выискати, што продали на хлѣбъ, а Феско мает дати жита коны двѣ своего. Феско, шуриин его, до Яцка жадное потребности и трудности не мает ему у жадного права вѣчными часы; а Яцко до них под зарукою на замокъ коць десят, а до скринки коць 3 заплатити каждый з них. О што просили обѣ сторонѣ, абы то было до книг записано, што ест записано для памяти.

37.

Иванъ Лазебный продалъ свой огородъ Демку Бубличенку.

Anno domini 1638, Ibrī dnīa 25.

Przede mną Iacutą woytem Baryszpolskym y burmistrami zupełną ławą stanowszy oczewisto Iwan Lazebny zeznał dobrowolne, iż sprzedał ogrod swoy własny Demkowi Publiczenkowi za złt. 3 wiecznemi czasy, ma go używac y darowac. O co prosili obie strony, aby to było zapisano, co iest zapisano dla pamięci.

38.

Цыгане вымѣняли лошадей на мѣстнику цану Матушкевичу.

Anno domini 1638, die 28 Sbris.

Przede mną Jacutą woytem Bariszpolskim, urzędem miejskim, burmistrzami zobopolnie zasiadłymi w ratuszu, stanowszy oczewisto cyganie na imie Fesko Grydczyk, drugi Wasił Trykulenko y zeznali temi słowy, że sami frymarczyli dwoie koni, mianowicie konia siwego, bilmo na oku lewym j ucho lewe rozerzniono na wciąż, żywy stryke j w półtrosze, na klacze białą y gotowych złt. 5 przydatku; drugą klacze bułaną, na oko liewe ślepą na kaftan kyn-diakowy bawełniany, gotowych pieniędzy złt. 6 j szable, s panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na ten czas będącym; ktoresmy koni mieli: konia siwego od Iwana Wołoszyna z Dziewicy, klacze — od Fedora Usa z Niżyna. Pry którym frymarku byli ludzie dobri wiary godni: Konraty Pawłeko j Anton Kysiel, Suprun Misiały, Niczypor Hrynęko. Ktore onych cygand obrowolnie zeznanie iech do xiąg miejskich Baryszpolskich zapisali wiecznemi czasy, co iest zapisano.

1) Пуцково—озеро на поляхъ м. Борисполя.

39.

Сергѣй Москаль продалъ свою ниву около Пупкова озера Семену, зятю Свѣтличнаго.

Anno domini 1639. marta 12.

Przede mną Jacutą woytem y burmistrami, stanąwszy oczewisto Serhij Moskal, zeznał dobrowolnie, iż sprzedał niwe swoje własną na Pupkowie ¹⁾ podle niwy o między z Nazarem na cztery dni y s celyną, co jest iego własnego podle teyże niwy, wiecznemi czasy Semenowi zięciowi Swietliczny za złotych pięc, oddalając sam od siebie, żony y potomkow swoich, ma uzywac iako swoją własną, przedac, darowac. O co prosili obie stronie, aby to było do ksiąg miejskich zapisano, co jest zapisano.

40.

Слабиниха мирится съ невѣсткой своей Карпихой относительно поля.

Anno domini 1639, marca 29.

Przedemną Jakowem woytem Baryszpolskjm j burmistrami zupełną ławą zasiadłymi, stała się ugoda Słabynisie jz niewistką jej Karpową Połaszczyną, a to o polie, ktore dano winym Słabynisie: naprzod iedne od Głębokiego ¹⁾, zwrota iedne na Sakowe a druge na Fomine; druga na goscincu kyiowskim o miedzie nieboszczyka Paszka, trzecia za Worobiowym zworotami na niwe Andrzeiową Deniszkową, tedy ma to Słabynicha używac tych pol, iako swoich własnych, darowac, przedac j na swoich pożytkach mie. A na potym Słabynicha do tey swoiey niewistkj Karpowej żadney potrzeby niema mie wiecznem: czasy y do pol oney należących, by zamą, poszła, to y na potym ma byc wolna zewszystkim od Słabyńichy. O co prosili obie stronie, aby ta ich dobrowolna ugoda była do

¹⁾ Глубокое—село переяславскаго у. рогозовской волости.

xiąg mieyskich zapisana, co iest zapisano dla pamięci. Ona sama potomky j powinne ni maiā potrzeby pod zarękā kop dziesięc, ktoby znowu to prawo podniosł napotym.

41.

Пречистенскій священникъ Симеонъ продалъ свой домъ дяку Александру Трохимовичу.

Anno domini 1639, aprilis 26.

Naurzędzie mieyskjm Baryszpolskim przede mną Jakowem woylem, a przy•mnie burmistrami zasiadłymi w ratuszu zupełną ławą stanowszy oczewisto ociec Semeon Przechystensky zobopolnie przyznał do x(iąg) mieyskich w te słowa: iż, panie urządzie, przedałem dom swoy własny nikomu nie zawiedziony j nie winny panu Alexandrowi Trochimowiczu diakowi swemu, tuż podle siebie, Waskowsky za kop 3 litewskich wieczniemi czasy, oddalając od siebie y przyjaciół swych dalekich y blizkich, wolno mu przedac darowac y na swoy pozytek obracac. jako chcąc. O to prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano, co iest zapisano.

42.

Васко Яковенко продалъ свою ниву Олешку Рубашному.

Anno domini 1639, may 15 dnia.

Przede mną urzędem mieyskim, to iest Jacutą woylem z burmistrzami, stanowszy oczewistą Wasko Jakowenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoje własną nikomu nie zawiedzioną od Kyiowa na wyglądkach między niwamy, to iest z iedney strony Tomilekową a z drugiey strony Jarmakową, Oleszkowi Rubasznemu za złot 2, j gr. 20 polskich wiecznemi czasy, oddalając od siebie żony j potomkow swych j przyjaciół, wolno onemu Oleszkowi używac, przedac, darowac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do xiąg zapisano, co est zapisano dla pamięci wiecznie.

43.

Иванъ Семененко продалъ свою ниву Стефану Напрасниву.

Anno domini 1639, junij 15 dnia.

Przede mną Olieksiem Hołubniczym nakaznym woylem, a przy mnie burmistrzami zupełną ławą zasiadłymi w ratuszu, stanawszy oczewisto Jwan Semenenko przyznał dobrowolnie, iż sprzedał niw dwie pod Głębokym, nikomu nie zawiedzione y nie winne Stepanowi Naprasnikowi za złt. 215 wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego, żony j potomkow j powinnych swoich; wolno Stefanowi używac, darowac, przedac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano dla pamiency.

44.

Демянъ Копыленко продалъ свою ниву Ваську Горбаню.

Anno domini 1639, junij 26.

Przede mną Olieksą nakaznym woylem a przy mnie burmistrzami Naumem y Niczyporem Bukatą j zupełną ławą, stanowszy oszewisto Demiaan Kopylenko zeznał dobrowolnie, iż sprzedał niwe swoją własną leżącą za Worobiewką, między futorami Jarmolinym, podle niwy Hawryłkowy, Waskoni Horbanowi za złt 11, wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego, żony, potomkow j przyacioł swych, wolno Waskowi Horbanowi przedac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano — co iest zapisano.

45.

Сергій продалъ свою ниву Илиі Прасолу.

Anno domini 1639, lipca 12 dnia.

Przede mną Olieksiem nakaznym woylem Baryszpolskim y burmistrzami zasiadłymi zupełną ławą, stanawszy oczewisto Serhy ze-

znał dobrowolnie, (iż sprzedał) niwe swoje własną, nikomu nie zawiedzioną, za Niesterowką, pod futorem Nesynowym Illiy Prasołowi za złt 5. oddalając od siebie samego, potomkow swoich, żony y przyjaciół, ktoby się miał odezwać, żadney potrzeby do niego mieć nie będą wiecznemi czasy, wolno mu używać, przedać, darować, iako swoje własną. O co prosili obie stronie, aby to było onego zeznanie do ksiąg mieyskich zapisano, co iest zapisano dla pamięci y co iest przyjęto.

46.

Ворончыха продала свою ниву Костючену.

Anno domini 1639, wrzesnia 20.

Przede mną Jacutą Tereszkowiczem wojtem a przy mnie burmistrzem Nawunem j Oliksiem Hołubniczym w ratuszu, stanowszy ocze(wi)sto Iwanowa Woronczycha przyznała dobrowolnie ku zapisowaniu do x(iąg) mieyskich: iż, panie woycie, sprzedałam niwe swoje własną, nikomu nie zawiedzioną, podle panske(go) łanu od stawku Zołcowa, Semenowi Kosciuszkenowi za złt. 15 wiecznemi czasy, do ktory niwy nikt nie może mie potrzeby żadny s powinnych moich. bliskich j dalekich. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano—co iest zapisano.

47.

Раздѣль имуществъ между Луцкомъ Старымъ и его невѣствой.

Anno domini 1639, 8 bris 30 dnia.

Przed nami urzędem mieyskim w ratuszu, przedemną Jakowem woymem j burmistrzami, stanowszy oczewisto obie stronie, to iest Łucko Stary z swoją niewistką, bywszêgo syna swego Wasilia po smierci pozostałych potomkow jz żoną, uczynili miedzy sobą ugode, aby napotym mieli żaden z nich prawnego pociągu tak przy blizkich jako y dalekich w tym rozdzieli, naprzod Łuckowi wołow

dwa, owiec 7, swinij dwoie, zbożia krobka 6 wszystkiego, zasiwek kopa 6, dwor w miescie, polia dni 9 na trzy ręce, to mu wolno darowac, przedac j w swoy pożytek obrocic. a ogrodu połowica do używania, a przedac nikomu jnszemu tego ogroda tylko dzieciom niebożczyka syna Wasylia. O co prosili urzędu obie stronie, aby ta ich ugoda była do x(iąg) mieyskjh zapisana, co iest zapisano. A napotym aby żadnych turbacyi miedzy sobą nie mieli, pod winą urzędową kop 10 wiecznemi czasy.

48.

Раздѣль имущества между зятъями Коленка и его пасынкомъ.

Anno Dei 1640, anuarij 19.

Stanąwszy oczewisto na urzędzie mieyskjm Baryszpolskjm przedemną Hawryłem nakaznym woytem j burmistrami zupełną ławą, Bohdan zięc Kolinkow j Kuzma drugi zięc tegoż, Iwan pasynek niebożczyka Kolinka zeznali dobrowolnie, iż sie stała między nimi ugoda po smierci jęgo, co komu przychodziło, tedy żona niebożczyka Kolinka is synem swoim Iwanem pooddawali, co na nich przychodziło Bohdanowi owiec czworo, Kuznie pięcioro, niwa Kuzmie na pokrozrobek, co iuż Bohdan y Kuzma zięcowie y żony ich, tak j dzieci j powinni krewni żadny potrzeby nie będą miec mogli j do prawa żadnego pozywac wiecznemi czasy do żony Kolinka niebożczyka j do syna iey Iwana, pod zaręką kop trzech, ktory by z nich miał onych turbowac. O co prosili obie stronie, aby ich ta ugoda była dobrowolnie do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano.

49.

Раздѣль имущества между второбрачной женой Ярмолы Евфимией и пасынкомъ ея Герасимомъ.

Anno d(ei) 1640, marta 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j mieyskym a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na tenczas Ba-

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтовъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религиозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старини“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за все годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по 1 р.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Кивлицій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

М А Й.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., дома № 4.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

I. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ ПРАВОПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. И. Житецнаго	157—175
II. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. Н. Θ. Сумцова	176—192
III. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковского (1796 — 1874). В. Щербинны	193—224
IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССИЮ ВЪ 1787 ГОДУ. (<i>Окончаніе</i>). Г. В. Есипова	225—230
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	231—248
VI. РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО. Θ. Н.	249—277
VII. PROF. M. KOWALEWSKY. MARIAGE AMONG THE EARLY SLAWS. (FOLK-LORE, QUARTERLY REVIEW OF MYTH. LOND., DEC. 1890). В	278—284
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 году. Протоіерей П. Орловскаго. б) Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. в) Коринескій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33). А. А. г) Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). А. А. д) Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ В. Н. Сторожевъ. е) Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву (1689). А. Голомбѣвскаго	285—298
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Живая Старина. Вып. II—IV. В. Я. б) Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1888-й г. В. Науменна. в) В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Θ. Николайчина. г) П. В. Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. М. В. д) Извѣстія таврической ученой комисіи № 14. И. Наманина. Обзорѣніе журналовъ	299—322
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.	
ОБЪЯВЛЕНІЕ	1—2

Малорусскія вирши правоописательнаго содержанія.¹⁾

Центромъ настоящаго нашего очерка мы избрали вертепную драму, въ которой правоописательный элементъ выступаетъ въ сценическомъ представленіи, какъ главная сила, управляющая словами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Собственно говоря, сюжетъ вертепной драмы одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, поэтому не въ немъ заключается главный интересъ ея, а въ своеобразной обработкѣ его и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ самою жизнію. Съ этой стороны малорусскій вертепъ есть явленіе вполне самостоятельное.

Не беремъ судить о томъ, когда появился онъ въ южной Руси²⁾. Можно полагать только, что тексту вертепной драмы предшествовали отдѣльныя пьесы, то въ видѣ обычныхъ народныхъ пѣсенъ, то въ видѣ виршей-колядокъ или виршей-ораций, то, наконецъ, въ видѣ всякаго рода діалоговъ, которые въ старинной малорусской школѣ были самою любимой формой виршеваго творчества. Иногда вирши на Рождество и на Воскресеніе Христова, предназначаемыя для произнесенія нѣсколькими лицами, имѣли діалогическую форму³⁾. Иногда діалогомъ называлась бесѣда въ стихахъ богословскаго содержа-

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

²⁾ Athenaeum Крашевскаго, 1843 г. Odział 3. Одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала видѣлъ въ с. Ставищахъ ящикъ съ надписью: „1591 года сооруженъ“. Другой экземпляръ онъ видѣлъ съ надписью отъ 1633 года.

³⁾ Таковы, напримѣръ, рождественскія вирши Памвы Бернуды и Кирилла Граньвиляіона: первая произносилась семью отроками, вторая—пятью.

нія¹⁾. Такое же названіе носить одна изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ мистерій о страстяхъ Христовыхъ²⁾. Есть, наконецъ, діалоги чисто бытового содержанія. Отъ позднѣйшаго времени, не ранѣе какъ отъ второй половины XVIII вѣка, мы имѣемъ попытку перевести вирши о пастухахъ въ діалогъ, который имѣетъ видъ вступительной сцены къ какой-то рождественской драмѣ. Мы разумѣемъ „Діалогъ пастырей“, въ которомъ два пастуха, управившись съ хозяйствомъ, богословствуютъ накануне Рождества въ простонародномъ тонѣ. Они вспоминаютъ о грѣхопадѣніи прародителей, ожидая, что имѣющей родиться Спаситель міра „дѣдкамъ дастъ доброго часа“³⁾. Къ тому же разряду діалоговъ относятся „Воскресенскіе стихи“, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки приводятся ниже. Съ діалогами этого рода, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ интермедій, безъ сомнѣнія, находилась въ тѣсной связи вертепная драма. Могла быть она составлена въ первой половинѣ XVIII вѣка и даже раньше, но въ первоначальной редакціи она намъ неизвѣстна⁴⁾. Думаемъ только, что съ перваго момента своего появленія она подвергалась позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ, причемъ въ основной текстъ драмы могли быть внесены пьесы болѣе древнія, чѣмъ самая драма. Однимъ словомъ, вертепная драма шла по тому же пути коллективной обработки, какъ и устныя произведенія народной поэзіи. Приблизительно можно отнести современный намъ текстъ ея къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія⁵⁾.

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, „Банкетъ духовный“, помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ Киевской Старины за 1892 г.

²⁾ Киевская Старина, 1891 г., Апрель.

³⁾ Рукопись церковно-археологическаго музея при киевской Академіи, I. III, 8. 10.

⁴⁾ Сохранилась она въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Н. И. Маркевича: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссійскія“, Киевъ, 1860 г. Подробный пересказъ другаго списка, принадлежавшаго Г. П. Галагану, имъ самимъ составленный, помѣщенъ въ Киевской Старинѣ за 1862 г., Октябрь.

⁵⁾ Объ этомъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Г. П. Галагана: „по рассказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, говоритъ онъ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ моемъ прадѣду зашли съ вертепомъ киевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ

Мы не будемъ останавливаться на первой части Вертепа, такъ какъ вся она есть ничто иное, какъ драматизированное воспроизведеніе того матеріала, съ которымъ познакомились мы въ рождественскихъ виршахъ. Ни одной новой правоописательной черты не прибавляетъ она къ извѣстнымъ намъ лицамъ, дѣйствующимъ въ виршахъ.

Совсѣмъ не то представляетъ намъ вторая часть вертепа, въ которой выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни и обрисованныхъ выпукло и ярко.

Вообще говоря, вся эта вторая часть есть изображеніе радости по поводу рожденія Спасителя,—только въ виршахъ радуются вмѣстѣ съ людьми и праведники, тогда какъ на сценѣ Вертепа радуются простые смертные, люди разныхъ возрастовъ, сословій и народностей. Это и есть нить, соединяющая въ одно цѣлое всѣ эти веселыя группы, выступающія одна за другой на сцену.

Мы будемъ всматриваться въ эти группы подъ угломъ тѣхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя производятъ главныя дѣйствующія лица, какъ представители мѣстной жизни. Лица эти — крестьянинъ, козакъ и запорожець. — Для дополненія вертепныхъ сценъ мы будемъ пользоваться соответствующими подробностями изъ діалоговъ и интермедій.

Съ крестьяниномъ вертепной драмы мы уже отчасти знакомы: это Клима и жена его. Все хозяйство ихъ заключается въ свиньѣ и козѣ. У Клима нѣтъ денегъ, чтобы заплатить дьяку за обученіе его сына,—вотъ онъ и отдаетъ ему не безъ хитрости свинью, у которой „ребра такъ и свитаться“¹⁾. Въ первой интермедіи Георгія Конисскаго мы видимъ на сценѣ мужика, повидимому хлѣбороба зажиточнаго. Онъ наслаждается созерцаемъ уродившей нивы, сомнѣваясь, чтобы *мудрогелл*

сочувствіемъ, потому что мой пращѣль, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ“. Кіевская Старина, 1882 г., Октябрь.

¹⁾ Отрывки изъ вертепной драмы мы будемъ приводить по сокиринскому тексту Г. П. Галагана. Текстъ г. Маревича намъ кажется позднѣйшимъ.

больше его понимали въ хлѣборобствѣ. Рисуетъ онъ житье-бытье свое, исчисляетъ повинности и нужды свои:

«Треба и на правенты, тулко б зъ того дбаты,
И себе б то самого зъ детми годоваты» ¹⁾.

Если бѣдный Климиъ несетъ расходы на школу, то тѣмъ паче состоятельный хозяинъ:

«Треба», говорить онъ, «и роковщину, щю школу збучае,
Треба жъ и тимъ, що мирвають щю-небудь уткнуты».

Неизвѣстно, отчего обѣднѣлъ Климиъ, по собственной-ли винѣ или отъ насилій панскихъ. Вообще онъ не поставленъ въ сферу социальныхъ отношеній, оттого черты его недостаточно ясны и выразительны. Бросается въ глаза только его добродушный юморъ. Когда не стало у него и козы по собственной винѣ его, то онъ утѣшаетъ себя такъ: „понесу жъ ии (козу) до дому, та отдамъ собакамъ шкуру, а изъ мняса справлю жинци кожухъ“.

Въ такомъ-же освѣщеніи выступаютъ предъ нами крестьяне и въ другихъ интермедіяхъ. Въ одной изъ нихъ мирно бесѣдуютъ между собою два почтенные отца семейства—Жовридь и Онопрій. Оба они жалуются на продолжительность и тяжесть великаго поста. Въ ироническомъ тонѣ хвалятъ они своихъ женъ за то, что онѣ мастерски приготавливаютъ квашу и соломаху. „Якъ наймось, говорить Жовридь, соломахи въ смакъ съ березовымъ сокомъ, то хто черевомъ повзе, а иншій и бокомъ“. Не нравится имъ и то, что отецъ духовный

«Загадуе по тяжнямъ до церкви ходиты,
Та ще рано и вечеръ поклоны быты,
А що бъ люльки потягты, табака понюхаты, того
не дай Боже,
Та вже то винъ выдумае, чого и негоже».

¹⁾ Отрывки изъ интерлюдіи Г. Конисскаго приводимъ по списку съ рукописи церковно-археологич. музея при кievской Академіи по описанію этихъ рукописей №№ 659 и 664. По той же рукописи интерлюдіи Конисскаго напечатаны въ „Древней и Новой Россіи“, 1878 г., Ноябрь.

Единственное утѣшеніе остается имъ, что скоро „Великдень“. Только что подумали они „про те Риздво, що роблять паску“, какъ вдругъ прибѣгаетъ сынъ Онопрія Педь и извѣщаетъ отца, что видѣлъ онъ, какъ на закатѣ солнца вѣхалъ къ нимъ въ деревню давно ожидаемый „Великдень“. По наружному виду это былъ

«челядинъ гречный,

Волю въ іого не похужѣ; та и визъ валечный,
 На іому чекминь, якъ свѣгъ, шапка выгиларка,
 У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна,
 Въ поливаныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
 Червоная застѣжка и чоботы нови,
 Въ рукахъ іого червоная короговка мае,
 Ковбасою винъ стихенька волю поганяе».

Обрадованные этою вѣстью, Жовридь и Онопрій помышляютъ уже о томъ, чтобы приступить къ „розговинамъ“. Въ это время появляется Педоря, жена Онопрія, и проситъ ихъ, чтобы они помогли ей вынять изъ печи паску. Говоритъ она, что

«Вже и кочергою, и заступомъ довбала,
 Та ничего не вражу, дужа до череня пристала.
 Охъ, тамъ же то була—вдалася,
 Що якъ сажала въ пичь, то на сажинь тяглася».

Оказалось, что пасха нивуда не годится „ни къ людямъ, ни къ Богу“. Такая же неудача постигла Педорю въ приготовлении и другихъ пасхальныхъ яствъ—поросенка и яицъ. Наступило разочарованіе полное.

«А що бъ же ты», говоритъ Онопрій своей женѣ, «пидь царскій вѣнецъ не пидійшла, шевлюго проклята,
 Се жъ ты наробила, що не знатымемо свята».

Отъ этой живой бытовой картинки вѣетъ наивною простотою нравовъ, которые и теперь еще не исчезли въ малорусской деревнѣ. Тѣ же святочные сцены происходятъ въ нашей современной сельской обстановкѣ, тотъ же благодушный ропотъ мужей на торопливое „поранье“ женъ передъ святками,

тотъ же юморъ, тѣ же рѣчи, за исключеніемъ, можетъ быть, *пикантной* фантазіи, создавшей образъ „Великоднѣ“, ѣдущаго на возѣ „рыжими волами“, которые едва „тянуть ноги за ногамы“¹⁾.

Иногда въ интерлюдіяхъ сельскій обыватель является со-всѣмъ недалекимъ и недогадливымъ человѣкомъ. Такъ, во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ рассказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ и призываетъ къ себѣ бабу, которая отгадываетъ сонъ въ благопріятномъ смыслѣ. Цыганка подслушала разговоръ о чудесномъ снѣ и рассказала сновидцу о томъ, что ему снилось, вытянувъ при этомъ у него изъ-за пазухи хустку: „о се жь, братци“, восклицаетъ онъ: „цыганка яка из-лиха, на память до слова беретъ з торби, якъ з мѣха!“²⁾,

Какъ бы для того, чтобы рѣзче отгѣнить медленность и неповоротливость крестьянина, поставленъ рядомъ съ нимъ проворный, юркій цыганъ. Вѣчно голодный бродяга, онъ живетъ кузнечнымъ ремесломъ, а жена его ворожкой. Скудные заработки свои они восполняютъ обманомъ и воровствомъ.

«Чомъ, цыгане, не орешъ?»

спрашиваетъ цыганка своего мужа въ вертепной пѣснѣ.

«Бо не маю плуга», отвѣчаетъ онъ,

«Тильки въ мене плужка,

За поясомъ пужка».

—«Чомъ, цыганко, не прядешъ?»

спрашиваетъ онъ свою жену.

«Бо не вмю прясты», отвѣчаетъ она:

Изъ-за гаю выглядаю,

Щобъ сорочку врясты».

¹⁾ Рукописный сборникъ, принадлежавшій въ 1817 году какому-то семинаристу, студенту риторики. Изъ лубенскаго архива Е. Н. Сваржинской. № хрон. кат. 2346.

²⁾ Отрывки изъ интерлюдій М. Довгалевскаго приводимъ по рукописи 1736 года, хранящейся въ библиотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 1710.

Впрочемъ, къ цыгану относится крестьянинъ безъ особаго озлобленія: онъ видитъ въ немъ дитя природы, повинующееся ея слѣпымъ инстинктамъ,—зло, столь же неизбѣжное въ жизни, какъ и разрушительныя стихіи природы. Этотъ взглядъ на цыгана лежитъ въ основаніи шутливаго, беззлобнаго настроенія, выражающагося въ народныхъ сказкахъ о цыганахъ; тотъ же взглядъ господствуетъ и въ драматическихъ сценахъ вертепа и интерлюдій, въ которыхъ появляются цыгане.

Не то положеніе занимаетъ въ нихъ еврей. Это уже хищникъ сознательный, поэтому въ изображеніи его замѣтна добрая доля сатирической желчи, которая обнаруживается въ томъ, между прочимъ, что въ сценахъ столкновенія цыгана съ евреемъ всегда дается предпочтеніе торжеству перваго надъ послѣднимъ, а не наоборотъ, причемъ посрамленіе еврея подчеркивается съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, въ пятой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго рассказывается о томъ, что у еврея украли кобылу. Горюетъ онъ, припоминая добрыя качества своей кобылы:

«Спо така втѣсная та була кобила,
Вона, якъ цоловѣкъ, то такъ говорила.
А взе якъ дома, то з оранды не вѣдбиты,
Медъ, горѣлку и пиво умѣеть було пити».

Бои́тся онъ показаться передъ женой и покупаетъ при посредствѣ Грека у какого-то Волоха кобылу, которая „такъ, якъ тая, хвостомъ кивае“. Это была его собственная кобыла, которой онъ не узналъ. Является цыганъ, союзникъ Грека и Волоха, укравшихъ кобылу:

«Бачу, говорить онъ, що и жиди вже конѣ волочать,
Тилко бѣднихъ циганъ злодѣйствомъ порочать».

Съ угрозою отбираетъ онъ у еврея свое добро. Такимъ образомъ еврей вдвойнѣ одураченъ: потерялъ онъ свою кобылу, да еще и деньги за нее заплатилъ.

Съ высоты величія смотритъ еврей на міръ Божій. Онъ глубоко убѣжденъ, что его племени принадлежитъ великое бу-

Мнѣ дай тилко наиткомъ всякимъ синковати» .

— «А сала албо ковбасъ продавати не случалось?

Коли бъ вони теперь, то бъ то смаковалось» .

— «Не кази скоромного, а й слухать не хоцу» ...

— «А ти теперь не пси скоромного, жиде,

Дакъ се, якъ бачу, твоѣй постъ николи не зійде?»

— «Насъ Равъ бо намъ приказавъ, отвѣчаетъ еврей,
не исти свинины,

А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора,

Тамъ вѣнъ тепер истъ въ небѣ вола соробора» (sic).

Цыганъ глумится надъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ:

«Коли жъ такъ, говоритъ онъ, вже й його дѣдко

к собѣ справивъ,

Бо коли бъ вѣнъ въ небѣ бувъ, небо бъ заплугавивъ» ...

И вотъ у этого еврея нерѣдко приходилось крестьянину служить наймитомъ: положеніе, по народнымъ понятіямъ, тягостное и унижительное.

«Не дай мени, Боже, говорится въ одной народной пѣснѣ,
служащего хлиба:

Служащій хлибъ добрый, та тилько вымовный;

По кусочку крае, що дня вымовляе» ¹⁾).

Однако же, и въ положеніи наймита этотъ самый простоватый и придавленный крестьянинъ держится съ сознаниемъ своего достоинства. Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго еврей приказываетъ своему наймиту поганять воловъ, чтобы поспѣть на ярмарокъ:

«Сиди жъ бо, коли сѣдишь», отвѣчаетъ ему наймитъ,

Якъ покину, то озметъ (тебе) дьяволова мати!»

— «Якъ покинешь, говоритъ еврей, то не дамъ твоей
заплати» .

— «Я из горла видеру, сповойно замѣчаетъ наймитъ,
якъ року добуду» .

¹⁾ Чубинс., V, 1020.

Сцена оканчваецца миролюбиво: найміць пасець волоў і варить подорожную кашу, а евреі разбиваець шатеръ і торгуець водкой.

Вообще крестьянинъ, появляющійся въ интерлюдіяхъ, есть лицо далеко не пассивное. Онъ умѣетъ постоять за себя тамъ, гдѣ это возможно. Такъ, въ третьей воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго мы видимъ крестьянина съ сыномъ на торгу. Отецъ оставилъ сына на возѣ и приказалъ ему смотрѣть, чтобы все было цѣло, а самъ отправился за покупками къ празднику. Подходятъ къ возу три ярыги и, запугавши мальчика, утаскиваютъ мѣшокъ съ пирогами. Возвращается отецъ и видитъ, что пироговъ нѣтъ. Ворчитъ онъ на „негѣдного сына“.

«Якъ би взявъ щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно памятало, якъ то доглядати».

Хотѣлъ онъ было купить сыну къ святкамъ „шапчину“, а теперь, грозно заканчиваетъ онъ выговоръ свой, „ходи безъ шапки, неотецкій сину“. Въ это время подвертывается ловкій ярыга и предлагаетъ купить шапку. „Щасливе яке“, замѣчаетъ отецъ, „нѣ гадавъ купить шличка, а тутъ якъ на тое чортъ приніось ис товаромъ“... Не сходитса онъ въ цѣнѣ за шапку. Ярыга пристаець.

«Пѣди ти, говоритъ мужикъ, пепелюго, не видали швапи»...
«Да что ти, безтолковой, запальчиво кричитъ ярыга, меня
здесь ругаешъ,

Какъ пападу за хахоль, дакъ ти меня знаешъ!»

«Ось я жъ тебе наперель, спокойно замѣчаетъ мужикъ,
хлудиною гречѣ,

Якъ писаночку, сплшшу помаленку плечѣ».

— «Какъ, Чурунъ, мне тронешъ», продолжаетъ горячиться
ярыга, глаза растаскаю

И валоса з галови всіе повриваю!»

«На, колы хочъ, отвѣчаетъ мужикъ, з денгою алтинъ за
шапчину,

А придатку до копи колякою в спину».

Но если въ столкновеніяхъ съ цыганомъ и евреемъ малорусскій крестьянинъ долженъ былъ обладать личною энергією,

то въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ нужна была, сверхъ того, иная сила—нѣкоторымъ образомъ политическая,— нужно было, чтобы сельскій пахарь превратился въ козака. И вотъ предъ нами выступаетъ въ интерлюдіяхъ прошлаго вѣка другой типъ, взятый изъ народной жизни.

Въ пятой воскресенской интерлюдіи Довгалевскаго ляхъ хочетъ продать мужиковъ своихъ безъ земли, какъ живой товаръ. Еврей совѣтуетъ ему заарендовать мужиковъ. Ляхъ идетъ на эту сдѣлку. Дѣло покончено съ евреемъ за 100 злотыхъ. Ляхъ получаетъ задатокъ съ тѣмъ, чтобы еврей отдалъ остальное, когда наступитъ война противъ хлоповъ за то, что они вмѣстѣ съ козаками посягаютъ на „шляхетски клейноды“. Является козакъ.

«Що б то се за причина и якъ розважати»,
говорить онъ,

«Що ляхи-шилихвости люди продавати почали?»

Одинъ изъ мужиковъ обращается къ нему съ просьбой о помощи:

«Будь ласковъ, козаче, визволь з сего лиха,
Якъ приїдешъ до мене, дамъ вовса полмѣха».
— «Не буйся, чоловіче», отвѣчаетъ козакъ, «буде
самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягаты,
То вже не одважиться людей продавати».

Ляхъ, какъ провинившійся школьникъ, конфузливо извиняется и общается впредь не грѣшить.

«Годѣ калантирять», отвѣчаетъ ему козакъ, «зволь
шію в ярмо власти,
Да поїдем до мене з жидомъ овецъ пасти».

Теперь обратимся къ этому козаку въ минуту интимной бесѣды его съ самимъ собою, чтобы видѣть, какъ понимаетъ онъ козацкое дѣло свое. Третья рождественская интерлюдія Довгалевскаго начинается слѣдующимъ монологомъ козака:

«Бувъ у турка под руками,
 А в татаровъ з кайданами,
 Богъ виручивъ мя отгуду,
 А тепер мѣсця не найду.
 Лѣсы, поля спустошенни,
 Лугы, сѣна покошени,
 Пороспускавъ дѣты,
 Пойду знову на Сѣчъ-мати,
 Пойду долѣ внизъ шуваты:
 А чен буду потугою,
 А в москаля заслугою?
 Чи не буде хочъ на низу добра,
 Чи не трапится де поймати лиса або бобра?
 Буду турковъ воевати,
 Мечемъ слави добувати,
 Кармазини з луданами,
 Шати брати з сутанами.

Эгей! Коли б вить, як була козацкая слава,
 Що б роспустилась всюди, якъ пѣрами пава,
 И що б зацвѣла знову, якъ рожа, у лѣтѣ,
 Якъ Богъ позволить побрать турецкіи дѣти,
 Або ляховъ на той час трапится поймати
 И сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати».

Итакъ, козакъ живетъ добычей, ибо на родинѣ его все разорено. „Сѣчъ-мати“ не потеряла для него притягательной силы. Мечтаетъ онъ о казацкой славѣ, которую поставляетъ въ истребленіи турокъ и ляховъ. И однако же, одной доброй воли и личной храбрости мало было для того, что бы одолѣть враговъ, поэтому козакъ охотно принимаетъ услуги отъ москаля и готовъ выслужиться передъ нимъ. Эта послѣдняя черта козака явствуетъ изъ дальнѣйшаго хода той-же интерлюдіи. Ляхъ на охотѣ, въ толпѣ своихъ сподвижниковъ. Крестьяне (литвины), подданные его, приносятъ ему подарки. Онъ отплачиваетъ имъ кіями, причемъ разсуждаетъ о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ ея. Онъ строитъ воздушные замки и, по обыкновенію, надѣется на многое. Онъ упоенъ идеей шляхетскаго

происхожденія своего, собственной силы и храбрости своей.
Какъ вдругъ появляется козакъ и москаль

«Пріймайся, козакъ», говоритъ ему москаль,
«не бойся, бери зъ плечей двоицхъ,
А я тотчасъ уберу долгополыхъ отъ тихъ,
А што здесь о рубежахъ они спаминнали,
Будто ляшенки Укранну въ областяхъ держали,
Добро, вотъ поважемъ рубежи кнупомъ на спинѣ».
«И добре, земочку», отвѣчаетъ ему козакъ,
«що бѣ другій памятавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ!»

Вообще появленіе москаля производитъ на сценѣ чудеса.
Это какая-то всемогущая и бурная сила. Ляхъ предъ нею сми-
ряется, мужикъ становится увѣреннымъ въ собственной силѣ.
Москаль ведетъ себя развязно и смѣло.

«Я салдаты прастой, не богословъ»,
говоритъ онъ о себѣ въ вертепной драмѣ,

«Не знаю красныхъ словъ,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита,
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю»¹⁾).

Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, нѣтъ-ли гдѣ раздоровъ.
Въ четвертой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго онъ
вмѣшивается съ этимъ вопросомъ въ мирную бесѣду ксендзовъ,
толкуетъ отвѣтъ одного изъ нихъ въ оскорбительномъ для себя
смыслѣ и затѣмъ двухъ ксендзовъ запрягаетъ, а третьяго за-
ставляетъ погонять запряженныхъ собратьевъ и ѣдетъ въ Пол-
таву. Всюду онъ поспѣваетъ, вездѣ является, какъ власть иму-
щій. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужики отдають ему на
расправу бабу—чаровницу. Москаль допрашиваетъ бабу, какъ
судья, и наказываетъ ее кнупомъ, добиваясь за это вознаграж-

¹⁾ Варіантъ Маркевича.—См. „Обычай, повѣрья, кухня и напитки малорос-
сіявъ“, 1860 г., стр. 45.

денія. Не получивъ такового, онъ всёхъ разгоняетъ—и мужиковъ, и бабу, и самого войта, присутствовавшего при этой сценѣ.

Тотъ же буйный нравъ и у запорожца, только, по свойству народнаго характера, фигура его массивнѣе, чѣмъ подвижная и бойкая фигура москаля. Въ извѣстныхъ намъ интерлюдіяхъ нѣтъ запорожца, зато въ вертепной драмѣ онъ выступаетъ, какъ главное дѣйствующее лицо, воплощающее въ себѣ всеобѣждающую мощь народнаго духа, всегда искавшаго въ Запорожьѣ опорной точки для своей самодѣятельности.

Появляется запорожець въ вертепѣ тотчасъ послѣ хвастливыхъ рѣчей поляка. Онъ поетъ:

«Та не буде лучше,
Та не буде крашче,
Якъ у насъ, та на Украина,
Що не мае жыда,
Що немає лаха,
Не буде измивны!»

Пѣсня эта обращаетъ въ бѣгство поляка, а затѣмъ запорожець произноситъ длинный монологъ, на которомъ мы и остановимся.

Пославъ въ догонку поляку нѣсколько язвительныхъ фразъ, запорожець говоритъ зрителямъ необычныя слова:

«Хоть дывись на мене, та ба—не вгадаешъ,
Видиля родомъ, и якъ зовуть—ни чичирѣ не знаешъ».

И въ самомъ дѣлѣ, не имя, а *призвище* его извѣстно людямъ,—и то тѣмъ только, кто бывалъ въ степяхъ. Впрочемъ, онъ и къ *призвищу* своему равнодушенъ. Ему все равно, какъ бы кто ни называлъ его—лишь бы не крамаремъ. Къ ремеслу крамаря, которое находилось главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ, старинное козачество относилось съ особеннымъ отвращеніемъ. Настроеніе это согласовалось съ завѣщаніемъ козакамъ Богдана Хмельницкаго въ извѣстной драмѣ: „Милость Божія... Украину освободившая“:

«Сами не купуйте,
Луки, стрѣлки, мушкеты и сабли пильнуйте!»¹⁾

Итакъ, герой нашъ—житель степей. Онъ появляется лишь изрѣдка въ населенныхъ мѣстахъ, потому что давно уже порвалъ связи съ своимъ прошлымъ.

Кто-же поставилъ его въ это положеніе? Самъ-ли онъ доброю волею своею осудилъ себя на эту жизнь безпріютнаго скитальца, или же она послана ему злою судьбою его?

«Якъ бувъ, говоритъ онъ, богатъ
То вазалы: Иванъ братъ,
А теперь, якъ ничего не маю,
То никто й не знае».

Это—обычный мотивъ, который не рѣдко развивается и въ думахъ семейнаго содержанія, и въ виршахъ: „одцурався ридь“...

Вотъ изъ этихъ - то людей, не находившихъ въ семейной обстановкѣ уютнаго и прочнаго положенія, и слагалась та вольная община, которая сама для себя была матерью. Сыномъ этой матери и былъ вертепный запорожець:

«Видкиль родомъ я на свити,
Всякъ изъ васъ може знать примиты:
Жиновъ въ Сичи не мае,
Всякъ тее знае,
Дыкки кони намъ сусиды,
Да дннпрове сремя—
Ото наше племя!»

Постарѣлъ онъ. Силы ему измѣнили. Объ этомъ говорить онъ въ духѣ правоучительныхъ виршей:

«Тамъ-то бачу, що вже не добра литъ нашихъ годына,
Скоро цвите и вяне, якъ у поли былина».

Весь героическій вѣкъ—позади его, а впереди—безпомощная старость, и ничего больше не остается ему, какъ повориться общей участи живущихъ и умереть, если можно, спокойно.

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I.

«Хоча жъ мени и не страшно, говорить онъ,
на степу вмираты,
Та тилько жаль, що никому буде поховаты».

И это понятно. Козацкія похороны, какъ видѣли мы изъ многихъ малорусскихъ думъ, это обычная мечта степныхъ рыцарей. Вотъ и нашъ запорожець рѣшается лучше идти на Русь, чтобы попы „одпомыналы“ его душу. Но тутъ беретъ его раздумье: какъ умереть ему *на лавъ*, въ мирной обстановкѣ жизни, а не на полѣ битвы? Припоминаетъ онъ молодые годы свои:

«Случалось мнѣ и не разъ»,
говорить онъ словами думы,

«Въ степу варыть пиво:
Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на дыво,
Багацько лежыть и теперь зъ похмилля
Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весилля...
Есть у мене, продолжаетъ онъ, мушкетъ—сиромаха,
Да ще не заржавила и шабля—моя сваха».

И кажется ему, что онъ могъ бы еще тряхнуть стариною:
«Гей, ну-те жъ ви, степу, восклицаетъ онъ, горить пожарамы,
Бо вже часъ кожухы мѣнять на жупаны зъ ляхамы!»

Но это была вспышка горячаго воинскаго чувства,—искра, навѣянная воспоминаніемъ о степныхъ пожарахъ и скоро потухшая въ немощахъ безсильной старости.

«Пекъ имъ», говоритъ онъ, яѣзъ наможуться, то мусышь
уступыты...

Цуръ имъ! Бодай ихъ! Яѣзъ навывкы ляхы насъ дурыты!»

Въ заключеніе этой длинной исповѣди запорожець называетъ себя по имени:

«Козаць Иванъ Выногура,
У ёго добра натура,
Въ Польци ляхивъ оббирае,
А въ корчми пропывае...
Въ степахъ бобры та лысыци,
А въ шынку дивкы та молодыци.

Козакъ — душа правдивая,
 Сорочки не мас,
 Колы не пѣе, такъ... бѣе,
 Таки не гуляе...

Предъ нами тотъ же типъ, который яркими чертами обрисованъ въ думахъ о козакѣ-голотѣ, о козакѣ-нетягѣ и о Ганжѣ Андыберѣ. Все это были люди, которые съ недовѣріемъ относились къ обычнымъ формамъ культурной жизни подъ вліяніемъ того убѣжденія, что она построена была на сословно-исключительномъ началѣ крѣпостнаго права. Только тѣ формы общежитія они могли считать правильными, которыя вытекали изъ идеи всенароднаго козачества, считавшаго неотъемлемою принадлежностію каждого человѣка личную свободу, личную собственность на своей землѣ и всеобщее равенство всѣхъ козаковъ, управляемыхъ выборными властями. Эта широта требованій, не согласовавшаяся съ политическою обстановкою страны и не приведенная въ надлежащую юридическую ясность, сообщала самымъ требованіямъ характеръ утопіи, а носителямъ этой утопіи давала видъ странныхъ мечтателей, создавшихъ своеобразныя представленія о волѣ, возможной по условіямъ того времени въ степяхъ, а не въ культурныхъ центрахъ. Безъ сомнѣнія, эта непримиримость идеала съ дѣйствительностію ничего добраго не обѣщала въ будущемъ самому идеалу, тѣмъ болѣе что защитники его не могли выработать въ степяхъ ни культурнаго метода борьбы за существованіе, ни такта, ни послѣдовательности. Нельзя отказать имъ въ энергіи и сильномъ темпераментѣ, который заставлялъ ихъ мѣнять насиженные родныя мѣста на дорогую волю, соединенную со всякаго рода лишеніями и опасностями боевой жизни. Само собою разумѣется, что этого было мало... Тѣмъ не менѣе составители вертепа въ угоду народному чувству дали запорожцу черты всесокрушающаго героя. Онъ наноситъ удары направо и налево—прогоняетъ со сцены шинкарку и цыганку, убиваетъ жида, отбивается отъ самаго чорта, который долженъ былъ смириться предъ его булавой. Всѣмъ этимъ подвигамъ бупующей силы не достаетъ, конечно, индивидуальныхъ мотивовъ, но въ народномъ театрѣ особенную

цѣнность имѣютъ мотивы, такъ сказать, этнографическіе, вполне вразумительные для каждаго при одномъ взглядѣ на тѣхъ лицъ, съ которыми имѣеть дѣло запорожець. Тою же общедоступностію мотива отличается и встрѣча его съ уніатскимъ попомъ, который появляется на сцену въ ту минуту, когда въ душѣ запорожца проснулася мысль о покаяніи:

«Де бѣ то»,

говорить онъ въ самообличительномъ, ироническомъ тонѣ,

«достать попа хотъ ледащичку,
Абы не п'янычу,
Бо я, признаться, самъ того не люблю».

Начинаетъ попъ исповѣдывать грѣшника, который говоритъ ему:

«Ходывъ я зъ малку по билому свиту,
Бывъ ляхивъ, жидивъ,
Купцивъ, панивъ,
И всихъ, кого заманеться.
Правду сказать, уніятськихъ пошивъ не бувъ,
А зъ ныхъ живыхъ кожу лупивъ».

Послѣ этихъ словъ попъ убѣгаетъ.

Таковъ герой вертепа—этотъ степной рыцарь, горячій, искренній и необузданный. Много силъ у него физическихъ и нравственныхъ, но не умѣеть онъ дать этимъ силамъ надлежащаго направленія, недостаетъ ему чувства мѣры, а также обдуманнаго плана дѣйствій. Повидимому, и самъ онъ сознаетъ этотъ недостатокъ. Уходя со сцены, онъ говоритъ зрителямъ:

«Що було, прошу про те не помынати,
Бо вже піду теперъ въ куринь виву доживати».

Любопытно, что приведенная нами вертепная вирша, въ которой запорожець высказываетъ свое credo, обыкновенно подписывалась на старинныхъ картинахъ подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, съ добавленіемъ слѣдующихъ стиховъ:

«Гей, бандуро моя золотая!
 Коли бь до тебе жинка молодая,
 Скакала бь и плясала бь до лыха,
 Що не одынъ бы чумаць одцурався бь солы и миха.
 Або якъ заграю, то не одынъ поскаче,
 А подождавши одь того весилля та ще й заплаче».

Эта бандура, вѣрный спутникъ бездомнаго скитальца, общаетъ его образу глубоко поэтической отгѣнокъ. Неудачно спѣлъ онъ свою пѣсню въ жизни, поэтому и перенесъ всю страсть души своей въ думу о своей жизни. И пѣлъ онъ эту думу подь звуки бандуры, которую называлъ „дружною вирною“, а передь смертію положилъ онъ ее на степной могилѣ, чтобы буйный вѣтеръ, по степямъ летая, извлекалъ изъ струнъ ея смутные и жалобные звуки¹⁾...

II. Житецкій.

¹⁾ Метлинскій, Народныя южнорус. пѣсни, 445. Выѣстъ съ г. Сумцовымъ (Кіевс. Старина, 1889 г., Сентябрь) мы считаемъ думу о прощаніи козака съ бандурою по основному мотиву и многимъ подробностямъ въ развитіи его вполне народною.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. ¹⁾

Вторая часть „Обясненій малор. пѣсенъ“—громадный томъ въ 800 страницъ—посвященъ колядкамъ и щедровкамъ, а въ связи съ ними и по поводу ихъ сдѣлано много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, царинныхъ, лазарскихъ, купальскихъ, зажиночныхъ, малорусскихъ думъ, великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ. В. И. Ламанскій въ некрологѣ Потемни (въ 1 кн. Журн. Мин. Нар. Пров. 1892 г.) говоритъ: „Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою“.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Исслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миоическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Исслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуеетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи

¹⁾ См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главныя измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главныя успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки мѣологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена мѣологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантази нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ—почитанія и прославленія хлѣба. Во II кн. Кіевской Старины 1886 г. я представилъ уже историческій очеркъ изученія малорусскихъ колядокъ (труды Антоновича и Драгоманова, Н. П., Аванасьева, О. Миллера, Александра Веселовскаго), и потому здѣсь не буду останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ явленіи литературы этого предмета, „Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ“ А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего склонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полною и художественными достоинствами.

Прежде (до Потебни) колядка служила средствомъ, побѣимъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или, наконецъ, указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи Потебни колядки и щедрилки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большою эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодействіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочebныя, или великоднія и великорусскія „виноградья“, или колядки съ припѣвомъ „виноградье красно-зеленое“. Щедрикамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4). Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рож-

дства Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще въ полтавской губерніи зазнатьъ обычай начинатьъ коляды съ „багатою куты“, т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патриаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены—самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи, слово полазь, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскритскимъ *уэра*, *ушас* утрення заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: „ой рано, рано сонце сходило“, или съ однихъ словъ: „ой рано“, „ой раненько“.

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или „поколядяхъ“. Цѣль эта—„димъ звеселити“. „Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня, къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодритса;
Ой по луку ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче въра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой върѣ основаны всѣ поздравленія и провлятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой върой "... Указавъ далѣе на различные проявленія внесенія поэтического образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. склонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѣческаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любьи, угодные“.

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ „свѣтъ, зелень, веселье, слава“ въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе, съ одной стороны, и его пониманіе—съ другой, о припѣвѣ „ой лелю“ и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣнніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешь“, „встань гори“ и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ бол-

гарских пѣсень выраженіе „Станенине“, съ разъясненіемъ его происхожденія изъ „въ(з)тани нынѣ“. При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будить „ластиква“, „возуля“, „соловей“.

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака; ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ „Три радости: Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“, насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочесныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича „Будрысь и его три сына“ въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: „съ трехъ дорогъ три корысти“, причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѣскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, въ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“, въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокрифическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“, съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или мечемъ и сѣянніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ „Слову о Полку Игоревѣ“.

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: „Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скоть, мѣряетъ деньги“ и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: „Господь со святыми или святыя обходятъ хозяйское поле“.

Въ XII главѣ мотивъ: „Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ“. Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Доли и указано на значеніе словъ „молить“ въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и „молитва“, въ смыслѣ каши, куты, жертвеннаго блюда. „Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями“,—говоритъ Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ „дѣдомъ“ и съ хлѣбомъ „крачуномъ“. Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова „рай“. Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности райа, причемъ слово „рай“ въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровай, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета „рай“ объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, „зъ раю“, и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца „гильца или вильца“ райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное атрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: „Обходъ съ козою“, въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть „козло“ или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „солнце, мѣсяць и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ“, въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: „три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами“, съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апопоеза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми—Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: „чудесное дерево; съ него три корысти“, съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить во время колядованія „счастье“—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. „Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потенія, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ устанавливается идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки“. При разсмотрѣніи коляднаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: „птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ“. Указывая на основное религіозно-миѳическое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, Потенія выдѣляетъ возможные апокриѳическіе элементы, заимствованныя изъ „Бесѣды Іерусалимской“ и изъ „Сказанія о крестномъ деревѣ“.

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „орель или соколь сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орель перо ронилъ“.

Въ XVII главѣ—мотивъ: „три сокола; добыча ихъ (перепель, рыба и проч.)—пану корысть“. Обобщеніемъ добычи соколовъ служить то, что они приносятъ господину радость, „здравіе и веселіе“.

Въ XVIII главѣ—мотивъ: „соколы, хортъ и конь“; соколъ несетъ рыбу, хортъ вунуцу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: „соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ“. Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Остановливаясь на заглавѣ: соколъ видитъ то-то, заглавѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала заглавѣ ея: „на Черномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядываетъ на море“, гдѣ начинается буря, затѣмъ, „въ видѣ отступленія“, останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупъ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеша Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладіновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень общается съ свать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодець. Въ изображеніи охоты „за чернымъ туромъ“ въ малорусскихъ колядакахъ А. А. Потебня

усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причеиъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что „газдыня“ посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти „дивнаго звѣря тура—олена“, относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ, большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ: „Куныя въ деревнѣ, дивка въ теремѣ“. По поводу этого колядочнаго мотива приведены свадебныя пѣсни и приказки съ кунницей, въ особенности обычныя при сватовствѣ. Мимоходомъ дано объясненіе пѣсеннымъ „Болоховцамъ—ловцамъ“ (переходъ отъ собственнаго къ нарицательному). Потѣбня опредѣляетъ по пѣсеннымъ выраженіямъ, какъ изъ образовъ охоты, ловли взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (въ преслѣдованіи звѣря). При этомъ рядъ примѣровъ значеній словъ хитрый, сочисти—suchen—искать по слѣду. Замѣтки объ охотничьихъ первоначально выраженіяхъ „по горячимъ слѣдамъ“, „и слѣдъ простылъ“. Цѣныя историко-юридическія замѣтки о „сокъ, отсочить“ въ Русской правдѣ, Судебникѣ Казимира Ягеловича и др. памятникахъ. Опредѣленіе въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ мотивовъ: охота—сватанье, звѣрь—свать. Разборъ частнаго пѣсеннаго мотива: кунницу привозятъ тестю. По мнѣнію Потѣбни свадебная кунница ведетъ начало не отъ куна, мн. куны въ смыслѣ размѣнной цѣнности, а отъ спеціального значенія кунница, шкурка *mustelae*, какъ плата тестю и всему роду.

Въ главѣ XXII находятся аналогичныя съ XIX и XX мотивы, болѣе свадебныя, чѣмъ колядочныя, о змѣѣ сватѣ, причеиъ подробно разсмотрѣнъ былинный эпизодъ о купаньѣ Добрыни Никитича. Сюда же отнесенъ пѣсенный образъ о „переплытіи рѣки (Дуная, моря)“ и сродныя съ нимъ „перескочить“, „перейти“, „брестъ“, „плыть“, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Эта богатая фактами глава составляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ предыдущихъ трудахъ Потѣбни.

Въ XXIII гл. разсмотрѣнъ встрѣчающійся въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мотивъ, какъ юнакъ поймалъ вилу, мотивъ величальный и свадебный.

Въ XXIV гл. величальный мотивъ о семистахъ молодцахъ, помогающихъ добыть невѣсту. Услуга ихъ сходна съ услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (въ XXII гл.). Краткія замѣтки о пѣсенныхъ „Блудцахъ“ (напоминають Бродниковъ) и о связи орла и оранія въ пѣсняхъ (созвучіе).

Въ XXV гл. указано нѣсколько пѣсень на мотивъ: „молодецъ ѣдетъ въ горы или за горы по дѣвицу“, и

Въ XXVI гл. указаніе въ одной пѣснѣ добавочнаго мотива о посольствѣ впередъ пословъ къ матери, что-бы она приготовила пива и меду.

Въ XXVII гл. разобраны колядки и свадебныя пѣсни на тотъ мотивъ, что сама невѣста ѣдетъ къ жениху запросто, или тучей и дождемъ, или зорею, росю.

Въ XXVIII гл. мотивъ: „дѣвица въ деревѣ“; въ сербской пѣснѣ дѣвица вышла изъ-подъ коры сосны и засіяла, какъ солнце. Замѣтка о вилахъ—древесныхъ нимфахъ и о названіи самовила (вила—*дрѡѡс*, самовила—*ѡми-дрѡѡс*).

Въ XXIX гл. разсмотрѣны пѣсни на мотивъ: дѣвица не ровня молодцу; у нея знатная (небесная) родня; пѣсни о молодцѣ съ знатной родней; мифологическія основанія этихъ пѣсень—солнце мать, мѣсяцъ отецъ, звѣзды—сестрицы.

Въ главахъ XXX—XLVII сгруппированы пѣсни на мотивы: дѣвица въ плѣну; дѣвица кони пасла и погубила (=вышла замужъ); дѣвица „якъ зоря“; дѣвица моститъ мостъ милому; перевозъ черезъ рѣку (молодецъ перевозитъ дѣвицу; дѣвица перевозитъ); золотая ряса (украшеніе) или роса; садъ—виноградъ, яблоки и пр. (дѣвица собираетъ съ милымъ), дѣвица стережетъ огонь; „троякій папій“; „дивча шинкарка“; три свата; дѣвица танецъ (срав. т. I Объясненій 190 и сл.); дѣвица въ лѣсу заблудилась; дѣвица ведетъ танецъ; дѣвица сгубила перстень; павяный вѣнокъ; вѣтеръ уноситъ вѣнокъ; три рыболова, молодець, доставая вѣнокъ, тонетъ. Изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ эти главы, значительный интересъ представля-

ють замѣтки о терновомъ огнѣ (стр. 434—437), о значеніяхъ рясы, росы, золотой коры (465—468), о значеніи слова грабоваты (497) и о мифическомъ значеніи пѣсенъ о сожженіи дѣвицы (506—523).

Въ XLVIII гл. разобраны пѣсни—загадки (что растеть безъ кореня? горить безъ пламени? цвѣтетъ безъ синецвѣта? и т. п. съ отвѣтами: камень, золото, папоротникъ и др.). Потѣбня останавливается на характерныхъ свойствахъ пѣсенъ—загадокъ. Къ этой главѣ примыкаетъ небольшая XLIX глава о мотивѣ „Диво дивное“ и болѣе обширная L—о неисполнимыхъ задачахъ (соткать полотно безъ берда, выорать поле безъ плуга, вымыть безъ воды, мыла и валька, построить мостъ изъ одной вѣтки, сосчитать звѣзды и др.). Въ концѣ L главы находится интересный этюдъ о повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Веселовскаго, съ указаніемъ на одну весьма сходную индійскую сказку.

Въ главахъ LI—LXXI сгруппированы и разсмотрѣны пѣсни на мотивы: золотыя ворота; дворъ на столбахъ; мѣсяцъ, солнце и звѣзды въ терему (и построение церкви); молодець въ чолнѣ; рада (муживъ громада) рѣшаеть плыть на службу къ доброму пану; молодець добываетъ городъ, причемъ горожане откупаются золотомъ, серебромъ, конемъ, дѣвицей (замѣтки о словахъ хоробръ, поляница); молодець за выслугу получаетъ скоть или саблю, коня, дѣвицу; молодець выигрываетъ коня и дѣвицу; молодець играетъ и поеть (въ былинахъ и свад. пѣсняхъ); дѣвица вышиваетъ три ширинки; молодець хвалится конемъ, стрѣлою, лукомъ; похвала коню; молодець съ конемъ говорить; конь чуетъ бѣду; мать (или тестъ) узнають N по коню, по платью (величальный мотивъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ былинѣ про Ивана Гостинаго сына); вдова отправляетъ сына на войну; вдовина дочь отправляется на войну, поединокъ съ турецкимъ царемъ (замѣчаніе о пѣсенномъ „стеречи бродовъ“); отраженіе набѣга и отбитый полонъ; умная жена, вдова (прославленіе); N суды судить; переборъ (N перебираеть конями, дѣвицами—величальная пѣсня). При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ Потѣбня ограничивается группировкой пѣсенныхъ данныхъ.

LXXII—LXXIV главы посвящены тремъ мотивамъ: дѣвать сыновъ разбойниковъ убиваютъ зятя и входятъ въ кровосмѣшеніе съ сестрой; мать проклинаетъ сына; смерть молодца и горе матери, сестры, милой. Эти мотивы составляютъ исключеніе по печальному своему содержанію. Колядка изображаетъ обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Въ этихъ исключительныхъ мотивахъ пѣсня дѣлаетъ, что можетъ, для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

Послѣднія LXXV—LXXXVIII главы посвящены христіанско-апокрифическимъ мотивамъ колядокъ: начало свѣта; „чому не такъ е, якъ було здавна?“; Рождество и преслѣдованіе Христа жидами; Богородица съ Младенцомъ спасается отъ жидовъ при помощи чуда (быстро созрѣвшей пшеницы); рожденіе и наименованіе Христа; вдова ищетъ сына; Пречистая ищетъ Сына; N ищетъ дороги въ рай; обрѣтеніе честнаго креста; три гроба; воскресеніе; ожившій пѣтухъ; установленіе постовъ; мученіе Христа; грѣхъ ивы, осины; изъ крови—вино, изъ тѣла—церковь; рѣка изъ крови, росы, слезы; купанье Христа; Его споръ съ Петромъ; Пречистая (или Богъ) отмыкаетъ пекло и выпускаетъ грѣшныя души, кромѣ одной; св. Петръ и его мать въ пеклѣ; разлука души съ тѣломъ; грѣшная душа. Всѣ эти мотивы разсмотрѣны кратко.

Изслѣдованіе Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ затрогиваетъ массу народно-поэтическихъ мотивовъ. Какъ ни обширно это сочиненіе, нѣкоторые его отдѣлы, нѣкоторыя частныя замѣчанія, Потебни могутъ быть снабжены дополненіями, особенно съ привлеченіемъ къ дѣлу сказокъ, апокрифовъ и легендъ. Въ настоящее время можно уже указать на многія мелкія статьи и обширныя изслѣдованія, вышедшія послѣ 1887 г. и восполняющія отчасти капитальный трудъ Потебни. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо упущеніяхъ со стороны Потебни. Собрать и сгруппировать такую массу пѣсенъ, какую представилъ Потебня—это такой грандіозный трудъ, который могъ явиться только результатомъ многолѣтней добросовѣстной научной дѣятельности при громадной эрудиціи, при необыкновенной, почти феноменальной памяти. Не въ упущеніяхъ дѣло, а

въ ростѣ науки. Фольклоръ, весьма быстро развивающійся, вноситъ почти ежедневно такую массу новыхъ матеріаловъ, что было бы странно, если бы теперь, 5 лѣтъ спустя по выходѣ „Объясненій“, нечего было сказать въ дополненіе къ нимъ. Ограничиваемся здѣсь нѣсколькими указаніями: Въ I т. „Объясненій“ на стр. 23 въ примѣч. Потебня упоминаетъ о радостномъ восклицаніи въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ ligo. По поводу этой случайной замѣтки Потебни г. *Вольтеръ* въ VII т. „Archiv fur slav. Philologie“ помѣстилъ интересную статью „Was ist ligo?“ Замѣчанія Потебни объ Усенѣ (II, стр. 35—45) могутъ быть еще болѣе подкрѣплены „Матеріалами для этнографіи латышскаго племени“ г. *Вольтера*, вышедшими въ 1890 г. Статьи о пѣсняхъ съ загадками и неразрѣшимыми задачами (II гл. XLVIII и L) могутъ быть расширены многими сказочными мотивами въ сборникахъ *Манжуры* (стр. 40—41), *Караджича* (148), *Zbiór wiadomości* XII 50, *Cosquin* № 32 и др. Въ особенности много дополненій можно сдѣлать въ послѣднимъ 14 главамъ (LXXV—LXXXVIII), посвященнымъ христіанскимъ мотивамъ колядокъ. Такъ, уважемъ здѣсь на прекрасное изслѣдованіе г. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ“ (1891 г.), обширную статью г. *Драгоманова* „Славянскитѣ сказанія за пожертвованіе собственно дѣте“ (въ Сборникѣ за народни умотворенія I—II), громадное изслѣдованіе американскаго ученаго *Child'a* „The english and scotish popular ballads“ въ 7 томахъ (1882—1890 г.); въ I т. подъ § 22 собраны западно-европейскіе варианты сказанія объ ожившемъ пѣтухѣ¹⁾. Вышли эти сочиненія, по изданіи колядокъ, вышли тогда, когда Потебня лежалъ на смертномъ одрѣ, и сколько бы ни вышло въ ближайшіе годы сочиненій на темы, затронутыя Потебнею въ „Объясненіяхъ“, этотъ трудъ долго еще будетъ выситъ въ видѣ грандіознаго созданія русской науки, образцоваго въ смыслѣ научной добросовѣстности, трудолюбія и эрудиціи.

Оставляя въ сторонѣ прекрасную статью Потебни о значеніяхъ множественнаго числа (въ Филолог. Запискахъ и от-

¹⁾ Легенда объ ожившемъ пѣтухѣ, зап. въ Олонек. губ., нап. въ IV т. Этногр. Обзор. 1891 г. стр. 197. — Прим. Н. С.

дѣльно) и небольшое предисловіе къ стариннымъ малорусскимъ лѣчебникамъ въ Кіев. Старинѣ, какъ статьи, неимѣющія прямого отношенія къ этнографіи, остановлюсь еще на послѣднемъ небольшомъ этнографическомъ трудѣ Потебни — „*Этимологическихъ замѣтокъ*“ въ III вып. Живой Старины 1891 г. (стр. 117—128). Въ статьѣ говорится о словахъ: багачъ, багатьтя; Бѣлая Русь; буртальникъ, волоть, подоприсвѣтъ, ягуны, ярчукъ, и о сказочныхъ мотивахъ и повѣрьяхъ о кобыльей головѣ, бычкѣ-дристункѣ, и русалкахъ и петрушкѣ. Къ малорусской этнографіи относятся замѣтки:

Багатьтя—горячіе уголья; въ малор. въ значеніи богатства это слово („кажется“) утратилось, но сохранилось въ бѣлорусскомъ; сближеніе жара (горячихъ угольевъ) съ золотомъ. Выписки изъ малор. актовъ о названіи огня богачомъ. Параллель изъ Ригъ-Веды.

Бѣлая Русь—объясненія слова бѣлая въ значеніи вольная.

Бычкѣ-дристункѣ малор. сказокъ; указаніе на такого же бычка въ Естест. Исторіи Плинія.

Волоть, велетень производится изъ волотръ и сопоставляется съ санск. Вритра.

Кобылья голова, какъ остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи.

Русалки не любятъ петрушки; указано сходное повѣрье у Плинія.

Ягуны отъ яго (какъ чакавцы, штокавцы).

Ярчукъ—марчукъ, песь, рожденный „въ Марцю“ (въ мартѣ), вѣроятно, въ какіе-либо задушные дни.

По поводу двухъ толкованій Потебни (Соловей на дубахъ и Бѣлая Русь) редакторъ Ж. Старины *В. И. Ламанскій* въ той же III кн. помѣстилъ двѣ обширныхъ статьи: 1) Прусскіе нѣмцы и суданскіе габери въ Кимре — „на дубахъ“ и 2) Бѣлая Русь. Въ послѣдней статьѣ, весьма богатой интересными фактами, находятся, между прочимъ, замѣчанія о названіи Малая Русь. Проф. *А. И. Смирновъ* въ III кн. Русскаго Филол. Вѣст. 1891 г. высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на замѣтку Потебни о волотѣ, считая ее маловѣроятной.

Этими трудами исчерпывается дѣятельность Потебни, какъ этнографа. Въ бумагахъ его, сколько мнѣ извѣстно, не осталось статей по этнографіи. Въ лекціяхъ ничего не могло сохраниться, по той причинѣ, что Потебня, кажется, никогда не читалъ лекцій этнографическаго содержанія, въ родѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ. Лекціи университетскія за мою память (съ 1870 г.) были посвящены спеціально русской грамматикѣ и чтенію древнихъ русскихъ литературныхъ памятниковъ (по Христоматіи Буслаева); въ послѣдніе годы Потебня читалъ еще лекціи по теоріи поэзіи, и этотъ курсъ былъ для студентовъ болѣе понятенъ и болѣе ихъ интересовалъ, чѣмъ спеціально филологическія лекціи. При объясненіи Слова о Полку Игоревѣ Потебня указывалъ на пѣсни народныя, но далеко не въ такой полнотѣ, какъ дѣлаетъ это онъ въ своемъ печатномъ трудѣ о Словѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, Потебня одно время читалъ еще лекціи у себя на дому небольшому кружку дамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи посвящены были исключительно нѣкоторымъ отдѣламъ теоріи поэзіи (о баснѣ, пословицѣ и пр.). Потебня очень рѣдко читалъ публичныя лекціи. За 20 лѣтъ моего знакомства съ Потебней я могу припомнить только пять такихъ лекцій. 18 ноября 1878 г. прочитана была лекція о Г. О. Квиткѣ, по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя. Лекція дала сбору 200 руб., которые пошли на изданіе сочиненій Квитки (въ счетъ 2812 р. 20 к. пожертвованій). Затѣмъ, были еще лекціи о Достоевскомъ (по его кончинѣ, какъ поминки) и о Гомерѣ (точного заглавія не припомню). Ни одна изъ этихъ лекцій не напечатана, и въ бумагахъ Потебни не сохранилось никакихъ записей. О лекціи П. о Квиткѣ была подробная корреспонденція въ кievской газетѣ „Трудъ“.

Потебня неоднократно высказывалъ мнѣніе, что въ русской наукѣ и литературѣ много скрывается такихъ силъ, которыми, по разнымъ причинамъ, общество не воспользовалось, и самъ Потебня несомнѣнно былъ такой силой; многое онъ могъ бы сказать, многое освѣтить, многихъ просвѣтить, при другихъ условіяхъ нашей общественности. Правда, самъ По-

тебня былъ очень скромнѣ, сдержанѣ, избѣгалъ популярности; но никто и ничто въ нашей глухой провинціальной жизни и не вызывало его къ широкой общественной дѣятельности; напротивъ, обстоятельства такъ складывались, что кабинетное уединеніе и суровое аскетическое отношеніе къ окружающему міру были для Потебни единственно возможнымъ существованіемъ, и только въ чистой области науки могли раскрываться прекрасныя стороны его глубоко-человѣчной души, чувство справедливости, желаніе правды, исканіе истины и добра.

Одинъ изъ учениковъ Потебни г. Горнфельдъ такъ закончилъ свою прекрасную статью о лекціяхъ Потебни въ 335 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г. ¹⁾: „Предо мною лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ, для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это „нездѣшнее“ спокойствіе—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Пете: „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи“. И оно отпало это слабое тѣло... Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя; но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Перепечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. № 2.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. ¹⁾

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784-1851).

Евстафій Петровичъ Рудыковскій, старшій братъ Андрея Петровича, воспитывался въ кіевской академіи, а затѣмъ — въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Объ этой порѣ его жизни не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія находятся въ запискахъ его младшаго брата. Самый фактъ отправленія его въ медико-хирургическую академію извѣстенъ только изъ этихъ записокъ; ни въ книгѣ Аскоченскаго, ни въ собранныхъ имъ „Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и Академіи“ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ фактъ, хотя тамъ приведены фамиліи многихъ студентовъ, которые были посылаемы въ медико-хирургическую академію. Въ семьѣ Е. П. осталось воспоминаніе о хранившихся у него двухъ толстыхъ, переплетенныхъ въ кожу, рукописныхъ книгахъ: одна изъ нихъ составлена была во время пребыванія въ кіевской академіи и наполнена была проповѣдями и стихотвореніями, другая, составленная въ медико-хирургической академіи заключала въ себѣ лекціи по разнымъ медицинскимъ наукамъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось розыскать этихъ книгъ. Особый интересъ могла бы представить первая, тѣмъ болѣе, что годы ученія Е. П. совпадаютъ относительно свѣтлымъ періодомъ дореформеннаго существованія академіи — ректорствомъ Ириней Фальковского. Во всякомъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 4.

случаѣ, можно сказать, что воспитаніе въ кіевской академіи наложило неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность Е. П.: здѣсь приобрѣлъ онъ основательное знаніе древнихъ языковъ; здѣсь зародилась въ немъ склонность къ литературнымъ занятіямъ; академія же внушила ему глубокое религіозное чувство, не покидавшее его ни при какихъ обстоятельствахъ жизни.

По окончаніи медико-хирургической академіи¹⁾ Е. П. служилъ лекаремъ (впослѣдствіи штабъ-лекаремъ) въ Томскомъ пѣхотномъ полку. Онъ сопровождалъ свой полкъ во время походовъ 1812—15 г. и присутствовалъ при многихъ сраженіяхъ. Въ послужномъ спискѣ въ графѣ о походахъ противъ непріятелей сказано, что въ 1812 г. онъ „былъ при дѣйствительныхъ сраженіяхъ—августа 5 при г. Смоленскѣ; 24, 25 и 26 чиселъ того же мѣсяца въ достопамятномъ сраженіи при Бородинѣ²⁾; октября 12 при бѣгствѣ непріятеля во время преслѣдованія онаго подъ г. Мало-Ярославцемъ; ноября 6 при атакѣ и разбитіи подъ г. Краснымъ непріятельскаго корпуса“. Въ 1813—15 г. онъ побывалъ съ своимъ полкомъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, Силезіи, Саксоніи, Баваріи, Франціи, Пруссіи и возвратился въ Россію въ концѣ 1815 года. Въ это время завязались у него близкія отношенія съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—ген. Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ и др.

Въ 1818 г. Е. П. перешелъ на службу въ кіевскій военный госпиталь, но скоро былъ прикомандированъ къ штабу 4-го корпуса, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Въ 1820 г. онъ сопровождалъ командовавшаго корпусомъ генерала Н. Н. Раевского въ его путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ,—извѣстномъ путешествіи, въ которомъ принималъ участіе Пушкинъ. Е. П. описалъ эту встрѣчу съ Пушкинымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1841 г. (№ 1). Небольшая статейка Е. П.³⁾

¹⁾ Изъ послужного списка видно, что Е. П. поступилъ въ м.-х. академію въ 1806 г., а окончилъ курсъ въ 1810.

²⁾ Въ 1840 г. ему былъ назначенъ за участіе въ бородинской битвѣ окладъ жалованія, который онъ тогда получалъ—500 р. асс.

³⁾ „Встрѣча съ Пушкинымъ (изъ записокъ медіка)“.

цѣликомъ перепечатана П. В. Анненковымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“ (стр. 65—67) и съ небольшими сокращеніями въ статьѣ Липранди „Пушкинъ въ южной Россіи“ (Р. Архивъ 1866, стр. 1101—1104). Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи Е. П. также упоминается объ этой встрѣчѣ:

„О Нарзанъ, Нарзанъ чудесный!... До небесъ превозносишь—
Съ Пушкинымъ тебя я пилъ, Онъ стихами, а я прозой.

Не знаемъ, къ какому времени относится знакомство съ Грибоѣдовымъ, но въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается слѣдующій намекъ на него:

„Правъ Грибоѣдовъ, мой пріятель! —Что за комиссія, Создатель,
Слова его легли свинцомъ: Быть взрослой дочери отцомъ!“¹⁾

Отношенія съ Раевскимъ продолжались и въ Кіевѣ. Такъ, когда въ 1825 г. у Е. П. родились сыновья—близнецы Владимиръ и Иванъ, онъ, по совѣту Раевского, просилъ Императора Александра I быть ихъ воспреемникомъ. На просьбу эту послѣдовало Высочайшее соизволеніе; при совершеніи же крещенія воспреемниками были—Владимира генераль Н. Н. Раевскій и кн. М. Н. Волконская (дочь его, жена декабриста), а Ивана генераль М. Ѳ. Орловъ (женатый на дочери Раевского) и генеральша Д. А. Красовская. У Раевского и по службѣ Е. П. встрѣчался со многими декабристами (кн. Трубецкой, Лореръ, Поджіо и др.), лѣчилъ ихъ и былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, принадлежа къ старшему поколѣнію, не былъ посвященъ въ ихъ планы.

Въ 1825 г. Е. П. оставилъ службу въ арміи и окончательно поселился въ Кіевѣ. Сначала онъ служилъ въ больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія (Кирилловская больница), а въ 1834 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, перешелъ въ военный госпиталь, гдѣ и служилъ до самой смерти, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ ординаторомъ.

Поселившись въ Кіевѣ, Е. П. пріобрѣлъ большую практику. Онъ былъ постояннымъ врачомъ у генераль-губернато-

¹⁾ Знакомство съ Грибоѣдовымъ представляется довольно вѣроятнымъ въслѣдствіе близкихъ отношеній Е. П. съ ген. Красовскимъ, о чемъ см. ниже.

ровъ Желтухина и Княжнина, губернаторовъ Ковалева и Катеринича, интенданта Лашкарева. Но особенно близокъ онъ былъ съ начальникомъ 4-й дивизіи генераломъ А. И. Красовскимъ, съ которымъ его связывали не одни офіціальные отношенія, но и литературныя симпатіи. Красовскій, какъ извѣстно, былъ человекъ образованный и расположенный къ литературѣ; достаточно припомнить, что Грибоѣдовъ, благодаря ему, единственный разъ въ жизни видѣлъ на сценѣ свою комедію (въ 1827 г. въ Эривани, въ офицерскомъ театрѣ). Е. П. отдавалъ на его судъ свои стихи, какъ можно заключить изъ слѣдующаго письма, черновой набросокъ котораго сохранился на оборотѣ одного изъ патріотическихъ стихотвореній Е. П.:

„М. Г. Аѳанасій Ивановичъ! Услышавши ваше припоминаніе о старыхъ моихъ и доселѣ еще у васъ имѣющихся произведеніяхъ, я изъ любопытства отыскалъ у себя нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣвшими и, погладивши ихъ немножко отъ жесткостей, препровождаю къ вамъ для замѣны прежнихъ. Если же и новые вирши мои найдете не лучше прежнихъ, то тѣ и другіе бросьте въ каминъ“.

Таже мысль выражена въ слѣдующемъ „посвященіи“ одного изъ патріотическихъ стихотвореній:

„Красовскій—мой Герой!
Ему стихи мои и проза!
Любилъ онъ васъ читать порой,
Сѣвъ у каминъ въ часъ трескучаго мороза.
А я любилъ на васъ рецензіи его:
Недѣльное? въ огонь, и болѣ ничего.
Ступайте же къ нему, вотъ участь вамъ готова:
Въ каминъ или въ бюро, и болѣ ни слова“.

Въ стихотвореніи „Бандурка“ Е. П. первые свои поэтическіе опыты приписываетъ вліянію Красовскаго:

„Вотъ я—поэтомъ быть въ жизнь не имѣлъ затѣй.
Но лихо въ ты побивъ и возвратившись съ бою,
Сказалъ въ кругу друзей: „дарю тебя лихою
Бандуркой лихскою,—ты-жь въ струны приударь!“
Я брявчуль кое-какъ,—и запылалъ Пожаръ“¹⁾.

¹⁾ Стих. „Бандурка“ служить вступленіемъ къ стих. „Пожаръ“

Приведенные отрывки довольно ясно рисуютъ отношенія, существовавшія между Е. П. и Красовскимъ.

Были у Е. П. довольно обширныя знакомства и въ средѣ духовенства. Самое замѣчательное изъ нихъ—знакомство съ митрополитомъ Евгеніемъ, о смерти котораго находимъ слѣдующую надпись на принадлежавшемъ Е. П. экземпляръ „Кіевскаго мѣсяцеслова“: „1837 года, февраля 23 дня, во вторникъ сырныя недѣли въ 8 часовъ утра преставился Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Евгеній на 71 году жизни. Post quartam per unam noctem accessionem Ferbis arthritica ab Apoplexia serosa in specu vertebralis. Sit illi requies aeterna post tot ac tantos labores pastorales“. Въ бумагахъ Е. П. есть указанія на знакомство его и переписку съ епископами Кирилломъ (Кунцкимъ) и Іеремією (Соловьевымъ). По семейнымъ преданіямъ, Е. П. часто бывалъ въ Лаврѣ и вель продолжительныя бесѣды съ монахами. Вопросы религіи и философіи всегда интересовали его, и въ обсужденіи ихъ онъ обнаруживалъ извѣстную самостоятельность мысли. Такъ въ одномъ, имѣющемся у насъ письмѣ отъ 1822 г. (къ другу его, д-ру М. П. Ризенку)—письмѣ, которое все наполнено философскими разсужденіями съ значительною долею скептицизма, встрѣчаются, между прочимъ, такія мысли: „У васъ перестали говорить о войнѣ, и о мирѣ. А я, связавши о мирѣ, о войнѣ потому не говорю, что признаю оную отсутствіемъ токмо мира, а не существомъ. Такъ какъ холодъ есть Absentia Caloris & Umbra Lucis. Дю-Туа, авторъ Божественной философіи, съ нѣкотораго времени взялъ меня безъ цѣны и сребра въ свою школу и открылъ мнѣ такое поле, по которому наши Иринеи и Гіацинты¹⁾ никогда насъ не водили и сами не ходили. Тамъ бы они упали и открыли срамоту свою“.

Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета у Е. П. явились новыя знакомства, а съ ними и новые интересы. Старый знакомый Лашкаревъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Жито-

¹⁾ Очевидно—Иринеи Фальковскій и преемникъ его по ректорству Іаковъ Лагановскій.

миръ. Жена его, молодая женщина, образованная и любившая общество, часто прїѣзжала въ Кіевъ и останавливалась у Е. П., у котораго тогда былъ собственный домъ. Она познакомилась съ нѣкоторыми профессорами, которые съ тѣхъ поръ начали бывать въ домѣ Рудыковскихъ. Это были К. А. Невольнъ, С. О. Богородскій, М. А. Максимовичъ. Другимъ путемъ началось знакомство съ В. А. Караваевымъ и Ѡ. С. Цыцуринымъ. Было еще старое знакомство съ семействомъ Бунге (съ д-ромъ Христіаномъ Григорьевичемъ, отцемъ Н. Х. Бунге) Въ 1845 г. одна изъ дочерей Е. П.—Марья Евстафьевна вышла замужъ за чиновника канцеляріи генераль-губернатора Н. Я. Шульгина, братъ котораго Виталій Яковлевичъ вскорѣ получилъ кафедру исторіи въ университетѣ.

Всѣ эти знакомства и отношенія вводили Е. П. въ сферу совершенно новыхъ для него умственныхъ интересовъ¹⁾. Въ особенности сошелся онъ съ М. А. Максимовичемъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемыхъ стихотвореній, сестра М. А.—Елена Александровна часто и по долгу гостила въ семьѣ Е. П., что еще больше сближало его съ М. А. Весьма близкія отношенія были съ В. Я. Шульгинымъ, съ которымъ Е. П. нерѣдко засиживался до глубокой ночи въ бесѣдахъ и спорахъ. Въ бумагахъ Е. П. сохранилось два письма Шульгина, которыя могутъ до нѣкоторой степени охарактеризовать эти отношенія. Одно изъ этихъ писемъ касается какой-то рѣдкой книги, которую Шульгину удалось приобрести для Е. П. при посредствѣ надзирателя 1-й гимназіи Романовскаго. Письмо изложено въ шутливой формѣ; на латинскомъ языкѣ. Начинается оно такимъ обращеніемъ: „Viro ornatissimo, in arte medica peritissimo, de litteris humanis ac divinis bene merito Eustathio filio Petris de Rudikovski s. d. nominis tui observantissimus, tibi que addictissimus, tuus ex animo totus Vitalis Schulgin“. Послѣ извиненія въ дурной латыни и сообщенія, что книга приобретена Р—мъ,

¹⁾ Что событія университетской жизни Е. П. принималъ близко къ сердцу, можно видѣть изъ помѣщаемого ниже стихотворенія „На смерть ректора университета В. Ф. Цыха“.

слѣдующимъ образомъ описывается самый способъ приобрѣтенія книги: „Ub omnes res praetiosissimae hominibusque carissimae ex-inopinato inveniuntur, ut hoc unum exemplum afferem-vitrum a Phoenicibus-ita et hic liber a Romanovscio. Seminarii Kiovensis alumnus possedebat librum, dignitatis illius inscius, vendiditque vilissimo praetio—1 et dimidium rubelus argenteus. Per quam tute librum possidas, maximamque ex illo jucunditatem haurias!“... Еще интереснѣе другое письмо, служащее отвѣтомъ на печатаемое ниже стихотвореніе „Насильный бракъ“. „До свѣдѣнія моего дошло, что *кичливая жена*, выслушавъ Вашъ безпристрастный судъ Вассаловъ, не уgomилась и подала аппеляцію во французскую Палату Депутатовъ и ожидаетъ оттуда съ первою почтою защитительной рѣчи какого-нибудь болтливаго оратора, которой списокъ постараюсь достать, списать и доставить вамъ при первомъ свиданіи. Вашъ отъ головы до пятокъ Виталій Шульгинъ“. Кромѣ приведенныхъ писемъ, нѣкоторыя указанія на отношенія къ В. Я. Шульгину можно найти въ прилагаемыхъ стихотвореніяхъ Е. П. При чтеніи этихъ стихотвореній, также какъ и стихотвореній, посвященныхъ М. А. Максимовичу, нужно имѣть въ виду, что они предназначались не для печати, а для тѣснаго семейнаго кружка. Матримоніальные намеки молодымъ ученымъ и ироническое отношеніе къ ихъ научнымъ занятіямъ были со стороны „старого Остапа“ не болѣе какъ шуткой: достаточно прочесть описаніе домашняго музея М. А. Максимовича въ „посланіи“ къ нему, чтобы видѣть, что авторъ и самъ далеко не чуждъ былъ интереса къ „святой старовинѣ“.

Духовная жизнь, такимъ образомъ, съ годами росла и расширялась. Не такъ благопріятно складывались виѣшнія условія жизни. Практика съ открытіемъ университета значительно уменьшилась. Да и годы брали свое; подъ старость трудно было аккуратно выполнять служебныя обязанности, являться на службу къ 8 ч. утра. Пришлось переселиться поближе къ госпиталю, на Печерскъ, а домъ отдать въ аренду, а затѣмъ и продать¹⁾. Въ тяжелыхъ условіяхъ приходилось доживать послѣд-

¹⁾ Домъ Е. П. находился на „Театральной улицѣ“, какъ тогда назывался Крещатикъ; принадлежавшее ему мѣсто составляло значительную часть теперешней

ніе годы. Но Е. П. не падалъ духомъ и продолжалъ свои любимыя ученія и литературныя работы: многія стихотворенія помѣчены „келья на печерскомъ базарѣ“.

Вообще, по рассказамъ близкихъ къ Е. П. лицъ, это былъ человѣкъ идеалистическаго склада. Практическихъ способностей у него не было, и житейскія дѣла мало его интересовали. Ему предлагали въ свое время видныя мѣста въ столицѣ (напр. главнаго доктора обуховской больницы), онъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ и умеръ старшимъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Онъ имѣлъ въ свое время большую практику и умеръ бѣднякомъ. Денежными дѣлами онъ мало интересовался. Жалованіе немедленно по полученіи передавалъ женѣ, которая вела всѣ расходы; его же больше всего интересовали его научныя и литературныя занятія. Въ послѣдніе годы онъ велъ уединенную кабинетную жизнь, и до глубокой ночи засиживался за работой. Не смотря на недостатокъ средствъ, онъ не жалѣлъ денегъ на книги ¹⁾ и имѣлъ прекрасную бібліотеку, въ которой были рѣдкія старинныя изданія Библии, (напр. Кельнское изданіе Новаго Завѣта на латинскомъ языкѣ 1670 г.; Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ Бенедикта Арія Монтана, изд. въ Амстердамѣ въ 1731) и нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей (напр. „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго—Базельское изданіе 1780 съ гравюрами Гольбейна). Вообще Е. П. былъ человѣкъ разносторонне образованный: онъ зналъ прекрасно древніе языки, которые изучилъ еще въ академіи ²⁾, а впоследствии изучилъ и новые; онъ живо интересовался литературою, исторіею, политикою, и въ то же время не покидалъ богословскихъ занятій. Въ послѣдніе годы жизни его за-

усадьбы насл. пр. Меринга и всю усадьбу г. Зейделя. Въ бумагахъ Е. П. сохранилась слѣдующая замѣтка: „1842 іюля 28 совершена купчая на проданный мною домъ г.-м. К. Я. Флиге за 5114 р. 10 к.“ Такъ цѣнилась въ Кіевѣ земля 50 лѣтъ тому назадъ.

¹⁾ Намъ передавали, напр., такой фактъ: какъ-то на кіевскихъ контрактахъ Е. П. соблазнился латинскою бібліею, стоявшею 20 р., и приобрѣлъ ее на послѣднія деньги, оставшіеся затѣмъ въ довольно критическомъ положеніи.

²⁾ На приемномъ экзаменѣ въ м.-х. академіи Е. П. удивилъ экзаменаторовъ, написавъ стихотвореніе на латинскомъ языкѣ.

нималь переводъ псалмовъ съ подстрочнаго латинскаго перевода Б. Арія Монтана. Сохранилась переплетенная книга, въ которой рукою Е. П. переписанъ весь переводъ А. Монтана. Въ „предувѣдомленіи“ въ этой книгѣ говорится: „имѣвъ случай троекратно въ разныя времена, но на короткій срокъ, для просмотра только, воспользоваться рѣдкаго изданія Еврейскою Библіею съ надстрочнымъ латинскимъ переводомъ Б. А. Монтана, возымѣлъ я желаніе выписать изъ оной латинскій переводъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ или трудно переводимыхъ псалмовъ изъ Псалтыри и, продолжая при каждомъ такомъ представлявшемся мнѣ случаѣ выписывать псалмовъ все болѣе и болѣе, нечувствительно дошелъ до того, что болѣе половины ихъ было уже мною выписано; наконецъ удалось мнѣ окончить трудъ мой выпискою всѣхъ псалмовъ“. Е. П. занимала мысль перевести эти псалмы на русскій языкъ; работа эта, кажется, была даже окончена, но мнѣ не удалось розыскать ее; въ имѣющейся же у меня книгѣ ¹⁾ находится латинскій текстъ всѣхъ псалмовъ, на русскій же языкъ переведено всего пять. Это былъ, повидимому, послѣдній трудъ Е. П.

Въ продолженіе всей своей разнообразной и многотрудной жизни Е. П. находилъ время для работъ чисто-литературныхъ. Въ бумагахъ его сохранилось нѣсколько десятковъ стихотвореній на русскомъ и на малороссійскомъ языкахъ ²⁾. Самъ онъ повидимому не придавалъ особеннаго значенія этимъ своимъ сочиненіямъ и только одинъ разъ сдѣлалъ попытку напечатать одно изъ нихъ; но въ нашихъ глазахъ они имѣютъ извѣ-

¹⁾ Книга эта озаглавлена: „Liber Tehillim id est Laudum, qui apud nos dicitur liber Psalmorum. Depromptus ex Biblia Hebraica, quam ex Hebraica veritate in linguam latinam versit Santes Pagninus. Tandem hanc ejus versionem recensuit & verbum verbo redditam textui Hebraico interlinearem fecit Benedictus Arias-Montanus. Antwerpiae 1572. Perscriptus 1850 Anno cura et vigiliis Eustathii Rudikowskij Kioviae.

²⁾ Не знаемъ, всѣ ли стихотворенія Е. П. дошли до насъ. Какія-то стихотворенія Е. П. еще въ семидесятихъ годахъ увезены были въ Петербургъ однимъ изъ сыновей его, уже умершимъ, и повидимому затераны. Неизвѣстно, были-ли это копія имѣющихся у насъ стихотвореній, или между ними были и другія, намъ неизвѣстныя.

стное историческое значеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ несомнѣнный поэтическій талантъ автора. Всѣ сохранившіяся стихотворенія Е. П. можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) оды и стихотворенія религіознаго содержанія; 2) патриотическія стихотворенія; 3) стихотворенія на малорусскомъ языкѣ; 4) стихотворенія автобіографическаго характера. Едва ли мы ошибемся, если самое зарожденіе литературныхъ наклонностей припишемъ вліянію кіевской академіи. Въ какомъ-бы состояніи она ни находилась въ годы ученія Е. П., во всякомъ случаѣ это была еще дореформенная школа, въ которой сохранились традиціи старой академіи кіевской. Извѣстно, какъ развиты были въ этой школѣ литературныя занятія, и какъ разнообразны были литературныя опыты ея воспитанниковъ¹⁾. Въ концѣ XVIII в. работы эти были уже въ упадкѣ, но все-таки существовали, и нѣкоторыя стихотворенія Е. П. представляютъ, быть можетъ, послѣдніе образцы стариннаго кіевского виршеслагательства. Послѣдующая жизнь Е. П., весьма разнообразная и полная интереса, натолкнула его на новыя темы; знакомство съ выдающимися писателями и учеными должно было отразиться и на содержаніи, и на формѣ его литературныхъ опытовъ; но впечатлѣнія юности брали свое, и подъ старость Е. П. возвращается къ народнымъ малорусскимъ сюжетамъ, но приступаетъ къ этимъ сюжетамъ уже съ другими, новыми взглядами и воспроизводитъ ихъ въ новыхъ литературныхъ формахъ. Такимъ образомъ, литературная дѣятельность Е. П. представляетъ интересный образчикъ взаимодѣйствія двухъ различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія.

Первые литературные опыты Е. П. относятся еще ко времени ученія его въ Кіевской Академіи. До насъ дошло только одно, но весьма характерное стихотвореніе, написанное въ эту пору. Это „крестообразныя эпиграммы на день ангела митрополита кіевского Серапіона“, написанные, повидимому, въ 1805

¹⁾ Обстоятельный обзоръ этихъ работъ сдѣлавъ проф. Петровымъ въ статьѣ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“ (Труды К. Д. А. 1866 июнь, ноябрь, декабрь и 1867 январь).

или 1806 году. Стихотвореніе это принадлежит къ числу тѣхъ „художественныхъ“ или „куръезныхъ“ эпиграммъ¹⁾ которыя были въ большомъ ходу въ старинной академіи, но уже со временъ Теофана Прокоповича постепенно исключаются изъ курсовъ піитики, какъ „трудныя бездѣлицы“. Такимъ образомъ данное стихотвореніе, относящееся къ началу XIX ст. представляетъ интересный образчикъ литературнаго переживанія. Въ утерянной рукописной книгѣ, которую Е. П. велъ въ кievской академіи, вѣроятно, находилось не мало подобныхъ произведеній какъ самого автора, такъ и его товарищей.

Къ подобнаго рода стихотвореніямъ близко примыкають оды религіознаго содержанія. Религіозная лирика занимала Е. П. въ продолженіе всей его жизни и была выраженіемъ того религіознаго настроенія, которое проявлялось въ бесѣдахъ съ духовными лицами и изученіи священнаго писанія. Къ этому роду относятся старотворенія. „Побѣдная пѣснь Богу и Царю“ (1831), „Торжество Православія“ (1848), „Торжество Кіева при возобновленіи Кіево-Софійскаго собора“ (1850). Въ стихотвореніяхъ этихъ, кромѣ религіознаго настроенія, чувствуются отголоски политическихъ идей автора: такъ стихотвореніе „Побѣдная пѣснь“ написано подъ впечатлѣніемъ польскаго возстанія 1830—31 г.; въ стихотвореніи на возобновленіе К.-Софійскаго собора проглядываютъ славянофильскія симпатіи.

Между стихотвореніями Е. П. есть цѣлый рядъ произведеній патріотическаго характера. Всѣ они относятся къ 30—40 годамъ, и многія изъ нихъ, какъ замѣчено выше, посвящены генералу Красовскому. Вотъ заглавія этихъ стихотвореній „Баль“ (въ Кіевѣ въ 1831 въ честь гр. Ф. В. Остенъ-Сакена); „Пожаръ“ (польское возстаніе 1830), „Крыса“ (ген. Ромарино), „Насильный бракъ“ (дополненіе къ извѣстной балладѣ гр. Ростопчиной), „Русскій вопль противъ XIX вѣка“, „Казацкія замѣтки на Вѣнскія баррикады“ (два послѣднихъ стихотворенія написаны по поводу событій 1848 г.), „1851 годъ“ (характеристика первой половины XIX стол.). Всѣ эти стихотворенія

¹⁾ Подробности см. у Петрова (Тр. К. Д. А. 1867, январь).

написаны въ строго-консервативномъ духѣ и представляютъ отголосокъ того настроенія, которое вызвано было возстаніемъ 1830 г. и нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина „Клеветникамъ Россіи“. Оригинальную особенность нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній представляетъ проглядывающій въ нихъ юморъ (Крыса, Насильный бракъ).

Сближеніе съ профессорскимъ кружкомъ, и въ особенности съ М. А. Максимовичемъ, внесло новый элементъ въ поэзію Е. П. — элементъ народный. Проведя дѣтство въ украинскомъ селѣ, юность въ кievской академіи и большую часть жизни въ Кіевѣ, Е. П. былъ прекрасно знакомъ съ жизнью малорусскаго крестьянина и съ народнымъ языкомъ. Школьныя традиціи, а затѣмъ военная служба натолкнули его на торжественную лирику, но достаточно было встрѣчи съ людьми другого направленія, чтобы поэзія его приняла характеръ—реальный и народный. Такимъ толчкомъ было сближеніе съ Максимовичемъ и, отчасти, съ семействомъ Шульгиныхъ, глава котораго Яковъ Игнатьевичъ былъ коренной малороссъ (настоящая фамилія его была Шульга), неумѣвшій говорить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малороссійскаго. Самъ Е. П. считалъ малороссійскія стихотворенія лучшими своими сочиненіями, а себя—малороссійскимъ поэтомъ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Е. П. къ одному изъ молодыхъ друзей его Г. И. Нечаю: М. Г. Григорій Ивановичъ. Вчера Вы въ общемъ разговорѣ объ изданіи „Ста Русскихъ Литтераторовъ“ изъявили сомнѣніе объ успѣшномъ окончаніи этого изданія, въ той мысли, что едва-ли издателю удастся набрать такое число литтераторовъ. Не можете-ли Вы сообщить издателю мою мысль—недостающее число русскихъ дополнить малороссійскими. Русская публика равно восхищается и произведеніями Грицька Основьяненка. Онъ бы въ послѣднемъ десяткѣ былъ первымъ, и я не послѣднимъ. Я готовъ сообщить издателю мою пьесу „Козлы“, если только передъ нею будетъ поставленъ портретъ мой, хотя и не въ Лондонѣ гравированный. Вашъ покорный слуга Остапъ“.

Малороссійскія стихотворенія Е. П. довольно разнообразны. Между ними встрѣчаются сказки (3), басни (5), пьесы этно-

графическаго содержанія (2), историко-этнографическаго (1), пѣсни (2) и наконецъ одна пародія (на „Наталку Полтавку“). Кромѣ того, нѣкоторыя посланія къ Максимовичу, Шудьгинымъ, Красовскому написаны на малороссійскомъ языкѣ. Характерныя особенности малороссійскихъ стихотвореній Е. П. составляютъ вѣрное изображеніе народной жизни и народныхъ типовъ, чисто украинскій юморъ, простой образный языкъ, наконецъ—легкій, изящный стихъ. Стихотвореніе „Объ Натальци Полтавци мои думки“ уже вводитъ насъ въ кругъ литературныхъ понятій автора. Рѣзкая, можетъ быть мѣстами слишкомъ крѣпкая, сатира на эту сентиментальную оперетту показываетъ трезвый взглядъ на поэзію, требованіе реального изображенія народной жизни и въ то-же время идейнаго содержанія. Такое именно изображеніе жизни встрѣчаемъ мы въ сказкахъ и басняхъ, которыя можно назвать лучшими изъ всѣхъ сочиненій Е. П. Сказки (казки) представляютъ совершенно самостоятельныя произведенія, написанныя въ чисто-народномъ духѣ (одна только заключительная сцена первой сказки представляетъ какъ-бы отголоски романтизма, къ которому Е. П. вообще относился иронически¹⁾). Изъ басенъ (байки) однѣ оригинальны, другія заимствованы изъ Крылова, но представляютъ совершенно самостоятельную переработку даннаго сюжета. Два этнографическихъ очерка („Помянь о славній козаччинѣ“... и „Одъ Грицька Перещеличенка“ и т. д.), заключаютъ въ себѣ насмѣшку, не особенно глубокую, надъ недостатками современныхъ козаковъ и крестьянъ. Гораздо выше по идеѣ, не смотря на довольно странную форму, историко-этнографическая пьеса „Козаки въ счастья“, изображающая зарождающуюся въ XVII ст. разнь между козаками и „выписчиками“ и стремленіе козаковъ обособиться въ привилегированное сословіе. По всей вѣроятности, стихотвореніе это навѣяно бесѣдами съ М. А. Максимовичемъ.

¹⁾ Въ одномъ стихотвореніи Е. П. встрѣчается цѣлый рядъ романтическихъ картинъ, написанныхъ въ ироническомъ тонѣ. напр: „тамъ въ саванѣ мертвецъ въ глубокой темнотѣ бесѣдуетъ съ луной, плывущей въ высотѣ“ и т. д.. оканчивающійся слѣдующею строчкою „монахъ же молятся въ уединенной кельѣ и все считаютъ оны презрѣнныи суетой, какъ я мяукаю въ повѣи пустой“.

Таковы главные черты литературной дѣятельности Е. П. Рудыковскаго. Подводя итогъ всему сказанному, нельзя, кажется намъ, не согласиться съ сдѣланною имъ самимъ оцѣнкою его литературной дѣятельности: онъ былъ по преимуществу малороссійскій. Религіозная и торжественная лирика его представляетъ отголосокъ отживавшаго уже тогда свой вѣкъ одописательства; между тѣмъ какъ малороссійскія стихотворенія его явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка, исторіи. Не смотря на довольно преклонный возрастъ, (въ 1834 г., во время открытія университета, ему было уже 50 лѣтъ), Е. П. усвоилъ это новое направленіе, и сочиненія его могутъ быть поставлены наряду съ сочиненіями нѣкоторыхъ изъ его молодыхъ современниковъ. Предоставляя специалистамъ по исторіи малорусской литературы опредѣлить мѣсто, занимаемое Е. П. Рудыковскимъ среди современныхъ ему малороссійскихъ писателей, скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, его „казки“ и „байки“ наиболѣе сходны съ „приказками“ Е. П. Гребенки.

Дальше мы печатаемъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. П., которыя могутъ служить образчиками трехъ указанныхъ выше направленій его поэзіи. Въ заключеніе помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній, которыя могутъ служить дополненіемъ къ представленному выше біографическому очерку. Подобныхъ стихотвореній сохранилось довольно много; но большая часть ихъ имѣетъ слишкомъ интимный характеръ (напр. посланія къ дѣтямъ, родственникамъ и близкимъ знакомымъ). Мы помѣщаемъ только тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ—или потому что посвящены извѣстнымъ личностямъ (М. А. Максимовичу, В. Я. Шульгину и ихъ семьямъ), или знакомятъ съ литературными взглядами автора („Элегія при прощаніи съ поэзією“), или, наконецъ, дополняютъ представленную выше характеристику его („День моего рожденія“, „Годъ 67 моей жизни“).

II).

ПОВѢДНАЯ ПѢСНЬ.

Въ день возшествія на Всероссійскій Императорскій Престоль Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Перваго, царствованія Его Величества въ седмое лѣто. 1831 года ноября 20-го дня.

Милость и судъ воспюю Тебѣ Господи!
Пою и разумѣю. *Псал. 100 ст. 1.*

ПѢСНЬ БОГУ.

Божія Богови!
Поемъ Господени, славно бо прославися.
Исход. гл. 15.

Исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ,
Господи, и имени Твоему пою. *Пс. 17 ст. 50.*

Благословенъ Господь нашъ Богъ,
Премудрый, непостижимый, дивный,
Россіи возносящій рогъ,
Творящій чудеса, — Единый!
Въ началѣ всѣхъ временъ, вѣковъ,
Въ шесть дней Онъ сотворилъ вселенну,

¹⁾ Первымъ стихотвореніемъ помѣщаемъ крестообразныя эпиграммы, исполненныя у насъ литографіей, при чемъ обращаемъ вниманіе на то, что въ подлинникѣ онѣ написаны разноцвѣтными чернилами. Въ виду нѣкоторой трудности чтенія „крестообразныхъ эпиграммъ“, считаемъ нелишнимъ развязать это стихотвореніе.

Большой крестъ:

Всякъ въ сердцѣ носить крестъ, кто вѣренъ рабъ Христу;
Но ты, Серапіонъ, Монархомъ оправданъ
На персѣхъ крестъ носить небесну красоту,
Да свѣтитя твой свѣтъ для счастья нашихъ странъ.

Крестъ изъ прямыхъ лучей:

Да жизнь твою во вѣкъ, СЕРАПІОНЪ, хранить
Новградскъ СЕРАПІОНЪ Твой Телоименитъ.

Крестъ изъ косыхъ лучей:

Чье сердце есть Престоль Творца?
Вдовицъ Помощника, Отца.

Крестъ изъ полукругловъ:

Сіяй, Серапіонъ, въ ночи какъ твердь звѣздами:
Тебя облекъ Творецъ самъ сими чудесами.

Квадратъ:

Ты всегда готовъ,
Пастырю Христовъ,
Крестъ его посить,
Чтобъ съ нимъ въ небѣ жить.

Въ седмый почилъ отъ всѣхъ трудовъ,
 Субботу тѣмъ явивъ священну.
 И надъ дѣлами рукъ своихъ
 Царемъ поставилъ человѣка,—
 Да зреть Его онъ славу въ нихъ:
 Законъ сей далъ ему отъ вѣка.
 Святъ, непреложенъ сей законъ!
 Но грѣхъ царя и чадъ рабами
 Продавъ въ плѣнъ воли ихъ,—и онъ
 Забытъ сталъ рабскими сердцами.
 Тогда премудрый Богъ, святымъ
 Храня вселенну провидѣнемъ,
 Заблуждшимъ чадамъ и слѣпымъ
 Избралъ вождей своимъ ведѣнемъ:
 „Пасите мой народъ вожди!
 „Вождямъ послушны будьте, дѣти!
 „Строптивый,—милости не жди!
 „Лукавыхъ разорю совѣты!
 „Владѣю царствомъ Я Единъ!
 „Даю его—кому изволю.
 „Да будетъ царь и властелинъ,
 „Кто вѣренъ мнѣ, мою чтить волю!“
 Что жъ? Вѣрны-ль тѣ Ему цари?
 И вѣрны-ль тѣ царямъ народы?...
 О Вышній! Самъ съ небесъ Ты зри:
 Они,—какъ въ бурномъ морѣ воды,—
 Мягутся и мятуть другихъ!...
 Сердца въ нихъ розны, какъ языки!...
 Нѣтъ мира, нѣтъ любви у нихъ!...
 Вездѣ стонъ жертвъ и бранны елики!...
 Тотъ—захватилъ коварствомъ тронъ!...
 Тѣ—въ звѣрствѣ и царя убили!...
 Весь свѣтъ злодѣйствъ и крови полнъ!...
 Такъ всѣ отъ Бога отступили!...
 Творецъ отъ дѣлъ своихъ почилъ,
 Отъ нашихъ нѣтъ Ему покоя.

Онъ все терпѣнье истощилъ,
Судьбы народовъ, царства строя.
Избралъ Израиля въ народъ,
Да внемлетъ онъ Его закону.
Кому-жъ внималъ сей злобный родъ?
Тельцу, Ваалу и Дагону!...
Какихъ Богъ не явилъ чудесъ
Въ Египтѣ, въ морѣ и въ пустынѣ
Израилю, чтобы принесть
Ему онъ жертву во святынѣ?
Но поправъ имъ святой законъ,
Отвергнуть имъ Господь великій,—
Отвергъ Израиля и Онъ,
И обратился во языки.
Раствѣннй вся земля полна!...
Но вѣсть Господь и тутъ спасати
Прошли закона времена,
Открылъ Онъ царство Благодати.
Послалъ въ мiръ Сына Своего
Спасти насъ, сотворить сынами.
Послушны-жъ Слову мы Его?
Онъ на крестѣ былъ распятъ нами!...
Но Богъ распятый побѣдилъ
И грѣхъ, и смерть, и силы ада;
Царемъ царей себя явилъ,
И Вѣрой въ жизнь призвалъ вновь чада.
Въ чемъ неуспѣлъ потопъ, огонь, мечъ,
Успѣла кроткая въ томъ Вѣра.
Дана ей власть все зло пресѣчь,
Но насъ спасла-ль и эта мѣра?
И вѣру оскорбили мы,
Не сохранивъ Любви завѣта.
Мы въ лонѣ Вѣры,—царства тьмы
Искали, прежде царства свѣта!...
Владиміромъ Богъ свѣтъ излилъ
На Русь небесной благодати,

Еще-жъ онъ въ гробѣ не простылъ,
 Какъ сынъ его убилъ трехъ братій!...
 „О Боже! умъ нашъ просвѣти!“
 Такъ древле Русь возвала къ Богу:
 „Самъ воцарись надъ нами Ты!
 „Самъ къ Правдѣ намъ открой дорогу!“
 И Вышній праотцевъ сей стонъ
 Событій утѣшаетъ вѣкомъ.
 Въ тебѣ, Россія, зримъ мы тронъ,
 Воздвигнутый не человѣкомъ.
 Его самъ Вышній совершилъ,—
 Онъ племена, народы многи
 Жезломъ желѣзнымъ сокрушилъ,
 И Трону далъ сему подъ ноги.
 Отъ Рюрика по вѣкъ Петровъ,
 Отъ дней Петра до Николая
 Подъ дивный Росска Трона кровь
 Велá десница насъ святая.
 Какихъ намъ Богъ давалъ Царей!
 Самъ съ ними царствовалъ надъ нами!
 И мы ихъ, въ радости своей,
 Земными чтили божествами.
 О! буди препрославленъ въ вѣкъ!
 Съ Сіона, отъ горы святыхъ,
 Ты, Боже, намъ въ сердца изрекъ:
 „Израиль новый мой—Россія!“ Аминь.

Пѣснь Царю.

Кесарево Кесаремъ!
 Величай спасенія Царевы и творяй милость
 Христу своему и сѣмени Его до вѣка.
Псал. 17 ст. 51.

Благословенъ Господь нашъ Богъ!
 Въ Царяхъ намъ образъ свой являя,
 Вознесъ Онъ вновь Россіи рогъ,
 На Тронъ возвелъ Онъ Николая.

Живи, о Царь нашъ Николай!
 Живи, Царь Россамъ Богомъ данный!
 Россія! болѣ не желай,—
 Съ Нимъ ты взнеслась на верхъ желаній!
 Шесть лѣтъ уже Ты возсѣдишь,
 Земное божество, на Тронѣ;
 Шесть лѣтъ творилъ Ты и творишь
 Все къ нашей славѣ, оборонѣ.
 Довлѣтъ Славѣ!... о! почій!...
 Седьмое лѣто—дни покоя!...
 Какъ въ день седьмый почилъ Святый
 Творецъ, въ шесть дней весь міръ устроая.
 Востокъ, югъ, западъ былъ въ огнѣ,
 Съ нимъ язвы къ намъ вторгались новы;
 Внутри отчизны и извнѣ
 Грозилъ ей измѣны, ковы.
 Симъ царскимъ горестямъ во слѣдъ
 Ты сердцу столь драгихъ лишимся,
 Но духъ великій Твой средъ бѣдъ,
 Бывъ Богомъ твердъ не сокрушился.
 Шесть лѣтъ,—съ начала до конца,—
 Какъ христіанинъ Ты сражался,
 Терпѣніямъ Ты ждалъ вѣнца,—
 И се!—безсмертьемъ живъ вѣнчался.
 Довольно Славы!—о!—почій!...
 Седьмое лѣто—дни покоя!...
 Узрѣлъ въ Тебѣ свѣтъ образъ—чей?
 Великаго Царя—Героя!
 Вложи въ ножны Твой грозный мечъ,—
 Обвить онъ миртами, оливой,
 Часть Миру оуміамъ возжечь,
 Нашъ вѣкъ—покоя, вѣкъ счастливый!
 Но Твой покой гдѣ?—Зритъ то Самъ,
 Самъ Сердцевѣдецъ Твой—что даже
 Дремоты нѣтъ Твоимъ очамъ
 Покоя нашего на стражѣ.

О насъ Твой промысль—Твой покой;
 Твой трудъ для насъ—Твоя отрада;
 Лить милости на насъ рѣкой—
 Единая Тебѣ награда.
 Объемля сушу и моря
 Недремлющимъ и быстрымъ окомъ,
 Для блага Царства, Алтаря,
 День—ночь Ты въ подвигѣ высокомъ.
 Двуглавый Твой Орелъ не спитъ,
 Всегда простерты держать крылы,
 И хищныхъ змѣй онъ сторожить,
 Чтобъ чадъ Твоихъ не уязвили.
 Недавно Персъ и Оттоманъ
 Предъ нимъ блеснули чешуями,—
 И гдѣ они?—Урокъ имъ данъ!
 Растерзаны Орла когтями!...
 Недавно Ляхская змѣя
 И къ Трону жало простирала,
 Шипѣла, хвостъ вокругъ вѣя,—
 И та Орлу покорна стала!
 Монархъ! Рука Твоя колоссъ
 Блаженства Роскаго свершила,
 Изъ адамантовъ онъ возросъ,
 А слава верхъ его покрыла.
 Пусть зависть чуждыхъ на него
 Теперь съ отчаяньемъ взираетъ,
 Въ безсиліи грызетъ его,
 Языкъ и мечъ свой изощряетъ.
 Пусть изнуряется еще
 Душа ея, рука кровава;
 Затѣи всѣ ея вотще:
 Ей вѣчный стыдъ,—намъ вѣчна слава!
 Пусть злоба, числа свой урокъ,
 Влечетъ къ измѣнамъ всю вселенну
 Твой окруживъ сердцами Тронъ,
 Сшлись мы всѣ въ гранитну стѣну!

Тѣмъ Россѣ Твоей—мощный исполни!
 Пол-свѣта подъ его стопою;
 Онъ дожилъ мудрости сѣдинъ,
 Великъ онъ миромъ и войною.
 Монархъ! довольно!... почивай!
 Седьмое лѣто—дни покоя!
 Отнынѣ плоды трудовъ вкушай,
 Внутри насъ еще блаженство строя.
 Данъ намъ съ Престола Твоего законъ?
 Дана закону твердость сила?
 Какъ солнце жъ да сіяетъ онъ!
 Да проліется отъ свѣтила.
 Сего—и теплота, и свѣтъ;
 Да темныхъ просвѣщаетъ очи,
 Да грѣетъ вдовъ, сиротъ въ часъ бѣды,
 И гонитъ тьму коварства ночи!...
 Тогда намъ небо на земли
 Откроетъ Вышній Посѣтитель.
 „Да будетъ только намъ,—внемли
 „Мольбамъ Россіи всей Спаситель!
 „Храни Христа намъ Твоего
 „И укрѣпляй Твоею силой,
 „Храни державный Домъ Его,—
 „Залогъ блаженства Россамъ милый!...
 „Тебѣ Царь сердце далъ свое:
 „Въ томъ сердцѣ—зри!—всѣхъ нашихъ доля:
 „Да придетъ царствіе Твое
 „И въ насъ Твоя да будетъ воля!

Аминь ¹⁾.

¹⁾ Сохранился латинскій переводъ этой оды:

Benedictus Dominus noster Deus
 Sapientissimus, incomprehensibilis, admirandus.
 Rossiae elevans cornu
 Faciens mirabilia solus!... и т. д.

III.

ТОРЖЕСТВО КІЕВА

при возобновлені Кіево-Софійскаго собора 1850 года.

Возвысь главу твою сѣдую,
 Священный, древній Кіевъ градъ!
 Пой пѣснь Сіонскую—святую!
 Ты вновь—столица всѣхъ отрадъ!
 Девятый вѣкъ ты доживаешь,
 Дѣль древнихъ славу вспоминаешь,
 Что Вѣры былъ ты колыбель,
 И Возрожденія купель.
 Вотъ на твоёмъ вновь небосклонѣ
 Златое солнышко взошло!
 Софійскій храмъ въ златой коронѣ!
 Такъ не сіялъ ужъ онъ давно.
 Едва-ль онъ былъ при Ярославѣ
 Въ такомъ величіи и славѣ,
 Какъ въ наши вождельные дни.
 Да льются въ вѣкъ на Русь они!..
 Храмъ созданъ Княземъ Ярославомъ,
 Царь Николай возобновилъ,—
 И въ немъ, столь древнемъ, многоглавомъ
 Ликъ древній всѣхъ святыхъ ожилъ!
 По мановеню Николая
 Свой вѣрно Солнцева трудъ свершая
 Открылъ въ семъ храмѣ древній свѣтъ,
 И вѣковой тьмы въ немъ ужъ нѣтъ!
 Что вѣки отъ очей скрывало
 Ликъ всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ,
 То Солнцева сдернулъ покрывало
 И свѣту въ храмъ сей путь открылъ.
 Сіяй небесною вновь славой
 Подъ Николаевой Державой,
 Софійскій Ярославовъ храмъ!
 Такъ!... Богъ во всемъ помощникъ намъ!...

Поможетъ возвратить Софію,
 Что древне въ Греціи цвѣла
 И украшала Византію,
 И здѣшной образцемъ была;
 А нынѣ?!... тьмою Мохамета
 Какъ въ рубище вдова одѣта,
 Стоитъ—превращена въ мечеть!...
 Доколѣ-жъ вѣрнымъ то терпѣть?....

IV.

РЪЦАРСКАЯ БАЛЛАДА.

Насильный бракъ.

Текстъ баллады гр. Ростопчиной, какъ онъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1872, т. V (февр. кн. стр. 297—9) съ слѣдующимъ окончаніемъ:

В а с с а л ы.

- Вас. 1. Ты правъ во всемъ, нашъ повелитель!
 Всѣ правы жалобы твои
 Но вышнихъ лишь судебъ Властитель
 Въ нихъ можетъ вникнуть на земли ¹⁾.
- Вас. 2. Словами намъ нельзя измѣрить
 Всю тайну скорби твоея,
 Но можемъ чувствовать и вѣрить,
 Каковъ гнетъ этотъ бытія....
- Вас. 3. Мятежная твоя супруга
 Тебѣ быть вѣрной отреклась,

¹⁾ Вар. Ты правъ во всемъ нашъ повелитель,
 Что ждалъ покорности жены,
 Но видно тайный оболъститель
 Расгорѣ твои покои дни.
 Твоя вѣнчанная подруга
 Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга....

Въ тебѣ не хочетъ видѣть друга
Въ плѣнъ своевольства отдалась.

Вас. 4. Мечты, мечты ее волнуютъ
И умъ, и сердце, и языкъ,...
Воображеніе чаруютъ....
Въ ней фанатизмъ еще великъ!...
О дикой вольности мечтаетъ,
Свободу ставитъ въ томъ свою,
Былой развратъ свой вспоминаетъ,
Чтобъ отравлять любовь твою.

Вас. 3. Ты зналъ до брака всѣ тѣ козни,
Чѣмъ прежде славилась она,
Но былъ въ надеждѣ, что возможны
Раскаянья ей времена
И въ той надеждѣ далъ ей руку,
Супруги именемъ почтилъ.
Что жъ взялъ въ награду?

Вас. 2. Злую муку.
Сносить злонравье выше силъ!...

Всѣ. Терпѣніе! Отецъ нашъ! Молимъ,
Терпѣніе еще имѣй!
Жены къ любви не приневолимъ,
Щади ее ты для дѣтей.

С л у г и.

Слуга 1. И такъ, ты ей не дашь разводу?...

Слуга 2. Кричи она, раззинувъ пастъ,
Скачи она въ огонь, и въ воду,
Въ развратъ ей прежній не попастьъ.

Слуга 3. Женѣ кичливой и мятежной
Другого врачевства ужъ нѣтъ,—
Предать темницѣ неизбѣжной,
Коль дневній надоѣлъ ей свѣтъ.

Слуга 4. А если головой объ стѣну
Тамъ биться вздумаетъ она;

Кричать, точа, какъ нынѣ, пѣну,
Твоя злонаправная жена,

Всѣ. Мы пеленать ее готовы
Съ привѣтной лаской, безъ угрозъ.
Приемы эти намъ не новы,
Не таемъ мы отъ женскихъ слезъ.

Слуга 5. Авось! полѣчимъ—вразумится,
Коль нужно, пустимъ ей и кровь,
Отъ буйной воли исцѣлится,
И запылаетъ въ ней любовь.

Баронъ.

Народъ! Съ любовію приеволю
Вашъ безпристрастный сей совѣтъ.
Что гласу истины я внемлю,
Пусть это знаетъ цѣлый свѣтъ.

V.

КРЫСА.

Истинное происшествіе, случившееся 17 октября 1831 года въ квартирѣ генерала Красовскаго въ Кіевѣ.

Теперь лишь я узналъ—не лжетъ, кто говорить,
Что на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Вечоръ сидѣли мы съ тобою лишь вдвоемъ,
Толкуя о войнѣ, герояхъ—томъ и семъ;

Какъ вдругъ завидѣлъ крысу ты.

Злодѣйка кралася, гдѣ болѣ темноты.

По данному тобою знаку

Я долженъ вестъ атаку.

„Нагрянь!—возьми во флангъ!—коли, руби врага!“...

(Я помню всѣ твои командныя слова).

Но крыса предо мною,

Вмигъ съ полу да на столъ, по рамамъ окнѣ—юлою;

Сигары, скляночки всѣ къ чорту прочь съ окна,
Цапъ-цапъ, царапъ—и ужъ на притолкѣ она!...
Меня вооружилъ ты саблюю своей.

Не струсилъ я—ей, ей!

Ужъ саблю я занесъ, готовъ ее разить

И прямо въ сердце ей вонзить,

И ты стоишь тутъ съ свѣчкой.

Но крыса вмигъ

Прыгъ, прыгъ!...

Нашла дыру подъ печкой.

Тутъ сталъ я разсуждать,

Какъ крысу мнѣ оттолъ достать!

Вдругъ мнѣ приходитъ мысль (другому врядъ пришла бы):

Не Ромарино-ль твой то въ маленькомъ масштабѣ¹⁾.

VI.

Г о д ъ 1851

Вѣкъ девятнадцатый на свѣтѣ

Крылатый, мощный исполинъ

Въ виду насъ всѣхъ въ своемъ полетѣ

Годъ пишетъ—пятьдесятъ одинъ!

Примѣтно этотъ вѣкъ старѣеть

И доживаетъ до сѣдинъ;

И онъ отъ Времени дряхлѣеть—

Судьбы и Рока властелинъ.

¹⁾ Въ видѣ комментарія къ этому стихотворенію находимъ нужнымъ привести слѣдующую справку изъ соч. генерала Пузыревскаго „Польско-русская война 1831 г.“ (изд. 2-е, т. I, стр. 307):

„Положеніе русскаго отряда, окруженнаго съ трехъ сторонъ, казалось критическимъ, какъ неожиданное отступленіе 6 іюля Ромарино отъ Подлодова устранило опасность съ лѣваго фланга. Ромарино считалъ, какъ видно изъ перехваченнаго письма изъ Собіеница, это отступленіе весьма искуснымъ съ его стороны маневромъ. Говоря въ письмѣ о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ,... онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приписалъ, что, по только что полученнымъ свѣдѣніямъ, русская пѣхота и кавалерія переправляются, въ надеждѣ, конечно, отрѣзать его отъ Вислы, но прибавилъ: „à bon chat—bon rat“.

Была его бурлива младость,
 Довольно онъ побушевалъ!...
 Что же затѣетъ онъ на старость?
 Кто бъ намъ то нынѣ разгадалъ?
 Мы жили въ первой половинѣ,
 Вторую внукамъ отдаемъ
 Съ заботою о ихъ судьбинѣ:
 Что будетъ въ вѣкѣ семъ потомъ?
 Они исторіи скрижали
 Прочтутъ, узнаютъ все изъ нихъ,
 Что въ этотъ вѣкъ мы испытали
 Въ теченіи черныхъ дней и злыхъ.
 Съ нашествіями Тамерлана
 Европа испытала вся
 Тьму угнетеній отъ тирана,
 Защиты отъ Небесъ прося.
 Потомъ вѣкъ сей вооружился
 На насъ холерой, мятежемъ,
 Войной!... Гладь, морь, пожаръ разлился!...
 Сверкнулъ кровавымъ вѣкъ бичемъ,—
 И все въ унынье погрузилось!...
 Затрепеталъ и Умъ, и Духъ!...
 Подъ игомъ бѣдствій все томилось,
 Въ душевный падая недугъ!...
 Затмилось зломъ добро бывшее,
 Запала въ грудь одна любовь—
 Любить Отечество святое,
 И за него пролить всю кровь.
 Любовь же подвиги открыла
 Вождей и ратныхъ всѣхъ сыновъ,
 И падши Троны утвердила,
 И миръ дала Европѣ вновь
 Вотъ этотъ вѣкъ чѣмъ былъ доннынъ
 Богатъ въ исторіи людей:
 А чѣмъ онъ будетъ при кончинѣ,
 Узнаютъ правнуки позднѣй.

Но вѣкомъ всѣмъ владѣеть Вышній
 Вѣковъ и вѣчности Отець.
 Онъ далъ уроки намъ нелишни,
 Дастъ и отраду для сердець.
 Даваль и дастъ Монарховъ мудрыхъ,
 Хранителей Руси святой,
 Да въ вѣкъ хранять отъ суетумудрыхъ
 Умовъ Европы нашъ покой.

Да Алтари и Тронъ нашъ въ мирѣ
 Цвѣтуть во вѣки на землѣ,
 Да воспѣваемъ мы на лирѣ
 Небесну благость въ тишинѣ:
 „Языки! знайте, вразумляйтесь,
 „Не поднимайте буйства рогъ,
 „Принявъ вѣтвь мира покоряйтесь,
 „И помните,—что съ нами Богъ“!...

VII.

ОБЪ НАТАЛЬЦИ ПОЛТАВЦИ.

МОИ ДУМКИ.

Наталька, та Петро,—вона не згирша казка;
 Есть що и въ руки взять—паперу добра вязка.
 Що-жъ тутъ въ середьни?—Насылу я добывсь,
 Що той-таки Петро зъ Наталкой оженывсь.
 Хочь довго першъ воны въ тимъ малы перешкоду,
 И ледви вже зъ нудьги не повкыдались въ воду;
 Та добри люде, бачъ, загнунуть не дали;
 За щирую любовь до вупы ихъ звелы.

Брехенька хочъ куды!—нема вже що й казаты!
 Але-жъ,—якъ-бы те все по-наській розсгубаты,—
 То мы-бъ натенулись тутъ не на одну бридню.
 Першъ, чимъ зъ Наталкою прійшовъ Петро въ ридню,
 Якъ винъ въ годованци доставсь до Терпылыхы?
 Ой!—певне бувъ винъ сынъ якоись Дзюндзюрыхы,

Зъ которою водывсь Терпылыхо старый,
 Повадывшись ¹⁾ скакать винъ черезъ тынь чужій,
 Та й мусивъ дидь такы до того доскакатыця,
 Що мавъ іому и цей годованецъ достатыця.
 А що-жь?—пидкынули!—бо дидь бувъ выновать,
 Що Дзюндзюрыси винъ знаходывсь... ²⁾ кумъ, чи свать.
 А щобъ бильшь сорому свого не выявляты,
 То й мусивъ Петруся чужого колахаты.

Отъ!—цей Петрусь рисъ, рисъ,—да и Петромъ зробывсь;
 А въ дяку за хлибъ-силъ зъ Наталкою здружывсь.
 Старый Терпылыхо не дуже дурнемъ бувшы,
 Солодку доччину зъ Петромъ розмову чувшы,
 Та й ще примитывшы Петра, що винъ не разъ
 Зъ дочкою въ жмурки гра,—якъ прійде темный часъ,—
 Не довго думавъ дидь,—загарбавъ за чупрыну
 Петруся,—та й зломавъ на іому винъ лицину ³⁾;
 И не жалючы ни трохи кулакивъ —
 Винъ ребра у Петра — чи вси — переличывъ;
 Та й зъ дому винъ якъ пса прогнавъ на шляхъ широкий,
 Й дорогу показавъ на вси чотыры боки.

Петро помандровавъ, и все по свиту шлявсь,
 Тымъ часомъ-же старый Терпылыхо скончавсь.
 Натальци й замужь часъ. Наталка одмовляе
 Всимъ женахамъ своимъ—тільки Петра бажае.
 Стара дочку жуе, щобъ замужь йшла прытьмомъ,
 Не голосыла щобъ даремне за Петромъ.
 Що може вже Петра нема давно на свити,
 Або винъ ма соби другуу на прыкмити;
 И марне молодыхъ литъ тратыть не вельты,
 Щобъ опизнывшыся въ дивкахъ не посывить.
 А доненьци не те верзлося у головци,
 Не йдутъ ей на умъ ни женихы, ни хлопци.

¹⁾ *Вар.*: поквалывшись.

²⁾ *Вар.*: зробывсь.

³⁾ *Вар.*: дубыну.

Хочь гарни женыхы траплялся ей;
 Та ба!—Натальци, бачь, не тее на уми.
 Дяки и пысари—ватагою за нею, --
 Вона-жь,—то сякъ, то такъ,—всихъ одбува брехнею.
 Той—нибы пьяниця; той ни—такъ же голякъ;
 У сіога се знайшла,—у того те не такъ.
 Самъ Возный прыступавсь,—що ажъ доставъ оскому;
 Такъ що-жь?—брыкаетця,—ни прыступу никому.

Якъ Возный зъ Выборнымъ до матери прыйшлы,
 Щобъ сватать,—то дочку зарумсану знайшлы.
 Що-жь каже?—Женыха пысьменного не хоче!
 И знай—що про Петра и день, и ничь сокоче.
 А ій то не Петро такъ мизкы завертавъ,
 А те,—що напередъ пысьменныхъ винъ читавъ.
 Петро бувъ не пысьмакъ,—та добре вмивъ складаты,—
 Буки есть—бе, твердывъ: пысьменнымъ такъ не втяты.
 Однакъ-же возный нашъ на тее не вважавъ;
 Заславъ винъ старостивъ, та и хусткы побравъ.

А тута якъ на те-жь Петрунечко й яввся,
 Не знаты—звиткиль, якъ винъ тута очутывся.
 Наталка пидняла крыкъ, галасъ якъ не свій:
 „Мій сызый голубе!... Петрунечку-жь ты мій!...
 „Давно-жь моя душа тилько тебе бажала!...
 „Безъ тебе-жь я буда на вики вже пропала!...
 „Охъ!—жыжки трусяться... не вымовлю, постій!...
 „На вики я твоя!... а ты на вики мій!“

Отъ и весилле вамъ!—чи вы такее чулы?
 А Возному-же що?—пидь нисъ далы дви дули!
 Панъ Возный изъ зубивъ Наталку упустывъ,—
 Тай губкы облызавъ—неначе медъ видъ йивъ.
 Банькы повытрицавъ, та й ставъ, згорнувшы руки;
 И въ глудзь іому не йде—яки отце зъ нымъ штуку.
 Здаетця-жь не такій соби винъ іолопъ бувъ,
 Щобъ,—якъ москаль казавъ,—іого хто въ лапти взувъ.
 Якъ-же винъ давъ Петру изъ себе такъ накпытьця,
 Щобъ цей хусткы побравъ, а той прыйшовъ женытьця!

Отъ такъ!—письменный бувъ,—винъ заразь догадавсь,—
 Де двое бьютця, тамъ щобъ третій не мишавсь.
 Ой мудрый!—та не те було въ іого на думци,
 А тобъ винъ носа втеръ Петру й іого голубци.
 Не бійсь,—винъ-бы Петра на порохъ стеръ и змявъ,—
 Та по письменському напередъ рожжовавъ:
 Що хочъ Петро й мугыръ,—та Возного не ныжчій,—
 Самъ зъ верху все вже спывъ,—іому-жъ оставывъ дрижчы.
 Та й билшъ не ставъ шукать—чого не положивъ,
 И заразь для Петра Наталку одступывъ.
 Та й каже: „Слухайте!—горыть во мни презильно,
 „Тее-то, якъ его,—желаніе безмирно,
 „Зробыть, хочь-бы не хтивъ, для всихъ прикладъ добра.
 „Нехай соби вже йде Наталка за Петра.
 „Я правъ моихъ до ней законныхъ одступаюсь,
 „Бо щиросты въ любви зило сей удывляюсь.
 „Я возный, —а процесъ сей хочу самъ програтъ
 „И буду всимъ Петру й Натальци помагать 1).
 „Теперь я въ васъ Дружко. Готовтеса-жъ до шлюбу,
 Петру овецъ я зъ шистъ дамъ молодій на шубу“.
 Тутъ вси на радощахъ—ажъ плакать почалы,
 Що въ Возномъ такого добродія знайшлы,—
 Якъ батька ридного.—Ой! гарный це Добродій!...
 Багацько ще колысь Петру винъ вчыныть шкоды.
 Эй Петре!—братъ не квапсь одъ Возного овецъ.
 Побачишь самъ, зъ сіюго, що выйде за ковецъ.
 Ну!—що-жъ на решти?—Вже загралы и музыкы,
 Весилле почалось—и бенькетъ бувъ великій.
 Сусиды тишылысь,—вси были тропака,
 Що Тершылышына просваталась дочка.
 Одна Наталка щось 2),—якъ нибы на похмилле,
 Съ пидлобья дывытьця—не мыле ій весилле.
 Сумуе, зблidlа вся, повисыла и нисъ.

1) Вар.: Безъ пошлинь за Петра Наталку отказать.

2) Вар.: лышь.

Чого-жъ вона це пакъ маркотна ажъ до слизъ?
 Эге!—чого?—Пытай!—про те вона то знае.
 Вышнивкы не було?—а хто-жъ його вгадае!
 А може й не того?—Згадать не латва ричь,
 Що варытьця въ горшку,—хыба полизты въ пичь.
 Й стало жаль Попа!—Прощайсь винъ зъ бородою,
 Щобъ въ друге не винчавъ ¹⁾ винъ брата изъ сестрою.
 На решти вже щобъ тамъ такее не було,
 Та губы молодій щось дуже надуло.

А мы соби ще разъ вернимося до казкы.
 Тамъ нисенитныць тьма!—тамъ письни все, та пляски!
 Стара, дочка, Петро и Возный—все ревуть,
 Единъ по одному,—якъ ты жмели гудуть.
 Та письни-жъ всякому прыточени до шмыгы,
 Якъ нибы на верби поростыкавъ хто фыгы.
 До сватанья,—то все спивалы писеньки.
 По шлюби-жъ ни одинъ, помовкы мовъ пеньки.
 Мовъ першъ тоби весь медъ уперлы у капусту,
 А потимъ въ шулыки свынину клалы тлусту.
 Це правда! билая!—якъ заткало въ кагли,
 Або та,—що верзуть буває москали.
 Брехунъ брехавъ брехню, чортъ ма ей чимъ змирыть;
 А я перебрехавъ коротче—щобъ повирить.
 Нехай! Колысь потимъ, якъ буду маты часъ,
 То я утну брехню гарнишчюю для васъ.
 Я вамъ, Добродію!—скажу такую казку,—
 Якъ визъ переробывсь чумацкій на каляску.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вар.: За те, що повинчавъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.¹⁾

(О К О Н Ч А Н І Е).

XI.

1787 г.—Отъ Мценска.

Путешествіе Императрицы изъ Орла продолжалось черезъ село Ивановское и Желѣзницу до города Мценска, гдѣ назначенъ былъ ночлеги; до Мценска провожали Императрицу правитель Орловскаго намѣстничества Неплюевъ, губернской и уѣздный предводители дворянства. Карета императрицы была окружена дворянами, ѣхавшими верхами, а передъ каретою скакали верхами-же почтмейстеръ Орловскаго уѣзда и 6 почтальоновъ.

Въ Мценскъ Императрица прибыла около 7 ч. вечера 18 іюня; при въѣздѣ въ городъ, стоявшіе въ строю два баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса отдали честь ружьемъ; въ городѣ производилась пушечная пальба и колокольный звонъ.

У самаго въѣзда въ городъ встрѣтилъ генераль-аншефъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменской, съ прочимъ генералитетомъ и съ штабъ-офицерами, потомъ, у триумфальныхъ воротъ, построенныхъ на городской землѣ, встрѣтили городничій, градской голова съ первостатейнымъ купечествомъ и стояли присутствующіе городского магистрата и цеховые съ ихъ управными значками.

У дома, приготовленнаго для Высочайшаго пребыванія, встрѣтили: гофмаршалъ и правитель губерніи Орловской съ

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1892 г., № 3.

гражданскими чиновниками, и тутъ Ея Величеству поднесли хлѣбъ и соль: мценское купечество на серебряномъ, продолговатомъ блюдѣ, съ серебряною рѣзною солонкою со вкладкою синяго стекла. Вечеромъ Императрица играла въ карты съ приглашенными къ ея столу: съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ, графомъ Сегюромъ и великобританскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ.

Съ вечера и за полночь предъ домомъ, гдѣ пребывала Императрица, иллюминованъ былъ щитъ и весь городъ освѣщенъ былъ огнями.

На другой день, 19-го іюня, въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и при колокольномъ звонѣ выѣхала изъ города. Путешествіе продолжалось чрезъ постоянные дворы *Шушлинскіе*, 28 верстъ, до назначенной для обѣденнаго стола станціи въ *Большое Скуратово*; не доѣзжая до оной 15 верстъ, близъ Шушлинскихъ постоянныхъ дворовъ, на губернской Тульского намѣстничества межѣ, встрѣтили правящій должность генераль-губернатора калужскаго и тульскаго генераль-поручикъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, правитель намѣстничества генераль-поручикъ Иванъ Александровичъ Заборовскій и губернской предводитель тульскаго дворянства генераль-поручикъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ съ предводителями уѣздныхъ ближнихъ городовъ и дворянами обоего пола. Тутъ Императрица вышла изъ кареты и во время перемѣны лошадей зашла въ построенный дворецъ и здѣсь жаловала къ рукѣ встрѣтившихъ Тульского намѣстничества правителей, начальниковъ и губернскаго предводителя съ дворянами, потомъ, въ сопровожденіи тульскихъ дворянъ въ 1-мъ часу по полудни прибыла въ село Большое Скуратово, гдѣ Государыню встрѣтили: гофмаршалъ и Тульского намѣстничества правители, начальники съ дворянствомъ и купечествомъ, причемъ отъ бѣлевскихъ вупцовъ поднесено хлѣбъ и соль на серебряномъ большомъ продолговатомъ золоченомъ блюдѣ съ серебряною золоченою на пьедесталѣ, хорошо выработанною, солонкою, также разные фрукты на пяти фафоровыхъ блюдахъ и живыя стерляди.

Послѣ обѣда, въ 2 часа по полудни, путешествіе продолжалось чрезъ *Малое Скуратово* и село *Серіевское* 60 верстѣ, до назначенной для ночлега станціи въ село Лопатково, принадлежащее армянину надворному совѣтнику Ивану Лазареву, куда прибыли въ исходѣ 7-го часа вечера.

Вечеръ Императрица провела предѣ внутренними покоями, до 9-го часа забавлялась въ карты съ оберъ-камергеромъ Шуваловымъ и министрами графомъ Кобенцелемъ и Фицъ-Гербертомъ. Съ вечера предѣ домомъ горѣла иллюминація.

20-го іюня, въ воскресенье, при восторженныхъ крикахъ крестьянъ, столпившихся около помѣщичьяго дома, Императрица пѣшкомъ прошла въ деревенскую церковь, выслушала литургію и черезъ станцію Калѣну выѣхала въ Тулу.

За двѣ версты до города Ее встрѣтили: генераль-губернаторъ Калужскаго и Тульскаго намѣстничествъ генераль-поручикъ Кречетниковъ, губернскаго предводитель генераль-поручикъ Давыдовъ съ уѣздными предводителями и дворянами. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, сопровождаемый эскадрономъ Ямбургскаго карабинернаго полка, Императорскій поѣздъ вступилъ въ городъ; въ предмѣстьи встрѣчали оружейники съ значками ихъ цѣховъ, а у триумфальныхъ воротъ ожидали присутствующіе губернскаго и городского магистрата, купечество, мѣщанство; у дома народнаго училища и у дома воспитательнаго выведены были ученики, а съ ними учителя, надзиратели и надзирательницы; у судебныхъ мѣстъ стояли присутствующіе и канцелярскіе служители.—Когда Императрица проѣзжала черезъ крѣпость, у собора Успенскаго встрѣтилъ со крестомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря архимандритъ Павелъ съ прочимъ духовенствомъ. Императрица прикладывалась ко кресту, сидя въ каретѣ. Въ 2 часа дня Императрица прибыла во дворецъ, и здѣсь въ передней комнатѣ тульскіе и калужскіе купцы поднесли ей хлѣбъ и соль на фарфоровомъ блюдѣ, и на пяти-же фарфоровыхъ круглыхъ блюдахъ разные фрукты.

Столъ Императорскій былъ изготовленъ на 32 куверта; къ столу были приглашены: Михайлъ Никитичъ Кречетниковъ,

Иванъ Александровичъ Заборовскій, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, калужскій губернаторъ Петръ Степановичъ Протасовъ и многіе дворяне.

Послѣ стола Императрица ѣздила въ двухмѣстной каретѣ осматривать арсеналь, а вечеромъ была въ городскомъ театрѣ, гдѣ представлена была русская комедія „Хвастунъ“. Актерами были воспитанники и воспитанницы московскіе.

Вечеромъ иллюминація, — описанная въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ:

„Съ вечера предъ домомъ Высочайшаго пребыванія, по другую сторону имѣвшагося пруда, горѣла порядочно устроенная иллюминація, притомъ крѣпость, на оной башни и у церкви колокольни всѣ освѣщены были огнями, равно въ городѣ дома, какъ казенные, такъ и партикулярные были-же иллюминированы и въ то-же время, съ 9 до 12 часовъ ночи, по пруду, что передъ домомъ Ея Величества, на водѣ ходила устроенная и ельникомъ убранная пирамида, которая вся была освѣщена огнями и на которой попеременно играла духовая музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ и, какъ тихая музыка, такъ и подобное тому пѣніе, довольно пріятно было къ слушанію всѣхъ зрителей“. (Камеръ-Фурьерскій журналъ. Путешествіе 1787 г.).

Современникъ и очевидецъ пребыванія Императрицы въ Тулѣ Болотовъ (см. Р. Старина 1873. Февраль) оставилъ намъ любопытный рассказъ:

Въ Тулѣ въ маѣ мѣсяцѣ начали еще приготовленія. Небольшой каменный домъ, на оружейномъ заводѣ, въ которомъ жилъ обыкновенно намѣстникъ, перестраивали—его увеличивали пристройками.

Въ началѣ іюня начали сѣзжаться дворяне тульскіе въ Тулу—съ женами и дѣтьми видѣть Матушку-Царицу. — Дамы шили себѣ алыя русскія шелковыя платья подѣ цвѣтъ тульскаго мундира. — Намѣстникъ за нѣсколько дней уѣхалъ на встрѣчу Императрицѣ; жители толпились по улицамъ, смотрѣли передѣланый вновь дворецъ, церемоніальный разводъ смѣны караула, пробныя иллюминаціи противъ дворца, за каналомъ, подлѣ крѣпости, приготовленіе къ серенадѣ. Два нарочитой величины

плоскодонныя судна, иллюминированныя, съ насаженными въ нихъ пѣвчими и музыкантами, поющими пріятные гимны, сочиненные нарочно для сего случая, разъѣзжали, тихо будучи тянуты канатами взадъ и впередъ мимо дворца, по широкому каналу, а весь народъ, которымъ оба берега канала сего были увизаны, любовался симъ зрѣлищемъ.

Въ ночь подъ 20-е іюня пріѣхалъ намѣстникъ для сдѣланія распоряженій къ встрѣчѣ Императрицы въ тотъ день. — Утро было прекрасное, лѣтнее, свѣтлое и тихое. По всей Тулѣ поднялась скачка каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Въ 12 ч. утра раздалась за городомъ пушечная пальба, возвѣщавшая приближеніе Высочайшаго поѣзда. — Наконецъ появились кареты, — вотъ и Императорская шестимѣстная. — Дамы ждуть съ нетерпѣніемъ въ соборѣ — и Она обманула ихъ ожиданія. Остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ Ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой во дворецъ (стр. 152). Дамы всѣ съ большимъ неудовольствіемъ разъѣхались по домамъ.

Всѣ утѣшались, что увидятъ Императрицу въ театрѣ. — Дѣйствительно, вечеромъ Императрица пріѣхала въ театръ со своею свитою, едва успѣло собраться тамъ все дворянство. Минута вшествія Ея, рассказываетъ очевидецъ, (Болотовъ, стр. 152), — была восхитительная для всѣхъ...

На другой день назначенъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія балъ, гдѣ надѣялись еще разъ видѣть близко Императрицу.

21-го іюня весь день Императрица пробыла въ Тулѣ; по утру, при выходѣ въ залу въ сопровожденіи свиты, Императрицѣ говорилъ привѣтственную рѣчь сперва ученый архимандритъ Павелъ; рѣчь была не длинная, продолжалась двѣ или три минуты; не успѣла приложиться Императрица ко кресту и образу, поднесенному архимандритомъ, какъ началъ рѣчь губернской предводитель. Потомъ намѣстникъ подвелъ Болотова съ рисунками и ландкартами. „Не успѣлъ я, преклонившись, — рассказываетъ Болотовъ, — поднести книги свои къ Государынѣ, какъ

кто-то изъ ея придворныхъ схватилъ всѣ оныя у меня изъ рукъ и я съ тѣхъ поръ ихъ не видѣлъ, ибо онъ въ мигъ скрылся съ ними за народомъ, а куда онъ ихъ понесъ, я того не могъ уже никакъ видѣть, ибо въ самый тотъ моментъ и стали подходить къ Государынѣ наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство къ рукѣ“ (стр. 158). Потомъ Императрица, предшествуемая намѣстникомъ, пошла смотрѣть оружейный заводъ. Вся толпа послѣдовала за Императрицею, всѣ старались ближе видѣть Матушку, но рѣдкимъ удавалось это счастье,—Императрица постоянно окружена была лицами своей свиты. — Съ завода Императрица возвратилась въ свои покои,—всѣ разѣхались.

Вечеромъ вся тульская публика съѣхалась въ залу дворянскаго собранія на балъ; съ нетерпѣніемъ ожидали Императрицу. „Ѣдетъ, Ѣдетъ!“ — раздалось въ толпѣ. Началась суета, толканіе. Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали вшествіе пріѣзжихъ въ сѣни. Загремѣла музыка, растворились двери.. Всѣ были поражены: вмѣсто Государыни намѣстникъ вель камеръ-фрейлину Анну Степановну Протасову, а за ними кавалеры и дамы изъ свиты Императорской. Войдя въ залу, они пошли танцовать большой длинной польской. Начались разпросы: „гдѣ-жь и что-жь Государыня-то?—Развѣ она не изволить быть?“—Узнали, что Императрица по причинѣ усталости и небольшого недомоганья отмѣнила свое посѣщеніе. Но вскорѣ услышали, что не усталость и нездоровье были причиною непосѣщенія Императрицею бала, а что за часъ до бала пріѣхалъ курьеръ отъ Потемкина и привезъ какія-то важныя извѣстія.— Это было извѣстіе объ объявленіи намъ войны Турцію.

На другой день Императрица выѣхала въ Москву, гдѣ ожидалъ Ея возвращенія изъ путешествія великій князь.

Г. В. Есиповъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.¹⁾

Гора, на которой нынѣ стоитъ памятникъ св. Владиміру, какъ разъ тогда обдѣлывалась, но весьма неудачно: каждую весну дернъ сползалъ внизъ, и опять принимались за работу. По Андреевскому спуску находился одно-этажный каменный домъ Муравьева, оставившаго описаніе путешествія по святымъ мѣстамъ. Ниже въ оврагѣ шла улица въ особую часть города, называемую Кожемяки и состоявшую изъ деревянныхъ домиковъ. Отъ Подола къ Кирилловской больницѣ умалишенныхъ тянулись деревянные дома Оболони. За Лыбедью поднималась въ гору митрополичья роща съ двухъ-этажнымъ маленькимъ, узенькимъ каменнымъ домикомъ²⁾. Въ немъ никто не жилъ ни зимою, ни лѣтомъ. Находился только при немъ въ видѣ сторожа старичекъ, лаврскій послушникъ. Каждый годъ перваго мая въ этой рощѣ происходило съ ранняго утра и до другаго утра народное гулянье. Продавалась водка, пиво, сбитень, чай, каленые орѣхи, изюмъ, яблоки и другія сласти. Народъ пьянствовалъ цѣлыя сутки, и часто происходили здѣсь серьезныя драки со множествомъ раненныхъ. Въ 4 часа по полудни набѣлой лошади со свитой и нѣсколькими козаками появлялся генераль-губернаторъ и за нимъ вся знать въ экипажахъ и на лошадяхъ. Вечеромъ генераль-губернаторъ, знать и средній

¹⁾ См. Кіевск. Старина 1892 г., № 4.

²⁾ Теперъ роща эта принадлежитъ Кадетскому корпусу. — Ред.

купеческій и чиновничій классъ возвращались въ городъ. Мастеровые, мѣщане и простой народъ изъ окрестностей только еще начинали разгуливаться. Встрѣчались и разгульные студенты, и купеческіе сынки, и молодые чиновники. Въ глубинѣ рощицы можно было натолкнуться на нескромныя сцены; слышались неприличныя пѣсни и шутки. Передъ разсвѣтомъ по дорогѣ въ Кіевъ, и въ рощѣ, и по оврагамъ, валялись сотни спящихъ и мертвецки пьяныхъ, большею частью полураздѣтыхъ или до-нага раздѣтыхъ жуликами. Особенно много валялось совсѣмъ нагихъ, и пожилыхъ, и молодыхъ, женщинъ и дѣвокъ. На слѣдующій день всѣ части наполнены были буянами обоего пола, подобранными полиціею въ теченіе ночи, а также ограбленными до нага. По вытрезвленіи они получали начальническое внушеніе въ видѣ десятковъ и сотенъ розогъ и отпускались по домамъ; а болѣе виновные, сверхъ того, наряжались мести улицы. Кромѣ этого веселаго и разгульнаго праздника, народъ десятками тысячъ, сдерживаемый полиціей, жандармами и войсками, присутствовалъ ежегодно на крестномъ ходѣ митрополита со всѣмъ духовенствомъ изъ Братскаго монастыря на Иорданъ—на Днѣпръ. За шествіемъ слѣдовали экипажи кіевской знати и въ числѣ ихъ карета съ людьми въ придворной красной ливреѣ фрейлины, графини М.

Графиня М. имѣла свой домъ въ Липкахъ; сынъ ея, тупой, здоровенный блондинъ, посѣщалъ лекціи естественнаго факультета. Была ли она бѣдна, или ужъ такова была ея натура, но о ней рассказывали слѣдующее. Жила она въ кругу знати, въ обществѣ графини Растопчиной, Судіенка, Ризнича и другихъ. Кто-то изъ этихъ богачей выдавалъ дочь замужъ; осматривали приданное, разложенное на столѣ въ особой комнатѣ. Замѣчено было, что графиня М. нѣсколько разъ любовалась брилльянтовымъ уборомъ: серьгами, діадемой, колье, браслетами и перстнемъ съ солитеромъ—цѣною въ нѣсколько тысячъ рублей. Послѣ разѣзда гостей исчезъ солитеръ и серьги. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Бибикова, онъ призвалъ одного ловкаго сыщика и объявилъ ему, что если тотъ отыщетъ пропажу, то получитъ 1000 рублей, если же пропажи

не обнаружить, а только произведетъ скандалъ, то попадетъ въ Сибирь. При этомъ намекнулъ, что особенно часто этими драгоценностями любовалась графиня М. Сыщикъ переодѣлся въ костюмъ лакея и сталъ посѣщать лавочку съ мелочами и сладостями, которую часто въ отсутствіе графини посѣщала ея довѣренная камеристка, ища развлеченія въ обществѣ другихъ горничныхъ и лакеевъ. Сыщикъ былъ ловокъ, красивъ и не безъ юмора. Онъ сталъ тѣшить всю компанію, и горничныя въ немъ души не чаяли. Влюбилась въ него и камеристка графини. Замѣтивъ это, онъ объяснился ей въ любви и выразилъ желаніе обвѣнчаться съ нею. Начались любовныя свиданія и откровенности, и камеристка, между прочимъ, рассказала ему, что до упомянутой выше свадьбы шкатулка съ украшеніями графини была у нея на рукахъ; но съ вечера свадьбы графиня забрала шкатулку въ спальню къ себѣ, у себя хранить ключъ, и когда вынимаетъ или прячетъ вещи, то ее высылаетъ изъ спальни и дверь запираетъ на замокъ. Сыщикъ рѣшилъ, что тамъ-то именно и находятся украденныя драгоценности. Взявши съ собою четырехъ десятскихъ и поставивъ ихъ вблизи дома графини, онъ попросилъ камеристку доложить о немъ, а самъ тутъ же спрятался за портьерой. Графиня закричала, что она не имѣетъ дѣла съ полицією, знать не хочетъ ея агентовъ, и пусть пришедшій убирается къ чорту, иначе она отошлетъ его къ Бибикову. Крича, графиня поднялась и хотѣла выскользнуть въ спальню. Агентъ моментально выскочилъ изъ-за портьеры, загородилъ ей дорогу и объявилъ, что арестуетъ ее и произведетъ во всемъ домѣ обыскъ, если она добровольно не отдастъ исчезнувшихъ серегъ и солитера. Графиня еще пуще раскричалась: „кто смѣетъ ее арестовать? какая-нибудь пьяная полицейская сволочь! Она его упрячетъ въ Сибирь! Она сейчасъ напишетъ записку къ Бибикову, пусть онъ самъ пріѣдетъ и полюбуется на свою полицію!“ Сыщикъ хладнокровно объявилъ ей, что серьги и солитеръ у нея въ шкатулкѣ, а шкатулка находится въ спальнѣ въ такомъ-то мѣстѣ; и что онъ сейчасъ ихъ отыщетъ въ присутствіи понятыхъ и десятскихъ, которые ждутъ его распоряженія у крыльца.

Графиня смирилась, повела его въ спальню, отперла шкатулку, отдала ему серьги и солитеръ и дала еще сто рублей. Агентъ раскланялся и ушелъ къ Бибикову, который отсчиталъ ему 1000 рублей и предложилъ повышение въ полиціи, а съ графиней видѣлся въ тотъ же вечеръ, кушалъ у нея чай; разстались весьма любезно. Но на третій день она совсѣмъ уѣхала изъ Кіева и сына опредѣлила въ Петербургскій университетъ.

Крѣпость Кіевская только съ 1848 г. стала расширяться и охватила Никольскіе ряды. Зданіе университета было единственнымъ капитальнымъ зданіемъ въ Кіевѣ. Оно обошлось казнѣ, если не ошибаюсь, въ 2 милліона слишкомъ рублей. Строилъ его профессоръ университета, архитекторъ Б. Онъ въ то же время построилъ себѣ два хорошіе дома: одинъ на Крещатикѣ, ниже жандармскихъ казармъ, другой на Старомъ Кіевѣ, подлѣ церкви св. Ирины. Говорили, что онъ составилъ себѣ порядочное состояніе.

Студенты Кіевского Университета съ самаго его основанія были въ большинствѣ поляки юго-западнаго и сѣверо-западнаго края и ополяченные дѣти русскихъ чиновниковъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Меньшинство составляли малороссы. Ополяченіе русскихъ въ означенныхъ краяхъ простиралось до того, что не только въ тѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ матери были католички-шляхтянки, но даже и въ семьяхъ, прибывшихъ изъ Малороссіи или Россіи, домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ языкъ польскій; православная прислуга тоже говорила по польски. Костелы православными дамами посѣщались чаще, чѣмъ церкви. Ловкіе ксендзы во всѣхъ русскихъ домахъ были, какъ у себя дома; вели любовныя интрижки и посредствомъ русскихъ дамъ медленно, но неустанно вели трудную работу воздвиженія фундаментомъ будущаго королевства польскаго отъ моря и до моря и торжества католицизма. Въ городахъ, даже въ селеніяхъ, гдѣ довольно оказывалось католиковъ, православныя, вышедшія за католиковъ, начинали посѣщать костелы; дѣтей отъ такихъ браковъ, не смотря на законъ, крестили

ксендзы. Польскій панъ и польскій ксендзъ были сила, передъ которою по распущенности, глупости или изъ корысти преклонялось все русское чиновничество. Притомъ даже послѣ бунта 1830—31 годовъ всѣ вліятельныя мѣста по разнымъ вѣдомствамъ наполнены были способными и ловкими поляками, втиснутыми на эти мѣста съ обдуманномъ выборомъ панами. Для полученія мѣстъ или повышеній и русскимъ приходилось искать протекціи пановъ, которой удостоивались только „*dobrze myślący*“. Русское православное духовенство было въ пренебреженіи; паны и чиновники, и польскіе, и рускіе, смѣялись надъ его бѣдностью, необразованностью и жадностью, надъ его мужичествомъ. Сплошное русское православное сельское населеніе именовалось „*bydłem*“ и изнемогало подъ панщиной, которая имѣла мѣсто даже въ годовые праздники, и канчуками экономовъ. Непокорныхъ панъ отдавалъ въ солдаты, выселялъ въ Сибирь, продавалъ, проигрывалъ въ карты и даже обмѣнивалъ на собакъ и лошадей. Всѣ суды были въ рукахъ пановъ, а всѣ судьи — поляки-паны. Всѣ дѣла съ быдломъ рѣшались въ пользу пановъ. Для быдла не существовало никакой защиты. Но быдло все таки, за немногими исключеніями, переноса и панщину, и всевозможныя истязанія, оставалось и русскимъ, и православнымъ. Нужно признаться, что въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ чиновничество вообще—и въ томъ числѣ и русское—не мало содѣйствовало подготовкѣ къ возстанію 1863 года. Каждый ксендзъ-пробошъ владѣлъ населенною православнымъ быдломъ деревнею. Когда эти деревни были впоследствии отняты у ксендзовъ и замѣнены жалованьемъ отъ правительства, въ ксендзовкахъ не оказалось уже православнаго быдла: все оно совратилось въ католицизмъ и приняло названіе шляхты. Д. Г. Бибиковъ, оказалъ услугу Россіи, что не давалъ большой воли польскимъ панамъ и ксендзамъ и ввелъ инвентари, по которымъ русское быдло должно было отбывать панщину (барщину) вмѣсто семи только три дня въ недѣлю; хотя за составленіе инвентарей въ пользу Писарева, правителя канцеляріи Би-

бикова, взыскано было не съ пановъ, а съ быдла 6000 руб. сер.

Сильно ополячивали русскихъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, существовавшихъ въ юго-западномъ краѣ. До исторіи студента Гордона и до ареста Конарскаго, директора, смотрители училищъ (prefecty) были большею частью поляки, равно какъ и большинство учителей, даже русскій языкъ читали поляки. Напримѣръ, префектомъ Немировскаго 4-хъ класснаго уѣзднаго училища былъ полякъ Миладовскій; математику преподавалъ полякъ Осечковскій, латинскій языкъ—полякъ Чарнецкій, французскій языкъ—католикъ французъ Феранъ, нѣмецкій языкъ—полякъ Грудзинскій; латинскій и русскій—полякъ Булгаровскій, рисованіе и чистописаніе—полякъ Гонзаль. Врачемъ былъ полякъ Поповскій, участвовавшій въ мятежѣ 1831 года. Законъ Божій католикамъ преподавалъ ксендзъ Антониковскій, который былъ главнымъ распорядителемъ въ училищѣ и носилъ собственно названіе префекта, а Миладовскій, не знаю почему, именовался директоромъ. Учитель приходскаго училища тоже былъ полякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ собственныхъ домахъ содержалъ многолюдную ученическую квартиру, которой считался и надзирателемъ. Географію преподавали сначала тѣ-же поляки, а потомъ пріѣхалъ малороссъ Мокіевскій. Законоучителя православнаго я по фамиліи не помню. Онъ былъ какой-то чахоточный злюка и въ гимназію никогда не являлся, даже экзаменовалъ у себя на квартирѣ, возлѣ каменной церкви. Все преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ, безъ всякаго объясненія, приказывалъ выучить столько-то параграфовъ учебника и въ слѣдующій разъ по учебнику прослушивалъ. Если кто не вызубрилъ отъ слова до слова, того вздувалъ линейками. Такъ какъ православныхъ было немного, то весь урокъ оканчивался въ четверть часа; остальное время ученики шалили возлѣ церкви или шлялись по городу. Къ нему нужно было ходить во всѣ времена года, даже по грязи, доходившей до пояса. Когда въ такомъ видѣ къ нему являлись православные ученики, то на встрѣчу имъ онъ выскакивалъ въ сѣни со словами: „такихъ запачканныхъ свиней я въ чистую горницу не пускаю. Выучите

далѣе столько-то параграфовъ, и сейчасъ вонъ въ училище, а то загадите мнѣ и сѣни“. Не только ученики между собою въ училищѣ, но и съ учителями разговаривали исключительно по польски, хотя преподаваніе происходило по русскимъ учебникамъ, и польскій языкъ вовсе не преподавался, какъ отдѣльный предметъ (онъ введенъ былъ во всѣ учебныя заведенія только передъ возстаніемъ 1863 года, по ходатайству генераль-губернатора кн. Васильчикова). На ученическихъ квартирахъ, помѣщавшихся у учителей-поляковъ и у частныхъ лицъ, исключительно употреблялся въ разговорѣ польскій языкъ. Большими частными квартирами руководили dozorgcy (надзиратели) изъ воспитанниковъ бывшаго виленскаго университета и кременецкаго лицея. Все это были люди дѣйствительно знающіе и образованные. Они прекрасно репетировали съ учениками и, сверхъ того, желающимъ за особое вознагражденіе преподавали французскій языкъ. За репетиторство отъ каждаго ученика была установлена плата, которая вносилась директору Миладовскому, а онъ помѣсячно въ видѣ жалованья выплачивалъ репетиторамъ. Эти репетиторы-надзиратели исполняли по очереди надзирательскія обязанности въ училищѣ, получая вознагражденіе изъ остаточныхъ суммъ училища. Всѣ они перебывали въ польскомъ возстаніи 1831 г. и воспитывали ввѣренныхъ имъ дѣтей въ исключительности польскаго патриотизма. Между ними особенно помнятся мнѣ весьма знающіе люди: Кульчицкій, Чернякъ, д'Артузи. И учителя, и репетиторы, и ученики поляки отзывались съ презрѣніемъ обо всемъ русскомъ и православномъ и всѣхъ русскихъ называли мужиками. Нужно отдать справедливость Миладовскому и составу учителей-поляковъ и дозорцевъ, что они преподавали недурно и гуманно обращались съ дѣтьми, въ томъ числѣ и съ русскими. Неуспѣвавшихъ старались развить репетиціями и обращеніемъ къ ихъ самолюбію, и за неуспѣшность, кромѣ оставленія на второй годъ въ одномъ классѣ, другихъ наказаній не было. За шалости, только крупныя, наказывалъ плеткой собственноручно самъ Миладовскій, и притомъ наказанія эти бывали весьма рѣдки. Ученика никто не держалъ, его не обнажали, не поднимали даже сюртука и не клали на

табуретъ или скамью. Миладовскій бралъ его за руку и стоящаго ударялъ два или три раза по педагогической части, по скюртуку и затѣмъ стыдилъ его, что онъ сѣченый, стыдилъ и классъ, среди котораго отыскалась личность, доведшая себя до такого позорнаго наказанія. Неужели они необразованные, грубые мужики, что не могутъ обойтись безъ плети; товарищамъ всегда возможно предупредить преступную шалость. Виновныхъ въ воровствѣ отдавали родителямъ на извѣстное время на исправленіе, главнымъ образомъ потому, что вору не было возможности жить между товарищами; презрѣніемъ и преслѣдованіемъ они могли бы на первыхъ порахъ довести его до самоубійства.

Братъ Гордона, бывшаго главнымъ руководителемъ польской политической затѣи въ Кіевскомъ Университетѣ, учился во 2-мъ классѣ Немировскаго дворянскаго уѣзднаго училища. Ему было не болѣе 11 или 12 лѣтъ. Вотъ въ одно утро на первый утренній урокъ явился во 2-й классъ попечитель кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке и сейчасъ спросилъ ученика Гордона. Разспрашивалъ, переписывается ли онъ съ братомъ и хорошо ли учится. Оказалось, что братъ никогда къ нему прямо не пишетъ, а кланяется ему и разспрашиваетъ о его поведеніи и успѣхахъ въ письмахъ къ родителямъ. Миладовскій засвидѣтельствовалъ, что Гордонъ весьма способный, развитой ученикъ и по успѣхамъ и поведенію считается въ классѣ, въ которомъ 125 учащихся, однимъ изъ первыхъ. Этимъ дѣло кончилось. Вѣроятно, на основаніи данныхъ слѣдственной комиссіи въ Кіевѣ, явился вскорѣ на ревизію въ Немировъ профессоръ юридическихъ наукъ Оедотовъ. Пріѣхалъ онъ во время классовъ и произвелъ осмотръ вещей, бѣлья и учебныхъ пособій въ нѣсколькихъ ученическихъ квартирахъ. Затѣмъ вызваны были изъ классовъ два взрослыхъ ученика,—въ томъ числѣ Ордынскій, отданный въ солдаты,—4-го класса, одинъ взрослый третьяго и мальчикъ лѣтъ 12 втораго, Гумницкій, сынъ помѣщика селенія Крапивна. Эти ученики уже въ классы не возвращались. Гумницкій и затѣмъ Гордонъ послѣ допроса отсланы были къ родителямъ, а три взрослыхъ увезены въ Кіевъ.

Послѣ вакаціоннаго времени училище было преобразовано въ гимназію. Весь прежній штатъ уволенъ, за исключеніемъ учителя Чарнецкаго. Директоромъ назначенъ былъ Кульжинскій, инспекторомъ Орда, а учителями явились на первыхъ порахъ семинаристы. Ополяченіе продолжалось и при русскомъ семинарскомъ режимѣ, и польскій языкъ до 1863 года продолжалъ быть единственнымъ разговорнымъ языкомъ учениковъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, и на квартирахъ. Иные русскіе православные студенты въ университетѣ большо льнули къ кружку студентовъ поляковъ, хотя безпрестанно занимавшихся своей польской политикой объ освобожденіи Польши, но большею частью прилично державшихъ себя, исправно посѣщавшихъ лекціи и усердно занимавшихся наукой,—чѣмъ къ кружку своихъ заднѣпровскихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и поповичей.

Въ послѣднемъ кружкѣ было много способныхъ и даже хорошо подготовленныхъ къ слушанію университетскаго курса молодыхъ людей, получившихъ хорошія начала у польскихъ учителей древнихъ языковъ, такъ какъ эти должности и за Днѣпромъ занимали поляки. Но этотъ кружокъ выдѣлялъ изъ себя много молодежи, страшно буйной, грубой, безнравственной, предававшейся грубому разврату, пьянству и творившей безпрестанные скандалы. Къ этой молодежи прильнуло и нѣсколько поляковъ, влекомыхъ къ такому образу жизни врожденными инстинктами.

Былъ еще кружокъ аристократическій, состоявшій изъ русскихъ и нѣсколькихъ поляковъ, который весь записался на 2-е естественное отдѣленіе философскаго факультета, весьма рѣдко посѣщаль лекціи, участвовалъ во всѣхъ балахъ, вечерахъ, концертахъ, спектакляхъ, маскарадахъ; проводилъ ночи въ карточной игрѣ и кутежѣ съ кокотками. Во главѣ этого кружка стоялъ племянникъ Бибикова богачъ С—нъ. Бибиковъ былъ опекуномъ его 4000 душъ и капиталовъ и позволялъ ему кутить сколько угодно. Къ этому кружку примыкали и упомянутый уже графъ М., Р—чъ и С—во, и свѣтлѣйшій князь Л—нъ. Но послѣднему участвовать въ кутежахъ не позволялъ губернеръ, бывшій при немъ безотлучно, сопровождавшій его

даже въ университетъ на лекціи и просиживавшій на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ. Въ этомъ же кружкѣ состоялъ сынъ не очень состоятельнаго помѣщика кievской губерніи полякъ К—скій, знаменитый кievскій танцоръ, поддерживавшій свои ресурсы счастливою игрою въ карты. Были еще два брата, князя Гедройцы, очень богатые, изъ сѣверо-западнаго края; но они не водились съ аристократическимъ кружкомъ, а пристали къ шляхетскому политикующему польскому кружку, который часто цѣлыми десятками собирався въ ихъ обширной квартирѣ по вечерамъ, гдѣ, разумѣется, шли трактаты о политикѣ, и читались запрещенныя сочиненія. Гедройцы внѣ лекцій, особенно по вечерамъ, ходили въ нагольныхъ тулупчикахъ или въ свиткахъ и въ этихъ костюмахъ посѣщали театръ, всегда исключительно помѣщаясь въ райкѣ вмѣстѣ съ братьей шляхтой. При ихъ помощи и руководствѣ для образованія польской молодежи учреждена была очень богатая секретная студенческая библіотека, состоявшая изъ собранія сочиненій лучшихъ польскихъ писателей заграничнаго изданія, запрещенныхъ сочиненій политическаго и соціальнаго содержания, такихъ же брошюръ и капитальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ университетскаго образованія. Въ университетѣ находился еще настоящій аристократъ князь Кориатовичъ-Курцевичъ; но онъ былъ до такой степени пригнетенъ бѣдностью, что не только не связывался съ кружкомъ аристократовъ, но удалялся и отъ шляхетскаго кружка и спѣшилъ уничтожать конверты отъ писемъ изъ дому, чтобы товарищи не узнали о его громкомъ княжескомъ происхожденіи. Онъ жилъ въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, гдѣ болѣе бѣднымъ студентамъ за небольшое вознагражденіе отпускалась пансіонерская пища, а помѣщеніе, освѣщеніе, прислуга, отопленіе и мытье бѣлья давались даромъ.

Въ польскомъ университетскомъ кружкѣ 46, 47, 48 и 49 годовъ, при генераль-губернаторѣ Бибииковѣ, который такъ строго слѣдилъ за польскими затѣями и пановъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, организовалось все то, что въ 1863 году вывело въ кievской и волинской губерніи шляхту и пановъ въ

банды. Видную роль въ польскомъ кружкѣ, кромѣ Гедройцевъ, игралъ сынъ учителя верховой ѣзды при университетѣ Ольшанскій, который въ 63 году самъ исполнялъ эту должность и вывелъ изъ Кіева конный вооруженный отрядъ въ 60 человекъ, состоявшій исключительно изъ студентовъ университета. Отрядъ этотъ былъ разбитъ, а Ольшанскій пойманъ и повѣшенъ.

Изъ тогдашняго-же кружка университетскаго вышли большею частью тѣ мировые посредники, которые въ 63 году снимали въ селахъ и деревняхъ караулы для пропуска небольшихъ бандъ и одинокихъ повстанцевъ, спѣшившихъ на сборные пункты, тѣ становые пристава и ихъ помощники, а также судебные слѣдователи и акцизные чиновники, тѣ жандармскіе офицеры, которые всякое недоразумѣніе между помѣщиками и крестьянами, между властью и крестьянами, провозглашали бунтами и раздували ихъ до крайности, придавая имъ политическій оттѣнокъ. Они рассчитывали, что вооруженное усмиреніе и сѣченіе на смерть хлоповъ охладитъ преданность послѣднихъ Царю и Россіи, послѣ чего, посредствомъ золотыхъ грамотъ и широкихъ обѣщаній, легко будетъ склонить послѣднихъ идти вмѣстѣ съ поляками драться противъ русскихъ войскъ. А сколько медиковъ, домашнихъ учителей, предводителей дворянства, чиновниковъ разныхъ губернскихъ и даже столичныхъ вѣдомствъ получили закваску въ томъ-же кружкѣ и интриговали повсемѣстно въ Россіи въ пользу независимой Польши отъ моря и до моря! Въ Петербургѣ стали представлять себѣ юго-западный и сѣверо-западный край, населенный испоконъ вѣка сплошною массою русскаго народа, чѣмъ-то кореннымъ польскимъ, отобраннмъ у Польши, гдѣ живутъ хлопы готовые возстать по наущенію злоумышленныхъ людей не только противъ землевладѣльцевъ, но противъ законной русской власти. Событія во Франціи, затѣмъ въ Австріи, Пруссіи и Германіи въ сороковыхъ годахъ не мало тревожили власть. Тутъ уже не одни польскія и якобы малороссійскія затѣи, но врагъ болѣе грозный, охватившій почти всю Европу, стучался въ двери. Кіевскій университетъ, какъ порубежный, обратилъ особенное на себя вниманіе. Генераль-губернаторъ и попечитель округа

Бибииковъ получилъ чрезвычайныя права въ управляемомъ имъ краѣ. Польскій кружокъ, продолжалъ принимать свои мѣры. Бибииковъ строго сталъ требовать аккуратнаго посѣщенія лекцій и соблюденія формы и чинопочитанія. Поляки все это исполняли съ удивительною точностью. Каждый полякъ имѣлъ всѣ пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ, и всѣ они были застегнуты; снимали шапки и прикладывали пальцы къ шляпамъ не только передъ генералами, но чуть-ли не передъ всѣми носившими эполеты. Болѣе зажиточные стали являться уже не въ райкѣ въ театрѣ, а въ креслахъ въ полной формѣ и вели себя вполне прилично. Однажды между ними пронесся слухъ, что студентъ З — цкій подружился въ райкѣ съ какимъ-то пьянымъ русскимъ рабочимъ, который принялъ З — цкаго по костюму и говору тоже за русскаго рабочаго. Они вмѣстѣ вышли изъ театра. Рабочій пригласилъ З — цкаго выпить въ шинкѣ и, окончательно опьянѣвши, дорогою сталъ приглашать его явиться черезъ три дня къ университету рѣзать студентовъ, такъ какъ они поляки — враги Царя и пускаютъ черезъ трубу въ обсерваторіи на Подоль холеру. А холера тогда сильно свирѣпствовала въ Кіевѣ, особенно на Подоль. З—цкій довелъ пьянаго до квартиры и на другой день объявилъ объ этомъ товарищамъ. Его сейчасъ-же нарядили въ мундиръ и съ ассистентами повезли къ Бибиикову. Бибииковъ отправилъ З—цкаго переодѣтымъ въ рабочій костюмъ съ полиціймейстеромъ въ квартиру болтавшаго рабочаго. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ вчерашней выпивки, и хотя запирался, но путался въ показаніяхъ. Его арестовали и, кажется, порядкомъ высѣкли. Я думаю, что это — не болѣе, какъ польскій фортель — обратить бдительность власти въ иную сторону и дать ей почувствовать, что жизнь смирныхъ поляковъ виситъ на волоскѣ.

Кромѣ аккуратнаго посѣщенія университета, соблюденія формы, исправности въ пуговицахъ и чинопочитанія, обращено было строжайшее вниманіе на то, чтобы профессора, особенно исторіи, философіи и словесности, читали свои предметы, строго придерживаясь предписанной программы; не смѣли зарождать въ умахъ слушателей недовѣріе или неуваженіе къ Россіи и

существующему въ Россіи порядку управленія. Профессоръ русской литературы Селинъ, весьма симпатичная личность, владѣвшій безспорно ораторскимъ талантомъ, изощрялъ все свое краснорѣчіе на древнихъ памятникахъ русской литературы, едва скользя по памятникамъ XVIII вѣка и не позволяя себѣ проникать въ XIX столѣтіе. Профессоръ всеобщей исторіи Старовскій читалъ фактически, по гимназическому, позволяя только себѣ подолѣе останавливаться на безобразіяхъ инквизиціи, индульгенцій, католическихъ монастырей и жизни и дѣяніяхъ папъ (по Ранке), а также щекоталъ нервы своихъ слушателей изображеніемъ гаремной жизни восточныхъ властителей и описаніемъ приготовленія къ брачной ночи дѣвицъ для персидскихъ царей. Орестъ Марковичъ Новицкій прекрасно, толково и ясно излагалъ логику, психологію (онъ издалъ краткія и обширныя руководства этихъ предметовъ) и весьма сжато и сухо исторію философскихъ системъ древняго міра. Еще больше сухостью и туманностью отличалось изложеніе исторіи новыхъ философскихъ системъ Гогоцкаго. Но предполагалось упразднить эту кафедру въ университетѣ. Старикъ Скворцовъ кафедральный протоіерей Софійскаго собора, митроносецъ и профессоръ философіи въ духовной академіи, читалъ въ университетѣ богословіе безжизненно и скучно. Половина часовой лекціи проходила въ переключеѣ, а на лекцію собирались оба отдѣленія философскаго факультета и юридическій факультетъ. Отсутствующимъ ставились *азики*; но такъ какъ Скворцовъ и сквозь очки не видѣлъ хорошо, то часто вмѣсто отсутствующаго *азикъ* приходился присутствующему. На окончательныхъ испытаніяхъ эти *азики* играли большую роль, такъ какъ ими Скворцовъ хотѣлъ конфузить студентовъ, не посѣщавшихъ въ теченіе года его лекцій. Впрочемъ, присутствовавшій всегда на окончательныхъ испытаніяхъ по богословію митрополитъ Филаретъ принималъ сторону сконфуженныхъ, одобрялъ ихъ отвѣты, настаивалъ на хорошихъ отмѣткахъ и заставлялъ Скворцова упрягивать книжицу съ *азиками*. Студентъ Т — бѣ, юноша небольшихъ способностей, страшно самолюбивый и честолюбивый, старался всѣми способами выдѣлиться и выдвинуться

среди товарищей; онъ ухаживалъ за всѣми профессорами, и, наконецъ, на исповѣди передъ Пасхою смутилъ бѣднаго старика Скворцова, признавшись въ своемъ невѣріи. Два дня бесѣдовалъ съ нимъ Скворцовъ и къ удовольствію своему сдѣлалъ его опять вѣрующимъ и затѣмъ особенно благосклонно сталъ къ нему относиться, часто приглашая его къ себѣ въ домъ для духовныхъ собесѣдованій. О невѣріи Т—ба и чудномъ скоромъ его обращеніи заговорилъ весь университетъ и городъ. Т—бу только того и нужно было. Онъ сталъ рассказывать и въ глаза говорить Скворцову, что святая молитва его, Скворцова, болѣе на него подѣйствовала, чѣмъ его вполнѣ убѣдительныя доказательства, и что онъ, Т—бъ, имѣлъ затѣмъ сонное видѣніе, которое вполнѣ и навсегда сдѣлало его вѣрующимъ. Этими выходками онъ добился того, что его назначили учителемъ одной изъ кіевскихъ гимназій, чего не удостоивались даже первые изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ. Т—бу никогда не пришло-бы въ голову объявить себя невѣрующимъ, но самъ Скворцовъ подаль ему эту мысль, опровергая въ аудиторіи положенія Штраусса, направленные противъ чудесъ и Божескаго естества Спасителя міра.

Греческихъ и римскихъ классиковъ, исторію литературъ и древностей этихъ народовъ читали ординарные профессора нѣмцы Нейкирхъ и Делленъ. Греческую грамматику первому курсу читалъ адъюнктъ-профессоръ Страшкевичъ. Нейкирхъ былъ страшно сухой и пунктуальный нѣмецъ; чтеніе его отличалось необыкновенною сухостью и почти одной номенклатурой писателей, ихъ сочиненій и предметовъ старины. Чтеніе древностей и литературы греческой происходило на латинскомъ языкѣ; греческихъ классиковъ Нейкирхъ тоже переводилъ на латинскій языкъ. Къ русскимъ объясненіямъ онъ рѣдко прибѣгалъ по той причинѣ, что хотя и изучилъ русскій языкъ грамматически, но въ живомъ разговорѣ боялся передъ аудиторіей сдѣлать ошибку въ удареніи или сочетаніи словъ. Делленъ былъ прямая противоположность Нейкирху--это былъ живой, весьма симпатичный и весьма снисходительный ко всѣмъ чловѣкъ, бойко и скоро говорившій по русски, хотя часто съ

ошибками, надъ которыми смѣялся вмѣстѣ съ своей аудиторіей Разъ онъ употребилъ слово *халатъ* вмѣсто *палатка*. Когда ему объяснили различіе этихъ словъ, онъ хохоталъ надъ собою и не могъ успокоиться до конца лекціи. До какой степени онъ былъ добръ, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды учителя словесности Немировской гимназіи Р—цкаго назначили преподавателемъ латинскаго языка въ одну изъ Кіевскихъ гимназій. Латинскій языкъ у него пошелъ плохо. Присутствовавшіе на испытаніи профессора университета постановили сдѣлать Р—цкому замѣчаніе и поручили это дѣло Деллену. Послѣдній пригласилъ къ себѣ Р—цкаго, напоилъ его чаемъ, деликатно высказалъ нѣсколько совѣтовъ, вообще похвалилъ его преподаваніе и на прощаніе расцѣловалъ его. Страшкевичъ старался во всемъ подражать Нейкирху.

Эстетику весьма недурно читалъ Костырѣ. Французскій, нѣмецкій, англійскій, и итальянскій языки читались лекторами, вовсе не говорившими по русски, и аудиторіи ихъ почти всегда оставались безъ слушателей. Былъ, кажется, на 2-омъ отдѣленіи философскаго факультета профессоръ агрономіи нѣмецъ Мерцъ, который могъ читать писанное по русски, но не понималъ ни одного слова на этомъ языкѣ. Для него кто-то перевелъ на русскій языкъ и отлитографировалъ чью-то агрономію. Мерцъ по ней и читалъ, и если на послусловѣ его заставлялъ колокольчикъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, онъ оканчивалъ лекцію полусловомъ, проводя посрединѣ слова черту сверху внизъ карандашомъ, и слѣдующую лекцію начиналъ окончаніемъ слова. Напримѣръ: одна лекція оканчивалась началомъ слова: *земле*—а слѣдующая начиналась окончаніемъ этого слова: *дтліе*. Другой профессоръ нѣмецъ читалъ: *у рыбъ семь зубъ*; но замѣтивъ улыбку на устахъ слушателей и понявъ, что сдѣлалъ ошибку, онъ поправлялся: *у рыбозъ семь зубозъ*. Опять видя неладное сочетаніе, еще разъ поправлялся: *у рыбей семь зубей*. Лекцій Мерца никто не посѣщалъ изъ его обязательныхъ слушателей; но аудиторія его часто бывала очень полна и только къ концу лекціи пустѣла до послѣдняго человека. Дѣло въ томъ, что студенты разныхъ факультетовъ, приходя

ранѣ начала своихъ лекцій, собирались къ Мерцу въ аудиторію и тамъ, кто писалъ, что читалъ; одни входили, другіе выходили. Но Мерцъ этого не замѣчалъ, не смѣя оторвать глазъ отъ тетрадки, чтобы не потерять строки. Разъ ректоръ Траутфеттеръ заглянулъ въ его аудиторію къ концу лекціи; но никого изъ слушателей не нашелъ; одинъ Мерцъ громко читалъ по тетрадкѣ, воссѣдая на каедрѣ. Траутфеттеръ, чтобы не конфузить компатріота, поспѣшилъ убраться изъ аудиторіи.

Къ концу царствованія Николая Павловича въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ введена была маршировка и военная выправка. Бибиковъ, развѣзжая верхомъ по Кіеву и окрестностямъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, замѣчалъ студентовъ которые не застегивали на всѣ пуговицы сюртуковъ и мундировъ или не имѣли всѣхъ пуговицъ; такихъ студентовъ Бибиковъ строго наказывалъ. Разумѣется, эти кары выпадали исключительно на долю беззаботныхъ малороссовъ. Профессора и учителя не получали никакихъ наградъ и пособій. Одни ректоры удостаивались за свою административную службу Станислава 2-ой степени на шею; напр., Оедоровъ и Траутфеттеръ; изъ профессоровъ одинъ только профессоръ исторіи Ставровскій удостоился Станислава 3 степени въ петлицу. Нивакой учитель, инспекторъ и даже директоръ не могъ удостоиться полученія Станислава 3 степени. Если же случались ордена у директоровъ и инспекторовъ, то таковыя ими получены были за военную ихъ службу. Высшіе чиновники и аристократія болѣе ограничивались домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, а затѣмъ ихъ стали направлять въ училище правовѣдѣнія. На крупныя шалости, буйства и кутежи студентовъ Бибиковъ смотрѣлъ сквозь пальцы и наказывалъ снисходительно, общимъ всему университету предостереженіемъ на словахъ, выговоромъ виновнымъ и рѣдко карцеромъ. Но несоблюденіе формы, дисциплины, чинопочитанія наказывалось строго.

Инспекторомъ студентовъ былъ полковникъ гвардіи Сычуговъ, потерявшій носъ въ сраженіи съ поляками въ 1831 году. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но довольно честный, добрый и снисходительный къ молодежи. Всѣ субъ-инспектора

тоже были отставные военные въ капитанскихъ или маіорскихъ чинахъ, каковы, напр.: Троцкій, князь Баратовъ, Гудимъ-Левковичъ. Они по вообще старались ладить со студентами и не позволяли себѣ въ обращеніи съ ними никакихъ дерзостей. Нѣкоторые студенты даже подружались съ Троцкимъ и Гудимой, у которыхъ были семейства, а въ семействахъ барышни; бывали у нихъ запросто и танцовали на вечерахъ. Троцкій, капитанъ артиллеріи, былъ человѣкъ бѣдный, страшно дорожилъ своимъ мѣстомъ съ квартирой, отопленіемъ и 500 р. жалованья. Онъ до того трусилъ начальства, что совершенно терялся, все перепутывалъ и готовъ былъ наврять всякихъ небылицъ.

Студентовъ казенно-коштныхъ изъ штрафгауза кормили не особенно хорошо. Сколько помнится, на каждого студента изъ казны отпускалось по 150 р. въ годъ. Въ тогдашнее время это была очень высокая стипендія. Между тѣмъ студентамъ отпускалось въ 8 ч. утра и въ 8 ч. вечера по стакану чаю и по булкѣ. Чай былъ безвкусный, чуть сладкій и булки часто черствыя, которыя не разбирались наканунѣ и продавались за полцѣны. На обѣдъ былъ борщъ или супъ безъ говядины; говядина—отдѣльное кушанье, облитая пригорѣлымъ изъ муки и говяжьего жира соусомъ, и третье блюдо—какая-нибудь каша; а по праздникамъ: супъ съ говядиной, жаркое, всегда прескверное, и какое-нибудь неудобоваримое пирожное. Иногда припасы овазывались несвѣжими, а булки—твердыми, какъ дерево. Выведенные изъ терпѣнія студенты иногда ругали эконома Ч—скаго и однажды рѣшились побить его. Обыскали его квартиру, но онъ успѣлъ спрятаться, а на другой день занесъ жалобу исправлявшему должность попечителя, за отъѣздомъ Бибикова въ Петербургъ, помощнику попечителя Юзефовичу. Много хлопотъ было съ этимъ дѣломъ, пока наконецъ оно кончилось сравнительно благополучно. Юзефовичъ пріѣхалъ въ университетъ на обѣдъ студентовъ. Тутъ одинъ за другимъ студенты стали выходить изъ-за стола къ Юзефовичу и приносить жалобы на эконома. Юзефовичъ потребовалъ Ч—скаго и предложилъ ему въ тотъ-же день подать въ отставку. На его мѣсто поступилъ

нѣмецъ, протеже Траутфеттера. Но нѣмецъ не доводилъ дѣла до крайности и старался поддѣлываться подъ вліятельныхъ студентовъ, которымъ постоянно жаловался на бѣдность и многочисленную семью. А Ч—скій плакался потомъ передъ студентами на свою глупость, прибавляя, что знай онъ, что дѣло такъ кончится, онъ не только не спрятался бы и не жаловался, а далъ бы полное удовлетвореніе студентамъ: самъ раздѣлся бы и легъ, чтобы студенты поучили его уму-разуму и высыпали бы ему горяченькихъ полтораста. Значить, ужъ слишкомъ выгодно было служить экономомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

дурно. писателю Коль было предложено в разный
местах еще познакомиться с кем-то, между дру-
гими с мамой сестры писателя Курина, Кав-
райский. Но упрямое и упрямое мнение Комите
та В. С. С. Курина не позволило, сближаясь
с полагали, чтобы сего времени поехать
на казачество, Матереево - Кисево, переехать
во Львов и стать издавать сочинения, а что
ранее видны - был, переехав представлять раз-
дай писателя; видя, что Матереево в Рос-
сию представлять раздай писателя и уехать
Матереево и думать сестры в писателя
и ка было во всем отыскать, так как это
сближение было раздай с раздай существо-
вано в старину и было в Матереево раздай су-
дей Матереево. Неужели же уехали, что Мат-
еево отдала в раздай в раздай раздай
идеи, а прочие раздай в раздай раздай
восточной Евр. России, а после и в раздай
восточной в раздай раздай. Только в
царствование Александра II были по-
лучены: Матереево в раздай раздай,
Восточная и раздай раздай раздай
русской истории в Сиб. уездной комиссии; Курина
определили в уездной комиссии в
царство посылать, посылать писателя ин-
ститута уездной комиссии; а в раздай
стали не было писателя издать: а в
Матереево - уехали в раздай.

Курина того, в раздай: Матереево, французский (15)
писатель Матереево, Восточной, замечательный и
литературный: Кареево - Кареево. Матереево служил
в Восточной, уездной комиссии в 2^й раздай комиссар,
а Матереево служил в раздай комиссар. Это был
не только раздай в раздай раздай среди раздай
само и в раздай население, среди писатель - Матереево
так и уехали в раздай, но сильно сближаясь с
Матереево и раздай раздай, а также с писателя
уездной комиссии: Матереево, Кареево и Матереево.
Матереево был в раздай раздай раздай

но саториваю, но введши в дельте фиделию
по фиделию, и сать симпатизию - в дельте, фиделию симпатизию
своевольство фиделию, таже парадокс, каваз сь
мачавь урочиво сьвольство и мепотуриано
самовольство. Этии идеи сьвольство в предвидеть
в урочиво; каваз адель мачавьство и мепоту
риано мепотуриано, приуурочиво и урочиво мепоту
риано при урочиво урочиво. Паридоксиде лави
ривалию, каваз урочиво, сьвольство сьвольство до
урочиво мепотуриано урочиво. Каваз адель
таже, что адель дельте мепотуриано. Паридоксиде
и сьвольство сьвольство сьвольство, сьвольство
и сьвольство урочиво дельте, что сьвольство в сьвольство
мепотуриано дельте против России, что по сьвольство
и по величье дельте мепотуриано мепотуриано
ли Эврену.

но мепотуриано - каваз в мепотуриано сьвольство 13
сьвольство мепотуриано мепотуриано и мепотуриано; мепотуриано
мепотуриано сьвольство сьвольство мепотуриано урочиво
мепотуриано мепотуриано.

но при величье таже мепотуриано дельте мепотуриано 13
мепотуриано философия урочиво мепотуриано мепотуриано
мепотуриано.

сьвольство, что мепотуриано мепотуриано мепотуриано и 14
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано;
мепотуриано, сьвольство мепотуриано мепотуриано, что сьвольство
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано и
урочиво мепотуриано, мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано
мепотуриано мепотуриано; мепотуриано сьвольство мепотуриано
и мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано.

но это величье мепотуриано мепотуриано и мепотуриано мепотуриано 15
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано,
мепотуриано и мепотуриано и мепотуриано и мепотуриано
мепотуриано. мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано
мепотуриано мепотуриано мепотуриано мепотуриано, сьвольство
мепотуриано мепотуриано мепотуриано до мепотуриано мепотуриано
мепотуриано мепотуриано мепотуриано и мепотуриано

РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО.

Петръ Ивановичъ Калнишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только изслѣдователей запорожской старины, но и просвѣщенныхъ читателей вообще. Интересъ къ его личности обуславливается какъ значеніемъ его въ исторіи послѣднихъ годовъ Запорожья, такъ и его трагической судьбою по уничтоженіи Сѣчи.

Послѣ знаменитаго Сирка, любимца запорожцевъ, 12 разъ избиравшася ими кошевымъ, Калнишевскій былъ едва-ли не самый замѣчательный запорожскій предводитель. Ловкій дипломатъ, даровитый администраторъ, одинаково удачно сносившійся и съ петербургскими вельможами, и съ сѣчевою „голоотою“, онъ одинъ былъ способенъ поддержать, даже обновить падавшее Запорожье. Десять лѣтъ подъ рядъ, съ 1765 по 1775 годъ, онъ удерживалъ за собою постъ кошевого атамана. За него, видимо, уцѣпились и крѣпко держались сѣчевые братчики, смутно предчувствовавшіе кончину милаго Запорожья. Дѣйствительно, судя по мѣрамъ, которыя принималъ Калнишевскій, онъ ясно понималъ тѣ условія, при которыхъ Запорожье могло бы еще существовать въ будущемъ.

Былое значеніе Сѣчи пропало безвозвратно. Она могла остаться только какъ болѣе или менѣе своеобразное поустройству военнопоселенческое общество, не противорѣчащее общегосударственнымъ порядкамъ и въ себѣ самомъ черпающее силы и средства для дальнѣйшаго существованія. Чтобы удержать за собою огромную запорожскую территорію, наод

было фактически овладѣть ею, т. е. ее колонизовать. Чтобы не просить у правительства хлѣбнаго жалованья и не добывать средствъ набѣгами на невѣрныхъ, надо было завести правильное земледѣліе, промыслы и торговлю. Чтобы не вооружать противъ себя всесильныхъ тогдашнихъ заврѣпостителей приѣмомъ бѣглецовъ и не быть въ сомнительномъ положеніи относительно прилива социальна свободныхъ людей, надо было... переженить запорожцевъ. Послѣднее, конечно, пришлось бы отложить въ концу, предоставить времени и обстоятельствамъ.

Горячія головы „дитокъ“ могли продолжать мечтать о томъ, что козаку, какъ говорится въ думѣ,

... не честь, не подоба—по риллямъ спотыкаты,
Жовтыхъ чобить каляты,
Дорогіи сухни пыломъ набываты..

А всего приличнѣе:

Питы шидь городъ Тягивю гулаты,
Славы-гнцарства доставаты.

Но у „батька“—кошевого совсѣмъ иное было въ головѣ. Калнишевскій усиленно занялся колонизаціей Запорожья. Выросли не только новые зимовники, хутора, но цѣлыя села. Народъ шелъ изъ Украины русской и польской, изъ Молдавіи, изъ Новосербскихъ поселеній и даже изъ татарскаго Буджака. Въ то-же время Калнишевскій отбылъ цѣлый рядъ депутацій въ Петербургъ, отстаивая юридически права Коша на заселяемая земли. Много надо было ума и такта, чтобы вести запорожскія дѣла въ то время.

Эти административныя и дипломатическія заслуги Калнишевскаго на столько важны, что онѣ совсѣмъ заслоняютъ его военныя доблести. А между тѣмъ Калнишевскій, во главѣ запорожцевъ, съ честью выдержалъ первую турецкую войну, исполняя самыя отвѣтственныя порученія главнокомандующихъ. Потемкинъ, числясь уже въ то время сѣчевымъ братчикомъ, въ серединѣ войны, въ 1772 году, просилъ Калнишевскаго

внести его имя въ списки именно Куцевскаго куреня, къ которому принадлежалъ самъ Калнишевскій ¹⁾.

Слишкомъ поздно Запорожье, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, поняло необходимость реорганизаціи. Событія политическія предупредили его. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира оно было охвачено кольцомъ отобранныхъ у Турціи земель и, не будучи готово къ новой роли, обречено было на уничтоженіе. Послѣдовало занятіе Сѣчи Текелліемъ въ 1775 году. Большинство запорожцевъ, по преданію (разсказъ извѣстнаго Коржа), разбрелось въ разныя стороны, преимущественно къ берегамъ Чернаго моря, а главные представители запорожской старшины были арестованы и отправлены Текелліемъ въ Москву. Это были: кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, войсковой писарь Иванъ Яковлевичъ Глоба и войсковой судья Павелъ Флоровичъ Головатый.

Сиромъ Калнышъ захлынавъ гирко!
 Зо всякимъ козакомъ обнимався,
 Сказавъ: прощай, славно, храбре військо!
 Та вже більшъ и не вертався... ²⁾

Куда дѣвались затѣмъ изъ Москвы злополучный кошевой и его товарищи, никто не зналъ. Авторъ „Исторіи Новой Сѣчи“ г. Скальковскій еще въ 1841 году былъ въ невѣдѣніи относительно участи Калнишевскаго. Онъ предполагалъ ссылку его на Донъ, основываясь на словахъ пѣсни, сложенной очевидно по этому случаю:

Ой полеты, та полеты, чорная галко,
 Та на Дниъ рыбы исты:
 Ой принеси, та принеси, чорная галко,
 Одъ кошового висты...

Оказалось однако, что Калнишевскій былъ сосланъ совсѣмъ въ противоположную сторону. Подъ сильнымъ конвоемъ онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Архангельскъ и оттуда въ Соловецкій монастырь.

¹⁾ Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, III, 127—129.

²⁾ Современная пѣсня, у Скальковскаго, III, 195.

Дѣйствительно, Кальнишевскій до смерти ужъ не оставилъ святой обители. Умеръ онъ 31 октября 1803 года, выпущенный не задолго передъ тѣмъ на волю.

Въ пятидесятихъ годахъ былъ настоятелемъ въ Соловецкомъ монастырѣ архимандритъ Александръ Павловичъ, малороссъ родомъ, по Высочайшему повелѣнію награжденный, говорятъ, какимъ-то военнымъ знакомъ отличія за отраженіе отъ монастыря англичанъ и удостоенный сана полтавскаго епископа¹⁾. Онъ узналъ о заключеніи и смерти въ Соловкахъ Калнишевскаго, нашелъ его могилу и покрылъ ее каменною плитою съ слѣдующею надписью: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной сѣчи козаковъ Атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокоествіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою, доброю. Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ. Аминь. 1856. А. А.“²⁾. Не придавалъ ли преосвященный Александръ значенія личности Калнишевскаго, или причиною была иноческая скромность, только потомъ и отъ него никто ничего не узналъ объ участи послѣдняго кошевого.

Уже въ семидесятихъ годахъ открылъ мѣсто заключенія Калнишевскаго г. Ефименко, и свѣдѣнія свои опубликовалъ въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1887 году Соловецкій монастырь посѣтилъ г. Эварницкій, нѣсколько лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ Запо-

¹⁾ Старожилы изъ духовенства Полтавской губерніи рассказываютъ много анекдотовъ объ этомъ воинственномъ, но простодушномъ и добромъ человѣкѣ. Привыкнувъ въ удаленной отъ всего свѣта обители распорядиться по отечески, строго и безъ чиновъ, преосвященный и здѣсь не церемонился, вслѣдствіе чего часто попадалъ въ просакъ и потомъ добродушно заглаживалъ свои неосторожности.

²⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, II, 185.

рожья, и собралъ о Калнишевскомъ самыя точныя справки. Онъ подробно описываетъ мѣста заключенія Калнишевскаго, предметы церковной утвари, имъ пожертвованныя въ монастырь, извлекаетъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ монастырскихъ архивныхъ дѣлъ, приводитъ нынѣ существующія преданія о немъ у монаховъ и проч. Присоединимся къ мнѣнію г. Эварницкаго, что едвали справедливо, будто Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду; тогда при уничтоженіи Сѣчи ему должно было быть 84 года, это совсѣмъ не вяжется съ представленіемъ о бодромъ, полномъ жизни человѣкѣ, какимъ является Калнишевскій въ его дѣлахъ и писаніяхъ того времени. Да и врядъ ли 84-лѣтній старецъ выдержалъ бы 28 лѣтъ неимоверно тяжкаго заключенія.

Товарищи Калнишевскаго по несчастію, Глоба и Головатый, тоже умерли въ ссылкѣ: первый въ г. Туруханскѣ на р. Енисей, второй въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

Откуда былъ родомъ Калнишевскій?

Г. Скальковскій еще въ 40-хъ годахъ писалъ въ своей „Исторіи Новой Сѣчи“: „Хотя въ куренныхъ спискахъ Кушевскаго куреня онъ былъ записанъ подъ именемъ *Петра Калнижа*, но мы знаемъ навѣрно, что онъ происходилъ изъ козачьяго, и дворянскаго званія Малороссійскаго, изъ Лубенскаго полка. Но подобно всѣмъ Запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ¹⁾. Достоверно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ Лубенскимъ Стефаномъ Вертильякомъ, а сестра за какимъ то Лубьяновичемъ изъ с. Троцивки²⁾.

„Въ 1763 г. построилъ онъ церковь въ Лохвицѣ, въ 1768 г. въ Кіевѣ, въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя Св. Петра и Павла, а въ 1770 въ Ромнахъ; въ то же время по-

¹⁾ И такъ г. Скальковскій полагаетъ, что настоящая фамилія послѣдняго кошевого—*Калнишевскій*, а *Калнишъ*—передѣлка по вкусу запорожцевъ. Изъ приводимыхъ ниже документовъ обнаруживается однако, что на родинѣ онъ былъ извѣстенъ только подъ именемъ *Калниша* и что передѣлкой скорѣе будетъ форма *Калнишевскій*.

²⁾ Потомки Вертильяка живутъ доселѣ; одна отрасль ихъ рода имѣетъ имѣніе въ Херсонской губерніи и уѣздѣ, близъ урочища на Мѣловомъ-Оврагѣ, гдѣ

слалъ къ Іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды¹⁾.

Всѣ свѣдѣнія историка Новой Сѣчи о построенныхъ Калнишевскимъ церквяхъ вполнѣ достовѣрны. Въ Межигорьѣ и въ Ромнахъ церкви его стоятъ по сей день, въ Лохвицѣ сгорѣла. Что кошевой строитъ церковь въ запорожскомъ монастырѣ, каковымъ былъ Межигорскій по преимуществу, это понятно. Но почему выборъ его падаетъ на Лохвицу и Ромны, два незначительные городка, какихъ были десятки въ его время въ Малороссіи? Утвержденіе г. Скальковскаго о происхожденіи Калнишевскаго изъ Лубенскаго полка поэтому, очевидно, основательно. Гдѣ-же его родина?

Живя въ Ромнахъ, я и занялся между прочимъ отысканіемъ родины Калнишевскаго. Расскажу здѣсь объ этихъ досужныхъ поискахъ.

У г. Эварницкаго есть выписка изъ „Полнаго собранія законовъ“ (т. XXVI, № 19784), въ которой говорится, что въ спискахъ разныхъ лицъ, помилованныхъ Императоромъ Александромъ I, по вступленіи его на престолъ, былъ и „Петръ Ивановичъ Калнишевскій, *подольскій шляхтичъ*“²⁾.

Прежде всего надо было обратить вниманіе на церкви. Изъ Лохвицы я получилъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ однимъ изъ священниковъ. По сохранившемуся преданію, Калнишевскій построилъ тамъ соборную церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, деревянную, которая недолго существовала и сгорѣла отъ громоваго удара; загорѣлась она 19 іюля 1799 года вечеромъ, какъ разъ во время всенощной наканунѣ праздника св. пророка Ілии. Что бывшую соборную церковь въ Лохвицѣ построилъ Калнишевскій, это доказывается не только

Каменская Сѣчь была. *Прим. г. Скальковскаго.* Села *Троицки* въ Полтавской губерніи, судя по „Спискамъ населенныхъ мѣстъ“, нѣтъ (это должно быть описка или опечатка), а есть село *Процовеа* или *Процивка*, подъ г. Ромнами. Въ Ромненскомъ уѣздѣ и въ настоящее время живетъ родъ дворянъ Лукьяновичей. Не разъяснить ли это нибудь изъ просвѣщенныхъ членовъ этого рода своего родства съ Калнишевскимъ?

¹⁾ Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, II, 266.

²⁾ Запорожье, II, 183—184.

преданіемъ, но и нѣкоторыми документами. Въ одномъ старомъ „дѣлѣ“ о постройкѣ нынѣшняго лохвицкаго собора есть черновая письма, писаннаго (къ сожалѣнію, мнѣ не сообщаютъ — вѣмъ) къ *черноморскимъ* старшинамъ: Ѳедору Яковлевичу Бурсаку ¹⁾, Мокію Семеновичу Гулику (полковникъ и кавалеръ), Константину Тимофѣевичу Кордовскому (войсковой асаулъ), Козьмѣ Ильичу Бѣлому, Степану Корнѣевичу Порываю (войсковой писарь) и Евтихію Мироновичу Чепѣгѣ (премьеръ-маіоръ), въ которомъ говорится: „состроенную въ Лохвицѣ бывшимъ Запорожской Сѣчи кошовымъ Петромъ Калнышомъ знатнымъ капиталомъ соборную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь подъ самое зѣ вечера отправляемое тогда заутреннее служеніе громовымъ ударомъ зажгло и все сгорѣло, вынесенъ только изломанный иконостасъ, стоящій десять тысячъ, и икона Божіей Матери чудовная, въ особомъ кіотѣ, существующая болѣе 120 лѣтъ“. Отъ стараго иконостаса, при возобновленіи его въ 1851 году, оставлены двѣ доски, бывшія въ тумбахъ иконостаса, съ надписью, которую трудно разобрать; можно прочесть только имена Петра Калныша, отца его Іоанна и матери Агафіи.

Интересенъ фактъ переписки между лохвичанами и черноморцами. Обращались-ли лохвичане за помощью къ черноморцамъ, какъ къ людямъ близкимъ къ прежнему строителю ихъ церкви, или черноморцы интересовались памятниками, оставшимися послѣ Калнишевскаго,—пока неизвѣстно.

Есть при дѣлѣ и квитанція отъ 5 октября 1763 года, въ которой говорится, что отъ господина кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго получено на церковь соборную лохвицкую 500 рублей; на какой предметъ—тоже неизвѣстно ²⁾.

¹⁾ Войсковой атаманъ черноморцевъ, занимавшій эту должность съ 22 декабря 1799 г. по 1816 годъ. Другія лица—его сослуживцы.

²⁾ Изъ сохранившихся отъ старой церкви вещей замѣчательны: 1) евангеліе въ поллистъ, львовской печата 1601 года, въ полиняломъ бархатномъ переплетѣ съ серебряными накладками на верхней доскѣ и 2) серебряная чаша, „суто вызолоченная“ и имѣющая латинскую форму „пушья“, съ литыми, наложенными на ней, херувимами и слѣдующею надписью на подножій: „Pix ecclesiae in Bobrowniki ad fluvium Apprum vulgo Wieprz in districti Lublinensi. Anno DNI 1626“. По преданію чаша эта и чудотворный образъ Божіей Матери принесены запорожцами изъ похода.

Церковь Калнишевскаго въ Ромнахъ стоитъ понынѣ въ томъ видѣ, какъ она была построена. Это церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, стоящая на спускѣ къ Засулю. Наружностью своею зданіе сейчасъ-же подкупаетъ любителя старины: оно въ высшей степени типично: это одинъ изъ чистыхъ образчиковъ деревянныхъ малороссійскихъ храмовъ прошлаго и позапрошлаго столѣтія. Зданіе храма не велико и нѣсколько какъ будто выше, чѣмъ-бы ему слѣдовало быть, судя по длинѣ и ширинѣ ¹⁾; словно хочетъ церковь поднять главу на столько высоко, чтобы видѣть, что дѣлается на плоскогоріи въ городѣ. Основаніе храма представляетъ собою правильный крестъ, съ обрѣзанными углами. Надъ каждою оконечностью креста самостоятельно вырастаетъ придѣлъ, увѣнчанный сложнымъ, идущимъ уступами, куполомъ. Надъ серединнымъ четырехугольникомъ основанія высится главный куполь, такой-же сложный, съ такими-же уступами, только гораздо выше четырехъ боковыхъ.

Въ томъ, что корпусъ храма отъ самаго основанія сложенъ и состоитъ какъ-бы изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, только гармонично соединенныхъ въ одно цѣлое,—сказывается характерная особенность деревянныхъ церквей стараго малороссійскаго стиля. Читатели неоднократно видѣли снимки подобныхъ церквей на страницахъ „Кіевской Старины“.

Получивъ любезное разрѣшеніе настоятеля храма о. Ѳ. Мировича, я просилъ товарища взять фотографическій приборъ (которымъ онъ, какъ художникъ-любитель, владѣетъ превосходно) и присоединиться ко мнѣ для осмотра церкви.

Былъ прекрасный іюньскій день, когда намъ отперли маленькую пристройку передъ главнымъ входомъ во храмъ. Намъ представилась массивная, почернѣвшая отъ времени, небольшая по размѣрамъ, дубовая дверь, запертая огромнымъ замкомъ и заключенная въ луткахъ съ рѣзною надписью, на половину закрытую иконами, уставленными въ этомъ маленькомъ притворѣ благочестивыми мѣщанами-прихожанами. Рѣзы надписи забились толстымъ слоемъ пыли и весьма неясно выдѣлялись на

¹⁾ Длина храма внутри 24 арш. 9 вершк., ширина 22 арш. 3 вершка.

сѣромъ фонѣ лутокъ. Мы хотѣли снять фотографію съ дверей. Священникъ приказалъ раздвинуть образки, вымыть дверь и лутки. Открыли потомъ настежь дверь притвора и на крылечкѣ устали приборъ. Снимокъ вышелъ довольно удовлетворителенъ. Надпись на луткахъ слѣдующая: „Во дни благополучія держави ея императорского священѣйшаго величества благочестивѣйшія великія государины Екатерины Александровны второй императрицы и самодержицы всероссійской при благовѣрномъ гдѣцѣ цесаревичѣ и великѣмъ кнѣзѣ Павлѣ Петровичѣ всероссійского престола законномъ наслѣдникѣ поблагословенію святѣйшаго правительствующаго духовнаго синода и преосвященнаго Арсенія архіепіскупа митрополита кіевскаго галицкаго и малія Россіи соируженъ хрѣс воиѣмъ покровѣ Бѣгомачиѣ коштомъ и стараніемъ войскъ запорожскѣй кошевого благороднаго гпѣдина Петра Калнишевскаго и Давида Чорнаго влѣто ѿ созданія мира 7272 ѿ воплощенія Бѣга Слова 1764“.

Кто такой былъ упоминаемый въ надписи Давидъ Чорный, сотоварищъ Калнишевскаго по пожертвованію, и какую роль онъ игралъ въ войскѣ запорожскомъ, неизвѣстно. Въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго часто встрѣчаются въ шестидесятыхъ годахъ урядники съ этой фамиліей, напримѣръ: асаулъ Парфенъ Чорный, полковникъ перевизскій Тарасъ Чорный, атаманъ Мышастовскаго куреня Мойсей Чорный, полковникъ Николай Чорный и проч. Писарь Герасимъ Чорный и козакъ Демидъ Чорный ѣздили по порученію войска въ Петербургъ за полученіемъ котловъ и денегъ, пожалованныхъ Потемкинымъ ¹⁾. Но Давидъ Чорный не встрѣчается ни разу. Можно предполагать, что онъ былъ уроженецъ г. Ромень.

Вошли мы въ церковь. Свѣта довольно, хотя и пробивался онъ, можно сказать, насильно, сквозь позеленѣвшія, чуть-ли не современные постройки храма, стекла. Стѣны церкви были когда-то выбѣлены бѣлилами, но отъ времени и пыли получили какой-то неопредѣленный грязно-сѣрый цвѣтъ. Странное ощущеніе испытываешь, войдя въ этотъ храмъ. Мнѣ подтверждали это

¹⁾ Ист. Нов. Сѣчи, II, 154, 326, 327; III, 22, 28, 30, 102.

люди, не смотрѣвшіе на него съ исторической точки зрѣнія. Осматриваешься, точно ожидаешь, что вотъ изъ закоулковъ выйдутъ на встрѣчу къ тебѣ прадѣды..... Въ дни богослуженія иллюзія не нарушается. Приходъ Покровской церкви состоитъ изъ предмѣстьевъ г. Ромень, населенныхъ ремесленными людьми, въ значительной степени консервативнымъ относительно платья и вообще внѣшности. Заутреня отправляется раннимъ утромъ, обѣдня совпадаетъ со временемъ раннихъ обѣденъ: надо дать время отдохнуть труженникамъ. Смотришь на эти „чумарки“ „кожухи“, на эти простыя, набожныя лица, на эту прадѣдовскую манеру молиться (при извѣстныхъ возгласахъ и пѣснопѣніяхъ точно волна пробѣжить по головамъ, какъ вѣтеръ по зрѣющей нивѣ)—и забываешь совершенно нынѣшнюю..... „публику“.

Красота храма—это его иконостасъ. Иконостасъ высокій, старинный. Про него мало сказать: *рызной, онъ скульптурный*. Онъ почернѣлъ отъ времени, на позолоту и починку его много потребовалось бы средствъ. Это вѣдь не то, что нынѣшніе „ажурные“ иконостасы, въ одинъ ярусъ высотыю. Это массивный, многоярусный иконостасъ, воздвигнуть который могъ только фундаторъ богатый, не жалѣвшій „кошту“. Гдѣ же нынѣшнимъ прихожанамъ сравняться съ Калнишевскимъ?

Снять иконостасъ не было возможности: весь нельзя захватить на небольшомъ разстояніи отъ него, а часть не дастъ представленія о цѣломъ. Мы удовольствовались тѣмъ, что сняли заброшенные, но весьма интересныя части его; это извлеченныя изъ дерева фигуры, почти въ ростъ человѣка, пророковъ и апостоловъ. Ихъ числомъ четыре. Сняты онѣ давно съ иконостаса, по приказанію одного изъ бывшихъ полтавскихъ архіереевъ: слишкомъ ужъ, по мнѣнію преосвященнаго, выходило на католическій ладъ. Фигуры эти съ тѣхъ поръ валяются въ ломѣ и мусорѣ въ колокольнѣ. Чуть ли не второй всего разъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ извлекли ихъ для насъ на свѣтъ Божій.

Первый же разъ одна изъ фигуръ стояла нѣкоторое время на вольномъ воздухѣ и исполняла роль, о которой едва ли и во снѣ снилось создателю ея. Намъ рассказывали, что бывшій

въ Покровской церкви оченъ долго (1829—1874 г.) священникомъ о. Андрей Пархоменко вздумалъ утилизовать фигуру изображающую, кажется, первосвященника Аарона, такимъ образомъ: онъ приказалъ поставить ее на спускъ, у воротъ церковной ограды, и надѣпить ей на руку кошелекъ для сбора пожертвованій на храмъ. Дѣло было въ сороковыхъ годахъ или около того. Но не долго стоялъ у воротъ этотъ необыкновенный собиратель подаяній: однажды его испугались лошади проѣзжавшаго мимо помѣщика и понесли. Ъдущіе получили серьезные ушибы. Съ тѣхъ поръ полиція приказала убрать фигуру.

Намъ вынесли всѣ четыре фигуры на „цвинтарь“, на травку, и поставили ихъ рядомъ. Одна изъ фигуръ изображаетъ св. Иоанна Крестителя; правая рука его опущена, лѣвая приподнята; кажется, онъ въ правой рукѣ держалъ что-то, можетъ быть—жезлъ; у ногъ его агнецъ. Вторая фигура—св. евангелистъ Иоаннъ, въ лѣвой рукѣ держитъ книгу, правая опущена; у ногъ орелъ. Двѣ остальные фигуры—первосвященниковъ Аарона и Захаріи; платье и позы совершенно одинаковы, только у фигуры, стоявшей около воротъ, отбитъ палець и на головѣ не достаетъ первосвященнической тиары. Всѣ фигуры сдѣланы изъ липоваго дерева и позолочены.

Обращаемъ вниманіе на эти остатки церковной старины лицъ, завѣдывающихъ кievскимъ церковно-археологическимъ музеемъ.

Но не всѣ фигуры сняты съ иконостаса: въ самомъ верху его увѣнчиваетъ вызолоченная фигура Бога Отца, къ сожалѣнію—едва видная: такъ высоко она находится, такъ почернѣла и припала пылью, и такъ слабо освѣщена позеленѣлыми и выцвѣтшими стеклами. По карнизамъ есть нѣсколько фигурокъ ангеловъ.

Приводимъ здѣсь выдержку изъ стараго описанія иконостаса.

Первая по времени, болѣе или менѣе систематическая опись всѣхъ церквей полтавской епархіи сдѣлана была въ 1827 году, по распоряженію еп. Георгія. Въ описи этого года Покровской церкви сказано (измѣняемъ пунктуацію и уменьшаемъ число прописныхъ буквъ):

Иконостасъ въ 4 ярусы, на деревѣ, позлащенный, искусной живописью написанъ ¹⁾. Посрединѣ онаго икона съ изображеніемъ Спасителя, сидящаго на престолѣ, въ раковинѣ, искусно написанная, а надъ вратами Тайная Вечеря ²⁾. Врата столярною работою отдѣланныя, позлащенные, съ изображеніемъ въ рѣзбѣ Благовѣщенія преса. Богородицы. Въ *первомъ* ярусѣ (между колонами) намѣстныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Во *второмъ* ярусѣ праздничныя иконы... всѣ въ раковинахъ позлащенныхъ. Въ *третьемъ* ярусѣ, по правую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Иоаннъ Креститель въ рѣзбѣ позлащенный*, Спаситель, несущій агнца на раменахъ, и *Иоаннъ евангелистъ въ рѣзбѣ позлащенный*; по лѣвую сторону: апостолы... въ раковинахъ позлащенныхъ, *Захарія первосвященникъ въ рѣзбѣ позлащенный*, горящая Купина, видѣнная Моисеемъ, *Ааронъ первосвященникъ въ рѣзбѣ позлащенный* ³⁾. Въ *четвертомъ* ярусѣ посрединѣ икона съ изображеніемъ Вознесенія Господня, искусно живописью написанная, въ раковинѣ позлащенной ⁴⁾; по правую сторону: пророки Іеремія, Исаія, а сверху ихъ икона съ изображеніемъ сошествія Спасителя во адъ, между *двумя искусно столярною (sic) работою отдѣланными ангелами позлащенными*; по лѣвую сторону: пророки Давидъ, Моисей, сверху ихъ икона съ изображеніемъ лѣствицы, видѣнной Іаковомъ во снѣ, между *двумя искусно столярною работою отдѣланными ангелами позлащенными*. Сверху всего иконостаса *изображеніе Боготца, искусно*

¹⁾ Въ описи 1855 года: „Иконостасъ современный постройкѣ церкви, на деревѣ, въ 3 ярусы, по глазированному на серебрѣ малиновому полю, рѣзбою арламентною (это слово, иногда въ формѣ арламантною, потомъ въ описи употребляется излюбленно часто) отдѣланный, вся рѣзба въ позолотѣ, правильной живописью написанный“.

²⁾ Въ описи 1855 года: „выше Тайной Вечери изображеніе горы Голгофы; на ней *въ рѣзбѣ Рослятіе на крестѣ Спасителя въ краскѣ тѣлесной, а предстоящіе Богоматерь и Иоаннъ Богословъ позолоченные*“.

³⁾ Въ описи 1855 года упоминаются уже иконы этихъ святыхъ „на блять“.

⁴⁾ По описи 1855 года: „по сторонамъ той иконы *ангелы предстоящіе съ трубами, въ рѣзбѣ фигуры человеческой, позолоченные*“.

столярною работою отдѣланное, позлащенное, съ двумя такими же ангелами ¹⁾).

Я подчеркнулъ тѣ мѣста, которыя указываютъ, сколько фигуръ въ иконостасѣ, на сколько онъ „скульптурный“.

Весь храмъ обильно уставленъ иконами въ кіотахъ и безъ нихъ, на многихъ иконахъ старинныя серебряныя „шаты“.

А. Терещенко въ статистическомъ описаніи г. Роменъ, составленномъ въ 1859 году, говоритъ, что въ Покровской церкви „сохранились даже деревянныя, зеленой краскою окрашенныя сѣдалища для старшинъ войска запорожскаго“ ²⁾).

Мы сняли еще лутки южныхъ церковныхъ дверей, покрытые очень изящною рѣзбою. Затѣмъ приступили въ съемкѣ всей церкви. Выбрать удобный для этого пунктъ было довольно трудно, такъ какъ церковь стоитъ на спускѣ и приходилось смотрѣть на нее или сверху, или снизу. Съ боковъ тоже не было подходящаго мѣста. Не смотря на то, что мы съ приборомъ взобрались на плоскую крышу сарайчика, стоящаго на дворѣ церковнаго дома, пониже церкви, фотографія все таки вышла немного снизу. Я попросилъ товарища снять церковь еще съ нѣкотораго отдаленія, что и было исполнено.

Старинными документами Покровская церковь весьма небогата. Въ ней есть рядъ описей церковнаго имущества, которыя съ 1827 года становятся вмѣстѣ и описаніями самой церкви. Самая интересная опись относится къ 1761 году и перечисляетъ предметы, принадлежавшіе еще старой церкви, тоже деревянной, стоявшей нѣсколько ниже нынѣшней. Тутъ есть еще „велѣшки“, „лихтари“, „лямпы“, „стихари полотняные“, „патрахили“, „хустки полотняныя, злотоу и шолкоу шитыя“ и проч. Другія описи (1774, 1809, 1827, 1830, 1836, 1843, 1855 и 1856 гг.), чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ста-

¹⁾ Въ описи 1855 года: „вверху... изображеніе Бого-Отца, въ рѣзной фигурѣ позолоченной, на облакахъ посребренныхъ, благословящаго, а въ другой рукѣ держащаго сѣпегръ, окруженный ангелами въ облакахъ, въ рѣзной же фигурѣ раззолоченными“.

²⁾ Журналъ Мин. Вн. Д. 1861 г., ч. 48.

новятся подробнѣе, но вмѣстѣ и скучнѣе. Между прочимъ о созданіи храма въ описи 1827 года сказано: „церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы, деревянная, построена въ 1770 году иждивеніемъ мужей запорожскихъ войскъ кошеваго Петра Калнишевскаго и Давида Чернаго“,—и это выраженіе неизмѣнно затѣмъ повторяется во всѣхъ послѣдующихъ описяхъ. Почему тутъ взять 1770 годъ, а не 1764-й, какъ сказано въ надписи на дверяхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, по преданію, въ этомъ году церковь была окончена.

Кромѣ описей, есть еще расходныя книги, начиная съ 1756 года. Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ открылъ запись расходовъ за 1864-й и слѣдующіе годы, думалъ встрѣтить здѣсь расходы по постройкѣ церкви, но ожиданія мои не оправдались. Я прочелъ:

1764 году.

За издѣлку школьныхъ сѣней дано майстрамъ	1 р. 60 к.
Куплено на школу соломы ради покрытія оной за.	— р. 70 к.
За наплавку церковнаго замка дано слѣсарю.	— р. 15 к.
За подчинку шпитала, какъ брали въ лисицы дано.	— р. 20 к.

1765 года.

За оправку церковной книги дано	— р. 80 к.
За переливку звона з додачею киевскому майстру Петру Романовскому дано	6 р. — к.
На новій діаконовскій стихарь дано.	5 р. — к.
За оковку звона селігалнииа дано ковалю.	— р. 25 к.
За наплавку замковъ церковныхъ дано.	— р. 35 к.
За наплавку церковнаго окна селяру.	— р. 12 к.
За обмазку школы дано.	— р. 8 к.
За поставку в школу печъ дано гончару.	— р. 40 к.
За поставку в церковномъ дворѣ печъ дано гончару	— р. 80 к.
Работникамъ четьромъ челоуѣкамъ, которіе возили на печъ школьную и церковнаго двора глину и фундаменти висипали дано.	— р. 24 к.
На тѣхъ работниковъ и гончара харчей и горѣли пошло за.	— р. 18 к.
За издѣлку в школу оконницъ и дверей да за обиданіѣ деревомъ школьныхъ приспѣ дано работникамъ.	— р. 30 к.
Харчей пошло на тѣхъ работниковъ и горѣлки на	— р. 24 к.

1767 года мѣсяця октябрл.

За постройку шпитала покровко(го) уплачено Ѳеодору Лисому денегъ рублей	7 р. — к.
На той же шпиталѣ употреблено церковней драпѣ полпята ста.	
На той же шпиталѣ куплено гвоздя желѣзнаго сотню, цена.	— р. 20 к.

На той же шпиталь куплено соломи за. — р. 66 к.
 За мѣсце на той же шпиталь, что роскопували, употреблено денегъ на
 работники и на харчъ 1 р. 20 к.
 Куплено на той же шпиталь еровокъ и лать за. — р. 87 к.
 Да гончареву, что здѣлалъ в шпиталь пѣчь и грубу, дано денегъ . . — р. 90 к.
 На той же шпиталь куплено окошогъ за. — р. 22 к.
 1767 года генваря 12 дня за постройку хати на церковномъ дво-
 рици, где живеть гончаръ, дано таслямъ Моисѣви и Тимо-
 шеви Овдѣневу дано 2 р. 50 к.
 ¹⁾.

Правда, эти расходы интересны, но все таки это не то, чего я ожидалъ. Должно быть ктиторы не заботились о мелочныхъ записяхъ, да, вѣроятно, и не желали опубликовывать своихъ издержекъ.

Записи расходовъ идутъ до конца прошлаго вѣка и продолжаютъ въ нынѣшнемъ; онѣ даютъ довольно интересный матерьялъ.

Есть еще книги, такъ называемыхъ „указовъ“. Вопреки высказанному какъ-то разъ въ „Кіевской Старинѣ“ мнѣнію объ интересности этихъ книгъ, я позволю себѣ сказать, что это самый неинтересный матерьялъ изъ архивовъ нынѣшнихъ церквей. Въ огромномъ большинствѣ это циркуляры синодскіе, уже напечатанные, здѣсь же прошедшіе нѣсколько инстанцій, канцелярію митрополита, канцелярію мѣстнаго духовнаго правленія, и достигшіе церкви съ несносными приписками этихъ канцелярій. Нужно перечестъ массу хлама (конечно, съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, о которой и говорилось въ „Кіевской Старинѣ“), чтобы набрести на какой-нибудь мѣстный „указъ“, въ родѣ указовъ еп. полтавскаго Гедеона о необходимости цѣлдневнаго звона въ продолженіе всей пасхальной недѣли, о запрещеніи обливанія при крещеніи, о недопущеніи „бублейницъ“ съ бубликами на церковный погостъ и даже въ притворы во время великаго поста, или въ родѣ слѣдующаго:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы все-россійскія изъ Черниговской духовной дикастеріи протопопу

¹⁾ Постройка новаго шпитала и на новомъ мѣстѣ показываетъ, кажется, что къ этому времени была уже выстроена новая церковь.

роменскому Трофиму Терешевичу. По репорту вашему, съ приложеніемъ данной вамъ отъ дядка села Липоваго Івана Яременка, обижденнаго отъ васъ боемъ, мировой росписки, его преосвященство приказалъ вамъ дать указомъ знать, что означенна примирительная отъ упомянутаго дядка Яременка полученная вами росписка, хотя приѣмлется, но чтобъ вы отъ нанесенія подчиненнымъ своимъ такихъ обидъ, какову причинили Яременку, и отъ другихъ подобныхъ тому озлобленій всячески воздержались, и были бы образомъ приличествующимъ разсудительному началнику, отнюдь не выступая изъ предѣловъ, ограничивающихъ власть вашу въ данной вамъ изъ дикастеріи по должности благочиннаго инструкціи. О томъ вамъ къ исполненію строжайше притвердить и притверждается. 792 года ноября 29. Дому архіерейскаго эконома іеромонаха Іоасафа. Секретарь Семень.... Діаконъ Григорій Прозоровъ“.

До настоящаго времени Покровская церковь не подверглась какимъ-бы то ни было передѣлкамъ, которыя-бы исказили ея наружный или внутренній видъ. Въ 1827 году подъ нее подложенъ каменный фундаментъ, при чемъ перемѣнены подвалины, перемощенъ полъ и перекрыта желѣзная крыша. Можетъ быть, церковь послѣ того бѣлилась разъ или два. Въ 1848 году вмѣсто старой колокольни построена новая.

Въ настоящее время Покровской церкви грозитъ большая опасность: ее хотять сломать и построить вмѣсто нея каменную. Но ей грозила года два тому назадъ еще большая опасность: ее хотѣли передѣлать.

Какъ-то вдругъ пришли къ заключенію, что церковь совершенно неудобна для богослуженія: и изъ-подъ полу дуетъ, и подвалины подгнили, и холодно, и темно, и тѣсно и, наконецъ, чуть-ли купола не грозятъ паденіемъ. Нашлись архитекторы, которые съ готовностью согласились устранить эти неудобства, руководясь вкусами обывателей. Чтобы сдѣлать церковь помѣстительнѣе, хотѣли пустить въ дѣло приѣмъ испытанный, къ сожалѣнію—весьма популярный, изуродовавшій не одинъ десятокъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ. Приѣмъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ церкви „придвигаютъ“ колокольню. Это

значить: дѣлають съ западной стороны храма зияющую рану, проводятъ отъ этой раны заплату въ видѣ галлерей и связываютъ ее съ чуждымъ и относительно идеи христіанскаго храма вообще, и почти всегда относительно стилиа даннаго храма, зданіемъ—волокольнею.

Въ самомъ дѣлѣ, кому въ первый разъ пришла въ голову неудачная мысль давать преимущество этому типу храмовыхъ зданій—большимъ колокольнямъ въ одной связи съ маленькими церквами? Что этимъ выигрывается собственно для церкви? Она становится просторнѣе? Но тутъ увеличиваетъ обширность храма нѣчто постороннее ему—галлерей, связывающая колокольню съ храмомъ. Нижний этажъ самой колокольни въ этихъ случаяхъ все таки остается какимъ-то страннымъ преддверіемъ, въ которомъ входящіе еще не снимаютъ шапокъ. А между тѣмъ здѣсь является весьма серьезное неудобство: звонъ колоколовъ надъ головами молящихся часто совершенно заглушаетъ богослуженіе. Надо полагать, что изобрѣтатели этой идеи не обошлись безъ примѣра запада. Но кто-же не знаетъ, что на западѣ колокола знаменитыхъ столичныхъ храмовъ, обширностью своею во много разъ превосходящихъ наши обыкновенныя церкви, едва равняются по вѣсу колоколамъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Если тутъ имѣется въ виду экономія, такъ и это ошибка: при такомъ способѣ постройки известная высота колокольной башни заранѣе опредѣляется и становится обязательной. Въ старину, напротивъ, поступали экономнѣе: всѣ средства вкладывали только въ храмъ, постройку-же колокольни предоставляли „доброхотнымъ дателямъ“.

Что башня для колоколовъ не стоитъ въ неразрывной связи съ идеей христіанскаго храма, этого, кажется, нечего доказывать. Въ старину вмѣсто колоколовъ и рядомъ съ ними употреблялось било, не требующее никакой башни для своего подвѣшиванія. Наша русская колокольня ведетъ свое начало отъ простыхъ деревянныхъ, потомъ каменныхъ столбовъ съ перекладинами, какъ это, между прочимъ, показалъ въ своемъ рефератѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Султановъ, основываясь на изслѣдованіи колоколенъ старинныхъ городовъ

сѣверной полосы Россіи ¹⁾. Достаточно посмотрѣть на колокольні старинныхъ церквей, хотя-бы Новгорода и Пскова, чтобы видѣть, что въ старину не полагали въ колокольняхъ большого значенія: въ этихъ городахъ при многихъ храмахъ сохранились колокольні, представляющія собою каменные столбы съ арками вмѣсто перекладинъ; иногда нѣсколько такихъ столбовъ выходятъ рядомъ изъ одной стѣны.

При Покровской церкви въ Ромнахъ колокольня по стилю не имѣетъ съ самою церковью ничего общаго. Правда, она покосилась, требуетъ починки. Но зачѣмъ-же переносить ее съ мѣста и прилѣплять къ церкви? Интересно, что для прибавленія свѣта хотѣли прорѣзать въ стѣнахъ церкви большія окна; двери нынѣшнія собирались тоже расширить и замѣнить болѣе современными.

Были уже составлены планъ и смѣта предстоящихъ искаженій; куплены дубы, которые и теперь лежатъ около церковной ограды. Къ счастью, епархіальное начальство взглянуло на дѣло просвѣщеніе мѣстныхъ дѣятелей. Оно не позволило передѣлывать церкви, а разрѣшило ее сломать, если у прихожанъ есть средства построить новую, *каменную*.

Теперь все дѣло въ томъ, чтобы избѣжать опрометчивой торопливости. Во имя художественнаго вкуса, изъ уваженія къ старинѣ, ко храму, въ которомъ крестились, вѣнчались, погребались, изливали предъ Богомъ свои скорби и радости дѣды и прадеды нынѣшнихъ покровскихъ прихожанъ, имъ бы слѣдовало серьезно подумать надъ тѣмъ, ломать ли зданіе, могущее еще, быть можетъ, пріютить ихъ внуковъ. Пусть въ этомъ случаѣ старики не слушаютъ молодыхъ, а по-стариковски обсудятъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Надо пригласить освидѣтельствовать храмъ знающаго архитектора. Можетъ быть, онъ найдетъ, что достаточно пока незначительной починки, чтобы церковь сдѣлать удобнѣе. А тѣмъ временемъ, не спѣша, можно собрать болѣе значительныя средства и замѣнить потомъ этотъ достой-

¹⁾ Сообщение г. Султанова озаглавливалось: „Историческое развитіе типа русскихъ колоколенъ“.

ный своего времени храмъ другимъ, который былъ бы на столько же достоинъ нашего времени.

Довольно тщательное знакомство съ документами, имѣющимися въ роменской Покровской церкви, не дало никакихъ разъясненій относительно мѣста рожденія Калнишевскаго. Нѣсколько времени спустя, я получилъ ихъ, откуда не ожидалъ, именно—изъ „Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей“. Въ №№ 3—6 этой газеты за 1890 годъ напечатанъ былъ историко-статистическій очеркъ, подъ заглавiемъ: „Ромны“, написанный г. В. Бучневичемъ. Въ одной изъ выносокъ этой статьи говорилось (въ № 4-мъ): „Родина Калнишевскаго село Пустовойтовка, Роменскаго уѣзда, гдѣ онъ пожертвовалъ на тамошнюю Троицкую церковь 100 руб. и за полученiемъ этихъ денегъ ѣздили въ сѣчь запорожскую викарный iерей того села Тимофѣй Яковлевъ и ктиторъ Андрей Харченко“. Хотя г. Бучневичъ въ своихъ писанiяхъ¹⁾ обыкновенно игнорируетъ употребленiе кавычекъ и ссылокъ, но такъ какъ у него источники всегда одни и тѣ же и весьма не замысловаты, то раскрыть элементы его свѣдѣнiй вообще не представляетъ затрудненiй. На этотъ разъ однако указанiя на с. Пустовойтовку не нашлось въ его источникахъ: ни въ словаряхъ Щекатова и Семенова, ни въ статистическихъ описанiяхъ Полтавской губернии Арандаренка и Терещенка. Надо было, при случаѣ, побывать въ Пустовойтовкѣ.

Село Пустовойтовка лежитъ всего верстахъ въ 8—10 отъ Ромень, вверхъ по Сулѣ. Долина рѣки въ этомъ мѣстѣ не широка, версты 3—4, и почти сплошь покрыта селами. Въ настоящее время села эти разрослись на столько, что почти примыкаютъ одно къ другому вплотную. Верстахъ въ трехъ отъ Ромень лежитъ Герасимовка, противъ нея за рѣкой Плавинице, за Герасимовкой Аксютинцы, Пустовойтовка, далѣе Будки, Волковцы, Коровинцы и проч., и такъ до пограничнаго города Харьковской губернии Недригайлова. Ставъ за роменскимъ соборомъ на краю высокаго выступа, видишь въ сѣверовосточ-

¹⁾ См. о нихъ „Кiевскую Старину“ за 1883 г. V, 161 и за 1892 г. V.

номъ направленіи эту долину, усѣянную церквами, верстѣ на 20. Правый берегъ Сулы въ этомъ мѣстѣ довольно высокъ и живописенъ, и весьма интересенъ въ отношеніи доисторической археологіи, особенно, если интересоваться блестящими коллекціями. Это мѣсто, какъ разъ надъ селами Аесютинцами и Пустовойтовкой, покрыто такъ называемыми скиескими курганами и въ послѣдніе годы привлекло къ себѣ вниманіе археологовъ, г.г. Кибальчича, Самоквасова, Антоновича, Маза-раки и др.

Село Пустовойтовка ничѣмъ не отличается отъ сотенъ малороссійскихъ сель, хорошо извѣстныхъ читателямъ, живущимъ въ южномъ краѣ; тѣ же извилистыя улицы съ хатками внутри дворовъ, идущихъ въ перемежку съ садиками, огородами, тѣ же левады, выгоны передъ селомъ, церковь, прячущаяся въ зелени.

Сопутствовать мнѣ въ поѣздкѣ въ Пустовойтовку любезно согласился мѣстный уроженецъ В. И. Б., сообщившій мнѣ передъ тѣмъ, что въ пустовойтовской церкви есть вещи, пожертвованныя Калнишевскимъ. Мы заѣхали къ священнику о. К. Яновскому, принявшему насъ чрезвычайно радушно. Такъ какъ дѣло было за полдень, то мы, не откладывая, отправились въ церковь. Узнавъ объ этомъ, въ церковь явились о. діаконъ и учитель мѣстной школы. Всѣ эти люди, очевидно, проникнуты были любовью къ своему храму. Они съ величайшей готовностью и знаніемъ всего имущества церковнаго рылись съ нами въ старыхъ церковныхъ бумагахъ, показывали предметы церковной утвари, обращали наше вниманіе на ускользавшія отъ насъ подробности. О. настоятель любезно согласился дать мнѣ на просмотръ нѣсколько старыхъ метрическихъ книгъ, которыя я обѣщалъ возвратитъ въ цѣлости.

Церковь дѣйствительно оказалась построенной Калнишевскимъ и обладающей пожертвованнымъ имъ великолѣпнымъ евангеліемъ. Беремъ опись 1827 года и читаемъ:

„Церковь во имя св. Троицы, деревянная, построена въ 1773 году иждевеніемъ кошового войска запорожскаго Петра Ивановича Калнишевскаго, о трехъ главахъ, куполы на коей

первоначально покрыты были гонтою, а вся церковь шелювкою; но въ 1818 году мѣсяца сентября 24 дня, по дозволенію преосвященнаго Мееодія, бывшаго епископа полтавскаго и переславскаго, куполы и вся церковь покрыта вновь чернымъ желѣзомъ, окрашена зеленою краскою, съ внутри выбѣлена, притворы пристроены къ церквѣ. По правую сторону пономарня, а по лѣвую ризница.

„При церквѣ на погостѣ состоитъ колокольна деревянная въ одинъ ярусъ, построенная въ 1795 году по дозволенію преосвященнаго Виктора, архіепископа черниговскаго и нѣженскаго, покрыта сверху дранью, ничемъ не окрашена, да и починки доселѣ ни въ чемъ не имѣла“.

Церковь не сохранилась въ этомъ видѣ до нашего времени. Лѣтъ пять тому назадъ она передѣлана по описанному выше популярному способу. При передѣлкѣ лутки старыхъ дверей съ рѣзною надписью выброшены и пропали безслѣдно.

Мы занялись осмотромъ евангелія. Оно московской печати 1758 года, въ листъ, переплетено въ дубовыя доски, обложенныя серебряными вызолоченными листами, по которымъ серебряная же накладная рѣзба. Переплетъ на корешкѣ и застежки тоже серебряныя. Лицевая доска весьма искусно отдѣлана: по срединѣ рельефное распятіе, по сторонамъ котораго помѣщены Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ; надъ распятіемъ св. Троица, подъ распятіемъ Іоаннъ Златоустъ; съ боковъ—около Божіей Матери Василій Великій, около Іоанна Богослова Андрей Первозванный. По угламъ доски евангелисты: вверху Матѳей и Маркъ, внизу Лука и Іоаннъ. Подъ Іоанномъ Златоустомъ фигура ангела, а подъ нею, у края доски, рѣзная надпись: *„Сія кнѣга евангеліе издѣлано коштомъ воіска запорожскаго нізового судіи войскового Петра Івчиновича Калнишевскаго“*. На нижней доскѣ по срединѣ изображеніе Спасителя на облакѣ, окруженнаго ангелами; правая рука поднята вверхъ для благословенія, въ лѣвой—шаръ. По угламъ четыре выпуклости, около полувершка въ вышину, въ качествѣ подставокъ. На внутренней сторонѣ нижней доски, внизу, у обрѣза листовъ, рѣзная надпись: *„В церковь свято-троецкую села Пустовоітовки: 1762 году: ценажъ оному пять“*

сотъ рублей". По листамъ евангелія (отъ 8 до 43 стр.) внизу написано: „Сія книга евангеліе вцерковъ свято троецикую села Пустовойтовки издѣлано стараниемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войскового судїи, нинѣ уже Кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго. За здравіе его и заупокой умершихъ Иоанна, агафіи, Зѣновїи. Еще вживыхъ андрея, Параскавеи, Сїмеона, Андрея и Иосифа еще в живихъ пребывающаго. Оному жъ Евангелію цена пять сотъ рублей. Подписана в стѣхъ Запорожской 1762 году іюля 3 дня“. На внутренней сторонѣ нижней доски есть еще какая то надпись, мною не разобранныя. Длина досокъ 11 верш., ширина 7¹/₄ в., вѣсу въ евангеліи 28 фунтовъ.

Священникъ и діаконъ намъ рассказали, что церковъ посѣщаль г. Кибальчичъ и очень хотѣлъ прїобрѣсти евангеліе, но условїя для этого оказались неподходящими.

Кромѣ евангелія, въ церкви есть два пожертвованныхъ запорожцами креста, совершенно одинаковые, кипарисные, въ серебряной оправѣ съ такими же подножіями, вызолоченные узорами. Кипарисъ, вставленный въ оправу, какъ въ рамочки, затянутъ съ обѣихъ сторонъ очень тонкими слюдяными листочками. На одномъ изъ крестовъ, по краямъ подножія внутри, рѣзная надпись: „сей крестъ надалъ осавулъ воиска запорозкого низового всело пустовътовку до храму пресвятая тройици 1757 года: іюля: 5: д.“ На другомъ, въ томъ же мѣстѣ, такая же надпись: „сей крестъ надалъ отъ козаковъ стѣхи запорозкой куреня Куцѣвскаго Давида Бородавки и Василя помершаго в село пустовойтовку до храму святая троици“. Есть и дарохранительница такой же точно работы, какъ кресты, только безъ надписи.

Осмотрѣвъ эти вещи и прочитавъ, что можно было успѣть до сумерекъ, изъ церковныхъ документовъ, мы вернулись къ священнику, отъ котораго уѣхали съ самыми лучшими впечатлѣніями.

Къ сожалѣнію, ни въ документахъ, просмотрѣнныхъ въ самой пустовойтовской церкви, ни въ метрическихъ книгахъ, прочитанныхъ дома болѣе внимательно, нигдѣ не встрѣтилось

фамиліи Калнишевскаго, или Калныша. Книги же обнимали время отъ 1723 до 1768 и отъ 1780 до 1804 годовъ.

Не смотря однако на отсутствіе имени Калнишевскаго въ пустошойтовскихъ церковныхъ книгахъ, ясно было, что сообщеніе г. Бучневича не гадательно. Черезъ нѣсколько времени я наконецъ открылъ и самый источникъ этого сообщенія. Оно было получено г. Бучневичемъ отъ старосты роменскаго Святодуховскаго собора И. А. Курилова, который заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ архива бывшаго роменскаго духовнаго правленія.

Надо замѣтить, что архивъ этотъ могъ бы весьма пригодиться для изслѣдователя мѣстной старины, если бы не былъ въ столь жалкомъ положеніи, въ какомъ находится въ настоящее время. Помѣщается онъ въ соборной колокольнѣ, въ темной каморкѣ. Теперь по крайней мѣрѣ, благодаря старанію протоіерея собора о. А. Ельчукова и г. Курилова, въ дыру, служившую окномъ для этой каморки, вставлена рама со стекломъ; потолокъ каморки, которымъ служилъ досчатый дырявый помостъ подъ колоколами, обитъ листовымъ желѣзомъ, и въ самой каморкѣ сдѣланы полки, на которыхъ положены уцѣлѣвшія связки бумагъ. Прежде же архивъ былъ почти что подъ открытымъ небомъ: сквозь огромныя щели помоста сверху и сквозь дыру въ стѣнѣ сбоку бумаги мочило дождемъ и забивало снѣгомъ и пылью (колокольня не высока). Не мудрено, что отъ нѣкоторыхъ связокъ остались только кучи истлѣвшей бумаги. Заниматься въ каморкѣ не возможно, потому что, помимо всякихъ другихъ неудобствъ, въ ней совершенно темно.

Будучи старостой собора, г. Куриловъ разбиралъ бумаги этого архива и на основаніи ихъ составилъ „историко-статистическое описаніе роменскаго Святодуховскаго собора ¹⁾“. Онъ же сообщилъ выписку изъ дѣлъ архива и г. Бучневичу. На мою просьбу показать мнѣ самое „дѣло“, изъ котораго сдѣлана выписка, г. Куриловъ отвѣтилъ, что дѣло гдѣ то въ архивѣ. Съ дозволенія о. протоіерея я подѣзъ въ каморку, попросивъ въ

¹⁾ Моя рецензія объ этомъ сочиненіи въ „Кіев. Стар.“ за апрѣль 1888 года.

руководители г. Курилова. Сколько мы ни рылись, искомаго „дѣла“ не нашли. „Дѣло“ же, по объясненію г. Курилова, состояло въ прошеніи причта пустовойтовской церкви о выдачѣ ему изъ роменскаго духовнаго правленія паспорта для поѣздки въ Сѣчь за полученіемъ общаннхъ Калнишевскимъ на церковь 100 рублей денегъ; при этомъ въ прошеніи было оговорено, что изъ Пустовойтовки кошевой „и родомъ состоитъ“.

Но прошло нѣсколько времени, и г. Куриловъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ два другихъ „дѣла“, которыя гораздо яснѣе подтверждаютъ происхожденіе Калнишевскаго изъ Пустовойтовки. Они заключаютъ въ себѣ три слѣдующіе документа:

I. В духовное протопопіи роменской правленіе доношеніе ¹⁾.

Войска запорожскаго низоваго господинъ кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишъ, отъ своей къ храмамъ Божиимъ горливости, вознамѣрился в селѣ вѣдомства протопопіи роменской Пустовойтовкѣ, в которомъ онъ господинъ кошевой родился, от своего собственного кошту вновь деревянную во імя пресвятія Троицы церковь на мѣстѣ свободномъ встроить; и по заказу его господина кошевого нами подписавшимися на такову церкви новой встройку потребное число дерева уже виготовлено и майстеръ законтрактванъ, и сумма денежная в наличіи имѣется. Хотя же въ ономъ селѣ Пустовойтовкѣ нѣтъ находящаяся церковь не совсѣмъ еще въ крайнюю обедшальность приходитъ, однакъ какъ невомѣстительною для насъ биваетъ, такъ и часъ отъ часу уже приходитъ въ порчь, а по разсужденію нашему только что до встройки можетъ постоять; а по заказу жъ его господина кошевого и по нашему общему совѣту, вознамѣренни ми, за устроеніемъ новой церкви старую разобравъ, з дерева годного, з добавкою нового, здѣлать около новой церкви ограду. И понеже онъ господинъ кошевой атаманъ чрезъ нарочнаго з Сѣчи Запорожской присланнимъ к намъ подписавшимся сего года и мѣсяца писмомъ заказалъ, чтобъ сего лѣта неминуемо такова вновь

¹⁾ Перемѣны въ правописаніи, противъ подлинника, состоятъ только въ разстановкѣ знаковъ препинанія, раздѣленія слитыхъ словъ и употребленія прописныхъ буквъ.

церковь заложена была и строиться началась, о чемъ от себе и письменную к его преосвященству митрополиту кievскому и галицкому просьбу запечатанную приложилъ, с которою ми и явиться къ его преосвященству въ скорости намѣренни, то за долгъ порядка и в здешнее духовное правленіе представляя, покорно просимъ, прописанное мѣсто, на которомъ та въ новъ церковь строиться имѣеть, и материали освѣдителейвавъ, и отъ сего духовнаго правленія къ его ясне в Кѣѣ преосвященству ж в подлежащихъ обстоятельствахъ с прошеніемъ на заложеніе архиастирского благословенія представленіе учинить.

О семъ просятъ церкви пустовойтовской троецкой прихожане: атаманъ Динисъ Сидоренко, ктиторъ Леско Стайко, Яковъ Скрипаль, Гордѣй Заворотко, Грицко Коржъ, Каленикъ Соломка, Иванъ Черевко, Кузма Донецъ, Кирикъ Коваленко, Грицко Любаръ; а во мѣсто ихъ неграмотныхъ и за себе тоя же церкви іерей Тимошей Яковлевъ подписался ¹⁾.

II. Бжѣю млчѣю смиренный Гавріиль митрополитъ Кіевскій и Галицкій ²⁾.

По благодати, дару же и власти вѣстаго и животворящаго Духа, даннѣй намъ отъ Архіерея Великаго, пропедшаго небеса, Хрѣста Спасителя міра, чрезъ его намѣстники стѣмъ апостолы и ихъ преемники, пастыри и учителя церковные, другъ другопреемно; а по доношенію духовнаго роменскаго правленія и по прошенію села Пустовойтовки церкви стѣмъ живоначальна Троицы священника Тимошея Яковлева съ прихожаны, и по письменномъ войска низоваго запорожскаго атамана кошеваго Петра Ивановича гідна Калнишевскаго прошенію,—благословили мы въ ономъ селѣ Пустовойтовки церковь деревянную въ то жъ стѣмъ живоначальна Троицы имянованіе, во мѣсто имѣющейся нынѣ обетшолой, вновь на другомъ вигоднѣйшемъ мѣстѣ, по подобію прочихъ стѣмъ церквей, по чиноположенію

¹⁾ Помѣта: „поданно 1773 года мая 25 дня, № 31“.

²⁾ Эти слова написаны собственноручно митрополитомъ Гавріиломъ Кіевскимъ.

церковному, протопопу роменскому Константину Крижановскому соборнѣ заложить и о заложени оной намѣ отрепортовать; и притомъ наблюдать, чтобъ въ той церкви какъ престолъ по силѣ указа, въ сѣдѣишмихъ правительствующемъ синодѣ 734 года сентября 13 д. состоявшася, въ вышину аршина шести вершковъ и со дскою, въ длину аршина осми вершковъ, въ ширину аршина четырехъ вершковъ, такъ и жертвенникъ въ пропорцію престола и олтаря были здѣланы; по состроени же оной церкви и къ сѣдѣишмихъ приличное все по силѣ жѣ указа, въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ октября 9 д. 1742 года состоявшася, изготовить, чтобъ церковныя сосуды были серебряные, а по самой необходимой нуждѣ оловяные изъ чистаго олова, и олтарныя одежды и сѣдѣишмихъ облаченіи имѣлись хотябъ шелковые, и книгами всего церковнаго круга удовольствованна, и тѣ книги на имя той церкви по листамъ подписанны были; а когда та церковь постронется, и приличествующее къ освященію совѣсьмъ изготовлено будетъ, тогда оное все от духовнаго роменскаго правленія описать, съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ ту опись прислать къ намъ при доношеніи, и сколько дворового числа и въ нихъ мужеска и женска пола душъ въ наличіи въ приходѣ тоя церкви находится, объявить имянно, и какъ о сѣдѣишмихъ оной новой, такъ и о розобраніи обетшалою церковей тогда жѣ просить нашего пастырскаго благословенія, при коемъ прошеніи и прежній освященный антиминосъ для освидѣтельствованія къ намъ прислать чрезъ сѣдѣишмихъ оной же церкви; а до устроенія и сѣдѣишмихъ оной церкви сѣдѣишмихъ въ старой по прежнему совершать. Чего въ знаменіе и сія благословительная грамота вышепомянутаго села Пустовойтовки церкви сѣдѣишмихъ Живоначалныя Троицы сѣдѣишмихъ Тимоѣю Яковлеву и фундатору оной церкви съ прохожаны отъ насъ дана, за рукою нашею, при печати каедральной, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ каедрѣ нашей Софійской митрополитанской. 1773 года, іюня 13 дня¹⁾.

¹⁾ Ниже приложена печать, теперь совершенно стерта. На поляхъ помѣта ромен. духов. правленія: „получена 1773 года іюня 18 дня“. „Заложена августа 25 дня“. № каедральной канцеляріи 319, № ром. духов. пр. 21.

III. Въ духовное роменское правленіе доношеніе.

Вѣдомства протопопіи роменской, въ приходѣ троецкомъ пустовойтовскомъ заложенная въ прошломъ 1773-мъ году деревянная церковь, на мѣсто обветшалай, вновь строилась всѣмъ коштомъ до единой послѣднѣйшей надобности сего села Пустовойтовки уроженца, бывшей сѣчѣ кошевого атамана Петра Иванова Калниша, и состроена уже до самихъ верховъ; но какъ показанной кошевой Калнишъ сталъ отъ мѣста своего удаленнымъ, то ми низайшіе, сколько могли до состроенія оной церкви возможности нашей, коштъ полагали, но въ совершенное оной окончаніе, по нашимъ оскудѣніямъ, такъ же и за указными нарядами и вистатченіями, оной привести не можемъ, а остается точію оную гонтою и желѣзомъ покрыть и окожуховать, да и внутрь иконостасъ резбами и иконопиствомъ отъдѣлать. Для того духовного роменскаго правленія всенижайше просимъ о таковыхъ нашихъ недостаткахъ къ достройки показанной церкви и къраинему оскудѣнію въ денгахъ засвидѣтельствовавъ, къ его преосвященству, архипастиру нашему, представить, съ прошеніемъ святителскаго благословенія и выдачи прошнурной книги и граммати на испрашиваніе въ его преосвященства епархіи отъ добротныхъ дателей денежнаго подавнія, и о семъ учинить опредѣленіе.

О семъ просятъ: іерей пустовойтовскій Тимофей Яковлевъ, хоружій сотенній Константиновскій Иванъ Заворотко, атама сѣлскій пустовойтовскій Мартинъ Потепенко и козаки: Кирило Мартиненко, Антонъ Гейко, Романъ Коваль, Григорій Любаръ, Никифоръ Яценко, Каленикъ Соломка, Якимъ Бабѣй, Сидоръ Бабѣй, Яковъ Мелешко, Ничипоръ Мелешко; посполитіе: войтъ Максимъ Чиленко, Трофимъ Черевко, Петро Черевко, Матвѣй Чиленко, Яковъ Скрипка, Петро Ревенко, Иванъ Солонинка, Тимошъ Андрѣенко, Ничипоръ Скрипка, Михайло и Иванъ Харченки, а во мѣсто ихъ вишеписанныхъ козаковъ и посполитихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, сотенного константиновскаго правленія подписокъ Иванъ Замура руку приложилъ ¹⁾. 1780 г. мая 7.

¹⁾ Помѣта ромен. дух. правленія: „подачно 1780 года, мая 7 дня“.

Эти документы несомнѣнно доказываютъ, что Калнишевскій родился въ с. Пустовойтовкѣ. Надпись на листахъ пожертвованнаго имъ евангелія перечисляетъ его родню: Иванъ и Агафія—родители, остальные—или братья и сестры, или вообще близкіе родственники. Но я не могу себѣ объяснить, почему нѣтъ никого изъ нихъ въ церковныхъ метрическихъ книгахъ села Пустовойтовки? Не носилъ ли отецъ Калнишевскаго другой какой-либо фамиліи?

Вопросъ о средѣ, изъ которой вышелъ Калнишевскій, тоже остается пока открытымъ. На заявленіе г. Скальковскаго о дворянствѣ Калнишевскаго я смотрю, какъ на неудачное предположеніе, потому что дворянства въ нынѣшнемъ смыслѣ еще и не было въ то время въ Малороссіи. Г. Эварницкій говоритъ о какомъ то „собственномъ имѣніи“ Калнишевскаго, взятомъ въ севестръ, но не указываетъ источника, откуда онъ взялъ это свѣдѣніе.

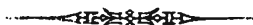
Мнѣ кажется, что Калнишевскій вышелъ изъ простой народной среды, и главнымъ доказательствомъ этого я считаю именно его обширную церковную благотворительность. Надо проникнуться чисто народнымъ чувствомъ живого убѣжденія въ неизмѣримой важности пожертвованій на дѣло религіи, чтобы такъ, можно сказать, увлекаться этими пожертвованіями, какъ Калнишевскій. Онъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія въ Запорожьѣ. Запорожцы любили жертвовать на церкви, они гордились этимъ, потому что выносили съ собою въ Запорожье усвоенное ими въ народной средѣ чувство уваженія къ „создателямъ и благодѣтелямъ“ храмовъ Божіихъ.

Подведемъ итоги выяснившейся до сихъ поръ церковно-благотворительной дѣятельности Калнишевскаго. Онъ построилъ 4 церкви: въ Межигорьѣ, Лохвицѣ, Ромнахъ и Пустовойтовкѣ, причемъ, если вѣрить письму лохвичанъ къ черноморцамъ, одинъ иконостасъ лохвицкой церкви стоилъ 10,000 рублей; надо, впрочемъ, принять въ соображеніе, что въ Лохвицѣ Калнишевскій построилъ *соборную* церковь, стоившую, должно быть, очень дорого. Онъ пожертвовалъ въ пустовойтовскую церковь евангеліе въ 500 рублей; сдѣлалъ серебряную вызолоченную „шату“ на

икону Богоматери въ Самарскій монастырь, въ 161 р.; во время своего заключенія пожертвовалъ въ Соловецкій монастырь серебряный запрестольный крестъ, вѣсомъ въ 13 съ половиной фунтовъ; туда же, по освобожденіи, сдѣлалъ евангеліе въ 2435 руб.; наконецъ, будучи кошевымъ, послалъ іерусалимскому патриарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды (Эварн. I, 86, II, 182—184; Свальк. II, 266). Объ этомъ пока только мы знаемъ. Но это, очевидно, далеко не все...

И Калнишевскій не ошибся. Многія изъ его пожертвованій, чутко направленныхъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей народнаго духа, проживутъ еще вѣка. Они покроютъ доброю памятью имя человѣка, столь несчастнаго при жизни.

Ф. Н.

Prof. M. Kowalewsky. Mariage among the early slavs. (Folk-lore, Quarterly Review of Myth, Lond. Dec. 1890).

Неутомимый изслѣдователь въ области первобытной культуры М. М. Ковалевскій, въ 1890 году помѣстил въ спеціальному английскому журналѣ свою работу, представляющую собой одну изъ лекцій, читанныхъ имъ на такъ называемыхъ илчестерскихъ курсахъ въ оксфордскомъ университетѣ. Это изслѣдованіе, не смотря на свою относительную краткость, имѣетъ, по нашему мнѣнію, очень крупное значеніе для нашей исторической науки, освѣщая одну изъ ея частей, которая до самаго послѣдняго времени, можно сказать, почти вовсе не была даже еще затронута. До настоящаго времени почти всѣ безъ исключенія русскіе историки оставались при старинныхъ воззрѣніяхъ на патріархальную семью, какъ на первобытную форму человѣческихъ отношеній, не смотря на то, что въ западно-европейской наукѣ взглядъ этотъ довольно давно уже былъ подвергнутъ критикѣ, и исторія развитія семьи была подвинута сравнительно очень далеко. Статья г. Ковалевскаго представляетъ собой первую и почти единственную попытку разсмотрѣть имѣющіяся свѣдѣнія о древней славянской семьѣ съ новой точки зрѣнія, установленной трудами западныхъ, преимущественно английскихъ ученыхъ ¹⁾ и выводы этой статьи, служа съ одной стороны

¹⁾ До известной степени вопросъ этотъ разсматривается впрочемъ и въ статьѣ О. К. Волкова „Свадебные обычаи славянскихъ народовъ“, напечатанной въ III т. болгарскаго „Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина“ (окт. 1890 г.), причемъ авторъ, разбирая съ точки зрѣнія свадебныхъ обрядовъ, приходитъ этимъ путемъ къ совершенно тѣмъ-же выводамъ, какъ и г. Ковалевскій.

подтвержденіемъ справедливости новой теоріи, съ другой стороны констатируютъ, какъ кажется, вполне ту-же постепенность развитія семьи у древнихъ славянъ, какая существовала и у всѣхъ прочихъ народовъ.

Переводы съ буквальной точностью извѣстный отрывокъ текста начальной лѣтописи, въ которомъ описываются нравы древнихъ славянъ, г. Ковалевскій приступаетъ къ классификаціи тѣхъ фактовъ, которые можно изъ него извлечь. Прежде всего онъ указываетъ на то, что бракъ въ смыслѣ постоянного союза между мужемъ и женою, очевидно, вовсе не былъ общимъ установленіемъ у восточныхъ славянъ. За исключеніемъ болѣе цивилизованныхъ Полянъ, ни одно изъ прочихъ племенъ не имѣло еще объ немъ и понятія.

Конечно, это еще вовсе не значитъ, чтобы восточные славяне вовсе не имѣли семьи, дѣло въ томъ, что устройство ихъ семьи не соответствовало понятіямъ объ этомъ предметѣ автора лѣтописи. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне умывали себѣ женщинъ, предварительно съ ними сговорившись; это, разумѣется, не могло быть названо бракомъ съ христіанской точки зрѣнія—мы-же въ данномъ случаѣ имѣемъ примѣръ того, что этнологи называютъ бракомъ черезъ умыканіе. У Древлянъ, племени наиболѣе дикаго, говоритъ далѣе г. К—ій, были свои игрища, на которыхъ похищали дѣвицъ (текстъ лѣтописи (Ипат. 7) говоритъ впрочемъ только объ умыканіи у воды: „умыкаху у воды дѣвица“, не упоминая ничего объ игрищахъ); но въ лѣтописи ни слова не говорится объ уговорѣ между похитителемъ и его предполагаемой жертвой. Возможно, что игрища эти были на границахъ или окраинахъ деревень, фактъ, который указываетъ на существованіе экзогаміи, запрещающей союзы между членами одного и того-же рода (gens). Въ описаніи лѣтописца мы видимъ господство почти безграничнаго распутства (licence) у Древлянъ, картину экзогамическаго народа, женящагося посредствомъ умыканія и находящагося въ періодѣ перехода въ семейный коммунизмъ, что очевидно изъ отношеній между свекрами и снохами. У Полянъ мы не находимъ и слѣда той ограниченной или неограниченной promiscuité, которая господству-

еть у другихъ славянскихъ племень. Но, тѣмъ не менѣе, это было все таки племя экзогамическое, что видно изъ обычая приводить себѣ женъ, очевидно не принадлежащихъ къ тому-же роду. Но у нихъ женихъ уже не похищаль невѣсту, а прямо получаль ее изъ рукъ ея родителей, уплачивая имъ за нея извѣстный выкупъ. Относительно этого выкупа выраженіе лѣтописи, говорить г. К — ій, не вполне ясно, и прежніе русскіе ученые почти постоянно толковали его въ смыслѣ приданнаго, которое было приносимо на другой день послѣ приведенія невѣсты. Но въ послѣднее время выяснено, что до XV стол. въ источникахъ русской исторіи приданное вовсе не упоминается и что слово *вѣно*, употреблявшееся въ древне-русскомъ языкѣ, означало только *pretium nuptiale*.

Свидѣтельство начальной лѣтописи о различныхъ формахъ брака у восточныхъ Славянъ заставляеть, по мнѣнію г. Ковалевскаго обратить на себя вниманіе, такъ какъ оно подтверждается прочей древне-русской литературой, русскими эпическими поэмами, свадебными пѣснями и обрядами и наконецъ существованіемъ ихъ и теперь въ разныхъ отдѣльныхъ уголкахъ Россіи. Древляне, говорить г. Ков—ій, не были единственнымъ славянскимъ племенемъ, которому приписывается первобытная свобода нравовъ, и ссылается на извѣстное свидѣтельство Космы Пражскаго, къ которому съ такимъ раздражительнымъ скептицизмомъ относится въ своемъ курсѣ Русск. Исторіи, г. Бестужевъ-Рюминъ (I, стр. 37). Въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія г. Ков—ій приводитъ свидѣтельства неизвѣстнаго автора житія св. Адальберта и русскаго монаха Памфила, жившаго въ XVI ст. и вооружавшагося противъ праздниковъ въ честь Ярила, упоминаеть далѣе объ извѣстныхъ пунктахъ Стоглава и рассказываетъ наконецъ о современныхъ уже намъ праздникахъ Ярила, а также о переживаніи этихъ праздниковъ, которое онъ видитъ въ существующихъ до сихъ поръ великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницахъ. Указывая при этомъ на совершенно аналогическія явленія въ нѣмецкомъ населеніи кант. Гларуса (Kilbener), въ южныхъ мѣстностяхъ Бадена и Вюртемберга

(Kilchgang или Dorfgehen) а также въ Уэльсѣ (bundling) онъ прибавляетъ, что этихъ примѣровъ достаточно, чтобы въ сравнительной безнравственности русскаго народа видѣть не что иное, какъ переживанія первобытныхъ формъ брака, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Доказательства патриархальнаго строя семьи у древнихъ славянъ г. К—й видить въ запрещеніи браковъ между лицами родственными по отцу и по дѣду, въ свидѣтельствѣ того-же біографа св. Адальберга и наконецъ въ русскихъ былинахъ (Соловей-разбойникъ, женищій своего сына на своей же дочери). Какъ на примѣры экзогамическихъ браковъ, сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣстности Архангельской губ., Сибири и Нижегородской губ., заимствуя эти свѣдѣнія изъ соч. г. Смирнова „Очерки семейныхъ отношеній и пр.“. Другимъ важнымъ доказательствомъ существованія патриархата у древнихъ русскихъ славянъ г. Ковалевскій считаетъ независимое положеніе женщинъ въ древнія времена, на которое указываютъ, кромѣ прямого свидѣтельства Космы Пражскаго, легенды о чешскихъ амазонкахъ, упоминаемыхъ тѣмъ же писателемъ, и о русскихъ *поленицахъ*, упоминаемыхъ въ былинахъ и наконецъ сравнительно недавній еще, приводимый Бопланомъ обычай, по которому въ Украинѣ дѣвушки сами себя выбирали жениховъ. Къ этимъ очень характернымъ фактамъ г. Ковалевскій присоединяетъ еще одно очень важное доказательство въ пользу существованія въ древней Руси патриархальной семьи, извлеченное изъ самого законодательства, а именно—паиболѣе древнюю версію перваго параграфа текста Русской Правды, которымъ мщеніе за убійство отца принадлежитъ, кромѣ его сына „брату чадоу любо сестриноу сынови“. Въ обществѣ, организованномъ по принципу агнатическаго родства, говоритъ г. Ковалевскій, сынъ сестры не имѣетъ никакого повода вмѣшиваться въ преслѣдованіе убійцы своего дяди, такъ какъ онъ принадлежитъ къ другому роду, а обязанность мщенія лежитъ исключительно на членахъ рода, къ которому принадлежитъ убитый. Самый фактъ опущенія этой части древняго текста въ болѣе позднихъ спискахъ

указываетъ, по мнѣнію г. К—аго, на послѣдовавшее потомъ развитіе агнатическаго строя семьи, причемъ, разумѣется, упомянутый законъ не могъ имѣть болѣе мѣста. Наконецъ авторъ ссылается на существованіе подобныхъ же обычаевъ и у южныхъ славянъ, засвидѣтельствованное проф. Богишичемъ и съ его словъ Крауссомъ.

Сопоставляя затѣмъ свои выводы съ фактами, установленными Баховеномъ для Германіи и Макъ-Леннономъ для Англій, г. Ковалевскій приводитъ для дополненія доказательствъ всей этой теоріи нѣкоторые современные обычаи русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ въ Украинѣ. Здѣсь прежде всего онъ указываетъ на то, что въ свадебныхъ обрядахъ братъ, а не отецъ является главнымъ покровителемъ и защитникомъ сестры, совершаетъ ея ритуальную продажу жениху, начинаетъ расплетаніе ея косы и проч. Къ этимъ фактамъ г. К—ій могъ бы присовокупить еще то характерное обстоятельство, что во всѣхъ рѣшительно обрядахъ украинской свадьбы изъ родителей жениха и невесты главная и первенствующая роль принадлежитъ не отцу, а матери, она является представительницей семьи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и семейнаго культа, главнымъ представителемъ котораго служитъ *домовый староста*—первоначально, а отчасти даже и теперь, *дядя невесты съ матерней стороны*.

Разсмотрѣвши, такимъ образомъ, доказательства существованія патріархата у древнихъ славянъ, г. Ковалевскій переходитъ къ фактамъ, изъ которыхъ можно заключить о существованіи передъ этимъ болѣе ранней стадіи вполнѣ примитивныхъ отношеній между двумя полами, представляющихъ собою явленія *эндогаміи*. Какъ на такого рода факты, онъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста русскихъ былинъ (Михайло Казариновъ), на многочисленныя сказки о кровосмѣшеніи (Афанасьевъ—I. 211—212), на украинскія пѣсни, представляющія идеи перехода отъ эндогаміи къ экзогаміи и т. п. Съ другой стороны онъ указываетъ на то, что находящіяся въ тѣсной связи между собою экзогамія и умыканіе женщинъ—дѣйствительно и существовали въ древ. Руси, что видно изъ свидѣтельства началь-

ной летописи о Радимичахъ, Вятичахъ и пр., подтверждаемыхъ множествомъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, въ которыхъ постоянно говорится о похищеніи дѣвушекъ, и не такъ давно существовавшимъ еще обычаемъ похищенія у Южныхъ Славянъ. Приведа рядъ свѣдѣній, сюда относящихся изъ, Вука Караджича и Богишича, г. К — иѣ упоминаетъ о свидѣтельствѣ Боплана на счетъ похищенія дѣвиць въ Украинѣ XVII ст. и цитируетъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ великорусскихъ и, главнымъ образомъ, украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ.

Переходя затѣмъ къ слѣдующей за умыканіемъ стадіи развитія брачныхъ обычаевъ, г. Ковалевскій указываетъ на браки Полянъ, у которыхъ, по свидѣтельству летописи, приводили невѣсту, послѣ чего женихъ уплачивалъ родителямъ ея известную сумму, представлявшую собою то, что у римлянъ называлось *pretium nuptiale*. Этотъ обычай Полянъ, какъ думаетъ авторъ сдѣлался современемъ общимъ обычаемъ всѣхъ славянъ и удержался у нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ. Приведа примѣръ существованія его у нынѣшнихъ сербовъ (Вукъ Карадж.) и болгаръ—(Богишичъ) у лужичанъ, чеховъ и поляковъ, г. К—иѣ упоминаетъ также о знаменитыхъ ярмаркахъ, существовавшихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Красномъ Бродѣ въ Угорской Руси. Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ о значеніи выраженія *stno*, которое въ славянскомъ переводѣ библіи (эпизодъ объ Іаковѣ и Лаванѣ) употреблено также въ смыслѣ платы за невѣсту, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой платы, сохранившейся въ Велико-россиіи подъ именемъ кладки. Въ этомъ обычаѣ онъ различаетъ двѣ формы: одну—когда отецъ отдаетъ полученныя отъ жениха деньги (кладку) своей дочери въ видѣ приданого, и другую—когда онъ ихъ беретъ себѣ въ качествѣ главы семьи—общины, и обращаетъ вниманіе на то, что первая изъ этихъ формъ имѣетъ переходной характеръ и указываетъ тотъ путь, которымъ *pretium emptionis*, употребляя терминъ римскихъ юристовъ, превратился въ *dos* или приданое, также точно какъ это можно видѣть и въ обычаѣ древнихъ германцевъ, у кото-

рыхъ, по словамъ Тацита, мужа давали приданое своимъ женамъ, а не отцы послѣднихъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, заключаетъ свою статью г. Ков—ий, русская этнографія подтверждаетъ теорію развитія брака, которая была впервые установлена англійскими учеными.

В.

¹⁾ Очень большой теоретическій интересъ представляетъ собой въ этомъ отношеніи обычай современныхъ болгаръ, у которыхъ, (въ Дѣсковцѣ) существуютъ эти обѣ формы *pretium nuptiale*, устанавливаемая г. К—имъ: первая подъ назв. *азарлыкъ* или *бащинно право*, половина котораго уплачивается во время сговора, а другая послѣ признанія невесты сохранившей свою дѣвственность, и вторая подъ назв. *обушта*, которая идетъ на покупку подарковъ, обыкновенно сапогъ для членовъ рода невесты, тогда какъ первая передается невестѣ и составляетъ ея приданое (*Bogišić Zbronic sadasnjih provnih običaja u južnih Slovena. Zagr. 1874, стр. 258, 259 и 221*). Кромѣ полного подтвержденія мысли г. К—аго, обычай этотъ указываетъ и на двойное происхожденіе этой платы, въ основаніи которой лежатъ съ одной стороны *бащинно право*—*jus primae noctis* со стороны отца, какъ представителя рода, а съ другой—*выкупъ* или *вира* за нанесеніе обиды роду невесты ея похищеніемъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 году.

Иезуиты, подчинивши своему вліянію Польшу и сдѣлавши изъ нея и подвластныхъ ей Холмщины, Литвы и Бѣлоруссін дворянѣй святого апостола Петра, задумали тоже сдѣлать и съ Украинною. Чтобы достигнуть своего намѣренія, они около половины XVIII столѣтія наслали на Украину своихъ пионеровъ въ лицѣ Доминиканскихъ и Базиліанскихъ монаховъ, которые, поселившись при устроенныхъ ими кляшторахъ въ Бердичевѣ, Умани и Каневѣ и каплицахъ въ Коростышевѣ, Сигѣлой, Фастовѣ, Лисянкѣ и Бѣлой Церкви, начали отсюда, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи въ сосѣднія мѣстечки и села для распространенія среди православныхъ ненавистной имъ уніи. Извѣстный гайдамацкій ватажокъ Максимъ Желѣзнякъ съ сподвижниками своими, начавъ въ апрѣлѣ 1768 года движеніе, извѣстное подъ именемъ коліпщвны, поголовно истреблялъ не только жидовъ и лиховъ, но то же дѣлалъ и съ миссіонерами уніи. Надлежало предполагать, что времена гайдамачины никогда не изгладятся изъ памяти учениковъ Лойола, но вышло напротивъ. Едва гайдамаки были истреблены, при помощи предводителя русскаго войска генерала Кречетничкова, едва на Украинѣ было возстановлено спокойствіе и тишина, какъ въ замѣнъ истребленныхъ иезуиты наслали на Украину новыхъ миссіонеровъ уніи, которые поселились на разрушенныхъ гнѣздахъ своихъ предшественниковъ и еще до возстановленія ихъ стали предпринимать свои миссіонерскія экскурсіи по сосѣднимъ мѣстечкамъ и селамъ. При вѣздахъ въ эти села и мѣстечка вкапывались высокіе дубовые столбы съ надписью на верху ихъ: *Миссія*, и за тѣмъ, подъ охраною польскихъ жолнѣровъ, сюда приходили проповѣдники уніи, имѣя на деждахъ своихъ нашитые кресты и преднося предъ собою статуя

Богоматери. О миссіонерской дѣятельности проповѣдниковъ униі въ мѣстечкахъ Кошоватой и Богуславѣ считаю небезынтереснымъ дословно списать изъ вѣдомости, составленной Богуславскимъ протопопомъ о. Стефаномъ Левандовскимъ 16 августа 1779 года и тогда же отосланной въ Переяславскую духовную консисторію, подъ вѣдѣніемъ которой находилась Украина до іюня 1785 года.

«1776 года генваря 1 дня, пишетъ о. Левандовскій, владѣніи пана Молодецаго мѣстечка Кошоватой губернаторъ Гулявицкій, по приказу унитскихъ духовныхъ властей, призванъ вездѣ шатающагося апостольскаго миссіонера Андрея Кондратовича и другаго клирика Петра Лестоцаго въ мѣстечко Кошовату, тотчасъ велѣлъ войтамъ, асаульцамъ и козакамъ своимъ согнать не только съ самого мѣстечка Кошоватой, но даже изъ окружныхъ сель—Луки, Лукіановки, Березнячки и Крутыхъ Горбовъ неунитскій народъ на слушаніе миссіи. Но на сей миссіи апостольскій миссіонеръ болѣе проклиналъ и хулилъ святую вѣру греческую, нежели что другое говорилъ въ пользу униі; народъ же, слушая оное казанье, въ душѣ своей отвѣтствовалъ тою же худю и проклятіемъ душепагубной униі. Того жъ мѣсяца 2 числа наки оный Гулявицкій велѣлъ тѣмъ же своимъ слугамъ, а особливо полякамъ Михальскому и Кучевскому согнать не только со всѣхъ сель губернаторства своего, но даже изъ чужихъ владѣній народъ. Но понеже благочестивый народъ не хотѣлъ идти на миссію, то жолнѣры польскіе насильственно згоняли оный и повязанныхъ людей приводили до апостольскаго миссіонера, гдѣ, съ соизволенія и приказу его особы, очень многихъ, а особенно Тихона Кальногузенка, Петра Безверхаго и Алексѣя Малюка, яко начальнѣйшихъ и ревнителнѣйшихъ по благочестію, тажко и тиранско били батожемъ для устрашенія прочихъ, а при битвѣ, поварачивая оныхъ на всѣ четыре стороны и отсчитывая по сотнѣ ударовъ, приговаривали: «вотъ тебѣ по сто нагаевъ за каждого изъ вашихъ четверыхъ восточныхъ патриарховъ!» Гдѣ же козаки, асаульцы и жолнѣры не заставляли хозяевъ, крыющихся отъ миссіи, то женъ и детей ихъ гвалтовно таскали до апостольскаго миссіонера; а согнанныхъ на тую миссію трое сутокъ держали и, никуда не выпуская, всѣхъ голодомъ и хладомъ морили, вынуждая согласіе на унию. Но согласія на унию миссіонеръ оный не достягъ ни скаредными казаніями своими, ни тажкимъ битьемъ, ни хладомъ, ни голодомъ».

«Того же 1776 года Генваря 23 числа вездѣ шатающійся и для взятковъ и корыстей своихъ проводящій миссію апостольскій униат-

скій миссіонеръ Петръ Кондратовичъ и клирикъ Петръ Лестоцкій, прійдя въ мѣстечко Богуславъ, вытребовали отъ пана Войны, полковника Королевскихъ войскъ, пришедшихъ изъ Варшавы, и тамошняго губернатора Медушевскаго охрану для проводу своей миссіи и, по приказу онаго Войны, жолнеры изъ сельскихъ квартиръ всѣ собрались въ мѣстечко Богуславъ для устрашенія народа. Миссіонеры жъ разослали до неунитскихъ Богуславскихъ церквей универсалъ свой для прочтенія народу и велѣнія идти на миссію, а 31 числа того же генваря зачали въ свѣжо отобранной церкви неунитской Троицкой править свою мшу. Когда же на ихъ набоженство и казанія не пошелъ народъ, то губернаторъ Медушевскій асаульцамъ и козакамъ своимъ, а полковникъ Война жолнѣрамъ своимъ велѣла насильственно вытаскивать народъ съ женами и дѣтьми изъ домовъ и стогать на миссію, устрашая ихъ нагаями, висѣлицами, посѣченіемъ шаблями и разнаго рода карами. Тѣмъ способомъ согнано было много людей. По отправѣ того дня мши и казанья, войска королевскія, окруживъ весь народъ, погнали оный въ замокъ, куда потаскали насильственно и неунитскихъ Богуславскихъ церквей поповъ, дьячковъ, пономарей и Богуславскаго монастыря начальника отца Корнилія. Въ ономъ замкѣ всѣхъ первѣе увѣщевали, и послѣ принуждали присягать и дать подпись на унію; а какъ ничего не успѣли, то выгнавъ поповъ вонъ съ безчестіемъ, народъ же весь удержали цѣлый день безъ воды и куска хлѣба и разными угроженіями принудили точію нѣкоторыхъ къ подпису на унію, а другихъ сами подписали. Въ таковыхъ нуждахъ и при гладѣ и хладѣ удерживая народъ, велѣно куда только миссіонеры по улицамъ не пойдутъ со процессією своею, чтобы за ними жолнѣры гнали и народъ, окруженный ими. Видя же Война полковникъ, губернаторъ Медушевскій съ миссіонерами, что народъ являеть къ процессіи холодность и противность, взяли съ жидовскихъ шинковъ музыку жидовскую и стала музыка играть. Такъ съ жидовскою музыкою процессія прошла по всѣмъ улицамъ Богуслава, вайначе останавливаясь супротивъ жидовскихъ шинковъ, предъ коими миссіонеры вѣру греко-неунитскую называли проклятою схизмою, а Войну и Медушевскаго восхваляли, сказую: «вотъ души побожныя, вотъ какъ вѣру католицеую щиро утверждають и разширяють».

«Февраля 2 дня, согнавши народъ, каки миссіонеры съ жолнѣрами и музыкою цѣлый день удерживали оный; ночной же поры, выйдя изъ Троицкой отобранной церкви съ процессією, сперва отобрали на унію другую Пятницкую церковь, а послѣ и третью, отгнавши

ключи отъ священника Власія Креминскаго. По окончаніи такой трагедійной миссіи, Медушевскій отъ убѣжавшихъ оной взялъ штрафу по 3 и 4 рубля на себя, а со всего народа вытребовалъ много денегъ на миссіонеровъ».

«Когда же народъ, по отобраніи церквей на унию, началъ ходить въ Богуславскій монастырь за своими духовными требами, то жолѣтры не точію воспрещали сіе, но и тяжко били народъ на монастырскомъ цвинтарѣ, выводя оный изъ церкви»,

Протоіерей П. Орловскій.

Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о м. Ратно, помѣщеннымъ въ статьѣ «Воссоединеніе униатовъ въ мѣст. Ратно» (Кіев. Стар., 1892 г. № 3), сообщаю имѣющіяся у меня свѣдѣнія о томъ-же мѣстечкѣ, извлеченныя изъ грамотъ—Владислава III короля Венгерскаго и Польскаго, данной въ г. Будѣ въ 1440 г., и Сигизмунда III, данной въ г. Варшавѣ 21 марта 1615 г., и другихъ Польскихъ королей.

Подлинныя грамоты хранятся въ главномъ Архивѣ Царства Польскаго, куда онѣ сданы на храненіе мѣщанами м. Ратно 14/26 февраля 1856 г. (книга № 56, стр. 51). Первая изъ нихъ—Владислава—писана на пергаментѣ на латинскомъ языкѣ, на ней имѣется восковая печать, привѣшенная на шелковомъ бѣлаго и розоваго цвѣта шнуркѣ, а вторая—Сигизмунда писана на пергаментѣ на польскомъ языкѣ съ восковою печатью, привѣшенною на таковомъ же шелковомъ шнуркѣ и скрѣпленѣ Флоріаномъ Олешко, Владимірскимъ Войсковымъ Секретаремъ и писаремъ.

Желая привести м. Ратно въ лучшее состояніе, Король Владиславъ, какъ сказано въ грамотѣ его 1440 г., замѣнилъ существовавшіе до того въ мѣстечкѣ польско-русскіе и всякіе другіе законы правомъ Тевтоническимъ-Магдебургскимъ; кромѣ того жители названнаго мѣстечка навсегда освобождались отъ вѣдѣнія и зависимости воеводъ, кастеляновъ, старостъ, судей, подсудковъ и другихъ чиновниковъ, и по уголовнымъ дѣламъ—о кражахъ, зажигательствахъ, смертоубійствахъ, увѣчьяхъ и др. подчинялись вѣдѣнію своего войта, которому предоставлена грамотою полная власть судить рѣшать и осуждать по точному смыслу и разумѣнію постановленій Тевтоническаго закона. Съ тою же цѣлію установлена въ м. Ратно ярмарка въ день Успенія Пресвитой Богородицы (15 августа) и еженедѣльные торги

по вторникамъ. Въ видахъ же увеличенія народонаселенія въ мѣстечкѣ всѣ мѣщане и жители его освобождены въ теченіе 40 лѣтъ отъ всякихъ чиншей, податей, даней, налоговъ и всякаго рода уплатъ, равно отъ всякихъ работъ, свозки, подводъ и другихъ земскихъ повинностей. — Данныя жителямъ м. Ратно королемъ Владиславомъ привилегіи преемниками его были не только подтверждены, но еще были расширены. Такъ, король Сигизмундъ I-й грамотой, данной въ 1510 г., предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ свободную рыбную ловлю на р. Припяти и рубку лѣса для домашняго обихода, Тотъ же король въ маѣ 1514 г. разрѣшилъ учредить въ м. Ратно ратушу съ лавками и мѣрами для хлѣба и продуктовъ, продаваемыхъ для общаго продовольствія, а также съ клейменными вѣсами по фунтамъ и лотамъ. Тотъ же король Сигизмундъ I-й въ 1546 г. далъ м. Ратно привилегію на мостовой сборъ на время Богоявленской ярмарки. Въ 1554 г. король Польскій Сигизмундъ-Августъ предоставилъ ратненскимъ мѣщанамъ право свободно пользоваться рѣкой, а также лѣсомъ для строеній и рынка, освободилъ недѣльные (по вторникамъ) торги отъ пошлинъ, предоставивъ воеводѣ взимать пошлину только съ соли. — Стефанъ Баторій грамотой, данной въ Варшавѣ въ 1578 г., подтвердилъ всѣ привилегіи своихъ предшественниковъ, данныя ими м. Ратно.

Данныя названными королями жителямъ м. Ратно привилегіи, какъ можно судить изъ данной 21 Марта 1615 г. королемъ Сигизмундомъ III грамоты, имѣли благотворное вліяніе на сторуи общественной жизни мѣстечка. Подъ вліяніемъ съ одной стороны Магдебурскаго права, а съ другой зажиточности жителей, въ м. Ратно заведены были при церквахъ школы для обученія грамотѣ, — устроена была больница и, кромѣ того, содержался на общественныя деньги фельдшеръ (цирульникъ). Но наступившее въ царствованіе Сигизмунда III смутное время не выполнѣло благоприятно отозвалось на благосостояніи жителей м. Ратно. Вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ войскъ, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда отъ 21 марта 1615 г., и нападенія разныхъ бродягъ, жители мѣстечка пришли въ совершенную нищету и разореніе. Почему, желая по ходатайству сенаторовъ въ предупрежденіе совершеннаго упадка мѣстечка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшенія доходовъ для казны, оказать помощь мѣстечковымъ жителямъ, Сигизмундъ III грамотой своей отъ 21 марта 1615 г. предоставилъ имъ слѣдующія льготы: во 1-хъ, предоставилъ въ ихъ распоряженіе питейные по мѣстечку сборы, поступавшіе ранѣе въ пользу

королевскаго Ратненскаго замка, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы изъ тѣхъ (питейныхъ) доходовъ ежегодно 120 польскихъ золотыхъ уплачивались въ два срока въ день св. Варфоломея и въ крестопоклонную недѣлю по прежнему Ратненскому замку, а 40 золотыхъ въ тѣ же сроки уплачивались жительствовавшему при церкви (какой—не сказано) учителю, который обучалъ бы дѣтей мѣщанскихъ, не требуя уже за то никакого другаго вознагражденія, развѣ бы кто добровольно что-либо ему пожертвовалъ, съ тѣмъ, какъ сказано въ грамотѣ, чтобы юношество въ томъ мѣстечкѣ не оставалось безъ образованія и наставленія въ страхѣ Божиемъ. Затѣмъ, изъ того же питейнаго дохода 20 золотыхъ ежегодно должно быть выплачиваемо въ пользу польской больницы, которая, какъ сказано въ грамотѣ, имѣетъ быть вновь построена. Остатокъ же тѣхъ доходовъ долженъ быть обращаемъ на городскія потребности и содержаніе порядка по городскимъ обычаямъ и нравамъ. Во 2-хъ жители м. Ратно освобождались отъ уплаты половины чинша, который они по древнему обычаю ежегодно платили съ своихъ домовъ въ пользу Королевскаго Замка, съ тѣмъ, чтобы эта половина чинша шла на содержаніе мѣстнаго фельдшера, содержавшагося и прежде на тѣже средства. Тою же грамотою предписывалось не чинить мѣщанамъ никакихъ препятствій по сбору и расходованію питейнаго сбора ни со стороны тогдашней владѣлицы Ратненскаго староства надворной коронной маршалши Елисаветы изъ Лежинець, ни со стороны послѣдующихъ старостъ Ратненскихъ и ихъ слугъ. Однако же права королевскія и республики, а равно и церковныя тою же грамотою оставались неприкосновенными.—Привиллегіи, данныя этою грамотою мѣщанамъ м. Ратно, подтверждены были послѣдующими королями—грамотами короля Владислава IV отъ 26 іюня 1633 г. и 28 Марта 1637 г.,—королемъ Яномъ Казимиромъ грамотою отъ 10 января 1650 г. королемъ Михаиломъ грамотою отъ 15 іюля 1670 г. и королемъ Яномъ III грамотою отъ 18 марта 1679 г.—Кромѣ того, тѣмъ же мѣщанамъ предоставлены были еще слѣдующія права:— грамотою отъ 25 марта 1635 г. Владиславъ IV воспретилъ постороннимъ купцамъ производить торговлю въ деревняхъ ратненскаго староства, кромѣ м. Ратно; грамотою отъ 16 марта 1637 г. тотъ же король освободилъ мѣщанъ отъ платежа мостовыхъ и вѣсовыхъ пошлинъ; грамотою отъ 15 іюля 1670 г. король Михаилъ разрѣшилъ въ м. Ратно недѣльную ярмарку на праздникъ Рождества Богородицы (8-го сентября).

До половины XVII в. евреи хотя и проживали въ м. Ратно, но видимо не пользовались никакими правами и прочной осѣдлости не имѣли. Но затѣмъ они начали понемпогу селиться въ мѣстечкѣ и исподтишка пріобрѣтать отъ мѣстныхъ мѣщанъ недвижимую собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользоваться всѣми правами, давными кореннымъ жителямъ мѣстечка, отказываясь въ тоже время нести какія-либо общественныя повинности, вслѣдствіе чего таковыя всею своею тяжестью легли на остальныхъ христіанъ-мѣщанъ. По поводу уклоненія Ратненскихъ евреевъ отъ общественныхъ повинностей коренными жителями мѣстечка—христіанами заведено было въ судахъ дѣло и рѣшеніемъ мѣстнаго старостинскаго суда было постановлено, чтобы евреи, пріобрѣтшіе осѣдлость (недвижимую собственность) отъ мѣщанъ-христіанъ, несли повинности въ размѣрѣ пріобрѣтенной собственности, и это рѣшеніе старостинскаго суда утверждено было грамотою короля Яна-Казимира 1668 г.

В.

Коринфскій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1728 г. прибылъ въ Кіевъ греческій митрополитъ Митрофанъ и, заявивъ о себѣ, что онъ бѣжалъ отъ «бесурманскаго гоненія», просилъ препроводить его въ Москву «для челобитья о позволительномъ ему въ Малой Россіи служеніи и о безбѣдномъ прожитіи». Кіев. Губ. Канц. донесла объ этомъ въ св. Синодъ, но болѣе двухъ лѣтъ не получала отвѣта, а потому и повторила свое «требованіе указа», препроводивъ и собственное м. Митрофана прошеніе, писанное въ генварѣ 1731 г.

Между тѣмъ св. Синодъ запросилъ о Митрофанѣ коллегію Ин. Д., изъ которой, на основаніи реляціи резидента Неплюева, лишь въ декабрѣ 1730 г. было сообщено, что Митрофанъ дѣйствительно былъ митрополитомъ въ Коринѣ, но тамъ, «живучи безъ экономіи удобной, возымѣлъ на себя не малые долги и не въ состояніи былъ платитъ обыкновенной дани, — того ради изверженъ со отнятіемъ чина; потомъ оной митрополитъ, прибывъ въ Константинополь, упросилъ себѣ у патріарха Іереміи прощеніе священнодѣйствовать въ чинѣ митрополическомъ; но, не имѣвъ епархіи, принужденъ былъ ретироваться въ Молдавію къ прежнему князю Михайлу, у котораго дѣтей грамотѣ училъ; оттуда ретировался въ Украину. А много подозрѣнія, *кромѣ піянства*, никакого на него не было».

22-го февраля 1731 г. послѣдовало опредѣленіе св. Синода ¹⁾ о дозволеніи митр. Митрофану отправлять въ Кіевѣ священнодѣйствіе и посвящать въ священнической и діаконой чинъ только въ такомъ случаѣ, если воспослѣдуетъ отъ тамошней консисторіи предложеніе по этому предмету.

Если и было приведено это распоряженіе въ исполненіе, то во всякомъ случаѣ весьма не долго пришлось митр. Митрофану священнодѣйствовать въ Кіевѣ, такъ какъ въ томъ же 1731 г. апрѣля 13-го послѣдовало назначеніе архіепископа Рафаила, который и прибылъ въ Кіевъ 10-го октября и тогдаже устранилъ митр. Митрофана отъ священнодѣйствія, какъ видно это изъ найденнаго мною въ документахъ Губ. Канц. указа Св. Синода отъ 13-го ноября 1733 г., въ которомъ сказано:

... по довошенію изъ оной кіевской губерніи о обрѣтающемся въ Кіевѣ турецкой области Митрофанѣ митрополитѣ Коринфскомъ, который съ *прибытія въ Кіевъ преосв. Рафаила архіепископа отъ священнодѣйствія отрпшенъ* и живетъ между свѣтскимъ народомъ въ монастыря туне, не имѣя жадного себѣ пропитанія, и объ отпускѣ его изъ Кіева въ Москву,—велѣно: Е. Пр. Митрофану, митр. коринф., опредѣлить для пропитанія его и съ служителями мѣсто въ кіевскомъ заднѣпрскомъ или гдѣ индѣ монастырѣ, гдѣ пристойно по разсужденію пр. Рафаила, архіеп. кіев. и гал., священнослуженіе же тому м. Митрофану и поставленіе причта церковнаго въ священство и діаконовство позволяется точію съ позволенія оного Рафаила, арх. кіев., и безъ позволенія Е. Пр. священнослуженія ему, митр. Митрофану, отправлять отнюдь не дерзать, и кіев. губ. о томъ вѣдать.

Нельзя не обратить вниманія на то, что указъ этотъ послѣдовалъ по представленію Губ. Канц.; очевидно, архіепископъ Рафаилъ,

¹⁾ П. Собр. пост. и расп. по вѣд. Пр. Исп. т. VII стр. 235. Объ этомъ указѣ упоминается въ „Описаніи К. Соф. соб. и Кіев. іерархіи“ изд. 1825 г. стр. 220: „Во время междуархіерейства кіев. епархіи управляла оною консисторія, и производство въ духовныя чины по избранію и удостоенію оной, указомъ св. Синода отъ 28 февр. 1731 г. поручено было греческому коринфскому митроп. Митрофану. въ октябрь 1728 г. пріѣхавшему въ Кіевъ изъ Греціи“.

О времени пріѣзда м. Митрофана въ Кіевъ (мартъ мѣцъ) приводимое въ настоящей запискѣ свидѣніе взято изъ дѣла Кіев. Губ. Канц., и оно согласно съ напечатаннымъ въ „Поли. Собр. пост. и расп. по вѣд. Пр. Исп“.

устрапивши митр. Митрофана отъ священнодѣйствія, не находилъ его заслуживающимъ того, чтобы самому позаботиться о приличномъ его устроеніи гдѣ либо въ своей епархіи.

А. А.

Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). Въ ноябрѣ 1796 г. митрополитъ Герофей, по просьбѣ священника с. Бортничъ Тимофея Криницкаго съ прихожанами, которые, выстроивъ новую церковь, не могли побѣдности сдѣлать для нея иконостаса, разрѣшилъ имъ взять иконостасъ изъ Кіево-Кирилловской церкви, стоявшій на хорахъ «въ такомъ предѣльномъ храмѣ, въ которомъ отдавна уже нѣтъ ни Антиминса, ни престола, безъ всякой надобности, и пришедшій часъ отъ часу отъ накопившейся на немъ пыли и ражавщины къ неминусей во всемъ порчѣ». Но церковь эта состояла въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго призрѣнія, была домовою какъ бы церковью при Инвалидномъ домѣ, а потому при исполненіи этой резолюціи митрополита вышло недоразумѣніе. Смотритель Инвалиднаго дома, не имѣя предписанія отъ своего начальства и узавѣ, что священникъ Іоаннъ Бохановскій увезъ куда-то иконостасъ, донесъ объ этомъ Приказу, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, обвинивъ священника между прочимъ и въ сопротивленіи часовому, а на другой день (28-го ноября) донесъ, что онъ нашелъ этотъ иконостасъ въ домѣ какого то мужика, отобралъ и привезъ его обратно въ Инвалидный домъ. По этому поводу правитель намѣстничества Милашевичъ обратился съ запросомъ къ митрополиту Герофею, который, сообщая вышеприведенное свое разрѣшеніе, писалъ при этомъ, что де «ошибка одна та, что по причинѣ стекшихся во многомъ количествѣ на то время нужнѣйшихъ указныхъ дѣлъ упущено извѣстить объ ономъ Ваше Превосходительство, въ разсужденіе состоящей прописанной Кирилловской церкви на пждивеніи Приказа общественнаго призрѣнія кіевск. губ.; чего для нынѣ о всемъ вышесписанномъ Ваш. Превосх. увѣдомляя, прошу приказать, кому слѣдуетъ, невозбранявъ взять упоминаемый иконостасъ въ Бортничую скудную церковь; что же касается до поступка противозаконнаго свящ. Бохановскаго съ часовымъ, буде подлинно онъ произошелъ, не оставлю безъ оштрафованія сего священника». Въ письмѣ своемъ митрополитъ, между прочимъ, заявлялъ, что и отъ предѣстниковъ его «лишніе иконостаты даны изъ одной въ другую церковь, гдѣ въ томъ надобность состояла».

Послѣ этого письма правитель намѣстничества сдѣлалъ «надлежащее» распоряженіе, и смотритель Инвалиднаго дома передалъ 3 го декабря иконостасъ подъ роспису благочиннаго протоіерея Іоанна Мальковскаго, при чемъ, какъ въ рапортѣ смотрителя, такъ и въ росписѣ протоіерея, иконостасъ названъ *новымъ*.

Видно, смотритель Инв. дома надв. сов. Иванъ Алексѣевичъ Суковкинъ былъ и раньше не въ ладахъ со священникомъ Бохановскимъ, которому и сдѣланъ былъ митрополитомъ строгій выговоръ съ угрозой отрѣшенія отъ мѣста и со взятіемъ подписки, что онъ будетъ «со всѣми въ ономъ домѣ находящимися офицерами, а особливо съ смотрителемъ тамошнимъ, уважая его чинъ, обходиться вѣжливымъ образомъ безъ нанесенія грубости». 20-го же декабря Суковкинъ представилъ въ Приказъ формальную жалобу отъ лица всѣхъ инвалидовъ на Бохановскаго, обвиняя его въ частыхъ отлучкахъ, въ праздности и пьянствѣ, въ пренебреженіи къ старшинамъ, заявляя, что «служба бываетъ у него только по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ, а въ прочіе дни иногда къ вечерни и бываетъ звонъ, а поца въ церкви пѣтъ, и отираваютъ вечерню дьячокъ и пономарь», что онъ «человѣкъ злой и безпокойный, наноситъ излишнія начальству затрудненія», и въ заключеніе проситъ о его удаленіи. На представленіе объ этомъ правителя намѣстничества митрополитъ Іерофей немедленно распорядился запретить Бохановскому священнослуженіе «впредь до дальнѣйшаго о немъ по сему предмету разсмотрѣнія». Но въ генварѣ мѣсяцѣ 1797 г. митрополитъ уже разрѣшилъ этому священнику, священнослуженіе «въ другихъ церквяхъ Кромѣ Кіево-Кирилловской», и «къ бытію при слѣдствіи въ Кіев. ниж. ем. судѣ о дѣлѣ Бохановскаго съ смотрителемъ инвалид. дому» командировалъ Покров. ц. свящ. Симеона Глядиковского. Какъ видно изъ обрывковъ переписки, самъ Бохановскій возбудилъ въ судѣ дѣло своею жалобой на помощника смотрителя прапорщика Негопцыва. При слушаніи этого дѣла въ уѣздномъ судѣ депутатомъ отъ «духовной команды» былъ Царя-Константиновской церкви свящ. Иванъ Костецкій. Чѣмъ дѣло кончилось, изъ имѣвшейся у меня переписки не видно.

А. А.

Изъ архивныхъ мелочей. V (см. «Кіевскую Старину» 1890 г. № 6, стр. 544; № 5, стр. 379; № 9, стр. 497; 1892 г. № 2, стр. 349).—*Два въстовыхъ отписки Гавріила Остаповича Бѣлша*, под-

ковника миргородскаго и гадяцкаго, намѣстника Павла Апостола отъ 18 января (къ окольникему и воеводѣ князю Гр. Гр. Ромодановскому въ Бѣлгородъ) и отъ 19 января 1660 г. (къ Умаю Васильевичу Шамордиву да наказному полковнику Василю въ городъ Суминъ. — *Листъ гетмана Ивана Самойловича* отъ 15 сентября 1679 г.

Печатаемыя ниже двѣ вѣстовныхъ отписки о приходѣ крымскихъ и нагайскихъ татаръ, однородныя по содержанію, но различныя по формѣ, ибо адресованы къ разнымъ по служебному положенію и родовитости лицамъ, найдены въ 308 столбцѣ (л. л. 136—137) московскаго стола Разряда Архива Министерства Юстиціи въ совершенныхъ (XVII-го вѣка) подлинникахъ (вмѣстѣ съ ними находятся и списанныя въ канцеляріи разряда копии съ нихъ). Интересна филигрань бумаги первой отписки: правильной формы двуглавый орелъ съ короной (у Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ московскомъ государствѣ» этой филиграніи нѣтъ; срв. впрочемъ таблицу 100, рис. 682). На одной изъ копій читаемъ приложенную ниже приказную помѣту отъ февраля того-же года.

1.

(Въ Бѣлгородѣ).

Божією милостію великаго государя цари и великаго князя Алексея Михайловича всѣхъ великихъ и малыхъ и бѣлыхъ Россій самодержавца и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника государя и обладателя его царскаго величества *Гаврило Бляшъ* на меслу Павла Апостола, полковникъ войска его царскаго величества миргородскій и гадяцкій.

Господину моему окольникему и воеводѣ князю Григорію Григоріевичу *Рамодановскому*. Въ нынѣшнемъ, во 168 году ануарія 18 день, ознаймую милости твоей про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, што царь крымскій выйшолъ зъ войскомъ своимъ поганимъ и тинетъ къ *Цибулькину*, а послалъ тысячъ сорокъ татаръ и щось немного турковъ къ ляхомъ на помочъ добывати *Умани*, *Кальника*, *Браславля* и иныхъ городовъ, чога имъ Господи Боже не помози. Самъ обещуетъ тянути къ *Чигирину*, къ *Корсуню* и къ инымъ городомъ. Только мѣемъ надѣю въ Господу Богу и въ его царскомъ пресвѣтломъ величеству, же тамъ дороги онимъ поганцемъ не поустятъ. Що мы авзявши вѣдомость отъ полтавскаго полковника, што нагай великій

и малый на наши города замыслъ мѣють, возымали языковъ татарскихъ у помощи, и то о всемъ рассказали, якъ тутъ списано. И то твоей милости ознаймивши, испрошуемъ тебе, якіи вѣсти у тебе, и намъ давай знати, а мы если що большего услышимъ, и о томъ будемъ вамъ писать, въ томъ будьте въ сильной осторожности, якъ до войны принадлежить, по рицерску треба быти готовими, абы насъ сонныхъ непріятель въ дворахъ не ставалъ, але и овшемъ узиявши Господа Бога на помощь и ужаючи на его пресвѣтлое царское величество, будемъ онимъ непріателемъ креста святого отпоръ давать. А въ томъ буди здравъ. Писанъ въ Гадячахъ лѣта 7168 году ануаріа въ 18 день. Къ сему писму Гаврило Осгавновичъ Бѣлашъ, полковникъ войска его пресвѣтлаго царскаго величества запорожскаго намѣстникъ миргородскій и гадацкій печать приложилъ

2.

(Въ Суминь).

Царского величества въ городъ *Суминь* господину моему Умаю Васильевичу *Шажордину* да полковнику *Василію*, наказному задла вашего чолобитя, теперъ вамъ ознаймуемъ про крымскихъ и нагайскихъ татаровъ, ижъ выйшолъ самъ царь ханъ зъ мурзами великими и послалъ къ ляхомъ сорокъ тысячъ татаръ и турковъ щось немного *Умани*, *Браслава*, *Кальника* и инихъ городовъ доставать. А самъ ханъ на *Цибульникъ* тянетъ *Чимирина*, *Корсуна* и инихъ городовъ добувать. А нагай великій и малый на наши украинны города тянетъ, чога имъ Боже не допомози, що имаемъ надѣю въ Богѣ же¹⁾ и тамъ тіи заднѣпрскіе поля дорогу имъ зарубають, и вамъ бы, воеводѣ и полковнику суминскимъ быти въ добромъ береганью и готовимъ zostавити яко до войны належить, а зъ деревень и городковъ малыхъ и зъ большихъ звозилися. Тое вамъ увѣдомѣвши, Господу Богу поручаемъ васъ. Писанъ въ Гадячемъ 19 ануаріа 1660 (†АХЇ) р.—Вамъ всѣмъ добра зичливый Гаврило Бѣлашъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожскаго миргородскій и гадацкій намѣстникъ.

Помѣта: «168 г. февраля 6 д. Послать грамоты во всѣ украинныя города, велѣтъ ѣхать уѣзднымъ людемъ съ женами и съ дѣтьми въ города.

¹⁾ Слова три не разобрано.

3.

Листъ гетмана Ивана Самойловича.

Іоанъ Самойловичъ гетманъ войскомъ его царского пресвѣтлаго величества запорожскимъ.

Его царского пресвѣтлаго величества воеводамъ въ великороссійскихъ городахъ остающимъ ознауемъ. Ижъ отъ стольника и полковника Василія Ѳеодоровича Черхурова съ запорожья высланы суть два человекъ стрелци, и при тыхъ третій нашего регменту, писарь при немъ, стольнику найдующимся къ Москвѣ къ великому государю съ трома турецкими языками ниже Сѣчѣ въ бою на рецѣ Днѣпрѣ пойманы. Теды въ дорозѣ абы онымъ самымъ, и проводячимся языкомъ, корму належитого и подводъ ш....¹⁾ давано пановъ воеводъ о тое жадаемъ, а старшинамъ малороссійскимъ приказуемъ. Данъ въ Шентакахъ сентября 15 року 1679. (Списано съ современнаго подлинника за подписью и печатью).

Сообщилъ В. Н. Сторожевъ.

Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольному Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). Вожею милостью пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государынѣ, Благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всѣя великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества ближнему окольному и воеводѣ Сѣверскаго Разряду и намѣстнику Карачевскому, вельможному его милости Леонтію Ромаловичу Неплюеву моему велце ласковому господину и пріятелю зычливое мое и всякихъ благъ опріяющее препосылаю поздравленіе.

Вѣдомо мнѣ зъ монаршой ихъ царского пресвѣтлаго величества грамоты и зъ писма ближняго боярина и большого полку дворового воеводы иновельможного его милости князя Василія Васильевича Голицына, Царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посельскихъ дѣлъ оберегателя и намѣстника Новгородского, такъже зъ писма вельможности вашей, же по милостивомъ пресвѣт-

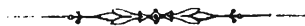
¹⁾ Одно слово не разбрано.

лѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей нашихъ, ихъ царскаго пресвѣтлого величества указу, велѣно вашей вельможности ратныхъ ихъ монаршихъ людей зъ обозу отпустить и самому ити въ Сѣвскъ, а тое учинити обославшись зо мною. Теды я зъ тымъ до вашей вельможности отзывлюся, же въ томъ ратныхъ государскихъ людей зъ обозу роспуску, подхияюся подъ ихъ монаршую преможную волю и видячи въ Малоросійскихъ краяхъ всюду совершенную смирность не желаю имъ дальшимъ стоянемъ въ обозѣ трудитися, тилько тое вашей вельможности прекладаю, яко о томъ и устне зъ вашего вельможности мовилося, же слушневъ, а бы по увазу монаршому ихъ царскаго пресвѣтлого величества Рылского и Путивского уѣзду дворяне были въ домахъ своихъ, никуда нерозѣзджаючися, а въ Путивлѣ бѣ нездовался стольникъ и воевода Семень Протасіевичъ Неплюевъ, маючи при себѣ армату и арматничи припасы что для постраху непріятелемъ бесурманомъ и для всякого дѣла есть потребно. Да и Сѣвского Розряду ратныи ихъ царскаго пресвѣтлого величества люде zostавили въ домахъ своихъ зо всякою готовостью никуда не розѣзджаючися, якобы въ пришлыхъ сее осени остатнихъ и зимнихъ часехъ могли по указу монаршому беззавадно тамъ послѣшити, гдѣ позоветъ случай. Понеже и нынѣ маю я вѣдомость отъ полковника Полтавскаго, якую и до вашей вельможности послалемъ, же непріятели басурмане въ близкихъ полевыхъ ку городамъ мѣстахъ оказываются. Если прето, отъ чего сохрани Боже, мѣлибѣ оныи вбѣгти внутрь Малой Росіи, то надобно при помочи Божой давати имъ отпоръ съ полнымъ малоросійскихъ и великоросійскихъ войскъ промысломъ. Что донесый, отдаю меня пріятельской и благодѣтельской вашей вельможности ласцѣ. Зъ Батурина. Мѣсяца Септебрія 25 д. року 1685.

Вашой вельможности зычливый пріятель «и слуга Іоанъ Мазепа гетманъ войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества запорожского».

(Моск. Арх. Мян. Юст., въ числѣ рѣдкихъ грамотъ, автографовъ и проч.)

А. Голомбівскій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Живая Старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи Импер. русск. этногр. общества подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. II—IV. Спб. 1890—1891 г.

«Живая Старина» почти вовсе не оправдываетъ названія періодическаго изданія, что видно уже изъ того, что ихъ трехъ названныхъ книжекъ только двѣ помѣчены 1891 г.; слѣдующій выпускъ (разборъ котораго отлагаемъ на послѣ) вышелъ уже въ 1892 году, и такимъ образомъ, вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ, въ прошломъ году вышло всего два выпуска; при этомъ о срокахъ выхода отдѣльныхъ книжекъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи; мало того, и поступившія уже въ продажу въ столичныхъ магазинахъ книжки у насъ, въ провинціи заставляють долго подождать себя. Поэтому прежде всего пожелаемъ «Живой Старинѣ» нѣсколько большаго оживленія этой формальной стороны дѣла.

Въ свое время, давая отчетъ о первомъ выпускѣ «Живой Старины», мы характеризовали теоретическіе взгляды редакціи ея и не могли не выразить своего сочувствія имъ. По одной первой книжкѣ невозможно было, конечно, заключить, насколько удачно будетъ выполняться на дѣлѣ программа, совершенно правильно поставленная теоретически. Теперь, имѣя въ распоряженіи еще три, внонъ вышедшихъ книжки, мы позволимъ себѣ сдѣлать и на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ противоположность московскому «Этнографическому Обозрѣнію», «Живая Старина» оказываетъ замѣтное предпочтеніе сырому этнографическому матеріалу передъ изслѣдованіями по этнографіи и, по нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи впадаетъ въ крайность не менѣе своего московскаго собрата. Вполнѣ справедливо, что намъ

надо работать и работать надъ собираніемъ сыраго этнографическаго матеріала, котораго, что бы ни говорили москвичи, собрано до сихъ поръ постыдно-мало, но печатать его удобнѣе въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, чѣмъ въ періодическихъ изданіяхъ, предназначенныхъ для большой публики, для того круга читателей, который далеко не всегда имѣетъ средства самостоятельно оцѣнить такой матеріалъ. Въ крайнемъ случаѣ, при печатаніи сыраго матеріала, мы желали бы видѣть нѣкоторыя замѣчанія и цитаты къ нему, которыя помогли бы читателю разобраться въ немъ и извлечь изъ него что либо полезное для себя. Въ этомъ отношеніи, «Этнографическое Обзорѣніе» заслуживаетъ поощренія.

Второе наше замѣчаніе относится къ чрезмѣрному преобладанію въ «Живой Старинѣ» этнографическаго матеріала о славянахъ; правда, оно можетъ быть объяснено какъ научною спеціальностью и симпатіями ея редактора, такъ и дѣйствительной важностью изученія славянства для пониманія русской народности, какъ вѣтви ея, но, съ другой стороны, славистика препоносится въ «Живой Старинѣ» въ такомъ подавляющемъ объемѣ, что нарушаетъ архитектурную стройность изданія и глушитъ другія стороны изученія русской народности. Для примѣра уважемъ на IV выпускъ, гдѣ, въ отдѣлѣ критики и библиографіи, изъ 7 статей 6 посвящены инославянскимъ изданіямъ... Такое излишество тѣмъ болѣе странно, что славянамъ посвящено особое изданіе, тоже названное періодическимъ и выходящее подъ редакціей того же профессора Ламанскаго; излишество это кажется намъ тѣмъ менѣе удобнымъ въ изданіи, претендующемъ на общераспространенность, что и эта славистика является не рѣдко въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Такъ, во II выпускѣ мы находимъ болгарскія народныя пѣсни и сказки, — безъ перевода, безъ примѣчаній. Что будетъ дѣлать съ нимъ обыкновенный смертный?

При всемъ томъ, безъ сомнѣнія, «Живая Старина» заключаетъ въ себѣ много интереснѣйшаго матеріала и воишь заслуживаетъ вниманія всѣхъ образованныхъ людей. Отмѣтимъ статьи и матеріалы, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи. Во II выпускѣ помѣщено окончаніе изслѣдованія И. Н. Жданова «Пѣсни о князѣ Михаилѣ». Въ статьѣ этой привлечены къ изученію южно-русскія пѣсни изъ сборниковъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго и Головацкаго. Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія г. Ждановъ подвергаетъ пересмотру вопросъ о томъ, кто былъ этотъ князь Михайла, фигурирующій въ пѣсняхъ? Оспаривая предположенія Антоновича и Драгома-

нова, что князь Михайло принадлежалъ къ роду Сапѣговъ, г. Ждановъ ищетъ его среди князей Друтскихъ и останавливается на Михайлѣ, сынѣ Романа князя Брянскаго (XIII в.); но историческимъ остается въ пѣснѣ, по заключенію автора, одно только имя дѣйствующаго лица, все же, что рассказывается объ этомъ лицѣ, представляетъ повтореніе странствующей баллады. Въ доополненіе къ статьѣ г. Жданова напечатана имѣющая ближайшее къ ней отношеніе сказка (запис. въ арханг. г.) объ оклеветаніи жены воротившемуся изъ отлучки мужу повстрѣчавшимися ему черноризцами.

Въ томъ же II выпускѣ находимъ ст. О. А. Брауна «Маріупольскіе Греки». Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что послѣднихъ потомковъ таврическихъ Готовъ слѣдуетъ искать въ маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 году изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита готѣйскаго и каоійскаго, и получившихъ обширныя земли въ нынѣшнемъ маріупол. у. екатериносл. губ., гдѣ они основали гор. Маріуполь и 23 селенія. Съ этой цѣлью г. Браунъ предпринялъ поѣздку въ маріупольскій уѣздъ, отчетъ о которой и представляетъ названная статья. Къ сожалѣнію, ясныхъ слѣдовъ готской жизни авторъ не нашелъ ни въ словахъ маріупольскихъ Грековъ, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ. Но въ наружности ихъ онъ подмѣтилъ одну разновидность, которую считаетъ возможнымъ отнести къ готскому типу. Онъ характеризуетъ представителей ея слѣдующими чертами: «они ростомъ повыше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темно голубые, красиваго разрѣза, не такіе широкіе, какъ у грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алыя, носъ короткій, прямой». Попутно, г. Браунъ собралъ довольно много слѣдовъ «живой старины», хотя и не разъясняющей главную, поставленную имъ себѣ цѣль, но вообще интересной. Упомянемъ еще о его предположеніи, что бумаги готѣйской митрополіа должны находиться у наслѣдницы митрополита Игнатія, г-жи Хозадиновой въ Херсонѣ.

Въ томъ же выпускѣ помѣщены «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго: объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ, Соловьѣ, Ставрѣ Гоудиновичѣ, Дунаѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Казаринѣ, Микулѣ

Селининовичъ, Берлятъ, Буславъ, Казимеръ, Колыванъ, Мамелфъ, Путятъ, Рахманъ, Саулъ, Сбродъ, Аникъ, Тугаринъ, Шаркъ, Коцефъ, Латыгорефъ, Афронефъ, наконецъ о мѣстныхъ названіяхъ: крестъ Леванидовъ, городъ Кидижъ, Орѣховець, рѣка Смородина.

Въ III выпускѣ напечатаны «Этимологическія замѣтки» А. А. Потебни. Здѣсь подвергнуты изслѣдованію слѣдующія реченія: багачъ, багатѣя, бдынъ, Бѣлая Русь, буртальникъ, бычокъ дристунокъ, Волоть, кобыля голова, подоприсвѣтъ, русалки и петрушки, соловей разбойникъ на дубахъ, туръ печной, агуны, ярчукъ.

Въ отдѣлѣ «Памятники языка и народной словесности» укажемъ на слѣдующіе матеріалы:

Пѣсни крестьянъ с. Молодова гродненск. г. кобринск. у. сообщ. М. А. Саковичъ (II вып.) Въмѣстѣ съ помѣщеннымъ въ I вып., всѣхъ пѣсенъ напечатано 25; въ концѣ помѣщенъ небольшой словарь «непонятныхъ» словъ; библиографическихъ указаній нѣтъ.

Свадебный обрядъ въ угорской Руси (II—III вып.) неизвѣстнаго автора-угрорусса, въ значительной степени пользовавшагося, по словамъ редакціи, рукописнымъ трудомъ о. Александра Митрака, благочиннаго церковнаго округа занастасскаго. Обрядъ разсказанъ подробно, пѣсенъ не много.

Угрорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣч. О. А. Петрушевича (IV вып.). Здѣсь указаны и напечатаны: 1) молитва закляти Гостецъ болного чловѣка, 2) молитва отъ полукана, 3) молитва томужъ втора, 4) молитва вроки лѣчити, 5) молитва томужъ, 6) молитва отъ повѣтря морового, 7) молитва коли чловѣкъ болный не можетъ спати, 8) молитва аще кого глава болитъ, 9) молитва томужъ, 10) молитва пдучи до пана албо до права, 11 и 12) молитвы томужъ, 13) молитва егда хочешь обрати тучу, 14) заклинаніе егда востанетъ туча, 15) молитва аще хочеша доиво свое власное заворовати, 16) молитва становити кровь, 17) полонъ звати свой власный на свою ниву, 18) лѣтъ отъ хробаковъ, аще у свини или у добытчати или въ якомъ имѣнью, 19) лѣтъ отъ дягу добытку и свинямъ, 20) молитва отъ звѣря добытку на поле пуцати, 21) молитва отъ дяга соль баяти, 22) молитва о полоность збожу, 23) оту гонячи, 24) молитва отъ звѣря скоту забаяты, 25) молитва другая томужъ скоту, 26) молитва другая (sic) на любовь чловѣкови, 27) молитва другая томужъ, 28) молитва на святый вечеръ пчеламъ, 29) молитва вчиты пчелы на цвѣтъ, 30) молитва за пчелы, 31) молитва егда рой бѣжитъ въ поле, 32) заговоръ отъ лихорадки,

33) заговоръ отъ бѣльма, 34) начало какого-то заговора, 35) заговоръ отъ бѣльма, 36) молитва отъ госцу, 37) молитва тому же.—Замѣчанія Петрушевича касаются простонародныхъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ заговорахъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библиографія» помѣщены, между прочимъ, отзвымы о слѣдующихъ сочиненіяхъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889) Э. А. Вольтера, Этнографическое обозрѣніе (Н. В.), Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в. А. Павлова (ст. Н. Волкова), Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 г., przedstawia Mauryka Stankiewicz (Б—са), В. Томашекъ, Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о свиескомъ сѣверѣ (А. К. Васильева), (II вып.) Сумцовъ Н. Ѳ., Культурныя переживанія (А. С—скаго) (III вып.), Комаровъ, Новая сборка малорусскихъ прыказовъ (Арк. Л—нга) (IV вып.).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» помѣщены замѣтки: Праздникъ «Рипей» (такъ называется въ Азовѣ «Семпекъ»). Способъ лѣченія отъ слезу С. Брайловскаго, «Бѣлая Русь» В. И. Ламанскаго (III вып.), Крестьянскія игры въ минской губ. М. Довнаръ-Запольскаго (крамясь, золотое зернышко, гуси-лебеди, просо, щеточка, дзенбалъ, воуекъ и овечка, цурки, палочка, шпень, козелъ, палантъ, што робяшь) (IV вып.)

В. Я.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1888-й годъ. Спб. 1891 г. (стр. 1—223 и приложения: 1—77; 1—202; 1—8; 79—110 стр.).

Императорская Публичная Библиотека съ 1882 года стала выпускать въ свѣтъ свои отчеты въ болѣе обширномъ видѣ, нежели раньше, давая публикѣ возможность знать самое главное—не только перечень названій вновь поступившихъ въ данномъ году интересныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, но и краткое описаніе ихъ, благодаря чему, теперь можно идти въ библиотеку, будучи подготовленнымъ заранѣе къ тому, что составитъ предметъ твоихъ занятій. Само собою разумѣется, такая система опубликованія отчетовъ служитъ богатымъ пособіемъ для людей науки вообще, а для лицъ, живущихъ внѣ столицы, такая книга, какую мы имѣемъ теперь передъ глазами, составляетъ настоящій кладъ; было-бы только желательнo, чтобы отчеты эти не такъ запаздывали, и чтобы по крайней мѣрѣ къ концу каждаго года выходилъ отчетъ за годъ предшествовавшій.

Данный отчетъ за 1888-й годъ, давая цѣлый рядъ свѣдѣній по библиотечной статистикѣ всякаго рода (что, конечно, имѣетъ свой интересъ), особенно любопытенъ въ четвертой главѣ «Пріобрѣтенія Библиотеки». Здѣсь мы находимъ хорошо составленную опись рукописей и книгъ, поступившихъ въ отчетномъ году въ библиотечку, причемъ иногда можно встрѣтить при такой описи даже библиографическія справки и коротенькую исторію вопроса, связанную съ рукописью. Я не буду перечислять всѣхъ этихъ пріобрѣтеній библиотеки, а укажу только на тѣ матеріалы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ, связаннымъ съ нашей южной Русью.

Укажемъ прежде всего на часть переписки гр. П. А. Румянцева-Задубайскаго и сыновей его Николая Петровича и Сергѣя Петровича, которая куплена въ отчетномъ году въ дополненіе къ прежде имѣвшейся въ библиотекѣ незначительной части этой-же переписки. Тутъ, между прочимъ, въ видѣ справки, указана судьба этихъ писемъ, доставшихся послѣ смерти Сергѣя Петровича Румянцева Николаю Адриановичу Дивову, женатому на воспитанницѣ Сергѣя Петровича. Н. А. Дивовъ часть писемъ преподнесъ Императору Николаю Павловичу; остальная-же часть хранилась у него до самой смерти, а потомъ разошлась по рукамъ, причемъ еще въ 1876 г. Императорской Публичной Библиотекѣ удалось купить частицу, состоящую изъ 288 писемъ, а теперь пріобрѣтена опять значительная доля этой переписки, составляющая прекрасное дополненіе къ извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ о фельдмаршалѣ и его семьѣ. Тутъ мы находимъ 159 писемъ и записочекъ графини Е. М. Румянцевой къ мужу своему, фельдмаршалу г. П. А. Румянцеву-Задубайскому, что составляетъ дополненіе къ изданной гр. Д. А. Толстымъ перепискѣ этихъ-же лицъ (СПБ. 1888 года). Затѣмъ, 256 писемъ, переплетенныхъ въ два тома, гр. Сергѣя Петровича Румянцева къ отцу, и тутъ-же оказалось одно письмо брата его Николая, очень характерное для освѣщенія подробностей, касающихся личности молодого графа. Письмо это отъ 7 мая 1779 г., напечатанное цѣликомъ въ отчетѣ, изливаетъ скорбь и сѣтованія молодого графа на то, что въ день крещенія великаго князя Константина Павловича всякія милости коснулись многихъ, а на долю его съ братомъ достались только камергерскіе ключи, между тѣмъ какъ они ошпади полученія мѣста, о чемъ просилъ и старикъ-отецъ. Дѣло въ томъ, что мѣсто, ожидавшееся графомъ Николаемъ Петровичемъ, дано было князю Бѣлосельскому, котораго первый считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя; по этому-то поводу, между прочимъ, встрѣчаемъ

слѣдующія строки: «Мнѣ ждаты велятъ для того, что его послать надобно. Симъ, кажется, милостивый государь батюшка, не токмо что меня, но и васъ оскорбили; вѣдь я сынъ вашъ, ваше имя ношу. Изъясните, прошу неотступно, свое негодованіе, и оно мнѣ, конечно, во всю жизнь послужитъ и для переды щитомъ отъ такого-же рода обидь». Вотъ въ такомъ духѣ все письмо.—Кромѣ этихъ, приобрѣтено еще 947 писемъ въ шести томахъ графа Сергѣя Петровича къ брату Николаю Петровичу, причемъ, къ сожалѣнію, еще два тома этихъ писемъ остаются въ неизвѣстности, а также 95 писемъ разныхъ лицъ къ нему-же, въ бытность его уже канцлеромъ; тутъ мы встрѣчаемъ письма Арабчевса, Карамзина, Барылая-де-Толи и др.; письма Н. М. Карамзина (незначительныя и по объему и по содержанію), по обычаю отчетовъ Публичной Библиотеки, всегда печатавшей его письма, тутъ-же и напечатаны. Наконецъ, очень цѣнную часть составляетъ цѣлый томъ въ 244 листа, содержащій въ себѣ черновые отпуски и копии писемъ и донесеній графа Н. П. Румянцева, преимущественно касающихся его дѣятельности дипломатической (стр. 18—36).

Нельзя не отмѣтить также богатаго собранія рукописныхъ матеріаловъ по исторіи раскола, что составляетъ 11 томовъ; между прочимъ тамъ находятся зачастую матеріалы, касающіеся раскольниковъ на нашемъ югѣ. Такъ, на стр. 41 упоминается о секретной запискѣ чиновника особыхъ порученій Сивицкаго о раскольникахъ въ радомысльскомъ и въ овручскомъ уѣздахъ, писанной въ 1855 году. Или на стр. 42 перечисленъ цѣлый рядъ документовъ, говорящихъ объ извѣстномъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ Буковинѣ и о покровительствѣ австрійскаго правительства русскимъ раскольникамъ; тутъ, между прочимъ, приведена Высочайшая резолюція (Николай I) по этому дѣлу 10 ноября 1848 года: «Сообщить г. Нессельроду съ тѣмъ, чтобы повторить мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобъ мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга, и объявить австрійскому правительству, что если Я не получу скорого удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ крайне мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ».

Далѣе находимъ въ этомъ-же отдѣлѣ перечень поступившихъ въ отчетномъ году отдѣльныхъ старопечатныхъ книгъ и рукописей; среди нихъ немало встрѣчается интересныхъ и для нашего юга. Такъ, между прочимъ, среди рукописей отмѣтимъ еще одинъ списокъ хронографа южно-русской редакціи, который имѣетъ ту цѣну, что со-

хранился въ полномъ видѣ, тогда какъ описанные до сихъ поръ пять списковъ всѣ съ недостающими частями. Мы имѣли возможность лично ознакомиться съ этимъ новымъ спискомъ и скажемъ о немъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала, а потому теперь ограничимся указаніемъ на то, что «Отчетъ» даетъ не только заглавіе этой рукописи, но и краткое описаніе ея, а также и нѣкоторыя библиографическія справки (стр. 119 — 124). Тутъ-же перечислены 26 документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи второй половины 17-го и первой 18-го вѣка, напримѣръ: универсалы Мазепы, Скоропадскаго, Мартиновича, Золотаренка и пр., всѣ уже напечатанные въ «Чернигов. Губ. Вѣдомостяхъ» 1858 г.

Особеннымъ богатствомъ отличаются приложенія къ «Отчету», такъ какъ даютъ, во первыхъ, цѣликомъ напечатанныя письма Филарета, митрополита московскаго, хранящіяся въ собраніи автографовъ Библіотеки (числомъ 78), а также обстоятельное описаніе 125 славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, пожертвовавшаго ихъ въ Библіотеку; это описаніе на 202 страницахъ, составляющее только 1-й выпускъ, есть трудъ одного изъ выдающихся работниковъ въ библіотекѣ И. А. Бычкова, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣломъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ въ этихъ приложеніяхъ не оказалось ничего специально интереснаго для нашего юга, то мы ограничиваемся только упоминаніемъ о нихъ, не останавливаясь на подробностяхъ.

В. Науменко.

В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадь Крюковъ. Очеркъ. Изд. полтав. губ. статист. комитета. Полтава, 1891 г. стр. 32.

Г. Бучневичъ—авторъ извѣстный въ полтавской губерніи. На своихъ произведеніяхъ (напр. на «Справочно-адресной книгѣ г. Ромень за 1886 годъ») онъ къ подписи своей прибавляетъ въ скобкахъ: «Авторъ книгъ: Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ и свѣдѣнія о колоколѣ Кизикерменѣ въ полтавскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ» (читай: авторъ книгъ: «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ» и «Свѣдѣнія о колоколѣ и проч.»). О первой изъ этихъ книгъ была помѣщена когда то въ «Кіев. Старинѣ» (1883 г., V, 161) рецензія г. Матченка,—очень нелестная. Г. Бучневичъ училился въ буквальной перепискѣ изъ разныхъ, большею частію старыхъ справочныхъ изданій, безъ кавычекъ, въ искаженіи текста своихъ источ-

никовъ, въ безграмотности и проч. Приговоръ рецензента былъ очень строгъ, но желаніе писать у автора оказалось сильнѣе. *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.* Правда, г. Бучневичъ теперь не такъ развизенъ: онъ не выпускаетъ «книгъ», а пишетъ «черчки» въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ 1890 году онъ написалъ историко-статистическій очеркъ г. Ромна (Полтав. губ. вѣд., №№ 3—6), въ 1891 году—г. Кременчуга съ Крюковымъ (тамъ же, №№ 9—25). Послѣдній очеркъ изданъ полтав. губ. стат. комитетомъ отдѣльной брошюрой.

Очерки свои г. Бучневичъ составляетъ такимъ образомъ: онъ разъ навсегда запасся «источниками», представляющими для него неизсякаемый кладъ самыхъ разностороннихъ свѣдѣній о любомъ изъ полтавскихъ городовъ, и по мѣрѣ надобности черпаетъ изъ этихъ «источниковъ», разбавляя иногда почерпнутое свѣдѣніями, взятыми изъ газетныхъ статей за старые годы. Иногда эта подмѣсь освѣжаетъ, иногда портитъ «источники», смотря по тому, изъ какихъ газетъ она извлечена; газеты же берутся безъ разбора. Впрочемъ, нельзя не упомянуть, что г. Бучневичъ иногда добываетъ интересныя свѣдѣнія и путемъ сношеній съ полтавскими обывателями, имена которыхъ большею частію оставляютъ подъ снудомъ. Основные источники г. Бучневича слѣдующіе: «Записки о полтав. губ.» Арандаренка, статистическія описанія городовъ полтав. губ. А. Терещенка, «Сборникъ свѣдѣній о полтав. губ.» А. Богдановича, «Городскія поселенія Россійской имперіи», географ. словарь Щекатова, «Топограф. описаніе черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго, географ.-стат. словарь Семенова.

Полезны ли для читателей губернскихъ вѣдомостей и вообще для края описанія городовъ, составленныя на такихъ основаніяхъ? Намъ кажется, что очень полезны. Изъ личного опыта мы знаемъ, что въ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи не легко встрѣтить человѣка, хоть сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ своей родины. О помѣщикахъ и селянахъ не беремся судить. Для огромнаго же большинства читателей губернскихъ вѣдомостей (увъ! весьма вообще немногочисленныхъ!), можно смѣло сказать, статьи г. Бучневича—настоящія открытія.

Упрекать г. Бучневича за некритическое отношеніе къ его источникамъ, или указывать на историческія погрѣшности его сочиненій нѣтъ надобности; это было бы не по адресу, судя по послѣдствіямъ рецензіи г. Матченка. Но желая большаго успѣха плодотворной,

во всякомъ случаѣ, дѣятельности сочинителя, мы осмѣлимся предложить ему отъ лица «Кіевской Старины», радѣющей объ интересахъ мѣстной исторіи (а «статистика—это остановившаяся исторія, исторія—движущаяся статистика»), нѣсколько совѣтовъ: 1) во всѣхъ перечисленныхъ выше «источникахъ» древнѣйшая исторія городовъ нигде не годится; надо остерегаться заимствованій оттуда, развѣ только гдѣ будетъ ссылка на лѣтописи, и то можно приводить самыя слова лѣтописи, а не мнѣнія авторовъ этихъ сочиненій ¹⁾; историческія свѣдѣнія этихъ авторовъ о концѣ XVIII и XIX вв. основательны; 2) статистическія описанія «источниковъ» довольно хороши для своего времени, а потому при пользованіи ими никогда не надо упускать изъ виду года или годовъ, къ которымъ описаніе относится; 3) необходимо строго отмѣчать, откуда описаніе взято (и взятое мѣсто ставить въ кавычкахъ); 4) изъ «всемирныхъ», какъ ихъ называетъ авторъ, историческихъ сочиненій, исторію кн. Щербатова можно оставить, вполнѣ достаточно исторіи Соловьева и Костомарова, 5) слѣдуетъ всегда имѣть въ виду полное собраніе сочиненій Максимовича; 6) не довѣряться свѣдѣніямъ о событіяхъ раньше XVII вѣка въ исторіяхъ Б.-Каменскаго и Маркевича, а «Исторіи Руссовъ» (ошибочно приписываемой арх. Конисскому) остерегаться вовсе.

Въ брошюрѣ о Кременчукѣ и Крюковѣ авторъ поднялся выше всѣхъ предыдущихъ своихъ сочиненій. Статистико-описательная часть положительно интересна. Жаль только, что въ описаніи весьма трудно отличить, что принадлежитъ Терещенку (въ 50-хъ годахъ), что общили автору теиерь; неизвѣстно, откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣнія о числѣ десятинъ, занимаемыхъ городомъ, о числѣ его жителей, да даже о числѣ улицъ. Весьма хорошо, что авторъ просмотрѣлъ мѣстныя губернскія и епархіальныя вѣдомости за старые годы. Онъ извлекъ оттуда (изъ Полтав. губ. вѣд. за 1851 г.), напр., интересное топографическое описаніе Кременчука 1810 года. Недурно, если авторъ розыскалъ старыя корреспонденціи о городѣ и въ другихъ провинціальныхъ газетахъ, напр. въ Одесскомъ и Елисаветградскомъ вѣстникахъ, хотя въ текстѣ брошюры какъ то не видать этого, и

¹⁾ Арандаренко напр. о времени возникновенія Рима разсуждаетъ такимъ образомъ: Римъ (отожествляемый имъ съ Ромуломъ) упоминается въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; такъ какъ Игорь, сынъ Юрика, княжилъ отъ 912 до 945 года, то и Ромулъ существовалъ уже въ началѣ X вѣка. Г. Бучевичъ bona fide переписалъ это въ свою „Справочно-адресную книгу“ и въ „очеркъ“ г. Рима.

можно опасаться, что упоминаніе объ этихъ газетахъ при перечисленіи источниковъ сдѣлано для бібліографической красоты ¹⁾.

Объ исторической части брошюры мы говорить не будемъ: она плоха и недостоверна (кромѣ конца XVIII и XIX вв.), какъ въ тѣхъ оригиналахъ, изъ которыхъ списана; все ея достоинство состоитъ въ ея краткости.

Въ заключеніе нельзя не поспѣловать на редакцію Полтав. губ. вѣдомостей, что она не устраняетъ такихъ... недосмотровъ автора, какъ слѣдующій (стр. 32): «скончался (А. А. Котляревскій)... въ г. Пизѣ, близъ Италіи».

Ө. Николайчикъ.

Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія Северо-Западнаго края. Собранныя и приведенныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I часть II, Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ СПБ. 1890 (708 стр. т. 8).

Имя г. Шейна, какъ собирателя народныхъ пѣсенъ, давно уже извѣстно русской этнографической наукѣ. Новый сборникъ его вновь свидѣтельствуетъ а неустанномъ трудолюбіи собирателя. Сборникъ замѣчателенъ своимъ обиліемъ научнаго матерьяла, и онъ тѣмъ большее значеніе имѣетъ для этнографа, что помѣщенный въ немъ матерьялъ относится къ двумъ важнѣйшимъ моментамъ народной жизни—свадьбѣ и погребальнымъ и поминальнымъ обрядамъ.

Чтобы вѣрно оцѣнить трудъ собирателя, мы должны вникнуть въ ту программу, которую поставилъ себѣ г. Шейнъ. Онъ не является этнографомъ—сбирателемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. не бѣдитъ по селамъ, не записываетъ лично и т. п., но за то онъ отличается умѣніемъ возбудить массу самыхъ разнохарактерныхъ лицъ, мѣстныхъ жителей, къ собиранію матерьяловъ. Такого рода сообщенія предлагаются имъ въ настоящемъ сборникѣ. Нужно замѣтить, что это далеко не легкая работа: снести съ сотнею и даже больше лицъ, достать отъ нихъ записи, сличить, провѣрить и наконецъ издать ихъ—не легкій и почтенный научный трудъ. Не всѣ лица передавали свои наблюденія съ одинаковою подготовкою къ дѣлу, охотой, знаніемъ, но въ ихъ простыхъ и безыскусственныхъ сообщеніяхъ

¹⁾ Пользуемся случаемъ замѣтить, что статья о Кременчугѣ въ „Нивѣ“ за 1878 годъ, № 36, ошибочно приписывается авторомъ намъ; она намъ не принадлежитъ.

легко можно подмѣтить неполноту и неточность одних и пополнять сообщеніями другихъ. Большое количество наблюденій, сдѣланныхъ различными лицами въ различныхъ мѣстностяхъ, имѣютъ весьма важное значеніе. Но сообщенія нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Шейна, какъ гг. Никифоровскаго, Богданова и др. отличаются полнотой и обиліемъ данныхъ. Кромѣ того, г. Шейномъ перепечатаны изъ мѣстныхъ изданій нѣкоторыя описанія свадебныхъ обрядовъ бѣлорусскихъ частей Гродненской и Тверской губ., а также описаніе свадьбы въ Борисовскомъ у. изъ извѣстнаго сочиненія гр. Тышкевича. «Opisanie powiatu Boryzowskiego» и изъ «Tygodnika Wileńskiego» за 1818 годъ (всего 126 стр.); оба описанія отличаются рѣдкой подробностью, обиліемъ фактовъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, и взяты изъ вышедшихъ изъ обращенія изданій.

Таковъ общій характеръ сборника г. Шейна.

Что касается, въ частности, до системы записей, до ихъ значенія въ филологическомъ отношеніи, то разумѣется, что при сказанныхъ условіяхъ составленія сборника, мы не въ правѣ требовать и не можемъ ожидать точной и правильной записи. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніи свадебныхъ обрядовъ (500 стр.), за исключеніемъ 126 стр., перепечатанныхъ собирателемъ и 134 записанныхъ лицами, которыхъ образовательный цензъ не указанъ имъ,—изъ остальныхъ только 40 стр. записано лицами съ высшимъ образованіемъ, остальная часть матерьяла доставлена народными учителями (ок. 90 стр.), учениками среднихъ учебн. зав. (69 стр.), учениками приходскихъ училищъ и священникамъ и исаломщиками. Изъ описаній похоронныхъ обрядовъ (184 стр. описанія и 94 стр. причитаній)—57 стр. доставлены волостными писарями, 29 народными учителями и т. д. Изъ этихъ указаній видно, а priori, неподготовленность большинства лицъ къ научной записи этнографическаго матерьяла. Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ для характеристики языка, мы находимъ важныя неточности, по сравненію съ записями другихъ этнографовъ, въ довѣріи къ которымъ трудно сомнѣваться. Такъ, напр., почти повсемѣстно въ записяхъ сборника г. Шейна изъ могилевской губ. является мягкимъ, отсутствіе *цеканья* и *дзеканья* даже въ сѣверной части губерніи,—что трудно себѣ представить. Встрѣчаемъ формы въ пустынской волости: *порядокъ*, *теточка*, *распоряжаться* (р. 695); тогда какъ въ записяхъ г. Романова изъ той-же волости («Бѣлорус. сборникъ», вып. III, р. 21): *удару*, *цяперь*, *жанитца* и т. д. Встрѣчаемъ важныя противорѣчія въ записяхъ разныхъ лицъ изъ одной и

той-же мѣстности (напр. ср. запись изъ велишковской волости, витебской губерніи на стр. 4. съ записью той же волости на стр. 51); даже одно и тоже лицо дѣлаеть совершенно противоположныя показанія: напр., въ пѣснѣ изъ чаусскаго у. могилевской губерніи (р. 643)—*мясчасныхъ* и *мисчасныхъ*—различіе очень важное, какъ извѣстно, и т. д.

Однимъ словомъ, филологъ не найдетъ достаточно твердыхъ и основательныхъ данныхъ для языка въ сборникѣ г. Шейна, но за то въ этнографическомъ отношеніи онъ представляетъ, повторяемъ, весьма цѣнный вкладъ въ науку. Указаніе всего богатства сборника съ этой стороны вышло бы изъ предѣловъ рецензій и обратилось бы въ цѣлую статью. Напомнимъ только, что тогда какъ свадебные обряды были, хотя и въ менѣ полномъ видѣ, извѣстны науцѣ до появленія сборника г. Шейна, похоронные и поминальные обряды и причитанія являються въ наукѣ совершенной новостью. До сихъ поръ можно было найти лишь краткія указанія о номинальныхъ обрядахъ бѣлоруссовъ въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ, похоронные и поминальные обряды бѣлоруссовъ отличаются богатствомъ ритуала, и многіе изъ нихъ ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Отмѣтимъ, напр., обрядовое употребленіе *соломы* при похоронахъ, обычай кладки въ гробъ люльки съ табакомъ, шапки, даже пищи, топоровъ, монетъ и др. вещей, обертываніе головы покойника красною матерією; посыпаніе гроба хлѣбными зернами, почитаніе лошади, везущей покойника, обращеніе къ раньше умершимъ о принятіи въ ихъ число вновь преставившагося (см. особ. р. 534), призыванія къ бѣдѣ покойниковъ, возліанія имъ части пищи и т. д. Не меньшимъ интересомъ отличаются и причитанія,

Въ заключеніе прибавимъ еще, что въ приложеніи къ сборнику помѣщены три рисунка свадебныхъ короваевъ и 18 пѣсенныхъ мотивовъ.

М. В.

Извѣстія Таврической ученой комиссіи № 14 (годъ пятый) подѣ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. — Симферополь. 1891 г.

Настоящая книга «Извѣстій Таврической Комиссіи», подобно редѣидущимъ, не лишена значительнаго интереса и что важнѣе всего въ ней—это двѣ первыя статьи: 1) *Реестръ дѣламъ крымскаго двора, съ 1474 по 1779 г., учиненный дѣйствительнымъ статскимъ совѣт-*

никогда Николаем Бантышъ Каменскимъ въ 1808 г. и 2) *Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 г.* Обѣ статьи сообщены Ѳ. Ѳ. Лашковымъ, который оказываетъ тѣмъ громадную услугу всѣмъ занимающимся южно-русской исторіей вообще и исторіей Крыма въ частности. И хотя реестръ ужь слишкомъ кратокъ и далеко не сообщаетъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, но хорошо и то, что есть, потому что и самая краткая опись дастъ представление о содержаніи книги или дѣла. Въ статейномъ списокѣ Судакова мы находимъ указанія на дипломатическія сношенія не только Крыма съ Москвою, но и съ Польшей; есть также указанія и на положеніе южно-русскаго казачества. Вообще эти документы перво-степенной важности, и мы искренно порадовались бы и поблагодарили архивную комиссію, если бы она не прекращала печатанія этого цѣннаго матеріала и на будущее время. Какъ «Реестру», такъ и «Статейному списку» почтеннымъ издателемъ ихъ предпосланы замѣчанія о содержаніи этихъ документовъ.

Въ статьѣ проф. Н. Веселовскаго «*Скиѣскій всадникъ*» описывается найденная подъ г. Симферополемъ поясная пряжка, изображающая всадника, котораго г. Веселовскій считаетъ скиѣскимъ и относить къ II вѣку по Р. Х. Къ описанію приложено и изображеніе пряжки.

Г. А. Х. Стивень продолжаетъ печатаніе «*Дѣлъ архива таверическаго губернскаго правленія, относящихся до розысканія, описанія и сохраненія памятниковъ старины въ предѣлахъ таверической губерніи*». Собственно это не дѣло, а изложеніе ихъ содержанія, обстоятельное и точное настолько, что позволяетъ пользоваться имъ, какъ матеріаломъ. Изъ этихъ дѣлъ особенно интересно сообщеніе объ открытіи учителемъ евпаторійскаго училища Авраамомъ Фирковичемъ древностей и древнихъ караимскихъ книгъ. Вообще этотъ отдѣлъ матеріаловъ рисуетъ грустную картину отношенія мѣстной интеллигенціи къ сохраненію памятниковъ старины.

Г. А. Кашпардъ сообщаетъ о «*раскопкѣ кургановъ въ окрестностяхъ Симферополя, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ июль и августъ 1891 г.*», сообщаетъ подробности о найденныхъ скелетахъ и предметахъ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, что же важнаго во всѣхъ этихъ находкахъ, къ какому времени онѣ относятся.

Въ «*Керченскихъ древностяхъ*» г. Хр. Яциуржинскій описываетъ найденные зимой и весной 1891 г. въ Керчи очень цѣнные предметы искусства и нѣсколько памятниковъ эпиграфики.

Печатаемое г. А. Стѣницкимъ «*Описаніе дѣлъ таврическаго историческаго архива*» показываетъ, что этотъ архивъ хранить лишь дѣла административныя да такія судебныя, которыя выдѣляются интересомъ фѣбулы; мы не видимъ вовсе въ «Описаніи» дѣлъ, имѣющихъ юридическій характеръ, а между тѣмъ такихъ дѣлъ тамъ должно быть очень много, потому что край имѣетъ много своихъ особенностей и населенъ инородцами; взаимодействие правъ и вліяніе русскаго законодательства было бы весьма любопытно прослѣдить; при этомъ открылось бы много новыхъ фактовъ изъ области правъ, которые охарактеризовали бы и семейную и общественную жизнь населенія.

Наконецъ въ «Смѣси» г. Н. Ивановъ излагаетъ содержаніе извлеченной «*изъ дѣлъ канцеляріи николаевскаго военнаго губернатора*» переписки «по рапорту контръ-адмирала Быченскаго объ отдачѣ въ распоряженіе севастопольской думы хуторовъ, состоящихъ подъ №№ 9, 10, 12 и 14; это важно, какъ для исторіи нашихъ южныхъ городовъ вообще, такъ и обывателей г. Севастополя въ частности, а равно и для вопроса о происхожденіи земель, принадлежащихъ городамъ, какъ общинамъ.

Въ заключеніе помѣщены, хотя бы они должны по обычаю занимать первое мѣсто, «*Протоколы засѣданій таврической ученой архивной комиссіи 27 сентября и 31 октября 1891 г.*», свидѣтельствующіе о живой дѣятельности комиссіи на пользу мѣстной науки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

(окончаніе)¹⁾.

Журналъ Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 1—3. Въ № 1-мъ помѣщенъ некрологъ А. А. Потемби (Современ. Лѣтоп., стр. 55—72), написанный *Владиміромъ Ламанскимъ*. Указывая заслуги покойнаго предъ русской наукой, авторъ некролога ставитъ его въ ряду первоклассныхъ русскихъ славистовъ, говоря, что въ области славяновѣдѣнія «Россия въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потембей», и въ тоже время высказываетъ сожалѣніе, что съ трудами его такъ мало знакома русская публика. Сообщивъ затѣмъ нѣсколько данныхъ изъ автобіографіи Потемби, напечат. въ Ист. Этногр. Пыпина (т. III, дополненія), г. Ламанскій приводитъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1892 г., № 4.

свой отзывъ о трудахъ покойнаго, представленный имъ совѣту Императ. русск. географ. общества о присужденіи Потебнѣ высшей награды—Константиновской медали (въ январѣ 1891 года).

Въ № 2 мѣ помѣщена интересная статья *А. Петрова* «Замѣтки по Угорской Руси» (стр. 439—458), составленная авторомъ, какъ на основаніи печатныхъ матеріаловъ и статей объ Угорщинѣ, такъ и по даннымъ, собраннымъ имъ лично на мѣстѣ въ 1890 году. Указавъ на затрудненія, сопровождающія изученіе Угорской Руси, авторъ останавливается на четырехъ вопросахъ: 1) опредѣляетъ границы распространенія русскаго языка; 2) устанавливаетъ численность угроруссовъ; 3) изслѣдуетъ мѣстные прозвища (Верховинцы, Долиняне, Гуцулы, Бойки и т. п.); 4) даетъ характеристику говоровъ Угорщины.

Въ № 2 мѣ помѣщена рецензія *А. Липовскаго* о книгѣ *в. Будиловича* «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Говоримъ мы «рецензія», т. к. изслѣдованіе г. Будиловича, затрогивающее темой своей всю исторію Европы, конечно, не можетъ быть исчерпано четырьмя страницами хвалебнаго отзыва, на которыхъ даже не указано, за что хвалить этотъ большой трудъ.

Въ № 2 мѣ помѣщенъ некрологъ *О. Первольфа*, одного изъ видныхъ славистовъ, чеха по происхожденію, и профессора варшавскаго университета— по занятой имъ 20 лѣтъ назадъ позиціи. Некрологъ написанъ *К. Гротомъ* (Совр. лѣтоп., стр. 141—150) и исполненъ сѣрдечнаго отношенія къ почившему.

Въ № 3-мѣ помѣщена статья *Д. Багалля* «Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи». (стр. 1—55). Статья написана почти исключительно по неизданнымъ до сихъ поръ матеріаламъ; состоитъ она изъ двухъ главъ: 1) Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи при польскомъ владычествѣ; 2) Организация городского самоуправленія съ половины 17 вѣка. Первая глава опредѣляетъ роль польскаго правительства, желавшаго пріобрѣсти симпатіи мѣстнаго населенія путемъ дарованія городамъ магдебургскаго права, и даетъ характеристику этихъ самыхъ правъ городовъ на основаніи существующихъ грамотъ; тутъ встрѣчаемъ характеристику и административнаго, и судебного, и экономическаго, и военнаго строя городовъ въ 1-ой половинѣ 17 столѣтія. Вторая глава эти же стороны жизни разсматриваетъ съ большими подробностями, т. к. для періода второй половины 17-го и всего 18-го вѣка имѣется гораздо болѣе данныхъ, характеризующихъ этотъ строй городского самоуправления; достаточно упомянуть въ видѣ богатаго источника капитальный трудъ *А. Ѳ. Кистяковского* «Права, по которымъ судятся малороссійскій народъ».

Въ № 3-мѣ помѣщена краткая рецензія *К. Вестужева Рюмина* на книгу *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 272—275), съ большой похвалой отзывающаяся объ этомъ трудѣ уважаемаго автора.

Вѣстникъ Европы 1892 № 1—3. Въ № 3 мѣ помѣщена рецензія о книгѣ *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» (стр. 423—426), и—какъ слѣдовало ожидать—рецензія вполне благоприятная для автора.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 1—3. Въ № 1-мѣ помѣщена статья *А. Георгиевскаго* «Кіево-Подольская церковь Николая Добраго» (историко-археологическій очеркъ). Повидимому, это только начало работы, писанной на Евгеніе-Румянцевскую премію. Въ данномъ номерѣ помѣщена «лѣтопись церкви», распадающаяся на 5 отдѣловъ: 1) Невѣроятность предположенія о существованіи Добро-Николаевской церкви въ до-монгольскій періодъ; 2) храмоздатель гетманъ Кушка; 3) деревянная церковь въ 17 столѣтіи; 4) каменная церковь въ 18 столѣтіи; 5) новая каменная церковь въ 19 столѣтіи (стр. 40—103).

Тутъ же въ № 1 начинается, а въ № 3 заканчивается другая статья, писанная на Евгеніе-Румянцевскую премію «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія Кіевского велико-княженія» *Д. Слюсарева* (№ 1-й, стр. 104—154; № 3-й 405—456). Послѣ краткаго вступленія, идетъ послѣдовательный перечень церквей и монастырей съ историческими датами о нихъ, расположенный по княженіямъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ Изяслава Ярославича.

Въ № 3-мѣ помѣщена маленькая «археологическая замѣтка» *Н. П.* о медали великаго князя кіевского Ярополка Владиміровича (стр. 514—520). Замѣтка эта опровергаетъ сообщенное газетами извѣстіе о найденной монетѣ будто бы сего князя, а относитъ ее къ медалямъ 18 вѣка.

Православный Собесѣдникъ №№ 1 и 2. *Н. Полетаевъ. Памяти митр. кіевскаго Евгенія Болховитинова* (Рѣчь, произнесенная на коллоквиумѣ 27 мая 1890 г. предъ защитою соч. «Труды митр. кіев. Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви»). Краткая характеристика научной дѣятельности митрополита и два письма его: къ П. М. Строеву и архим. Елифанію (№ 2, стр. 242—250).

Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1 и 2. *А. С. Павловъ. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права.* (Начало въ № 11—12 за 1891 г.; № 1, стр. 191—249, № 2, стр. 425—437). Обширная рецензія на изслѣдованіе проф. Н. С. Суворова «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права».

Н. Г. «Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи (1374—1406 и.), какъ писатель». Авторъ приходитъ къ выводу, что литературныя заслуги Кипріана слишкомъ преувеличены и что вліяніе его на слѣдовавшихъ за нимъ писателей вовсе не было благотворно (№ 2, стр. 358—424).

Матеріалы для історіі русскоі церкви. Черніговская епархія послѣ Батыя, именуемая Брянскою. По поводу 900-лѣтняго юбілея 992—1892. Посмертное сочиненіе о. *Михаила Діева* о черніговскихъ епископахъ и архіепископахъ до Иродіона Жураковскаго (1722), съ предисловіемъ *А. А. Титова* о предѣлахъ черніговской епархіи (№ 2, стр. 1—43).

Недѣля №№ 1—4. В. Л. Дьдловъ. Въ переселенческой конторѣ. (№ 1, стр. 151—186, № 2, стр. 177—212, № 4, стр. 80—114). Характеризуя различные типы переселенцевъ, авторъ рисуетъ нѣсколько типовъ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи.

Восходъ №№ 1—3. С. А. Бершадскій. Въ изнаніи. Очеркъ изъ історіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV ст. Статья эта представляетъ дополненіе къ труду того же автора «Литовскіе евреи»; задачи ея: 1) дополнить, на основаніи еврейскихъ источниковъ, свѣдѣнія объ изгнаніи, 2) опредѣлить положеніе, въ которое поставлены были евреи въ тѣхъ странахъ, куда они удалились изъ Литвы, гл. обр. въ Польшѣ, 3) для выясненія этого послѣдняго опредѣлить наиболѣ крупныя черты общественнаго и юридическаго быта польскихъ евреевъ въ XV в. Матеріаломъ служили: печатные источники и неизвѣстные или малоизвѣстные рукописные источники, гл. обр. данныя изъ актовыхъ книгъ коронной метрики. (№№ 1, стр. 3—29, № 2, стр. 110—126. Не окончены).

И. Блюменфельдъ. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма II (№ 1, стр. 1—9) и III (№ 3, стр. 1—9). Описывается современное положеніе колоній.

Въ отдѣлѣ *библіографіи* рецензія на соч. А. Ліона «Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ бессарабской губерніи». Вып. 1 и 2. (№ 3, стр. 24—25).

Въ *приложеніи*: «Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708) по декабрь 1889 г.» (№№ 1—3, стр. 1—128. Не окончены).

Славянское Обзорѣніе 1892 г. № 1—3. Въ № 1-мъ помѣщены некрологи: Михаила Осиповича Кояловича, составлен. П. Жуковичемъ (стр. 70—79), Алекс. Аванасьевича Потебни, составл. А. Б. (стр. 80—88), Осипа Осипов. Цервольфа, составл. А. Б. (стр. 89—91).

Въ № 1-мъ и 2-мъ, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» помѣщено письмо изъ Львова, подписанное «Червонорусомъ» и излагающее ходъ событій въ Галицкой Руси въ теченіе 1891 года, извѣстныхъ подъ именемъ «новая эра». (№ 1-й стр. 115—119; № 2-й, стр. 228—236).

Въ № 2-мъ и 3-мъ помѣщенъ «Обзоръ западно-русской исторіи», составленный *И. Филевичемъ*; это — краткій отчетъ о всѣхъ появившихся въ теченіе 1891 года трудахъ по исторіи Западной Руси, подразумѣвая тутъ-же и Русь южную. Здѣсь идетъ рѣчь о книгахъ: 1) М. Ф. Владимірскаго-Буданова «Населеніе юго-западной Руси отъ половины XV в. до Люблинской Уніи»; 2) А. Барбашева «Витовтъ. Послѣднія 20 лѣтъ княженія»; 3) М. Грушевскаго «Очеркъ исторіи кievской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол.»; 4) М. Довнаръ-Запольскаго «Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.»; 5) «Подолія». Издан. П. Н. Ватюшкова; 6) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. (5-ая № 1-й стр. 255—260; № 3-й стр. 418—425).

Въ № 3-мъ въ отдѣлѣ «Лѣтопись» 8-ая глава посвящена краткому разсмотрѣнію того вопроса въ Галиціи, который поднятъ тамъ о фонетическомъ правописаніи (стр. 396—397).

Въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Письма изъ Славянскихъ земель» упомянуты уже раньше, «Червонорусскъ» помѣстилъ письмо изъ Львова, трактующее объ овѣмеченіи Галичины сейчасъ-же послѣ присоединенія ея къ Австріи, а затѣмъ излагающее исторію галицкаго возрожденія, давшаго двѣ партіи—старо-русскую и украинифильскую; потомъ авторъ указываетъ довольно подробно роль Драгоманова въ Галиціи и созданіе партіи радикальной (стр. 398—410).

Biblioteka Warszawska №№ 1—3. А. Darowski. Misya dyplomatyczna w XVII wieku. (№ 2, стр. 262—301). Разсказъ о посольствѣ въ Москву въ 1635 г. Александра Пясочинскаго, Льва Сапѣги и Петра Выжевича.

Ateneum №№ 1—3. А. Pawiński. Młode lata Zygmunta Starego. (№ 1, стр. 6—46, № 2, стр. 292—341). Живо написанный биографическій очеркъ.

Въ отдѣлѣ *рецензій* С. Лисевича на XV томъ «*Akta grodzkie i ziemskie*» (№ 2, стр. 388—398).

Kwartalnik Historyczny №№ 1—3. А. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego. Признавая, вслѣдъ за другими изслѣдователями, Юрія II тождественнымъ лицомъ съ Болеславомъ Тройденевичемъ, авторъ далѣе излагаетъ событія, послѣ смерти Андрея и Льва Юрьевичей (1324 г.), характеризуетъ политику Болеслава-Юрія и, наконецъ старается оправдать политику Казимира В. по отношенію къ венгерскому королю въ дѣлѣ занятія Галицкой Руси. Въ приложеніи напечатаны: а) письмо Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII 1321 г. (изъ парижск. нац. б-ки); два документа, выданные королемъ венгерскимъ Людовикомъ, изъ которыхъ въ первомъ онъ предоставляетъ русское королевство пожизненно Казимиру В., оставляя за собою право выкупа Руси у мужскихъ потомковъ Казимира (1350 г.), а во

второмъ, отъ 13 апр. 1355 г.) даетъ полномочіе матерѣ своей кор. Елизаветѣ на принятіе присяги отъ польскихъ чиновъ и подтверждаетъ обязательства, принятія по отношенію къ Польшѣ кор. Карломъ-Робертотъ (изъ Моск. арх. М-ва Ин. Дѣлъ); в) обязательство короля венгерскаго Людовика по отношенію къ Казимиру на случай, если бы послѣдній дождался потомства мужскаго или женскаго пола (изъ Моск. архива М-ва Ин. Дѣлъ. (№ 1, стр. 1—33).

Г. Корзонъ. О Chmielnickim sądu pp. Kulisza i Karпова. Авторъ указываетъ на рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ Кулиша и Карпова на Хмельницкаго. Основа такого разногласія, по мнѣнію Корзона, лежитъ въ различіи источниковъ, которыми пользовались оба историка. Корзонъ защищаетъ Востомарова и Кулиша отъ упрековъ Карпова въ утайкѣ документовъ, указывая, что часть изданныхъ Карповымъ документовъ была напечатана ранѣе (Чтенія Моск., общ. ист. и др., 1847, VI), а часть представляетъ фальсификаціи. Далѣе, Корзонъ возражаетъ противъ достовѣрности донесеній московскихъ пословъ воеводъ отмѣчая замѣчательное сходство ихъ съ инструкціями, данными имъ изъ приказа; такъ, онъ сомнѣвается, чтобы Хмельницкій предлагалъ тѣ же вопросы и притомъ въ такомъ же порядкѣ, какъ предвидѣла инструкція (напр. о возрастѣ и вѣщности Алексѣя Михайловича), а въ особенности, чтобы атаманъ, привѣтствовавшій посольство въ Лубнахъ, Лохвицѣ, Ромнахъ и т. д., произносили одинаково стереотипныя рѣчи, и видитъ въ этихъ донесеніяхъ поддѣлываніе подъ тонъ власти. Выѣстъ съ тѣмъ Корзонъ защищаетъ источники польскіе, которыми пользовался г. Кулишъ, причемъ указываетъ и цѣлый рядъ промаховъ этого историка. Указавъ, далѣе, ошибку г. Кулиша относительно бюджета Рѣчи Посполитой въ 50-хъ годахъ XVII ст. и оцѣнки военныхъ дѣйствій Яна-Казимира, авторъ отдаетъ полную справедливость г. Кулишу за его пониманіе характера польскаго народа; онъ вполне соглашается съ взглядомъ г. Кулиша на происхожденіе козачества и пытается подкрѣпить его собственными доводами. Г. Корзонъ довольно подробно излагаетъ мнѣніе г. Кулиша о роли духовенства въ козачкомъ движеніи, о различіи взглядовъ и симпатій высшаго и низшаго духовенства, объ отсутствіи религіозныхъ мотивовъ въ возстаніяхъ козаковъ, причемъ указываетъ на вѣротерпимость по отношенію къ православнымъ Рѣчи Посполитой, сопоставляя ее съ нетерпимостью относительно униатовъ и католиковъ, которой проникнуты указы царя Алексѣя Михайловича, обнародованныя въ Бѣлоруссіи. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ разногласіе въ сужденіяхъ г. Кулиша и Карпова о полякахъ и Польшѣ, и очень сходныя ихъ мнѣнія о козачествѣ. Переходя къ личности Хмельницкаго, г. Корзонъ отрицаетъ его шляхетское происхожденіе, его формальныя права на Субботовъ и, охарактеризовавъ его, какъ самаго дурного человѣка и общественнаго дѣятеля, считаетъ вполне способнымъ на поддѣлку

родословной и документов на имущество. Г. Корзонъ подчеркиваетъ неясно выраженную, по его мнѣнію, у г. Кулиша конечную цѣль Хмельницкаго—стать независимымъ или по крайней мѣрѣ вассальнымъ владѣтелемъ, мысль о чемъ родилась у него подъ вліяніемъ усилій дѣла, начатаго изъ личныхъ побужденій. Г. Карпова авторъ упрекаетъ за то, что тотъ выходитъ изъ границъ исторіи въ область гаданій и принимаетъ за критерій въ своихъ сужденіяхъ пользу своего государства, не возвышаясь до «универсальныхъ и общечеловѣческихъ основъ историографіи и философіи». Г. Кулиша авторъ обвиняетъ въ противорѣчіяхъ, отсутствіи спокойствія, чувства мѣры и критицизма.

Указавъ на нѣкоторое сходство по формѣ и методу между трудомъ г. Кулиша и *Les origines de la France contemporaine* Тэна, г. Корзонъ возстаетъ противъ политиканства въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Далѣе авторъ возражаетъ г. Карпову по вопросу о переяславскихъ статьяхъ и оспариваетъ положенія, что переяславская рада была поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Хмельницкаго, моментомъ, съ котораго онъ становится послушнымъ подданнымъ царя Алексѣя Михайловича. Властолюбивыя и династическія мечтанія Хм—го не сбылись. Напрасно также думаютъ, что Хм—ій нанесъ смертельный ударъ Польшѣ. Исчисливъ бѣдствія, причиненныя Малороссіи преемниками Х—го, г. Корзонъ самыми мрачными красками рисуетъ положеніе края въ 2-й половинѣ XVII ст. (№ 1, стр. 34—79).

Antoni Swiątkewicz. Ostatni szturm na Smoleńsk r. 1611. Разсказъ о штурмѣ. Краткое обзорѣніе источниковъ. Въ приложеніи письмо пана Вихровскаго къ п. Станишевскому. (№ 1, стр. 93—99).

A. Czołowski. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Rusz r. 1618 i 1624. Оба дневника извлечены изъ бібліотеки кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Первый озаглавленъ: *Diariusz expeditiei Jego Mości Pana Stanisława Żółkiewskiego, kanclerza i hetmana koronnego przeciwko tatarom pod Rohatyn (1618 r.)*, а второй—*Rozprawa szczęśliwa z tatory Jego Mości Pana Stanisława Koniecpolskiego, hetmana polnego Koronnego na Podolu pod Szańkowcami w roku 1624 6-ta Februarii.* (№ 1, стр. 99—100).

L. Finkel. Dodatek do historyi napadu tatarów w r. 1695. Письмо кор. гетмана Станислава Яблоновскаго къ королю отъ 9 Февраля 1695 г., писанное въ ожиданіи нападенія татаръ на Львовъ.

J. Talko - Hryncewicz. Biskup uniicki Dyonizy Żabokrzycki. Разсказъ объ арестѣ Діонисія Жабокрицкаго и перечисленіе взятыхъ у него бригадиромъ Яковлевымъ вещей, основанные на рукописи подъ заглавіемъ: *Regestr zabranych pieniędzy, klejnotów, rzeczy i sprzętów różnych w katedrze Łuckiej przez Jego M. Pana Petra Jwanowicza Jakowlewa,*

brygadiera wojsk Najjaśniejszego Carskiego Wielicestwa, dnia 7 decembra przededniem kilka godzin w r. przeszłym 1709 przy wzięciu w niewolę Ojca Dyonizego Zabokrzyckiego Episcopa Łuckiego i Ostrońskiego. (№ 1, 101—105).

Въ отдѣль рецензій: *Я. Карловича* на сборникъ Оск. Кольберга «Chełmekie» tt. I и II; *А. Калмы* на Gadki ludowe Górali bieskidowych z okolic Rabki Ис. Коперницкаго; *Л. Лешаю* на статью Ф. Бостеля «Przyczynki do dziejów złotnictwa lwowskiego w XVI i XVII w. (Sprawozdania komisji do badania historii sztuki w Polsce, t. V, z 1.); *Е. Калитовскаго* на труды И. Е. Левицкаго. Галицко-русская библиографія XIX ст. т.т. I и II, «Галицко-русская библиографія за 1887 г.» и Галицко-русская библиографія за 1888 г.»; *Е.* на книгу С. Пепловскаго «Teatr polski we Lwowie (1881—1890),»; *А. П—ски*, на статью Фр. Равиты «Losy wielkiej fortuny na kresach» (Przewodnik nauk. i liter. 1891. Maj-Lied.); *С. Кантковскаго* на «Achiwun ksiąg Łubartowiczów Sanguszków w Sławacie», t.t. III i IV. *А. П—ски* на «Мемуары относящіяся къ исторіи Южной Руси, переводъ К. Мельникъ, вып. I.

Maryan Sokolowski. Muzeum XX. Czartoryskich w Krakowie.

Изложена исторія музея и описаны болѣе замѣчательные изъ хранящихся въ немъ предметовъ. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о самомъ музеѣ, такъ и о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ южн. Россіи. Начало собранія, составившимъ музей, положено въ к. XVIII ст. Адамомъ Чарторыйскимъ, генераломъ земель подольскихъ, и его женой Изабеллой въ ихъ имѣніи Пулавахъ. Послѣ ноябрьскаго возстанія произведенія искусства, памятники старины, монеты, медали и рукописи были перевезены въ Парижъ, а бібліотека въ Сеняву, въ Галицію. Въ 1872 г. кн. Влад. Чарторыйскій, внукъ основателей перевезъ коллекціи ихъ Парижа въ Бурникъ, въ Познани. Въ 1876—80 гг. г. Краковъ уступилъ Чарторыйскому помѣщеніе для музея, который и былъ перевезенъ равно какъ и бібліотека въ Краковъ. Съ 1884 г. во главѣ этого учрежденія стоитъ авторъ статьи М. Соколовскій, который и далъ ему нынѣшнюю организацію. Музей Чарторыйскихъ состоитъ изъ: а) собственно музея, б) бібліотеки, съ особенно богатымъ отдѣломъ Polonica и в) архива. Изъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ, упомянемъ о кубкѣ съ характеристическимъ восточнымъ орнаментомъ и рostrузанѣ въ стилѣ Возрожденія съ затѣйливымъ рисункомъ и богатой орнаментацией. Первый, серебряный густо позолоченный, очевидно, сербскаго происхожденія, на немъ надпись славянскими литерами: *Братина думной рады князя Михаила Дамиловича*. На рostrузанѣ видны греческія буквы, какъ бы знаки мастера. На выпукломъ днѣ его — рѣзной и позолоченный гербовый щитъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. На щитѣ какъ бы гербъ Ле-

дьяв: полумѣсяць и звѣзда, а надъ звѣздой подкова, обращенная концами внизъ и образующая съ полумѣсяцемъ какъ бы раму для звѣзды. Изъ страусовыхъ перьевъ и зигзаговъ, окружающихъ щитъ, поднимается вверхъ крестъ, около котораго двѣ большія буквы *Д. Р.* Кромѣ того на роструханѣ есть надпись старославянскими буквами, гласящая: *Нана-Думитрашка Раича сей кувшъ зробленъ року 1678 м-ца Августа дня 8. Пыты зъ него во здравіе, съ ковша сего пыты а его не просыты, а просыты не дамъ, для себе мамъ.* Надпись прерывается тремя лавровыми вѣнками съ бюстами въ характеристичныхъ козацкихъ уборахъ, представляющими, какъ свидѣлствуютъ надписи, Лобойка, Наливайка и Мазепу, которые держатъ въ рукахъ чаши или играютъ на торбанахъ; около одного изъ нихъ козакъ, бьющій въ бубень, съ обнаженной головой и съ шапкой, лежащей подъ бубномъ. У рукоятки есть большое ушко для вѣшанья сосуда на стѣну. Есть еще серебряный ковшъ московской работы, съ государственнымъ гербомъ, пожалованный, какъ гласитъ надпись, въ 1701 г. Петромъ В. какому то Никифору Иванову изъ Путивля за заслуги по таможнѣ. Замѣчательна коллекція старинныхъ поясовъ, которыхъ въ музеѣ 37, изъ нихъ 10 слущихъ, а именно 3 съ надписью *Лео Мажарскій въ градѣ Слуцкѣ*; 2—съ буквами *Ф. К. Р. Слуцкѣ*; 3—съ фабричнымъ знакомъ *F. S.*, помѣщеннымъ горизонтально, 1 съ такими же знаками, но буквы раздѣлены звѣздочкой, и 1 съ латинской надписью *me fecit sluciae.* Въ богатой коллекціи географическихъ картъ есть не мало относящихся къ южн. и зап. Россіи.

Въ бібліотекѣ числится около 100,000 томовъ, въ томъ числѣ отдѣлъ *Polonica* 35,000. Въ архивѣ 5070 рукописныхъ сборниковъ и 1202 документа, начиная съ XII в. Собраніе рукописей составилось первоначально изъ фамильныхъ бумагъ и прибрѣтеній кн. Ад. Чарторыйскаго и порыцкаго собранія Тадеуша Чацкаго, прибрѣтеннаго кн. Адамомъ въ 1818 г. Изъ рукописей отмѣтимъ: Евангеліе апракосъ, на церковнославянскомъ языкѣ, к. XIII и нач. XIV в. изъ Лавришовскаго монастыря около Новгорода Литовскаго, съ вкладными надписями в. кн. литовскихъ и миниатюрами различныхъ эпохъ до к. XV в. Изъ числа прибрѣтеній музея за послѣдніе годы (1889 и 1890) отмѣтимъ: рукописную исторію архіепископства львовскаго Юзефовича, русское Евангеліе XVI в. съ комментаріями Теофилакта, еп. болгарскаго, и собраніе правительственныхъ документовъ, русскихъ и польскихъ, относящихся къ семейству Масальскихъ. (№ 2, стр. 229—276).

Въ отдѣлѣ рецензій: *Г. Оссовскаю* на статью К. Пуласскаго «*Wiadomość o dwu zabytkach bronzowych, znalezionych na Podolu*» (*Ramiętnik fizyograficzny* Г. IX Д. IV 1889). *А. Брюкнера* на „*Вислу*“ (т. IV №№ 2—4 и т. V №№ 1—3). *Я. Карловича* на посмертное изданіе Осъ.

Кольберга Przemyskie, zarys etnograficzny". В. Чермака на книгу Іенке „Stefan Czarniecki". Ф. Востеля на брошюру М. Ролле „Z życia Ormian kamienieckich w XIV i XVIII". (Оттискъ изъ „Swiat'a".

Для даннаго обзора, помѣщеннаго въ № 4 и 5, разсмотрѣны были слѣдующія изданія и номера, при чемъ указываются даже тѣ изданія, въ которыхъ ничего не оказалось относящагося къ южной Руси: 1) Ateneum № 1—3; 2) Богословскій Вѣстникъ № 1; 3) Biblioteka Werszawska № 1—3; 4) Восходъ № 1—3; 5) Вѣра и Разумъ № 1—6; 6) Вѣстникъ Европы № 1—3; 7) Журналъ Гражд. и Уголовч. Права № 1—3; 8) Журналъ Мин. Народ. Просв. № 1—3; 9) Историческій Вѣстникъ № 1—3; 10) Киевскія Университетск. Извѣстія № 1; 11) Kwartalnik historyczny № 1—2; 12) Недѣля (книжки № 1—4); 13) Православный Собесѣдникъ № 1—2; 14) Русскій Филологич. Вѣстн. № 1; 15) Русское Обзорѣніе № 1—3; 16) Русскій Архивъ № 1—3; 17) Русская Мысль № 1—2; 18) Русская Старина № 1—3; 19) Странникъ № 1—3; 20) Сѣверный Вѣстникъ № 1—3; 21) Славянское Обзорѣніе № 1—3; 22) Труды Киевской Духовной Академіи № 1—3; 23) Ученныя Записки Казанск. Университета № 1; 24) Христіанское Чтеніе № 1—4; 25) Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія № 1—2; 26) Юридическій Вѣстникъ № 1—3; 27) Юридическая Лѣтопись № 1—3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ“

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Въ немъ напечатаны: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя спеціально для „Сборника“, Берты фонъ Суттноръ, (Изъ рѣчи на конгрессѣ мира), П. Гейзе (стихотвореніе), Арне Гарборга (Смерть), А. Н. Леффлеръ, герц. ди Найяелло (Изъ воспоминаній о Софѣ Ковалевскоѣ), Пьера Лоти (Charmeurs de serpens), Виктора Балагера (стихотвореніе), Г. афъ-Гейерстама (Исторія двухъ орловъ), А. Стриндберга (Укоры совѣсти), П. Розеггера (Чудеса), М. Нордау (Fin de siècle), I. Ли (Орлица), Л. Захеръ-Мазоха, („На тернистомъ пути“), Б. Бьернсона (Пыль), Г. Эберса (Стихотвореніе).

2) Статьи: профессоръ М. Ковалевскаго (Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи), М. Владимірскаго-Буданова (Формы землевладѣнія въ Литвѣ), П. Броунова (Погода и ея предсказаніе), И. Синорскаго (Голодъ и его послѣдствія), В. Малинина (Надсонъ какъ поэтъ), П. Морозова (Война и ея жертвы), И. Лучицкаго (Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи), Т. Флоринскаго (Эпосъ сербовъ - мусульманъ Босніи), В. Ерманова (Преподаваніе алгебры), гг. А. Абрагамсона (Двѣ недѣли въ Средней Азіи), Р. Савельева (О предсказаніи неурожаевъ), Г. Бобринова (Матеріалы для исторіи войны 1877—78), Л. Нупернина (Шарль Фурье).

3) Разсказъ Вл. Короленка („Щось буде“), М. Альбова (Домъ), А. Любича (Тучка набѣжала), Н. Аранджи (Изъ школьныхъ легендъ), М. Бертина (Ужинъ), М. Бр—скаго (Подъ осенній дождь), Е. Бердлевоѣ (Бенефисъ), Вас. Немировича-Данченко (Глава изъ романа „Полюма“).

4) Стихотворенія: Б. Бьернсона, Карла Сиоильскаго, Вл. Высоцкаго, Вас. Немировича-Данченко, Ф. Черниговца, П. Тулуба, С. Бердлева, А. Львовой, Л. Мунштейна, де-Зръ.

Къ сборнику приложены фототипическіе снимки съ картинъ гг.: Орловскаго (Дидиръ), В. Васнецова (Голова Христа), П. Свѣдомскаго („Воскрешеніе Лазара“ и

„Въ Геесиманскомъ саду“), Пимонина (Святанье), Бодаревскаго (Свадьба), Платоновъ (Дѣвушка со свѣчей) и двѣнадцать снимковъ съ видовъ Средней Азіи.

Цѣна (для неподписавшихся) 2 р. 50 к.

Съ пересылкой 2 р. 95 к.

Главный складъ изданія въ Кіевѣ въ редакціи (Левашевская, 14; И. В. Лучинскому).

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Иогансона, Корейво, Оглоблина, Розова, и въ редакціи „Кіевской Старины“, въ Кіевѣ.

Въ Москвѣ главный складъ—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Плещиха, д. Орлова).

Въ Полтавѣ: въ губернской земской Управѣ.

Добронизкого и Лукаша, асауду полкового переясловского. отеждающихъ уже зъ Глухова.

7. Неделя. Рано п. Андрѣева, швакгрова, виехала отсюду зъ Глухова въ Суми. Швакгри мои оба виехали зъ Глухова у вечеру и до Рихловского монастыра, по своемъ обѣщанію, перво поехали. Калюжненки давали писмо, за футоръ Калюжновскій упоминаючись. Сварковцѣ суплѣву подали мнѣ за Орановскимъ, просячи его въ попи. Семень, господарь бувшій, приходилъ ко мнѣ, упоминаючись за якогось коня. Пожекгналемъ ясновелможную и прочіихъ всѣхъ и п. Левенца. Приехалъ Верещака зъ Ромна, отъ родителя, зъ писмами до ясновел. и ко мнѣ и зъ доношеніями въ колегію и канцелярію взглядомъ заплати полковимъ служителямъ доводячойся и респектомъ умноженныхъ отъ вой. енер. канцеляріи вновь теперъ консистентовъ; зъ листу родительского извѣстился, что отехалъ въ пятокъ въ Ахтирку до князя Михайла Михайловича Голѣцина. Отъ Якова листъ поданъ зъ Ромна, въ якомъ выражаетъ, что горѣлки оковитой 8 куфѣ припроважено въ Ромень, бариль зробили 32, людей наняли 27, и задатку имъ толко дали по шагу.

8. Понеделокъ. Рано писалемъ писмо до п. сотника глуховского объ Орановскомъ, которого бъ онъ архиерою писмомъ рекомендовалъ респектомъ священства. Скриню зъ книгами запечаталемъ. Виехали зъ Глухова обое, зъ женою, на обѣдъ въ Сварковѣ. Въ Сварковѣ теслѣ говорилемъ коморку придѣлать, мостъ черезъ Клевенъ просто на огородъ Жидовленка зробить и проч. По обѣдѣ приехали зъ футоръ Калюжновскій, где и ночовали.

9. Во второкъ. У футорѣ Калюжновскомъ гуменного жита всего неслано еще въ Тулиголови 16 четвериковъ, а всего зъ 296 копѣ, 40 четвериковъ. Панюи о нѣкоторихъ рѣчахъ предложилемъ, а наказъ господару въ 18 пунктахъ, а войту Забарѣ въ 13 пунктахъ до рукъ нанеи далемъ. Поехавши рано оттуду, приехали на обѣдъ въ Тулиголови, где въ імбарѣ горѣлки оковитой осталось 2 носатки, а простой 24 носатки въ двохъ куфахъ. Роману дворнику далемъ наказъ въ трохъ пунктахъ. Извѣстно мнѣ учинилось, что привялъ Романъ отъ тютюника тютюну палушъ 1500, а оній въ імбарѣ

зложенъ. По обѣдѣ вѣхавши зъ Тулиголовъ, приехали на ночь въ Камень, где Шрамченка, котораго братъ у Сулаку задолжился по Юрченковой позиціи, призываемъ и долгу отдать казали.

10. Середа. Писали до сожителниці о взятіи сюда бутилокъ 6 купленныхъ съ виномъ и 9 оплѣтованныхъ въ Сварковѣ, порожнихъ. До ея жъ писали, чтобъ господарь захалъ въ Тулиголови и тамъ купчіе, Романомъ взятіе у продавцовъ на нѣкоторыя кронта, не исправно пописаніе, переправилъ и порадиѣйшіе отъ заводцовъ отобралъ и сіе бѣ записалъ себѣ до чиненія къ 18 пунктамъ, а такъ теперь, въ наказѣ его, 19 пунктовъ должно быть. До Романа тулиголовского писали, чтобъ онъ 3 кухни отискалъ зъ Кролевца, заплативши за оныя по копѣ, а 3 зъ Камня, взявши 2 приславши болшихъ, и оныя бы 6 куховъ на шинки употребились. Шрамченку говорили, жьбы онъ горѣлки 10 носатокъ и 100 зол. старались отдать Лазовскому, а онъ чтобъ переслалъ въ Тулиголови, приказали. Поехавши зъ Камня приехали въ Грузкую, где и обѣдали, а оттуду на ночь приехали въ Смѣлое до Егреса. Императоръ всероссійскій Петръ Великій погребенъ въ С. П. Бурѣ, въ церквѣ Ст. Апостолъ Петра и Павла, въ крѣпости; слово при погребеніи говорилъ Прокоповичъ, архиепископъ псковскій.

11. Четверъ. Зъ Смѣлого писали до своей сожителниці о ея въ Роменъ приездѣ и козаковъ троухъ послали. Тогда жъ и до п. Михайла Скоропадского писали. Вѣхавши зъ Смѣлого рано, приехали въ Роменъ на обѣдъ, где застали родителя и родителку. Листъ отъ Плетюнки зъ Сухоносовки, марта 7 писанній, достался рукамъ моимъ, въ якомъ пишетъ: 1, о присилцѣ сюда взовъ 6 воловихъ (?) 12, полотна на мѣхи, сукна на попонки, шкуръ шкапинныхъ 3, а яловичихъ 2 и важницъ 3. 2, о присланню туда соли бѣлой; 3, что горѣлки оковитой 2 кухни готовіе суть; 4., что зъ Перервинецъ взялъ свиней 25 въ Сухоносовку; 5., что зъ Колотового и церковного млинковъ розмѣръ збирается до двора; 6., что за кронтъ пона сухоносовского Петровскому заплатилъ 120 зол., и у его купчая и крѣпости бывшіе на оной, отобралъ при атаману чорнускомъ. Книгу въ Ромнѣ остав-

леннихъ пересмотрувалемъ и показалось: богословскихъ 21, филозофскихъ 12, историческихъ 10, медицинскихъ 5, прочіихъ 8, и того всѣхъ 56, а зъ Глухова привеземъ 32, и того тутъ всѣхъ 345, о чомъ зри въ февр. 26 числѣ, нумерѣ 2. Отъ Селецкого зъ Слуцка присланъ листъ 25 февр, писанній ко мнѣ, въ которомъ выражасть, что тютюнъ мой зъ родительскимъ зложенъ въ шиѣклѣръ, а даютъ за мой по 2 зол. и по полъ 8 шага, (на поляхъ: NB значить—7 шаговъ съ половиною) и чтобъ паробку, туда ходившему, заплатитъ за тиждень по полъ 8 шага, зъ котормъ пара коней моихъ, ходившихъ туда подъ тютюномъ, прійшло сюда въ цѣлости. Покупки Демяновой осматрувалемъ, между которою и кагве окъ 5, на якую розійшлося денегъ 98 зол. и 7 шаг., зъ данихъ ему 100 зол. Начали кагве—и кубочокъ зсмажили. Извѣстно мнѣ учинилось, что Тихонъ Волжинъ, прапорщикъ, пріехалъ сюда въ полкъ лубенскій зъ присягами на вѣрность ея величеству и зъ обявленіями о погрѣшеніи нашихъ пп. старшинъ пѣтербургскихъ. Тожъ извѣстился, что генераль-поручикъ Девейзбахъ въ Гадячомъ квартеру имѣеть, куда семи часи и генералша поехала.

12. Пятокъ. До старости сухоносоего писалемъ, въ отвѣтъ на его письмо, о многихъ интересахъ господарскихъ, а притомъ о присилцѣ сюда горѣлки оковитой и хмелю etc., а послалемъ оное письмо черезъ александровского козака. Извѣстился, что статуи въ Лубнахъ дѣлавшіися, теперъ у Луцѣ суть 12. Прапорщикъ отъ енерала Вейзбаха ехалъ черезъ Ромень и сказовалъ о его генералской битности въ Гадячомъ обрѣтающейся. Ездилемъ до своего шинковного двора, где видѣлемъ воевъ новихъ воловихъ 16, а еще два вскорѣ будутъ зроблени. Палубовъ новихъ, оббитихъ, 2, также старихъ палубціовъ 4, воевъ коннихъ 2, бариль зробленнихъ болшъ 40, зъ которихъ не всѣ повніе и насипаніе; але въ насипанихъ барилахъ вѣдерокъ роменской мѣри 160, а еще кувна повна горѣлки. Колѣсъ воловихъ зайвихъ 4, и иншіе рѣчи подорожніе. Бондаромъ 4-мъ далемъ по золотому. Отгуду едучи булемъ на Монастирищѣ, где видѣлемъ у імбарѣ нашего сира давнего 5
14*

дѣжокъ неповнихъ. Тамъ же приказалемъ стелмахови доробить та-радайки. Извѣстно мнѣ учинилося, что зъ Тулиголовъ воловъ мо-ихъ прійшло сюда зъ горѣлкою 8 и оніе тутъ удержани. Демянъ поехалъ зъ спалнею до Камея, для пріезду сюда на оной женѣ мойей.

13. Субота. Перервинскій староста отправленъ отъ родители зъ тимъ, жебы статокъ, присланній зъ Прилуки, знову отогналъ въ Прилуку, того ради, что п. Федоръ, тайно приславши своихъ лю-дей въ Перервинцѣ, взялъ увесь статокъ къ себѣ и лутшіе пови-бравши, саміе подлѣйшіе поприсилалъ и то малое число. По служ-бѣ Божой ранной, выехалисмо зъ Ромна къ Ахтирцѣ, родитель, я и братъ п. Семень и асаулъ гонцовскій. и пріехали въ Липовое на обѣдъ; зъ Липового писалемъ до Плетюнки о томъ: 1) чтобъ билъ у футорѣ, затимъ, же ягнята пропадають; 2) о лѣсѣ, на ко-торого купленне 90 зол. дано Василевѣ мацковскому старостѣ, увѣ-домился купленъ ли есть; 3), о коняхъ въ Дубняхъ и Сухоносов-цѣ стоячихъ, чтобъ били въ добромъ досмотрѣ; 4) о перервинскомъ старостѣ ему подчиненномъ А до Якова Дуброви тотъ листъ, при другомъ листѣ къ нему писанномъ. послалемъ, чтобъ онъ отдалъ перервинскому старостѣ до отдання ему Плетюцѣ, и о другихъ интересахъ къ нему Якову писалемъ. Зъ Липового, поехавши до Гадячого (куда будетъ вереть 27), пріѣхали позно и тутъ ноcho-валисмо.

14. Недѣля. Рано, передъ службою, приходили къ родителю старшина полковая и Турковскій господаръ зъ поздравленіемъ прі-езду и зъ нами жъ купно пошлисмо до служби Божой, которую вислухалисмо въ теплой церквѣ святого вел.-мч. Дмитрія. По службѣ булисмо у господина генерала лейтенанта Девеизбаха, ко-торій ласкаве насъ принялъ и упросивши насъ на обѣдъ, на время отпустилъ до квартери, того ради что онъ еще мши не слухалъ своей. По отправѣ мши, генералъ прислалъ своего служителя къ намъ, прося на обѣдъ, и кушалисмо оній у его. А въ томъ часѣ Алексѣецъ зъ Ромна привюзъ коня верхового моего бѣлого. По обѣдѣ, до вечернего часу у его забавилисмося, при рознихъ розго-

ворахъ, а потомъ пожехгнавши его, заехали на квартиру и от-туду заразъ виехалисмо, и приехали на ночь до Веприка, отъ Гадяча отстоящего въ 11 верстахъ, где въ дому сотницкомъ и квартиру имѣлисмо. Алексѣецъ ускаржался на Юска конюшого, которій ему руку висше локтя обрубаль шаблюю.

15. Понеделокъ. Рано зъ Веприка поехалисмо, а приехали на обѣдъ въ село Комишѣ, отстоящее отъ Веприка въ 21 верстахъ, и у попа квартиру имѣлисмо. Пообѣдавши тамъ, поехалисмо и приехали въ Ахтирку передъ заходомъ слонца, отстоящую отъ Комишовъ, якъ бы въ 35 верстахъ, або мало меншъ, и стали квартирою на предмѣстѣ, у лѣвомъ кутѣ. Петро Воротелякъ, напередъ сюда въ Ахтирку присланный за квартирою, посланъ былъ до полковника ахтирского отъ родителя зъ поздравленіемъ. Казѣмирецъ, машталѣръ, утекшій зъ Куцунѣвцинѣ, явился еще у Комишахъ родителей зъ супдѣкою, жебы ему рѣчи его были вернени, въ чомъ и листъ своего нинѣшного пана Василя Осипова, ротмистра ахтирского полку, до родителя жъ писанный, вручилъ.

16. Вовторокъ. Рано булисмо у князя Михайла Михайловича Галѣцина и поклонъ ему отдалисмо, которій ласкаве принялъ насъ, а засталисмо тамъ штабъ офѣцеровъ немало, захавшихся для нѣкоторого своего интересу имъ. Да туда жъ при насъ приймоть Алексѣй Бибиновъ, мануфактурколегіи прокуроръ, приехавшій зъ С. П. бурха до князя зъ обявленіемъ о смерти імператорской и присягами на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо у князя всѣ и подпіяхомъ. П. Михайло сумскій приехалъ зъ Сумъ и тутже былъ, а сказоваль себе слипавшаго отъ п. Андрѣя Полуботка тое, что будто п. полковникъ сумскій преставился, що однакъ не достовѣрно. Отъ княжихъ извѣстилемся, что въ Гилянъ наряженъ коммандиромъ Дмитрій Федоровичъ Яропкинъ, полковникъ Нарвского полку, и съ нимъ еще два: штабъ офѣцеръ и другій оберъ офѣцеръ. Отехалисмо отъ князя всѣ разомъ, родитель же поехалъ просто на квартиру свою, а я заехали до Василя Петровича Шереметева полковника зъ полковниками Ролондомъ, Гроковимъ и Бибиновимъ, и тамъ не бавлячись, на свою приехали квартиру. Полковникъ ахтирскій и Бибиновъ,

у его дому квартируючій, обидва Алексѣи, просили на завтрашній день тезоименитства своего къ себѣ, чого ради и удержалися. Леско сторожъ приѣхалъ зъ Ромна зъ писмами войскової енер. канцеляріи, асаули полкового и комисаровъ полковихъ, о вистатченню провіанту и фуражу двомъ ротамъ, по ордеру оной канцеляріи, на полкъ лубенскій опредѣленнымъ, писанными и что хоружій Корсунъ приѣхалъ зъ Глухова безъ резолюціи колежской на нужди полковіе, за которими туда билъ посланъ.

17. Середа. У князя рано былисмо и катве напившись, пошлисмо до церкви. По службѣ Вожой, князь, княгиня и прочіе полковники армейскіе и мы кушалисмо у полковника ахтирского Алексѣя Лесевичего, для его нынешнихъ именинъ, а по обѣдѣ опроводилисмо князя въ домъ его и пожегналисмо, а пожегнавши, заехалисмо знову до полковника и тамъ мало посидѣвши, отехали, а мимоездомъ у полковника Василя Петровича Шереметева библисмо и нѣмало не бавлячись, къ своей поехалисмо квартирѣ, а недождяючимъ намъ оной, настигль насъ п. полковникъ ахтирскій и купно зъ нами приѣхалъ, а послѣ его къ намъ же приѣхали Максимъ Тимофѣевичъ, духовниковъ синъ ¹⁾, Василь Даниловичъ, ротмистръ полку ахтирского подиралѣрныхъ товарищей, которіе всѣ долго просидѣли у насъ и зъ теми всѣ ми гараздъ подпіахомъ.

18. Четверъ. Рано виехалисмо зъ Ахтирки назадъ и приѣхавши къ яру, оставилисмо дорогу до Комишей идучую, а взяли у право, на гору, у самомъ яру, къ Олешнѣ и Лебедину лѣсомъ. Виехавши зъ лѣса на горѣ, приѣхалисмо къ селцю, прозиваемому Чортовка, которое отъ Ахтирки будетъ у милю, и оное въ лѣвомъ боку отъ насъ было. Минувши оное селце, приѣхалисмо въ городокъ прозиваемый Олешню, отъ помянутого селця якбы у полъ милѣ отстоящій; но и тамъ не зостановляючись, поехалисмо просто до Лебедина, отстоящего отъ Олешнѣ якбы у полтретѣ милѣ, а приѣхавши туда въ обѣдную годину, сталисмо въ дому сотничомъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ виехавши оттуда, приѣхали въ Ми-

¹⁾ Т. е. Надаржинскій, см. выше стр. 178.

хайловскихъ належачое, а въ разстояніи отъ одного обрѣтающееся въ мило, и тутъ ночовалисмо. Староста тутейшій въ разговорѣ сказалъ, что сего году зъ сего селця выбрали збору зъ тягла грошей 30 рублей, въ годъ горѣлки куховъ 5 вишинковалось; овецъ тутъ болше 2000, скотины на 400, зъ коней стрижчатъ есть тилко на 80, а 18 здохло отъ лѣта до сего году.

19. Пятокъ. Рано зъ Грунки вѣхалисмо и степомъ все ехали; не дожджаючи слободки Семіоновки Корсаковой, въ степу найдуючойся, а отъ Грунки отстоячей якъ би миль у поль 3, оставилисмо шляхъ до Коровинець идучій и взяли влѣво степомъ, и поузь оную Семіоновку ехалисмо, а оттуду степомъ ажъ до самого Ромна пріехалисмо, куда отъ Семіоновки будетъ миль болше двохъ, и пріехалисмо по полудни уже. Писмо отъ п. Михайла Скоропадского получилимъ, въ которомъ объявляетъ, что указъ ея величества въ колегіи полученъ о отпечатаваніи дворовъ всѣмъ арестантамъ, чего ради и онъ, купно зъ прокуроромъ, въ Сорочинци едетъ, а зъ Смѣлого пишетъ, по якому писму и жапа моя писала до моего швакгра п Андрѣя, жебы ехалъ въ Чернѣговъ къ дому своему. Отъ Василя господара полученъ листъ, въ которомъ, между иншими интересами, объявляетъ, что въ Тулиголовахъ купчіе нивѣшнимъ статтемъ побрани у продавцовъ. Извѣстилемся, что горѣлки оковитой 2 кухви зъ Сухоносовки сюда привезено, которой било вѣдерокъ тутейшихъ 32 вѣдерки и 3 кварта, пересипано оную въ барида. Засталемъ свою жену болѣзнуючую на уши, же мало слышитъ.

20. Субота. П. Минѣцкій, писаръ пол. нѣжинскій, въ Роменъ пріехалъ. Тарасъ въ Лубнѣ и далѣ, а Гаврило въ Нѣжинѣ отправлени. Тарасу на овесъ для коней далемъ зол. 10, а Гаврилу на покупки таларъ 20. Демянъ за огурство свое, посаженъ за дружъ. Шапку далемъ шить себѣ зъ чорного аксамиту и баранковъ 2 чорнихъ. Зъ Сулаку отъ Гамалѣи до родителя писмо, въ якомъ виражаетъ о 60 козакахъ, тамъ же умершихъ. Барма слугамъ данна, Алексѣйцю, Демяну Гаврилу, Роману, Мартину и Василю господару, Леску Кухару карунъ и 15 зол., Тарасу ка-

рунъ и 10 зол., Вѣжевскому сукно и 10 зол., Петру Кухтику сукно и 3 зол. Машталѣрамъ лутшимъ сукно и по 5 зол., подлѣйшимъ габи и по 4 зол. Коваль сторожъ, до п. Андрѣя швак гра посланній, зъ вѣдомостю объ отпечатаваніи ихъ имѣнія, повернулся и сказалъ, что п. Андрѣй мѣлъ схать черезъ Глуховъ въ Черняговъ. Тарасу данъ рецентъ въ аптецѣ взять лѣкарства числомъ 3 штуки: 1, ole. amigdal., декоктъ и пѣлули, которіе въ моемъ дефектѣ, прежде пявокъ, употребляются.

21. Неделя. Демянца освободить казалежь и по утренѣ упомянулемъ и о нѣкоторихъ рѣчахъ допросить его казалежь Якову. Демко Пиндюренко зъ Глухова пріѣхаль и коня привюль бѣлогого дригванта, вороного, да онъ же привюзь желѣза 5 штабъ и шкуру. А въ листѣ господаръ пишеть, что въ колегіи освобождено колодниковъ 118 чловѣкъ, по указу ея величества, въ оной колегіи 15 марта полученному. Романъ зъ шапками (которіе той же Пиндюренко привюзь) и другими рѣчами посланъ бувъ въ Глуховъ, але стрѣвши Демка, вернулся. Будискій чловѣкъ подалъ мнѣ доношеніе, просячи о приверненне ему коня, якого у его взято у Лохвицѣ, когда его съ ворами поймали. Обѣдали у родителя зъ жен. и мужеского пола, на двухъ столахъ. Корсунъ, хоружій, домой отехалъ, а Слюзенко пріѣхаль въ Ромень зъ Сенчѣ, где Криштопенко сотникъ небилецѣ многіе якоби дѣлаеть. Данило татаринъ въ вечернѣ пяній показался, и за то посаженъ у куну. Писма всякіе пересмотрувалемъ и на реестра зводити оніе казалежь, п. Семену Минѣцкому и Хмелику. Зъ колегіи присланъ указъ зъ приложеніемъ печатного указу ея величества, въ якомъ вираженно, арештантовъ, чили рачей колодниковъ, зъ подъ арештовъ освобождать всякихъ, опрочъ убійства, возмущенія народного и измѣни. Писмо отъ Кашири, дворника криворудского, получилемъ о тамошнихъ непорадкахъ и зъ скаргою на Булавина. До его жъ отписалемъ указомъ, утверждаючи его, а до Тараса и Плетюнки писалемъ, жебы они захавши у футоръ, поклеянали лошаки и похолощали и кобили на куцѣ роздѣлили бы. Салдаты отъ прокурора зъ Сорочинець проехалъ, почту для его розставляючи.

22. Понеделокъ. Отъ енерала Девейзбаха писмо зъ дракгуномъ прислано до родителя о покупцѣ вина крымского, для его росходу. Кунтушь новій, чорній, мнѣ покраяно. Шапку новую шить далемъ и на оную два баранки чорнихъ и на вершокъ чорній аксамить.

23. Вовторокъ. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хруцовъ, ездившій въ Сорочинцѣ знимать арешту зъ дому полковника миргородского, а при немъ Михайло Скоропадскій, поворочаючись оттуду, пріехали сюда въ Ромень, на обѣдъ. Указъ вновъ зъ собранія енерального суда, въ коллегію принесеній, у нихъ же видѣлемъ, въ якомъ виражено: 1, енералнимъ — судіи Чарнишу, писару Савичу, асаулѣ Жураковскому, бунчучному Лизогубу и женѣ зъ дѣтми Полуботковимъ, хотя надляжало по ихъ винѣ такое учинить наказаніе, чтобъ ихъ зъ женами и дѣтми заслатъ въ Сѣбиръ въ (с)силку, а имѣніе все движимое и недвижимое взять на ея величество, однакъ ея величество ради поминовенія блаженной памяти его імпер. величества и для своего многолѣтнего здравія, пожаловала ихъ и все имѣніе имъ возвратить велѣла, (кромѣ червоннихъ и ефимковъ, которіе въ расходѣ уже, и лошадей), но жить имъ безиздно въ С.П.Бурху, и съ тогожъ имѣнія двори себѣ тамъ подѣлать, и впредъ имъ не писать сюда нѣ до кого, ниякихъ писемъ, кромѣ въ господарскихъ чили домашнихъ дѣлахъ. 2, Полковнику миргородскому Апостолу, яко въ меншомъ оказавшомуся преступленіи, тамъ же жить безиздно, толко одного зъ синовъ своихъ посылать сюда въ Украину для осмотра своего господарства. 3, Корецкому, наказному пол. старод., Кребюнци, судіи гад., Кирпичу, асаулѣ переясл. и Валкевичу — удержатись еще въ С.П.Бурсѣ до указа. 4. Покорскій сосланъ въ силку въ Архангельскій городъ, где по гривнѣ давать ему на день денегъ. 5. Ханенку быть учителемъ въ гваріѣзонской школѣ дѣтей офѣцерскихъ и салдацкихъ. Обѣдалъ у насъ прокуроръ и п. Михайло, а (я) у ихъ квартири до 11 год. просидѣлемъ. Орановскому далемъ 50 зол., да онъ же вупилъ мнѣ спалню бѣлую за 2 зол. Иванъ Порехристъ бувъ, которому шинкаръ мой доволю, что онъ до Сумъ взялъ грошей 20 таларъ, опрочъ чеховъ зъ шагами, на отиѣну даннихъ.

24. Середа. Рано прокуроръ отехалъ въ Глуховъ, а прежде о сенецкомъ сотнику розговариваль. Родитель отехалъ въ Бубни, для приуготовленія себе къ причастію. П. Миньцкій отехалъ въ Глинскъ. П. Михайло Скоропадскій до своей невѣсти, дочери п. полковника миргор., далъ письмо, которое зъ двома писмами отъ родительки до п. полковниковой, а отъ мене до полковниченковъ писанными, писалемъ. Цилюрику Ходецкому еще за хлопця цилюричка далемъ 5 зол. Демянцеви, за прошлій годъ и за сей, сукна и 65 зол., далемъ черезъ Якова. Термѣни амплѣфикаціи, до всякой рѣчи служаціе, зискалемъ: 8 absolutos, 8 gelatinos и по онихъ, на кштатъ казанія на страсти короткого, діалектомъ латинскимъ компоновалемъ. У лазнѣ милемъся.

25. Четверъ страстній, Благовѣщеніе. Отправленъ Демко Пиндюренко въ Глуховъ и черезъ него: 1) послано сукна господару, 2) а писано къ нему, чтобъ онъ взялъ къ себѣ грошей 12 зол., Вовдѣ далъ 10 зол. а сукно мѣсть прислатись, а ключнику за все 20 зол. да 3) бутылки послани къ ему, которіе велено поросплѣтовать знову Сварковскому, а вновь плести лутше, и нѣмецкая одна для образца послана; 4) да черезъ его жъ Діомка, послана лилѣя бѣлая и прочіе и велено ему тое все посадить въ Сварковѣ. А листъ пунктами написанъ, пунтовъ въ немъ болшь 10. Составилемъ перемѣни, зъ якихъ бы дѣлать всякую амплѣфикацію и оніе въ книгу уписалемъ, которихъ числомъ 29. Родитель зъ Бубновъ, где коммунаковался, повернулся въ Роменъ. Якову далемъ кунтишь свой старій, легкій, мастю рудий. Демянъ на допросѣ давнемъ подписался. Указъ зъ колегіи, на імя мое написанній, врученъ мнѣ, о томъ, что дубенского полку два чловѣка, гусаръ и другій роменскій чили глинскій, освобождени зъ подъ караулу, по указу ея величества, а ихъ бы пустить тутъ, взявъ поруки по формѣ, которую прислаѣно при томъ же указѣ сюда. Федоръ Ивановичъ Протасіевъ у С.П.Бурсѣ померъ, по причастіи, якъ сѣлъ книгу честь и будто кинуло его заразъ и духъ вонъ.

26. Пятокъ. Слово о страданіяхъ Христовихъ слагалемъ Родитель на око лѣвое заболѣлъ, которое начало вкрати. Гаврило

приехалъ зъ Нѣжина, а привезлъ соку лимоніового бѣлого и чорного по барилцю, тютюну 8 окъ, имбричокъ малий, соломоняку и цѣни, и на тое розійшлося грошей даннихъ ему 60 зол. и 7 зол его собственнихъ. Онъ же привезлъ писма отвѣтніе отъ п. полковниковой нѣжинской и п. Якова швакгра, поехавшого въ Чернѣговъ.

27. Субота велик. Слово вчора компонованое докончилось. Коммунѣовался. Алексѣви кунтишь темнозелений, а Гаврилови кафанъ старій, штофовій далемъ. Тарасъ повернулся зъ Лубенъ и привюзь лѣкарства зъ аптеки, 6 штукъ, и за оніе належить въ аптеку заплатитъ 3 рублѣ и копѣекъ 93. Зъ Глухова прибѣгъ коберникъ зъ писмами Бяловского и господара, въ которыхъ объявляетъ, чтобъ прислано зъ дому родительского денегъ въ коллегію 500 р., будто неслухне забратихъ Завратинскимъ, Леонтіемъ и Занковскимъ, за що и взятъ бувъ за караулъ господаръ, але на поруки отпущенъ. Грошей на всякіе росходи Вѣжвскому далемъ 40 зол., да лихихъ придалъ къ тимъ Мартинъ болшъ 10 зол. Пилипови далемъ грошей 2 зол. а бондарямъ, робившимъ барила. чтиромъ, по золотому. Въ Сорочинцѣ посланній козакъ повернулся зъ отвѣтами къ прокурору и мяѣ отъ полковниченковъ миргородскихъ до родительки и пана Михайла Скоропадского, отъ п. полковниковой миргородской, до его жъ отъ невѣсти его. Караулъ знятъ зъ двора Полуботкового.

28. Неделя. Воскресеніе. Зъ поздравленіемъ къ родителю и ко мяѣ приходили панове старшина полковая. Обѣдалисмо и домашніи всѣ, сожители честнѣйшіи, въ столу сидѣли.

29. Понеделокъ свѣт. Духовенство и старшина здешняя и всѣ значковіе, и мѣщане кушали у насъ и подпїяхомъ. Нестеровичъ у мене просидѣлъ до вечерни, а по вечерни уснулъ. Отъ п. Минѣцкого получилиемъ листъ зъ поздравленіемъ.

30. Вовторокъ свѣт. Заборовскій Федоръ, зъ своею сожительницею, приехалъ сюда зъ повѣншованиемъ. Отъ п. Андрея швакгра писмо принесенно, въ которомъ о своемъ приездѣ сюда, на фоминой неделѣ мѣючомъ быти, и о протчемъ повоженню своемъ, въ переездѣ своемъ черезъ Глуховъ и въ Чернѣговѣ, объявляетъ. Во-

нѣтовалемъ тяжко, но укрѣпился при вечера, когда отецъ Юсѣ(ѣ) прїехалъ.

31. Середа. Прапорщикъ Волжинъ, ездившій по сотняхъ за присягами, повернулся въ Роменъ. Леонтій економъ отправленъ въ Глуховъ въ интересѣхъ родительскомъ, что 500 р. коллегія доправляетъ прежде собранныхъ, по указу сенатскому съ 1723 году, черезъ Володковского принесенному на родителя. Черезъ его писалемъ до ясновелможной, п. судиной енер. и п. Михайла Скороп. и листи зъ Сорочинець къ нему присланніе послалемъ. Гаврило посланъ въ Чернѣговъ, которому на дорогу 2 зол. дано, а черезъ него послани писма до старой тещи и до швакгровъ и вина 4, а водки 3 бутылки. Орановскій поехалъ въ Коровинцѣ и черезъ его до п. Андрѣевой швакгровой посланъ листъ и водки бутылка и вина 2 бутылки. Кобернику киндякъ данъ и полуштамету на верхъ и грошей коцу. Онъ же отправленъ въ Глуховъ и зъ нимъ кущовъ сливъ и черешень 36 и рузокъ на щепи 46 рознихъ, и листъ до господара о рознихъ интересахъ. Глинекіе гостѣ прїѣхали и зъ нами были на Монастирищу; важилися и заважилямъ въ сукманахъ, вунтушѣ легкомъ, 5 камень и 3 фунт.

Априль 1 четверъ. Началь составлять о Воскресеніи Христовомъ повѣсть отъ евангелистовъ разныхъ текстовъ. Зъ коллегіи салдаты зъ указами прїехалъ о продажѣ хлѣба зборного. У п. асаула обѣдалисмо и подпїяхомъ, и зъ Савѣцкимъ въ бесѣдѣхъ прикрой.

2. Пятница. Сенецкого сотника допрашовали, что онъ пап-порту себѣ данного, не показиваль. Корсунъ, хоружій, прїехалъ и зъ привѣтомъ бувъ у мене. До отца ігумена мгарского отвѣтное поздоровленне послалемъ. Демко Пиндюренко прїехалъ зъ Глухова и 3 лошаць пригналь, и листъ отъ господара вручилъ, въ якомъ пишеть, что въ ліодъ поставилъ 18 бочокъ пива и меду 2 бочки. На Демянкови казалемъ доправить доводячіеся гроши, болшъ 20 р., опрочъ тютюннихъ, якихъ всѣхъ будетъ около 7 р.

3. Субота. Плетюнчиха прїехала зъ Сухоносовки и привезла зъ собою полотна 3 сувои да плахоть 4, и объявляла, что 40 коровъ дойнихъ у футорѣ. Яковъ отобраль у Демянца облѣкъ на

24 р. и сказку о тютюнѣ. Яковъ поехалъ въ Смѣлое жениться на дочцѣ Кгресевой Микитицѣ, за котрымъ до отца Самсона, городничого, писалемъ. За лѣкарства въ аптеку казалемъ Тарасови дать грошей 3 р. и 93 копѣйки; ему жъ ехать въ Сухоносовку, Кривую Руду и Перервинцѣ казалемъ и до управления нѣскольконадцать пунктовъ въ наказѣ далемъ. Прапорщикъ Волжинъ обѣдалъ у насъ и отехалъ въ Глуховъ, которому за интересъ высокій, за котрымъ ездилъ, въ честь лошадь родитель подарилъ. Обозній Шаргородскій и протчіе попріездили. Атаманъ Калиновскій при Данилу Савуску и Остапу Бондарусю пришовши, подалъ мнѣ суцлѣку—вовся своего сына отдаючи мнѣ карлика.

4. Неделя. Лубенскій атаманъ бувъ у мене зъ привѣтомъ и протчіе. Обѣдали старшина у насъ вся, и подціяхомъ. Тарасу всѣхъ грошей далемъ 50 зол. да два рублівика сцѣлнихъ и габи 2 штучки, манталѣрамъ по габѣ и по 5 зол. Да съ сихъ же грошей заплатитъ въ аптеку, да еще, на що потребно будетъ, старостѣ Сухоносовскому.

5. Понеделокъ. Каретку господара Яснопольского, черезъ Демка Пиндюренка, послалемъ въ Глуховъ и листъ къ ему жъ писанный. Черезъ его жъ и до господара писалемъ о разнихъ пунктахъ да при томъ же и новій указъ ему выписалемъ, чтобъ онъ понеделно мене о пунктахъ, даннихъ ему въ наказѣ, репортовалъ, якіе исполнени и якіе ни, и чего ради. Старшина обѣдали приватно, всѣ zde. Старшина чорнуская писали до родителя о Янковскомъ, что онъ бранилъ матерно родителя и мене, и въ томъ приговорили старшина наказаніе учинитъ по артикуламъ. Ездилемъ зъ братомъ п. Семеновъ на Засудле и зайцѣ травили. П. Павлова лохвицкая приехала зъ Лохвицѣ. Зъ Кіева отъ братовъ и Кивачицкого получилиемъ писма повѣншователніе настоящего праздника. Хлопецъ родительскій Андрѣецъ признался у столу, что грошей 7 зол. винялъ зъ скринки родительской потаемнимъ способомъ. Зъ колегіи салдаты присланъ въ полкъ лубенскій доправить на родителя, въ колегію, денегъ 300 рублей и щось еще, будто отобраннихъ у зборщикова и за 240 пуд. тютюну.

6. Вовтор. Дяѣстрови казалежь дати и дано рубля. Обѣдалисмо у сотника наказного Савуска и передъ вечеромъ розійшлись. П. Павлова у насъ ночовала. Зъ Сумъ отъ п. Андрѣевой писма отвѣтвіе и отъ п. Антоновой поприходили, зъ подякованнемъ за обсылку.

6. Середа. Схимникъ зъ монастыра Рихловского пріехалъ милостини ради и обѣдалъ у насъ. Скосиръ, атаманъ чигириндубровскій, на своего сотника ускаржался и доносилъ о 4 селахъ называющихся Кагамликахъ, имъ сотникомъ владѣвшихъ, и 6000 зол. ратушнихъ, въ его дому незнать где дѣвшихся. Леонтій зъ Глухова писалъ до родителя о интересѣ, за которимъ посланъ, ознаймучи, что початокъ добрій, и что стрѣтилъ прокурора и п. Михайла Скоропадского, поехавшихъ въ Сорочинцѣ, на веселле ему, п. Михайлу, зъ Параскевіею, дочерію п. полковника миргородского, мѣющее чинитися. Отъ сотника вепрецкого и Баясного принесенъ листъ, въ якомъ объявляетъ, что они въ Хороль пріехали розискивать въ заводѣ хоролціовъ зъ футорянами нашими и чтобъ туда, на розискъ, въ присутствіе отекуду родитель отъ себе кого послалъ, до которихъ отписано, чтобъ имъ въ Лубнѣ зехать и тутъ дѣлать тотъ розискъ надлежащимъ порядкомъ. Отъ брата п. Андрѣя слуга пріехалъ зъ листами къ родителямъ и ко мнѣ, въ якимъ листѣ пишеть, что господинъ бригадиръ за отосланніе собаки къ нему, благодаренъ и писалъ о томъ листъ зъ подякованнемъ. Родитель ездилъ на Засулле до пасѣки, а у мене по вечернѣ старшина были и просидѣли нѣкоторое время. Присланъ указъ зъ вой. енер. канцеляріи до родителя, предлагающей, жебы присланна была зъ полку лубенского вѣдомость — въ поготовости козаки въ Гилянѣ обрѣтаются ли.

8. Четверъ. Ездилемъ у насѣку засулкую, где и своей пчолы видѣлемъ 27. У лавнѣ былемъ, а родители ездилы за Сулу и забавились допозна Роману молодику отъ службы отказалемъ. Да татаринъ, при дворѣ тутъ бывшій, поехалъ зъ схимникомъ въ Рихловскій монастырь зъ такимъ объявленіемъ и намѣреніемъ тожь ему бытъ тамъ монахомъ.

9. Пятокъ. Пасѣчника хмѣловского уговорили до моеи пасѣки за 6 коць и святу. Столповскій приходилъ просить на зав-

третій день къ себѣ на веселле. Зъ Глухова листи принесени до родителя о томъ, что непремѣнно требуютъ зъ колегіи въ оную заплатить близко 500 р. Гавридо приехалъ зъ Чернѣгова зъ листами отъ швакгровъ и ланцужокъ у 40 червонихъ нашъ, въ арештѣ бывшій, привезлъ, и объявилъ, что караулъ зъ двора Черниговского (т. е. Полуботка) знять у субботу страстную, прошедшого марта 27. Табулу составилемъ коней ежджалихъ.

10. Субота. Скарга отъ п. Нестеровича показала на Архипа Леска кухара, и Дениса шинкара, что они нѣякуюсь женщину били жестоко, которіе за то посажени теперь въ турму. Обѣдалисмо у отца протопопи Савѣцкого, где веселле Столповского началось. Отъ господара Василя принесенъ листъ подь датю 8 апр., въ якомъ ознаймуеть, что отъ тютюника калюжновского отобраль тютюву и зложилъ подь шопію папушъ 12939, а въ нихъ ваги будто каменей 285, а выходитъ въ камень по рахубѣ 460 папушъ и 171 папушъ лишніе. Да въ томъ же листѣ и допросъ Юрченка выразилъ, что Демянъ продалъ горѣлки 20 вѣдерокъ, оковитой, у Сулаку по 4 р., якая тамъ тогда продавалась по полъ 6 р.

11. Неделя. Нижникъ Василь, приехавши зъ Сухоносовки и Чернухъ, сказовалъ, что атаманъ чорнускій у Каната въ селѣ Сухоносовцѣ сторговалъ на мене садъ его за 60 зол. Онъ же говорилъ, что старостиха бившая лучанская Гарпина Опанасиха прошлой суботи 3 апр., зъ допущенія Божого, учинилась бѣсноватою. На веселлю Столповского былисмо, которій понялъ въ малженство себѣ дочь небожчика Григорія Манжоса.

12. Понеделокъ. Лѣкарство *pulverem purgantem mij* и *gran* нѣсколко принялемъ и доволную ляскацію имѣлемъ. Отъ атамана чорнуского Звѣраки писмо принесено, черезъ козака тамошнего Григорія Николаева Лисянского, въ которомъ сбъявляетъ, что сторговалъ у Каната садъ намъ за 60 зол. Пересмотрувалемъ книгъ которихъ въ дорогу избралемъ числомъ 50, а имъ реестрикъ составленъ есть. П. Демянова журавская ¹⁾ приехала. Архипъ, шинкаръ

¹⁾ Жена Демяна Якубовича, жившаго въ м. Журавкѣ.

Денись и Леско кухарь наказани кїями за свою предерзость. Пасѣчника другого уговорили за тую жь цену, 6 копь и свиту, и задатку дали копу.

13. Вовтор. Кровь зъ головной жили правой руки пустилемъ. Черезъ того жь чорнуского козака до Звѣраки отписалемъ, жеби на садъ тотъ купчую прислалъ мнѣ, а на задатокъ послалемъ къ нему 20 зол., а 30—жеби староста сухоносевскій доплатилъ. Орановскій по справкѣ зъ Денисомъ, шинкаремъ тутейшимъ роменскимъ, росписку ему далъ и отъ его таковую жь взялъ, что онъ виноватъ мнѣ еще zostаетъ 296 зол. и шостаеъ, опрочъ двоухъ варовъ пива теперь ему пущеннихъ у 60 зол.

14. Середа. Родитель поехалъ на футорѣ для осмотра господарства. Орановскій по справкѣ зъ Ілкомъ Важниченкомъ показалъ тое, что онъ взялъ грошей на покупку тютюну и табаки, рознимъ часомъ, 509, а отвернувши 15 зол., вагового, еще на ему остаетя грошей 19 зол., а тютюну куплено каменей, „—“, а табаки каменей „—“. Орановскому даровалемъ пару коней бѣлихъ, которими бивало онъ ездить. Взялемъ у самой грошей еще 50 зол., въ дорогу. Дрикганта бѣлого оставилемъ оъ Ромнѣ, чтобы билъ схолощанъ. Родителка образокъ Хреста Господняго и Пресвятой Богородици даровала мнѣ. Передъ нечоромъ виехалемъ зъ Ромна къ Глухову, а пошло со мною коней 12. Приехалемъ у Смѣлее позно, и билемъ въ господѣ Якова Дуброви, которій теперь понялъ себѣ за жену вдову доб.(родїя?) Григорїя Кгресея. Извѣстилемся, что вчорайшого дня переехалъ прокуроръ и п. Скоропадскій зъ своею женою черезъ Смѣлее. Въ Ромнѣ еще отправилемъ до п. Семена 3 прошки *purgantum sudorifenum et cordialem albam*, зъ информацѣю, якъ ихъ заживать, а въ Ромнѣ оставилемъ два родителцѣ *purgan. et cord. alb.* Тресцѣ зась, на кольку хоруючому, сставилемъ *spermaseti*. Зъ Ромна едучи, близъ Процювки зъ отцемъ Савѣцкимъ застановилемся и дещо розговорувалося.

15. Четверъ. Дощъ, якъ началъ зъ ночи ити, то до полудня ишолъ хорошій. Стрелцямъ тромъ наготовитись въ дорогу, а не чтиромъ, казалемъ Якову. Поехалемъ зъ Смѣлого и приехалемъ

ryszpolskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpolskiego, woytem Jacutą Tereszkowiczem woytem Baryszpolskim j burmistrami zesłanemi do domu nieboszczyka Jarmoly dla rozdziału majątności pozostałej po niem iż synem jego Harasymem a pasynkiem jego j żony, tamże stał się ugoda y rozdział po dobry woli według testamentu nieboszczykowskiego, żonie moiej Iewchymce Iarmolynicy wołow 4, korow dwie, owiec dziesięcioro, konj troie, zbożia, co u gumnie żyta stogow dwa, owsa stog ieden; a co na zime zasiwek iest, to mają zebrawszy po połowicy podzielic mają; j polia co iest męża iey pierwszego rozrobku, przy nij ma zostac, aż do smierci, iako swego własnego, wolno iey przedac darowac komu iey dobra wolia, do ktorego polia syn iego Harasym, ani opiekun jego Iewdak żadny mocy j pozywac o to niema wiecznemi czasy. A co się tyczy domu, w którym mieszkać ma żona iego Iarmolina do smierci, ogrodow j sadu, ma używac; a po smierci ma tę dom zostac przy synu jego Harasymu, jako przy oyczyczu, niewolno iey przedac. A co iesliby syn nieboszczykowski Harasym, tak y opiekun jego Iewdak miał oney Jarmolynie iake trudności czynic albo sromocie j na dom nachodzić, tedy z nich oboch któryby się tego ważył zaręky kop dwadziescia ma zapłacić na pana woiewodę, a na pana woyta kop 3. O co prosila Jarmolina urzędu zamkowego j miejskiego, aby ta ich dobrowolna ugoda była do x(iąg) mejskich była zapisana, co iest zapisano j przyjęto wiecznemi czasy.

50.

Второй раздѣль имущества между второбрачною женой Ярмолы и ея пасынкомъ.

Anno d(ei) 1640, marca 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j meyskjm, a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkewiczem namiesnikiem Baryszpolskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpolskiego j Baryszewskiego starosty j woytem Jacutą Tereszkowiczem Barysz-

połskim j burmistrami zesłanemi do domu niebożczyka Jarmoły, dla rozdziału majątności pozostałej po niem, j z maczochą swą a pasynkiem iey Harasymem, synem niebożczyka Jarmoły, i tamże stała się ugoda dobrowolna z obu stron według testamentu niebożczykowskiego, naprzod synowi memu Harasymu klacza iz łoszakiem wrona j łoszak, wołow 4, krow dwie, mołodykow dwa, ozymkow dwa y byczek trzeci, owiec dziesięcioro, żyta stogow dwa a owsa stog, a zasiwek na zimie po połowicy jz maczochą mają podzielić; a co iest pola oycia iego rozrobku to synowi memu, a ij polie przy niey ma zostac; a gdy wynidzie z opieki od swego strzyia Iewdaka co z nim pobrał do siebie z reiestru, jako opiekun oddac od mała y do wielia, towar y owce, fanty y co wymłoci zbożie, co zostanie. okrom tego, iesliby zwir j ziadł, albo zdechło, o co prosili, aby to było do x(iąg) zapisano wiecznemi czasy, dom ze wszystkjm posmierci maczochy iego Jarmoliney jako się ma z grodem iz sadem j co iest do niego ma przy tym zostac iako oyczyczu własnym, a maczocha jego Jarmolina żadney sprawy do swego pasynka y do Iewdaka nie miec j pozywac do żadnego prawa, ani się sromocic pod zaręką kop 20 lit. na pana woiewode. Co iest zapisano wiecznemi czasy, co iest zapisano.

51.

Раздѣль имущества между второбрачною женою Ивана Туцкаго Федорой и пасыномъ ея Радкомъ.

1640, месеца марта 20 дня.

Перед нами врядом мѣским, передо мною Яцутюю Терешковичом войтом Барышполским и бурмистрами зополною лавою в ратушу засѣлыми, ставши очевисто жона небожчика Ивана Туцкаго, Федора ис на(сы)нком своим Радком, сыном Туцкаго мужа ее, сами доброволне признали ку запису до книг в тые слова: иж мы, пане вряде, погодилисмо ся з (о)бох рукъ межи собою, што ся zostало убозства по небожчику мужу моем Ивану; наперед мнѣ, жонѣ его

зосталося, кляча и вол, бычок третяк, овец двое, свиной двое, поля половицу, сад, ведлуг шацунку людей добрых Ярмака и Степана, которые нас погодили з обох рукъ поприятелску; сплатил минѣ пасинокъ Радко пол осма копы грошей литовских, а Радкови сынови ого, а пасинку моему зосталося конь и вол, овецъ двое, свиня одна, поля половица. И признаваемо обоа сторона же юж я сама, анѣ приятели мои жадний близкий и далекий до того Радка пасинка своего жадное потребы вѣчными часы не буду мѣти и позывати до жадного права, также и пасинок мой жадное справы до мене не мае мѣти, также и позывати под зарукою на врьд з обох сторонъ три копы грошей мае заплатити. Якож и просили обѣ сторонѣ, абы тая их угода была до книг записа(на), што ест записано вѣчными часы.

52.

Надѣленіе имуществомъ приемыша Игната.

Anno D(ei) 1640. decembra dnia 12.

Przed nami urzędem miejskim stanąwszy oczewisto, Werną woytem y burmistrami Baryszpolskiemi na imie Kyryk Andryszkowicz jz Ihnatem, ktory był u nich od zrostu lat zmała, tedy co na tego Ihnata przychodziło od matki moiey przez te lata dosyc onemu się stało, napirwy owiec pięcoro, swiny dwoie, znowu podswinka, woła, pszenicy połmirky, żyта połторы osmaczky, żyта kop dwie, prosa połosmaczky, hreczky połosmaczky, owsa miech nabral na nasienie niewim co było. A tedy teraz ten Ihnat po tym rozdziele z Kyrykiem żadnego prawa Ihnat niema popirac ani go pozywac wiecznemi czasy; że sie onemu dosyc stało pod zareką kop 3 na zamek, a na woyta kopa, iesliby Ihnat miał turbowac Kyryka. O co prosili obie stronie aby to było, to ich dobrowolne zeznanie do x(iąg) zapisano, co iest zapisano wiecznie.

53.

Бориспольскій мѣщанинъ Гаврило Рудый продалъ хуторъ Алексѣю, зятю Збуца.

Anno D(ei) 1641, 10 brys 17.

Przedemną Werną woylem j burmistrami w ratuszu, stanąwszy oczewisto Hawryło Rudy mieszczanin nasz Baryszpolsky zeznał dobrowolnie; iż sprzedał dom swoy własny na futore podlie Lewczychy Krywoy Oleksiowi zięciowi Zbucowemu za kop trzy lytewskjch wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego y potomkow swych y przyiaciół wiecznemi czasy. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano j przyjęto.

54.

Выдѣлъ имущества свекровью вдовѣ сына Ульянѣ Кульбаченковой

Die 24 maj, anno 1642.

Stawszy oczewisto Uliana Kulbaczenka iasnie, iawnie y dobrovolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznała tymi słowy, że po smierci niebożczyka męża swego na imie Demiana Nesenenka wzięła od matki iego kłacę wroną z łoszem, wołow dwa gniadego y siadego, krowę gniadą z cielēm y nazemka letosznego, owiec pięcioro, swiny dwoie, paszni wszelakiey młocony y niemłocony trzecią część, pola do wzrostu dzieci trzecią część, co ony Ulianie Kulbaczance od matki niebożczykowskiey we wszystkim dosyc sie stało, do ktory wiecznymi czasy sama ona y żaden z powinych iey sprawy miec nie mają y nie będą powinni. Co dla lepszey wiary do xiąg jest zapisano.

55.

Постановленіе о пыткѣ вора Сергѣя Ивановича, укравшаго разныя вещи у Евсѣя Даниленка и Павла Хромаго.

Die 8 augusti, anno 1643.

Przedemną Mikołajem Matiszkiewiczem na ten czas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od iego mosci pana **Bartłomieia Iarun-**

towskiego, starosty Baryspolskiego y Bariszowskiego, y przy mnie siedzącym woytu Wernie Serhieienke z burmistrzami jednostaynie zasiadłymi Iwanie Szulżenku, Tereszku Krokuszenku, Pawłu Hryszczenku, Misku Kramarcu y Wasku Bezborodku, w ratuszu Bariszpolskim stawszy oczewisto Iewsiey Danilenko uskarżał się y żalosne czynił opowiadanie na Serhieia Iwanowicza tymi słowy: że, panie urządzie, czasu niedawnego mianowicie we czwartek, bylismy na żniwach, gdzie ten Serhiey ulazszy w chiże z bodni ukradł płacht cztery, płotna lnianego łocki dwadziescia lantuch y wor; także y Paweł Chromy na tegoż sie Serhieia uskarżał, że on ukradł płacht dwie y zwoiew dwa płotna, pas y swite ktory stawszy sam dobrowolnie, nim na questią był dany, przyznał, że onego to iest sprawą y do tychże rzeczy przyznał. My tedy urząd wysłuchawszy obudwu stron tak powodowey, iako y obwinioney a zabiegaiąc większemu swawolenstwu y złości iczynieniu, przychilaiąc sie do prawa pospolitego surowo artykułem na takich opisanego tymi słowy: „Iawne złodzieystwo, gdy złodziei na złodzieystwie, albo na onym mieystcu, gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc.; tajemne, gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai, albo gdy za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało“. Iawne złodzieie wedle prawa cessarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzionych czworako, tajemni-dwoiako, a iesliby nie miał czym nagrodzić, tedy go zaprzędawano; ale wedle prawa saskiego maideburskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym decretem naszym, żeby był na questią wzięty, do lepszego sie znania owych rzeczy; a potym żeby według zasługi zapłatę odniósł.

56.

Палажка Гордѣва Зачениха отдаетъ свой домъ Ивану Чорнышу за долгъ въ 19 злотыхъ.

Die 18 januarii, anno 1644.

Pałażka Hordieiewa, żona Zaczepina, będąc chorą przyznała, że Iwanowi Czarnyszewi za dwie czetwertinie winna złotych dzie-

więtnascie, w którym długi dom swoy ze wszystkim Czarnyszewi podae wiecznymi czasy, oddalając samą siebie, męża, potomkow po-
winyh y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Czornysz ma uży-
wac y wolno mu dac, darowac, przedac y iako chcec obracac, iako
swoie własne. Przyczym był Iwan Szulżenko, Paweł Hriszczenko,
Misko Piasoczynsky.

57.

Прожейчиха продала двѣ нивы Павлу, зятю Оксамитнаго.

Die 23 junii, anno 1644.

Stawszy oczewisto Kondraticha Prożeiczycha jasnie, jawnie y
dobrowolnie ku zapisanju do xiąg niniejszych zeznała tymi slowy:
że sprzedała niw dwie swoich własnych nikomu, ni w czym, nie
pennyh y nie zawiedzionych, leżącą podla niwy Szyckiego a drugą
podla niwy Iwano(wy) Przyimy, Pawłowi Oxamitowemu zięciu za
złt połiedynasta wiecznymi czasy, oddalając samą siebie, potomkow
y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Paweł ma używac y wolno
mu dac, darowac, przedac y iako chcec obracac, iako swymi
własnymi.

58.

Панъ Силвестръ Высоцкій продалъ свою клуню священнику
Нивольской церкви Корнилию.

Року 1644, месеца октябра дня 4.

На врадѣ нашем мѣскомъ в ратушу Барышпольском, передо-
мною Харкомъ Курандою, войтом Барышполским, и при мнѣ заедно
засѣлими бурьмистрами Мыскомъ Ходорковъскимъ и Савъкою За-
харченъкомъ и Грыцькомъ Малышенъкомъ, Иваном Тимошенъкомъ,
становшы очевисто на врадѣ панъ Сельвейстеръ Высоцкій, ижъ
продалъ клуню свою отцу Корнилию священнику Никольскому на

вѣчност за золотих десять; тоди обидвѣ особы просили нас уряду нашего абы то было для лѣпшого вѣри записано до книгъ мѣских, що теж ест записано року и дня выпменованого.

59.

Священникъ Корнилій продалъ свой дворъ съ огородомъ пану Яцку Терещенку.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашем мѣйском в ратушу Барышполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Барышполскимъ и при мнѣ засѣлими бурмистрами Миском Ходорковскимъ, и Савъкою Захарченкомъ, и Грицкомъ Малышенком, и Иваномъ Тимошенкомъ, становше очевисто на врадѣ нашем отецъ Корнилий священникъ святаго отца Миколая, ижъ продал дворъ свой з огородомъ об межу Пархома и об межу резника Никити, за копъ дванадцат лѣтчы литовьской пану Яцку Терещенку на вѣчност ему и жонѣ его и потомкомъ. Теды просили нас уряду нашего абы то было записано до книгъ мѣскихъ, що теды записано року и дня выпменованого.

60.

Цехмистръ рѣзницкій Игнатъ жалуется на свата своего Якима Никоненка за то, что послѣдній переманилъ его сына, а своего зятя въ себѣ на жительство.

Року 1644, месеца октября дня 23.

На врадѣ мѣйском в ратушу Барышполском передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Барышполскимъ и при мнѣ заедно засѣлыми бурмистрами Савъкою Захарченкомъ и Мискомъ Ходорковскимъ и Грицкомъ Малышенком, становши очевисто панъ Игнатъ, цехмистръ резницкій, прекладал скаргу пред нами на свата своего Якима Никоненка в той материи, же тот поменонный Никоненко сына

вышменованого цехмистра отмовил былъ на мешкане до себе без вѣ-
помости отцевъской, о чомъ была мова о вѣмъ томъ на врадѣ на-
шом. Теды помененый Игнат просил нас у раду нашего, абы була
зарука заложена межи нимъ и сином его, абы не мешкаль у тестя
помененый сынъ Игнатынъ, що еслибы ся важилы а его на мешканя
мѣлы бы приняты, закладаем на них вини на пана полковъника зо-
лотыхъ сто а до ратуша коць десят. Дѣялося въ ратушу року
и дня вышменованого.

61.

Приговоръ по жалобѣ Гаврила Глищенца изъ Иванькова на
Процика Шващенка за кражу 6-ти овецъ изъ хлѣва.

Die 25 februarij, anno 1645.

Przedemną Nikiforem Bukatą na tenczas będącym namiesni-
kiem Baryszpolskim od jego mosci pana **Bartłomieia Iaruntowskiego**,
starosty Baryszpolskiego y Bariszowskiego, y przymnie siedzącym
wrzędz mieyskim Jacute Tereszkwiczu z burmistrami w ratuszu Ba-
riszpolskim iednostaynie zasiadłymi z Steckiem cieslą, Waskem Be-
lihowcem, Fedorem piwowarem, Hrickiem Linnikiem, Sidorem Bez-
borodkiem, Pawłem Mołoczaiem y Stefanem Homonem, postanowiw-
szy sie oczęwisto, Hawryło Gliszenko z Iwankowa¹⁾ uskarżał sie y
żałosne czynił opowiadanie na Procika Szwaczzenka tymi słowy:
że, panie urzędzie, tij iesieni przeszłej poiechałem do Hłybokiego
na wesele do Hołubniczego, ten Procik Szwaczzenko przepomniaw-
szy boiazni Bożey y niemiłosierdny sąd iego, smiał y ważył sie
z obory moiey owiec szescioro ukrasć. Kazalismy tedy onemu wysz-
rzczoneму Procikowi przed urząd nasz stanąc, który oblicznie do-
browolnie sam przyznał tymi słowy: ze panie wrzędzie, wstałem po-
ranu y chciałem iechac do Woronkowa dla kupienia kadłuba na
kapuste, obacze w swym domu szescioro owiec, ktore zaiąwszy ode-
gnąłem do Wornkowa y sprzedałem rzeznikowi, nie wiem na imie

¹⁾ Иваньковъ—селеніе переяслав у. бориспольской вол.

iak go zwano za złotych osm. Gdy tedy urząd wysłuchawszy obu-
dwuch stron, tak powodowey, iako y obwinioney, a dobrze to w
siebie uważywszy zabiegając, aby się taka złość nie mnożyła y nie
szczyła, przychilając do prawa pospolitego artykułem surowo na
takich opisanego temi słowy: „złodzieystwo iest dwoiakie: jawne y
tajemne; iawne, gdy złodziey na złodzieystwie, albo na onym miejscu
gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy
etc.; tajemne, gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani
na onym miejscu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai albo
za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało“; iawni złodzieie
wedle prawa cesarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukra-
dzoney czworako, tajemni--dwoiako, tez wedle prawa Bożego w
starym zakonie nagrodzeniem rzeczy kradzoney dwoiako, pięscio-
rako y siedmiorako. A iesliby niemiał czym nagrodzić, tedy go
zaprzędawano. Ale wedle prawa saskiego maydeborskiego złodziey
ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy niniejszym dekretem naszym
żeby według zasługi swey, zapłatę odniósł.

62.

Приговоръ надъ Иваномъ Шенелемъ за кражу разныхъ вещей
изъ коморы Миска Куряленка.

Die 18 decembris, anno 1645.

Przytoczyła się sprawa w miescie Baryszpolu o wykradzenie ko-
mory w miescie Miskowy Kurylenkowy, gdzie czyniąc kweres y
szukanie tych pokradzionych rzeczy, znaleźli u Iwana Szepela skury
barannie, s których słusznego dowodu żadnego nie dał y siedząc w
więzieniu przefałki na gromade czynił paleniem domow y inszymi
różnymi przefałkami; a tak siła szkod gromadzie. Dla czego za(po)-
biegając gromada takiemu swawolenstwu szkod czynieniu, y Bogu
brzydkiemu uczynkowi, nakazali dekretem, żeby ten Iwan Szepel
był na kwestią wzięty, a potym ażeby zapłatę według zasługi od-
niósł, ponieważ już do kilka razy przeswiedzony.

63.

Яцко, Демковъ братъ, заявляєть, что онъ получилъ обратно приданое, данное за дочерью Приською при выходѣ ея въ замужество за умершаго Хальченка.

Die 20 maij, anno 1647.

Stawszy oczewisto Iacko, Demkow brat, jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisania do xiąg niniejszych zeznał tymi słowy, że co był dał córce swojej Prośce za syna Chalkowa, tedy znowu to nazad odebrał od bratow niebożczyka Iowa Chalczenka, to iest krowę z nazimkiem y woła, owiec szescioro, swiny dwoie, ktorych wiecznymi czasy wolnymi czyni, nie zostawiając żadnego prawa sobie y pokrewnym swoim; co dla lepszey pamięci iest do xiąg zapisano.

64.

Тимошъ Саченко продалъ свою ниву Ивашку Товстолону.

Die 8 julij, annu 1648.

Stawszy oczewisto Timosz Saczenko iasnie, iawnie y dobrowolne ku zapisaniu do xiąg niniejszych zeznał tymi słowy: żem, powiada, przedał niwę własną, nikomu niczym nie penna y nie zawiedziona, leżącą podla niwy Artema Durnieja, Iwaszkowi Towstolopowi za złotych dziewiec y groszy połosma wiecznymi czasy, ma używac ten Iwaszko, wolno mu ią dac komu chceic, predac y gdzie-kolwiek obrocic, iako swoią. Co dla lepszey pamięci iest do xiąg ratusza Bariszpolskiego zapisano.

65.

Петръ, Сухваловъ зять, продалъ дворъ и поле Ивану Колаченку.

Roku 1649, miesiąca marta 30 dnia.

Stawszy oczewisto Piotr Suchwalow ziat' przede mną Awierkiem Wierną woylem Baryszpolskim y burmistry Hryckom Liunikom y Ias-

iem y Daniłom Statczenkom, na ymie **Antonem Harasimenkiem** sotnikom woyska iego korol. inci zaporozkiego yz towaristwom swym ¹⁾, yżem przedałem dwor ze wsim budynkiem ys polem, na ulicy Hrytkowey, z odnoy storony stoiaczy Sidora Szyszęka y Kukała Iwana, z drugiey strony stoiaczy na ymie Iwan Kołaczenko; pomieniony ten dwor Piotra Suchwałowa ziatia za kop 5 liczby litowskiey wiecznemi czasy, ni kt tego dwora niema przystempu, okrom tego Iwana Kołaczęka; a ieżeliby w kogo pola więcey tego Piotra poczuł, to y toie pole Iwanu ma byc, y nikto niema turbowac; ktorego dworu y pola zeznałem y zapisałem do xiąg mieskich tuteyszych Baryszpolskich.

66.

Яцько Горбань продалъ свой домъ мѣщанину Сидору Москаленку.

Roku 1650, miesiąca marca 30 dnia.

Przed nami urzędem mieskim Baryszpolskim, przedo mnoiu Ioskom Andrzeiowiczom woytom Baryszpolskim y przy mnie będącymi burmistrami y raicami iednostainie zasiedłymi w ratuszu Baryszpolskim, postanowiwszy się oczewisto Iacko Horban iasnie y dobrowolnie ku zapisaniu do knih mieskich Bariszpolskich przyznał tymi słowy: iż dey przedał iesmi dom swoy własny, nikomu ni w czom nie pennyi y niezawiedziony, leżący na Karpiloku, ydący na Karpilówkę z iedney strony Nikoła szewca, stoiący przeciwko czobotarni Honezara kozaka, dom zo wsim budynkiem Sidorowi Moskalenkowi, mieszczaninowi Baryspolskiemu, za cop cztyrnascie liczby lit., do ktorego domu wyszmianowanego Iacko Horban nie maie mieti żadney potrzeby, ani on sam. ani żona, ani dzieci iego, niema miec potrzeby ani z krewnych żaden iego wiecznymi czasy, tylko ten wyszpomienieny Sidor tot dwor prodati, darowac y iako chcec obracac na pożytek swoy. O co prosili nas wradu mieskaho wyszpomienionego, osobie wyszpomienione; te przyznanie Iackowo do xiąg

¹⁾ Въ первый разъ упоминается въ актахъ сотникъ бориспольскій Антоуъ Герасименко, записанный въ реестръ (стр. 230).

mieskich Baryspolskich, było zapisano; co my widząc rzecz słuszną y oczewistą, przyznanie Iackowo Gorbaniowo kazali do xiąg mieskich Baryspolskich zapisac — co i est zapisano y przyniato.

67.

Гнѣдинскій козакъ Андрей Ващенко и Костюкъ Залозненко подѣлили между собою имущество, оставшееся, послѣ смерти жены Залозненка, а Ващенка свояченицы.

Anno 1651, die 8 februaryi

Stanowszy przede mną Iosifem Andrzejewiczem woytem y przy iednostainie zasielými burmistry Andrzej Waszczęko kozak Hniedinski, woyska jego kr. nosci zaporozkiego y Kostuk Założnęko, że tego Andrzeia wwszianowanego żeny był, za tym Zołożnienkiem siostra rodna; tedy tego Założnęka żona zesła z tego swiata, a po niey zostało się dziecie w pieluszkach; tedy co się zostało po tey sławney pamięci iey niebożczycy, iey przyniesienia, tedy podzielili się Andrzej z Założnękiem od mała do welika, ieden drugiemu dosic uczynili y nie mają ieden drugiemu od tego czasu niakiey przeszkody czynic y turbacyi promiezku sobą podnosic. Co obie strony stanowszy przede nami urzędem mieskim w ratuszu, prosili nas, abyśmy ich ugode, y podział ich, do xiąg mieskich tu-teyszych zapisali — co y zapisali y pryniali. — Działo się w ratuszu naszym Baryspolskim, anno dom et ut supra.

68.

Заявление Фенны Гридицы, что Ярема напрасно обвинялъ ее въ кражѣ пояса, который она купила въ лавкѣ Кіевского жителя Ивана Шевченка.

Anno 1652, miesiąca junia dnia 29.

Stanowszy oczewisto przede mną Iesifem Andrzejowiczem y przy mnie iednostajnie zasiadłymi burmistry Iwanem Dziegciaren-

kiem y Iwanem Mohilnym Fenna Hrycycha, yż będąc o niewinność swoje od Iaremy o poias, że iey złodzieykoiu uczynił, y za ten pas iey turbował, co ona od kogo ten pas mając, nalazła tu w Baryszpolu tego kramarza, toiest Iwana Szewczęka, obywatela Kiiewskiegor tedy co Iarema w niewinnosci iey turbował, tedy za tym przyznaniem wolno prawo iey z nim pociągac y swego dochadzac. Przy tym przyznaniu byli tego Iwana Fedor Siemienowicz, Iwan burmist; Dziegciareko y mieski pisar Iwan Własowicz, ktorym Iwana y towarzystwo przyzano, że Hrycycha toy pas kupiła. Co do rezolucyi większey zapisuie do xiąg mieskich ratusznych.

69.

Обвинение Трясчихи и Пуятыхи въ колдовствѣ (актъ безъ конца).

Anno 1652, miesiąca oktobra 15 dnia.

Przede mną Antonem Harasimękiem sotnikiem y przede mną Sidorem atamanem horodowym woyska jego kr. mci zaporozkiego y przy mnie zasiadłymi wrzędu mieskim, Iiesifa Andrzejewicza woyta y przy nim zasiadłymi burmistry Iwana Dziegciarenka y Klima Wakulenska, stanowszy iednostainie, iako kozaki także y mieszczanie, że panie urządzie, że nam krzywda od tych niebożnych y zapamiętałych boiazni Bożey białogłow, od Traszczychi y Putiatichi wielka krzywda dzieie, że nam pogubili oycow, matek, braci, siostry, dziatki, y samim się nam od nich dostała. Prosimy, aby raczyli waszmosc, według świętey sprawiedliwosci, według ich uczynkow więcei w więzieniu ich nie trzymali, y im według zasługi ich, ym karnosc dali. Przyznanie pierwsze Charkowo Iakubękowe na Owdieychu Traszczychu: Iak szed iednego czasu na targ, na miasto przed świętą Pokrową y z nim yszła Traszczycha, y tak on spytał iey: czy wni miescie do Pokrowy mor? Ona mowiła: nie, y mowiła do niego: wyidź s tego ty konta, gdzie mieszkasz, bo kiedy nie wyidziesz, to wymresz; y na kwestyi będąc, sama tych się slow przy-

znała. Drugie przyznanie Iowsija Onanki: gdy on w gumnie żyto młócił, przyszła do niego Traszczycha, a on żyto do miecha sypał, ona mówiła do niego: Iowsieiu, weź trzy ziarni z miechu żytne precz, tedy w domu twoim nie złego nie stanie, będą żywy; y miedu y wosku, y mąki prosida; mied y wosk wzięła a mąki nie wzięła: nie trzeba nam taki mąki, na tuiu recz nie zhoża. Trzecie przyznanie p. arędarza Kiryła Dawydowicza: Owdieicha mówiła do niego, że, panie arendarzu, wyidzi z miasta precz, na Iwankowskiu ulicu, to będziesz żyw ze wszystką czeladzią; co też y na kwestyi tych słow przyznała się. Gdy było zezłanie urzędowe od p. setnika y od towarzystwa iego, y od pana wojta do niey, do Traszczychi, tedy ona przyznała, ktorych posyłano pred nimi, pred Wasilem Wołoczaiem y pred Pawłem Halasniękiem y przed Matwieiem Szulhoiu dobrowolnie: że, panowie, wezcie wm. Putiatichi, bo ona starszaia nasza iest, że ona dziewkoiu raditea, y w kosach chodit, mołodoiu czynitca, y po dworach chodzi y dwory nadychaie; iak iakii dwor natchnie, to wsi wymrą. Putiaticha, nię będąc na kwestyi, dobrowolnie przyznała, że y Wasilicha popadia, taka, iak ja; y Traszczycha także przyznała, y na winniczkę przyznała, że taka iest y yją Na ostaniu Stepan Traszczychu, że mówiła, że popadiu y Putiatichu y winniczku zgubcie, a nie zgubicie, te gorzei będzie z wami y w ogniu gorząc po dziesięciu raz mówiła, żeby ych aby nie puscili ni iedney....

70.

Раздѣлъ имущества Васька Дяха между сыномъ Сидоромъ, дочерью Хвеською и внукомъ Иваномъ Гаркушей.

Anno 1653, miesiāca januaryi dnia 14.

Iż był podioł przede mną Anto(no)m Harasimekiem setnikiem wojska zaporożkiego y atamanem horodowuш Zdanom Krywochižom ¹⁾,

¹⁾ Жаданъ Кривожижа записанъ въ реестръ Войска Запорожскаго въ бориспольской сотаѣ седьмымъ. См. Реестра, ст. 230.

y przy nas Iesifem Andrzeiewiczom woylem y przy nim iednostainie zasiadlymi burmistry y Iwanu Dziegciareku, podzial niebozyczka Waska Lacha dobrem z synom Isidorem z siestra Fieskoiu Kononichoiu, yz chlopcom Iwanom, slepoi synom; tedy szco bylo polotien, chust bielych, to na try czasti rozdzielili y kazdego czast doszla, co komu przynalezalo, zupan Sidoru, siniy plachtu kazdego doszli, co na kogo przynalezalo, y Harkuszy Iwanu dano na sowiec polotna suwoi, plachta za pracu ych co pochowal tiele hresznoie, bo sam niebozyczk Wasko odkazal toie Sidoru wol rebyi, slepoi synu wol gniadyi, korowa ryzaia; Fesci klacza gnida, Sidoru polowaia, sołowoi wol y малы byczok swinia iemu, Fiesi swini troie, Iwanu Horkuszy swinia, pradiwo na troie y pasznia wsia na troie. Tedy co my byli na podiełu tym, tedy od mala do wiela kazdego doszlo, iako bratu, siestre, chlopce; tedy do tego dobra podzialu, ze niema zaden pokrewnyi, iako blizki, tak y daleki przystempu miec do nich, y miedzy nimi o toie zadeney turbacyi nie maie byc; co kazdemu, ktoremu podzial stanol, to y doszed, a ieden drugiemu niema zadenego slowa mowic o te dobre, co sie dzielili miedzy soba. Co oni s trzech rak prosili, aby ten byl podzial ych do xiag zapisany, co y zapisali my, urzad, dnia wysz (napisanego), anno domini et ut supra.

71.

Пилипъ Кладиноженко ¹⁾ продалъ свой домъ Нечипору Михайленку.

Anno 1653, miesiaca february die 18.

Stanowszy przede mna Iesifem Andrzeiewiczem woylem y przy mnie iednostainie zasiadlymi burmistry, Iwanem Dziegciarekiem, Pilip Kladinozeko, yz przedal dom swoy wlasny, nikomu nie pienny, stojacy na ulicy Hruzdowney, wedle Saczka y Bukaty, Nieczyporu Michaleku za kop piec liczby litew., wolno temu Michaleku ten

¹⁾ Пилипъ Кладиноженко также записанъ въ реестръ. См. стр. 231.

dom przedac, darowac y na cerkiew oddac, y samemu obladać, ani ia Pilip, ani żona moia, ani dzieci, do tego domu nie mają mieć przystępu do tego domu, okrom Niczypora. Co obie stronie stanowszy przed nas, wrząd mieski, prosili, aby do xiağ tey kupli domu zapisali, co iest zapisano y przyniato, anno, die et ut supra.

72.

Павель Тетеря, полковникъ Переяславскій, для покрытія полковыхъ долговъ продалъ хуторъ подъ Борисполемъ (Пустовскій) козаку Хведору Дубровенку.

Року 1653, месеца июня 25 дня.

Передо мною Исифом Андриевичем войтом и при мнѣ единостаине засѣлыми бурмистрами Олексием Литовченком, Митком, Грицком Линником, Лаврином Федоровичом, ставшы очевисто Хведор Дубровенку, козака войска запорозкого, покладал листъ на футур, купленный у пана полковника Переяславского, писанный теми словами: „Вѣдомо чиню тым писанемъ нашим, иж за ознайменем сотника Барышполского Пустовскій футур, бывший Павла Билого в Барышполю. тот теды хутор на поратунокъ долгов полку нашего продалихмо товаришови нашему Хведорови Дубровенку, обывателеви Барышполскому, за готовые грошѣ, за конь пят литовских, з полем, зо всѣми принадлежностями здавна до того хутора належачими, которого без кожного пренатабана и турбаций спокойным держанем своим маєт собѣ того заживати; на што сее писане помененому Хведорови от нас есть даное. Писан в Переяславлѣ, 23 июля, 1653, а подписи руки: Павел Тетера, полковник Переяславский. О што нас уряду просил, абы был принят и в книги вписан; кото(ро)госмы казали вписат.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за все годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по 1 р.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Кивлицкій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

ЮБИЛЕЙНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА НА ВОЛЫНИ.

(ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОЧЕВИДЦА).

Въ половинѣ истекшаго мая Волынь праздновала девяти-сотлѣтній юбилей учрежденія въ ней православной епископіи или, что тоже, окончательнаго утвержденія здѣсь христіанства при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Въ теченіе трехъ дней (10—12 мая) во всѣхъ городахъ и селахъ волынской губ. совершались по этому поводу нарочито-торжественныя церковныя службы, крестные ходы, отправлялись панихиды по древнимъ волынскимъ князьямъ, православнымъ епископамъ и всѣмъ ревнителямъ православія изъ старинныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ волынскихъ, причемъ епархіальнымъ начальствомъ циркулярно было предписано священникамъ „вести въ юбилейные дни собесѣдованія съ прихожанами объ исторіи Волыни и о древнихъ священныхъ ея памятникахъ“. Главное празднество происходило въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, какъ древней столицѣ волынскаго княжества и первоначальной каедрѣ волынскихъ епископовъ. Сюда принесенъ былъ ко дню юбилея чудотворный образъ Божьей Матери изъ Почаева, что привлекло во Владиміръ значительную массу богомольцевъ (тысячъ до 20-ти), какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ, губерній, люблинской и гродненской. Интеллигентной публики съѣхалось человѣкъ до 200, между ними преобладающая численная роль принадлежала духовенству. По программѣ празднества дворянству принадлежала самая выдающаяся роль; однако же на празднество прибыли только предводители (и то не со всѣхъ уѣздовъ), и человѣкъ 20 православныхъ дворянъ.

Мѣстныя и столичныя газеты своевременно оповѣстили обо всемъ, что происходило на этомъ торжествѣ, и намъ нѣтъ

надобности повторять подробности, по всей вѣроятности, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. Празднество носило исключительно церковный характеръ: торжественныя архіерейскія служенія и необыкновенно пышныя крестныя ходы съ участіемъ войскъ—въ этомъ главнымъ образомъ и состояло юбилейное торжество. Правда, 10-го числа въ тѣсной и неудобной залѣ мѣстнаго сѣзда мировыхъ судей состоялось публичное собраніе, на которомъ, между прочимъ, проф. кіевской дух. академіи И. И. Малышевскимъ была произнесена рѣчь объ историческихъ заслугахъ стариннаго волынскаго дворянства; но если принять во вниманіе, что это происходило непосредственно послѣ продолжительнѣйшаго богослуженія и двухъ крестныхъ ходовъ, что рѣчи предшествовало чтеніе многочисленныхъ адресовъ и поздравленій мѣстному владыкѣ, и что въ биткомъ наполненной залѣ подъ конецъ собранія нечѣмъ было дышать, тогда сдѣлается понятнымъ, почему почтенный профессоръ-ораторъ вынужденъ былъ до нельзя сократить свою интересную рѣчь и ограничиться лишь краткимъ резюме того, что онъ имѣлъ въ виду сказать собравшимся на празднество гостямъ. Это было единственное историческое чтеніе, предложенное при томъ весьма немногочисленной публикѣ, какая могла помѣститься въ небольшой залѣ. Для простого народа мѣстное Братство также устраивало чтенія съ туманными картинами, но на темы, ничего общаго съ юбилеемъ неимѣющія.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы многочисленныя толпы народа, равно какъ и интеллигентная публика, посѣтившая празднества, не унесли глубокихъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ сознательныхъ, историческихъ впечатлѣній изъ такого города, гдѣ пріѣзжаго человека со всѣхъ сторонъ обступаютъ тѣни прошлаго. Современный Владиміръ-Волынскій—городъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ, но въ немъ сохранились памятники глубокой древности, краснорѣчиво говорящіе о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда этотъ, нынѣ захудалый, городъ былъ столицей обширнаго и могущественнаго Волынскаго княжества и достигалъ такого процвѣтанія, что приводилъ въ восторгъ и удивленіе иностранцевъ. Самымъ драгоцѣннымъ изъ этихъ памятниковъ несомнѣнно долженъ быть признанъ полуразрушенный,

почти сто лѣтъ стоящій въ заустѣннѣ, но все еще несокрушимый и величественный древній Мстиславовъ храмъ, изображеніе котораго прилагается къ настоящей книжкѣ нашего журнала. Онъ построенъ въ половинѣ XII в. волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, и съ тѣхъ поръ въ теченіе шести съ половиною столѣтій служилъ каедрой волинскихъ епископовъ—сначала православныхъ, а съ конца XVI ст. уніатскихъ. Въ немъ похоронены древніе волинскіе князья, начиная съ его строителя, а равно епископы и представители почти всѣхъ знатныхъ родовъ волинскихъ. Когда въ 1796 г. была закрыта владимірско-брестская уніатская каедра, Мстиславовъ храмъ былъ отобранъ отъ уніатовъ, но не возстановленъ, а преданъ въ жертву заустѣннѣ, и въ этомъ печальномъ положеніи оставался до 1886 г., когда поднятъ былъ вопросъ о его возобновленіи, въ ожиданіи котораго храмъ былъ очищенъ, подверженъ подробному археологическому изслѣдованію, и нынѣ, благодаря заботливости мѣстнаго Братства, приведенъ по возможности въ приличный видъ, подобающій христіанской святынѣ¹⁾. И во дни минувшихъ юбилейныхъ торжествъ развалины Мстиславова храма болѣе всего привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ прибывшихъ на празднество. Съ утра и до глубокой ночи толпы народа въ благоговѣйно-созерцательномъ настроеніи собирались подъ отертыми сводами этой вѣковой волинской святыни и съ любопытствомъ прочитывали прибитые по стѣнамъ листы, на которыхъ вкратцѣ выписаны главнѣйшія событія изъ исторіи храма. Въ сѣверной части паперти, обставленной зеленью, въ глубокихъ нишахъ, гдѣ когда-то находились велико-княжескія гробницы, теплились лампы предъ иконами; народъ усердно ставилъ здѣсь свѣчи, и было что-то трогательное въ его безмолвной молитвѣ предъ гробницами стародавнихъ правителей Волини, самыя имена которыхъ ему пока не вѣдомы. 10-го мая, послѣ литургіи въ монастырской и васильевской церквахъ, къ храму Мстислава направился крестный

¹⁾ Весьма обстоятельно исторія Мстиславова храма изложена въ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюрѣ „Историческое описаніе Владиміро-Волинскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ“, составленной постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала О. И. Левацевымъ.

ходъ съ участіемъ кіевскаго митрополита и четырехъ епископовъ. Около ста священниковъ двумя рядами стали отъ паперти до глубины бывшаго алтаря и дружнымъ хоромъ запѣли: „Христось воскресе“. Это былъ невыразимо величественный моментъ. Казалось, древнія стѣны вѣковой руины дрогнули отъ звуковъ торжественной пѣсни, вѣщающей побѣду жизни надъ смертью и разрушеніемъ. Стая галокъ въ испугѣ и смятеніи вылетѣли изъ своихъ гнѣздъ, свитыхъ подъ арками храма, и стали безпокойно кружиться надъ головами присутствующихъ. Началась великая панихида по древнимъ волынскимъ князьямъ и епископамъ. Странно звучали изъ устъ протодіакона непривычныя имена Мстислава, Изяслава, Василька, Любарта и др.; историческіе лица и образы отдаленныхъ эпохъ, обыкновенно представляемые нѣсколько абстрактно, вдругъ какъ-бы пріобрѣтали плоть и кровь и точно живые вставали изъ мрака минувшаго; чувствовалось, что ихъ тѣни незримо витають подъ этими самыми сводами, гдѣ они когда-то молились и гдѣ многіе изъ нихъ нашли для себя послѣдній пріютъ. „Еще молимся—продолжалъ протодіаконъ—о упокоеніи рабовъ божіихъ православныхъ христіанъ: князей Острожскихъ, князей Четвертинскихъ, Сангушковыхъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ“...—и въ памяти присутствующихъ вставали образы дѣятелей другихъ эпохъ изъ исторіи Волыни. Вообще изъ всѣхъ юбилейныхъ актовъ ни одинъ не произвелъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эта всенародная панихида по давно отжившимъ историческимъ дѣятелямъ, совершенная среди полуразрушенныхъ стѣнъ ихъ сверстника—Мстиславова храма.

Волынскій юбилей, какъ и слѣдовало ожидать, послужилъ поводомъ къ появленію нѣсколькихъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни; таковы, напримѣръ: уже упомянутое нами Историческое Описаніе Мстислава храма, О. И. Левицкаго, изданное Владиміро-Волынскимъ Братствомъ; объемистый сборникъ статей, относящихся къ исторіи православія на Волыни, изд. мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ, и нѣсколько небольшихъ брошюръ. Объ этихъ изданіяхъ редакція намѣрена дать библиографическій отчетъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери).

I. Частный пансіонъ г-жи Козаковой.

Однажды въ теплый осенній день 183... года, къ дому г-жи Козаковой, содержательницы частнаго женскаго пансіона въ с. Крапивно, полтавской губуберні, подъ ѣхала шестерней съ фореиторомъ дорожная коляска, изъ которой, съ помощью доморощеннаго лакея, проворно соскочившаго съ козелъ, вышла пожилая, средняго роста, полная дама въ траурѣ, съ двумя дѣвочками, девяти и семи лѣтъ, тоже въ траурѣ. За ними слѣдомъ выѣзла изъ своего уютнаго сидѣнья позади экипажа и ихъ горничная, крѣпостная дѣвка, облеченная въ пестрое, клѣтчатое, домашняго тканья платье, въ темное пальто, платокъ и въ грубые башмаки на босую ногу.

На встрѣчу пріѣзжимъ, выбѣжала на крыльцо прелестная дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ длинными, черными, меланхолическими глазами, одѣтая въ сѣрое, полутраурное платьице, съ наброшенной сверху на скорую руку, пунцовой, шелковой мантильей, — что необыкновенно шло къ ея оригинальному, смугло-оливковому, съ тонкими чертами личику и изсиня-чернымъ густымъ волосамъ, гладко зачесаннымъ назадъ.

— Дома т-те Козакова?—спросила дама, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Мамаша дома,—отвѣчала дѣвочка, окидывая мягкимъ, сострадательнымъ взглядомъ траурный нарядъ посѣтителъницъ,—пожалуйте!—прибавила она и повела ихъ черезъ сѣни во внутренніе покои дома.

Въ гостинной пріѣзжихъ привѣтствовала сама хозяйка—высокая, полная и красивая женщина лѣтъ сорока, съ величавой осанкой, съ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, добрыми карими глазами и темными слегка вьющимися отъ природы волосами... На ней была бѣлая батистовая распашная блуза, съ богатой вышивкой, и кружевной чепчикъ, подвязанный у подбородка пышнымъ бантомъ.

Дама отрекомендовалась Матреной Васильевной Б—ой, вдовой-помѣщицей ч—ой губ., и просила г-жу Кѣзакову принять ея дѣвочекъ къ себѣ въ пансіонъ.

Но на это Ольга Ивановна отвѣчала мягкимъ, хотя и категоричнымъ отказомъ, такъ какъ, по ея словамъ, у нея уже есть десять воспитанницъ и больше держать она не будетъ.

Но когда она услышала, что Матрена Васильевна, обратившись чего-то къ старшей дочери, назвала ее „Наденькой“, она вдругъ заплакала и сразу перемѣнила свое рѣшеніе, объяснивъ, что она недавно потеряла уже взрослую дочь такого же имени; и что пусть эта Наденька будетъ ей напоминать ту, которой она больше не увидитъ... При этомъ она указала на висѣвшій на стѣнѣ портретъ, обернутый чернымъ крепомъ.

Такимъ образомъ Наденька и Сашенька, благодаря случайно произнесенному дорогому имени, остались въ пансіонѣ, и г-жа Кѣзакова съ первыхъ же дней выдѣлила ихъ, какъ своихъ любимицъ, между другими воспитанницами.

Матрена Васильевна, послѣ дружественнаго, сердечнаго пріема Ольги Ивановны, сразу сблизившаго этихъ двухъ совершенно незнакомыхъ женщинъ, въ тотъ-же день, пообѣдавъ только здѣсь, уѣхала домой.

Пансіонъ г-жи Кѣзаковой, вдовы полковника, находился въ ея собственномъ имѣніи; держала она его исключительно

для своей дочери Ашеньки, такъ какъ въ средствахъ она не нуждалась.

Обширная усадьба была живописно расположена на холмѣ надъ кручею, за которою, верстахъ въ двухъ, темнѣла густая дубовая роща.

Одноэтажный, съ желѣзной зеленой крышей домъ фасадомъ выходилъ въ огромный дворъ, посреди котораго зеленѣла бархатистая лужайка, отдѣленная низенькой рѣшеткой отъ усыпанной пескомъ дороги, идущей отъ воротъ къ дому и широкой лентой окаймляющей ее вокругъ.

Вправо отъ дома находился флигель,—а далѣе за домомъ великолѣпный, полуфруктовый садъ, красивыми террасами спускавшійся къ большому, глубокому пруду, гдѣ на берегу была устроена купальня для воспитанницъ.

Выходъ изъ дома въ садъ былъ черезъ балконъ, увитый плющемъ, и отъ него прямо лежала широкая дорожка, по сторонамъ которой возвышались среди газона яркія, пестрыя клумбы всевозможныхъ цвѣтовъ... Передъ окнами флигеля была разбита цѣлая площадка, засѣянная однѣми душистыми гвоздиками, самыхъ разнообразныхъ колеровъ... На нижней террасѣ стояли качели. Была еще въ саду, въ глубинѣ сбоку, подъ самымъ заборомъ, какая-то таинственная аллея изъ желтой акаціи, сильно запущенная, гдѣ случилось когда-то что-то ужасное, и воспитанницы боялись туда ходить... Словомъ, тутъ для дѣтей лѣтомъ было не житье, а рай!...

Въ домѣ обитала сама Ольга Ивановна со своимъ меньшимъ сыномъ Игоремъ, (ея старшій сынъ, Володенька, служилъ на Кавказѣ въ гусарскомъ полку), а во флигелѣ былъ собственно пансіонъ, состоявшій подъ непосредственнымъ надзоромъ Ашеньки, которая тамъ и жила вмѣстѣ съ воспитанницами.

Въ лѣтнее время дѣти вставали въ 5 ч. утра, (зимою въ 6 ч.) и тотчасъ шли къ пруду купаться (зимою обтирались холодной водою) въ сопровожденіи Ашеньки и Арины—крѣпостной довѣренной горничной г-жи Козаковой, дѣвки лѣтъ сорока, рябой и некрасивой, но которая, между прочимъ, вы-

шла въ послѣдствіи замужъ за чиновника, благодаря скопленнымъ ею себѣ въ приданное за свою долготѣтную службу десяти тысячамъ!... (большою частью она получала дорогіе подарки отъ богатыхъ родственниковъ воспитанницъ).

Иногда барышень сопровождала престарѣлая влючница Марыюшка—мать Арины.

Выкупавшись, дѣвочки принимали по нѣсколько капель скипидару и бѣгали въ саду или на лужайкѣ, пока не согрѣются. Тогда имъ давали на завтракъ чернаго хлѣба съ молокомъ, послѣ чего онѣ отправлялись для какой-нибудь работы въ саду, напр., рвать малину, но съ обязательнымъ условіемъ не ѣсть ни одной ягодки: онѣ потомъ угощались ею со сливками.

Въ 9 ч. утра начинался классъ, продолжавшійся до 12, т. е., до обѣда. Послѣ обѣда сейчасъ всѣ дѣвочки ложились на голомъ полу на спинѣ минутъ на двадцать, чтобы „лопатки не выдавались“... Для этой-же цѣли имъ продѣвали сзади за локти линейку.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дѣти опять учились, а отъ 6 приготавливали уроки на завтра.

Во время рекреаций воспитанницы бѣгали въ саду или на лужкѣ передъ домомъ; зимою катались съ ледяныхъ горъ или занимались рукодѣльемъ: вышиваньемъ по бумажной канвѣ, вязаньемъ кошельковъ изъ гарусу и шелку, и т. п...

Въ 8 ч. ужинали и въ 9 ложились спать.

Въ дортуарѣ, довольно большой комнатѣ, съ трехъ сторонъ, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояли рядами кровати, и въ промежуткахъ между ними по одному стулу для платья. Постель состояла изъ сѣнника, подушки, двухъ простынь и одѣяла: лѣтомъ бѣлаго, пикейнаго, зимою ватнаго, ситцеваго, съ турецкими цвѣтами. Все было здѣсь чисто, опрятно и уютно.

Кровати Наденьки и Сашеньки, какъ привилегированныхъ особъ, стояли отдѣльно въ углу, за ситцовой занавѣской, повѣшенной на длинномъ, кругломъ бревнѣ, конецъ котораго выступалъ впередъ и служилъ для гимнастическихъ упражненій: каждая пансіонерка, вскочивъ утромъ съ постели, подбѣгала къ бревну, прицѣплялась къ нему руками и висѣла та-

кимъ образомъ нѣсколько мгновений, пока выдержать. Тутъ-же стоялъ продолговатый деревянный ящикъ, вродѣ сигарнаго, куда дѣвѣцы становились въ первой позиціи на нѣкоторое время...

По одну сторону дортуара была конурка Марьюшки, по другую—комната Ашеньки, куда дверь всегда была открыта и гдѣ всю ночь горѣла у образовъ лампадка.

Классная служила также и столовой. Обѣдъ состоялъ всегда изъ трехъ блюдъ, ужинъ—изъ двухъ. Лѣтомъ полагался легкій поддникъ, а по воскресеньямъ прилежнымъ ученицамъ подавалась къ завтраку чашка шоколаду. Вообще кормили здѣсь вкусно и сытно, и провизія была первой свѣжести.

Лѣтомъ пансіонерки ходили въ платьяхъ какого угодно цвѣта и матеріи, только обязательно декольте и въ бѣлыхъ передникахъ съ нагрудникомъ; зимою-же платье должно было быть непременно шерстяное, зеленое или коричневое, передникъ черный, и на обнаженные шею и руки надѣвались бѣлая пелеринка и такіе-же рукава. Поверхъ лифвъ воспитанницы носили корсажи, синіе бархатные или пунцовые сафьянные, зашнуровывающіеся сзади, со вставленными съ каждой стороны на лопаткахъ наискось по пяти косточекъ китоваго уса. Спереди былъ только высокій поясокъ, тоже зашнуровывавшійся, а грудь оставалась свободной.

Учителей было три: учитель русскаго языка, учитель нѣмецкаго и вмѣстѣ музыки, и учитель рисованья; кромѣ того, былъ еще регентъ, учитель пѣнія. Но въ воспоминаніи моей матери (Наденька) остались только Тома Яковлевичъ, учитель нѣмецкаго языка и музыки, добрѣйшій и симпатичнѣйшій старичокъ—нѣмецъ, да учитель русскаго языка, который, между прочимъ, когда однажды Ольга Ивановна куда-то уѣхала, въ ея отсутствіе каждый день напивался пьянъ и колотилъ ученицъ линейкой по плечамъ, такъ что одна изъ воспитанницъ, Катя Линькевичъ о которой рѣчь еще будетъ впереди, не иначе являлась въ классъ на его урокъ, какъ въ мѣховой шубкѣ.

Возвратившись и узнавъ о безобразіяхъ учителя, г-жа Козакова тотчасъ его уволила и на его мѣсто приняла другого.

Французскимъ языкомъ занималась сама Ольга Ивановна, а также слѣдила и за другими предметами. Когда-же она выѣзжала изъ дому, то на свое мѣсто приглашала одну старую знакомую нѣмку, по имени Еву Федоровну, но какъ ея фамилія—мать рѣшительно не помнитъ.

Распредѣленіе уроковъ въ теченіе недѣли было такое:

Русскій языкъ—понедѣльникъ и четвергъ.

Французскій яз.—вторникъ и пятница.

Нѣмецкій яз.—среда и суббота.

По четвергамъ былъ также танцклассъ подъ руководствомъ Ашепьки, причемъ на скрипкѣ игралъ крѣпостной человѣкъ, данный на время въ пансіонъ однимъ бѣднымъ помѣщикомъ, въ видѣ платы за ученіе его дочери.

По русски говорить вовсе не дозволялось, даже съ прислугой: надо было сперва сказать по французки, а потомъ перевести по русски. (Исторію, географію и священную исторію учили по французски). Нарушительницѣ этого правила надѣвалась на шею на шнуркѣ квадратная деревянная дощечка, съ надписью крупными буквами: „Pour avoir parler russe“, и виновная лишалась послѣдняго блюда за обѣдомъ. Обыкновенно какая нибудь изъ воспитанницъ, которой это блюдо было не по вкусу, принимала на себя дощечку... Само собою разумѣется, такія продѣлки были извѣстны начальницѣ, но она, по своей обычной добротѣ, сквозь пальцы смотрѣла на это...

Каждая ученица дежурила по очереди недѣлю, т. е. она должна была смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, готовить разные учебныя принадлежности, лицеять тетради, чинить карандаши, чинить перья, наливать чернило и т. п. Какъ знакъ своего дежурства, она носила на правомъ плечѣ кокарду изъ голубой ленты.

Большинство воспитанницъ имѣли своихъ горничныхъ, привезенныхъ изъ дому. У Наденьки и Сашеньки была нѣкая Авдотья, старая дѣва, страшно безобразная, скупая и злая, но,

какъ собака, преданная своимъ господамъ и яростно защищавшая интересы барышень, даже иногда противъ ихъ собственной воли и желанія.

Такъ напр., однажды Наденька дала надѣть въ церковь свою мантилью одной бѣдной сироткѣ-ученицѣ, гардеробъ которой былъ весьма скуденъ. Узнавъ объ этомъ, Авдотья побѣждала за несчастной дѣвушкой и подъ самой церковью сорвала съ нея злополучную мантилью.

Въ другой разъ какъ-то, въ отсутствіе г-жи Казаковой, дѣти собрались подлѣ качели. Ашенька и другая дѣвочка качались, а Наденька, стоя позади, подталкивала качели. Въ это время Ева Федоровна проходила мимо и крикнула имъ:

— Ради Бога, дѣти, поосторожнѣй!.. я за васъ отвѣчаю...

Испуганная внезапнымъ окликомъ, Наденька сразу остановилась, забывъ отскочить назадъ, и въ тоже мгновеніе, качели, сильно раскачавшись, съ размаху ударили ее въ голову и она упала безъ сознанія, обливаясь кровью.

Ашенька такъ и слетѣла сверху, чуть не сломавъ себѣ ноги, и бросилась къ безчувственной дѣвочкѣ.

Наденьку отнесли къ пруду и стали олитивать водой.

Первыя ея слова, когда она пришла въ себя, были:

— Что скажетъ Авдотья?!..

Дѣйствительно, во что бы то ни стало, надо было скрыть отъ нея это печальное приключеніе!...

Рану перевязали, и, чтобы не такъ было замѣтно, Наденька прикрыла голову, какъ бы отъ солнца, Сашенькинымъ газовымъ платочкомъ.

Но не тутъ то было!.. Авдотья подняла страшный крикъ, что платочекъ „полиняетъ“, рѣзко сорвала его съ головы Наденьки, но увидѣвъ рану, заголосила на весь дворъ, что всѣ „обижаютъ ея маленькихъ барышень“!...

Она была до того скупа, что напр., починая барышнямъ платья, клала заплаты изъ лоскутковъ совсѣмъ другой матеріи, выпрошенныхъ ею у кого нибудь; обрѣзки-жъ отъ платьевъ она

бережно прятала къ себѣ въ сундукъ—конечно, не для кого иного, какъ опять таки для своихъ же „барышень“, про всякій случай...

Участь Авдотьи вышла подь конецъ довольно печальна, вслѣдствіе неожиданно совершеннаго ею скандала: въ 45 лѣтъ, будучи дѣвицей, она родила, и была за это изгнана на вѣчныя времена изъ милыхъ ея сердцу барскихъ покоевъ...

По воскресеньямъ воспитанницы отправлялись въ кухню учиться кулинарному искусству, и даже сами носили для этого дрова; а на обязанности дежурной лежало также хлопотать въ домѣ при приѣмѣ гостей.

Въ награду за прилежаніе и хорошее поведеніе, полагалась, какъ я уже говорила, чашка шеколаду къ завтраку по воскресеньямъ; кромѣ того, Ольга Ивановна брала лучшихъ воспитанницъ къ себѣ въ коляску на свою обычную праздничную прогулку въ дубовую рощу, и наконецъ, онѣ получали въ свое полное распоряженіе по нѣскольکو кустовъ ягодъ. Такъ напр., Наденька и Сашенька—каждая имѣла по 14 кустовъ черной и красной смородины и крыжовнику.

Эти маленькія радости, сами по себѣ незначительныя, имѣютъ большой смыслъ въ жизни дѣтей и чрезвычайно какъ ихъ поощряютъ...

Вообще, Ольга Ивановна была прекрасная воспитательница, близко знакомая съ природой ребенка, и тепло, по матерински, относилась въ вѣрннымъ ея попеченіямъ чужимъ дѣтямъ. За то и воспитанницы, въ буквальный смыслъ слова, ее обожали, и не было для нихъ большей радости, какъ поцѣловать, хоть украдкой, бѣлую, полную красивую руку ихъ „патап“...

Ашеньку тоже очень любили за ея необыкновенно кроткій и тихій нравъ, имѣвшій оттѣнокъ какой-то мягкой, нѣжной меланхолии. Развита и серьезна она была не по лѣтамъ.

Ея меньшей братъ Игорь, наоборотъ, былъ капризный и своенравный мальчикъ и далеко не пользовался общими симпатіями.

У него была сломана нога еще въ раннемъ дѣтствѣ, и онъ ходилъ на костыляхъ; — это было для него привилегированнымъ положеніемъ, которымъ онъ сильно злоупотреблялъ. Такъ напр., онъ заставлялъ воспитанницъ каждый день катать себя вокругъ стола въ классной, на огромной, грифельной доскѣ, запрягая ихъ по три въ рядъ по очереди. Если импровизированные кони плохо бѣжали, онъ расправлялся съ ними костылемъ...

На головѣ онъ носилъ всегда красную, вязанную изъ гаруса шапочку, и когда его ставили на колѣни за какую нибудь провинность—что, къ слову сказать, случалось съ нимъ весьма не рѣдко—онъ снималъ ее съ головы и подкладывалъ подъ больное колѣно.

Лицомъ онъ походилъ на мать и былъ такихъ лѣтъ, какъ Сашенька. Сашеньку онъ только и удостоивалъ своей дружбы, и то вѣроятно, потому что ихъ связывали общіе интересы: у нихъ была галка, которую они гдѣ-то подняли искалѣченной и держали ее въ землянкѣ, выкопанной ими-же въ саду, куда они носили ей, подъ покровомъ непроницаемой тайны, пищу... Кромѣ того, въ концѣ сада, въ яру было множество полудикихъ яблонь, съ которыхъ они собирали фрукты, закапывали ихъ въ землю, и затѣмъ ѣли ихъ примороженными, что было очень вкусно.

Такимъ образомъ, благодаря этой почетной дружбѣ, Сашенька одна была избавлена отъ общей повинности катать маленькаго деспота на грифельной доскѣ, или на опрокинутыхъ стульяхъ, когда доску разбили.

Мать видала впоследствии Игоря уже студентомъ Нѣжинскаго лицея. Онъ ходилъ уже безъ костылей, только съ тросточкой, и едва замѣтно хромалъ.

Изъ подругъ врѣзалась въ ея память болѣе другихъ Катя Линькевичъ, о которой я уже упоминала.

Ее привезли черезъ два года послѣ поступленія Б—хъ въ пансіонъ. Она была также лишней противъ положеннаго числа пансіонерокъ, но Ольга Ивановна приняла ее, склонившись на мольбы и просьбы ея матери.

Катенькѣ было тогда лѣтъ десять; собою хорошенькая, милостивая блондинка, но страшно лѣнивая... Она совсѣмъ не учила своихъ уроковъ, и на всѣ замѣчанія учителей, съ наглымъ видомъ отвѣчала:

— Да сто—зѣ, езели я знаю!—и, конечно, ничего не знала.

Говорили, что мать ея, очень богатая женщина (у Катеньки былъ великолѣпный гардеробъ), не любила почему-то дѣвочки и держала ее на кухнѣ, пока ей не посовѣтовали отвезти ее въ пансіонъ Козаковой.

Помнится моей матери такой эпизодъ.

Однажды, когда г—жа Линькевичъ пріѣхала навѣстить Катеньку и ей пожаловались на нее, она, ко всеобщему изумленію, сняла съ головы чепецъ, подошла къ образамъ и торжественно стала проклинять дочь...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ребенокъ, при такихъ нечеловѣческихъ отношеніяхъ къ нему родной матери, выросъ ненормальнымъ!.. Дѣйствительно, Катенька была неисправимо порочна. Особенно въ ней была сильно развита склонность къ воровству. Никакія наказанія не дѣйствовали!.. Ее лишали послѣдняго блюда за обѣдомъ, лишали чашки шоколада въ воскресенье, ее не брали на прогулку въ рощу... Наконецъ, ее наряжали въ шутовской костюмъ и ставили на колѣни — высшая мѣра наказанія,—ничто не дѣйствовало... Она плакала, просила прощенія, и затѣмъ опять принималась за свое...

Однажды какъ-то вечеромъ Катенька стояла на колѣняхъ въ дортуарѣ за какую-то подобную провинность. Для вящаго позора на ней былъ надѣтъ шутовской нарядъ, состоявшій изъ длиннаго парусиноваго балахона и бумажнаго колпака съ ослиными ушами.

Въ это время пріѣзжаютъ гости—три сына графа Д—на, соученики Володеньки, старшаго сына г—жи Кóзаковой, и, не зная расположенія комнатъ во флигелѣ, (домъ тогда перекрашивался) по ошибкѣ прямо входятъ въ дортуаръ. Захваченная врасплохъ въ столь неавантажномъ видѣ, Катенька (большая кокетка) быстро срывается съ мѣста и прячется подъ кровать. Когда гости удалились, Катенька стала умолять Наденьку,

чтобы она походатайствовала за нее передъ начальницей, обѣщая, въ случаѣ успѣха, подарить ей давно соблазнявшую ее шкатулочку, украшенную цвѣтами изъ фольги подъ стекломъ. (Такія шкатулочки продавались тогда въ большомъ количествѣ на мѣстныхъ ярмаркахъ)

Ольга Ивановна долго не соглашалась на просьбы своей любимицы, но наконецъ сказала:

— Хорошо, я ей позволяю выйдти, но помните, Наденька, если еще разъ подобное повторится, я *васъ* накажу.

Катенька, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла, по обыкновенію рисуясь, къ гостямъ, но въ ту-же ночь украла у Наденьки подаренную шкатулочку, увѣренная что та въ собственныхъ же интересахъ не пожалуется на нее.

Впрочемъ, надобно сказать, тамъ вообще не было въ обычаѣ „ябедничать“, и даже это считалось позорнымъ.

Помнятся еще матери двѣ сестры Ольшанскія, Улинька и Сонечка, генеральскія дочки.

Старшая Улинька, уже взрослая дѣвушка и замѣчательная красавица, съ синими глазами и черными, какъ смоль, волосами, была, къ несчастью, глуха, и съ нею надо было говорить черезъ рожокъ. Однако, не смотря на свой тяжкій, физическій недостатокъ, она отлично училась, прекрасно играла на фортепьяно и была очень добра.

Сонечка — меньшая, маленькая, худенькая и блѣдная съ некрасивымъ лицомъ дѣвочка, въ противоположность старшей сестрѣ, была суцій бѣсенокъ, такъ-что ее не терпѣли въ пансіонѣ. Между прочимъ, въ своихъ стычкахъ съ Наденькой и Сашенькой, она постоянно ихъ дразнила словомъ „пампѹшка“, а онѣ еѣ — „водà“... Дѣло въ томъ, что у Б — хъ одинъ изъ братьевъ назывался „Помпей“ („пампѹшка“), а у Сонечки былъ братъ „Вадимъ“ (водà).

Однажды ночью, когда всѣ уже спали, пріѣхалъ Володенька, котораго нѣкоторыя воспитанницы еще не видали.

Очень смуглый, съ неправильными, но пріятными чертами лица, черными, огненными глазами и черными кудрями, стат-

ный и высокій, двадцатилѣтній юноша хоть кого могъ очаровать. Когда онъ вышелъ утромъ на крыльцо въ своей полной гусарской формѣ—голубой шитый серебромъ мундиръ, съ небрежно наброшеннымъ краснымъ отороченнымъ чернымъ барашкомъ ментикомъ и въ киверѣ,—воспитанницы такъ и ахнули отъ восторга, а одна изъ нихъ, Текла Мосіенцова, сельская, простодушная панночка, закрывъ глаза руками, въ какомъ-то экстазѣ воскликнула:

— Де въ мене очи!...

Конечно, нечего и говорить, что всѣ безъ исключенія барышни были влюблены въ красавца—гусара.

Въ другой разъ Володенька неожиданно пріѣхалъ вечеромъ, когда воспитанницы еще только ложились спать. Какъ разъ въ ту пору флигель передѣлывался, и пансіонъ на время былъ переведенъ въ домъ. Не зная ничего объ этихъ перемѣнахъ, Володенька направился въ залу, открылъ двери и остановился на порогѣ пораженный. Его изумленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина:

Предполагаемая зала оказалась дѣвичьимъ дортуаромъ, и воспитанницы, собираясь ложиться, были болѣе или менѣе дезабиле и въ самыхъ непринужденныхъ позахъ... Однѣ изъ нихъ уже лежали въ постели, другія бѣгали въ однѣхъ сорочкахъ, лова другъ дружку, третьи съ пронзительнымъ визгомъ и хохотомъ боролись и барахтались на кроватяхъ, и т. д. Словомъ—непринужденность полная!.. При видѣ неожиданнаго посѣтителя, шалуньи подняли отчаянный крикъ, и—sauve qui peut!—попрытались кто куда могъ...

Молодой человѣкъ растерянно стоялъ нѣсколько мгновеній не двигаясь съ мѣста, и потомъ, какъ бы внезапно рѣшившись, быстро и не глядя по сторонамъ, прошелъ черезъ комнату и вышелъ въ противоположную дверь. Послѣ этого, онъ тотчасъ прислалъ дѣвицамъ по огромному, румяному яблоку, вѣроятно въ утѣшеніе за невольнo причиненный испугъ.

На другой день Володенька, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтился съ пансіонерками и братски расцѣловалъ каждую,

но онѣ чувствовали себя съ нимъ очень неловко послѣ вчерашняго приключенія, хотя, конечно, были теперь влюблены въ него болѣе чѣмъ когда либо. Такъ напр., онѣ рѣшились не умываться, чтобы не смыть *его поцѣлуя*, и только Ольга Ивановна, случайно узнавъ объ этомъ, заставила ихъ перемѣнить свое намѣреніе.

Въ другой разъ Сашенька потеряла въ саду свой газовый лиловый съ мушками платочекъ, и Володенька, нашедши его, отдалъ ей.

— Счастливица!.. счастливица!... зашептали съ завистью ученицы и просили Сашеньку дать имъ поцѣловать этотъ платочекъ, который побывалъ въ *его* рукахъ. Но Сашенька не согласилась на такую жертву и ревниво спрятала его къ себѣ подъ подушку.

Между тѣмъ, Володенька заболѣлъ—у него сдѣлалась обморочная лихорадка—и онъ, подавъ рапортъ о болѣзни, остался дома до выздоровленія.

Такъ какъ въ комнатѣ его было холодно, то онъ перенесся въ Ашенькину, которая была смежна съ залой, гдѣ стоялъ рояль.

Однажды вечеромъ Наденька, вообще со способностями къ музыкѣ, играла мазурку—и должно быть, очень хорошо играла, такъ какъ Володенька, когда она кончила, съ восторгомъ крикнулъ ей изъ своей комнаты:

— Еще!.. еще!.. повторите!..

— (Счастливица!.. счастливица!.. зашептали подруги вокругъ).

Наденька, поощренная, распалилась, и, проигравъ еще разъ, вскочила, подбѣжала къ дверямъ, и, махая руками, крикнула, копируя горничную:

— Паньчу, васъ барыня клычутъ!....

Володенька ничего не сказалъ, но велѣлъ позвать къ себѣ Ашеньку.

На другой день, во время класса, когда Игорь и Наденька должны были отвѣчать урокъ, входитъ Володенька, суровый и мрачный, какъ туча, и заявляетъ, что онъ желаетъ присутство-

вать при урокахъ, такъ какъ онъ слышалъ, что не всѣ учатся какъ слѣдуетъ. При этомъ онъ сдѣлалъ выговоръ Ашенкѣ, что она плохо присматриваетъ за ученицами.

Ольга Ивановна, сильно встревоженная, спросила въ чемъ дѣло.

— Да это-жь все Наденька!... закоренѣлая мужичка!... съ сердцемъ отвѣчалъ Володенька

— (Счастливица!.. счастливица!.. послышалось со всѣхъ сторонъ).

Очень взволнованная Наденька страшно путалась и сбивалась въ урокѣ и ее поставили въ уголъ. Что касается Игоря, вообще плохо учившагося и даже умудрявшагося какъ-то во время уроковъ помѣшать написанные отвѣты позади Ольги Ивановны, то Володенька самъ взялся заниматься съ нимъ, что было весьма прискорбно для послѣдняго, такъ какъ его новый учитель оказался очень строгимъ, взыскательнымъ, да и къ тому же, послѣ болѣзни, нестерпимо раздражительнымъ.

Игорь въ ту пору былъ такой жалкій, тихій, вѣчно заплаканный, что его даже искренно жалѣли его бывшіе враги!...

Впрочемъ, Володенька скоро уѣхалъ.

Случился въ пансіонѣ однажды такой скандалъ.

У Ольги Ивановны была на послугахъ крѣпостная дѣвочка Сонька, лѣтъ четырнадцать.

Воспитанницы шути ея выучили французскому языку, французскимъ баснямъ и танцевать „цыганку“; но русской грамотѣ она не знала.

Какъ-то ключница Марьюшка перехватила любовное письмо въ лакею, отъ имени Соньки, но неизвѣстно кѣмъ писанное.

Вышелъ страшный переполохъ.

Примѣчаютъ дѣти, что случилось что-то необыкновенное, ужасное, зловѣщее, но что—не знаютъ, а только мучаются различными догадками и предположеніями...

Наконецъ ихъ зовутъ въ домъ къ начальницѣ и кто-то изъ воспитанницъ шепчетъ:

— Тамъ Марьюшка съ розгами!...

Это производитъ панику... Дѣти дрожатъ и едва могутъ идти.. Только одна Людмила, дочь эконома С—го, которую мѣсяцъ тому назадъ взяли учить русской грамотѣ, какъ ни въ чемъ не бывало скачетъ на одной ногѣ и сама себѣ бойко припѣваетъ: „тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца“!..

Ее останавливаютъ, но она продолжаетъ свое...

Вошли въ домъ, ввели ихъ въ гостинную, гдѣ на диванѣ сидитъ начальница—больше никого нѣтъ. Дѣвочекъ поставили по росту посреди комнаты. Наденька была выше всѣхъ и потому съ нея начался допросъ.

Ольга Ивановна медленно поднялась съ дивана, подошла къ Наденькѣ, и, показывая ей какое-то письмо, которое она держала въ рукѣ, суровымъ, столь несвойственнымъ ей тономъ, спросила, не знаетъ-ли она, кто это писалъ?

Наденька тотчасъ узнала руку Людмилы, но не желая выдавать подруги, отвѣтила, что она не знаетъ кто—и въ тотъ же моментъ, замѣтивъ въ сосѣдней комнатѣ черезъ открытую дверь Марьюшку съ розгами, вся вспыхнула и смѣшалась,— что подало поводъ заподозрить, что она то именно и есть та виновница... Однако, сколько ни убѣждала ее Ольга Ивановна сознаться, она только плакала—и не сознавалась....

Стали допрашивать другихъ—тотъ же результатъ: виновной не оказывалось.

Тогда позвали Соньку и она, громко рыдая, указала на Людмилу. Людмилѣ ролей—неволей пришлось сознаться и въ оправданіе свое она сказала, что не знала кому писать.

Тѣмъ не менѣе, ее постигло неслыханное еще въ стѣнахъ пансіона наказаніе: Марьюшкѣ приказано было ее высѣчь, причемъ Ольга Ивановна замѣтила ей въ видѣ поученія, что розги были принесены только для острастки, и еслибы она сразу созналась и не подвергала другихъ опасности быть наказанными вмѣсто нея, ее не постигло бы столь позорное наказаніе...

На праздники обыкновенно дѣтей забирали родственники домой, но одну зиму, по причинѣ страшной мятели, Наденька

и Сашенька, а также Катенька Линькевичъ остались на Рождество въ пансіонѣ.

Когда непогода утихла, Ольга Ивановна рѣшила поѣхать погостить къ родственникамъ, причемъ забрала съ собой и дѣтей.

Помѣстились они всѣ въ огромномъ возкѣ (съ ними, конечно, и Ариша)—и отправились въ дорогу по прекрасному свѣжному пути.

Сперва погостили они у графа Д—на. Онъ былъ тогда уже вдовъ и изъ трехъ его сыновей дома находился только меньшей, Саша, лѣтъ пятнадцати, да его племянникъ такого-же возраста.

Здѣсь дѣти провели время очень весело и пріятно. Графъ Д—нъ, маленькій, живой и веселый старичокъ, очень любилъ дѣтей и не разъ собственной персоной участвовалъ въ ихъ играхъ... Между прочимъ, онъ научилъ ихъ играть въ „войну“

Но Катенька Линькевичъ и тутъ отличилась: она украла какое то украшеніе у большихъ бронзовыхъ часовъ; горничная замѣтила—и вышелъ скандалъ.

Отъ графа Д—на они поѣхали къ С—мъ, затѣмъ направили свой путь къ В—ой, крестной матери Ашеньки.

Г-жа В—ая была очень богатая, но бездѣтная помѣщица, вдова-генеральша, нѣмка по происхожденію. Высокая, худая и прямая, какъ жердь, чопорная старуха, она была страшно скупа, педантична и чванлива. Ходила она всегда сильно затянутая въ корсетъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ очкахъ, и носила букли подъ кружевнымъ чепцомъ.

У нея была такая-же старая и чрезвычайно на нее похожая компаньонка и попугай, который каждому кричалъ „дуракъ“.

Дѣтямъ отвели отдѣльную комнату и туда имъ носили обѣдъ, причемъ кушанья подавались въ такомъ скромномъ количествѣ, а хлѣбъ рѣзался столь тонкими—до прозрачности—ломтиками, что они были постоянно впроголодь и съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда наконецъ оставить этотъ негостепріимный домъ.

Ольга Ивановна отъ времени до времени навѣдывалась къ дѣтямъ и, видя ихъ скучными и унылыми, со вздохомъ повторяла:

— Бѣдные, бѣдные дѣти!...

Но горю ихъ помочь не могла...

Здѣсь они пробыли дней пять.

Въ послѣдній годъ пребыванія Б—хъ въ пансіонѣ Козаковой, Ашенька и Наденька стали учиться ѣздить верхомъ подъ руководствомъ опытнаго берейтора.

Помнится матери слѣдующій эпизодъ, чуть не имѣвшій трагическихкихъ послѣдствій.

Однажды, когда Ашенька только что устроилась на сѣдлѣ, лошадь чего-то испугалась и понесла. Ольга Ивановна упала въ обморокъ. Но берейторъ не потерялъ присутствія духа и, вскочивъ на коня, стрѣлой помчался за Ашенькой вслѣдъ и изо всѣхъ силъ кричалъ ей:

— Не прыгивайте съ лошади, или вы никогда больше не сядете на нее!...

Ашенька послѣдовала его совѣту и случай этотъ прошелъ благополучно.

Наденька и Сашенька пробыли въ пансіонѣ три года и съ глубокой печалью должны были оставить его по причинѣ тяжелой болѣзни г-жи Козаковой, которая уѣхала въ Одессу лечиться, а воспитанницъ распустила. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она возвратилась, и ученицы стали было уже собираться, какъ вдругъ ей сдѣлалось опять хуже, и она вскорѣ умерла.

Разсказывали, что Ашенька съ безпредѣльной любовью и самоотверженіемъ ухаживала за больною матерью. Но лекарство, взятое изъ аптеки по рецепту доктора, производило странное дѣйствіе: больная принявъ его, въ буквальный смыслъ слова лѣзла на стѣну отъ нестерпимаго страданія и кричала, что ее хотятъ отравить...

Но Ашенька глубоко вѣрила въ цѣлебную силу этого лекарства, и на колѣняхъ, со слезами, умоляла мать принимать его дальше.

Богъ знаетъ, что это было за лекарство и не былъ ли это одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ случаевъ ошибки аптекаря, которые и теперь нерѣдко повторяются у насъ!...

По смерти матери, Ашенька, совсѣмъ убитая горемъ, уѣхала съ братомъ на Кавказъ къ дядѣ. Говорили, что она вскорѣ, по желанію родственниковъ, вышла замужъ за одного доктора, человѣка уже не молодого, была несчастлива, и года черезъ два умерла.

Вообще эта кроткая, прелестная дѣвушка, съ печатью нѣжной меланхоліи на серьезномъ личикѣ, оталась въ воспоминанія матери, какъ существо „не отъ міра сего“...

Катенька Линькевичъ вышла замужъ за богатаго старика—генерала. Улинька Ольшанская тоже вышла замужъ и была счастлива съ любимымъ человѣкомъ.

II. Пансіонъ г-жи Принцлейнъ.

Барышни Б—ія пробыли дома нѣсколько времени вслѣдствіе болѣзни матери, а потомъ Матрена Васильевна отвезла ихъ въ Конотопъ въ аристократическій пансіонъ г-жи Принцлейнъ, рекомендованный ей Кочубеемъ.

Сперва онѣ поѣхали только посмотреть и попали какъ разъ на танцклассъ.

Всѣ дѣвицы были одѣты въ бѣлыя, кисейныя платья съ широкими рукавами, подобранными бантами изъ шелковой голубой ленты, и въ изящныхъ шелковыхъ голубыхъ передникахъ, составленныхъ изъ трехъ раздѣленныхъ полосъ, перехваченныхъ между собою такими-же бантами. Выходило очень эффектно!...

Наденька и Сашенька были въ восторгѣ и стали просить мать помѣстить ихъ здѣсь,—на что Матрена Васильевна, сама очарованная блестящей картиной, согласилась безъ труда.

Условіе было заключено: 500 руб. ассигн. въ годъ съ каждой (въ пансіонѣ Козаковой—300)—а черезъ недѣлю дѣвочекъ отвезли.

Это было зимою. Тутъ онѣ пробыли годъ.

Пансіонъ г-жи Принцлейнъ находился, какъ помнится матери, въ центрѣ города, но на какой улицѣ—она не помнитъ.

Домъ былъ большой, одноэтажный, съ высокими, свѣтлыми и просторными комнатами. Въ огромной залѣ, гдѣ происходили танцклассы, стоялъ рояль, и вокругъ стѣнъ тянулись длинные, безъ спинокъ, диваны, обитые ситцемъ. Такіе-же диваны были и въ классной, тоже очень большой комнатѣ, съ тремя столами посреди, скамьями, креслами для учителей и классныхъ дамъ и огромной черной доской на ножкахъ у стѣны.

Дортуары находились въ трехъ огромныхъ смежныхъ комнатахъ. Кровати, всѣ выкрашенныя въ зеленую краску, стояли въ два ряда изголовьемъ къ стѣнѣ, и всегда были покрыты, лѣтсмъ и зимою, бѣлыми пикейными одѣялами.

Въ углу каждаго дортуара, за ширмами, находилась кровать классной дамы.

Вообще вся внѣшняя обстановка здѣсь имѣла внушительный, но холодный, непріятный видъ казеннаго зданія.

Форма пансіонерокъ состояла лѣтомъ изъ розовыхъ и голубыхъ платьевъ, надѣваемыхъ въ перемежку черезъ недѣлю, и, конечно, декольте; зимою—платья были шерстяныя, зеленыя, бѣлый передникъ съ лифомъ, доходившимъ до горла, и бѣлыми-же рукавами.

Ученицъ всѣхъ было тридцать шесть, три классныхъ дамы и три учителя—не считая законоучителя и танцмейстера. Два учителя были приходящіе. а одинъ, учитель музыки, жилъ въ пансіонѣ.

Г-жа Принцлейнъ — ифмка — небольшого роста, средней полноты женщина, весьма непріятной и даже отталкивающей наружности. Одѣта она всегда была въ шелковое, темное платье, всегда очень затянута, въ нарядной куафюрѣ и сильно молодилась, не смотря на свои преклонныя лѣта и постоянную зубную боль, отъ которой она стонала и кричала на весь пансіонъ.

Мужъ г-жи Принцлейнъ, бывшій гораздо моложе ея, выглядывалъ, по воспоминанію матери, какимъ-то простымъ ремесленникомъ и не имѣлъ никакого значенія въ пансіонѣ. Это былъ маленькій, толстый и круглый человекъ, съ добродушной, хотя тоже непріятной фізіономіей, боявшійся, какъ огня, своей ревливой супруги и не выходившій никуда безъ ея разрѣшенія изъ своихъ апартаментовъ. Только изрѣдка, въ видѣ особой милости, позволялось ему поиграть въ „кошки и мышки“ съ ученицами.

Дѣтей у нихъ, кажется, не было.

Наденькѣ и Сашенькѣ, послѣ пансіона Козаковой, пришлось здѣсь только непріятно удивляться и удивляться безъ конца!...

Первое, что ихъ поразило, это то—что одна изъ классныхъ дамъ оказалась бывшей подругой Ашеньки, которой двѣнадцатилѣтняя Наденька сама не разъ поправляла ошибки во французскомъ языкѣ.

Встали онѣ на другой день своего приѣзда, какъ и въ пансіонѣ Козаковой, въ 6 ч. утра, и, совершивъ свой туалетъ, конечно съ помощью Авдотьи, отправились вмѣстѣ съ другими пансіонерками въ классную на молитву: ихъ поставили въ ряды, и одна, выступивъ впередъ, громко читала молитву, а другія повторяли вполголоса за нею.

Окончивъ молитву, сѣли завтракать.

На завтракъ полагалась тарелка розмазни на двухъ...

Ни Наденька, ни Сашенька, избалованныя хорошей пищей, не притронулись къ этому завтраку, чѣмъ возбудили всеобщее удивленіе,—и порція ихъ въ одинъ мигъ была расхватана.

На закуску подали, подъ громкимъ названіемъ „чая“, по чашкѣ какой-то тепловатой, слегка подслащенной и приправленной снятымъ молокомъ водицы. Хлѣба-же къ завтраку вовсе не полагалось.

Когда оканчивали уже чай, вошла г-жа Принцлейнъ.

— Chère, maman!... chère, maman!... — повскакивавши со своихъ мѣстъ, въ одинъ голосъ радостно закричали воспитан-

ницы, только что ругавшія ее на чемъ свѣтъ стоитъ, и бросились всѣ на перебой цѣловать ей руку.

Пораженные такимъ невиданнымъ лицемѣріемъ, Наденька и Сашенька точно прикипѣли къ своимъ стульямъ, и только, когда начальница совсѣмъ близко проходила мимо нихъ, онѣ молча поднялись, сдѣлали ей реверансъ и также молча сѣли на свои мѣста. (Онѣ, впрочемъ, и впослѣдствіи никогда не цѣловали ей руки).

Конечно, г-жа Принцлейнъ прекрасно замѣтила такое непочтеніе, оказанное ей новыми воспитанницами при всемъ классѣ, однако ничего не сказала, но только *приняла во вниманіе*.

Начались уроки. Б — хъ посадили въ приготовительный классъ, и съ ними никто не занимался, исключая законоучителя, который задалъ имъ урокъ изъ священной исторіи.

Такъ было и впослѣдствіи. Можетъ быть, желала г-жа Принцлейнъ наказать такимъ образомъ продерзость Наденьки и Сашеньки, но скорѣй это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что послѣднія слишкомъ много знали, гораздо больше, чѣмъ ея старшія ученицы, а это выходило, конечно, далеко не въ пользу ея заведенія; а тутъ черезъ полгода должны были быть экзамены, такъ не мѣшало-бы имъ нѣсколько призабыть... — разсуждала г-жа Принцлейнъ. Какъ-бы то ни было, фактъ тотъ, что ихъ не учили, не смотря на ихъ просьбы, и даже прятали отъ нихъ учебники.

Въ 12 ч. обѣдали. За столъ вмѣстѣ съ воспитанницами сѣли также и классныя дамы и учителя — въ креслахъ. Сама г-жа Принцлейнъ помѣстилась въ концѣ перваго стола, и обѣдъ ей подавался отдѣльный.

Разливала супъ одна изъ классныхъ дамъ, причемъ четыре куска говядины, находившіеся въ суповой чашкѣ, предназначались исключительно учительскому персоналу — воспитанницамъ же мяса вовсе не полагалось.

На второе блюдо подали какой-то оригинальный соусъ, состоящій изъ смѣси варенаго картофеля и гречневыхъ галушекъ, слегка приправленныхъ протухлымъ масломъ. Это блюдо, какъ узнали впослѣдствіи горькимъ опытомъ Наденька и Са-

шенька, было изъ лучшихъ, но теперь онѣ отнеслись къ нему не съ меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ и къ завтраку.

За обѣдомъ, между прочимъ, произошла слѣдующая трагикомическая сцена, произведшая на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Въ пансіонѣ были, какъ имъ уже успѣли сообщить новыя подруги, двѣ воспитанницы—Черняева и Кирилленкова, страдающія „собачьимъ голодомъ“, худыя и страшныя, какъ скелеты.

Кирилленкова не знала въ этотъ день своего урока—спраженія французскихъ глаголовъ—и въ наказаніе ее лишили послѣдняго блюда.

Доведенная мучительнымъ голодомъ до отчаянія, она вдругъ вскочила съ мѣста, повернулась лицомъ къ г-жѣ Принцлейнъ, и, ударяя въ тактъ по столу кулакомъ, стала громко спрягать:

— Je ne mange pas des galouches!... (галушки).

— Tu ne manges pas des galouches!.. etc., etc.

Скандалъ вышелъ огромный!... Г-жа Принцлейнъ была страшно взбѣшена и тотчасъ поставила дѣвочку на колѣни. Но та не угомонилась и, стоя на колѣняхъ, продолжала все таки свое...

На полдникъ горничная принесла на большомъ подносѣ ломти чернаго хлѣба, посыпанные солью, и роздала ихъ воспитанницамъ.

(Когда бывалъ танцклассъ, дѣвицамъ не давали полдника, чтобы онѣ легче танцовали).

Наденька и Сашенька отказались отъ своей порціи и принялись кушать бублики, которые имъ купила на базарѣ Авдотья за ихъ собственныя-же карманныя деньги. Но лишь это замѣтили старшія воспитанницы, какъ мигомъ набросились на дѣвочекъ и отняли у нихъ бублики. Которая-то невольно вскрикнула при этомъ насиліи; Авдотья услышала, разъяренной тигрицей вскочила въ комнату и чуть не расправилась собственноручно съ обидчицами.

Онѣ ея боялись послѣ этого, какъ огня, и никогда больше не смѣли уже обижать ея „маленькихъ барышень“...

На ужинъ подали кулишъ, и въ 9 ч. воспитанницы легли спать, предварительно спѣвъ хоромъ „Боже Царя храни“ и „Коль славенъ“...

Постели Б—хъ какъ разъ припились подлѣ кровати классной дамы Ч—ой, изъ ихъ родного городка. Это была милая, симпатичная дѣвушка, съ оригинальнымъ, очень смуглымъ неправильнымъ лицомъ, но узкими, какъ щелочки, черными, блестящими, смѣющимися глазами.

Она была любима всѣми въ пансіонѣ за свой добрый, веселый нравъ, и ея близкое сосѣдство было сущимъ благодѣніемъ для Наденьки и Сашеньки.

Жизнь воспитанницъ въ пансіонѣ Принцлейнъ была просто нестерпима. Кормили ихъ всегда впроголодь и отвратительной, несвѣжей пищей. Былъ, напр., такой случай.

Однажды подали на ужинъ супъ съ плававшими въ немъ червями и издававшій ужасное зловоніе.. Конечно, никто къ нему не прикоснулся, кромѣ Черняевой и Кирилленковой, которыя пожирали его со своей обычной жадностью. Позвали начальницу, благоразумно не появившуюся на этотъ разъ къ столу. Пришедши, она обрушилась страшнымъ гнѣвомъ на воспитанницъ и потребовала, чтобы онѣ ѣли супъ,—кто-же не желаетъ, пусть встаетъ и отходитъ въ сторону. Наденька, какъ болѣе строптивая, отказалась ѣсть, но Сашенька пыталась было повиноваться, и только поднесла ложку ко рту, ей сдѣлалось дурно... Г-жа Принцлейнъ круто повернулась и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова... Этимъ дѣло и кончилось, но конечно дѣти остались безъ ужина.

Громадныя комнаты плохо отапливались, а въ зимніе долгіе вечера, когда не было уроковъ, также плохо освѣщались.

Дрожа отъ холода въ своихъ легкихъ платьяхъ, дѣвочки сбивались группами по угламъ дивановъ въ классной и залѣ, и шепотомъ передавали другъ другу разныя легенды о привидѣніяхъ, мертвецахъ, встающихъ изъ гроба, и т. п., и наконецъ о какихъ-то таинственныхъ собакахъ, будто-бы бродившихъ по вечерамъ въ полумракѣ этихъ огромныхъ, холодныхъ, пустынныхъ комнатъ.

Малѣйшій шорохъ, малѣйшій стукъ, заставлялъ дѣтей нервно вздрагивать, пугливо озираться, прижимаясь тѣснѣе

другъ къ дружгѣ, и смертельнымъ холодомъ леденилъ ихъ и безъ того окоченѣвшіе члены.

Взаимныя отношенія воспитанницъ тоже не были здѣсь простыя и дружескія, какъ въ пансіонѣ Козаковой—здѣсь дѣвицы „влюблились“ одна въ другую, „обожали“ избранницу своего сердца, доходили чуть не до безумія въ припадкахъ ревности... У Наденьки, напр., были двѣ обожательницы—Катя Нестеренкова, очень некрасивая, рыжая, въ веснушкахъ, дѣвочка, и прелестная Ольга Филонова, приходящая, дочь учителя. Наденька, въ свою очередь была страстно „влюблена“ въ десятилѣтнюю Маню Никольскую, большую капризницу, которой она отдавала всѣ свои лакомства, и которая ея помыкала, какъ хотѣла...

Словомъ, здѣсь и „духъ“ былъ совсѣмъ иной...

Незадолго передъ экзаменами Наденька заболѣла сильно горячкой. Никакого спеціальнаго ухода за нею не было, и лежала она въ общемъ дортуарѣ, днемъ—одна одинешенька, предоставленная вполнѣ самой себѣ, ночью—среди спящихъ дѣтей. Только и ухаживала за нею во время болѣзни Ольга Филонова, дѣйствительно искренно привязавшаяся къ ней...

Когда Наденька очнулась наконецъ отъ своего долгаго забытья, она замѣтила при сумракѣ вечера, стоявшую у ея кровати на колѣняхъ фигуру дѣвочки, которая, положивъ голову на руки, горько плакала.

Это была Оля.

Потомъ, когда Наденька стала выздоравливать, она носила ей тайкомъ въ карманѣ копченныя сельди, соленые огурцы, сухія вишни, и другія незатѣйливныя, но кажущіяся необыкновенно вкусными послѣ болѣзни, лакомства... Надо еще сказать, что родители Оли были далеко не богатые люди, и эти затраты на подругу стояли ей несомнѣнно извѣстныхъ лишений...

Мать живо помнитъ ея тонкое, изящное личико, съ большими, карими глазами и густѣйшими, темными волосами, но что съ нею случилось впоследствии—она не знаетъ...

Мѣжду тѣмъ, начались экзамены—сперва частные, такъ сказать пробные, безъ посторонней публики, а потомъ настоящія, официальные.

Первою вызвалъ директоръ Сашеньку—можетъ быть потому, что она была очень хорошенькая, бѣленькая, свѣженькая, съ темными глазами и волосами—и спросилъ, сколько она времени здѣсь?

— Полгода,—отвѣчала Сашенька.

Тогда онъ велѣлъ ей прочитатъ что-то изъ французскаго а потомъ перевести это по русски.

И то, и другое Сашенька исполнила блистательно, безъ ошибки.

Директоръ пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ самыхъ лестныхъ комплиментахъ передъ г-жею Принцлейнъ, говоря что если эта воспитанница такъ много знаетъ за полгода, то другихъ и спрашивать даже не стоитъ.

За тѣмъ онъ обратился къ Сашенькѣ и сказалъ ей, что она необыкновенный ребенокъ, если знаетъ столько за такое короткое время своего пребыванія въ пансионѣ.

Но Сашенька навивѣйшимъ образомъ возразила, что не здѣсь вовсе она приобрѣла эти знанія, а въ пансионѣ Козаковой, гдѣ онѣ съ сестрой пробыли три года.

У директора фizioномія сразу вытянулась, онъ поднялся, холодно раскланялся и удалился, не сказавъ ни слова.

Когда г-жа Принцлейнъ, кусавшая себѣ губы отъ безсильной ярости и смущенія, проводила директора и возвратилась назадъ, первымъ дѣломъ она подбѣжала къ Сашенькѣ, бѣшено схватила ее за руку, покрутила и бросила на колѣни. Тоже самое она продѣлала и съ другой ученицей, и съ третьей... словомъ со всѣми, исключая Наденьки и еще одной, которая случайно находилась въ другой комнатѣ.

Какъ разъ въ это время пріѣзжаютъ гости и застаютъ весь классъ на колѣняхъ...

Г-жа Принцлейнъ казалась очень сконфуженной и мотивировала свою строгость тѣмъ, что дѣвицы будто-бы заглядывали въ журналъ.

На официальномъ экзаменѣ, гдѣ присутствовало много посторонней публики, всѣ воспитанницы были одѣты какъ и на танцклассѣ, т. е. въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и голубыхъ шелковыхъ передникахъ что, конечно, выходило очень красиво и производило блестящій эффектъ.

Одна бѣдная Наденька, только что вставшая послѣ горячки, при своемъ не по возрасту высокомъ ростѣ, худая, желтая (еще Игорь въ пансіонѣ Козаковой называлъ ее „гробовой доской“), съ огромными, черными глазами, въ этомъ бѣломъ, воздушномъ платьѣ и въ бѣломъ съ желтыми, креповыми лентами чепчикѣ на бритой головѣ, была положительно ужасна и обращала на себя общес, далеко не лестное вниманіе...

Застѣнчивая и безъ того до дикости, теперь, когда ее вызвали, она ничего не видала вокругъ себя и едва сознавала, что говорить... Только и помнить, будто сквозь сонъ, что ей со всѣхъ сторонъ кричали:

— Довольно!.. довольно!.. она совсѣмъ больна!..

Тѣ воспитанницы, родственники которыхъ предупредительно привезли начальницѣ передъ экзаменами дорогіе подарки, получили награды. Наденька-же и Сашенька, также какъ и другія незаплатившія обычной дани, — только похвальные листы.

Помнятся матери два выдающихся эпизода изъ жизни ихъ въ пансіонѣ Принцлейнъ.

Однажды пріѣхали какія-то три дамы въ глубокомъ траурѣ съ плерсаами, и одна изъ нихъ молоденькая дѣвушка поразительной красоты, но какал-то странная... Ихъ сопровождалъ пожилой, сановитый господинъ.

Переговоривъ съ начальницей, загадочные посѣтители уѣхали, но черезъ недѣлю привезли дѣвушку и оставили ее въ пансіонѣ.

Новую воспитанницу звали Машей. У нея были чудные, черные глаза, блѣдное, съ тонкими, правильными чертами лицо, и длинѣйшіе — до пять, черные, какъ воронье крыло, волосы... Она держалась особнякомъ, была очень печальна, и вообще казалась какой-то странной, ненормальной...

Въ тотъ-же вечеръ, когда Наденька и Сашенька съ подругами забрались въ свой излюбленный уголокъ на диванъ въ залъ (это было зимою) и бесѣдовали тихо о привидѣніяхъ, бродячихъ собакахъ, мертвецахъ, и т. п., — онѣ вдругъ услышали въ классной испуганные крики, суету, какой-то переполохъ, и къ ихъ неопisanному ужасу, въ гостинную вбѣжала Машенька, съ распущенными волосами, дико горящими глазами, и, махая руками, будто крыльями, какъ безумная, промчалась черезъ всю комнату и исчезла за дверьми.

Дѣвочки чуть не умерли отъ страха.

Ночью повторилось тоже самое. Дѣвушка бродила по дортуару, какъ привидѣніе, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами, что-то бормотала и заглядывала въ лицо спящимъ...

Паника достигла крайней степени. Дали знать родственникамъ, и на другой день Машеньку увезли. Говорили, что она продѣлывала тоже самое и въ другихъ пансіонахъ, гдѣ ее помѣщали, и осталось подъ сомнѣніемъ, была-ли она дѣйствительно помѣшанная (она потеряла недавно кого-то изъ близкихъ), или она только выдавала себя за таковую, не желая учиться?..

Другой эпизодъ—не столь печальнаго свойства.

Однажды, когда дѣвицы, по обычаю, пѣли передъ отходомъ ко сну гимны, къ ихъ дѣвичьимъ голосамъ неожиданно присоединились мужскіе басы. Оглядываются—и съ изумленіемъ видятъ двухъ юныхъ офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, должно быть, незамѣтно пробравшихся черезъ черный ходъ...

Конечно, дѣвицы подняли пронзительный визгъ и разбѣжались въ разныя стороны, а дерзновенныхъ попросили тотчасъ удалиться, пригрозивъ имъ въ противномъ случаѣ тѣмъ, что ихъ выведутъ...

На Рождество нѣкоторые изъ родственниковъ, пріѣхавъ въ пансіонъ за воспитанницами, вынуждены были переждать нѣсколько дней, пока не утихнетъ страшная мятель, свирѣпствовавшая тогда. (Въ эту мятель погибло много народу, и въ томъ числѣ, 30 рекрутъ, которыхъ везли закованными на крестьянскихъ подводахъ).

Между родственниками были и богатые купцы, навезшіе къ празднику начальницѣ, кромѣ другихъ цѣнныхъ подарковъ, много всякой дорогой, вкусной снѣди: стерлядей, осетрины, закусокъ, сластей, и т. п.

Волей — неволей пришлось г—жѣ Принцлейнѣ, скрѣпя сердце, угощать этимъ оставшихся воспитанницъ — чѣго она никогда не сдѣлала бы при другихъ обстоятельствахъ.

А тутъ еще какой нибудь почтенный бородачъ, накладывая дѣвочкѣ полнѣ тарелку, добродушно приговариваетъ.

— Кушай, матушка, кушай!.. хватить на всѣхъ!..

Между тѣмъ, мятель успокоилась, и за Наденькой и Сапешенькой пріѣхалъ старшій братъ, чтобъ взять ихъ домой на праздни. Онъ только что возвратился изъ Петербурга и до сихъ поръ не имѣлъ понятія о пансіонѣ г—жи Принцлейнѣ. Теперь же, побывавъ здѣсь лично и наслушавшись о немъ разсказовъ, онъ взялъ сестеръ совсѣмъ изъ пансіона, находя, что гувернантка въ домѣ будетъ для нихъ гораздо полезнѣе.

Над. М. Кибальчичъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.¹⁾

П. В. Ивановъ.

Въ новѣйшей малорусской этнографіи Петръ Васильевичъ Ивановъ занимаетъ видное мѣсто. Его этнографическіе сборники отличаются полнотой содержанія и ясной системой распредѣленія матеріала. Біографическихъ данныхъ о г. Ивановѣ у насъ нѣтъ, и дѣло г. Иванова, если онъ, по скромности, нигдѣ не далъ хотя бы краткихъ автобіографическихъ сообщеній. Исслѣдователю современной малорусской этнографіи нужно, однако, опредѣлить тѣ стороны въ личной обстановкѣ и дѣятельности нашего этнографа-собираателя, которыя объясняютъ своеобразный характеръ его этнографическихъ трудовъ. Нужно знать, на примѣръ, чѣмъ обусловлено то характерное обстоятельство, что г. Ивановъ ограничивается предѣлами одного уѣзда Харьковской губерніи и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ опирается на многихъ полезныхъ сотрудниковъ изъ мѣстной среды, преимущественно, изъ народныхъ учителей и учительницъ. Дѣло въ томъ, что г. Ивановъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по выходѣ въ отставку, поселился на мѣстѣ своей прежней служебной дѣятельности въ г. Кушанскѣ (въ 116 в. отъ г. Харькова) и сохранилъ связи со своими прежними сослуживцами—учителями и учительницами народныхъ школъ. Г. Ивановъ возбудилъ въ нихъ интересъ къ этнографическимъ работамъ, снабдилъ ихъ программами и сдѣлался средоточіемъ, объединителемъ и орга-

¹⁾ Кіевск. Стар. 1892 г. № 5.

низаторомъ ихъ этнографической дѣятельности. На этнографическое поприще г. Ивановъ вступилъ недавно, въ 80-хъ годахъ. Ранѣе онъ былъ извѣстенъ своими трудами по изученію мѣстной фауны; сочиненія его по этой части печатались въ изданіяхъ харьковскаго общества естествоиспытателей.

Этнографическія изслѣдованія г. Иванова представляются весьма любопытными въ томъ отношеніи, что они являются, такъ сказать, результатомъ дѣлой школы мѣстныхъ этнографовъ; на нихъ лежитъ печать коллективнаго труда многихъ почтенныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ народу. Какъ важна такая общественная организація этнографическихъ изученій, краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ превосходные сборники г. Иванова. За четыре, пять лѣтъ г. Ивановъ далъ массу новаго, оригинальнаго и цѣннаго матеріала.

Если не ошибаюсь, первой этнографической замѣткой г. Иванова была „*Вирша на Рождество Христово*“ въ XI кн. Кіев. Старины 1882 г.—текстъ вирши, записанный бывшимъ учителемъ купинскаго духовнаго училища Лавровскимъ и маленькій къ ней комментарий г. Иванова. Вирша—бурсацкое произведеніе и къ народной поэзіи не имѣетъ никакого отношенія. Она относится къ юмористическимъ схоластическимъ виршамъ объ Адамѣ и Евѣ. Въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1892 г. П. И. Жятецкій подвергъ научному анализу эту и другія родственныя ей вирши объ Адамѣ и Евѣ.

Въ XII кн. „Кіев. Старины“ 1885 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ небольшую статью „*Знахарство, шептанье и заговоры въ старобѣльскомъ и купинскомъ уѣздахъ харьковской губерніи*“. Это сборникъ заговоровъ и шептаній съ интересными пояснительными бытовыми комментаріями. Въ краткомъ предисловіи г. Ивановъ говоритъ: „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купинскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 шептаній и заговоровъ, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе

цѣнными вариантами“... Для образца и помѣщено около двухъ десятковъ заговоровъ и шептаній, именно, шептанія надъ водой, отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Сборникъ этотъ составляетъ полезное дополненіе къ сборнику „Малорусскихъ заклинаній“ П. С. Ефименка. Литература заговоровъ весьма обширна, если считать не изслѣдованія, какихъ почти нѣтъ (Крушевскій, О. Миллеръ), а сборники, какихъ много (главные Майкова, Романова и Ефименка). На литературѣ предмета здѣсь не останавливаюсь, и отсылаю интересующихся этимъ дѣломъ къ моему библиографическому указателю заговоровъ, изданному въ 1892 г.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ представилъ свой *сборникъ заговоровъ* въ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества. Известный этнографъ П. В. Шейнъ, разсматривавшій сборникъ г. Иванова, въ своемъ о немъ отзывѣ, между прочимъ, говоритъ: „Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія и 122 заговоровъ и шептаній. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ *Кіевской Старинѣ*... заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота, 2) обереги отъ воровъ, клеветы, змѣи, таракановъ и пр. и 3) на разные случаи, чтобы быть въ почетѣ, передъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный оберегъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ... Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ; заговоръ примѣняется къ больному или случаю и т. п. По своему содержанію заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются двоевѣрнымъ характеромъ... Въ сборникѣ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины...“ Въ заключеніе своей рецензіи г. Шейнъ признаетъ сборникъ г. И. „цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку“ и находитъ, что „трудъ этотъ вполне заслуживаетъ, чтобы его напечатали цѣлкомъ“. Этнографическое отдѣленіе опредѣлило имѣть въ виду этотъ сборникъ для изданія и наградить г. Иванова серебряной медалью (*Живая Старина* 1891 III).

Въ VI кн. Кіевской Старины 1886 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ статью „*Кое-что о вовкулакахъ и по поводу ихъ*“. Авторъ знакомъ съ сборниками Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова и сообщенія его представляются дополненіями. Въ статьѣ приведено три свадебныхъ оберега и нѣсколько способовъ возвращенія вовкулакамъ человѣческаго вида. Далѣе, приведены народные рассказы, чѣмъ питаются вовкулаки. Статья небольшая, но полезная при довольно скудной и крайне разбросанной литературѣ о вовкулакахъ. Главные сборники и статьи о вовкулакахъ указаны мной въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ § 121 и подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ библиографическаго указателя статей о колдунахъ и вѣдмахъ (1891 г.).

На ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ 1887 г. покойный проф. О. Θ. Миллеръ доложилъ и разобралъ докладъ П. В. Иванова „*Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда харьковской губерніи на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ*“. Этотъ докладъ, сколько мнѣ извѣстно, не вошелъ въ изданные томы трудовъ седьмаго археологическаго съѣзда, и о содержаніи его мы можемъ судить по протоколу засѣданія 13 августа, когда этотъ докладъ былъ прочитанъ. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и затѣмъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не отмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ выяснилъ представленіе души въ образѣ крылатаго существа (пчелы) или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ ка-

кими-нибудь физическими недостатками имѣеть и душу не вполне совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по мнѣнію крестьянъ, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло; другіе считаютъ мѣстопробываніемъ ея грудь, третьи—утробу; иные представляютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и вѣдьмъ души нѣтъ: душа изъ нихъ вышла и ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещеными младенцы превращаются въ русалокъ („лоскотовки“), представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особый для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещеными и живущихъ съ ангелами. Умиравшаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго кладутъ на лавку, въ головахъ зажигаютъ свѣчу; на стѣнѣ вѣшаютъ рушникъ; на окно ставятъ воду или медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстіе въ потолокъ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ; въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которой были связаны ноги покойника, берегутъ какъ лѣчебное средство. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а по мнѣнію другихъ, попарно. До 40 дней душа покойника посѣщаетъ домъ; за тѣмъ надъ ней совершается судъ, и она получаетъ опредѣленное мѣстопробываніе. На поминальные обѣды душа является и послѣ 40 дней. Душа скупого на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный, онъ подъ землею; въ немъ мракъ; души грѣшниковъ питаются въ немъ пепломъ. Рай—зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Г. Ивановъ приводитъ рассказы „замиравшихъ“ старухъ о загробномъ мірѣ, рассказы крестьянъ о явленіи мертвецовъ и нѣсколько плачей.

Изложивъ передъ слушателями на съѣздѣ всѣ сообщенія г. Иванова, Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указавъ, что въ нихъ встрѣчается новаго и, сопоставивъ это новое съ прежними сообщеніями, призналъ собранныя г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. (*Отчеты о засѣд. съѣзда*).

Въ отчетѣ о рефератѣ Миллера не указано, какия онъ упоминалъ „прежнія сообщенія“. Можно догадываться, что были указанія на труды Котляревскаго, Аванасьева и Барсова. Малорусская похоронная причеть только въ новѣйшее время стала обращать на себя вниманіе этнографовъ. Въ видѣ полезныхъ дополненій къ статьямъ П. В. Иванова о душѣ (1887 г.), о вѣдмахъ (1891) и о долѣ (1892 г.), гдѣ также разбросано много замѣтокъ и матеріаловъ относительно малорусскихъ народныхъ повѣрій о душѣ, могутъ еще служить замѣтки:

С. Брайловскаго, о похоронныхъ причитаніяхъ южнорусскаго края, въ „Русск. Филол. Вѣстникъ“ 1884, т. XII.

С. Брайловскаго, „Малорусская похоронная причеть и мифическое ея значеніе въ Кіевской Старинѣ 1885, IX, 74—84.

М. К. Васильева, О малорусскихъ похоронныхъ обрядахъ въ Кіевск. Стар. 1889, VI, 635 и въ Кіевск. Стар. 1890, VIII, 317—322.

Ziemba, Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu, w Zbiór Wiadomości 1888, XII, 227—230.

Хр. Ящуржинскаго, Малорусскія причитанія надъ умершими, въ Кіевской Старинѣ 1888, I, 11—16.

Хр. Ящуржинскаго, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи, въ Кіев. Стар. 1890, I, 130—132.

Сравнительно болѣе подробная статья г. Брайловскаго въ Кіевской Старинѣ не свободна отъ поспѣшныхъ мифологическихъ выводовъ. Такъ, на основаніи одного только выраженія „зашло мое сонечко красное“ г. Б. говорить о мифическомъ отождествленіи жизни человѣка съ солнцемъ. Можетъ быть, когда нибудь и было такое отождествленіе, но въ малорусской причети

оно не оставило слѣдовъ, и опровергаемое авторомъ мнѣніе Чубинскаго о бѣдности фактическаго содержанія въ малорусской причети сохраняетъ вполне свое значеніе. Напрасно также сдѣланъ Чубинскому упрекъ (на стр. 74) въ недостаткѣ „спеціальной подготовки“. Заслуги Чубинскаго, какъ изслѣдователя, заслонены его громадными заслугами, какъ собирателя.

Въ Харьковскомъ Сборникѣ 1888 г. (приложеніе къ Харьковскому календарю) г. Ивановъ напечаталъ небольшую статью (19 стр.) „*Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру*“—матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Въ небольшомъ введеніи г. Ивановъ различаетъ въ народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и сказаніяхъ двѣ стороны, оригинальную и заимствованную, причѣмъ высказываетъ слѣдующее основательное замѣчаніе: „при собираніи и изученіи этнографическихъ данныхъ, прежде чѣмъ обращаться къ далекимъ сближеніямъ и сравненіямъ, необходимо прочно установиться на родной почвѣ тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго матеріала. Затѣмъ, кромѣ записыванія изъ устъ народа сказаній его и объясненій бытовыхъ подробностей, необходимо извлечь изъ напечатанныхъ уже памятниковъ древней письменности соотвѣтствующій матеріалъ, Онъ можетъ послужить къ болѣе правильному освѣщенію существующихъ народныхъ обычаевъ и міросозерцанія народа, вообще указаніемъ тѣхъ измѣненій въ нихъ, какія внесены на глазахъ исторіи въ бытовую жизнь народа временемъ и измѣнившимися условіями гражданственности... Встрѣчаясь при изслѣдованіи народнаго міросозерцанія съ нелѣпыми и бессмысленными взглядами и понятіями, не должно относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а слѣдуетъ, подобно естествоиспытателю, внимательно выслушивать, точно записывать и всесторонне изучать, потому что въ кажущейся нелѣпости могутъ иногда скрываться драгоцѣнныя для характеристики народнаго быта черты изъ первобытной культуры или фактъ, могущій содѣйствовать разрѣшенію одного изъ вопросовъ о древнихъ международныхъ сношеніяхъ“.

Замѣчаніе г. Иванова о необходимости извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ письменности этнографическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ приложеніи къ старинной украинской письменности, почти не затронутой съ этой стороны. Я раза два—три предпринималъ съ такой цѣлью экскурсіи въ южнорусскую схоластическую литературу. Такъ, изъ „Лиосоа“ Петра Могилы мной извлечены кое-какія черты о свадебныхъ обычаяхъ и бракосочетаніи первой половины XVII в. (напеч. въ Киев. Старинѣ 1883, XI, 510—514), изъ сочиненія Петра Могилы, Іоанникія Галатовскаго и Лазаря Барановича извлечено около двухъ десятковъ пословицъ (напеч. въ VIII кн. Киевской Старины 1887 г.) и затѣмъ изъ старинныхъ актовъ кое-что извлечено о принесеніи разныхъ предметовъ въ церковь (въ Культ. переживаніяхъ § 2). Но предметъ этотъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ полнаго вниманія и цѣльной монографіи. Несомнѣнно, что кое-что любопытное въ бытовомъ отношеніи можно извлечь изъ старинныхъ южнорусскихъ актовъ, напр., клятвы въ духовныхъ, названія одежды и жилищъ, религіозныя легенды и т. п. Не слѣдуетъ, однако, возлагать преувеличенныхъ надеждъ на старинную украинскую письменность. Большой поживы она не можетъ дать, наприм., такой поживы, какую чешскій ученый Зибртъ въ послѣднее время извлекъ изъ памятниковъ старинной чешской литературы, обильной многими любопытными въ фольклорномъ отношеніи проповѣдями.

Г. Ивановъ представляетъ въ своей статьѣ сводъ мѣстныхъ повѣрій о небѣ, землѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ, о разныхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Въ южнорусской этнографической литературѣ такого рода свѣдѣнія были ранѣе въ значительномъ числѣ подобраны въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, въ польской литературѣ — въ сборникахъ Густавича, Сярковскаго и друг. Въ сборникѣ г. Иванова мало новаго. Значеніе этого сборника опредѣляется не обиліемъ и новизной записей, а мѣстной группировкой ихъ, на что указываетъ самъ собиратель. „Въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, говоритъ г. И., приведено весьма много подобнаго же матеріала, но, стекаясь съ огромнаго района, этотъ матеріалъ слишкомъ, такъ

сказать, расплывлется по обширному пространству, не даетъ поэтому яснаго представленія о міровоззрѣніи малоросса определенной мѣстности“. Стуживая границы изслѣдованія матеріаломъ, собраннымъ въ двухъ—трехъ селахъ, г. И. даетъ довольно ясную картину міросозерцанія крестьянъ этихъ сель.

Въ сборникѣ г. И. есть любопытныя мелочи. Было бы долго перечислять ихъ здѣсь и опредѣлять ихъ научное значеніе. Ограничиваюсь двумя, тремя: „Солнце на гору зайцемъ бѣжитъ, а спускается тройкой коней“ — характерное во многихъ отношеніяхъ повѣрье, близкое къ литовскимъ повѣрьямъ о близости зайца къ солнцу, о чемъ подробно смотр. въ ст. *Н. Сумцова* „Залцъ въ народной словесности“. Легенды о царѣ Папаримѣ — оригинальный вариантъ апокрифа объ избіеніи младенцевъ. Эта легенда вызвала спеціальное изслѣдованіе *г. Драгоманова* о сказаніяхъ на мотивъ о пожертвованіи своего ребенка въ „Сборникѣ за народни умотворенія“ 1890 г. Повѣрья о созданіи земли и горъ, отмѣченныя въ сборникѣ г. Иванова, представляютъ варианты космогоническаго сказанія, подробно разобраннаго въ послѣднее время акад. *А. Н. Веселовскимъ* въ цѣломъ рядѣ статей. Весьма интересно, между прочимъ, сказаніе о Донѣ Ивановичѣ и Донцѣ Ивановичѣ, относящееся къ мало разработанному въ наукѣ циклу сказаній и пѣсенъ о южнорусскихъ рѣкахъ.

Въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1889 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ обширную статью „Народныя обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіяся къ малорусской хатѣ“ (30 страницъ). Несомнѣнно, это самый подробный, вообще лучший изъ существующихъ сборникъ повѣрій, связанныхъ съ хатой. Собранныя въ статьѣ матеріалы записаны въ Купянскомъ уѣздѣ г. Ивановымъ и сотрудниками его, учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ статьи г. И. говоритъ о семейныхъ раздѣлахъ у малоруссовъ и объ участіи въ нихъ женщинъ, о выборѣ мѣста для хаты, гаданіяхъ „закладчинѣ“ и обхожденіи съ плотниками, обрядномъ подниманіи сволоки („сволоковчинѣ“), о плотникахъ—знахаряхъ, о „клинцованіи“ (вбиваніи клинчиковъ и обмазкѣ глиной) и побѣлкѣ хаты и о пе-

реходѣ въ новую хату. Далѣе идетъ весьма обстоятельный обзоръ частей хаты: печи, двери, порога, окна, и обзоръ повѣрій, относящихся къ мебели и посудѣ. Въ заключеніе приведено сто загадокъ, относящихся къ хатѣ и хозяйству малоросса. Въ статью вошло нѣсколько легендарныхъ рассказовъ, какъ Богъ научилъ людей строить хату, а ап. Петръ кузнечному ремеслу. Особенно много интересныхъ повѣрій о печкѣ, повѣрій, отчетливо отражающихъ въ себѣ древній культъ огня. При этомъ отмѣченъ рядъ лѣченій болѣзней—съ помощью печи. Въ числѣ загадокъ попадаются новыя или варианты извѣстныхъ, интересные по мифологической основѣ, напр., „поле немиряне, вивци нещитани, пастухъ рогатый“ (звѣзды и луна). Эта загадка легла въ основу прекраснаго стихотворенія В. А. Жуковскаго.

На пажити необозримой,
 Не убавляясь никогда,
 Считаються неисчислимья
 Серебрурунныя стада.
 Въ рожокъ серебряный играетъ
 Пастухъ приставленный къ стадамъ;
 Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ
 И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И надочета имъ не зная,
 Пасеть онъ ихъ давно, давно.
 Стада поить вода живая
 И умирать имъ не дано.
 Она одной дорогой бродятъ
 Подъ стражей пастырской руки.
 И юноши ихъ тамъ находятъ,
 Гдѣ находили старики.

Въ статьѣ г. Иванова нѣтъ внѣшняго описанія хаты, и въ этомъ отношеніи нужно обращаться къ 7 тому „Трудовъ“ Чубинскаго, а при широкихъ изученіяхъ и къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, напр., къ I т. „Rokucie“ Кольберга, къ изданному херсонскимъ земствомъ описанію с. Покровскаго (Балай-тожъ) и др. Литература о хатѣ невелика и разбросана по разнымъ изданіямъ, большею частью малоизвѣстнымъ и малодоступнымъ. Особенно мало рисунковъ.

Малорусская хата не подвергалась историческому и сравнительно этнографическому изученіямъ. Если не ошибаюсь, мои замѣтки „Къ исторіи хаты“, Надписи на сволокахъ“, „засовка“, „Печь и огонь, какъ талисманы“—замѣтки, вошедшія въ „Культурныя переживанія“, представляются пока единственными попытками такого рода изученія хаты. Предметъ этотъ, однако, настолько интересенъ во многихъ отношеніяхъ, что заслуживаетъ спеціальной монографіи, въ которой были-бы собраны,

провѣрены и разобраны факты филологическіе, историческіе и сравнительно-этнографическіе, которые въ совокупности объяснили-бы, въ какой послѣдовательности и подѣ какими вліяніями сложился типъ крестьянской малорусской хаты. Для такой работы матеріалъ и пособія подготовлены западно-европейскимъ фольклоромъ, давшимъ въ послѣднее время цѣлый рядъ статей и замѣтокъ объ устройствѣ жилищъ. Иностранная литература указана извѣстнымъ чешскимъ ученымъ г. *Зибромъ* въ 4 № „*Cesky lid*“ 1892 г. (сочиненія Мейцена, Лася и Геннинга по исторіи нѣмецкаго дома, Гейкеля—о домѣ финновъ и черемисовъ, Беценбергера—о литовскомъ, Карловича—о польскомъ и др.). О польскихъ и литовскихъ хатахъ много замѣтокъ въ журналѣ „*Wista*“ за послѣдніе два—три года, о французскихъ—въ журналѣ *Revue des traditions populaires*. На сочиненіе г. *Тихова* о болгарскомъ домѣ мы уже указывали при обзорѣ сочиненія А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ“.

Возвращаясь къ статьѣ г. Иванова о повѣрьяхъ, связанныхъ съ хатой, мы должны замѣтить, что въ этой спеціальной области, т. е. относительно повѣрій, этотъ трудъ г. Иванова отличается полнотою содержанія и представляется цѣннымъ вкладомъ въ этнографію.

Въ томъ-же 1889 году П. В. Ивановъ помѣстилъ въ III кн. Этнографическаго Обзорѣнія статью „*Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ Купянскаго уѣзда Харьковской губ.*“ (41—53). Въ статьѣ приведено 11 народныхъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія. Проклятый быстро чахнетъ и умираетъ, или превращается въ дерево, или въ животное (волка). *Н. А. Янчукъ* въ примѣчаніи къ статьѣ г. И. останавливается на двухъ мотивахъ о дѣвушкѣ—тополѣ и о томъ, что проклятаго сына земля не принимаетъ. При разсмотрѣніи перваго мотива г. Я. указываетъ на тѣ повѣрья о превращеніяхъ въ растенія, которые нашли мѣсто въ „*Метаморфозахъ*“ Овидія. О превращеніяхъ въ растенія см. еще замѣтку *Н. Сумцова* въ III кн. Этнограф. Обзорѣнія 1889 г. (о розмай-зильѣ) и обширное сочиненіе г. *Мандельштама* „Опытъ объясненія обычаевъ“ (1882 г.). *Г. Янчукъ*

повѣрять о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями, сближаетъ съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать по смерти выставило изъ могилы руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ все сказаніе приурочено было къ одной плакучей березѣ подѣ Грыжиной близъ Косцьяны въ Познани. Интересная статья г. Карловича объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Можетъ быть, это сказаніе проникло къ полякамъ отъ нѣмцевъ, у которыхъ сказаніе о рукѣ изъ могилы весьма популярно (*Ziebrecht, Zur Volkskunde, 343; Krause, Zeitschr. f. Ethnol. 1883 стр. 83, Decke, Lübsche Sagen § 153*).

Помимо частныхъ мотивовъ, заслуживаетъ вниманія общая мысль, проникающая все рассказы, мысль о высокомъ значеніи родительской власти, въ особенности материнской молитвы или проклятiя. Въ народныхъ сказанiяхъ, сообщенныхъ г. И., отражается, очевидно, та-же мысль, которая ранѣе, въ періодъ расцвѣта народнаго поэтическаго творчества, выразилась въ превосходныхъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ, о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, объ Ивасѣ Вдовыченкѣ (или Коновченкѣ)—это въ южной Руси, а въ Руси сѣверо-восточной—въ былинахъ объ отъѣздѣ Ильи Муромца, въ особенности характерно въ Повѣсти о Горѣ—Злосчастіи, безымянный герой которой наказуется за то, что не послушалъ наставленій родителей, ни добрыхъ людей, какъ Коновченко наказуется за то, что не послушалъ совѣтовъ ни матери, ни полковника. Этотъ народно-поэтическій мотивъ былъ такъ силенъ, что наложилъ свою руку и на старинные литературные памятники, на Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ неизвѣстнаго автора и на современную ей духовную драму Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.¹⁾

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВОКАГО (1784 · 1851).

VIII.

КАЗКА.

Давнымъ давно я обіцавъ,
Та й доси слова не здержавъ,
Вамъ розказаты тую казку,
Якъ визъ перевернувсь чумацькій на каляску.
 Такъ слухайте-жъ теперъ,
 Поки я ще не вмеръ;
А вміру, то будете мене ви споминаты,
Якъ въ руки визьмете сю казочку чытаты.

Давно те діялось,—ище малымъ я бувъ,
Та въ пам'ять вризалось, що й доси не забудь.

Одъ Києва сельце близьенько есть Глеваха.
Хто въ грязь поиде тамъ, побачыть въ очи страха;
 Такій тамъ гдей, таке багно,
 Що чортъ йому тамъ знайде й дно.
Тонуть-бы вже—такъ легче въ мори,
А въ сій грязи,—безъ горя—горе!

¹⁾ Киевск. Стар. 1892 г. № 5.

За те-жь капуста тамъ, и рипа, й гарбузы,
Хочь цилый ривъ що день до Кывива возы.

За те-жь тамъ мужыкы богаты,
Городъ свій всякъ зьоре, та йде чумаковаты.

—

Одынъ чумакъ такій тамъ жывъ,
Що все у Крымъ по силь на трохъ возахъ ходывъ.
Ходывъ винъ и на Динъ по рыбу осятрыну,
И грошей щось придбавъ,—що вже не лизлы въ скрынню.

Такій богатый ставъ,

Що й самъ не памятавъ

Винъ, скилько грошей мавъ.

Вси кажуть,—що йому нечистый помагавъ.

—

На решти дума: ать! Що те чумацтво? Кепство!....

Чась намъ уже теперь принятыця за купецтво.

До Кывива, въ майстратъ,—чумакъ нашъ и купецъ.

Уже й панивъ зыва до себе на ралець.

А дали и полизъ винъ въ откупы, въ пидряды.

Куды-бъ винъ на поригъ, йому якъ батьку ради.

Кому головою кывне винъ, чи моргне,

Той заразь передъ нымъ въ дугу себе зогне.

—

Чумакъ нашъ изъ Юрка зробывся Юрій Савычъ.

До його вси повзуть, злитаютця якъ галычь,

Якъ мухы,—де почують струпь,

Такъ вси коло його: тупъ! тупъ!...

А винъ соби якъ ставъ грошыма брязкотиты,—

Панъ на всю губу ставъ, и панынята диты.

—

А жинба?—що й казать!

Не знаютъ люде, якъ и звать.

Въ сели вона була—Горпына,

Теперь, бачъ, стала Аграфына,

А люде вси вовуть—Графыня,—

Графыня Власовна! (Бо батько бувъ Уласъ,
Старый,—що череду въ Глеваси довго пасъ).

Отъ!—наша Аграфына
Зачванылась, сопе—якъ паньская дытына.
Не знае въ чимъ ходыть,—вся въ золоти, въ шовкахъ!....
Каминня дороге блещыть на ій,—ажъ страхъ!....
На ши, и въ усахъ,
И на обохъ рукахъ.

Отъ наша пани все сыдыть соби въ свитлыци.
Сыдила довго,—а потимъ—
Якъ то трапляетця и всимъ,—
Маркотно стало молодыци,
Раденька-бъ зъ дому,—такъ куды-жъ?
Робыла-бъ що, такъ-же яки-жъ
Для паней такой тутъ знайдутця роботы?....
Пишла-бъ пецы, варыть,
Взяла-бъ що прясты, шыть,—
Такъ до мужыцькыхъ дилъ не стало бильшь охоты.

Пишла до дзеркальця, поговорила зъ нымъ,
Побачила себе въ намысти дорогимъ,
Побачила, що якъ вона похорошила!....
Та й засоромылась — що ажъ почервонила;
А слизонькы зъ обохъ и брызнули очыць....
Занудылась! Нема знакомыхъ молодыць!....
А хочъ тамъ паньи й понаходять, —
Не знать по якому говорить, —
Ще бильшую нудьгу наводять.

А Юрій Савычъ де? Нема його давно!
Зъ рикъ буде, якъ пустывсь на золоте винъ дно.
То сямъ, то тамъ соби винъ тысячки все удыть,
А жинка на мипкахъ червонцивъ свитомъ нудыть.

Хотила-бъ вже й назадъ изъ города въ село,
Де такъ колысь ей все весело було;

Хотилось-бы ей въ Глеваху,
Куму побачыць, титву, сваху,
Щобъ имъ усеньке розказать:

Що въ ней на сердци; а потимъ показать
Свое намыстечко и золоти сережки,
И сукни, и хусткы, и паньски вси мережки,
Такы увесь свій скарбъ и вси свои перстни,—
Ничого безъ того не варты, бачь, вони.

А якъ-же ій туды? Пишечкомъ?... Збавы Боже!
Щобъ пани пишкы йшла? Отце, якъ то быть може?
А ихаты-жъ на чимъ?... Стоить чумацькій визъ,—
Ище стояць,—що ихъ до Києва привизъ.

На вози тимъ изъ повсти будка,
Не змогла-бъ наша въ ней голубка,
И сонце тамъ не докуча.

Такъ не заманышь-же, хоть дай и калача.

И зъ будкою чумацькій визъ
Теперь доводить насъ до слизъ:
Ну, румсать наша Аграфына
И въ день, и въ ничъ. Лыха годына!...

Надъихавъ нашъ купецъ. Що-жъ? Жинчины очии
Не осушаютця,—роздулысь, мовъ баньки.

Пытае жиночку купчына:
Яка тому плачу прычына?

А жиночка мовчыць, неначе якъ нима.

Не знаю, каже, я й сама,
Що въ мене на сердци, чого мени такъ нудно,
Нудьга така,—що жыць мени на свити трудно.

Зывають миськыхъ дохтуривъ,
Нимецькыхъ всихъ оптекариивъ.....
Ти вси по своему шваргочуть,

Горпыну выличыты хочуть,
И вси кругомъ неи хлопочуть.....
Попы отчтуютъ, щобъ часомъ въ цей недугъ
Не вкравсь якій нечыстыи духъ,—

И все еи що разъ святою
Покропляють водою,
А все полегкости ни на волосъ нема.

Графыня Власовна вже бачыть и сама
Свою лыху годыну,
Що треба лизты въ домовыну,
Що всихъ зъ ума звела и муженька-купчыну,
А ще хотилось жыть,—вхопылась за зилья,
Злякалась, чы не давъ хто часомъ ий данья,
Що таки находылы якись на неи страхи,
Неначе чорты, якись злиталысь птахи.
Давай вона все пыть чортополохъ-траву,
Курытьця ремезомъ. Смалыла и сову,
За пазуху соби уживъ, гадюкъ, жабъ клала,
И все, що знахарка яка еи казала.

Що-жъ! Все жахаецця!—скризь сонъ, и наяву!—

На решти снытця ий, щобъ кынуты вси лики,
Та знахаркы пытать—безносой каликы.
Росказуе свій сонъ. Никому не въ догадъ,
Де-бъ знахарку таку зискать.
Пыталы, не знайшы. Послалы до Глевахи,
Щобъ вси пріихалы и родычи, и свахы,
Та радоньку свою далы,
Чы знахаркы такой нема де въ ихъ сели,—
Якъ тутъ вона и есть! Безносая Грищиха,
Чы чари, чы прыстрить, чы тряся, чы бешыха,—
Одъ всякого вона порадыть заразь лыха.

Давай вона чымъ дужъ шептать
И въ воду угольки три-девять накыдать ¹⁾;

¹⁾ Вар.: Девять разъ кидать.

Вода та въ горщечку потрошечку булькоче,
Шепнула ще: разъ, два!... вже якъ въ котли влекоче!....

„Ой! Панійва чогось притьмомъ бажа... и хоче!...

„Та тутъ того намъ не достать,

„Що може сю биду прогнать....

„Чы то-бъ сказать: такее тилько зилье

„Росте въ лису... коло Трипиля.

„Його я тилько покажу

„И якъ копаты роскажу,

„А пани вже сама соби тамъ накопае

„И, не оглянувшись, митью назадъ втикае.

„Намъ треба ихаты у той конечно лись.

„Сидаймо, панійко, въ одинъ зъ тобою визъ“.

—

—Охъ! не привождь мене ты, знахарко, до злости.

У визъ сидать?! Мои рострусятця вси кости!....

Якъ тилько спамятаю визъ!....

За сердце стысне ажъ до слизъ!.... ¹⁾

Тутъ зморщылась вона, скрывылась,

Здаецця й духу вже пустылась,

А потимъ трошкы одыйшла,

И ричь такую почала:

—

„Юрасю, серденько! Зробы мени ты ласку

„Ще передъ смертью разъ—купы мени каляску!....

„Уже-жь мени, якъ бачь, оттакъ не пропадать,

„Поихать ще разъ въ лись, та зилля накопать.

„Гляды-жь! каляска та була-бъ щобъ дуже паньска,

„Щобъ не трясла ныякъ—Виденьска, чы Варшавська.

„А той проклятый твій, оттой чумацькій визъ,

„Спалы ты на огни, щобъ винъ згоривъ и зслизъ,

„Щобъ винъ мени уже не попадавсь на очи...

„И знай, я не брешу, не примхи се жиночи.

¹⁾ Вар: Зарже въ животи до слизъ!...

„Той визъ мени — той визъ удався добре въ знакъ!...
„Винъ зачар-о-в-а-н-н-ы-й!!!...“ ¹⁾

Визъ крутъ!—и сякъ, и такъ!...

Крутнувьсь сюды й туды, а дали на опакъ....

Ще жиночка слаба не доказала казку,
Якъ визъ перевернувьсь чумацькій на каляску
Й коней хтось запригъ лыхую четверню —
Изъ низдръ, зъ ушей, зъ копыть дають вони огню.
Въ каляску ту скивъ! скивъ! изъ видьмою Горпына,
Помчались, ажъ гуде по-надъ Днипромъ долина.... ²⁾

Въ короткій курточци бувъ кучерь тутъ съ ката,
Якъ нимчыкъ выглядавъ зъ рижками безъ хвоста,
Червона шапочка на бакерь на рижвахъ,
Коротка люлечка вертилася въ зубвахъ,

А винъ знай вижы натягае,

Та цушко коней поганяе.

А одъ осей, та одъ колись

Трышчить и падае весь лись....

Та якъ въ трисця вони помчались,

То ще и доси не вертались.

Безъ воза-жъ, безъ своего, збанкрутивсь нашъ купецъ.
И що-жъ? — Повисывся, и казци тутъ конецъ.

Окт. 10 дня 1840,
въ Києви.

¹⁾ Вар.: Хтось чары зъ нимъ робивъ (или: мовъ чары въ йомъ поклавъ)
упиръ чы вовкулакъ.

²⁾ Въ вар. *вставка*: Стоить Юрко якъ стовпъ. На смерть перелякавъ,

Якъ крѣйда поблиивъ, за голову хвативсь,

А дали винъ сплѣснуть руками,

Та тильки луцае очамы.

ІХ.

КАЗКА.

Клымова напуста.

1.

Хочъ гримъ гремитъ,—та не велыкъ,
 Не перехрестытця мужикъ:
 А якъ пидыйметця тревога,
 Тогди вже вси притьмомъ до Бога!
 Такій-то вже весь людцькій ридъ,
 Що наветь намъ самъ Богъ не вгодыть.
 Якъ въ поли хлиба недоридъ,
 То всякъ до Бога руки зводять;
 А якъ зародыть Богъ и хлиба есть доволи,
 Тогди друга беда,—що все дешевше соли.
 „Знай тилько молоты,—ажъ прій!
 „Та всеньке чисто перевій.
 „Та й на базаръ везы—и жыто, и пшеницю,
 „И дармоидамъ тамъ оддай все за дурныцю;—
 „На що намъ стилько Богъ пашни той уродывъ“.
 Отъ урожаемъ якъ Богъ людямъ догодывъ!
 Отъ такъ и все съ людьмы,—не зъ нами, изо всимы!
 Що жъ Богови й робыть изъ дурнями такимы?
 Коли-бъ то зъ дурнями,—а то й зъ презлыми.

2.

Такій-то бувъ торикъ въ Глеваси урожай.
 Капуста тамъ була,—хочъ греблю загачай.
 Вези-жъ до Києва,—а тамъ за визъ симъ гывень!
 „А що бъ надъ нею тамъ не кукурикавъ пивень“!...

3.

„Чы знаешь, жинко, що?—до Хымки мовыть Клымъ—
 „Капусту збудемъ мы, та тилько погодымъ.
 „Пидъ часъ негоды въ грязь тамъ буде дорожнета:
 „Тогди на грошыкы разставымъ мы тенета“.

4.

Такъ же винъ и зробывъ, яѣь самъ розумный знавъ.

Зъ капустою що день негоды поджидавъ;

А тамъ яѣь полыло, росквасыло дорогу,

Винъ вставши до свита, та помолывшись Богу,

Капусту склавъ на два возы!...

Та заразъ и рушай—до Кыева везы....

Возы воловиі идуть—двѣ паровыци,

Въ дорогу жъ не бере зъ собою молодыци,

Нема й погоныча,—одынъ на двоухъ возахъ:

Возыци жъ тяжкѣи—пройма ажъ Хымку страхъ.

„Узявъ бы ты мене,—до Клыма каже Хымка,—

„Погоныча нема,—такъ одбула-бъ се й жинка“.

— Атъ! тамъ-то дуже треба васъ!

Возыты въ Кыевъ на показъ;

Твои очки якъ розбижатця,

То тамъ тоби не вгамоватьця,—

Черепья заразъ, та мысокъ

Накупышь,—та й прощай зъ капустою возокъ!

Якъ иде чоловѣкъ одынъ у сири свытци,

То гроши вси його останутьця въ калытци.

А вже очыкы ти возыть,—

Щобъ тилько влопоту въ дорози наробыть...

5.

Поихавъ!... Иде винъ!... прыхавъ надъ долину.

Зъ горы спускать... Капуста въ грязь та въ глыну!...

Якъ же се трапылось?—онъ такъ:

Клымъ въ голову забравъ, що зъ його-то й чумакъ,

Передныхъ волыкывъ винъ зводить самъ пидъ гору,

А задни якъ попруть

У тую жъ саму пору,

Передній визъ—круть, круть!....

Обыдва разомъ повалылысь!...

На силу самъ Клымъ одхватывсь,

А тобъ зъ душею тутъ простывсь...

6.

Стоить, сумуе Клымъ, не знае що й початы;
 Давай на вси боки винъ Хымку велычаты:
 „Наклала!... по пять випъ капусты на возы!...
 „Иды жъ теперь сама до Києва везы!...
 „Казавъ не треба бильшъ яеъ тилько по дви сотни,
 „Такъ щожъ, послухае?—ни вчора, ни сёгодні!...
 —Якъ билше навладешъ—дорогше продасы!...
 „Щобъ тамъ тебе взяли зъ капустою бисы!...
 „Отъ видьма бисова! Ище жъ пророковала:
 „Погоньча не взявъ,—бида безъ його стала!...

7.

Въ дорози жъ не стоять. Клымъ выпрягши воливъ,
 Въ разъ мусувъ кинутысь до зломаныхъ возивъ.
 Тамъ триснула люшня, тамъ колесо, тамъ шпыця...
 Ажъ плакавъ бы,—такъ винъ не баба—не годытця.
 Давай налыгачи винъ ризать на шматкы,
 Та ими звязовать поломани кусы.
 То сяеъ, то такъ винъ все сьрутывши мотузкамы,
 Ще довго порався винъ потимъ зъ головоамы.
 Покры жъ склавъ на возы, то тутъ застала й ничъ.

Полизъ Клымъ спать на визъ,—неначе яеъ на пичъ.
 И сердывсь винъ, и злывьсь, ажъ пить проймавъ холодный,
 Зубами цокотавъ одъ холоду-голодный!...

Бо хлиба зъ дому винъ не взявъ
 На Киевски млынці бачъ всю надію клавъ.
 Тремтивъ, тремтивъ, въ одній свытынці!
 Та все читавъ молитву Хымци.
 Уже лягавъ винъ сякъ, и такъ,
 На вози, и пидъ визъ,—сонъ не бере ни якъ!
 Не спавшы—такъ винъ и проснувся,
 Очима лупнувъ, да й проснувся (sic).

8.

Свитае! Клымъ чимдужъ возы свои запригъ,
 И знову йде винъ за капустою на тиргъ.

На встричу йдутъ по тійжъ дорози
 Якись кацапскіи обозы;
 Вozy порожнякомъ,—въ возахъ кацапы сплять.
 Ажъ тутъ передній—глядь:
 Вozy ихъ вси стоять,
 Наткнулись кони на рогатыхъ.
 „Эй! слышь! я васъ, хохловъ проклятыхъ!...
 „Съ дороги прочь воловъ!... хохоль!...
 „Не будь ты самъ упрямъ, какъ волъ!“
 —Чого ты чванышься? ты бачь,—я йду зъ вагою!
 А ты соби иды дорогою другою.—
 Тутъ вся схватылася кацапня,
 Заворушылася—якъ тая порохня,—
 Та вси на одного зъ кнутама.
 Давай имъ Клымъ вивать пятами.

—
 Погривъ соби винъ добре чубъ,
 Поки утиѣъ,—сховавсь за дубъ,
 Та звиттилъ винъ и выглядае.
 Зъ капустою возы обозъ перевертае...
 Нашъ Клымъ за дубомъ безъ души!...
 Хотивъ врычатъ: „не воружи!“
 Такъ що жъ зъ кацапами ты вдієшь?
 Хотивъ бы й лаять,—не посмієшь.

9.

Капуста Клымова изнову вся въ грязи,
 И на бокахъ лежать поломаны возы.
 „Стонадцять вупъ чортивъ вамъ, бисовы кацапы!...
 „Коли бъ я змигъ,—та вы въ мои попались лапы!...
 „Васъ шить, а я одинъ,—да й зъ голымъ вулакомъ.
 „Мій лигочаный (?) батигъ не боретця зъ кнупомъ,
 „А тобъ я не втикавъ одъ васъ и одъ десятка.
 „Не лучився тутъ киль,—щаслыва ваша матка.
 „Ну—Хымко! ажъ тоби!... за острый твій языкъ!...
 „Усяке зло мени пророчить винъ прывыкъ!!!...

„Капустонько моя!... чы зъ тебе ще що буде?!...
 „Чы знайдутця жъ таки у Києви ще люде,
 „Щобъ за тебе мени хочъ пивъ рубля дали?...
 „И я вже змордувавсь зъ тобою и волю“!

10.

Тутъ зновъ—дай лагодить поломаны возы!
 Та знову рятовать капусту изъ грязи!
 А тутъ дощъ—якъ зъ видра!—а грязь, якъ каша тлуста,
 Клымъ тишитця вже й тымъ, що выпралась капуста.
 Якось излагодивсь, изнову иде Клымъ,
 Уже и Киевскій іому мелькае дымъ,
 Уже мелькнула разъ и Киевська дзвинныця.
 Ну,—слава Богу!—тутъ вже всимъ бедамъ границя.

11.

Такъ нить же бо, та й ни! не всю зна Клымъ ище биду¹⁾.
 Въ базарній улыци болото—якъ въ аду!...

(А никуды: ей воно-бъ то можно и обѣхать,
 Таеъ Клымови жъ туды конечно треба вѣхатъ)

Шубовсть!—зъ капустою у тую твань возы!...
 Воламъ и Клымови прійшлоь тонуть въ грязи.
 Тутъ шворень загрищавъ; тамъ вись переломылась.
 Капуста изъ возивъ въ болото вся скотылась!...
 А тутъ зо всихъ бокивъ крычатъ: „Пади! пади!“
 И дитьця никуды!—хочъ ты тамъ пропады!...
 „Мужикъ!—съ дороги прочь!“—За нымъ услидъ же тою
 Дорогою тяглась карета четвернёю;

Яеъ вривется вона въ ту грязь,
 А кучеръ все кнутомъ всихъ коней: хлясь, да хлясь!
 Ти кони—на дыбки! всю збрую перервалы,
 А Клымови возы до щенту поламалы.

12.

Бижить полиція,—варету рятоваты,
 Давай десятники за уши Клыма драты!

Щобъ выизджавъ винъ изъ болота.

¹⁾ Въ подлинникъ: „не всю зна Клымъ, ный Клымъ ще биду“—очевидная описка

„Панове, змылуйтесы!—яка жъ мени охота
 „Сыдять въ болоти цимъ?—Втечу, хочъ прывяжы!...
 „Каретамъ добре тутъ! Имъ Боже поможы!“...

13.

Зъ кареты молоди дви паньы выглядалы,
 Здавалось, що кудысь на бенъкетъ поспипшалы.
 Отъ, бачать, що имъ тутъ прійшлось бы ночевать,
 Давай вони сами десятныкывъ прохать,
 Щобъ перше Клыма рятовалы,
 Бо ти його возы
 Завязлы попережъ дороги такъ въ грязи,
 Що мисьця выхатъ карети не давалы.

14.

А тута,—якъ на те жъ!—хтось стадо гнавъ свыней,
 Якъ вгледилы вони капусту, та до ней!...
 Якъ кынутьця уси,—що ажъ въ болоти тонуть!...
 Ихъ гонять, бьютъ,—вони жъ шаткують такъ ажъ стонуть!...
 Що тилько й чуты: рохъ, рохъ, рохъ!—
 А ихъ було тамъ сотъ до трохъ.
 Чого жъ ще не дошатковалы,
 То все на саме дно,
 У тежъ таки багно,
 Ногамы затопталы.

15.

Збижався весь базаръ,
 На цю дывовыжу,
 Глядыть и малъ, и старъ
 Та залываються одъ смиху,—ажъ не дышуть.

А тутъ прыскочила ище и дитвора,
 Та верыла улыцю, якъ тая мошкара,
 Капусту въ пелену—та въ ноги!—до двора!
 Що жъ, Клыме, продавать капусту вже пора!“...

Було тутъ реготу и смиху,
 Чужому, бачте, лыху.
 Бо зъ лыха изъ свого никто ще не сміавсь,
 А иншій и слизми гирьыми облывавсь.
 (Сѣго бѣ казать вамъ и не треба,
 Да такъ сказалося про себе).

16.

Голосыть бидный Клымъ
 Теперь уже якъ баба,
 Въ болоти сыдя якъ та жаба,
 Та за капусту ту ставъ дяковаты всимъ:
 „На що проклятая отця капуста й родыть?!...
 „Та и той, хто въ неи смакъ находыть!...
 „Отъ—мучивсь!—отъ—прывизь!—и думавъ, що продамъ
 „Капусту чортову панамъ.
 „Кому жъ отдавъ теперь?—свынямъ!...
 „Та Кыевськымъ москаленятамъ,
 „Отъ-тымъ
 „Чи я жъ имъ пидрядывсь возыты въ Кыевъ харчъ?...
 „За що жъ теперь куплю млынець соби, валачъ?!...
 „Я й самъ,—отъ! зъ голоду здыхаю!...
 „А на чужыхъ свыней харчи я приставляю!!!...

17.

Позбувшись Клымъ своихъ возивъ,
 Забравъ батигъ винъ, та воливъ,
 Приходыть до господоу,
 А Хымка: „де жъ возы?—де жъ гроши?“—Годи жъ, годи!—
 Дай перше йисты,—я захлявь!...
 Капусту и тебе въ дорози я проклявь.
 За грязью я й возы у Кыеви продавь,
 И гроши посадывь,—подушне тамъ отдавь!...
 Капуста въ Кыеви теперь такъ здешевила,
 Що ни почимъ,—убый ей тамъ вража сыла!...
 На той ривъ на ей ни разу не копну;

Скопаю вси градкы, насію тютюну;
 Я осинью його въ папуши посєладаю,
 Такъ вже и напередъ я знаю,
 Не зѣсть його ни що, ни свынн, ни щури,
 И гроши за його готовеньки беры.

18.

„Охъ!—знаемъ!—чулы мы!—йому на тее Хымка,—
 „Розумный дуже ты!—дурна лышь въ тебе жинка!..

„На що мене дурить?

„Не лучше жъ правду говорить?

„Возкы твои въ грязи тамъ въ Києви засилы,

„Капусточку мою въ тебе свынны купылы,

„Жаль дуже,—що й тебе зъ капустою не зѣлы.

„Для ныхъ-бы може бъ бувъ и надто ты смачный,

„А жинци и диткамъ гирей ты, та нудный!

„Що бъ ты такъ все платывъ,—та не за наши души,—

„А за свою бъ одну,—сыдивъ въ грязи по уши!“...

Останъ.

Листопада (ноября) 5 дня 1840 року
 у Києви.

X.

Мужыча казка.

Ни се, ни те, або Галчынъ ставокъ.

У нашихъ мужыкивъ

(Не тратячи даремно сливъ

Сказати: дурнивъ—просто;

А ихъ у всякому сели штукъ буде зо сто);

Такый обычай есть, изъ праидивъ ведетця,—

Що батько сына оженивъ,

Овечку та свынню йому тамъ оддилывъ,

Тай зъ хаты въ шыю-геть!—нехай соби човпетця;

Поки то винъ соби на хату ще зобьетця,

То зъ жинкою изъ рокъ насыдитця въ землянци.

А тамъ,—колыску прыпасай,
 Хрыстыны одбувай,—
 Копя, вола нема,—а думай винъ объ няньци!...
 Розумны горобци, розумны ластивкы,
 Що першъ вони зовьють гниздечка,
 А тамъ уже владуть ячка;
 Чомъ-то не вывчатця одъ нихъ и мужыкы?

—
 Свырыдъ женивъ свого такъ Грыця.
 Въ його довтишна молодыця
 И самъ Грыць парень хочъ куды;
 И не було-бъ то имъ биды,
 Та то беда, що Грыць не такъ ще розумненькій,
 (А вже жъ не такъ и молоденькій,—
 Боридку мавъ и усъ густенькій)
 Все слухавъ жинки, слухавъ бабъ!...
 А въ жинкы—кажуть-то,—яка-бъ тамъ не була-бъ,—
 Волосье довгее,—а розумъ коротенькій.

—
 Мынае ихъ веселью рикъ,
 Давно вже Гапка няньчить сына,
 А ще не скончена хатына;
 Въ землянци каратають виеъ,
 Алежъ уже въ ихъ есть хливець
 Для поросять и для овецъ.

—
 Едного часу дожчъ такый полывсь въ землянку,
 Що въ сылу врятовавъ Грыцько дытну й няньку.
 А на двори плыла рика,—
 Не такъ-то щобъ була милва,—
 Була Грыцьку по шыю.
 Те диво вгледившы, зрадила Гапка такъ,
 Неначе давъ ей хтось пятакъ,
 Що й розсвазаты я невмію.
 А дали зъ радощивъ якъ духъ перевела,
 За шыю обома рукамы обняла

Грыцька,—та й каже: „Грыцю!...

(И чмокъ його то въ лобъ, то въ пыцю)

„Загатымъ мы ривчакъ от-цей.

„Послухай, серденько, Ганнуси ты своей:

То буде свій у насъ ставокъ;

„А потимъ выстроимъ млынокъ.

„Ты будешъ-мельныкомъ!—я—буду рыбку удыты!...

„Тогди то заживемъ,—не будемъ свитомъ нудыть,

„Що въ насъ тутъ буде качынять!..

„Гусовъ и гусынять!...

„Я пирья назбыраю,

„Постиль соби прыдбаю.

И буде мягко намъ,—не такъ язь на соломи,—

„А такъ, язь въ паньскимъ доми;

„А лышнѣ продамо,

„Та купымъ мы корову,—

Зъ коровы волыевъ колысь мы диждемо,

Та ныву выоремъ—здорову ¹⁾),

„Насіемъ жыта и пшеници;

Прыдуть на толоку до насъ жать молодыци!...

„А якъ усе пожнемъ,

„И все змолотымъ мы, та въ Кыевъ повеземъ,

„Отъ тутъ-то, Грыцю,

„Згрибай ты золото въ копыцю!....

„Тогди вже годи намъ такъ гирько працювать.

„Мы пидемъ въ городъ жыть, та будемъ купцювать“!....

—

—Спасыби, мылая Гапусю, за цю раду,

Гатыть я ричку радъ хочъ заразь до упаду.—

Давай воны у двоухъ гатыть,

На греблю землю, гній носыть;

За тыждень якосъ загатылы,—

Ставокъ соби зробылы.

Въ ставку жъ: воды, воды!

Безъ човна й не ходы.

¹⁾ Вар. попову.

За сколькось днівъ въ ставку и жабы квакать стали:
 Въ Грыцька изъ радощивъ ажъ жижи задрожалы.
 —Гапусю, серденько! въ ставку вже й жабы есть!...
 Ставокъ нашъ—хочъ куды!... Тоби и слава й честь!...—
 Вона жъ йому на те: „Чи знаешъ же ты Грыцю;—
 „Отце сказавъ ты не дурныцю;—
 „Колы вже жабы есть,—то буде тамъ и рыба.
 „Не будемъ черствого жовать зъ тобою хлиба.
 „Хочъ буде рыбка та й маленька,
 „Та зъ неи юшечка смачненька“.

—
 Колы жъ якъ добре прыпело,—
 Дожчу вже зъ мисяць не було,—
 Такъ зъ нашего ставка зробылося болото¹⁾,
 И жабамъ квакать тамъ мынулася охота.
 А дали—вышло все, якъ напередъ було,
 И щастье Гапчино въ болото загуло.
 Грыцько нашъ зъ Гапкою щось зъ три дни голосывъ.
 А все те одъ того,
 Що винъ ни въ одного
 Розумного на те порады не просывъ.
 Йому бъ одъ разу всякъ сказавъ,
 Щобъ ставу зъ дощовой воды не загачавъ,
 Щобъ лучше винъ косывъ, та жавъ,
 И даромъ часу не втрачавъ.

—
 Такихъ у насъ Грыцькывъ ище й теперь не трохи,
 Що гатять гребли тамъ, де пипки ходять блохи,
 Чогожь у нихъ такой короткій розумокъ?
 Запевно одъ того, що слухають Гапокъ.

—
 Се казка простымъ мужыкамъ.
 Прыточымъ мы ей й къ панамъ.
 Зъ нихъ иншимъ книжки господарски,

1) Вар. Зробылося три болота.

Ще гиршъ якъ Гапчы и Параскы
 Забылы паморовы такъ,
 Що ставлять на води витрякъ;
 А въ йому въ карты якъ замелють,—
 Не треба имъ воды,—
 Давай шампаньського сюды!...
 Та батькивщину всю й промелють!...
 Та якъ скоштують вже и редьмы й часныку,—
 Тогда й зостанутьця при Гапчынимъ ставку.

Остань.

У Києви
 18 Липця 1841 року.

ХІ.

Б А Й Қ А.

Невистчина плахта.

Ма-буты чулы вы неразъ цю прыповистку:
 „Якъ вынного нема, то вси вынять невестку;
 „А якъ невества спыть, або слаба до ката,
 „Тогда неvistчина вже плахта выновата“.
 Такий правдыый судъ промежь людей ведетця,
 Що чаще смирному по спыни достаетця.
 Не все бачъ по коню, а й по оглобляхъ бьють.
 А якъ,—згадайте,—якъ такихъ людей зовуть?
 Сто прызвищъ дайте имъ—то ще вы не вгадалы,
 Хочъ бы отъ пастуха до князя всихъ згадалы.

Отъ я вамъ розскажу—а вы наставте ушы—
 За що все за косы трясуть зъ невесткы груши?
 И хто жъ трясе?—то свекоръ, то свекруха;
 А якъ вони почнуть, то й мужъ ей—псляха—
 До ней жъ лизе зъ кулакомъ,
 Хочъ покотысь вона клубкомъ,—
 Ніякими словами,
 Ни гирьмыми слезама

Не оборонитця вона,—ни помеломъ.
Невистци умыратъ приходытця прытьмомъ!...

—

За що жъ въ семьї одна невистка выновата?
Сѣго ниhto не зна—бо покрышеа ихъ хата.
Де есть невистка, въ хати тїй
Пидслухать!—Прави вси и ледви не святы.
А грихъ и воркотня,—все пада на невистку,—
Неначе всимъ вона у въ очи сыпле прыску.

—

Чы ковбасу кить зъивъ, чы сало у комори:
Уже невистци й горе!...
Хочъ тыждень бы вона изъ голоду здыхала,—
Не тилько щобъ не ила сала,
Чи гривня грошей десь подилась зъ капшука:
„Сяка невистка, та така!...
„Таъ, таъ!... Невисточка ту гривню просвыстала,
„Мабуть вона въ ворчми въ недилу танцювала!“...
Никому не въ догадь: чого въ ей свекрухы
Такъ часто червонїють ухы?...
Чого вона соби такая веселенька?...
Бо выпыта повненька!
Але жъ цыбулькою изъ хлибцемъ закусыла,
Щобъ духъ отбыло той—бый ей вража сыла!...
А на невистку все поклипъ,
Хочъ їй нелize въ пельку хлибъ!

—

Пропало вчора козыня,
Зъ хлива сѣгодня два ягнятки:
„То все невистчины ухватемъ!...
„Вона проклятая хлива не зачыня!...
„Увландаетця рано спаткы!—
„А на двори блеють ягнятки!...
„А тее мусывъ вовкъ провидать!—
„Прийшовъ ягнятокъ пообидать.

„Якъ не загнать ихъ до хлива?
„Ахъ ты!—проклята голова“...

Тымъ часомъ—якъ въ сели ци носятця догадеи—
Невистчинъ батько спать не ставъ одъ цей загадки.
За свекромъ доччынымъ чатуе свать Оныську
Глядь!—свекоръ ничью щось въ мишку несе до Прыськи!...

„Куды, дидусю, ты такъ пизно изъ двора?
„Уже-бъ твоимъ кисткамъ и спочивать пора.
„Куды ты?... що несешъ?—та й не въ мишку, въ плахтыни!...
—Гостынецъ Панъ-Отцю...—Се кавуны, та дыни...—
А дыни въ плахти тій вси разомъ ме-ке-ке!...
„Э! сватоньку, постій!... Се щось тутъ не таке!...
„Э! по ягнячому врычать у плахти дыни!...
„Святъ еси Господы! Аминь Його Святыни!...
„Не ёсть, бра, въ Спасивку нашъ пиць скоромныхъ дынь!
„Ся й стежка не къ йому... куды ты вже ни кынь,
Такъ буде тоби клынъ!...

—И я, бра, бачу вже, що я тутъ опукавсь...
Я жъ на невистчини дильця не сподивавсь!...
Я думавъ зъ дому дыни взявъ,
Самъ звечора въ мишоѣ въ комори ихъ складавъ,
Ажъ тутъ ягнята очутылысь!...
Та й не мишкомъ моимъ, а плахтою накрылысь!...
А плахта ся тоби ма-буты по знаку?
Ты замужъ въ ий оддавъ до насъ свою дочку?
Теперь вона—якъ бачъ—негарно провынылась!...
Изъ кымсь-то, мае бутъ, оце вона здружилась;
Комусь-то припасла й гостынчикъ у плахтыни;
А я въ потёмкахъ—хапъ!—свой то буцимъ дыни...

„Таки-то дыни, Пане Свату,
„До Прыськи носишь ты у хату?...
„И носишь ты що noci!...

„Я вже прогледивъ очи,
 „Поки тебе я пидстеригъ.
 „Самъ Богъ мени теперъ помигъ
 „Оборонить мою дытину,
 „Що въ васъ терпыть лыху годину.
 „Уси вы на свою напалыся невестку!
 „Теперъ же я на васъ скажу всимъ добру вистку,—
 „Щобъ знали вси куты,
 „Якъ бидни въ свити невестки“.

„Винъ плахту и ягнятъ забравъ,
 „И свитомъ тее все въ громадській судъ отдавъ.

Якъ плахту тамъ уже и якъ ягнятъ судылы
 Про тее не чутно,
 Бо діялось давно.

А свекра, кажуть-то, въ суди прохворостылы
 На вси бобы,—ажъ мливъ—та вже тогди й пустылы.
 Невисткамъ же усимъ полегчало на часъ,
 А потимъ зновъ пишло, такъ якъ ведетця въ насъ.

Та ще теперъ и гиршъ ведетця;
 Бо вже й чубамъ, якъ тимъ невесткамъ достаетця.
 Теперъ вси Соцьки, вси Війты,
 Якъ ти невестчыны плахты,—
 Лупнувъ тамъ Справникъ десь,—а имъ и не мынетця.

Остань.

У Києви,
 16 Червця 1841 року.

XII.

Б А Й Қ А.

Въ якомусь-то сели,
 Якъ водытьця, прийшлось братъ хлопцивъ въ москали.
 Була громадсьва схида,

А соцького Петра боялысь тамъ якъ дидька,
 Бо бувъ богатый чмыръ и дужій вовкулакъ.
 Винъ лышь роззявить ротъ, то вси крычать: такъ, такъ!
 Тутъ ричь про некрутъ шла, а въ його сынъ бувъ злодій;
 За нымъ була черга, щожъ каже нашъ добродій?
 „Въ Горпыны у вдовы одынъ сынъ неборакъ,
 „Його-то въ москали, бо бачыте—винъ биднякъ,
 „Ни шкапы, ни вола не мае винъ въ пидводу,
 „Земскихъ повинностей не одбувавъ винъ зроду,
 „Та ще й лучаються покражи на сели;
 „Ой, певне, що воны його рувъ не втикли.
 „А люде гримають на сына,
 „Все на мого Грыцька.
 „Отъ бачыте ява
 „Моя лыха годына!...
 „Що буцимъ-то мій Грыць
 „Все краде, носыть до вдовиць,
 „Та до хорошихъ молодыць
 „А хто-жь сёму повирить,
 „Щобъ кравъ мій Грыць! Давно винъ корцемъ гроши мирить.
 „Ни!—винъ чужого не бажа.
 „А сынъ вдовинъ мабутъ не мае ни гроша.
 „Якъ то ты думаешъ, Тимоше?
 „И вы, громада вся?—чи гоже
 „Я присудывъ, щобъ йшовъ у некруты батравъ?“...
 Вси ревомъ заревлы:—його, його!... такъ, такъ!...
 Одынъ Охримъ, старый, розумный и поважный,
 Не даромъ на сели бувъ выборный присяжный,
 Озвавшись важе:—що, що! пане соцькій! якъ?...
 Той важешъ злодій, хто биднякъ?
 Якъ же то ты цёго докажешъ,
 Що на весь ротъ крычишь и важешъ:
 Той чесный хто богачъ, злодіи жъ бидняки,
 Ихъ то и въ некруты! На що жъ очередны вныжы?
 У тебе здатны вси сынкы,
 Чотыры хлопци—парубы;

А бидная вдова Горпына
 Одного тилько мае сына,
 Та ты й того оце злодюгою зробивъ?...
 Тагъ знай, що я твого въ комори самъ ловивъ;
 Ловивъ неразъ твого я Грыця;
 Въ рукахъ його була разъ плахта и спидныця,
 А въ друге сала шмать, да пять чи шість ковбасъ,
 До ныхъ, якъ китъ, винъ видно ласъ.
 Я: „що ты тутъ, небоже?“
 А винъ:—ой Боже жъ мій! ой Боже!—
 Я чубъ намявши и пустывъ,
 Срамыть тебе зъ нимъ не хотивъ.
 У некруты його!... А вы же що громадо?
 За соцькимъ вси:—„такъ, такъ!“... якъ те баранне стадо.
 Не такъ отъ звалы васъ и мирковаты: що, яетъ!...
 У насъ не чваньсь богачъ и не внывай биднякъ¹⁾.
 Одинъ правдывий чоловікъ
 Дурну громаду всю поборе,
 А де його нема, тамъ горе:
 Тамъ злодій буде паномъ вивъ.

XIII.

БАЙКА.¹⁾

Звѣриний мѣръ.

Найшли всѣ бѣды на звѣрей,
 Спѣткала ихъ лыха година,
 Неначе за грѣхи людей,—
 Уже зъ нихъ сдохла половина!
 Чи пошеть то була, чи мѣръ,
 Не знавъ того ни жадень звѣръ.
 Але-жъ—якъ всѣмъ прійшло вже круто,

¹⁾ Повинно все быть справедливо,
 Ходы всякъ просто, а не криво.

²⁾ Удерживаемъ правописаніе подлин., г. е. очевидно, авторъ хотѣлъ при
 близиться къ правописанію Максимовича.

То спало зъ языкѡвъ ихъ путо.

Давай воны у всѣхъ пытать,

И знахарѡвъ такихъ шузаты,

Щобъ имъ поради́ти умѣли,

И,—якъ спастыся научили.

Знайшли воны Крота.

Отшелникъ!... смирный!... чистота!...

Ява въ ёмъ доброта!...

Нема уже лѣпшого скота.

„Смирнесеный! порады и зжался ты надъ нами!

„Не бойсь насъ, не утѣкай одъ насъ тѣми порами!...

„Моръ, голоды и жара!—сѣхъ варъ намъ не знести!...

„Якъ зубы намъ свои и якъ шкурки спасти?

„Якъ бы намъ зъ саломъ уцѣлѣти,

„Щобъ не пропали наши дѣти?

„Несчастье се насъ всѣхъ до тебе привело,—

„Спытать тебе: за що терпимъ таке мы зло?“...

Смиренный Кротъ

Оды посту свѡй засохшій ротъ

Въ велику силу мѡгъ роззявить,

Два зуба выставивъ и такъ до нихъ гугнявить:

„Охъ! бѣды си лихи:

„И моръ, и голоды,—все за наши се грѣхи!...

„Иначе жъ зъ нашихъ шкуръ грѣхѡвъ не можно збути,

„Якъ только кинутись всѣмъ треба до покуты ¹⁾,

„Хто, якъ, чѣмъ зогрѣшивъ,—все выявити треба ²⁾,

„И тѣмъ нико́ли бо́льшь не прогнѣвляти Неба“.

—Такъ, такъ!—мы грѣшны всѣ!... Оды першого Осла,

Ажъ до послѣдняго смердючого Козла...

Самъ Левъ не правъ!... не права й Кѡшка!...

Лизнули въ по́сть мясця!... забулы, що то грѣшва!...

Кроту мы всѣ свои расважемъ грѣхи.—

„Охъ ваши на мене надѣи всѣ плохи!...

¹⁾ Вар.: якъ только треба всякъ удалысь до покуты.

²⁾ Вар.: всякъ сповидатысь треба.

„Шувайте, хто святѣйшій,

„А я одъ всѣхъ грѣшнѣйшій!...

„Глядите: отъ вамъ Вовкъ! сто разъ мене смирнѣйшій ¹⁾

„Хиба то голодъ уже ажъ въ сукъ его зѣгне,

„Що по неволи вѣнъ тогда когось давне;

„А то николи вѣнъ не зробить даромъ шкоды.

„А я й безъ голоду,—щобъ мордочку свою

„Потѣшитъ,—все псую:

„Поля, лиса, сады, города“.

Тутъ гѣрко вротикъ зарыдавъ,

Хочъ баяся и очей не мавъ,

А втершись лапкою вѣнъ показавъ на воду,

И такъ сказавъ всему звѣриному народу:

„Щобъ зубки намъ свои и шкурочки спасти,

„До Щуки треба намъ грѣхи свои нести.

(Та якъ ити у тую воду

„Слѣпимъ кротамъ, не знавши броду!)

„О Щука постниця! Живе въ води сто лѣтъ,

„Разъ тѣлько въ мѣсяць ѣсть обѣдъ!..

„Вона въ свой довгий вѣкъ не зробить столько бѣдъ,

„Якъ я зроблю въ одно ихъ лѣто,—

„А все те одъ звѣрей въ моей норѣ закрыто“!...

Якъ тѣлько Крѣтъ одсповѣдавъ

И всѣмъ въ грѣхахъ своихъ признавъ,

То заразъ переставъ у свѣтѣ Моръ и Голодъ,—

И де була Жара, повѣявъ топкій Холодъ.

—

Були жъ колись таки кроты,

Що ѣмѣли всѣхъ звѣрей спасти.

Кроты звѣрки слѣпы, чужихъ грѣхѣвъ не бачуть,

А объ своихъ таки хотъ пѣдъ часъ Мору плачуть.

Не такъ якъ людскіе кроты,—

Сами не грѣшны—хочъ умерти,

¹⁾ Вар.: передо мною Вовкъ сто, двести разъ добрѣйшій.

А только другимъ все грѣхами колють очи,—
 Що й слухать ихъ не стало мочи.
 Колибъ намъ де знайти такихъ людскихъ кротѣвъ,
 Тогда бъ то хлѣбъ родивъ,
 А сѣно й поготѣвъ:
 Кроты бъ земли не рыли,
 А люде бъ ихъ любили,
 И люде й звѣри смирно-бъ жили;
 И ѣсти мали бъ що, и Бога бъ всѣ хвалили ¹⁾).

Року 1841 мѣсяца Червця 28 дня
 у Киевѣ.

XIV.

БАЙКА.

Выборъ женихивъ.

Не кыдайсь першого купця,—
 Чы другій буде,—не вгадаты;
 Не завше трапышъ на слипця,
 Щобъ мигъ йому й гныле продаты.
 Покры ще свиженъкій товаръ
 Чимъ дужъ його зъ рукъ треба збуты,
 А на лежале весь базаръ
 Не хоче окомъ намыгнуты.

¹⁾ Въ черновой рукописи это нравоученіе изложено въ нѣсколькихъ сокращенныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе обработанная слѣдующая:

Колыбъ дей намъ знайти теперь такихъ кротивъ
 Що дилъ худыхъ чужихъ не бачуть,
 А о своихъ щоденно плачуть
 И не таятъ своихъ грихивъ,
 То одъ голодныхъ-бы и мы спаслись рокивъ.

Охъ!—ще не выйшла зъ головы
 У мене й доси та Кулына!...
 Якъ хочъ ей теперь зовы,
 Була то дивка якъ калына.

Сама билесенька якъ снигъ,
 А щички й губкы червоненьки;
 Ажъ бы вкусывъ, колыбъ прымигъ—
 Отъ ти два яблочка повненьки!...

И що жъ за нею женыхи—
 Не то ватагою—ордою,
 Не яки небудь, а лыхи,
 Що ажъ нема одъ ныхъ одбою.

Кулына жъ всимъ имъ на одризь,
 Що їй ити ще замужъ рано,
 Що той женихъ ще не подрись,
 Кому на неи право дано.

Той бачишь смирный якъ хомякъ,
 А той глядыть все нибы скоса;
 У всехъ що небудь та не такъ,
 Одъ каждого заверне носа.

Йовтухъ, Нечыпоръ и Охримъ
 Пишлы одъ неи зъ гарбузамы;
 По квитци имъ прыпыла всимъ,
 Що ажъ заклецалы зубамы.

Петрусь бы всимъ бувъ женишокъ,—
 Колыжъ—бородавка на носи!...
 Павлусю бъ хтилось—такъ мишокъ
 Не сміе свататьця и доси.

Оттакъ вси женихы пройшлы
 И не верталысь до Кулынкы;
 А їй годочки йшлы да йшлы—
 На щичкахъ провели морщинкы.

А тамъ уже пидъ трыдцять пять;
 Якъ вся пожовкла, зблябовала,

Весну другу де дивци взять;
Безъ женихивъ зазимовала ¹⁾).

А якъ, скажите, сывыхъ кись
Дождавшись дивци, жыты въ свити?
Кулына йде доиты кизъ
Чужихъ, щобъ хлиба заробыты.

Вона тутъ стрилась зъ пастухомъ,
Уже й до сѣго скалыть зубкы
И рада, що старый Пахомъ
До сывой прыгорнувсь голубкы.

XV.

К О З Л Ы.

Vitam impendere vero...
Veritas odium parit.

Щасливъ той всякъ, хто Батька мавъ.
И ридную свою Матусенькою звавъ!...
Чому жъ не всякъ иде по батькивскій дорози,
А инши скачуть въ садъ чужій—якъ тїи козы?
Проклятымъ бачъ козломъ не овощъ на уми,
Имъ кору зъ всихъ деревъ дай обгрызати зубамы.
Хочъ вышня безъ коры обгрызена й засохне,
Козлу що до того?—не сытъ винъ и не здохне.
Будь и высокій тынь въ саду,
Козлыще вскочить на биду!...
И бьютъ за те козливъ, ламають имъ и рогы,
А все козлы въ чужій садъ скачуть безъ дороги.
Такїи то козлы
Вси тїи люде злы,—
То що не женятця,—а роблятця батькамы.
Не типатця дитьми, а чванятця рогамы.

¹⁾ Вар.: Давай вона й сама шукать,
Та женихавъ вже не догнала.

Охъ!—всихъ бы тыхъ козливъ кыямы!...
 Та шкуры зъ ныхъ зодратъ,
 Щобъ бильшъ имъ не вдалось въ чужи сады скакать.
 Вони не думаютъ о диткахъ,
 Що роскыдають ихъ въ чужихъ садахъ—по клиткахъ,
 На всихъ сучкахъ и виткахъ!
 Кого жъ ти бидніи батьками будуть звать?...
 И матерей своихъ якъ будутъ шановать?...
 Мѣсяца Лютого (Февраля) 2 дня
 1842 року г. Къевъ.

XVI.

ЛѢСНЯ.

(Старинная на новый ладъ).

Чи такъ у васъ, якъ у насъ,—
 По полю кропывеа,
 По талаю молодець,
 По шелягу дивка?...
 Въ вѣско йдуть вси молодци,
 Решта чумакують,
 Любки бъ то у нихъ на сердца,
 Да все бурлакують.
 Зъ вечера нибы й любвивъ,
 Въ ранци—вже й забуде!...
 Не боитця, що окпывъ,
 Хочъ и лають люде,
 А що жъ дивонькамъ робить?
 Знай—прядуть, да шіють!...
 Хтилось бы то й имъ любить,
 Да въ дивкахъ сквіють.
 На калику одного
 Десять бы знайшлося,

Колы жъ—чортъ визьмы его!—
Війно те ввелося!...

Дай, да дай—ще и поддай
За хорошу дивку;
А не то—за пичь сховай,
Колы маешь бридку.

Плюньтежъ въ очи молодцямъ,
Плюньте вы дивчата
Тимъ що дуже хвляють вамъ
Ваши оченята...

Що зозульками зовуть
И лебедьками частують,
А за жонокъ не берутъ,
Тилько такъ жартують.

Нехай мрутъ воны зъ нудьги,
Нехай васъ не бачуть;
Поки будуть вороги,
Нехай стогнуть, плачуть!...

За одну щиру любовь
Покажить имъ ласку,
А не тому, що готовъ
Здерты зъ васъ запаску.

XVII.

ЛѢСНЯ.¹⁾

(Харьковскимъ розмахомъ).

Зо всѣхъ лѣсенъ ця найкраща
Слухайте, уважайте!
Бувъ Хведько собѣ ледащо,—
Не тѣмъ поминайте.
Пивъ, гулявъ винъ на пропале,
Не хотѣвъ робити.
Батько й мати радить стали...
Щобъ его жинити.

¹⁾ Удерживаемъ правописание подлинника.

Хведь спинаетця на дыбки:
 „Не хочу, не хочу!
 „Всѣ дѣвчата гидки, бридки!
 „Одъ нихъ въ воду скочу!“...
 Мати опустила й руки,
 Батьво й нѣсъ повисивъ!
 „Не роби жъ намъ сеи муки,
 „Шибенику бѣсовъ!“
 Нѣчого зъ Хведьбомъ чинити,—
 Выбивсь усь гарненькій,
 А щобъ сына ожени
 Не думай ты, ненько!
 Тѣлько разъ винъ каже: „Мамо!
 „Часъ менѣ женитьця.
 „Противъ шинку живеть прамо
 „Чудо не вдовица“!...
 Матѣрь пѣтъ пронявъ холодный!...
 Впала, обомлѣла!...
 А Хведь—стрибъ! гультай, негодный!
 Зновъ до свого дѣла!...
 Винъ не слухавъ ни одъ кого
 Бѣльшь ни якої рады,
 Взявъ вдову соби небогу—
 Въ томъ не бачивъ вады.
 Тѣлько жъ черезъ мѣсяць—близько
 Давъ имъ Богъ новинку!...
 Хведь бѣжитъ купить колиску!...
 „А що?... Бачишь сынку“!...
 Хведь до жинки зъ кулаками!...
 Жѣнка зъ макогономъ!..
 А старенька—съ слизеньками
 Промежъ нихъ—розгономъ!...
 „Що вы, що вы, мили дѣти!...
 Не злякайте внука!...
 „Стрѣлки уже не воротити
 „Пущеной зъ лука...

„Вы бѣ очамъ своимъ сказали:
 „Помадки не лазьте,
 „Бачили що куповали,
 „Бѣжьте жѣ—хочѣ вылазьте“!

XVIII.

ОДЪ ГРЬЦЬКА ЛЕРЕПЕЛЫЧЕНЦА

до Его милосты Павла Королева (старика подагрина) повиншованьє зъ именными.

(Грыцько съ ношею за спиной входитъ въ имениннику и все говорить одивъ. Прочихъ лицъ вѣшня сцена).

Магай-би Паночку!—добрыдень вамъ у хату!
 Чи живѣ, здоровенькій, Павлусю,—пане свату?
 Я-жѣ вамъ таки колысь продавъ фуръ зъ пять пшеници.
 И могорычъ пылы у ци жѣ таки свитлыци.
 Отъ це чи знаете (сказать, та не вбрехатись):
 Якъ причалапавъ я, щобъ зъ вами повыдатись?
 Зобрався я на тиргъ у Кіевъ по неводи,
 Не стало до борщу а ни дробыны соли;
 Колы жѣ стриваюсь тутъ—чи знаете—Охрима?—
 Выходыть зъ церьвы винь, ажѣ тута—рыпъ дверыма—
 Выходыть и Свырьдъ; да й кажуть—„що ты знаешь?
 „Въ шынку ты й вывився, а въ церьви не буваешъ.
 „Сегодня пипъ казавъ святого Павла зъ Хфева ¹⁾
 „Ходимъ же на ралець до Павла Королева.
 „Винь же нашъ добрый Панъ! Дай йому Боже зъ неба,
 „Чого винь самъ бажа, чого йому потреба!“
 А я це якъ почувъ, да й ну чимчивоваты,
 Ажѣ чубъ упривъ, покы добривъ до вашей хаты.
 Поздоровляю жѣ васъ, Добродій Именничкь!
 А це свынече вамъ стегенце на гостынчикь!
 А це вамъ прядивца зъ повисьмо—або й билше,
 Бо ваши панночки, я чувъ, прядуть не згирше!

* ¹⁾ Января 15 дня празднуется память св. Павла Фивейскаго.

(Хозяинъ благодарить и просить садяться. Жалуется на боль въ ногахъ, а Грицько преподаетъ свои совѣты).

Отъ це жъ я и прыйшовъ,—а ти десь забарылись.
 А що жъ, Добродію? отъ це вы щось скривылись?
 Мабуты вы слаби?... Хоруете на ноги?...
 Лыха годинопька!... А що жъ? нема й помощи?...
 Мабуты се прыстрить, або була бешыха!...
 Далеко до добра, а близько намъ до лыха!...
 У насъ буває й це, що часомъ пидльвають,
 Да й завертки въ пашни псявиры завертають.
 Щобъ имъ тавъ щелепы назадъ позавертало
 (Все добре кажучы),—щобъ имъ добра не стало.
 А все жъ ихъ завертѣа никому не мынетьця,
 Кто заразы знахара шукать не схаменетьця.

(Старикъ продолжаетъ жаловаться на боль въ ногахъ. Общій разговоръ. Накрываютъ на столъ къ обѣду. Гости начинаютъ сходиться. Между прочимъ Грицько продолжаетъ)

Отъ я вамъ що скажу: одъ насъ тамъ дуже близько,
 Въ лису на хутори живе старый Онысько,—
 Винъ мае въ носи щось,—и ворожить уміе!
 Въ його млыни самъ чортъ ломать колісь не сміе.
 Винъ зъ биса ворожбытъ, одъ разу угадае:
 Що? якъ?—де вкрадено?—и вси винъ чары знае.
 Чы одходить данье, чы вылыть кому волось;
 Уже що знахаръ винъ, въ одынъ кричать вси голосъ.
 А ще у насъ въ сели кырпата есть Горпына.
 О! й то ще знахарѣа!—Тилько лыха година,
 Що пипъ заборонивъ їи вже ворожыты,
 Та ще й лявѣвъ тяжку покуту наложыты.
 Таки, бачъ, Пан-отци теперь у насъ насталы:
 Хочъ выпре зъ тебе духъ—бабы щобъ не шепталы.

Отъ вамъ колыбъ таку Горпыну запровадытъ,
 Вона бъ за тыждень вамъ потрапыла порадытъ.
 Вона-бъ насмажившы—по своему—по просту,
 Приклала-бъ вамъ до нигъ кориння живокосту,

То вы бѣ за килька днівъ зъ постели зволовься,
 А миськихъ дохтуривъ и бачить зарекдыся.
 Бо то все нимчура, Бигъ знае, чимъ вурують,
 Своими ликами на смерть людей мордують.
 Изъ чыряка вони изроблять и болячку,
 А трасьцю обернуть уміють на гарячку.
 Та ще й червиньци имъ давай за тую ласку,
 А баби надто вже колы купывъ запаску.
 Отъ такъ, Добродію!—Моя такая рада,
 Що вамъ тыхъ Дохтуривъ—мовлявъ москаль—не нада,
 А треба знахарку, таку щобъ кмитовала,
 Якъ, чимъ порадыты—да щобъ и пошептала.

(Наступаеъ время обѣда. Грицько по приглаше-
 нію принимаеъся по очереди за все, что видить на столѣ).

А що жъ?—чи се уже по едній выпыть мусымъ?
 Та добре жъ!—выныймо!—та й ковбасой закусымъ.
 А це ще й борщъ?... а це и каша зъ вышкваргамы?...
 А це й вареныкы?... и юшка зъ галушкамы!...
 А це и порося? я-жъ мяса вже не хочу,
 А тильки шкурочку, бо свій живить наврочу.

(Пивши охотно за всякимъ блюдомъ, наконецъ на-
 чинаеъ отговариваться).

Охъ, годи-жъ пидлывать мени сей варенухи;
 Бо посля цei вже почервоніють ўхи.
 Та годи-жъ вамъ мене такъ дуже частоваты,
 Ей-богу! билше вже не буду й коштоваты!...

(Помолясь и поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ, за
 соль, Грицько прощаеъся и уходитъ).

Спасыби-жъ Богу—й вамъ! теперь уже прощайте.
 Якъ въ Хотовъ ¹⁾ трапытьця,—то й вы насъ не мыняйте,
 Прощайте—жъ!—будьте вси здоровеньки посполу!
 Нехай вамъ Бигъ дае здоровье й добру долю.

¹⁾ Хотовъ—село въ 12 верстахъ отъ Кіева, гдѣ живеть Грицько.

(Хозяину больному въ особенности желаетъ по-
правленія здоровья).

Нехай же васъ Павло святой такъ умоцюе
Въ здоровьи—якъ винъ самъ соби тамъ примиркуе.
Спасеть же васъ Господь! спалать за вашу ласку!...

(Вышедши изъ гостей и идя дорогою самъ съ собою.)

Теперь же часъ мени шукать свою Параску!...
Вона на вози десь зъ дытною на мисти...
Тремтыть одъ холоду!—небога хоче й исты!...
Колыбъ заранна намъ допхатыця до господоы!...
Та ну жь!—не лай стара!—Я?—пьяный?...
Годижь!... годи!...

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Стихотвореніе это представляет, повидимому, картинку съ натуры: по крайней мѣрѣ упоминаемый здѣсь П. Корольевъ лицо не вымышленное (онъ служилъ въ духовной консисторіи).

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Октябрьскій брестскій соборъ 1596 года, на которомъ предполагалось соединеніе православія съ католицизмомъ въ формѣ уніи, привелъ только къ раздору.

Издавна католическое правительство Польши заботилось въ своемъ государствѣ объ уніи и до конца XVI в. не теряло надежды видѣть соглашеніе церквей съ подчиненіемъ, конечно, православія католицизму; но теперь, на брестскомъ соборѣ, стороны рѣшительно убѣдились, что такое соединеніе вѣроисповѣданій не возможно. Представители двухъ главныхъ вѣроисповѣданій въ краѣ, съѣхавшіеся въ значительномъ количествѣ на этотъ соборъ, разсорились и предали другъ друга проклятію. Для католиковъ проклятіе православныхъ не имѣло, конечно, важныхъ послѣдствій: католицизмъ былъ религіею правительственною; на его сторонѣ стояла государственная власть. Хуже, разумѣется, пришлось православнымъ. Они лишились большинства своихъ епископовъ, перешедшихъ, по личнымъ расчетамъ, въ унію, и терпѣли по мѣстамъ насилія со стороны католиковъ. Западно-русская церковь осиротѣла въ своемъ представительствѣ. Оставшіеся два епископа не могли управиться съ ея дѣлами, да и притомъ это были люди съ далеко небезупречнымъ прошлымъ. Что касается средняго православнаго духовенства, то—не далекое (чтобы не сказать сильнѣе) по своему развитію—оно заботилось лишь о своихъ личныхъ, жи-

тейскихъ нуждахъ и интересы своей частной жизни ставило выше интересовъ общества. Кромѣ того, оно стояло въ материально - имущественной зависимости отъ польскихъ пановъ, привыкшихъ сильно злоупотреблять своимъ правомъ раздаянія духовныхъ мѣстъ. Но хуже всего было то, что православная, западно-русская церковь послѣ брестскаго собора не имѣла митрополита (ея прежній митрополитъ перешель въ унию).

При такихъ-то обстоятельствахъ, православные обратились къ константинопольскому патріарху, которому официально была подчинена западно-русская митрополія, представили на его разсмотрѣніе дѣяніе брестскаго собора и просили совѣта и помощи въ неравной, тяжелой борьбѣ съ униатами и католиками. Въ то печальное время, по нѣскольکو преувеличенному извѣстію документа, „*все христіанство*“ подвиглось до святѣйшаго патріарха изъ разныхъ мѣстъ и о томъ знати давати ему почали, просячи о ратунохъ“.

На константинопольскую патріаршую кафедру вступилъ тогда, послѣ смерти Іереміи II, въ званіи пова мѣстоблюстителя, александрійскій патріархъ Мелетій Нигасъ.

Принято обыкновенно думать, что Мелетій Нигасъ былъ „хорошо знакомъ съ положеніемъ западно-русской митрополіи, съ которою не разъ сносился и прежде¹⁾“.

Конечно, переписка патріарха Мелетія Нигаса съ разными лицами западно-русской митрополіи, составившая цѣлый томъ сочиненій въ переводѣ на русскій языкъ²⁾, фактъ слишкомъ очевидный, чтобы можно было что нибудь возразить противъ него, но мы осмѣлимся высказать свое положеніе, что одного письменнаго сношенія очень недостаточно для „хорошаго знакомства“ съ какою бы то ни было страной, а тѣмъ болѣе такой, какъ западная Русь, гдѣ издавна сталкивались самые разнородные религиозные интересы, которые могли быть хорошо поняты только на мѣстѣ. Факты очень печальнаго свойства

¹⁾ Макарій — „Исторія русской церкви“, т. X, стр. 242. Мышле пр. Макарія повторено многими изслѣдователями.

²⁾ Второй томъ „Мелетія Нигаса“ И. И. Малышевскаго.

подтверждаютъ справедливость нашего положенія. Напримѣръ, патріархъ Іеремія II не разъ сносился съ южнорусскою митрополіею, писалъ въ нее не одно посланіе; мало того, онъ даже не малое время жилъ въ предѣлахъ западной Руси и, слѣдовательно, имѣлъ хорошій случай непосредственнаго знакомства съ дѣлами западнорусской митрополіи, и однако, при всемъ томъ, какъ скудны, неправильны были его свѣдѣнія о западнорусской церкви! Развѣ мало повредилъ онъ ея интересамъ своимъ нетактичнымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла? Если люди, постоянно жившіе въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства, порою становились въ тупикъ предъ многими явленіями ея жизни, ошибались въ ихъ дѣйствіяхъ, терялись, не знали что дѣлать и невольно приходили къ сознанію, что для участія въ дѣлахъ своей родной церкви имъ недоставало пониманія ея интересовъ, то тѣмъ страннѣе утверждать, что далекій восточный патріархъ былъ хорошо знакомъ съ южнорусскою церковью на основаніи одной переписки...

Братства... На нихъ была одна надежда. Правда, они держались дружно. Виленскіе и особенно львовскіе братчики, въ ряду которыхъ числились выдающіеся представители дворянскихъ родовъ западной Россіи, упорно отстаивали интересы какъ своихъ общинъ, такъ и вообще интересы своего православнаго края. Они не разъ заносили жалобы на несправедливыя отношенія къ нимъ униатовъ и католиковъ въ городскія актовыя книги. Но если справедливо то, что о всякомъ дѣлѣ изслѣдователь долженъ судить по его окончательнымъ результатамъ, то должно сказать, что въ итогѣ дѣятельности братствъ оказалось, въ сущности, очень мало утѣшительнаго для православной южнорусской церкви того времени. Не прошло даже пятнадцати лѣтъ послѣ брестской уніи, какъ всѣ почти дворянскіе православные роды перешли въ католицизмъ, или протестантизмъ, и изумленный свидѣтель событія имѣлъ полное право оплакивать измѣну лучшихъ представителей православія сильнымъ энергическимъ воплемъ отъ лица своей родной, православной церкви. „Гдѣ неощенные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, какъ-бы плачетъ южно-

русская церковь описываемаго времени, князя Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вышневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Коширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, и другіе безъ числа?“ Въ „Өриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго оплаваны почти всѣ дворянскіе роды православной южной руси.

Князь Константинъ Острожскій... Конечно, онъ былъ вліятеленъ по своему фамильно-государственному положенію (какъ сенаторъ и потомокъ стариннаго рода), могущественъ по своему богатству и силѣ (какъ владѣтель огромнаго имѣнія, приносившаго, если вѣрить польскимъ историкамъ, до 2,000,000 золотыхъ; замѣтимъ, что „злотъ“, „злотый“, нынѣ 15 копѣекъ, въ то время цѣнился почти въ 20 разъ больше), энергиченъ и дѣятеленъ, по своему характеру и темпераменту. Въ это критическое время для западнорусской церкви онъ былъ даже назначенъ патріархомъ Мелетіемъ — экзархомъ южнорусской митрополіи на ряду съ Гедеономъ, епископомъ львовскимъ, и Кирилломъ Лукарисомъ, протосингелломъ. Но изслѣдователь потратилъ бы напрасно время, если бы, соблазнившись громкимъ, новымъ титуломъ князя-экзарха патріаршаго престола, подумалъ, что съ нимъ открылся новый какой нибудь періодъ его дѣятельности и сталъ бы искать въ его дальнѣйшей жизни какихъ либо особенно важныхъ предпріятій на защиту православной церкви. Все лучшее, что могъ сдѣлать князь Острожскій для защиты своей вѣры и народа, было имъ сдѣлано раньше (основаніе острожской типографіи и школы, заботы объ уніи безъ нарушенія сущности православія, защита національныхъ правъ своего народа на польско-литовскихъ сеймахъ, противо-дѣйствіе уніи на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 г.). Теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ постепенно охладѣваетъ въ своей продолжительной и тяжелой роли защитника православной церкви. Испытавъ многія средства защиты ея интересовъ, какъ законныя, такъ и незаконныя (участіе князя въ казацкихъ бунтахъ, вызванныхъ слухами объ уніи, не подлежащія сомнѣнію), онъ утомился въ своей роли. Правда, онъ и теперь присутствуетъ на второмъ протестантскомъ сеймѣ, къ нему

по прежнему обращаются за совѣтомъ и помощью разныя братства, предъ нимъ заискиваетъ даже папа, никогда, впрочемъ, не терявшій надежды склонить могущественнаго князя Острожскаго къ своему трону, и теперь еще, по старой привычкѣ, онъ участвуетъ во многихъ церковно-общественныхъ дѣлахъ, но это уже не та горячая, энергическая дѣятельность пылаго, рѣшительнаго князя, а спокойная, ровная и какъ бы равнодушная дѣятельность человѣка усталаго, требующаго себѣ больше внутренняго спокойствія, чѣмъ внѣшнихъ впечатлѣній. Поживъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, князь теперь сталъ предаваться меланхолическимъ настроеніямъ и часто подумывалъ о томъ, „изъ крутно зъ свѣтомъ разставатися“. Время князя миновало. Онъ тихо доживалъ свой длинный вѣкъ. Такъ яркіе лучи предъ закатомъ солнца блестятъ и свѣтятъ, но не грѣютъ. Никогда, кажется, роль экзарха не была такъ не кстати, какъ въ отношеніи къ князю Константину Константиновичу Острожскому послѣ брестскаго собора. Экзаршество было не болѣе какъ лишнимъ эпитетомъ въ длинномъ княжескомъ титулѣ. До какой степени князь Острожскій былъ безсиленъ въ своей роли экзарха, объ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что онъ не могъ выручить изъ бѣды константинопольскаго протосингелла Никифора, котораго самъ же вызвалъ въ Острогъ и котораго постигла въ западной Руси печальная судьба: онъ сдѣлался жертвою интригъ польскаго правительства, преслѣдовавшаго въ то время узко-національныя, политическія дѣли въ своемъ разноплеменномъ и крайне неопредѣленномъ, по своимъ этнографическимъ предѣламъ, государствѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу этихъ интригъ, познакомимся въ общихъ чертахъ съ жизнью Никифора.

II.

Исторія не сохранила намъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни Никифора. Поэтому, въ его біографіи намъ приходится ограничиваться предположеніями и тѣмъ немногимъ

историческимъ матеріаломъ, какой даютъ намъ южнорусскіе документы конца XVI вѣка.

По всей вѣроятности, протосингелль Никифоръ былъ родомъ изъ Греціи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По обычаю того времени, онъ отправился въ Италію для обученія наукамъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ различныхъ наукъ въ падуанскомъ высшемъ училищѣ, потомъ семь лѣтъ проповѣдывалъ при одной церкви въ Венеціи. Воспользовавшись вліяніемъ своей сестры, которая была одною изъ женъ султана, онъ вошелъ въ дружеское расположеніе правителей Турціи и слылъ, вообще, за человѣка вліятельнаго („великой ваги“). Быть можетъ, вслѣдствіе этого именно своего положенія, онъ приблизился къ тогдашнему константинопольскому патриарху Іереміи II и въ 1592 году возведенъ былъ въ почетное званіе великаго протосингелла и экзарха константинопольскаго патриарха.

Въ званіи протосингелла Никифоръ два раза управлялъ константинопольскою патриархіею въ 1592 — 1594 годахъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ подготавлилась въ это время унія, и до Константинополя стали доходить тревожныя извѣстія о желаніи большинства западнорусскихъ епископовъ перейти въ унію. Львовское братство въ 1592 году писало объ этомъ патриарху и просило его прислать въ западную Русь какое нибудь уполномоченное лицо для прекращенія замѣшательствъ, возникшихъ вслѣдствіе этихъ слуховъ объ уніи. Объ этомъ-же писалъ патриарху князь Острожскій и другіе защитники западнорусской церкви. Константинъ Константиновичъ Острожскій кромѣ того просилъ еще патриарха прислать ему для устройства его острожской школы какого нибудь опытнаго дидакала, который-бы зналъ греческій языкъ и могъ хорошо поставить обученіе въ школѣ. Никифоръ согласился принять предложеніе князя Острожскаго и отправился въ югозападную Русь собственно „для наученія дитокъ“. Ему-же, кажется, было поручено патриархомъ за одно устроить дѣла западнорусской церкви. Никифоръ приготовился уже къ отъѣзду, но совершенно непредвидѣнныя обстоятельства случайно задержали его въ Константинополѣ.

Случилось такъ, что валашскій господарскій престоль, послѣ смерти воеводы Петра, оставался въ то время не занятымъ. Турецкій султанъ давно имѣлъ виды на Валахію; онъ хотѣлъ уравнять ее въ административномъ отношеніи съ другими турецкими провинціями и „посадити на то господарство своего турчина“ (Валахія пользовалась правомъ самоуправленія, но въ то-же время считалась административно-зависимою отъ Турціи). Христіанское населеніе Валахіи сильно встрѣожилось. Оно всѣми силами старалось отстранить отъ себя турецкаго кандидата (боялось, чтобы „близко христіанъ турокъ не засѣлъ“). Прото-сингелль Никифоръ принялъ дѣятельное участіе въ положеніи Валахіи, и, благодаря его ходатайству при константинопольскомъ дворѣ, господаремъ былъ избранъ нѣкто Ааронъ—христіанинъ. Султанъ былъ умилостивленъ большими подарками, занятыми Аарономъ подъ поручительствомъ Никифора. Когда, такимъ образомъ, волошскія дѣла въ Константинополѣ были устроены, Никифоръ отправился въ Литву и по дорогѣ остановился въ Валахіи, гдѣ видѣлся съ Аарономъ и совѣщался съ нимъ объ уплатѣ долга. Въ это время онъ получилъ новыя посланія изъ Литвы, въ которыхъ православные просили его не медлить пріѣздомъ; но обстоятельства складывались очень неблагоприятно для дальнѣйшаго путешествія Никифора. Его снова задержали. Коронный польскій гетманъ Янъ Замоискій вошелъ въ Валахію съ 6,000 войска и предъявлялъ своего кандидата на валашское господарство—Іеремію Могилу. Перекопскій ханъ, не желавшій, чтобы Іеремія—кандидатъ поляковъ—занималъ валашскій престоль, послалъ въ Валахію 80,000 войска препятствовать намѣреніямъ Яна Замоискаго. Султанъ въ свою очередь тоже не легко могъ отказаться отъ желанія видѣть на валашскомъ господарствѣ своего кандидата и тоже послалъ въ Валахію свое войско подъ начальствомъ Синамъ-паши. Въ Валахіи открылись еще большіе раздоры. Ея положеніе было критическое. При такихъ обстоятельствахъ, Іеремія и валашскіе паны „съ плачомъ“ просили Никифора „яко отца“, чтобы онъ, какъ человекъ съ сильными связями, уладилъ какъ нибудь это дѣло и „души христіанскія изъ неволи и смерти выбавилъ“. Никифоръ, уступая

просьбамъ, взялъ на себя невыплаченный долгъ Аарона, принялъ сторону Іереміи и убѣдилъ султана и перекопскаго хана признать господаремъ Іеремію. При этомъ, онъ уговорилъ поляковъ согласиться, чтобы Іеремія, возведенный ими на валахское господарство, присягнулъ султану на вѣрноподданичество, потому что только подъ этимъ условіемъ возможно было отступление турокъ. Султанъ получилъ новые подарки, Іеремія остался господаремъ, и Валахія успокоилась. Никифоръ отправился дальше.

Лишь только вступилъ онъ въ предѣлы польско-литовскаго государства, его задержали пограничныя власти и заключили въ тюрьму, какъ человѣка подозрительнаго, переѣхавшаго границу въ непокойное время. Въ это время въ 1595 году вышелъ окружной королевскій указъ ко всеѣмъ пограничнымъ властямъ, въ которомъ строго „заказовалось, абы жадного посла, а ни листовъ отъ патріарха константинопольскаго не пропущано“. Въ силу этого указа, Никифора и арестовали. Въ положеніи арестанта Никифоръ пробылъ больше шести мѣсяцевъ. Такъ какъ его съ нетерпѣніемъ ожидали на Волыни, то онъ „зъ везенья ушолъ“, подражая въ этомъ случаѣ, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, примѣру апостола Павла, который для блага христіанской проповѣди, „въ кошу по стѣнѣ, спустившись, утекъ“. Лѣтомъ или въ началѣ осени 1596 года онъ былъ уже у князя Константина Константиновича Острожскаго въ Острогѣ.

Прибытіе въ южную Русь экзарха Никифора—лица съ столь важными церковно-административными полномочіями—имѣло большое значеніе для православныхъ. Явившійся представитель восточной церкви напомнилъ уніатамъ о единствѣ православія, при которомъ всякое сепаративное уклоненіе епископовъ отъ восточной церкви должно быть наказано, какъ незаконное. Протосингелль остановился у князя Острожскаго, который съ литовскимъ дворянствомъ принялъ его съ подобающею честью и послалъ къ королю посольство съ донесеніемъ о пріѣздѣ представителя восточной церкви.

Знакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи, экзархъ встрѣтилъ множество самыхъ разно-

рѣчивыхъ слуховъ о митрополитѣ; но онъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы придавать этимъ слухамъ достовѣрность. Онъ обратился къ самому митрополиту съ письмомъ, въ которомъ просилъ сказать ему что нибудь определенное относительно своего участія въ уніи.

Митрополитъ ничего не отвѣчалъ на запросъ протосингелла и продолжалъ вести свою крайне неопредѣленную политику въ отношеніи къ православнымъ. Положеніе митрополита рѣшительно выяснилось на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 года.

За день до открытія этого собора Никифоръ вторично писалъ посланіе къ митрополиту отъ своего имени и отъ имени Кирилла Лукариса, экзарха александрійскаго престола, прибывшаго тоже на соборъ въ Брестъ. Въ этомъ второмъ посланіи восточные экзархи напоминали какъ митрополиту, такъ и православнымъ епископамъ, согласившимся на унію, о своемъ приѣздѣ и приглашали ихъ для совѣщанія, съ прибавкою, что они, какъ намѣстники патріарховъ, ждутъ должнаго къ себѣ почтенія... Посламъ экзарховъ былъ данъ короткій, дипломатически-двусмысленный отвѣтъ:

— Посмотримъ..... Если намъ угодно будетъ придти, мы придемъ.

Они не явились.

Оба протосингелла были задѣты въ своемъ честолюбіи такимъ невнимательнымъ отношеніемъ митрополита къ ихъ посланіямъ. Не дождавшись ни митрополита, ни его сообщниковъ-епископовъ, православные открыли соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ экзарховъ Никифора и Кирилла въ частномъ, кажется, протестантскомъ домѣ Райскаго, гдѣ остановился князь Острожскій. Соборъ православныхъ въ протестантскомъ домѣ—явленіе странное; но для объясненія его нужно принять во вниманіе, во первыхъ, близкія, дружелюбныя отношенія въ то время православныхъ и протестантовъ западно-русскаго края, а, во вторыхъ, особое распоряженіе братскаго епископа Ипатія Поцѣя запретить въ городѣ всѣ православныя храмы—обычныя мѣста соборныхъ засѣданій. Никифоръ, какъ предсѣдатель православнаго собора, заявилъ всѣмъ собравшимся для совѣщанія,

что „хотя митрополитъ и находящіеся при немъ епископы (согласившіеся на унію), поступаютъ противозаконно, но мы (православные), не подражая имъ, будемъ поступать согласно съ (церковными) правилами“.

Мы не станемъ рассказывать о дальнѣйшемъ участіи Никифора въ соборныхъ засѣданіяхъ, потому что это значило-бы рассказывать всю исторію брестскаго православнаго собора 1596 года. Замѣтимъ только, что Никифоръ сумѣлъ провести свою роль предсѣдателя очень авторитетно и тактично. Когда послѣ перваго отказа отступниковъ-епископовъ явиться на соборъ, православные потребовали ихъ осужденія, Никифоръ не согласился съ такою преждевременною и, потому, крайнею мѣрою и отправилъ къ митрополиту посольство съ вторичнымъ приглашеніемъ на соборъ. Послы воротились и передали собору, что были приняты митрополитомъ съ яростью и презрѣніемъ и отправлены безъ отвѣта“. Митрополитъ сказалъ только:

— Напрасно насъ ждете, мы не придемъ.

Православные, выслушавъ такой дерзкій отвѣтъ, снова потребовали немедленнаго осужденія отступниковъ.

— Мы должны исполнить всё, что предписываютъ правила, отвѣтилъ Никифоръ и, согласно евангельскому совѣту три раза обращаться къ заблудившему въ вѣрѣ, назначилъ третье и послѣднее посольство къ митрополиту. На этотъ разъ посольству былъ данъ такой отвѣтъ:

— Что сдѣлалось, то сдѣлалось... иначе быть не могло... мы отдались западной церкви.

Послѣ этого оставалось произнести осужденіе уніатамъ, такъ какъ намѣренія ихъ теперь стали очевидны.

Въ длинной, риторической рѣчи Никифоръ изложилъ тогда бѣдственное положеніе западнорусской церкви: пренебрежительное отношеніе митрополита къ патріарху, измѣну его православію, своекорыстное влеченіе епископовъ уніатовъ къ личнымъ выгодамъ и волненія, происшедшія по этому поводу въ православной церкви. Протосингелль пожелалъ подробно узнать, когда и при какихъ обстоятельствахъ измѣнилъ митрополитъ своей вѣрѣ. Тогда всталъ съ своего мѣста архимандритъ кievскій и

вкратцѣ изложилъ всю исторію отступленія митрополита и владыкъ отъ православія.

Когда всё было разобрано и обсужено соборомъ, Никифоръ въ заключительномъ засѣданіи собора произнесъ вторую рѣчь, въ которой пунктально изложилъ главные вины митрополита и епископовъ, отдавшихъ уніи. Когда рѣчь была кончена, соборъ „сталъ налегать“ на низложеніи виновныхъ.

Тогда Никифоръ сталъ на високомъ мѣстѣ и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой св. Евангеліе, прочелъ въ всеуслышаніе „апофасисъ“, т. е. декретъ, которымъ отступники-епископы низлагались съ своихъ мѣстъ. Этотъ декретъ былъ возвѣщенъ уніатамъ чрезъ особаго посла, которому поручалось сказать епископамъ такія слова:

— Знайте, что за ваше новомысліе, отступничество и непокорность божественнымъ и святымъ правиламъ вы низложены съ своихъ іерархическихъ званій.

Такъ „экзархъ Никифоръ, имѣя полную власть отъ святѣйшаго патріарха со всѣмъ соборомъ... Михайла Рагозу, митрополиту, со всѣми его единомышленниками уніатами, изъ достоинствъ, яко правоприсяжцовъ патріаршихъ, низвергъ и анаемѣ или проклятію предалъ“.

По окончаніи собора князь Острожскій увезъ Никифора съ собою въ Острогъ, гдѣ грекъ-дидакаль занимался на досугѣ обученіемъ дѣтей въ острожской школѣ. Но не долго продолжалось покойное пребываніе Никифора въ Острогѣ. Польское правительство и уніаты были очень недовольны вмѣшательствомъ Никифора въ дѣла западнорусской, православной церкви. Они искали повода поколебать авторитетъ предсѣдателя православнаго брестскаго собора и еще до этого собора распространяли о Никифорѣ неосновательные слухи, будто бы онъ былъ шпиономъ. Но тогда эти слухи не могли имѣть серьезнаго значенія въ виду недоказанности факта. Послѣ собора, скоро представился удобный поводъ для обличенія Никифора въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ. Его привлекли къ суду и подняли шумный, для того времени очень сложный процессъ, кончившійся печальною развязкою для подсудимаго.

Дѣло началось съ маловажныхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятельностью Никифора, обстоятельствъ ¹⁾).

III.

Позднею осенью 1596 года чрезъ „маетность пана гетмана короннаго“ Замойскаго проѣзжалъ Янъ волошанинъ (родомъ изъ Валахіи). Его послалъ князь Константинъ Острожскій въ Валахію съ порученіемъ купить турецкихъ лошадей.

Хотѣлось ли князю усилить свою конницу, или ему понадобились лошади для пышныхъ выѣздовъ, къ которымъ онъ, какъ и всѣ знатные польскіе дворяне того времени, имѣлъ большую страсть, неизвѣстно да и не важно; извѣстно только, что волохъ былъ отправленъ съ этою именно цѣлью и имѣлъ пропускную грамоту въ самую Валахію.

Кто знакомъ съ проѣздными осенними дорогами западно-русскаго края въ настоящее даже время, этими непроходимо грязными, узкими и иногда совершенно теряющимися въ лѣсахъ и поляхъ дорогами, тому легко понять очень не веселое настроеніе путника по этимъ дорогамъ въ XVI вѣкѣ. Путь изъ Острога въ Валахію лежалъ чрезъ нынѣшнюю подольскую губернію, сѣверную часть бессарабской и Молдавію. Этою дорогою сообщались православные съ восточными патріархами, ею и отправился Янъ волохъ.

Показался Шаргородъ, въ то время очень незначительное мѣстечко, принадлежавшее имѣнію графа Замойскаго. Янъ зналъ, что здѣсь жили нѣкоторые его земляки — волошане, съ кото-

¹⁾ При изложеніи судебного процесса Никифора мы, главнымъ образомъ, пользовались данными трехъ историческихъ документовъ: „свидѣтельнаго дѣла объ экзархѣ Никифорѣ“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 117, стр. 159—165), „Перестроги“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 149, страницы 213 — 220) и „извлеченія изъ рукописи, содержащей описаніе Варшавскаго сейма, въ февралѣ и мартѣ 1597 года“ („Матеріалы для исторіи западнорусской церкви“. Приложение къ 1-му тому сочиненія Голубева: „Петръ Могила и его сподвижники“, № XV, стр. 46—60).

Первые два источника, вышедшіе изъ подъ пера православныхъ атологовъ, говорятъ о Никифорѣ, какъ о мученикѣ за вѣру православную, невинной жертвѣ польскихъ интригъ; третій источникъ съ объективною сухостью и довольно точно

рыми онъ былъ „доброй мысли“. Онъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ и отдохнуть. Онъ былъ при деньгахъ и хорошо сознавалъ, куда и зачѣмъ идетъ. Торбу свою Янъ особенно берегъ, такъ какъ въ ней, кромѣ денегъ, находились письма князя Острожскаго и кромѣ того четыре письма какого то Пафнутія монаха къ разнымъ лицамъ, жившимъ въ Валахїи и Турціи. Всё было-бы хорошо, если-бы Янъ, сознавая важность своей миссіи, остерегался выпивать лишнее по дорогѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ имѣнія гетмана Замойскаго, который находился не въ ладахъ съ княземъ Острожскимъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Въ Шаргородѣ онъ сошелся съ земляками и неожиданно попалъ на обѣдъ къ шаргородскому подстаростѣ Хржонстовскому. Подстароста принялъ его очень любезно и во время обѣда спросилъ гостя: куда онъ ѣдетъ?

— Въ Волощину, отвѣчалъ Янъ, купить князю Острожскому лошадей... У меня есть пропускной листъ князя...

Янъ, въ минуты хорошаго настроенія, былъ откровеннымъ до слабости. Онъ уже собирался подробно рассказать о своемъ посольствѣ, но земляки-друзья шепнули ему, чтобы онъ, на вся-

обстоятельностью рассказываетъ порядокъ судебного процесса надъ Никифоромъ и отношеніе къ подсудимому короля и сенаторовъ. Все три источника, дополняя другъ друга, даютъ любопытную страничку изъ западнорусской общественной жизни конца XVI в. Въ изложеніи фактовъ процесса мы руководились, преимущественно, „описаніемъ сейма“, дополняя его данными слѣдственаго дѣла, представляющаго мѣстами буквальный перифразъ „описанія“. Что касается „Перестроги“, то на этомъ произведеніи, какъ извѣстно каждому, кто только читалъ этотъ документъ, лежитъ самая большая печать свободной импровизаціи увлекавшаго автора, допустившаго въ своемъ разсказѣ много несообразностей. Къ этому источнику мы прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣкоторые историческія данныя о Никифорѣ представляютъ еще „Апокрисисъ“, „Eklepsis“ и „Акта южной и западной Россіи“. Въ польской исторической литературѣ процессъ Никифора оставленъ безъ вниманія: Пасецкій, Нѣмцевичъ, Сѣрчинскій, Гейденштейнъ, Стебольскій ничего не говорятъ объ этомъ процессѣ. Изъ нашихъ историковъ говорили мимоходомъ о Никифорѣ изслѣдователи уніи (Соловьевъ, Макарій, Костомаровъ и др.). Изъ мелкихъ историческихъ статей о Никифорѣ отмѣтимъ статью Коляловича въ „Странникѣ“ 1860 года, ноябрь, стр. 197—217. Какъ составленная по даннымъ только „перестроги“ и „слѣдственаго дѣла“, она представляетъ собою почти сплошной панегирикъ протосингеллу Никифору.

Полная и обстоятельная біографія Никифора принадлежитъ пока будущему.

кій случай, былъ посторожняѣ въ словахъ. Это не скрылось отъ взгляда Хржонстовскаго. Наступило молчаніе.

— А есть-ли у тебя еще какія нибудь бумаги? спросилъ подстароста, немного погодя.

— Н—нѣтъ, никакихъ больше нѣтъ, отвѣтилъ Янъ ровнымъ голосомъ.

„Не шпионъ-ли это...“ мелькнуло въ головѣ Хржонстовскаго.

— А денегъ съ тобою много?

— Да, есть... кое что... не особенно много...

— А сколько?

— 100 червонныхъ злотыхъ.

— Маловато, замѣтилъ подстароста. Для такой дальней дороги это маловато.

— Ничего, обойдусь какъ нибудь, а если не хватить, то въ Валахіи займу, сказалъ наугадъ Янъ, не сознавая самъ, зачѣмъ онъ говоритъ это.

— У кого-же ты займешь? обратился къ нему Хржонстовскій.

— У кого?!.. Тамъ у одного купца... Есть тамъ...

— Кто такой? Какъ его звать?

Янъ окончательно смѣшался.

— М... не знаю, не помню... Какъ его, того...

Подстароста усмѣхнулся. Его подозрѣнія очень правдоподобно подтверждались сбивчивостью отвѣтовъ Яна. За Яномъ велѣно было слѣдить.

Гдѣ успѣлъ Янъ-волохъ выпить, на обѣдѣ ли у шаргородскаго подстаросты, или угостили его на прощаніе земляки—неизвѣстно, но фактъ тотъ, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Шаргорода онъ былъ сильно выпивши и долго бѣгалъ зачѣмъ-то по рынку. Проѣзжая чрезъ шаргородскую торговую площадь къ выходу изъ мѣстечка, онъ самъ не замѣтилъ, какъ обронилъ на самой площади привязанную къ сѣдлу свою торбу. Её тотчасъ-же поднялъ замковый слуга. Онъ удивился, найдя тамъ „червонные“ и охотно скрылъ-бы свою находку, если бы её не замѣтили также и другіе; но „видячи же не утаится“, отнесъ её до замку, до вряду. Осмотрѣлся въ дорогѣ и Янъ, „же ему ся торба упала“, и встревожился.

— Не видѣлъ-ли кто моей торбы? спросилъ онъ проходившихъ.

Ему сказали, что она отнесена въ замокъ. Онъ вернулся къ шаргородскому подстаростѣ и началъ просить его, „абы была ему отдана“.

— Ты шпионъ, сказалъ ему въ отвѣтъ на его просьбу подстароста: ты только развѣзжаешь по нашей землѣ съ разными письмами да выслѣживаешь, гдѣ что дѣлается...

Яна посадили въ тюрьму, „побравши пѣннѣи себѣ“. Последнее обстоятельство особенно смутило Яна. Онъ никакъ не могъ помириться съ пропажею своихъ червонныхъ и вспоминалъ о нихъ почти при каждомъ допросѣ.

Шаргородскій подстароста тотчасъ же далъ знать гетману Замоискому, что въ его имѣннѣи пойманъ шпионъ воеводы кievскаго, князя Острожскаго, съ очень важными письмами, писанными на греческомъ языкѣ. Гетманъ Замоискій велѣлъ немедленно прислать къ себѣ Яна.

Чтобы понять, почему такое, повидимому случайное и само по себѣ малозначительное событіе, какъ находка торбы съ иностранными письмами, могло произвести такой переполохъ, нужно принять во вниманіе, главнымъ образомъ, два обстоятельства: тревожное настроеніе того времени и вражду гетмана Замоискаго съ княземъ Острожскимъ.

Политическія столкновенія Польши съ сосѣдними государствами и вѣроисповѣдныя волненія, поднятыя недавнимъ брестскимъ соборомъ, заставляли тогда всѣхъ и каждого прислушиваться ко всему, что имѣло или даже могло-бы имѣть подозрительный характеръ. Въ то время всякій малозначительный фактъ легко могъ быть доведенъ молвою и обстоятельствами до крупныхъ размѣровъ.

Очень можетъ быть, что шаргородское приключеніе съ Яномъ волохомъ не имѣло бы никакихъ серьезныхъ послѣдствій и прошло-бы совершенно незамѣтно въ исторіи, если-бы гетманъ Замоискій находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ Острожскимъ. Но, къ сожалѣнію, эти два могущественныхъ польскихъ магната находились въ то время во враждѣ.

Кромѣ вражды къ князю Острожскому, гетманъ Замоискій имѣлъ личныя основанія быть недовольнымъ Никифоромъ. Когда Никифоръ прибылъ въ западную Русь, гетманъ долго убѣждалъ его поступить на службу въ его школу въ Замостыи и отказать князю Острожскому. Гетманъ предлагалъ Никифору самыя выгодныя условія—матеріальное обезпеченіе и кромѣ того обѣщалъ выхлопотать ему у польскаго правительства полную власть надъ южнорусскимъ духовенствомъ. Но Никифоръ не согласился и уѣхалъ въ Острогъ. Всѣ доводы и претензіи гетмана были напрасны. Таковую неудачу могъ забыть кто нибудь другой, но только не знатный полякъ, коронный гетманъ, „iego mocъ pan kanclerz wielkiego xięstwa litewskiego, praesente regia majestate“.

Гетманъ Замоискій не безъ злорадства прочиталъ письма, перехваченныя въ его имѣніи отъ его врага. Письма были, пожимъ, не важны и безсодержательны, но нѣкоторымъ выраженіямъ изъ нихъ легко можно было придать серьезно-политическое значеніе. Такъ, въ одномъ письмѣ говорилось: „Я пріѣхалъ до Полски (въ Польшу) межи драпежные волки, т. е. межи псы—ляхи, которые принуждаютъ нашихъ христіанъ на свою папежскую вѣру и бьются между собою, ихъ уже до двадцати тысячъ полегло (авторъ сильно преувеличивалъ послѣдствія недавняго мятежа Наливайки)“. Эта фраза была повторена и въ другихъ письмахъ. Кромѣ того, въ одномъ письмѣ была еще такая приписка: „дай Богъ здоровья нашему цесарю; если бы онъ хотѣлъ на Польшу, то теперь бы удобное время“.

Гетманъ почему-то призналъ эти письма составленными экзархомъ Никифоромъ и поспѣшилъ донести о нихъ королю Сигизмунду III. Король повѣрилъ донесенію... и большая грозная туча разныхъ непріятностей стала собираться надъ головою Никифора, который, ничего не подозрѣвая, спокойно жилъ въ это время въ Острогѣ у князя Острожскаго¹⁾.

¹⁾ По словамъ „описанія варшавскаго сейма“, письма, найденныя у Яна, были отосланы волошскому воеводѣ, который, прочитавъ ихъ, отвѣтилъ, что Никифоръ, дѣйствительно авторъ писемъ, лицо очень подозрительное, что онъ шпионъ, убѣжавшій изъ тюрьмы. Къ этому господарь волошскій прибавилъ, что онъ—господарь—просилъ даже князя Острожскаго выдать ему этого шпиона, но князь не согласился..

Слухъ о шпионствѣ экзарха-протосингелла, предсѣдателя недавно бывшаго православнаго брестскаго собора, скоро разнесся въ краѣ. Общественное мнѣніе и безъ того было возмущено въ то время появленіемъ разныхъ „шпекговъ“ (шпионовъ) съ востока, которые, пріѣхавъ въ Польшу, часто даже безъ паспорта, выдавали себя за разныхъ пословъ, уполномоченныхъ и пользовались довѣріемъ общества для своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Король польскій вынужденъ былъ, какъ мы уже говорили, издать особый указъ, которымъ строго приказывалъ своимъ пограничнымъ властямъ контролировать каждаго, кто будетъ въѣзжать въ предѣлы польско-литовскаго государства изъ Греціи и, вообще, съ востока. Если пріѣздъ каждаго грека въ то время обращалъ на себя вниманіе польско-литовскаго правительства и возбуждалъ подозрѣнія въ политическихъ замыслахъ, то можно себѣ представить, какую сенсацию и переполохъ въ обществѣ долженъ былъ произвести слухъ объ арестѣ Яна волоха, посланнаго будто-бы съ тайными политическими извѣстіями въ турецкія области протосингелломъ Никифоромъ.

Польское начальство хотѣло немедленно судить Никифора въ частномъ областномъ судѣ (маршалковомъ), но этому воспротивился князь Острожскій. Онъ настоялъ, чтобы дѣло Никифора было разобрано публично, въ высшемъ судѣ, по всѣмъ правиламъ формально-юридическаго производства. Король согласился съ требованіемъ князя Острожскаго, и судъ надъ Никифоромъ былъ отложенъ до варшавскаго сейма 1597 года. Кн. Острожскій взялъ обвиненнаго къ себѣ на поруки съ обязательствомъ представить его въ свое время на варшавскій сеймъ.

IV.

Въ концѣ Февраля 1597 года открылся въ Варшавѣ генеральный сеймъ („вальный соймъ“) „съ ихъ милостями паны Господарь Іеремія забыль, такимъ образомъ, услуги Никифора для Валахін и заплатилъ за нихъ черною неблагодарностью. Какъ увидимъ, изъ Валахін приходило (должно полагать не безъ вѣдома господара) даже цѣлое посольство для джесвидѣтельства на экзарха.

канцлерами коруннымъ и литовскимъ и съ великимъ логоѳетомъ земли волосской“. На этомъ сеймѣ предложены были для рѣшенія разные государственные вопросы и въ томъ числѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ къ уніатамъ. Но православные депутаты открыто заявили въ засѣданіи 4 марта, что они не уполномочены приступать ни къ какимъ переговорамъ по дессидентскому вопросу до тѣхъ поръ, пока польское правительство не удовлетворитъ ихъ законныхъ требованій относительно сохраненія правъ православныхъ.

— Мы требуемъ, говорили депутаты воеводства кіевскаго, чтобы наши духовные владыки оставались при своихъ прежнихъ правахъ и чтобы ихъ не принуждали къ подчиненію папѣ.

Вопросъ о правахъ православныхъ выступилъ съ особенною силою на засѣданіи сейма 7-го марта. Одинъ изъ православныхъ депутатовъ сейма нѣкто Гулевичъ, волынецъ, особенно рѣзко и энергично настаивалъ на независимости православія въ краѣ. Отъ лица всѣхъ православныхъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ западнорусскіе епископы оставались при своей прежней вѣрѣ, а тѣ изъ нихъ, которые перешли въ унію, снова вернулись бы къ православію.

Это предложеніе очень не понравилось королю и польскимъ сенаторамъ. Не въ пользу Гулевича говорила рѣзкость, съ которою онъ говорилъ свою рѣчь.

Когда Гулевичъ кончилъ, всталъ съ сенаторскаго мѣста ванцлеръ великаго княжества литовскаго Салѣга и отвѣтилъ православнымъ, что вопросъ объ уніи долженъ быть конченъ, такъ какъ на брестскомъ соборѣ было не мало православныхъ, которые добровольно согласились подчиниться папѣ. Ораторъ вкратцѣ разсказалъ исторію брестскаго собора и заключилъ, что уніей довольны всѣ, „кромѣ Никифора митрополита греческаго, этого нарушителя общаго согласія, бунтовщика, челоувѣка съ очень подозрительнымъ прошлымъ“.

Лишь только произнесено было имя константинопольскаго протосингелла и на защитника православія было публично высказано подозрѣніе въ шпіонствѣ, Константинъ Константиновичъ Острожскій, присутствовавшій на сеймѣ, не утерпѣлъ и

вступилъ съ канцлеромъ въ горячій споръ. Въ засѣданіи произошло замѣшательство, „контроверсія“. Весь интересъ засѣданія, повидимому, сосредоточился на Никифорѣ. Заговорили о Янѣ—неудачномъ перебѣжчикѣ — и перехваченныхъ письмахъ. Король кстати напомнилъ князю Острожскому о его обѣщаніи представить Никифора на варшавскій сеймъ. Князь не отказывался отъ своего обязательства и въ тотъ же день послалъ за Никифоромъ въ Острогъ.

8 марта король съ сенаторами все напоминали князю Острожскому, чтобы онъ поторопился представить Никифора на судъ. Однако въ этотъ день онъ еще не могъ пріѣхать, и король занялся посторонними дѣлами.

Князю Острожскому, должно быть, очень надоѣли эти постоянныя напоминанія короля о Никифорѣ. Онъ и самъ ожидалъ прибытія грека. Мысль о судѣ надъ нимъ не выходила у него изъ головы и, войдя съ нѣсколькими сенаторами „do koła poselskiego“, онъ прервалъ ходъ засѣданія и завелъ снова рѣчь о Никифорѣ.

Отъ своего имени воевода кievскій просилъ депутатовъ, чтобы Никифора, какъ человѣка особыхъ исключительныхъ полномочій, судилъ самъ его величество король и чтобы ему былъ данъ особый защитникъ для оправданія.

— Прокураторъ пусть опровергаетъ все, что будетъ возведено на Никифора по клеветѣ... Но въ случаѣ, если обвиненный захочетъ самъ защищаться, то на здоровье ему, пусть самъ оправдывается, сказалъ князь.

Требованія Острожскаго вызвали разногласія въ мнѣніяхъ депутатовъ. Одни положительно не соглашались съ княземъ.

— Съ давняго времени, такіе подозрительные люди всегда судились по закону въ маршалковомъ судѣ, говорили они. Такія дѣла не касаются ни короля, ни депутатовъ сейма.

Другіе, напротивъ, защищали Никифора и считали заявленія князя Острожскаго вполне согласными съ юридическими постановленіями польскаго королевства.

— Никифоръ не подлежитъ общесудебной практикѣ, отвѣчала эта партія, какъ иностранецъ и притомъ виднаго происхожденія.

Существовавшіе въ то время польскіе судебныя законы до тонкостей различали происхожденіе и положеніе подсудимаго. Для иностранцевъ знатнаго происхожденія полагался особый судъ.

— А что касается защитника, то и это требованіе князя законно, потому что судебный обычай нашей страны представлялъ всегда польскимъ королямъ право давать подсудимымъ защитниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло (рессат) разбирается публично.

Снова поднялись „контроверсіи“. Спорили до самаго вечера и не пришли ни къ чему опредѣленному. Порѣшили на томъ, чтобы на слѣдующій день поднять этотъ вопросъ наново.

9 марта днемъ король и сенаторы опять засѣли за дѣла. На этотъ разъ засѣданіе открылось длинной аудіенціей разныхъ лицъ. Сначала явился посоль отъ воеводы волошкаго Іереміи и выразилъ отъ его лица дружескія чувства къ королю, затѣмъ представлялся какой то владыка греческій, далѣе—волошскій логофеть, наконецъ,—шляхтичи. Всѣ они, по придворному этикету польскаго двора того времени, говорили королю привѣтствія и свидѣтельствовали свои искреннія чувства. Въ заключеніе аудіенціи, королю отъ волошкаго воеводы были подарены: пара турецкихъ гнѣдыхъ лошадей, перстень (который тутъ же былъ преподнесенъ королю), пара борзыхъ собакъ (chartów) и нѣсколько бочекъ „мальвазіи“ и визины.

Въ засѣданіи присутствовалъ и князь Острожскій. Онъ ожидалъ, что вчерашній вопросъ о характерѣ суда надъ Никифоромъ придетъ сегодня къ рѣшенію, и былъ очень неприятно удивленъ, когда вслѣдъ за пріемомъ пословъ, въ залу вошли депутаты и отъ имени всѣхъ воеводствъ заявили, что протосингелль Никифоръ былъ шпиономъ, перебѣщикомъ между Турціей и Валахіей, что онъ ввелъ воеводство въ большіе долги, подстрекалъ общество къ разнымъ возмущеніямъ, надѣлалъ много всякихъ преступленій въ разныхъ мѣстахъ и что, наконецъ, онъ находился въ тайныхъ, интимныхъ связяхъ съ матерью турецкаго султана.

— Всенижайше просимъ вашу королевскую милость обратить вниманіе на наше заявленіе и поступить съ Никифоромъ по всей строгости законовъ, сказали послы.

Послы смольели и ожидали отвѣта короля. Король растерялся. Переходъ отъ мальзавіи и нѣсколькихъ бочекъ вины къ протосингеллу Никифору былъ такъ непослѣдователенъ и неожиданъ, что онъ не зналъ, что отвѣтить.

— Я очень радъ... Благодарю за подарки,—сказалъ онъ,—но относительно вашихъ остальныхъ заявленій я скоро, должно быть, дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно посоветоваться съ нѣкоторыми изъ сенаторовъ...

Засѣданіе было закрыто.

А главнаго виновника всѣхъ этихъ замѣшательствъ все еще не было. Конечно, между Острогомъ и Варшавою разстояніе не малое, пути сообщенія XVI-го вѣка менѣе всего благоприятствовали скорости ѣзды... но, кажется, Никифоръ не спѣшилъ въ Варшаву. Словно предчувствуя въ своей душѣ неблагоприятный исходъ начинавшагося дѣла, онъ собрался и ѣхалъ не торопясь. За нимъ посылали три раза.

10 марта, король, хорошо пообѣдавши, пошелъ въ засѣданіе и благодушно спросилъ воеводу кievскаго:

— Когда-же пріѣдетъ твой Никифоръ? Это, наконецъ, утомительно... Пора-бы...

Князь Острожскій, человекъ порывистый и отзывчивый, на этотъ разъ смолчалъ. Ему самому было досадно, что Никифора до сихъ поръ не было.

Ф. Буринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.¹⁾

Правителемъ канцеляріи при генераль-губернаторѣ Д. Г. Бибииковѣ состоялъ П—въ, о которомъ ходило среди общества много разныхъ слуховъ, большею частью неблагоприятнаго характера, порождавшихъ, конечно, и рассказы анекдотическаго свойства.

Дельсаль, бывшій инспекторомъ, а послѣ директоромъ Немировской гимназіи, рассказывалъ о П—въ слѣдующее. Дельсаль, служа учителемъ математики въ Винницкой гимназіи и питая страсть къ свѣтской жизни, постоянно являлся на всѣ городскія увеселенія и былъ знакомъ со всею знатною уѣзднаго города. Онъ получалъ 400 руб. жалованья, да столько же за частные уроки. Но для такой жизни, какую онъ велъ,—этихъ денегъ было мало. На него обратила вниманіе молодая жена богатаго старика доктора, и онъ съ нею скоро совѣмъ сошелся. Это потребовало еще большихъ расходовъ, такъ что онъ очутился по уши въ долгахъ. Но вотъ умираетъ старикъ докторъ, оставивъ женѣ все движимое имущество, одинъ домъ и нѣсколько тысячъ рублей, а другой домъ и всѣ капиталы своимъ дѣтямъ отъ первой жены. Вдова поспѣшила обвѣнчаться съ Дельсальемъ. Зажили они весело и широко и въ два года прожили и домъ, и движимость, и деньги;

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1892 г., № 5.

стали умножаться долги. Продолжать службу по Мин. Нар. Просвѣщ., при широкихъ привычкахъ, оказалось невозможнымъ. Дельсаль, зная, что мѣсто исправниковъ въ то время давало дохода отъ 8000 до 12000, и что за него, кромѣ ежегодной арендной платы въ 500 р. правителю канцеляріи подольскаго губернатора и Губернскому Правленію, нужно было сейчасъ внести П—ву тоже 500 р., продалъ послѣднія золотыя украшенія съ камнями своей жены и отправился въ Кіевъ. П—въ принялъ его въ своемъ кабинетѣ весьма милостиво; но объявилъ, что теперь вакантныхъ мѣстъ исправниковъ не имѣется. Дельсаль стоялъ во время представленія у порога подлѣ столика, покрытаго клеенкой. Противъ дверей на противоположной стѣнѣ висѣло огромное зеркало, въ которомъ отражался и Дельсаль, и бывший подлѣ него столикъ. П—въ, разговаривая съ Дельсалемъ, ходилъ по комнатѣ отъ Дельсаля къ зеркалу и обратно, и когда П—въ направлялся къ зеркалу, то въ немъ ему видно было каждое движеніе Дельсаля. Послѣдній, предупрежденный опытными пріятелями, вынулъ изъ мундира 500 р. и положилъ на столикъ подъ клеенку. Увидѣвъ это въ зеркалѣ, П—въ сталъ вдругъ припоминать, что, кажется, скоро должно очиститься одно мѣсто исправника, но навѣрное онъ не помнитъ. Пусть Дельсаль явится завтра въ 11 часовъ, тогда онъ прикажетъ забрать точныя справки. Это значило, что П—въ хочетъ удостовѣриться, положены ли полностью на столикъ 500 р. На слѣдующій день П—въ объявилъ Дельсалу, что въ самой Винницѣ черезъ три недѣли очистится вакансія исправника, и ему будетъ предоставлено это мѣсто. На вопросъ Дельсаля, можетъ ли онъ уволиться отъ должности учителя, полученъ отвѣтъ: „можете смѣло“. Дельсаль тутъ же въ Кіевѣ подалъ прошеніе объ отставкѣ и въ полной увѣренности занять мѣсто винницкаго исправника отправился во-свои, гдѣ жидкамъ сообщилъ по секрету означенную новость. Это открыло ему неограниченный у нихъ кредитъ. Но вотъ истекли три недѣли, а назначенія нѣтъ. Вотъ пронеслись слухи о переводѣ изъ Кіева въ Петрозаводскъ П—ва. Дельсаль помчался въ Кіевъ. П—въ объявилъ, что онъ почти уже сдалъ свое управленіе и теперь

отъ него ничего не зависить. Дельсаль попросилъ возврата 500 руб. П—въ накинудся на него съ угрозами отдать въ солдаты, сослать въ Сибирь и пр.; но Дельсаль съ истерическими рыданіями кинудся на колѣни, объявивъ, что теперь ему и смерть не страшна, такъ какъ эти 500 р. послѣдніе ресурсы его семьи. П—въ притихъ, отперъ бюро и возвратилъ ему 500 р. На эти деньги Дельсаль у правителя канцеляріи учебнаго округа Л—ва купилъ мѣсто инспектора въ Немировѣ, а между тѣмъ до очищенія означенной вакансіи, въ виду его бѣдности, Л—въ предоставилъ ему исправлять должность субинспектора въ университетѣ. Въ числѣ воспитанниковъ университета былъ одинъ студентъ Б—скій, квартировавшій во время бытности своей въ гимназіи у Дельсаля, большой его другъ и его жены; Дельсаль въ моемъ присутствіи передавалъ всю эту исторію Б—скому.

Дельсаль, постоянно живя въ кругу поляковъ и женившись на полькѣ, ярой патріоткѣ и фанатической католичкѣ, совсѣмъ ополячился¹⁾ Въ 1863 г. сталъ онъ въ качествѣ директора немировской гимназіи тѣснить русскихъ учителей и учениковъ; у себя открылъ ежедневные музыкальные вечера, на которые собиралось окрестное польское помѣщичество и ученики поляки. На этихъ вечерахъ собирались *офяры* (жертвы) на освобожденіе Польши; бывали должностныя лица польскаго жонда; раздавались прокламаціи, и организовалась повстанская банда, которая въ извѣстную ночь должна была сдѣлать подъ „довудствомъ“ графа Красицкаго нападеніе на Брацлавъ, овладѣть казначействомъ, пороховымъ складомъ и цейхгаузомъ. Зная запутанность дѣлъ Дельсаля и желая вознаграждать его за преданность польскому дѣлу, нѣкоторые паны-пріятели по-

¹⁾ Вообще въ запискахъ А. А. Солгановскаго замѣчается какое-то болѣзненное желаніе все объяснять польскою интригой. Такъ, и въ данномъ случаѣ весь послѣдующій разсказъ о растратѣ казенныхъ денегъ Дельсалемъ сведенъ къ этой же интригѣ. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, пусть рѣшитъ исторія; но мы считаемъ себя обязанными указать на маленькую замѣтку о Дельсалѣ г. А. Стоянова, который беретъ его подъ свою защиту и считаетъ личность, заслуживающею доброй памяти. (Истор. Вѣсти., 1889 г. № 5).—Ред.

совѣтовали ему вынуть изъ казначейства изъ гимназическаго ящика всѣ гимназическія суммы и употребить ихъ въ свою пользу. Послѣ разгрома казначейства объ этомъ никто не узнаетъ. Между тѣмъ правительство случайно натолкнулось на заговорщиковъ, стало арестовывать главныхъ; банда не успѣла организовать и разграбить брацлавское казначейство. Дельсаль, при помощи казначея поляка, безъ участія двухъ ассистентовъ старшихъ учителей, вынулъ деньги и успѣлъ ими расплатиться съ долгами. Окончился мѣсяць—пришлось платить учителямъ жалованье; Дельсаль все откладываетъ поѣздку въ Брацлавъ за деньгами. Проходитъ другой мѣсяць—Дельсаль не ѣдетъ подъ предлогомъ болѣзни и не посылаетъ инспектора. Учителя въ затрудненіи, ропщутъ. Но вотъ послѣдовало распоряженіе о сѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ Кіевѣ. Приказано отпустить прогонныя деньги. Дельсаль рѣшительно отказался отпустить прогоны. Учитель словесности В. съ товарищемъ на свой счетъ явились въ Кіевъ и обо всемъ доложили попечителю. Учитель К. тоже прибылъ и подалъ въ отставку, причемъ объявилъ, что у него били ученики окна, угрожали его жизни, и Дельсаль не только не оградилъ его, но поощрялъ учениковъ и преслѣдовалъ его всевозможными способами за его отзывы о польскихъ безпорядкахъ. Товарищъ попечителя Михневичъ сейчасъ отправился на слѣдствіе и ревизію гимназическихъ суммъ. Л—въ ¹⁾ телеграммой предупредилъ объ этомъ Дельсалья. Тотъ взмолился состоятельнымъ ученикамъ, они къ родителямъ, и въ теченіе сутокъ собрана была вся растроченная сумма 12000 р.; ночью казначей отворилъ Дельсалью кладовую, и онъ ее положилъ на мѣстѣ. Утромъ на слѣдующій день прибылъ Михневичъ; деньги нашлись въ цѣлости; но Дельсалью, въ виду его долговременной службы и выслуженнаго уже пенсіона позволено было подать въ отставку.

Въ Немировской гимназій мало по малу періодъ учителей семинаристовъ окончился ²⁾). Стали являться воспитанники Харь-

¹⁾ Л—въ тогда уже не былъ правителемъ канцеляріи попечителя.—Ред.

²⁾ См. Кіев. Стар. 1892 г. № 5, стр. 239.

ковскаго и кіевскаго университетовъ: Ерофеевъ, учитель исторіи, весьма знающій и умный человѣкъ; вслѣдъ за нимъ Юценко, тоже учитель исторіи; Вигура, учитель словесности, впоследствии адъюнктъ Унив. св. Влад., умершій въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки; Герасименко, учитель математики, и другіе. Но важнѣе всего—назначенъ былъ директоромъ Егоръ Яковлевичъ Зимовской, знавшій отлично всѣ предметы, отлично владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, любившій дѣтей, не допускавшій мысли о злоупотребленіяхъ и взяткахъ, единственный педагогъ, какихъ въ это время еще не случалось, и отличнѣйшій администраторъ¹⁾. При немъ инспекторомъ былъ пожилой, честный и добрый человѣкъ Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ. Зимовской его любилъ и уважалъ. Гимназія сразу во всѣхъ отношеніяхъ поднята была на должную высоту. Учениковъ, кончившихъ курсъ въ Немировской гимназіи, ни въ одномъ университетѣ при приѣмѣ не подвергали повѣркѣ. При гимназіи явилась больница; въ общихъ квартирахъ во всѣхъ отдѣленіяхъ ея столъ былъ сытный, достаточный, всегда изъ свѣжихъ припасовъ. Зимовской лично каждый день пробоваль, и во время обѣда, и во время ужина, во всѣхъ 4-хъ отдѣленіяхъ ученическую пищу, и если что оказывалось плохимъ, ученики немедля удовлетворяемы были на счетъ подрядчика. Все утро, каждый день, Зимовской присутствовалъ въ томъ или другомъ классѣ на урокахъ и самъ принималъ въ выслушиваніи и объясненіи дѣятельное участіе. Учителей держалъ весьма строго и не позволялъ ни манкированья, ни злоупотребленій. Учитель-же отвѣчалъ главнымъ образомъ за неуспѣхи класса. Въ праздники и вечернее время лѣтомъ Зимовской самъ участвовалъ съ учениками въ играхъ и про-

¹⁾ Мемуары — это такой матеріалъ, который имѣетъ цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактовъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служитъ характеристикой и мемуариста, и — еще болѣе — того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до извѣстной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній. Въ виду этого, хотя мы имѣемъ совершенно иныя свѣдѣнія о личности Зимовскаго, но печатаемъ этотъ хвалебный о немъ отзывъ А. Солтановскаго, предоставляя право надлежащую оцѣнку сдѣлать будущему историку нашего края и всѣмъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ въ немъ. — Ред.

гулкахъ, а зимою упражнялъ учениковъ въ разговорномъ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Никакая грязь и непогода, а грязь въ Немировѣ доходила до брюха, не останавливали Зимовского отъ посѣщенія отдѣленій и въ ночное время. Онъ зналъ всѣхъ учениковъ по имени и отчеству, зналъ характеръ и привычки каждаго, и его трудно было обмануть или солгать передъ нимъ. Вину ученику онъ легко прощалъ, но лжи и обмана не прощалъ. Тѣлесныя наказанія при немъ были весьма рѣдки, и при употребленіи ихъ на первомъ планѣ была не боль, а пристыженіе, позоръ. И это чувствовали наказанные гораздо болѣе боли. Но ученики такого исключительнаго рѣдкаго начальника и педагога не могли терпѣть, такъ какъ гимназіи въ юго-зап. краѣ всегда проникнуты были патриотическимъ польскимъ духомъ; а Зимовской, бывши въ Житомирѣ инспекторомъ, раскрытъ какой-то политическій заговоръ, и нѣсколько учениковъ пострадали.—Вслѣдствіе этого съ самаго его прибытія въ Немировъ на него смотрѣли и паны, и русскія, и польскія уѣздныя власти, и ученики, какъ на русскаго *шпыга* (шпіона); старались ему при случаяхъ дѣлать всевозможныя гадости, разносили объ немъ небылицы и, наконецъ, подбучили какого-то русскаго ученика 3-го класса, сына квартальнаго надзирателя изъ г. Балты, зарѣзать Зимовского. Но тотъ успѣлъ только два раза вонзить ножъ въ спину Зимовскому. Раны къ счастью оказались несмертельны. Тотъ гимназистъ былъ наказанъ въ присутствіи всей гимназіи и жандармскаго полковника розгами и отданъ въ оренбургскіе баталіоны. Поляки объявили его польской офярой и героемъ, и уже черезъ двѣ недѣли послѣ его увоза твердили, что онъ произведенъ въ офицеры.

Говоря о Немировской гимназіи, нужно рассказать и о томъ, что подъ крылышкомъ Дельсаля состряпало польское возстаніе. Въ прямой зависимости отъ графа Красицкаго и его родственника, управляющаго имѣніемъ Венгловскаго, зависѣлъ гимназическій Немировскій ксендзъ Ключевскій и мелкопомѣстный помѣщикъ и мировой посредникъ, владѣлецъ села Кордышевки. На обязанности перваго было организовать вооруженное возстаніе въ Немировѣ и въ Немировской гимназіи и поддерживать

фанатическій патріотизмъ въ мѣстномъ польскомъ и католическомъ населеніи посредствомъ женщинъ; на обязанности второго лежало тоже. Они были въ постоянныхъ сношеніяхъ; всѣ прокламаціи и распоряженія получались кс. Ключевскимъ и у него до распространенія хранились. Дельсаль зналъ обо всемъ, т. к. отъ него ничего не скрывали. Нѣкоторые учителя и законоучитель сильно настаивали въ совѣтѣ на принятіи мѣръ противъ увлеченій учениковъ и дѣйствій ксендза Ключевского. Дельсаль находилъ это опаснымъ и бесполезнымъ. Его поддерживали учителя поляки. Прочіе русскіе учителя оставались индифферентными, можетъ быть, боясь сдѣлать себя врагами директора, товарищей поляковъ и учениковъ. Ученики перестали, особенно взрослые, готовить уроки; ежедневно въ гимназіи въ классахъ цѣлая $\frac{1}{4}$ часть считалась больными или неявившимися по неизвѣстной причинѣ. Большинство внѣ классовъ ходили въ конфедераткахъ, чамаркахъ и ботфортахъ, а форменное платье все украсили трауромъ. Нѣкоторые безъ разрѣшенія начальства выѣзжали на нѣсколько дней изъ мѣстечка. Учителямъ и православному законоучителю, настаивавшимъ на активномъ дѣйствіи, били стекла по ночамъ и наконецъ рѣшили по совѣту Ключевского отравить ихъ ¹⁾. Былъ въ VI или VII классѣ православный ученикъ В—кій, сирота какого-то чиновника, весьма бѣдный и загнанный нуждою, робкій, но весьма способный, прилежный, отлично успѣвавшій въ занятіяхъ. На его рукахъ осталась вдова мать, женщина болѣзненная, и нѣсколько штукъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Репетиціями онъ зарабатывалъ и кормилъ ихъ. Но польское движеніе сократило доходы. Отдавая немного, что получалъ, семьѣ, онъ самъ почти голодалъ. Ему особенно покровительствовали православный законоучитель, который часто приглашалъ его на обѣды и чай, и учитель В—ой, у котораго онъ проводилъ все свободное время, пилъ почти еже-

¹⁾ Безспорно, въ то время въ Немировской гимназіи среди воспитанниковъ были инсurreкціонныя движенія, но доходило-ли дѣло до такихъ предѣловъ, какіе отмѣчаются А. Солтановскимъ, мы очень сомнѣваемся, тѣмъ болѣе, что самая личность ученика В—каго представлена мемуаристомъ совершенно съ невѣрными біографическими данными, которыя доподлинно извѣстны намъ. — Ред.

дневно чай и часто ночеваль. Товарищи поляки избрали его своимъ орудіемъ и вручили ему полученную отъ Ключевского банку съ ядомъ. Они объявили ему съ угрозою револьверами, что если онъ, будучи вхожь къ В—ому и законоучителю, не отравить ихъ въ теченіе 4-хъ сутокъ, то немедленно будетъ казненъ. Если же донесетъ на нихъ, то ничего не докажетъ, а между тѣмъ все таки не избѣгнетъ смерти самъ, и вся семья его будетъ истреблена. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи и почти не надѣясь на защиту бездѣйствовавшей мѣстной власти, онъ въ тоже время чувствовалъ себя неспособнымъ совершить преступленіе и притомъ посягнуть на жизнь своихъ благодѣтелей. Внутреннія страданія измѣнили его, сдѣлали на себя не похожимъ, больнымъ. В—ой встревожился, сталъ допытывать его, что съ нимъ, чѣмъ онъ боленъ, хотѣлъ послать за докторомъ. Это было во время вечерняго чая. Ученикъ зарыдалъ истерически и передалъ В—ому все дѣло и банку съ ядомъ. Рѣшено было потребовать только-что назначеннаго воинскаго начальника съ командой и арестовать ученика, будто пойманнаго въ ту минуту, когда онъ вливалъ ядъ въ чай. Конечно, воинскому начальнику объявилъ В—ой всю правду, а приемъ этотъ придумаль для огражденія отъ мести поляковъ ученика и его семейства. Началось слѣдствіе. Многое раскрылось. Нападеніе на Брацлавское казначейство не состоялось. Графъ Красицкій былъ сосланъ и имѣніе его конфисковано. Венгловскій, кажется, умеръ въ тюрьмѣ; Ключевскій и мировой посредникъ попали въ каторжную работу. Было сослано нѣсколько учениковъ и другихъ личностей.

Окончивши въ 1849 году университетъ по 1 отдѣленію философскаго факультета и состоя на казенномъ содержаніи, я надѣялся, какъ одинъ изъ первыхъ кандидатовъ, получить мѣсто старшаго учителя съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ. Но не тутъ-то было. Л—въ, правитель канцеляріи Учебнаго Округа, принялъ меня всема ласково и отправилъ справиться къ своему помощнику, куда я именно назначаюсь. Отъ Л—ва зависѣли всѣ назначенія по округу. Пришелъ я въ комнату помощника. Онъ

сидѣлъ и писалъ. Думая, что онъ не замѣтилъ моего прихода, я сталъ покашливать. Онъ вскинулъ на меня глаза, опять опустилъ на бумагу и продолжалъ писать. На мой поклонъ онъ не отвѣтилъ. Прождавъ минутъ пятнадцать и видя, что онъ, кончивъ одну бумагу, отложилъ ее въ сторону и сталъ перебирать другія, я объявилъ, что присланъ отъ Л—ва за справками. Отвѣта не послѣдовало, и онъ принялся за другую бумагу. Пораженный такимъ грубымъ пріемомъ, послѣ новыхъ 20 минутъ ожиданія, я направился къ выходу. „Какія еще тамъ справки?“—крикнулъ онъ рѣзко; „что собственно нужно?“ Я объявилъ.— „Назначается учителемъ въ Ровенскую гимназію“, проговорилъ онъ небрежно. На вопросъ мой: старшимъ? какого предмета?—онъ отрѣзалъ: „младшимъ; старшими такихъ не назначаютъ! А предметъ какой случится; это будетъ зависѣть отъ директора гимназіи“. Вотъ она какова служба! А я мечталъ посвятить себя и всѣ свои знанія и силы высокой обязанности наставника юношества и составилъ себѣ весьма возвышенное понятіе объ учительской должности. Оказывается, что я въ этомъ ошибался, ибо каждый чиновникъ считалъ себя вправѣ оскорблять меня безъ всякихъ поводовъ и цѣлей.

Возвратился я въ университетъ въ свою камеру и все поразказалъ товарищамъ. Они объяснили мнѣ, что если я желалъ лучшаго пріема, то долженъ былъ вручить помощнику Л—ва по меньшей мѣрѣ 25 руб.; а если желалъ мѣста старшаго учителя, то сразу нужно было предложить частицу отъ третнаго не въ зачетъ жалованья и отъ подъемныхъ. Такъ какъ этого я сдѣлать былъ не въ состояніи и не желалъ подвергать себя новымъ оскорбленіямъ, то въ канцелярію округа болѣе не являлся. Прошло двѣ недѣли. Я продолжалъ жить въ камерѣ и пользовался столомъ со всѣми казеннокоштными. Наконецъ педель вручилъ мнѣ требованіе за подписью Л—ва явиться немедленно въ регистратуру канцеляріи для полученія необходимыхъ документовъ по назначенію на должность. Регистраторъ съ Станиславомъ въ петличкѣ, такимъ-же, какъ и у ординарнаго профессора исторіи Ставровскаго, приказалъ мнѣ прийти дня черезъ два, и тогда онъ дастъ мнѣ на руки требованіе въ

губернское казначейство для отпуска прогонныхъ и третнаго не въ зачетъ. Послѣ трехъ дней оказалось, что онъ не успѣлъ еще приготовить требованія, но дня черезъ два оно будетъ готово. Продержавъ меня затѣмъ безъ всякаго основанія часа два, онъ, наконецъ, подъ росписку выдалъ мнѣ требованія, объявивъ, что въ канцелярію генераль-губернатора сообщено отношеніе о выдачѣ мнѣ подорожной по казенной надобности. Прогонны и третное въ казначействѣ мнѣ выдали безъ задержки, но отношенія въ канцеляріи генераль-губернатора не оказалось, и подорожной я не получилъ. Въ казначействѣ, которое помѣщалось въ крѣпости, всѣ деньги были отпущены мнѣ серебряными рублями. Бумажками ни за что не хотѣли отпустить, ссылаясь на то, что въ казначействѣ находятся только металлическія деньги. Навязавъ цѣлый носовой платокъ серебряныхъ рублей, я долженъ былъ пробираться съ ними цѣлыхъ три версты и чуть не былъ ограбленъ на „Крестахъ“¹⁾, но успѣлъ уйти. Не знаю, было-ли и это притѣсненіе со стороны казначейства, ждавшаго тоже подачки, или и въ самомъ дѣлѣ въ это блаженное время имѣлось такое обиліе серебряной монеты.

Пришлось еще раза три побывать у регистратора канцеляріи Попечителя, который отговаривался недосугомъ и не хотѣлъ съ точностью указать, послано-ли требованіе казенной подорожной и куда именно послано. „Васъ завалили даромъ деньгами, и вамъ спѣхъ наживать въ Ровно новыя деньги“,—говорилъ онъ,—„а намъ недосугъ, насъ за мѣдныя копѣйки жалованья завалили совсѣмъ работой!“ Наконецъ секретъ указанъ: подорожную можно получить въ канцеляріи губернатора. Прождавши часа два въ этой канцеляріи, я, наконецъ, получилъ подорожную. Пришлось пробыть въ Кіевѣ еще нѣсколько дней, пока сдѣлали мнѣ видмундирную учительскую пару.

Часто къ полякамъ студентамъ хаживалъ въ камеру какой то горбатенькій господинъ въ партикулярномъ костюмѣ, но товарищи меня съ нимъ не знакомили. Являлся онъ обыкновенно на нѣсколько минутъ, пошепчется и уйдетъ. Но едва я

¹⁾ См. № 4 стр. 75

получилъ подорожную, какъ поляки студенты привели его въ камеру и познакомили насъ. Онъ назвался частнымъ учителемъ и предложилъ вмѣстѣ ѣхать въ Ровно. Мнѣ это было на руку. Я согласился. Казенная подорожная мало имѣла успѣха: смотрителя на станціяхъ задерживали насъ по цѣлымъ часамъ, конечно ожидая подачки, а за Коростышевомъ гдѣ-то въ полѣ на станціи насъ держалъ смотритель двое сутокъ, ссылаясь на разгонъ лошадей и на проѣздъ генераль-губернатора Бибикова изъ Варшавы въ Кіевъ. Пришлось два дня заказывать по дорогой цѣнѣ простой обѣдъ изъ двухъ блюдъ и чай у смотрителя. Въ первую ночь проѣхалъ Бибиковъ послѣ свиданія съ Государемъ въ Варшавѣ. Затѣмъ никто не проѣзжалъ, а лошадей все таки не давали. Я пригрозилъ прописать задержку въ книгѣ. Смотритель самъ принесъ книгу и предложилъ писать что угодно и сколько угодно, прибавивъ, что нужно быть пьянымъ, чтобы не понимать, что лошади на станціяхъ не растутъ, какъ грибы въ лѣсу. Изъ его словъ я заключилъ, что смотритель въ оправданіе свое представитъ меня пьянымъ буяномъ, что не совѣмъ красиво шло къ началу службы. Губернскій почтъ-директоръ, какъ они себя титуловали, могъ кляузное объясненіе смотрителя станціи сообщить въ округъ и директору гимназіи. Необходимо было смириться и ждать. Далѣе на одной изъ почтовыхъ станцій, тоже стоявшей одиноко въ полѣ въ разстояніи версты отъ какого-то селенія, мы застали полковника Позняка, чиновника особыхъ порученій Бибикова, слѣдовавшаго за послѣднимъ изъ Варшавы. Станцію осаждали евреи. Познякъ занялъ себѣ пассажирскія комнаты, въ которыя насъ не пустили. Пришлось часовъ пять, въ ожиданіи лошадей, гулять подъ мелкимъ и довольно холоднымъ сентябрьскимъ дождемъ вокругъ станціи и ютиться на крылечкѣ. Евреи ходатайствовали, чтобы Познякъ остановилъ становаго пристава, который долженъ сейчасъ проѣхать мимо станціи куда-то на ярмарку, и произвелъ въ его шарбанѣ обыскъ. По словамъ ихъ, приставъ привезетъ въ шарабанѣ контрабанду на нѣсколько тысячъ. Познякъ требовалъ отъ нихъ формальнаго заявленія и подписки, чѣмъ, въ случаѣ ложнаго доноса, они подвергаютъ себя всей

строгости законовъ. Евреи колебались. Но вотъ показался ничего не подозрѣвавшій приставъ. Евреи бросились къ Позняку и дали подписку. Пристава догнала и воротила къ станціи ямщики и евреи. Контрабанда дѣйствительно была найдена на большую сумму, и приставъ арестованъ. Смотритель разсказалъ намъ, что приставъ отнялъ эту контрабанду у евреевъ, но, не сошедшись съ ними въ выкупной цѣнѣ, рѣшилъ самъ распродать ее на ярмаркахъ. Евреи все это пронюхали и, воспользовавшись проѣздомъ Позняка, наказали пристава за неуступчивость. Поздно вечеромъ смотритель далъ намъ пару какихъ-то дохлыхъ клячъ, и мы поплелись по размокшей почвѣ. Въ лѣсу ямщикъ своротилъ съ почтовой дороги, ссылаясь на крайнюю ея разстроенность, и повезъ насъ по корнямъ деревь какими-то тропинками. Мокрая вѣтви поминутно хлестали насъ въ лицо, и повозка готовилась опрокинуться то въ ту, то въ другую сторону. Нужно было крѣпко держаться за облучокъ, чтобы не вылетѣть. Ночь была такъ темна, что хоть глазъ выколи, и мелкій, холодный дождь продолжалъ моросить. Я замѣтилъ, что за спиной у меня сдѣлалось слишкомъ свободное пространство. Осмотрѣлся — оказалось, что чемоданчикъ мой, въ которомъ была и вицмундирная пара, и всѣ мои деньги, вывалился изъ повозки. Ямщикъ сейчасъ-же соскочилъ и хотѣлъ идти отыскивать потерянное, но мы настояли, чтобы онъ съ моимъ спутникомъ остался при лошадахъ. Спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, я обшаривалъ дорогу, подвигаясь назадъ. Наконецъ, верстахъ въ двухъ я наткнулся на чемоданъ, взвалилъ его на плечи и поплылъ обратно. Боясь заблудиться, я подавалъ голосъ спутнику и получалъ отклики. Ямщикъ, безъ сомнѣнія, закинулъ бы куда-нибудь въ кусты чемоданъ, и я бы остался и безъ денегъ, и безъ бѣлья, и безъ одежды. Это трехсотверстное путешествіе по казенной надобности длилось цѣлую недѣлю. Частный учитель Ковальскій (такъ звали моего спутника), въ дорогѣ былъ большею частью молчаливъ. Иногда только высказывалъ онъ, что пора малороссамъ быть дружныѣ съ поляками, которые теперь совсѣмъ переродились; пора всѣмъ славянамъ сблизиться и ограждать себя отъ всего нѣмецкаго и татарскаго. Подъ татарскимъ

онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ все великорусское. Я не пу-
скался съ нимъ въ споръ, и разговоръ прерывался.

Остановившись въ заѣзжемъ домѣ и вмѣстѣ трактирѣ ка-
кого-то швейцарца Ольгіати, я сейчасъ отправился къ дирек-
тору гимназіи Гуго Эрнестовичу Траутфеттеру, брату ректора
кіевского университета. Онъ принялъ меня весьма холодно и
объявилъ, что я буду читать географію и въ V классѣ русскую
исторію. Я объявилъ ему, что не знаю, гдѣ сыскать себѣ квар-
тиру, такъ какъ въ трактирѣ жить не по карману. Онъ ничего
мнѣ не отвѣтилъ. Посредствомъ фактора жидка я нашелъ одно
только помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ и кухни. Оно только
что было отстроено, и потому еще не успѣли его занять. За
это помѣщеніе безъ стола и дровъ я обязался платить въ годъ
120 р. Это помѣщеніе было для меня страшно велико, но дру-
гаго не было. Дрова и столъ съ чаемъ должны были поглотить
остальное изъ 300 р. жалованья, такъ что на платье и сапоги
ничего не предвидѣлось. Послѣ я узналъ, что въ старомъ па-
лацѣ князей Любомирскихъ, принадлежавшемъ гимназіи, были
двѣ свободныя квартиры, которыя отдавались учителямъ даромъ.
Но Траутфеттеръ, какъ истый, чистокровный нѣмецъ, не поже-
лалъ предложить мнѣ русскому одну изъ нихъ, имѣя заднюю
мысль держать русскихъ учителей, особенно новичковъ, въ за-
гонѣ и нищетѣ и, слѣдовательно, въ полнѣйшемъ повиновеніи
своей волѣ. Онъ былъ въ университетѣ въ Дерптѣ, но курса
не окончилъ, по случаю какой-то исторіи и дуэлей. Русскимъ
языкомъ онъ владѣлъ не вполнѣ свободно. Взятковъ не бралъ,
но дѣлалъ экономію въ свою пользу на отошеніи и ремонтахъ
зданія, а также имѣлъ выгоду отъ подрядчика общихъ квар-
тиръ. Въ сравненіи съ другими директорами онъ былъ весьма
честенъ и весьма остороженъ; къ нему никто ни въ чемъ не
могъ придратъся. Говорили, что небольшую выгоду удалось ему
извлечь изъ постройки экономическимъ способомъ зданія кухонь
для общихъ квартиръ. Впрочемъ, всѣ эти выгоды были крайне
ничтожны, и онъ жилъ на свои 800 р. весьма скромно и раз-
счетливо съ семьей. Онъ ходилъ и зимой, и лѣтомъ въ истертой,
даже заплатанной мѣстами, старенькой шинелишкѣ и только

тогда рѣшился обзавестись шубкой, снаружи покрытой кожей изъ какого-то морскаго звѣрька, съ чернымъ короткимъ и шерсткимъ волосомъ, подбитой внутри короткимъ желтоватымъ мѣхомъ,—когда во время поздравленій съ новымъ годомъ какой-то пьяный поздравитель утащилъ его шинелищу, Шубки эти получались готовыми изъ Австріи послѣ венгерской кампаніи и были даже въ модѣ. Шубка стоила совсѣмъ готова къ употребленію всего 28 р. сер. и была тепла и весьма удобна, особенно въ зимнее или осеннее время, въ оттепель и грязь. Стоило забрызганную грязью шубку повѣсить на нѣсколько часовъ и затѣмъ встряхнуть, и вся грязь сама собою осыпалась, и волосъ на шубкѣ принималъ прежній черный блестящій видъ. Эти шубки носились годы; волосъ на нихъ стирался нескоро.

По своему образованію и осторожности Траутфеттеръ не могъ имѣть особеннаго вліянія на поднятіе педагогическаго дѣла въ гимназіи, но все-таки при немъ успѣхи были недурны, учителя аккуратно посѣщали уроки, во всемъ былъ порядокъ; съ дѣтьми обращались хорошо и недурно кормили ихъ въ общихъ квартирахъ. Иногда на бутерброды и чай приглашалъ къ себѣ Гуго Эрнестовичъ учителей, бывалъ у семейныхъ учителей, и, наконецъ, по его инициативѣ въ учительскомъ кругу завелись разъ въ недѣлю очередные бутерброды. Впрочемъ они продолжались одну только зиму, такъ какъ потеряли свой скромный характеръ семейнаго учительскаго кружка, и продолжать ихъ сдѣлалось разорительнымъ.

Инспекторъ Алекс. Дмитр. Т—овъ и учитель математики Петръ Дмитріевичъ Коленко, имѣя много знакомствъ въ городѣ, превратили ихъ въ свои очередные дни въ балы съ музыкой, на которые являлась вся чиновная знать пышно и дорого разряженная, такъ что жены и дочери учителей въ своихъ скромныхъ костюмахъ совсѣмъ стушевались. Когда пришла новая очередь для бутербродовъ, то никто не захотѣлъ ее возобновить, не будучи въ состояніи соперничать въ издержкахъ съ Т—ымъ и Коленко ¹⁾. Траутфеттеръ самъ не бралъ взятокъ,

¹⁾ Здѣсь у А. Солтановскаго замѣчается маленькая неточность: у Т-ова лично вечеровъ не бывало, т. к. жена его была больна и вскорѣ умерла. Вечера-

но былъ недостаточно энергиченъ, чтобы помѣшать Т — ову и Коленку пользоваться имъ. Т—овъ весьма сдружился съ Коленку; происходили всякія натяжки во время испытаній и переводовъ, случались даже подчистки мѣсячныхъ отмѣтокъ въ вѣдомостяхъ. Т—овъ кромѣ того ткнулъ бесплатно всю провизію для своего стола съ подрядчика общихъ квартиръ.

Въ университетѣ я жилъ на казенномъ содержаніи въ камерѣ № 8. Насъ было 8 человѣкъ: шесть человѣкъ поляковъ и два русскихъ. Поляки вели себя нравственно и серьезно занимались науками. Во взаимномъ обращеніи они были всегда приличны, и дружеское отношеніе выражалось ласкательными именами: Стасю, Олесю и т. д. Нескромныхъ разговоровъ никогда не было. Къ Богу и Его Промыслу относились съ полною вѣрою. Политическій и соціальныи бытъ не только Россіи, но и другихъ государствъ подвергался осторожной критикѣ. Нѣмцевъ, особенно Австрію и Меттерниха, столько-же не любили, какъ и русское правительство. Къ русскимъ относились дружелюбно, хотя, можетъ быть, это дѣлали изъ приличія къ намъ и изъ политики. Такой кружокъ не могъ не имѣть хорошаго вліянія на меня, вынесшаго изъ семьи сѣмена вѣры въ Бога и добрую нравственность. Въ камерахъ, гдѣ жили одни русскіе, чувствовалось не то. Дружескія отношенія выражались не ласкательными именами, а грубою руганью: Частыя ссоры, даже драки, запахъ водки, похабные разговоры и соблазнительные рассказы, полное невѣріе въ Бога и безсмертіе души, особенно между медиками, характеризовали эти кружки будущей интеллигенціи, долженствовавшей на разныхъ поприщахъ служить государству и вліять на народъ.

же эти устраивались учителями холостыми въ складчину и, дѣйствительно, вскорѣ потеряли характеръ бутербродовъ. Дѣлаемъ эту поправку на основаніи словъ одной пожилой особы, бывшей какъ разъ въ то время въ Ровно и очень близко стоявшей къ учебному персоналу; этой особѣ, между прочимъ, мы обязаны нѣкоторыми поправками въ запискахъ А. Солтановскаго, относящимися къ Ровенскому періоду 1849—53 гг.—Ред.

При воспитаніи во-время сказанное доброе слово запечатлѣвается на всю жизнь въ ребенкѣ и даже опредѣляетъ навсегда его нравственную дѣятельность. До поступленія въ гимназію я отлично зналъ десять заповѣдей; онѣ для меня значили не болѣе, какъ слова молитвы, которыя нужно было прочитать каждый день утромъ и вечеромъ. „Не укради“ я повторялъ безъ всякаго вниманія, и хотя чужого не трогалъ ничего, не кралъ, но равнодушно смотрѣлъ, какъ во время зимы разбирались чужими людьми плетни, какъ полицейскіе и чиновники присвоивали себѣ чужое и въ видѣ подарковъ, и въ видѣ вымогательствъ. Мой отецъ служилъ секретаремъ земскаго суда въ то время, когда секретари были полными хозяевами уѣзда и наживали состоянія. Между тѣмъ отецъ былъ очень бѣденъ и существовалъ съ семействомъ исключительно на свое ничтожное жалованье, которое едва давало возможность изворачиваться и въ это баснословно дешевое время, когда корецъ пшеницы стоилъ 75 коп., сажень дровъ съ доставкой 3 р., сажень сѣна съ доставкой 4 р., а сажень соломы 1 р. сер. Я часло слышалъ упреки отцу отъ знакомыхъ: Вы сами виноваты, Акимъ Ивановичъ! Самъ Спаситель сказалъ: „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“. Вы по своей гордости пренебрегаете словами Спасителя, а у Васъ есть семья.—Отецъ отшучивался. У отца былъ пріятель, столоначальникъ магистрата Василій Васильевичъ Мизниковскій, имѣвшій въ городѣ домикъ, хуторъ и сѣнокосъ съ пахатымъ полемъ (леваду). Онъ былъ старый холостякъ, часто у насъ обѣдалъ по праздникамъ послѣ обѣдни, а иногда пилъ чай и игралъ въ карты въ игру „дружбартъ“¹⁾. Кое-когда и отецъ заходилъ къ нему на чай и дружбартъ и бралъ меня съ собою для составленія партіи. Играли безъ денегъ, для препровожденія времени. Однажды мы заигрались до поздней ночи у Мизниковскаго. У отца была палка, а у меня не было въ рукахъ ничего. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ изъ дворовъ стали наскакивать собаки. Ночь была совершенно темная.

¹⁾ Нѣкоторое видоизмѣненіе другой, болѣе важной, игры, называемой „марьяжъ“.

Боясь, что отецъ не успѣетъ своею палкою охранить и себя, и меня, я подошелъ къ чужому плетню и выломалъ кусокъ хворостины. Когда мы приближались къ дому, отецъ сказалъ мнѣ, что большой грѣхъ передъ Богомъ пользоваться чужимъ добромъ и трогать чужое. Ты ерѣвно согрѣшилъ, унесши хворостину изъ чужого плетня. Я отвѣчалъ, что выломаной хворостиной я не испортилъ чужого плетня, а хворостинка эта защитила меня отъ собакъ. Отецъ возразилъ, что лучше быть укушеннымъ собакою, чѣмъ тронуть чужое. При томъ же ты самъ виноватъ: почему не взялъ съ собою изъ дома палки? Другой своимъ имуществомъ не долженъ отвѣчать за твою оплошность.—Кусокъ хворостины не составляетъ имущества, другіе же берутъ взятки, опустошаютъ чужіе сады,—отвѣчалъ я.—Другіе нарушаютъ заповѣди Божіи: „не укради“, „не пожелай чужого“, а ты, сынъ мой, этого не долженъ дѣлать! Развѣ ты замѣчаешь, что я дѣлаю такъ, какъ другіе?—Да, всѣ говорятъ, что Спаситель позволилъ даянія и дары.—Они извращаютъ смыслъ божественныхъ словъ Спасителя, они вдвое грѣшатъ, искушая меня. Благо, что не на такого напали. Всякій долженъ довольствоваться своимъ, что пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ, и тотъ тяжко согрѣшаетъ предъ Богомъ, кто позволить себѣ тронуть даже чужую соломинку.—Этотъ разговоръ разъяснилъ мнѣ навсегда практическое значеніе заповѣдей: „не укради, не пожелай чужого“ и охранилъ меня на всю жизнь отъ присвоенія и вымогательства и частной, и общественной, и казенной собственности. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ во мнѣ цѣлый рядъ мыслей, осмыслилъ для меня слова молитвы и заставилъ слѣдить за собою и давать себѣ отчетъ во всѣхъ моихъ словахъ и поступкахъ и такимъ образомъ навсегда охранилъ меня отъ всякихъ увлеченій. Я рано почувствовалъ брезгливость къ пьянымъ и отвращеніе ко всякаго рода опьяняющимъ напиткамъ. Женская красота, особенно красивыя формы мнѣ весьма нравились, но слѣдя за собою, я подавлялъ въ себѣ половые инстинкты. Въ университетѣ я мечталъ остаться на всю жизнь дѣвственникомъ и хотѣлъ посвятить себя служенію Богу и слабому человѣчеству, хотѣлъ поступить въ монахи и,

достигнувъ архіерейства, съ архіерейской кафедрой провозглашать правду Божію и стараться водворить между людьми царство Божіе на землѣ. Съ этой цѣлью я познакомился и даже сблизился съ нѣкоторыми лаврскими іеромонахами. Они посвятили меня во всю закулисную жизнь монастырей, во всѣ отношенія монаховъ между собою, съ низшими себя, съ высшими, съ властями, съ мірянами—и я ужаснулся. Я понялъ, что съ своими стремленіями я погибну, ничего не достигши, или же долженъ буду отказаться отъ своихъ идеаловъ и сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ неправды и силы. Я отказался отъ монашества, но вель жизнь чисто монашескую: не зналъ ни женщинъ, ни напитковъ; избѣгалъ дѣлать другимъ малѣйшія непріятности, не курилъ, не игралъ въ карты, даже воздерживался по цѣлымъ мѣсяцамъ отъ мясной пищи. Конечно, я не отказывалъ себѣ, когда были средства, въ посѣщеніи концертовъ и театра.

Такимъ я явился на службу младшимъ учителемъ въ Ровенскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей С. И. Опатовичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

12-го апрѣля с. г. скончался въ С.-Петербургѣ протоіерей смоленскаго кладбища *Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ*. Хотя покойный большую часть своей жизни провелъ въ С.-Петербургѣ, но по своему происхожденію, первоначальному воспитанію, своимъ влеченіямъ и частію по своей литературной дѣятельности принадлежалъ Малороссіи; поэтому будетъ вполне умѣстно посвятить его памяти мѣсто на страницахъ „Кіевской Старины“.

С. И. Опатовичъ родился 15 декабря 1831 года въ м. Горыньгородѣ, ровенскаго уѣзда волынской губерніи, гдѣ отецъ его, также протоіерей, былъ приходскимъ священникомъ. Первоначальное образованіе Стефанъ Ивановичъ получилъ въ духовномъ училищѣ въ Клевани, а затѣмъ въ Кременецкой духовной семинаріи. Слѣдуя примѣру старшаго брата, который въ то время, окончивши академической курсъ, былъ уже священникомъ въ ц. Покрова въ С.-Петербургѣ, онъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1853 г. и по окончаніи въ ней курса былъ назначенъ преподавателемъ въ Олонекскую духовную семинарію. Въ Петрозаводскѣ покойный пробылъ только около года: въ 1858 г., послѣ женитьбы, онъ былъ назначенъ священникомъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ и въ этой должности прослужилъ почти 34 года; за все это время онъ жилъ безвыѣздно въ столицѣ и только одинъ разъ, въ 1862 г., побывалъ на родинѣ на Волыни. Скончался

о. Опатовичъ отъ чахотки на 61-мъ году своей жизни; 15-го апрѣля громадная толпа собравшихся на кладбищѣ провожала его до могилы.

Если внѣшняя жизнь С. И. Опатовича была бѣдна пере-мѣнами, то за то она богата была внутреннимъ содержаніемъ. Покойный протоіерей всегда въ высшей степени добросовѣстно относился къ исполненію обязанностей своего сана; онъ много заботился о благоустройствѣ и упорядоченіи Смоленскаго кладбища; всегда внимательно и участливо исполнялъ всѣ требы; даже подъ конецъ жизни, когда чахотка окончательно подломила его и безъ того слабыя силы, онъ выполнялъ всѣ обязанности очередного священника, пока окончательно не слегъ. Чуть не ежедневное въ теченіе многихъ лѣтъ исполненіе требъ по отпѣванію и погребенію мертвыхъ, постоянное, изо дня въ день повторяющееся зрѣлище смерти, людского горя и отчаянія, казалось, должны были бы замѣтно отразиться на характерѣ о. Опатовича. Можно было бы предположить, что онъ обратится въ сухого и черстваго зрителя этихъ для него повседневныхъ явленій, что воспріимчивость и впечатлительность къ людскимъ страданіямъ и несчастіямъ въ немъ постепенно ослабѣютъ, наконецъ и совсѣмъ заглохнутъ. Но въ немъ было такъ много душевной доброты, такое глубокое религиозное чувство любви къ ближнимъ, что до конца своей жизни онъ вполне сохранилъ способность глубоко сочувствовать всѣмъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ, сердечно относиться къ страданіямъ людей. И это сказывалось особенно ярко при исполненіи имъ отпѣванія: глубокое пониманіе значенія смерти сказывалось въ его служеніи,—оно глубоко трогало даже постороннихъ и безучастныхъ иновѣрцевъ. Въ каждомъ словѣ, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, близкимъ къ умершему, сказывалось такое теплое, сердечное участіе къ ихъ горю, что невольно успокаивало и утѣшало ихъ.

Послѣдствія душевной доброты о. Опатовича обнаружались и послѣ его смерти: занимая такъ долго доходное мѣсто священника на смоленскомъ кладбищѣ, будучи притомъ бездѣтнымъ, онъ ничего не сберегъ, не оставилъ послѣ себя ника-

кихъ средствъ. За то подолгу, годами, проживали у него немущіе молодые люди, родственники, земляки или только близко знакомые, получавшіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы; нѣсколькихъ племянниковъ и племянницъ онъ воспиталъ на свой счетъ. Онъ всегда любилъ окружать себя молодежью; многіе учившіеся въ университетѣ, въ академіяхъ медицинской, духовной и художествъ или въ консерваторіи меньше чувствовали нужду и одиночество на чужбинѣ, благодаря о. Опатовичу, котораго постоянно посѣщали, у котораго весело проводили досужіе вечера и временами подолгу проживали; здѣсь они находили не только радушный пріемъ, но и добрый, участливый совѣтъ; здѣсь хозяинъ съ его теплымъ, религіознымъ чувствомъ внушалъ имъ бодрость душевную, уваженіе и любовь къ знанію, къ искусству, къ труду и къ трудящимся; здѣсь имъ нерѣдко оказывалась и матерьяльная помощь. Изъ среды этой молодежи нѣкоторые потомъ сдѣлались извѣстными учеными, врачами, художниками; всѣ они вѣроятно навсегда сохраняютъ чувство глубокой признательности къ доброму своему пастырю. Не только молодежь, но и люди вполне зрѣлые, высокообразованные и ученые, даже старше его по возрасту, подчинялись обаянію его теплоты сердечной и высоко-нравственныхъ идеаловъ: изъ числа такихъ лицъ одинъ глубокой старикъ, притомъ же католикъ, говорилъ составителю этого некролога, что въ особенно тяжкія минуты онъ всегда обращался къ Стефану Ивановичу, потому что передъ нимъ легко было открывать душу, сообщать ему всѣ свои даже наиболѣе сокровенныя, интимныя тайны. Въ числѣ лицъ, нашедшихъ пріютъ и поддержку у покойнаго, былъ и молодой землякъ и дальній свойственникъ его, Василій Степановичъ Гуглинскій (ум. аудиторомъ при окружномъ штабѣ въ Ташкентѣ въ 1891 г.?), пріѣхавшій въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Это поступленіе почему то не состоялось, но Гуглинскій прожилъ у Стефана Ивановича около шести лѣтъ. Когда въ 1861 г. стала издаваться „Основа“, Гуглинскій помѣстилъ въ ней нѣкоторыя

свои произведенія ¹⁾, примкнулъ къ кружку ближайшихъ со-трудниковъ и руководителей журнала и очень сблизился съ ними. Черезъ него о. Опатовичъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; знакомство очень скоро обратилось въ дружбу, которая продолжалась до самой смерти историка. На вторникахъ у послѣдняго о. Стефанъ былъ всегдашнимъ гостемъ; въ свою очередь Николай Ивановичъ часто посѣщаль на смоленскомъ кладбищѣ своего духовника, который при посредствѣ перваго познакомился и сблизился съ Д. Г. Лебединцевымъ, Ф. К. Неслуховскимъ, Д. Л. Мордовцевымъ, академикомъ А. Н. Савичемъ и другими лицами, особенно—съ причастными къ „Основѣ“. Одинадцатаго мая 1862 г., въ день св. первоучителей славянскихъ, о. Опатовичъ отслужилъ послѣ обѣдни молебенъ въ храмѣ смоленскаго кладбища въ присутствіи кружка „Основы“ въ память окончившагося тысячелѣтія перевода священныхъ книгъ на церковно-славянскій языкъ: это вызвало въ С.-Петербургѣ много толковъ и сплетенъ, а потомъ и непріятностей для о. Опатовича.

Покойный протоіерей былъ нѣкоторое время законоучителемъ въ приготовительномъ пансіонѣ для Александровскаго лица Боце, въ другомъ частномъ пансіонѣ для подготовки въ разныя учебныя заведенія, особенно въ строительное училище Эмме, и потомъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ—въ Покровской женской гимназіи. Онъ обладалъ талантомъ преподавателя, и вездѣ имъ дорожили, но по слабому здоровью долженъ былъ къ великому сожалѣнію сослуживцевъ и особенно учащихся оставить педагогическое поприще. За то, когда въ С.-Петербургѣ открылись чтенія для народа, Стефанъ Ивановичъ одинъ изъ первыхъ принялъ въ нихъ участіе: онъ читалъ въ народныхъ ау-

¹⁾ Въ „Основѣ“ за 1862 г. онъ помѣстилъ свои статьи 1) Съ народныхъ устъ: „Війтъ Семень“; 2) „Передъ свитою“ (дума) и 3) Съ народныхъ устъ: „И наука вводи не въ науку“ подъ псевдонимами В. Г-л-скаго (февраль), Михайла Чайки (май) и М. Чайки (августъ). Сверхъ того, В. С. Гуглинскій написалъ напечатанные славянскимъ шрифтомъ „Житіе св. великомученика Георгія (юрія) Побѣдоносца, Житіе св. великомученицы Варвары и Житіе преподобной матери нашей Маріи Египетской. Питербурхъ въ печати императорской академіи наукъ. 1863 г.“, не поступившія въ продажу.

диторіяхъ на Владимірскомъ проспекті въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается приказчиій клубъ, въ Горномъ институтѣ и въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Плодомъ этихъ чтеній явилась книга „Первые вѣка христіанства и распространенія его на Руси“ свящ. Опатовича, съ 15-ю раскрашенными картинами. (Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній. СПб. 1873“). Здѣсь авторъ обнаруживаетъ талантъ просто и общедоступно, но въ тоже время очень интересно, рассказывать о событіяхъ, касающихся избранной имъ темы.

Какъ даровитаго и знающаго священника, начальство петербургской епархіи пригласило о. Стефана участвовать въ собраніи и разработкѣ историко-статистическихъ свѣдѣній по епархіи. Участвуя въ занятіяхъ и изданіяхъ учрежденной для этой цѣли комиссіи, о. Опатовичъ работалъ въ синодальномъ и консисторскомъ архивахъ. Плодомъ его занятій здѣсь между прочимъ явился историческій очеркъ „Описаніе смоленскаго кладбища въ С.-Петербургѣ“ („Русская Старина“ 1873 г. т. 8, стр. 168—200); здѣсь описаны могилы писателей В. К. Тредьяковскаго, Я. Б. Княжнина, Н. И. Хмѣльницкаго и Елизаветы Кульманъ, художниковъ и артистовъ Боровиковскаго, Бортиянскаго и другихъ, а также могилы чтимой народомъ Ксеніи. Въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г. т. 18-й покойный помѣстилъ небольшой очеркъ „Евдокія Андреевна Ганнибалъ“ (стр. 69—78)—это сообщеніе о бракоразводномъ дѣлѣ арапа Петра Великаго. Но самъ авторъ всего болѣе цѣнилъ свои „Оповиданія зъ Святого Писма. Выпускъ першій. Церковъ Божа Патриархальна (въ семьи). Петербургъ 1863“. Были написаны и слѣдующіе выпуски, но они не были напечатаны. „Оповиданія“ дѣйствительно представляютъ замѣчательный трудъ: авторъ мастерски владѣетъ языкомъ, просто, но крайне интересно и художественно рассказываетъ о главнѣйшихъ ветхозавѣтныхъ событіяхъ до переселенія евреевъ въ Египеть и объ Іовѣ. Удачный выборъ терминовъ и образовъ дѣлаетъ рассказъ вполне доступнымъ для пониманія дѣтей и простолюдиновъ, а глубо-

кое знаніе быта и понятій малорусскаго народа, при высокомъ нравственномъ идеалѣ автора, дѣлаеть „Оповиданія“ чрезвычайно интересными и поучительными.

Послѣ С. И. Опатовича остались рукописи и обширная переписка. Онѣ находятся у его родного племянника Владимира Константиновича Опатовича въ С.-Петербургѣ. Было бы крайне желательно, чтобы весь этотъ матерьялъ былъ поскорѣе разобранъ и чтобы все представляющее интересъ и доступное для печати было напечатано.

В. В.

С.-Петербургъ,
18-го мая 1892 года.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Подольская легенда о Бунякѣ. Въ 1873 году, по распоряженію центрального статистическаго комитета, собранъ былъ по волостямъ богатый матеріалъ для приведенія въ извѣстность памятникѣвъ древности, разбѣянныхъ въ краѣ. Пересматривая данныя, относящіяся къ территоріи подольской губерніи, я встрѣтилъ въ донесеніи миньковецкой волости (ушицкаго уѣзда) оригинальную легенду, записанную волостнымъ писаремъ «отъ старожиловъ», относимую ими къ городищу, сохранившемуся у села Великой Кужелевой. Легенда эта представляетъ, очевидно, сводъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ преданій, конкретныя черты которыхъ сгладились въ народной памяти и подробности странно перемѣшались въ видѣ довольно оригинальнаго rotundi. Полагаю, что кужелевская легенда можетъ представить нѣкоторый интересъ, если не по содержанию, которое уже утратило существенныя архаическія признаки, то, по крайней мѣрѣ, какъ образчикъ вывѣтриванія и интерполяции народныхъ сказаній. Выписываю эту легенду дословно въ томъ видѣ, въ какомъ она записана была писаремъ въ 1873 году.

«Изъ разсказовъ старожиловъ оказывается, что городище въ с. Великой Кужелевой, называемое «Мистысько», въ древнія времена занято было городомъ, называвшимся Кружель; городъ этотъ разорилъ въ древности козакъ Солудывый Буйнякъ, который въ одно и то же время разорилъ мѣстечко, на мѣстѣ котораго теперь существуетъ село Тышковъ, и городъ, бывший тамъ, гдѣ теперь находится село Городиска. Буйнякъ окончилъ свои военныя разбойническія походы у мѣстечка Городка (Грудва) каменецкаго уѣзда, гдѣ его побѣдилъ кожемяка Самсонъ Кириловичъ; кожемяка этотъ былъ настолько силенъ, что если бывало разсердится на кого нибудь, то въ минуты вспыльчивости въ одно мгновеніе раздеретъ двѣнадцать воловьихъ кожъ.

Когда Буйнякъ подступилъ къ Городку съ своимъ войскомъ, кожемяка Кириловичъ въ то время спалъ; жители, разбудивъ его, просили у него защиты. Кириловичъ приказалъ себѣ сдѣлать изъ шелку толстую тесьму, на которую нацѣпилъ мельничныя жерновы и кругообразнымъ движеніемъ его уничтожилъ все войско Буйняка и побѣдилъ его самого; это-же случилось слѣдующимъ образомъ: козакъ Буйнякъ имѣлъ вѣки до самой земли, которыя, когда онъ подходилъ къ какому нибудь городу, два козака подымали ему особо устроенными вилами; тогда онъ, осмотрѣвъ городъ, отдавалъ приказъ своему войску, откуда начинать приступъ; вѣки эти имѣли такое свойство, что если кто-либо изъ непріятелей Буйняка окажется настолько сильнымъ, что приподыметъ ихъ, то тому суждено будетъ побѣдить Буйняка. На долю Кириловича выпало воспользоваться этимъ таинственнымъ свойствомъ вѣкъ—онъ приподнял ихъ, побѣдилъ Буйняка и прекратилъ дальнѣйшія его разрушительныя завоеванія; такимъ образомъ мѣстечко Городокъ спаслось отъ разрушенія и уцѣлѣло до настоящаго времени».

В. А.

Игры молодежи въ деревнѣ Леоновѣ, кіевскаго уѣзда.

1. *Весняныя иры «дивчатъ» и дѣтей.* Эти игры съ пѣніемъ открываются еще за недѣлю до Благовѣщенія; на самое-же Благовѣщеніе дивчатъ исполнѣ охватываетъ какое-то поэтическое вдохновеніе, навѣянное оживленной природой весны. Церковный праздникъ Благовѣщенія блекнетъ въ религіозномъ сознаніи жителей деревни вообще и молодежи въ особенности отъ совпаденія съ нимъ во времени празднованія оживляющейся природы. Обновляющаяся природа празднуетъ свое возрожденіе въ лицѣ своихъ дѣтей, — свѣжихъ, не заклеянныхъ еще суровой жизнью «дивчатъ». — Къ обѣденному времени разряженныя «дивчата» собираются со всей деревни въ одно мѣсто, — на одинъ изъ концовъ деревни. Побравшись за руки, составивъ такимъ образомъ изъ себя живой вѣнокъ, обходятъ *навкруги* деревни съ торжественнымъ пѣніемъ веснянокъ. Слѣдующей, на примѣръ, пѣсней сопровождается игра «въ хмилъ».

Ой поросты, хмелю (2), выще мого двору;

Ой не ходы нелюбъ коло мого двору (2).

Ой якъ тяжко-важко (2) каменю та котытиси,

А ще тяжче-важче старому та женытиси (2),

Молоду живку брати (2), що не вмѣ зъ старымъ спати.

Ой поросты, хмелю (2), выще мого двору;
 Ой походы, мылий (2), коло мого двору,
 Ой походы, мылий (2), коло мого двору,—
 По твоимъ слюдочку (2) перстыкомъ да покотыла.
 Ой якъ легко, гарво (2), перстыку да котытыся,
 А ще легче, краше (2) молодому та женытыся,
 Молоду живку браты (2), що вміє зъ молодымъ спаты.

Во время пѣнія этой пѣсни дивчата, побравшись за руки и перевиваясь подъ руками крайнихъ двухъ дивчатъ, изображаютъ пзъ себя вьющійся хмѣль, почему игра эта и называется игрою *съ хмилемъ*.—А то еще въ это-же время и на «великдень» совершаются дивчатами слѣдующія игры.

Становятся дивчата въ кружокъ; одна изъ нихъ становится въ этомъ кружкѣ въ роли жены, а другая, виѣ вруга съ розгою,—въ роли мужа. Кружокъ, побравшись за руки съ участіемъ «мужа и жены», поетъ:

„Гей-же, жоно, до дому!“—Бисивъ муже, не пійду.—

„Качен врячуть йисты хочуть—йды до дому“.

—Тамъ у решетывныи (въ решети) посладныи,

(последъ) То й самъ дай! (2).

„А вже тее поилии, поилии“.—Хиба лыха зхотили, зхотили?

„Гей, жоно, до дому!“—Бисивъ муже, не пійду!—

„Даты плачуть—йисты хочуть!“ — Тамъ на полици три паланыи

То й самъ дай! (2).

„А вже тее поилии, поилии!“—Хиба лыха зхотили, зхотили?—

„Гей, жоно, до дому!“—Бисивъ муже, не пійду!—

„Дочен плачуть—замужъ хочуть, то йды до дому!“

—Тамъ въ бодныи (въ бодни) три плахтыи,

То й самъ дай! (2).

„А вже тее зисылы, зисылы“.— Хиба лыха зхотили, зхотили?—

„А я пыва наточу, наточу, таки мылу выкычу, выкычу“.

—А мы пыво попьемо, попьемо, да й мылои не дамо, не дамо.

„А я булокъ напечу, напечу, таки мылу выкычу, выкычу!“

—А мы булки поймо, поймо, и мылои не дамо, не дамо.

„А я меду наварю, наварю, таки мылу выдурю, выдурю“.

—А мы той медъ попьемо, попьемо, та й мылои не дамо, не дамо.

Съ послѣдними словами пѣсни «мужъ» загоняетъ «жону» розгой; «жона» убѣгаетъ подъ руками подругъ вругомъ, мужъ ее розгой погоняетъ. Въ случаѣ желанія повторить игру — выступаетъ другая пара дивчатъ для ролей мужа и жены, и игра, съ пѣніемъ и смѣхомъ, совершается прежнимъ порядкомъ.

Побравшись за руки и бѣгая по улицамъ вереницей, дивчата поютъ также:

Ой *Шумъ* ходить,—по дорози бродыть,
 А *Шумька* рыбу ловыть,
 Що вловыла, то й прошыла,
 Дочци шубы не кумыла:
 „Пожди доню до субботы,
 Куплю шубу, ще й чоботы“.
 —Або мене замижь дайте,
 Або мени шубу зправте,
 Або мене залышитъ,—
 На папери налышитъ.

«У макъ» дивчата играютъ такъ: составятъ, побравшись за руки, кругъ; посрединѣ круга садится одна изъ дивчатъ — чаще изъ двѣ-чекъ-подростковъ, — изображая изъ себя макъ. Весь кружокъ, дѣланъ круговыи движенія то въ одну, то въ другую сторону, поетъ:

Пры дорози макъ, пры широкой макъ,
 Ой макъ чыстый, головыстый, —
 Молоды молодычки, станьте въ рядъ,
 Тутъ буде ладъ.

Пропѣвъ это нѣсколько разъ, схватываютъ на руки сидящій посреди кружка «макъ», подымаютъ на воздухъ, не допуская до паленія его на землю, а подхватывая на руки.

Игра *въ качанъ* также проста.

Крайняя изъ побравшихся за руки дивчатъ стоитъ неподвижно, а другой конецъ дивчатъ обкручиваетъ ее до тѣхъ поръ, пока не составится куча дивчатъ, изображающая завившуюся головку капусты. Потомъ начинается качанъ «розвиватысь» — раскручиваются въ обратномъ порядкѣ. Припѣваютъ при «завиваніи» качана:

Ой звій, Боже, качана, качана!

при «розвиваніи»:

Розвій, Боже, качана, качана.

Передъ повтореніемъ завиванія:

Качавъ, качавъ, та й зножь почавъ.

Начиная игру въ «зайнку» составляютъ тоже кружокъ. Одна изъ дивчатъ становится въ кругѣ въ роли зайныи, а дивчата, дѣланъ движенія вокругъ нея то въ одну сторону, то въ другую, поютъ:

Городылы зайнку зиллемъ-виллемъ,
 Никудю зайнку а ни выскочыты.
 Никудю зайнку а ни выстрыбнуты.
 Зайнку! Чы головка болыть?

«Городылы зайньку...» поется нѣсколько разъ съ новыми вопросами: чы колыньца болять, чы патки болять, чы плечи болять, чы реберца болять и т. п. Соответственно вопросу, дѣвушка, изображающая изъ себя «зайньку», граціозно указываетъ руками то на голову, то на колыньца, плечи и проч. По окончаніи пѣсни, «зайнька» выскакиваетъ изъ своей горожи — изъ круга; дѣвчата гоняются за нимъ и, поймавъ, насмѣявшись вдоволь, порѣзвившись надъ этимъ «зайнкомъ», начинаютъ, смотря по охотѣ, вновь эту игру, и роль «зайнки» заступаетъ другая дѣвушка.

Для игры въ *лемокъ* становятся, побравшись за руки, въ рядъ. Одна изъ ряда дѣвчатъ идетъ въ одной изъ крайнихъ и говоритъ: «Кумко - голубко, иды до мене ленку брать!» А та ей отвѣчаетъ:— А хлиба дасы? — «А той де дила?» — Зѣ козаками на печи зсила.— «А робыть?» — А головка болыть! — «А замнж?» — Хочъ заразъ, — и бѣжать отвѣчающая, переплѣтаясь подъ руками на другой конецъ ряда, а спрашивавшая съ розгой гонится и клещетъ ее слегка. Къ слѣдующей, что стояла подлѣ убѣжавшей на другой конецъ ряда, спрашивающая обращается съ тѣми-же вопросами, и игра идетъ прежнимъ порядкомъ, пока всѣхъ не переберетъ.

Въ игрѣ *въ яшура*—составляютъ дѣвчата кругъ; въ этомъ кругу становится одна изъ проворныхъ и начинаютъ всѣ пѣть, дѣлая движенія:

Сыды, сыды, яшуре, въ горохьянимъ мисци,
 Май соби жинку, якъ перепилку,
 Якъ спіймемъ, обдеремъ,
 Завтра по ранку, выкопаемъ ямку,
 Пырогивъ напечемъ и яшура зпомянемъ.

Во время этой пѣсни «яшуръ» снимаетъ съ головъ поющихъ дѣвчатъ поочередно платки и надѣваетъ ихъ всѣ себѣ на шею. Потомъ ловко выпрыгиваетъ изъ кружка и безъ оглядки бѣжитъ въ какую нибудь сторону, а всѣ бѣгутъ за ней—за яшуромъ въ догонку; рѣзвая, ловкая дѣвушка—«яшуръ»—не сразу дается въ руки, а вездѣ дѣвчатъ за собой пообводитъ, а потомъ, натѣшившись и потѣшивши всѣхъ, сама отдается въ руки; тогда съ нея сдираютъ свои платки дѣвчата; избираютъ для роли «яшура» новое лицо и игра продолжается.—Въ эту игру играютъ преимущественно дѣвчата-«пидлитки».

2. *Между дѣтскими играми, не приуроченными ко времени, извѣстны въ д. Леоновкѣ шры: въ «ворона», въ «дрибъ соли, дрибъ», въ «блудилъ», въ «коти» и въ «царя»*

При игрѣ съ ворона одно изъ дѣтей сидитъ на землѣ и ковыряетъ пальцемъ землю; а остальные дѣти, выбравъ изъ себя ббльшаго, становятся въ рядъ сзади выбраннаго и держатся одинъ за поясъ или одежду другаго. Передній спрашиваетъ сидящаго «ворона»:

- Вороне, вороне! що ты робышь?
- Пичку копаю,—отвѣчаетъ онъ.
- На шо?
- Окриишь буду грить!
- На шо?
- Твоимъ дитимъ очи заливать.
- За шо?
- Щобъ у мою капусточку не ходылы сц..., щобъ за тынъ (коп.) не выкидать.

Съ послѣдними словами сидѣвшій «воронъ» бросается на дѣтей переднаго—матери, а передній забѣгаетъ при этомъ на передъ ворону и защищаетъ своихъ дѣтей; дѣти-жь — заднія, бросаются въ обратную сторону отъ ворона и, какъ галушки, падаютъ на землю. Затѣмъ игру оставляютъ или-же вновь начинаютъ.

Въ «дрибъ соли, дрибъ» играютъ по двое и чаще дѣвочки, чѣмъ мальчики. Игра вотъ въ чемъ состоитъ. Ставъ одинъ противъ другого, берутся за руки; оперши ноги объ ноги, натанувъ руки, кружатся на одномъ мѣстѣ со словами, произносимыми на распѣвъ:

Дрибъ соли, дрибъ, на камени бибъ,—
 Пидъ каменемъ бочка, Петрова дочка
 Выгнала бычки въ воритнычки:
 Паситеса бычки, пиду по телычки;
 Бычки не пасутся,—мычки не прядутся.

Закружившись, падаютъ на землю и наблюдаютъ обманъ зрѣнія: какъ земля съ предметами кружится въ ихъ глазахъ.

Въ «блудня» играютъ преимущественно мальчики. Игра состоитъ въ слѣдующемъ. Берутъ палочку, длиною съ четверть аршина, заостриваютъ съ одного конца, а на другомъ выдѣлываютъ головку—булавку. Потомъ обводятъ ногою или-же палкой по землѣ «городокъ» — часть земли, сажни два въ окружности. Одинъ изъ играющихъ беретъ эту палочку и втыкаетъ ее въ очерченномъ кругѣ, а въ это время другой завязываетъ глаза платкомъ или чѣмъ другимъ. Когда палочка уже воткнута, то играющіе говорятъ: «вже» и, разбѣгаясь, прячутся неподалеку. «Зажмурившійся» на четверенькахъ или же на ногахъ ищетъ въ городкѣ палочки; нащупавъ ее, развязываетъ глаза и

старається палочкой попасть въ кого-нибудь изъ спрятавшихся, а тѣ стараются добѣжать до городка; въ томъ случаѣ, если палочка попадетъ въ кого-нибудь внѣ городка, то тотъ хватается палочку и старається въ свою очередь въ кого-нибудь попасть; мальчикъ, не успѣвшій отбиться, «жмурится», и игра продолжается.

Игра «въ ката и мышей» сходна съ игрой въ ворона. И тутъ, какъ и въ той игрѣ, составляютъ рядъ такъ, что одинъ изъ играющихъ держится за поясъ или за одежду другого; а передній играетъ роль ката. Коть спрашиваетъ:

— А багацько въ стозп мышей?

Ему отвѣчаютъ заднія мыши:

— Копа.

— А не боятса ката?

— Ни.

— Кятъ обернетса,—мышу зловыть!

— А чорта звьсть,—отвѣчаютъ мыши.

Коть старається поймать одну изъ заднихъ мышей, но тѣ всѣ оттягиваютъ его и тѣмъ не даютъ возможности свободныхъ движеній, а сами въ то-же время уклоняются въ обратную сторону отъ той, въ какую онъ бросается. Коть и на хитрости пускается: дѣлаетъ видъ, что хочеть въ одну сторону поворачиваться, и сейчасъ-же, когда мыши подались въ противоположную сторону, дѣлаетъ движеніе въ сторону прогивную и тамъ захватываетъ простоватыхъ трусихъ-мышей. Поймавъ кого-нибудь, ставитъ его у себя за плечами, и игра продолжается.

Игра «въ царивъ», извѣстная почти повсемѣстно въ кіевской губерніи, извѣстна и дѣтямъ д. Леоновки. Она состоитъ въ томъ, что всѣ мальчики раздѣляются на два лагеря и каждый изъ этихъ лагерей выбираетъ изъ себя царя себѣ, преимущественно—самого сильнаго. Дѣти того и другого лагеря, побравшись за руки, становятся другъ противъ друга на разстояніи шаговъ 20—30-ти, и начинается война между царями. — Нужно еще сказать, что каждый царь становится посрединѣ своей арміи, расположивъ около себя болѣе сильныхъ. Отдѣляется послѣ того съ одной стороны мальчикъ и бѣжитъ на непріятеля, стараясь съ разбѣгу своимъ туловищемъ разбить цѣль непріятеля. Если ему удастся это сдѣлать, то онъ забираетъ съ собой въ плѣнь отбитую часть непріятеля, состоящую изъ 2—3—4-хъ мальчиковъ; плѣнные увеличиваютъ силу одного царя, хотя они и норовятъ попасть къ своимъ, а потому вчастую слабо сопротивляются сво-

имъ. Въ случаѣ, если разогнавшійся мальчикъ повиснетъ на рукахъ непріятели, не разбивъ щѣпн его, то онъ самъ дѣлается плѣнникомъ. Эта игра почти нескончаема, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ, когда каждый царь останется безъ войска, онъ самъ отбиваетъ себѣ за однимъ разгономъ не малую дружину. Верхъ стыда для царя попасть въ плѣнъ.

3. *Игры парубоцтва* ограничиваются игрой «въ гылы», что тоже — «въ бигучои» или «въ матку», и игрой «въ довгой лозы». Эти двѣ игры такъ общеизвѣстны, что о нихъ можно и не говорить.

Юр. Каковскій.

Изъ кievскаго прошлаго. *Слухъ о намъреніи правительства „разорить“ Межигорскій монастырь.* Въ августѣ мѣсяцѣ 1684 года въ Москвѣ была получена слѣдующая отписка кievскихъ воеводъ: «Государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, холопи ваши Алешка Салтыковъ со товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ въ 192 году іюля въ 12 день пришолъ въ Кіевъ чернецъ и мы холопи ваши велѣли его роспросить, откуда онъ и котораго монастыря, и для какого дѣла въ Кіевъ пришолъ, и ваша, в. г., проѣзжая грамота или изъ монастыря объ отпускѣ есть ли у него письмо, а въ распросѣ передъ нами, холопи вашими, тотъ чернецъ сказалъ Углицкого уѣзду Дорофѣевой пустыни строитель, Іосифомъ зовуть Вяземской, въ Кіевъ онъ пришолъ по обѣщанію молиться въ Печерской монастырь, а вашей де вел. гос. проѣзжей грамоты у него нѣтъ и изъ монастыря объ отпускѣ письма онъ не взялъ же, потому что онъ самъ въ томъ строитель, а какъ онъ пошолъ изъ монастыря и тотъ монастырь приказалъ казначею, а какъ де онъ былъ въ Батуринѣ и ему вашъ, в. г., подданной войска Запорожскаго обоеихъ сторонъ Диѣбра гетманъ Иванъ Самойловичъ далъ проѣзжей листъ, а въ листу написано, велѣно того чернеца въ Кіевъ и назадъ изъ Кіева пропускать безъ задержанія; и того жъ числа тотъ чернецъ пошолъ изъ Кіева въ Печерской монастырь и іюля въ 26 день пришолъ къ намъ, холопомъ вашимъ, Межигорского монастыря игуменъ Θεодосій Васковскій и извѣщалъ словесно, а въ извѣтѣ сказалъ, сего де числа былъ онъ въ Кіевско-Печерскомъ монастырѣ и въ томъ де монастырѣ приѣзжей старецъ Іосифъ Вяземской говорилъ ему, игумену, про Межигорской монастырь, что будто къ вамъ, в. г., вашъ, в. г., подданный войска Запорожскаго обоеихъ сторонъ

Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ, чтобъ Межигорскій монастырь разорить для того, что де того монастыря онъ, игумень, и братья молятъ Бога за короля и по тому письму вашъ, в. г., указъ есть тотъ Межигорскій монастырь разорить велѣно, а церковную утварь отдать въ Печерской монастырь, а братью разослать въ пные монастыри, а въ томъ мѣстѣ велѣно вмѣсто церкви построить часовню. И увѣдавъ де о томъ Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ и билъ челомъ вамъ, в. г., чтобъ того монастыря не разорить, а послѣ де того Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ въ другой рядъ съ животворящимъ крестомъ и вамъ, в. г., билъ челомъ о томъ же, чтобъ того монастыря не разорять и тотъ де монастырь по вашему великихъ государей указу разорить велѣно; и онъ де, игумень, нынѣ отъ тѣхъ его, Старца Іосифовыхъ, словъ пришелъ въ великой страхъ. И того жъ числа мы, холопи ваши, того чернеца сыскавъ противъ извѣсту Межигорскаго монастыря игумена Θεодосія распрашивали и тотъ чернецъ въ приказной избѣ передъ нами, холопи вашими, въ распросѣ сказалъ: Кіево де въ Печерскомъ монастырѣ онъ Іосифъ Межигорскому игумену Θεодосію Васковскому тѣ вышепомянутыя слова, что онъ игумень намъ, холопомъ вашимъ, на него, Іосифа, извѣщалъ, говорилъ, а слышелъ де онъ, Іосифъ, о разореніи того Межигорскаго монастыря на Москвѣ, а отъ кого слышалъ, того не помнить. И того чернеца до вашего, в. г., указу мы велѣли держать за карауломъ, а Межигорскаго монастыря игумена мы, холопи ваши, вашею, в. г., милостію обнадежили и говорили ему, чтобы онъ въ сумнительство о томъ не приходилъ и былъ бы во всемъ на вашу, в. г., милость надеженъ. Великіе государи о томъ намъ, холопомъ своимъ, что уважете, а отписку мы, холопи ваши, велѣли подать въ Приказъ Малыя Россіи боярину князю Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи».

Въ Москвѣ дѣлу, повидимому, придали большое значеніе, и болтливаго инока постигла печальная участь. На вышеприведенной отпискѣ читаемъ слѣдующій приговоръ, написанный рукою думнаго дьяка: «192 г. августа въ 28 день великіе государи и сестра ихъ в. г. благовѣрная царевна, совѣтовавъ со святѣйшимъ патріархомъ, указали послать свою в. г. грамоту въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ къ Ѳедору Петровичу Шереметеву съ товарищи велѣтъ съ того чернца въ Печерскомъ монастырѣ монашескую одежду снять и разстричь и противъ сей отписки про *смутныя слова* роспросить ево въ застѣнке, а роспрося, и пытать накрепко, для чего онъ изъ великоросійскихъ

городовъ пришолъ въ Кіевъ и не послалъ ли ево хто нарочно въ Кіевъ для возмущенія тамошнихъ малоросійскихъ народовъ къ измѣне или для бунту на подданного ихъ государского войска запорожскаго на гетмана Ивана Самойловича и на старшину и на Москвѣ у ково онъ живаль и приставаль и хто у него на Москвѣ или въ городѣхъ сродниковъ и въ которыхъ городѣхъ и хто имяны. А росироя ево о томъ и пытавъ накрепко указали послать къ себѣ, государемъ, наскоро, а того вора разстригу велѣли держать до указу за крѣпкимъ карауломъ, чтобъ куды не ушолъ, а Межигорскаго монастыря игумена и братію призвавъ въ сѣзжую избу указали, государи, своею государскою милостію обнадежить, что никогда у насъ, государей, того, чтобъ Межигорской монастырь свестъ и ево, игумена, и братію вывезть въ иные монастыри, а строеніе того монастыря и всякую утварь отдать въ Печерской монастырь не бывало и чтобъ они въ томъ на ихъ государскую милость были надежны и впредь никакимъ такимъ лживымъ словамъ и вѣстамъ не вѣрили, а у нихъ, великихъ государей, по Божѣ такое желаніе, чтобъ и больши на той сторонѣ святыхъ мѣста и церкви Божіи множились, а народъ христіанской прибавлялся и расширялся и всегда они, государи, за предствительствомъ Пресвятыя Богородицы, имѣютъ о томъ неусынное свое изволеніе и желаніе.

Грамота въ Кіевъ съ изложениемъ этого приговора была послана на 31 августа 1684 года.

(Моск. Арх. Мин. Юст. Ст. Сибир. Приказа № 1587).

А. Голомбловскій.

Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козакаго двора въ мѣщанскія руки (1748 г.). При существовавшихъ въ Кіевѣ враждебныхъ отношеніяхъ между магистратомъ и козацкимъ управленіемъ, переходъ недвижимаго имущества изъ мѣщанскихъ въ козацкія руки и обратно сопровождался нерѣдко такими затрудненіями, за разрѣшеніемъ которыхъ обѣ стороны должны были обращаться къ генералъ-губернатору.

Въ 1748 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, кіевскій житель коваль Тарасъ Омельчукъ Кавуненко купилъ за 30 рублей у козака Игната Рудника дворъ, «въ парахії Воскресенской на грунтѣ куничномъ стоячій», доставшійся этому козаку по куплѣ-же отъ кіевскаго-же жителя рѣзника Григорія Нещіивода. Эта купля-продажа была записана въ магистрат-

9*

сія книги, въ которыхъ козакъ Рудникъ своеручно «подпискою обязался, что за тотъ дворъ, яко нѣкому ни въ чомъ не пенній и не заведенный, ни откого турбаціи не будетъ».

Кавуненко, уплативши деньги за домъ сполна, позволилъ козаку Руднику жить въ немъ, пока тотъ купитъ себѣ другой дворъ.

Узнавши объ этой продажѣ, сотникъ Гудимъ выгналъ Рудника изъ дома и поселилъ въ немъ козака Андрей Кузьку «уловательно не для чего иного, точію для заведенія своего шинку».

Кавуненко обратился съ жалобой въ магистратъ, а магистратъ къ генераль-губернатору Леонтьеву, который и далъ указъ сотнику «въ тотъ дворъ не интересоваться», такъ какъ дворъ этотъ, издавна мѣщанскій, козакъ Рудникъ продалъ добровольно и деньги получилъ сполна.

Но сотникъ, оспаривая право Рудника продавать свой дворъ «безъ вѣдома команды», писалъ въ Ген.-Губ. Канц., что дворъ этотъ находится на землѣ Межигорскаго монастыря и что «до оногo двора наслѣдній сынъ въ малолѣтствіи находится, да и оной-же Игнатъ Рудникъ, забивъ страхъ Божій, оставя болную жену свою третью и оное малолѣтное дитя, подманувъ четвертую жену и бежалъ», а потому де онъ, сотникъ, и распорядился отдать дворъ Рудника въ наймы «до зросту дитини» и для прокормленія жены его по 4 рубля въ годъ козаку сотни кіевской, деньги же, взятыя Рудникомъ у ковала Тараса, «ему Тарасу возвращени быть имѣють».

Ген.-губ. Леонтьевъ на это доношеніе сотника приказалъ отдать все таки дворъ Кавуненку, «конечно, для того что оной козакъ свое собственное по всѣмъ правамъ продать волень, а когда впредь какой либо наслѣдникъ явится, тогда и велѣтъ кіев. войту съ магистратомъ о томъ дворѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить».

Такъ какъ и по двумъ о томъ указамъ изъ Ген.-Губ. Канц. сотникъ Гудимъ не уступалъ Кавуненку двора, то магистратъ просилъ, чтобы было предложено содержащему на Подолѣ караулы капитану Попову выселить козака Кузьку изъ названнаго двора «съ понужденіемъ». Генераль-губернаторъ исполнилъ эту просьбу, и капитанъ Поповъ репортомъ отъ 16-го марта донесъ, что «козакъ Кузька изъ двора высланъ, а отданъ оный дворъ ко владѣнію Тарасу Кавуненку».

А. А.

Къ исторіи заселенія Новороссіи. Приводимое здѣсь письмо князя А. А. Прозоровскаго писано къ Л. С. Алексѣву, который въ это время былъ губернаторскимъ товарищемъ Новороссійской губерніи, и взято нами изъ сборника писемъ разныхъ лицъ къ Алексѣву, находящагося въ Лубенскомъ музеѣ К. Н. Скаржинской. — *Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Евреинъ (т. е. еврей) Исакъ Осиповъ, будучи мнѣ извѣстенъ по выводу изъ Польши людей Федору Матвѣевичу Толстому, договорился со мною вывести таковыхъ же, не премѣнно въ слѣдующемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на состоящія въ Азовской губерніи мои дачи двѣсти пятьдесятъ семей; по выводѣ которыхъ и по отдачѣ въ вѣдомство моего управителя, получить отъ меня за каждую семью по пяти рублей; и въ число оныхъ взялъ уже сто пятьдесятъ рублей. На такомъ условіи отправленъ былъ отъ меня съ нимъ же сержантъ Будаевъ для преподанія всякаго вспомошествованія по вступленіи уже оныхъ семей въ Россійскую землю. Но вмѣсто того онъ Осиповъ поманутаго сержанта возвратилъ ко мнѣ съ другимъ жидомъ Маеровичемъ, при рапортѣ, и требуетъ еще денегъ шестисотъ рублей. И хотя и имѣю надобность въ такомъ числѣ людей, но заключая и въ сего не что другое, какъ плутовскія его намѣренія, отпривать къ нему сихъ денегъ не рѣшился, а прилагая со онаго рапорта копію и адресу ихъ самихъ, сержанта Будаева и жида Маеровича, покорно васъ, милостиваго государя моего, прошу по всегдашней вашей ко мнѣ благопріязни требованіе упоминаемаго жида Осипова рассмотреть и буде найдите изволите непремѣнную надобность, въ такомъ случаѣ нѣкоторымъ числомъ денегъ его снабдить и меня удѣдомить, дабы могъ я съ моей благодарностью оныя вамъ возвратить. Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ и не премѣннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга Князь А. Прозоровскій.

Марта 22 дня, 1782 году. Курскъ.

Письмо гр. П. В. Завадовскаго. Писано оно къ тому-же Л. С. Алексѣву (см. выше), который въ это время былъ уже кавказскимъ губернаторомъ, и взято изъ того же сборника писемъ. — *Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Простите утружденіе, которое получаете отъ уповающаго на вашу благосклонность. Будучи до заводовъ изъ числа охотниковъ ¹⁾ и со-

¹⁾ См. письмо Завадовскаго о покупке жеребцовъ. К. Стар. 1890 г., сент., 493.

держа въ степныхъ деревняхъ своихъ скоть разныхъ породъ, какъ-то англійской, голандской, желалъ бы еще къ онимъ примѣшать и калмыцкой; считая же, что онаго достать я лучше не могу, какъ посредствомъ вашимъ, прошу васъ, милостиваго государя моего, употребить ваше стараніе — купить у калмыковъ двухъ хорошихъ и самой крупной породы быковъ изъ двухгодовалыхъ и шесть коровъ годныхъ къ заводу, и отправить ихъ въ степныя мои деревни: или прилучаега полку, Толмачевку, или переяславскаго—Грабовъ ¹⁾. И какъ я не сомнѣваюся, чтобы вашимъ стараніемъ не могъ я получить самой лучшей породы, то увѣряю, что таковымъ одолженіемъ обяжете меня въ чувствительнѣйшей благодарности и взаимному угожденію, гдѣ указали бы къ тому случаи. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть имѣю честь васъ, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Издержанныя деньги здѣсь или гдѣ прикажете съ благодарностью заплачу.

Петровъ Градъ. Апрѣля 10 дня. 1788.

Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной Малороссіи. Въ весьма интересной статьѣ г. Житецкаго «Странствующіе шеольники въ старинной Малороссіи» («Кіевск. Стар.» 1892 г. № 2) говорится, между прочимъ, о томъ, что дякъ избирался громадою за добрый гласъ, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ, — причемъ отъ него требовались еще таланты педагога.

Относительно этого избранія въ средѣ подольскаго духовенства мнѣ пришлось узнать слѣдующее преданіе. По словамъ этого преданія, *мандровани дяки* ходили изъ села въ село, и если гдѣ было вакантное мѣсто, то тамъ, кромѣ обнаруженія своихъ познаній, какъ дяка и педагога, они должны были еще заявить себя предъ громадою своею находчивостью и остроуміемъ. Это происходило такимъ образомъ. Громада собиралась на церковномъ погостѣ возлѣ колокольни, а кандидатъ на мѣсто дяка взбирался на колокольню и оттуда пронзносилъ рѣчи, большею частію въ юмористическомъ духѣ. Если было нѣсколько такихъ кандидатовъ, то обыкновенно тотъ оставался, кто скажетъ что-нибудь остроумнѣе и смѣшнѣе.

Вѣроятно же всего, что при такомъ экзаменѣ появлялись передъ публикой *дяки*, какъ съ произведеніями собственной музыки, такъ и съ

¹⁾ Должно быть—Драбовъ.

заимствованными пѣснями и рассказами апокрифическаго свойства, которые, между прочимъ, и такимъ путемъ дѣлались достояніемъ народа. Въ м. Мизиковѣ (подольск. губ.) записанъ варьянтъ извѣстной пѣсни, такъ называемой «Евангелистой», которая могла быть пѣснью экзаменной для *дяковъ* и, судя по обращенію къ *дяку*, была передѣлана для этой цѣли изъ старинныхъ варьянтовъ, распространенныхъ и въ великорусскихъ, и въ западно-европейскихъ редакціяхъ. Въ сборникѣ Кирѣевскаго, на примѣръ, помѣщенъ текстъ этой пѣсни съ такимъ обращеніемъ: «Вы рабы оныя, рабы поученыя, надъ школами выбраны! Повѣдайте, что есть единъ?» Приводимый варьянтъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ нѣкоторыя видоизмѣненія сравнительно съ напечатаннымъ въ «Кіевск. Старинѣ» (1892 г. № 1) Хр. Ящуржинскимъ, а также и тѣмъ, что къ 12 отвѣтамъ прибавляетъ еще одинъ—тринадцатый, что служитъ указаніемъ потери первоначальнаго смысла пѣсни, основанной на толкованіи таинственнаго значенія излюбленнаго числа *дванадцать*. Записана она мною отъ старика крестьянина, который выучилъ ее въ молодости «одъ старыхъ людей». Такъ какъ характеръ построенія этой пѣсни хорошо извѣстенъ, то, послѣ перваго отвѣта, я приведу сразу тринадцатый, изъ котораго будутъ видны всѣ прочіе, а для сличенія помѣщаю отвѣты такой-же латинской пѣсни, помѣщенной у А. Н. Пыпина (Очеркъ литер. истор. стар. повѣстей и сказокъ русск., стр. 145), а также варьянты по записи г. Ящуржинскаго.

— Ой ти дякоєъ учоний	Одныдцать учениєвъ ²⁾ ,
На вси школы выбранный ¹⁾ ;	Десять Божыхъ приєазани,
Скажи мени, дячку,	Девять Боже поколина ³⁾ ,
Що есть трынадцать?	Восимъ хоръ хоровниъ ⁴⁾ ,
— Есть трынадцать—пєвєнь заєивъ,	Симъ Божыхъ сєбраментєвъ,
Лыхий землю пролетєвъ,	Шість Божыхъ линєєвъ,
Есть дванадцать апостоєєвъ,	Преднаєвєнтшыхъ Марєє ⁵⁾ ,

1) А ты Ячмєвъ навченой,
Межъ школами выбжандй.

Такой варьянтъ у г. Ящуржинскаго, причємъ толкованіє слова *выбжаной* (отъ *вы бжити*—воспитать) едва-ли оправдывается варьянтомъ нашимъ и великорусскимъ, гдѣ стоятъ *выбранный*.

2) Одныдцатый самъ Господь (*Ящурж.*).

3) Девять Божыхъ чиноєъ ангельскихъ (*Ящурж.*).

4) Восимъ Божыхъ радостєєй (*Ящурж.*); у *Кирѣевск.*: Девять въ году радостєєй, Восемь круговъ солєчныхъ.

5) Шість ераєє илии (sic) на Прєсвятїєй Марєє (*Ящурж.*).

Пять ранъ тернивъ Панъ
 За насъ грѣшныхъ хрестіанъ ¹⁾,
 Штыри листы Вангелісты,
 А три патры архировыхъ ²⁾

Дви таблицы Мусііонихъ ³⁾,
 Йиденъ сынъ Маріинъ,
 Вннъ въ неби крулюбе,
 Надъ нами пануйе.

Латинскій текстъ.

Duodecim apostoli;
 Undecim stellae,
 A Iosepho visae;
 Decem mandata Dei;
 Novem angelorum chori;
 Octo beatitudines;
 Septem sacramenta;
 Sex sunt hydriae

Positae
 In Iana Galileae;
 Quinque libri Moysis;
 Quatuor evangelistae;
 Tres sunt patriarchae;
 Duo sunt testamenta;
 Unus est Deus
 Qui regnat in caelis.

Сообщ. В. Боржковскій.

¹⁾ Пять разъ серпеной (sic) серны Пановъ безвинной (*Яшурж.*); изъ сличенія ясно, какъ испорчено. У *Киръевск.* Пять ранъ безъ выпы Господъ терпѣль.

²⁾ А три пагіархи (*Яшурж.*).

³⁾ Два алтари Мусііовихъ (*Яшурж.*).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Рускій Соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ урорусскихъ нарѣчійхъ. Собралъ и издалъ М. А. Врбель. Унгарь (Ужьгородъ), 1890 г. 12^о стр. 173 + портретъ А. Духновича.

Угорская Русь—этотъ маленькій влочекъ русскаго племени, заброшенный судьбой за Карпаты и окруженный чуждымъ и враждебнымъ мадьярскимъ населеніемъ, до сихъ поръ мало изслѣдованъ какъ въ историческомъ, такъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи. Судьба надолго оторвала этотъ маленькій народецъ отъ великаго цѣлага и предоставила ему развиваться подъ чуждыми вліяніями, которыя не могли не отразиться на немъ. Но единство вѣры силотило угроруссовъ и дало имъ силы отстоять, если не внѣшнюю, то, такъ сказать, внутреннюю независимость. Какую значительную роль играло православіе въ сохраненіи чертъ народности, указываетъ то обстоятельство, что теперь, по свицѣтельству изслѣдователя Угорской Руси, г. Петрова ¹⁾, всякій православный, русскій ли онъ, словакъ ли,—даже мадьяръ—всѣ называютъ себя: русскій, русинъ, руснякъ, *orvosz*, въ противоположность словакамъ-католикамъ и униатамъ. Сходное съ этимъ наблюдаемъ и въ Сербіи, гдѣ католиковъ сербовъ и словаковъ называютъ однимъ племенемъ «буневци» или «шокци».

Въ угроруссахъ еще живо сознаніе, что они не «Rutheni—Русины (дѣланное слово!), а русскіе, русскій народъ—официально впрочемъ непризнаваемый австро-венгерскими властями. Изолированное положеніе угроруссовъ отразилось какъ на ихъ бытѣ такъ и на языкѣ.

Для лингвиста представляетъ большой интересъ нарѣчіе угроруссовъ, до сихъ поръ сравнительно мало изслѣдованное. Находясь

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., февр. 437 стр.

въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ мадьярами, вліяніе которыхъ было впрочемъ незначительно благодаря рѣзкому различію между языками мадьярскимъ и русскимъ, и будучи на границахъ перемѣшаны съ словаками, отъ которыхъ заимствовано очень много, угроруссы приняли въ свой языкъ массу словъ, оборотовъ рѣчи, не говоря уже о внутреннихъ, фонетическихъ особенностяхъ развившихся самостоятельно въ ихъ языкѣ въ продолженіи его историческаго развитія.

Матеріаловъ для характеристики угрорусскихъ говоровъ порядочно; мы можемъ назвать «Сборникъ Угорскихъ пѣсень» Дешю, 1) Угорскія народныя пѣсни, собр. Деволланомъ 2), кое что въ пѣсняхъ, собранныхъ Я. О. Головацкимъ 3), затѣмъ въ «Лпстѣѣ» — единственной угрорусской газетѣ, выходящей въ Унгварѣ, въ приложеніяхъ находимъ рядъ пѣсень, но слѣдуетъ оговориться, что записи данныхъ весьма неточны, или по небрежности собирателей, или по несвоейственной говору орфографіи, скрывающей его особенности.

Изъ трудовъ по діалектологіи можемъ отмѣтить статью Веркратскаго, правда, характеризующую только одинъ Мармарошскій говоръ, статью Срезневскаго — неизвѣстно о какомъ говорѣ Угорской Руси, Семеновича — объ особенностяхъ угрорусскаго говора (въ сб. статей по Славяновѣдѣнію). Послѣдній трудъ по изученію угрорусскихъ говоровъ и ихъ распространенности — это выше названная статья г. Петрова (въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 92 г., февр.). Болѣе подробныя указанія на все, что писано объ Угорской Руси до 1885 г., сдѣланы г. Истоминымъ въ Сборн. Угрорусск. п. Деволлана.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, всякій сборникъ произведеній народнаго творчества даетъ много изслѣдователю діалектовъ Угорской Руси, если только записаны дѣйствительно народныя пѣсни и сохранены въ нихъ хотя бы главнѣйшія черты, главнѣйшія особенности діалекта. Правда, пѣсня не даетъ намъ такого точнаго и достовѣрнаго матеріала, какъ прозаическая записъ, но за неимѣніемъ послѣднихъ и первыя могутъ сослужить службу, и великое спасибо каждому собирателю пѣсень, который дѣлится своимъ матеріаломъ съ обществомъ.

1) Въ „Зап. Р. Геогр. Общ.“ по отд. Этногр., т. I, 1867 г., здѣсь 78 №№ угрор. пѣсень.

2) *ibid.* т. XIII, вып. I.

3) Изд. Общ. Любит. Ист. и др. при Моск. Унив.; еще слѣдуетъ упомянуть сборникъ Кунчанко „Пѣсни Буковинскаго народа“ въ Зап. Ю.-З. Отд. Р. Географ. общ., т. II. Кіевъ, 1874 г.

Всѣ сборники народныхъ пѣсенъ, появившіеся въ печати до сихъ поръ, мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: во-первыхъ, «пѣсенники» содержащіе какъ особенно популярныя пѣсни, такъ и романсы, куплеты изъ водевилей, отрывки изъ оперъ, порой даже стихотворенія выдающихся поэтовъ, и, во-вторыхъ — сборники народныхъ пѣсенъ, изданные съ научной цѣлью. Содержаніе первыхъ двигается, такъ сказать, сверху внизъ, въ народъ; вторые же, доставляя матеріалъ лингвисту, этнографу и исторіку народной поэзіи, знакомятъ образованные классы съ поэзіей народа. Таковы у насъ были и есть два основные типа нашихъ сборниковъ. Къ которому же изъ нихъ можно отнести сборникъ, изданный г. Врабелемъ?

Въ посвященіи, г Врабель говоритъ такъ: «На воззваніе отличнѣйшихъ Бачванско-Русскихъ братьевъ я задумалъ, по разнымъ околицамъ и на разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, мною собранныя пѣсни, въ маленькомъ зборнику: «Русскій Соловей» издати (?). *Желая достигнути той цѣли, чтобъ и мой «Соловей» увеселялъ сердце русской дружини*», т. е. эта книга ни что иное, какъ «пѣсенникъ», «хрестоматія» для народнаго чтенія. Но подзаглавіе ея: «собраніе народныхъ пѣсеней на разныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ», указываетъ, что въ неѣ вошло значительное количество и народныхъ пѣсенъ, и это послѣднее обстоятельство увеличиваетъ ея цѣнность.

При выходѣ въ свѣтъ этотъ сборникъ былъ замѣченъ и на него были напечатаны рецензіи въ «Вислѣ» — польскомъ журналѣ этнографіи ¹⁾, и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» ²⁾. Въ «Вислѣ» на 9 строкахъ былъ постановленъ «Русскому Соловью» обвинительный приговоръ, безъ приведенія какихъ бы то ни было мотивовъ, безъ подробнаго разбора книги. Въ Славянскихъ Извѣстіяхъ — какъ разъ наоборотъ: издатель г. Врабель и его сборникъ превознесены и возвеличены. Рецензентъ, повидимому, большой славянофилъ, но мало свѣдущій въ народной поэзіи и въ діалектологіи, наввно заявляетъ: «по этому драгоцѣнному изданію (т. е. по сб. Врабеля) очень удобно познакомиться съ народнымъ русскимъ языкомъ угорскихъ крестьянъ»... не замѣчая, что большая часть пѣсенъ подправлена въ видахъ сближенія ихъ языка съ русскимъ литературнымъ.

Будемъ радоваться возрожденію нашихъ угрорусскихъ братьевъ, но пусть это не помѣшаетъ намъ относиться серіозно къ ихъ изданіямъ.

¹⁾ Wisła, r. 1890. Zeszyt 4.

²⁾ 1890 г., № 44.

Обратимся теперь къ содержанію сборника г. Врабеля. Онъ состоитъ изъ двухъ частей; въ первой (стр. 1—94) находимъ стихотворенія различнаго содержанія и достоинства: здѣсь и малороссійскія, вѣрнѣе—галицкія пѣсни, здѣсь и народныя словацкія—правда, значительно подправленныя, тутъ же находимъ переводы сербскихъ стихотвореній и «оригинальныя» стихотворенія мѣстныхъ авторовъ. Во второй части (стр. 95—164) находимъ пѣсни исключительно народныя «на Бачванскомъ и Земплинскомъ русскомъ діалектѣ», т. е. на цотацкомъ, шарншскомъ говорѣ словацкаго языка, говорѣ крайне близкомъ къ нѣкоторымъ угрорусскимъ, но несомнѣнно словацкомъ.

Независимо отъ дѣленія предложеннаго г. Врабелемъ, мы можемъ всѣ эти пѣсни разбирать по группамъ: въ первую войдутъ стихотворенія или, какъ мѣтко назвалъ ихъ рецензентъ «Wistly», «więrszydła», довольно несладкія, написанныя на языкѣ, представляющемъ страшную смѣсь малорусскаго, ц.-славянскаго и великорусскаго литературнаго языка; впрочемъ эта смѣсь столь же далека отъ послѣдняго, какъ и отъ мѣстнаго угрорусскаго говора и равно мало понятна какъ простому великорусу, такъ и угрорусу. Языкъ этихъ стихотвореній напомнилъ намъ творенія, блаженной памяти, старыхъ сербскихъ писателей эпохи возрожденія Сербіи—писателей «словено-русской» школы, Раича, Соларича и др., которые, уклоняясь отъ требованій жизни—писать на народномъ языкѣ, старались удержать значеніе ц.-славянскаго языка русскаго извода. Очевидно въ такомъ же или сходномъ положеніи находятся теперь и угрорусскіе писатели: не въ силахъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ традицій ц.-славянскаго языка, они отчасти дѣлаютъ уступку новымъ вѣяніямъ, отчасти же желаютъ приблизить литературный языкъ къ великорусскому, съ которымъ не достаточно хорошо знакомы, и получается странный, подъ часъ смѣшной языкъ. Вотъ живые примѣры изъ сборника Врабеля:

Въ моей древней властности	Каждый больну грудь разить,
Странствую въ самотности,	А помощи нигдѣ вѣтъ,
И своимъ не владѣю,	Громкій огонь серце жеть,
О, гдѣ же ся подѣю?	Сбытуе мя кто можетъ... (стр. 19).

Или вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія г-жи Крингеръ-Добрянской, посвященнаго обстоятельному и весьма трогательному описанію любви и изображенію вліянія ея на человѣка:

Хоть колько бѣдствъ и мученій	Той минутой, коль драгал
Терпить прѣзрѣнный драгой,	Только взглянетъ на него,
Всѣ напасти наградастя	Забываетъ всѣ напасти
Ужъ минутою одной,	Страданія своего (стр. 76).

Подобныхъ стиховъ не мало найдется во всемъ сборникѣ; не думаемъ, чтобы подобные куплеты когда-либо пѣлись въ народѣ; они, конечно, никогда и не пѣлись, да и пѣться не будутъ. Особенно хороши въ такомъ же родѣ стихотворенія: «Псаломъ 132» — передѣлка изъ псалтиря, надъ которой, не смотря на явную книжность, значится «собр. М. Джуні въ Керестурѣ» и еще стихотвореніе на стр. 59 «Подувай витрику», подписанное А. Д. Впрочемъ, если откинуть въ сторону требованія метра, рими и другихъ глупостей, которыя только сковываютъ свободу «поэтической» мысли, то тогда, пожалуй, и среди этихъ «wierszydeł» мы найдемъ не мало интересныхъ, напримѣръ, на стр. 68 недурно стихотвореніе:

Подкарпатскіе русины
Оставьте глубокой сонъ;
Народный голосъ зоветъ васъ... и т. д.

Стихотворенія въ этомъ родѣ ¹⁾ полны искреннаго одушевленія; прочее же — все произведенія гг. Терезіи Подгаецкой, А. Іанкура, Воробья, А. Д., Николая Нодя, П. Кузмяка, вышеназванной г-жи Кригеръ-Добрянской и др. риемотворцевъ.

Другая большая группа — народныя пѣсни, которыхъ въ сборникѣ довольно много. Здѣсь мы находимъ пѣсни малорусскія, сербскія и словацкія. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Если взглянемъ на этнографическую карту Галицкой и Угорской Руси, то замѣтимъ, что съ юго-запада русскіе граничатъ съ словаками, причѣмъ весьма трудно провести между ними какую либо строго опредѣленную границу ²⁾. Кромѣ того, словаки разбѣяны островами среди сплошнаго русскаго населенія. На югѣ, въ Бачкѣ, населенной отчасти православными словаками (которые именуютъ себя русскими только на основаніи вѣроисповѣданія), находятся спорадически разбросанные поселки сербовъ, переходящіе далѣе на югъ въ сплошную массу. При такой близости народностей, при постоянномъ общеніи, не мудрено, что пѣсни свободно циркулируютъ въ сродномъ населеніи, тѣмъ болѣе, что пограничныя говоры русскіхъ и словаковъ такъ близки одинъ къ другому, что нѣтъ возможности точно разграничить ихъ.

Русскіе вообще, а галичане и угроруссы въ особенности, какъ замѣтили Головацкій, Деволянъ и др. изслѣдователи края, отлича-

¹⁾ Напримѣръ, на стр 7 и 72.

²⁾ Многіе пытались провести границу хотя бы между сплошнымъ населеніемъ словацкимъ и русскимъ, напр. Шафарикъ, Головацкій, Чернигъ, Бидерманъ и недавно г. Петровъ, но ихъ показанія мало согласны между собой.

ются особой переимчивостью; словаки же наоборотъ — отличаются удивительной стойкостью и не только сохраняютъ свою народность, но такъ вліяютъ на сосѣднихъ русскихъ и мадьяръ, что тѣ скоро забываютъ свой родной языкъ. Одинъ мадьярскій писатель по этому поводу говорить: «горе мадьярскому или нѣмецкому селу, гдѣ когда нибудь поселятся словаки, ибо они совершенно вытѣснятъ отсюда друдія народности»³⁾. Случается слышать, что если въ мадьярской деревнѣ поселится нѣсколько семействъ словаковъ — то скоро вся деревня уже говоритъ по словацки. Говорить на словацкомъ языкѣ почитается у русскихъ хорошимъ тономъ: объ этомъ неоднократно упоминаютъ и Головацкій и другіе. Этимъ и объясняется отчасти распространенность словацкихъ пѣсенъ въ средѣ русскаго населенія, которая и побудила г. Врабеля включить ихъ въ свой сборникъ, нѣсколько исказивъ ихъ языкъ и переписавъ кириллицей.

Такова, напримѣръ, пѣсня «Бѣлоградъ, Бѣлоградъ...» (стр. 151), къ которой можно указать вариантъ у Головацкаго I, 151, 157, и въ «Sborniku Slow. nar. písní»... vyd. Matice Slov. sv. I. 1870 г., у Деволлана, стр. 107, у Дешко, 674, № 10. Затѣмъ на основаніи языка можно считать заимствованными у словаковъ пѣсни на 98, 110, 148, 149 и др. стран. и также приложенныя въ концѣ сборника (стр. 156—164) «весельны», т. е. свадебныя пѣсни и многія другія, по преимуществу записанныя въ Бачкѣ среди православнаго словацкаго населенія.

И къ этимъ пѣснямъ можно указать не мало вариантовъ, какъ въ вышеназванномъ сборникѣ Словацкихъ пѣсенъ, такъ и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, рекрутская повинность вызвала много пѣсенъ, описывающихъ наборъ рекрутовъ, стараніе послѣднихъ укрыться отъ властей, слезы и горе родныхъ. Въ сборникѣ Врабеля, на стр. 80, находимъ пѣсню «У недѣлю рано паробка поймали», записанную въ Керестурѣ, къ которой можемъ указать, помимо малорусскихъ и угрорусскихъ вариантовъ у Чубинскаго (V т., стр. 297, 466, 977, 982) и у Деволлана (стр. 98—100), варианты и сходные мотивы въ великорусскихъ пѣсняхъ (Пермскій сборникъ, т. I, стр. 113, № 6 и записано мной въ Новгор. губ. 2 варианта) и въ бѣлорусскихъ, въ сборникѣ Гильтебрандта (Памятн. народн. творч. Сѣв.-Зап. края) на стр. 2, 40, 59, 96, 140, 170, 177 и у Носовича, стр. 277.

¹⁾ Фейеръ въ мадьярскомъ переводѣ „Энциклоп. словаря“ Гюбнера подъ словомъ „Magyar ország“.

Затѣмъ въ сборникѣ г. Врабеля находимъ не мало и дѣйстви-ельно малорусскихъ, скорѣе галицкихъ пѣсенъ. Такъ, на примѣръ, два варианта извѣстной шуточной пѣсни о капризной попадѣ «Журилася попадонька»... почему то помѣщенные редакторомъ сборника въ разныхъ мѣстахъ—на стр. 19 и 32. Къ этой пѣснѣ можно указать не мало вариантовъ, на примѣръ, у Деволлана 155 стр., у Головацкаго II, 565 и др., причеъ эти послѣдніе являются полнѣе пѣсни, напечатанной г. Врабелемъ.

Укажемъ еще пѣсню о несогласной спорщицѣ женѣ (стр. 40), имѣющую массу вариантовъ во всѣхъ малорусскихъ сборникахъ. Далѣе отмѣтимъ пѣсню, несомнѣнно народную, объ отравленіи невѣрнаго любовника (стр. 45), которая пользуется большою популярностью. Лучшіе ея варианты въ сборникѣ Чубинскаго, т. V, стр. 429 и Деволлана—стр. 40—41, также см. «Шинчуки» Этнографическій сборникъ Булгаковскаго, 1890 г. стр. 83; у Головацкаго, т. I, стр. 202. Изъ великорусскихъ разработокъ той темы укажемъ на пѣсни въ сб. Шейна, 1870 г., стр. 327, № 56 и 57 и у Сахарова «Сказанія Рус. народа, III, 206, и въ «Бѣлор. п.» Шейна 235, № 410. На эту же тему одинъ пзъ классическихъ польскихъ поэтовъ, Іосифъ Залѣсскій—*ślowik ukraiński*, какъ называлъ его А. Мицкевичъ, написалъ стихотвореніе ¹⁾, представляющее почти буквальный переводъ народной малорусской пѣсни.

Далѣе, на стр. 35, имѣемъ интересный вариантъ къ малорусскимъ версіямъ темы «сестра убиваетъ брата». Пѣсни на такую тему мы находимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. «Сестра островница» Сриске нар. пјесме I, № 302; также см. *Archiv. f. sl. Philologie* 1877, II. Vand. s. 731 (письмо В. Каралжича къ Я. Гримму, тамъ сходная пѣсня «На рај се не гледа»); еще—у Сахарова «Сказанія рус. Народа, III, 202; «Бѣлорусскія пѣсни» Шейна, стр. 234, № 409. Укажемъ хотя на сербскую версію въ сборн. Вука Каралжича; тамъ сестра убиваетъ брата, чтобы свободно жить съ любовникомъ. Укажемъ на малорусскую версію—у Чубинскаго, т. V, 432 стр., и на польскую—въ изданіи покойнаго О. Кольберга «*Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*», томъ III, часть II, стр. 268. Имѣемъ мы разработку этой темы и въ пѣсняхъ сродныхъ народовъ, на примѣръ у литовцевъ. Приведемъ здѣсь одну изъ послѣднихъ, нигдѣ еще не напечатанную. Она записана въ Виленской губ., Трокскаго уѣзда, Кронской волости.

¹⁾ *Poezye I. Zaleskiego*, wyd. r. 1851, str. 154. „Ukaranie“.

O ąnt kalno, ąnt aukštojo
 Alenėlė linas rovie
 Ir atjojo jenerolas,
 Jenerolas, gražus ponas:
 —Padėk dievs, Alenėle,
 —Alenėlė linas rauti!
 „O taj diekui, jenerolaj,
 „Jenerolaj, gražus ponaj“.
 —Alenėlė, graži pana,
 —Ar eisi tu už manę.
 „Jenerolaj, gražus ponaj,
 „Nevelyje mani broliis“.
 —Alenėlė graži pana
 —Nutrotike savo broli .
 „Jenerolaj, gražus ponaj
 „Aš ne turiu tokiu žoliu
 —Alenėlė, graži pana,

—Tu nueike i, sodeli
 —Taj ten rasi tokę žolę
 —Labai aukštai išbujojus
 —Baltu žiedu pažidejus,
 —Ir nuskinke tu tą žolę,
 Ir usvirke su arbata
 Ir supilke i sklenice
 —Ir nuneske i seklice.
 Da neįsgėrė ne i pusę
 Ir numire mano broliis.
 „Jenerolai, gražus ponai
 „Dabar mudgu ženikimės“.
 —Alenėlė, graži pana,
 —Nutratijai savo broli
 — Nutrotisi tu ir manę.
 „Reiks man dabar ubagauti
 „Už broleli poteriauti“).

То есть въ русскомъ переводѣ:

Ой на горѣ на високой
 Аленушка лень таскала
 И пріѣхалъ генералъ,
 Генералъ, красивый панъ
 —Богъ помочь, Аленушка,
 —Аленушка, лень таскать,
 „Вотъ спасибо генералъ,
 „Генералъ, красивый панъ.
 —Аленушка красавица,
 —Не пойдешь ли за меня?
 „Генералъ, красивый панъ,
 „Запрещаетъ мнѣ братъ.
 —Аленушка красавица,
 —Отрави, своего брата.
 „Генералъ, красивый панъ,
 Я не имѣю такого зелья.
 —Аленушка красавица,

—Ты пойдѣ въ садикъ,
 Тамъ найдешь такую травку,
 Очень високо разросшуюся,
 —Продвѣтшую бѣлымъ цвѣтомъ.
 —И сорви ты ту траву
 —И свари ее съ чаемъ
 —Слей въ стаканъ
 —И снеси во свѣтлицу.
 Еще не выпилъ и половины—
 И умеръ мой братъ.
 „Генералъ, красивый панъ,
 „Теперь мы оба повѣнчаемся“.
 —Аленушка красавица,
 —Погубила ты своего брата—
 —Погубишь и меня.
 „Нужно и мнѣ теперь нищенствовать
 „И за брата молиться.

Пѣсня эта записана на плохомъ литовскомъ языкѣ съ явными позднѣйшими чертами и испорченнымъ полонизмами языкомъ. Сходные мотивы въ литовскихъ пѣсняхъ можемъ указать въ «Литовскомъ

¹⁾ Пѣсня эта взята изъ рукописнаго сборника Э. А. Вольтера извѣстнаго изслѣдователя въ области литовско-латышской этнографіи и языка.

можно считать не заимствованной, а общей многимъ народомъ, такъ какъ она развивается на общемъ символѣ «вода—любовь», черпать, пить воду—любить», поить—дарить любовь (напр. объ этомъ см. у Потехина въ «Объясн. мр. пѣс., II, стр. 497—502») ¹⁾.

Къ пѣснямъ «Ой ты дѣвчино заручена» стр. 56) и «Набережку стояла, свои бѣлы ножки вмѣвала (стр. 113) укажемъ варианты у Головацкаго, II т., стр. 716 и там же—стр. 566.

Замѣчательна пѣсня (стр. 125), видимо заимствованная у словаковъ, на что указываетъ языкъ ея: происходитъ наборъ рекрутовъ на службу «чисару» т. е. цезарю—императору (такъ передѣл. нѣмецк. Kaiser), у отца старика вѣтъ сыновей а только три дочери, и онъ предлагаетъ имъ идти на войну. Старшая дочь отказывается, средняя—также, а младшая рѣшается идти на войну.

Якъ ей власи стрѣгали,
Оба шестри плакали;
Якъ на коня шедала,

Оцень и маць плакала;
Якъ до войну ступила—
Тресто нѣмцовъ забила,

За что «панъ чисаръ» взялъ ее за себя замужъ. Пѣсня эта является интересной параллелью къ нашимъ великорусскимъ былинамъ о дѣвухахъ-паленицахъ ²⁾.

Особенно близкіе варианты имѣемъ въ сборникахъ: Sušil. Moravské národní písně 1860. I. 106—7 (3 варианта) и Bartoš. Antologie z národných písní česko-slovenských. Возможно, что пѣсня эта заимствована не у словаковъ, а изъ первоисточника, которымъ г. Созоновичъ считаетъ сербскія пѣсни. (Созоновичъ, L. стр. 171).

Интересна пѣсня о Кошутѣ (стр. 143). Русское и вообще славянское населеніе не сочувственно отнеслось къ возстанію мадьяръ и поддерживало австрійскаго императора. Русскія войска радостно привѣтствовали мѣстнымъ населеніемъ, бывшимъ подъ игомъ мадьяръ (см. пѣсню у Деволана стр. 161—2). Хорваты также выступили на помощь имперіи подъ предводительствомъ извѣстнаго бана Еллагича. Это время оставило слѣды и въ пѣсняхъ народныхъ. У Вралея читаемъ:

Добрѣ было въ Угерской краинѣ
Доки бывалъ Кошутъ у Будинѣ,

Якъ ся Кошутъ выбиралъ зъ Будина—
Останъ здрава Угерска краина.

¹⁾ И въ его же сочин. „О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи стр. 12.

²⁾ Этимъ пѣснямъ посвящено изслѣдованіе г. Созоновича: „Пѣсня о дѣвухѣхъ воинѣ и былина о Ставрѣ Годимовичѣ“ Варшава 1886 г.

У Деволлана имѣемъ также пѣсню въ этомъ родѣ:

Сидятъ Кошутъ на высокой драбинѣ,	Шкода, Боже, семь Кошутовъ вербунокъ
Пише письма по Угорской краинѣ,	Шкода, Боже, и Кошутаго самого,
Ця на жалость, ци на великій зармутокъ.	Што винъ утѣкъ изъ орсагу своего ¹⁾ .

(смутокъ?)

Вариантъ этой исторической пѣсни имѣемъ еще у Дешко, стр. 675 № 13. Въ сборникѣ г. Врабеля много пѣсенъ подходящихъ къ типу коломыекъ. Въ концѣ сборника находимъ нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, но и они почти всѣ заимствованы несомнѣнно у словаковъ, что видно изъ ихъ языка. Болѣе полное и обстоятельное описаніе свадебныхъ обрядовъ Угорской Руси и пѣсни, ихъ сопровождающія мы имѣемъ у Купчанко, у Головацкаго (т. III, стр. 399 — 441) и въ журналѣ «Живая Старина» (вып. III и IV 91 года), гдѣ они гораздо обстоятельнѣе записаны.

Теперь обратимся къ третьей, довольно значительной группѣ пѣсенъ—къ пѣснямъ сербскимъ, попавшимъ въ сборникъ г. Врабеля.

Рецензентъ «Wisły», болѣе строгій и придирчивый, чѣмъ свѣдущій, заявилъ, что всѣ пѣсни, записанныя въ Коцурѣ, Бачъ-Керестурѣ, въ Спишѣ и Бачкѣ, словація. Отчасти онъ былъ правъ, но — только отчасти. Если мы внимательно всмотримся въ пѣсни «Бачваньски» и др., не принимая въ расчетъ, гдѣ онѣ записаны, а судя по содержанію и языку, то замѣтимъ, что большая ихъ часть—передѣлки или переводы, болѣе или менѣе удачныя, сербскихъ пѣсенъ, частью народныхъ, частью литературныхъ. Быть можетъ самъ г. редакторъ сборника, быть можетъ его сотрудники перевели эти пѣсни на угрорусское нарѣчіе—но возможно, что эти пѣсни дѣйствительно записаны въ народѣ: вѣроятны оба предположенія.

Русскія поселенія въ Угріи доходятъ до Мишковца и до Гейо-Керестура; съ другой стороны, въ Бачкѣ, населенной отчасти православыми словаками, разбросаны спорадически поселенія сербовъ, доходящія почти до Будина: такимъ образомъ, разстояніе между крайними пунктами русскаго и сербскаго поселенія—около 100 съ небольшимъ верстъ; если-же примемъ въ расчетъ постоянное движеніе русскихъ въ Будинъ на заработки по дорогѣ отъ Мишковца къ Будину, то намъ ни сколько не покажется удивительнымъ и страннымъ предположеніе чисто народнаго, непосредственнаго заимствованія пѣсенъ русскими у сербовъ.

¹⁾ Орсагъ—мадьярское orszag—государство; отсюда и польское orszak.

Если мы начнемъ просматривать съ первыхъ страницъ сборникъ г. Врабеля, то на 11 стран. наталкиваемся на пѣсню, видимо занимающую у сербовъ — впрочемъ, и озаглавленную «Хорватска». Дѣйствительно, мы находимъ у сербовъ народную пѣсню того же содержания. Сравнимъ эти двѣ пѣсни и убѣдимся, что пѣсня у Врабеля — переводъ сербской. Вотъ онѣ обѣ: у Врабеля

А чія то городина,
 Чія суть ворота?
 Чія же есть дѣвчина,
 Что близъ оболока?
 Отцова есть городина,
 Мамини ворота,

А моя есть та дѣвчина,
 Что близъ оболока.
Прескочу я городину,
Прескочу ворота;
 Поцѣлю дѣвчиноньку,
 Что близъ оболока... и т. д.

а сербская пѣсня поется такъ:

Чија ли је тараба ¹⁾
 Чија ли су врата,
 Чије ли је оно луче,
 Што кроз прозор гуче?
 Татина је тараба,
 Мамина су врата,

А моје је оно луче,
 Што кроз прозор гуче.
 Прескочићу тарабу,
 Отворићу врата,
 Польубићу оно луче,
 Што кроз прозор гуче. И т. д.

Изъ сравненія ясно видимъ, что русская пѣсня — не пересказъ, не новая разработка общей темы, а переводъ сербской и притомъ не на народный языкъ угрорусовъ, а на великорусскій, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностей сербскаго оригинала; кромѣ того, далѣе въ русской пѣснѣ находимъ слово польубецъ ²⁾, оставленное переводчикомъ явно для рифмы, и внизу въ примѣчаніи разъясняется, что молъ это — по великорусски поцѣлуй, на угрорусскомъ нарѣччіи — побочканье, а по мадьярски — csók.

На страницѣ 27 находимъ переводъ сербской пѣсни — уже литературнаго происхожденія:

„Држете чаше сви у руци,
 А ти, газда, вино вуци...“

и притомъ довольно нескладный; приведемъ первые стихи для сравненія:

Держте чареи всѣ въ рукахъ,
 А ты, газдо, вина давай....

Затѣмъ въ пѣснѣ, помѣщенной на стр. 36 «Иѹслыши Боже желанія наши», записанной, по замѣчанію собирателя, въ Бачкѣ, находимъ характерный сербскій припѣвъ:

¹⁾ Тараба — заборъ.

²⁾ Польубецъ отъ польубити — поцѣловать.

„И око, и чело;
Буди намъ весело“.

обличающій ея происхождение.

Немного далѣе, на стр. 39, находимъ пѣсню, производящую впечатлѣніе не народной:

Куда гляну—всегда темно,
Про меня нѣтъ свѣтила;

Моя мила—она сама
Свѣтлость отъ мя отняла и т. д.

Даже съ перваго взгляда видно, что эти стихи—вовсе не стихи, ибо идутъ прямо наперекоръ русскому ударенію; «словено-россійскій» языкъ этого стихотворенія указываетъ на его литературное происхождение, или, по крайней мѣрѣ, на обработку; очевидно, что здѣсь приспособлено и передѣлано что то чужое. Что же?—прочтя эти строки, всякій сербъ или знакомый болѣе или менѣе съ сербской поэзіей вспомнитъ навѣрное извѣстные стихи князя Михаила Обреновича:

Кудъ погледам—свуд је тамно,
За ме нема светила:

Моја драга,—она сама
Светило ми однела. И т. д.

и тогда ясно будетъ, что при различномъ удареніи въ сходныхъ словахъ искаженные на русскій ладъ стихи потеряли метръ.

Также несомнѣнно сербскаго происхожденія, и притомъ не народнаго, пѣсни, находящіяся на стр. 53 и 54 сборника Врabela; первая изъ нихъ такъ и озаглавлена «Сербска», другая же имѣетъ пометку, что записана г. И. Поливкой въ Сѣдлицахъ, что указываетъ на ея распространенность въ средѣ народа. Затѣмъ на той же 54 стр. уважемъ на пѣсню видимо, по языку, русскую, но озаглавленную «хорватска», какова она и есть на самомъ дѣлѣ; сербская народная пѣсня поется:

О јесење дуге ноћи,
Рек'о драги, да не доћи... и т. д.

въ русской же передѣлкѣ имѣемъ:

Ой осеньски долги ноци,
Миленькій малъ во мнѣ дойти... и т. д.

Изъ сравненія видимъ, что сербскій оригиналъ куда выше «русскаго» искаженія.

Обратимся теперь къ пѣснѣ на стр. 72 (сербска) «Студеный мя дождикъ пере»...—Это переводъ стихотворенія извѣстнаго сербскаго поэта Дьюры Якшича ¹⁾, переводъ весьма неумѣлый, такъ какъ даже

¹⁾ Дьюра Якшичъ особенно выдѣляется среди сербскихъ поэтовъ бурнымъ и смѣлымъ вдохновеніемъ, свободнымъ и широкимъ полетомъ мысли. Кромѣ стихотво-

въ такомъ простомъ и краткомъ стихотвореніи переводчикъ не стѣмѣлъ избѣжать ошибокъ. Напримѣръ, въ четвертомъ, заключительномъ куплетѣ читаемъ:

Наточи миѣ стаканъ вина

Изъ подъ мура твоиъ? (т. е. изъ подъ стѣны?)

тогда какъ въ сербскомъ оригиналѣ читаемъ «изъ подрума твогъ», т. е. изъ пивницы, изъ погреба. Очевидно переводчикъ или не позналъ слова «подрум», или — прочелъ его невѣрно съ перестановкой середины слова, да такъ цѣлкомъ и вставилъ свою ошибку въ русскій переводъ, о чемъ свидѣтельствуется и примѣчаніе его на той-же страницѣ «изподъ-мура, сербскій изразъ значитъ: изъ пивницы».

Далѣе сравнимъ также пѣсню на стр. 86 у Врабеля съ сербской, такового-же содержанія. Вотъ начало русской:

Я сирота и каждый мя жалуе,
Что не знаю де мой милый ночуе.

Гдѣ онъ днюе и де ночку ночуе,
И котру онъ другу милу любуе... и т. д.

Сравнимъ это начало съ сербской народной пѣсней—

„Сирота сам и сваки ме жалује,
Што ја не знам где мој драги данује,

Где данује, где ли нобу ноуе,
И коју онъ другу драгу милује... и т. д.

и сравненіе опять окажется далеко не въ пользу русскаго перевода, который изрядно нескладенъ и неуклюжъ, сравнительно съ сербскимъ оригиналомъ.

Затѣмъ на страницѣ 93 наталкиваемся на стараго знакомаго,— на пѣсню

Хозяину благій,
Гостюлюбче драгій,
Дай миѣ чарку полну... и т. д.

сербскій оригиналъ которой, довольно популярный, принадлежитъ перу одного изъ старыхъ сербскихъ писателей-романистовъ — перу Милована Видаковича ¹⁾. Его романы имѣли широкій кругъ чита-

реній эпическаго и лирическаго содержанія, полныхъ истинной художественности, онъ писалъ драмы, а прозой—новеллы. Всѣ его произведенія собраны и изданы подъ редакціей проф. Вуловича въ 10 выпускахъ 1885 г. Изъ старыхъ критиковъ его извѣстны: Дюра Малетичъ, отнесшійся слишкомъ строго и придирчиво къ поэту (Видовъ данъ 1863 г.) и Глаша Гершачъ, болѣе благосклонный (Матица Сербска 1866 г.). О немъ же—статья Вуловича при послѣднемъ изданіи сочиненій. Многo стихотвореній Яшича стали достояніемъ всего народа

¹⁾ Год. 1780 г. въ нынѣшней Сербіи, ум. 1844 г. Романы его: „Прекрасный Иосифъ“, „Усамлѣнный юноша“, „Велимиръ и Босилька“, „Благовонный крѣпъ“, „Велимиръ у Елисіуму“, „Млади Товія“, „Касія царица“, „Симонъ и Милена“.

телей, и нѣсколько стихотвореній, разбросанныхъ въ этихъ романахъ, особенно излюбленныя народомъ, сдѣлались достояніемъ массъ.

Также отчасти сербскаго происхожденія и тѣ пѣсни, которыя помѣщены въ сборникѣ г. Врабеля, въ отдѣлѣ народныхъ, «записанныхъ на Бачванскомъ и Земплинскомъ діалектѣ»; таковы пѣсни на страницахъ 106, 113, 115, 138, 145, 150 и др. Кроме того, достаточно заглянуть въ сборникъ «Бачванске песме», изданный въ Новомъ Садѣ, чтобы отыскать и указать еще варианты къ народнымъ пѣснямъ сербскаго происхожденія. Болѣе придирчивый критикъ могъ бы набрать не мало сербскихъ оригиналовъ и параллелей къ угрорусскимъ пѣснямъ, изданнымъ г. Врабелемъ, познакомившись съ содержаніемъ сербскихъ народныхъ пѣсенниковъ, подъ заглавіемъ «Лира», которыхъ много печатается и въ Новомъ Садѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Панчевѣ...

Черезъ ихъ посредство, вѣроятно, и знакомился народъ съ пѣснями Яшпича, Видаковича, кн. Михаила Обреновича, которыя намъ удалось отмѣтить въ «Русскомъ Соловѣ».

Наконецъ, отмѣтимъ еще и одну чисто великорусскую пѣсню, случайно попавшую въ этотъ сборникъ. Записана она — въ значительно искаженномъ и помятомъ видѣ: это извѣстная —

Чарочка моя—серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставлена... (стр. 82).

вторую поютъ и въ Угорской Руси, но только на нѣсколько иной мотивъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Русскаго Соловья». При его разношерстномъ составѣ онъ даетъ много интереснаго — здѣсь мы находимъ много вариантовъ и версій древнихъ, общеславянскихъ народныхъ пѣсенъ, которые мы указали выше; на основаніи данныхъ этого сборника мы можемъ судить о степени словацкаго и сербскаго вліянія, какъ въ сферѣ языка, такъ и въ сферѣ темъ народныхъ пѣсенъ угроруссовъ. Многое въ этомъ отношеніи бывшее неизвѣстнымъ и сомнительнымъ — выясняется благодаря труду г. Врабеля. Конечно діалектологическія данныя этого сборника имѣли бы большую цѣнность и достовѣрность, если бы г. редакторъ и гг. собиратели пѣсенъ не гнались за «литературнымъ», великорусскимъ правописаніемъ, а приняли болѣе подходящую «кулішовку», какъ это сдѣлали гг. Ан-

„Ива Загорца“. Всѣ эти романы очень слабы, но заслуживаютъ вниманія какъ самыя распространенныя книги наряду съ сочиненіями С. М. Сарайлія.

тоновичъ и Драгомановъ, Чубинскій и нѣкоторые другіе. Было бы, безъ сомнѣнія, лучше, еслибъ они также не наложили своихъ рукъ на текстъ пѣсенъ, кой гдѣ, очевидно, подиравленный. Но все же и теперь изъ этого сборника можно извлечь кой что для характеристики южныхъ угрорусскихъ говоровъ.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ сборника — отсутствіе какой либо классификаціи пѣсенъ, хотя бы по содержанію; впрочемъ это слабое мѣсто почти всѣхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Правда, въ «Русскомъ Соловьѣ» оглавленіе составлено въ алфавитномъ порядкѣ запѣвовъ, но нужно помнить, что часто одни и тѣ же запѣвы мы находимъ у пѣсенъ разнообразнѣйшаго содержанія и предугадать дальнѣйшее развитіе темы по запѣву — невозможно, хотя нѣкоторые изслѣдователи народной малорусской поэзіи и утверждали, что запѣвъ есть *зерно*, изъ котораго развивается дальнѣйшая пѣсня ¹⁾, но какъ развивается?—это пока вопросъ и не одна изъ теорій, даже выставленная покойнымъ А. Потебней ²⁾ не можетъ быть названа вполне удовлетворительной. А. Потебня полагалъ, что въ основаніе классификаціи народныхъ пѣсенъ слѣдуетъ класть единство мотивовъ, образовъ и размѣровъ ³⁾.

Изданъ сборникъ г. Брабеля изящно, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, но портятъ общее впечатлѣніе многочисленныя опечатки—на 150, въ 12°, страницахъ мы находимъ ихъ 53. Къ сборнику приложенъ портретъ покойнаго угрорусскаго патріота, свящ. А. Духновича ⁴⁾.

Пожелаемъ же угрорусскому народу не остановиться на пути къ возрожденію; надѣмся, что появятся и еще сборники пѣсенъ угрорусскихъ крестьянъ, но уже болѣе серьезно редактированные. Полные этой надежды, повторимъ вмѣстѣ съ угроруссомъ стихи (стр. 74):

...Господь дастъ намъ благодать:	Огень вѣры не погасъ,
Слава Богу, еще въ насъ	Сила вѣры спасетъ насъ...

сплотить въ одно цѣлое и дастъ силы бороться съ усплившейся въ послѣдніе годы мадьяризаціей угорскихъ славянъ.

Владиміръ Перетцъ.

¹⁾ Такъ утверждаетъ А. Н. Веселовскій, „Прилож. къ XXXVII т. Записокъ Ак. Н.“, № 4, стр. 203.

²⁾ Въ Зап. Акад. Наукъ, т. 37, приложение 4. Отчетъ о присужд. нагр. гр. Уварова, стр. 64—152, (разборъ пѣсенъ Я. Головацкаго).

³⁾ Тамъ же, 103, 104 и „Объясн. малорус. и средн. пѣсенъ“, I и II.

⁴⁾ О немъ см. „Славянск. Извѣстія“, 1891 г.

Наша національная сила—козаки. (Наброски). М. Н.—Кіевъ. 1892 г.

Цѣль настоящей статьи, вышедшей недавно въ свѣтъ отдѣльной брошюрой, опредѣляется самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ: «среди военныхъ взглядъ на козаковъ самый разнообразный; нѣкоторые склонны козакамъ, въ средѣ конницы, давать мѣсто какъ чему то придаточному, менѣе чѣмъ второстепенному... Не легко читаются такія мнѣнія, какъ въ послѣднемъ номерѣ «Военнаго Сборника»! (февральская книжка, стр. 377). Въ виду этого г. М. Н. разсматриваетъ дѣйствія козаковъ, когда имъ приходилось принимать участіе въ столкновеніяхъ съ непріателемъ въ войнахъ послѣдняго времени, указываетъ на преимущества этой конницы сравнительно съ регулярной и въ доказательство приводитъ не только свои личныя наблюденія, но также мнѣнія русскихъ и западно-европейскихъ военныхъ ученыхъ; наконецъ, авторъ предлагаетъ тѣ мѣры, какія могутъ служить къ поднятію и усовершенствованію «нашей національной силы». Не считая себя компетентными въ рѣшеніи военныхъ вопросовъ, мы не будемъ касаться мнѣній г. М. Н. и позволимъ себѣ указать лишь на то, что авторъ мимоходомъ только затрогиваетъ вопросъ объ историческомъ происхожденіи козачества на окраинахъ Россіи, а между тѣмъ это вопросъ очень важный, который долженъ быть поставленъ на первомъ планѣ, потому что безъ историческаго изученія развитія этой силы не будетъ понятно ни ея настоящее значеніе, ни ея роль въ будущемъ. Теперь козачество—исключительно конница, а до конца XVIII в. оно соединяло въ себѣ всѣ роды оружія: оно имѣло свою артиллерію, а конница, когда нужно было, замѣняла собою пѣхоту; былъ даже и свой рѣчной флотъ. Боевыя качества козаковъ высоко цѣнились современниками — сосѣдями ихъ. Изученіе козачества, какъ силы военной, изученіе собственно военной его исторіи еще не начато, хотя уже матеріала накопилось для этого достаточно; съ его военной исторіей тѣсно связывается бытовая и политическая; темные вопросы одной могутъ быть рѣшены разъясненіемъ другой. Поэтому мы исполнѣ раздѣляемъ и мнѣніе автора, что «всестороннее изученіе козачества необходимо», и вѣру его, что «это—сила, имѣющая еще будущность». Желаемъ, чтобы разсматриваемая брошюра г. М. Н. была началомъ этого изученія.

А. Б.

Слово о пошибели рускыя земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщение Хрусанова Лопарева. СПб. 1892. («Памятники древней письменности» LXXXIV).

При изобиліи литературныхъ памятниковъ поучительнаго характера, несомнѣнно, страннымъ представляется почти полное отсутствіе въ нашей древней литературѣ произведеній поэтическихъ. Почти единственнымъ въ этомъ родѣ является «Слово о полку Игоревѣ». Детальныя изслѣдованія, однако, даютъ право думать о распространенности въ древней Руси «пѣснп», поэтическихъ сказаній. (Срвн. *И. Н. Ждановъ*. Русская поэзія въ домонгольскую эпоху, въ (Кіев.) «Универс. Извѣст.» 1879). Число такихъ поэтическихъ сказаній увеличилось еще однимъ, недавно найденнымъ, изданнымъ г. Лопаревымъ по рукописи XV в., хранящейся въ ризницѣ Псковскаго Печерскаго монастыря. По мнѣнію издателя, оно составлено около 1238 г. Къ сожалѣнію, сохранилась только небольшая часть памятника, только вступленіе, говорящее не о пошибели Русской земли, а о могуществѣ ея отъ Владиміра Мономаха до Всеволода Юрьевича. Только въ концѣ дошедшаго отрывка говорится о «болѣзни крестьяномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго» ¹⁾. Этими словами и обрывается сказаніе. Что это за болѣзнь, свойственная христіанамъ? Быть можетъ, усобицы, не позволившія русскимъ сплотиться противъ враговъ и вызвавшія «погибель земли рускыя»... «Красота наша *пошибе*» — говоритъ еп. Серапіонъ о разгромѣ татарскомъ. Лѣтописецъ почти тѣми же выраженіями характеризуетъ его въ лѣтописи: «Того же лѣта (1236) *пошибе солнце* по всей земли», «се створися зло (1237) въ Суждальской земли велико, яко же тако зло отъ крещенія нѣсть было, яко же бысть нынѣ». (Лѣтоп. по Лавр. си. Сиб. 1872; стр. 486 и 490, *Лопаревъ*, стр. 16, 17).

Что касается содержанія дошедшаго отрывка «Слова», то оно представляетъ несомнѣнный интересъ. «О свѣтло свѣтлая и уграсно украсена земля руская, и многими красотами удивлена еси: озера многими уливена еси, рѣками и кладязями мѣсточьстными, горами крутыми, холми высдыкими, дубравами частыми, полями дивными,

¹⁾ Последними словами опредѣляется время составленія слова: Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславѣ Залѣскомъ съ 1212 по 1238, Юрій же Всеволодовичъ былъ велик. княземъ 1212—1216 и 1219—1238.

звѣрми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обительными, дома църковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими...» — такими словами начинается «Слово». Далѣ рисуются предѣлы земли русской: «...то все покорено было Богомъ крестинскому языкоу поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Кыевскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то Половци дѣти своя ношаху въ колыбели, а Литва из болота на свѣтъ не выныкываху, а Оугры твердыху каменны города желѣзными вороты...» Одни только нѣщцы «радовахоуся далече боудоуче за спнимъ моремъ...» Даже «Жюрь Мануилъ царегородскыи опасъ имѣя поне и великыя дары посылаша к нему, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ Царя города не взялъ...»¹⁾.

Къ тексту «Слова» г. Лопаревъ присоединилъ замѣчанія. Въ концѣ приложенъ палеографическій снимокъ всего отрывка.

Арх. Л—нко.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1891 г. и въ началѣ 1892 г.

Бабецкій А. В. Харьковъ наканувѣ новаго городского положенія. (Итоги самоуправленія). Харьковъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Барбашевъ А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб. 1891. 8 д. III+340 стр.

Бережковъ М. Н. Планъ завоеванія Крыма, составленный въ царствованіе государя Алексѣя Михайловича ученымъ славяниномъ Юрьемъ Крижаничемъ. (Извлеч. изъ журн. М—ва Нар. Просв. 1891 г.). Спб. 1891. 8д. 90 стр.

Бориневичъ А. С. По поводу предстоящей переписи въ Одессѣ. Одесса. 1891. 8 д. 13 стр.

Волынскій народный календарь на 1892 г. (Г. 4-й). Изд. Ө. Дослячука. Житомиръ. 1891. 8 д. XIII+55+55 стр.

210-е засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 23 окт. 1891 г. Одесса. 8 д. 7 стр.

Zadnowiecki L. ks. Starożytne szaty kościelne w dyecezyach Łuckiej i Żytomierskiej (z 4 swiatłodrukami). К. 1891. 8 д. 24 стр.

Календарь Черниговской епархіи на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніамина. Годъ 2-й. Черниговъ. 1891. 8 д. 234 стр.

¹⁾ Мы не удерживали ореографію памятника.

Каленченко. Хутирь. Малороссійскій литературный збирникъ на 1891 г. 8 д. 99 стр.

Красновъ А. Н. Матеріалы для флоры полтавской губ. Результаты флористическихъ изслѣдованій полтавской губ. (Отт. изъ Трудовъ общ. исншт. природы. Т. XXIV). Хар. 1891. 8 д. 116 стр.

Лазаревскій А. А. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. I. Съ 2 портретами. (Отт. изъ «Кіев. Ст.». 1891 г.). К. 1892. 8 д. 129 стр.

Лашенковъ Ѳ. А., протоіерей. Очерки дѣятельности приходскаго попечительства сумской Николаевской церкви въ теченіе 24-хъ лѣтъ его существованія (1867 — 1890). (Отт. изъ газ. «Южн. Край»). Хар. 1891. 16 д. 18 стр.

Лісьнъ А. Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учреждений въ Бессарабской губ. Вып. 3-й. Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.

Новороссійскій календарь на 1892 годъ. Издаваемый одесскимъ город. обществ. управленіемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Од. 1891. 8 д. VIII+208+158+180+V стр.

О благословеніи св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ надвѣтровскихъ кіевскихъ высотъ и о вѣдреченіи имъ основанія на нихъ великаго города (Кіева). (По сказанію начальной кіевской лѣтописи). К. 1891. 8 д. 19 стр.

Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей. Приложенія: десятоверстная карта района вѣтвей и 49 табл. К. 1891. 4 д. 89+34 стр.

Панъ Щипавка, або раки. Колы не брехня то правда. Разск. изъ малорос. жизни. Изд. Е. Губанова. М. 1891. 16 д. 71 стр.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія 2-я. Вып. I. К. 1891. 4 д. 29 стр.+4 табл.+1 карта.

Сыва кобыла. Оповідання. Типомъ першымъ. Од. 1891. 16 д. 16 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego, według planu F. Sulimierskiego. Nakładem W. Walewskiego. Zeszyt 133. T. XII. Варш. 1891. 4 д. 80 стр.

Шаховской М. Л. князь. Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ 1891 г. Съ 5 картами. (Приложеніе къ отчету харьк. губ. земск. управы). Хар. 1891. 8 д. 92 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-й и 44-й ВЫПУСКИ

(Кальдеръ - Капитанъ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Габрель и К^о въ Москвѣ (Больш. Никитская,
Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б.—6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 29 мая 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ ХХХVІІ, 1892 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

	СТР.
I. ЮБИЛЕЙНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА НА ВОЛЫНИ. (Впечатлѣнія очевидца)	I—IV
II. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. I. Записки Андрея Петровича Рудыковского. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковского (1796—1874). В. Щербины	1—21, 193—224, 363—398
III. СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. Н. Ѳ. Сумцова.	22—36, 176—192, 351—362
IV. МАЛУРУССКІЯ ВИРШИ ПРАВОПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. П. И. Житецнаго	37—58, 157—175
V. БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ. Мирона	59—70
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	71—88, 231—248, 420—437
VII. КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. (<i>Окончаніе</i>). Б. С. Полянскаго.	89—104
VIII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРЕЖИВАНІЯХЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ. Ник. Бѣляшевскаго	105—111
IX. МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ († 9 МАРТА 1892 Г.). (Некрологъ). Н. В.	112—115
X. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССИЮ ВЪ 1787 ГОДУ. (<i>Окончаніе</i>). Г. В. Есипова.	225—230
XI. РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО. Ѳ Н	249—277
XII. PROF. M. KOWALEWSKY. MARIAGE AMONG THE EARLY SLAWS. (FOLK-LORE, QUARTERLY REVIEW OF MYTH. LOND. DEC. 1890). В.	278—284
XIII. ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери). Над. М. Кибальчичъ	323—350
XIV. СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРА ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. (Историческій очеркъ). Ѳ. Кудринскаго	399—419
XV. ПРОТОІЕРЕЙ С. И. ОПАТОВИЧЪ. (Некрологъ). В. Б.	438—443
XVI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Пасхальная вирша. В. Науменка. б) Вирши на воскресеніе Христова. Мирона. в) Слѣды древнихъ поселеній. В. Боржновскаго. г) Цѣлебный источникъ. В. Боржновскаго. д) Изъ прошлаго Кіева. А. Г—скаго. е) Изъ прошлаго Кіево-Печерской Лавры. А. Г—скаго. ж) Кіевскій магистратъ запрещаетъ	

сотнику торговать въ лавкахъ (1760). **А. А. з)** Сонъ, стихотвореніе кievскаго студента к. 40-хъ гг. **В. Н. в)** Мисіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 г. Протоіерей **П. Орловскаго.** **и)** Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. **Б. к)** Коринескій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33). **А. А. л)** Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). **А. А. м)** Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ **В. Н. Сторожевъ.** **п)** Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву (1689). **А. Голомбiевскаго.** **р)** Подольская легенда о Бунякѣ. **В. А. р)** Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ, кievскаго уѣзда. **Юр. Кановскаго.** **с)** Изъ кievскаго прошлаго. **А. Голомбiевскаго.** **т)** Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачьяго двора въ мѣщанскія руки (1748 г.). **А. А. у)** Къ исторіи заселенія Новороссіи. **ф)** Письмо гр. П. В. Завадовскаго. **х)** Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дьяка въ старинной Малороссіи. Сообщ. **В. Боржковскаго.** 116—130, 285—298. . 444—458

- XVII. БИБЛЮГРАФІЯ:** **а)** Матеріалы для біографіи Гоголя. **В. И. Шеврока.** Томъ первый. **Е. Пѣтухова.** **б)** Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ, выпуски 3, 4 и 6. **В. А. в)** Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. **Н. В. г)** Живая Старина. Вып. II—IV. **В. Я. д)** Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888-й г. **В. Науменна.** **е)** В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадь Крюковъ. **Ө. Николайчина.** **ж)** Н. В. Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. **М. В. з)** Извѣстія таврической ученой комиссіи № 14. **И. Каманина.** **и)** Русскій Соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угорусскихъ нарѣчійхъ. Собралъ и издалъ **М. А. Вратель. Владиміра Перетца.** **і)** Наша національная сила—козаки. (Наброски). **М. Н. А. к)** Слово о погибеліи русскія земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. **Арн. Л—нна.** **л)** Обзоръ журналовъ. **м)** Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1891 г. и въ началѣ 1892 г. 131—156, 299—322, 459—478

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.
3) Главный фасадъ развалинъ Мстиславова храма.

на обѣдъ до Грузкой, а по обѣдѣ оттуду поехавши, пріехалъ къ перевозу передъ заходомъ слонца, где Грабовскій и компанѣйскій асаулъ случились со мною. Перевозились черезъ Сеймъ полтори години, а пріехали въ Мутинь уже ночной добы.

16. Пятокъ. Зъ Мутина отправленъ козакъ Роменскій въ Ромень, черезъ которого писалемъ до жени своей о своемъ прибутію въ Мутинь и рс.— о нѣкоторихъ интересахъ, полѣценнихъ до сиравленна Мартинови. Поехавши рано оттуду, приехали, передъ полуднемъ, въ Тулиголови, где 1) застали въ імбарѣ горѣлки полъ — 4 куфи; 2) салъ 2; 3) шинкаръ тулиголовскій 2 пчолы купилъ за 7 зол; 4) отобралъ у Лозовского Романъ зол. 70, должнихъ за позиченіе Юрченкомъ у Сулаку; 5) свиней старихъ 60, подсвинковъ 40, поросятъ зъ 50. Поехавши оттуду, пріехали позно у пасѣку Уздицкую, буде миль 2, где пчолы по лѣчбѣ на точкахъ показалось 184, а 6 въ погребѣ пало, але и змежду сихъ болшь 20 будетъ худихъ Зъ пятка на субботу, въ почѣ годин: „—“, родилъ въ Ромнѣ синъ мой Семень.

17. Субота. Рано, у квартерѣ, Івана Степановича Бранчанина видѣлемъ и просилемъ его о людяхъ моихъ уздицкихъ, чтобъ ихъ защищалъ. Поехавши зъ Уздицъ рано, пріехали до Калюжновского млина, где въ шинку Перехриста не застали, поехавшого вельдѣ за якимъ парбоккомъ, бывшимъ у его и обокравшомъ его и утекшомъ. Въ футорѣ Калюжновскомъ былемъ и увѣдомилися что 16 четвериковъ жита въ ямѣ тамъ есть и что цѣлину, облугъ, на просо виорано. У Сварковъ на обѣдѣ пріехали, куда потомъ и отецъ Островскій пріехалъ. Войту о закупкѣ млиновъ княжихъ и о покупкѣ сѣна говорилиемъ. Пріехали у Глуховъ и былемъ у п. судіиной, немощствующей на кашель. Леонтія Янковского, будто въ интересномъ дѣлѣ, привезено въ колегію. Господаръ Василь донеслъ, что Юрченко взялъ грошей 99 р.

18. Неделя. У ясновелможной рано былемъ, а по службѣ, и на обѣдѣ, где бригадиръ, прокуроръ, сотникъ Мануйловичъ зъ женами были и обѣдали. По обѣдѣ былемъ у прокурора и до ночи просидѣлемъ. Савѣцкій Стефанъ и сотникъ сенецкій Криштоповъ

приехали въ Глуховъ тожъ позивать мене якобы, а сей отъ походу отпрашуватись.

19. Понеделокъ. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость, что синѣ мнѣ родился Семень. Черезъ Лескового, сына сторожа роменского, писалемъ, въ Ромень до родителей, сожительницы моеи и до Якова о розникъ дѣлехъ и о приборѣ въ походѣ. Зъ княземъ Четвертенскимъ и п. Стефаномъ Миклашевскимъ видѣлемся. Обѣдалисмо у брегадира всѣ и до ночѣ прогуляли, а въ ночѣ были у прокурора и позно розехались. Привезени зъ Ромна статуи числомъ „ — “ и отослани въ Сварковъ.

20. Вовтор. У п. судиной енер. былемъ, где и ясневелможная изволила быть. Ясневелможная дала моеи женѣ перстень зъ изображеніемъ Пресвятой Богородици, и писма къ ней и къ родителю казала написать. Гаврило зъ зваромъ родиннимъ посланъ въ Чернѣговъ, до швакгровь и теши. Обѣдалисмо у сотника глуховского. Ездилемъ до огорода Вѣлополовского, где липину и кленину казалемъ по поясъ поурѣзовать, а оттуду заехали до Сухарева и тамъ мало посидѣвши, приехали домой. Началемъ лѣкарства весняное заживать, прежде пявокъ.

21. Середа. Отправленъ козакъ зъ узваромъ приездившій, чили рачей зъ листовною вѣдомостю о сину моемъ, въ Ромень и черезъ его писма, отъ ясневел. и отъ мене до родителей и жени моеи, послали и перстень отъ ясневел. Иванъ, Кгузенковъ зять, посланъ зъ писмомъ и бутылкой водки до п. Григоріевой Жбуравковой, въ Новгородокъ. Денегъ Юрченко привюзъ 101 р., а передомъ далъ господареви 99 р., итого 200 р., зъ которыхъ взялемъ у его и у господара 150 р. до себе. 2 куфи горѣлки онъ же Юрченко привюзъ зъ Камени, зъ которыхъ сего жъ часу куфу и дано Грицку Перехристу на вишинкѣ. П. Нестеровичъ зъ Ромна приехалъ зъ узваромъ до ясневел. и до господина брегадира, у которого и былисмо. Бранчинъ былъ у мене и просилъ о сѣножатѣ Уздицкой. Стаховичъ обѣдалъ и ночовалъ со мною.

22. Четверъ. Обѣдали: п. Павлова, Островскій и Бяловскій, а п. Несторовичъ отнюши къ ясневел. узваръ, тамъ и обѣдъ ку-

шаль. Зъ Ромна старшина нѣкоторая пріехала зъ денгами въ колегію, за медь зборній проданний собранними. П. Михайло Скоропадскій зъ своею женою поехалъ въ Нѣжинъ. Ночоваль Стаховичъ со мною. Былемъ у ясевел. у вечеру.

23. Пятокъ. Листъ до родителя посланъ зъ прошеніемъ о посланню передомъ въ Царичинъ чловѣка якого для уготованья судна волного. Архипу поздавани всѣ рѣчи потребніе въ походѣ. Обѣдалъ у насъ п. Стаховичъ, п. Нестеровичъ, попъ Островскій и Бяловскій. Зварили пива варъ. Ездилель въ городъ и зъ п. Левенцемъ посидѣлемъ, а мимоездомъ видѣлемъ сенецкого сотника и Савѣцкого, подъ дворомъ войсковимъ сидѣвшихъ. Пересталемъ брать пѣкгуловъ, передъ паяками принимаемыхъ.

24. Субота. Пявки приставляемъ къ мѣстцу геморгоидальному. Савѣцкій и сенецкій сотникъ были у брегадира и жаловались въ своихъ претенсѣяхъ. Обѣдали у мене хоружій пол. нѣжинского, Троцкій и Стаховичъ. Савѣцкій зъ Сенецкимъ, бувши тутъ у мене, примиреніе получили. У п. судіинной былисмо зъ п. Несторовичомъ, по вечернѣ, и, посидѣвши мало, восвоеси отишлисмо.

25. Неделя. Обѣдалисмо у ясеволможной, где и господа копешти были и кушали. Получилемъ писмо отъ сожительници своей, въ которомъ объявляетъ, что къ прійдучой неделѣ актъ крестинний синови нашему отложенъ. П. Федоръ дядько пріехалъ зъ Прилуки. Стаховичъ ночоваль зъ нами.

25. Понедelokъ. Сторожъ чорнускій отправленъ зъ листами до родителя, семи моей и Якова Дуброви. Обѣдалисмо у ясевел. зъ п. Федоромъ, а по обѣдѣ у Левенца были. Гаврило зъ Чернѣгова повернулся зъ писмами отвѣтними швакгровъ моихъ, въ якихъ о своемъ пріездѣ объявляютъ, и что зъ тещею мѣють роздѣлатися. Сотникъ сенецкій и Савѣцкій были у мене рано и сенецкій получилъ у мене писмо, за собою до родителя писанное о походѣ. Несторовичъ (черезъ которого писалемъ до родителя, цедулою, о разговорѣ нашемъ, бывшомъ зъ п. Федоромъ объ уступцѣ нѣкоторихъ добръ родителей), сенецкій сотникъ и Савѣцкій поехали въ Ромень. Ездилемъ до брегадира и тамъ позабавившись, до дому позно

приехали. Поць Островскій пняій приходилъ до насъ и тутъ, по своемъ достоинству, трактованъ былъ де-чимъ. Посланъ указъ въ полкъ лубенскій о прибытіи сюда родителскомъ и прочей старшини.

27. Вовтор. Рано зъ Калюженками приходилъ ко мнѣ канцеляристъ Романовичъ, требуючи отъ мене отвѣту на ихъ чолобитте. Былемъ у правителей и о томъ розговарилемъ, где и Олховского, зъ С.П.Бурху приехавшого, видѣлемъ. Да зъ нимъ же Чернявцкій Петро приехалъ зъ Москви, которій донеслъ, что вовна въ манѣфактури продалася, пудъ по 2 р. и по гривнѣ. У ясновелмножной купалисмо и еи велможность опроводилисмо за городъ, ехавшую до Гамалѣвки. Надзиратель Проконій Ігнатовичъ билъ у мене и посады, отийшолъ. Зъ полковой нѣжинской канцеляриіи приехалъ Салогубъ зъ інструцѣю о походѣ, чтобъ намъ выходить въ оній зд 25 априля, которому на тое отъ себе и росписку далемъ. Уже позно въ вечеру Стаховичъ Андрей, канцеляристъ, поехалъ въ Кіевъ. Николай злотникъ былъ у мене и говорилъ о шаблѣ покойного п. судіи прилуцкого, у его обрѣтающейся. Розмѣняли пѣратинскіи медовіе зборщики талари мнѣ битіе по рублю таларъ, а всѣхъ талар. 158, змежи якими 2 надачи, а взяли рублей у мене 156 и теперь, зъ давними таларами, всѣхъ таларъ 165, и тотъ мѣшокъ запечатавши, вложили въ шкатулку.

28. Середа. П. Федоръ дядко подарилъ мнѣ небожчика п. судіи прилуцкого шаблю, въ якой небожчиковского срѣбра 24 лоти и полтора золотника, а п. Федорового срѣбра 4 лоти безъ золотника. Она насъ, бувшій староста лучанскій, приехалъ зъ Москви и за гроши взятіе за вовну мою 6 пуд., привезлъ лѣкарства мнѣ штукъ 10, отъ лѣтери А до лѣтери К. Обѣдалъ со мною князь Четвергенскій и по обѣдѣ отехалъ. Андрей Еропкинь, зъ Цариграда отъ господина Румянцова посланный въ С.П.Бурхъ, проехалъ Глуховъ. П. Федоръ дядко отехалъ въ Прилуку. Гудименко Грицко просилъся на службу ко мнѣ и послышавши о смерти отца своего, отехалъ въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до родителя и до Якова о походѣ, и о сенецкомъ до род. Божко, сторожъ пѣратинскій приехалъ зъ писмами отъ родителя и Якова.

29. Четверть. Романъ, стар. тулиголовскій, бувши тутъ, сказалъ, что горѣлки есть 5 куфѣ. Кутневскій бувъ рано и отохаль. Ездилемъ въ канцеллярію енер. и тамъ зъ Иваномъ Максимовичомъ увидѣвшись, стехаломъ домой. Обѣдали у мене попи и Троцкій. Виналемъ зъ скринѣ на горѣ свѣчки восковіе, хустку зеленую и мѣшечокъ цѣномину повний. Ездилемъ въ городъ и билемъ у п. Лепенца, оттуду въ колегіи, где зъ Лучинимъ, управителемъ почепскимъ, видѣлемся, и о водцѣ Максимовичу Федору, посланной отъ мене, разговарували, и отохалемъ домой, а тутъ въ церквѣ п. судіиной бувши, до п. судіиной зайшолъ и тамъ мало посидѣвши, отишолъ домой.

30. Пятокъ. Садовникъ и войтъ сварковскіе были; войтъ купчіе на огороди зъ собою привезлъ и отдалъ мнѣ. Подорожніе до Ахтирки и до Чернѣгова получилиемъ. Бувъ у склепу и вина понасилпаль у одно пuzдро и 1 бутилку. Виехалемъ зъ Глухова до Гамалѣвки и пріехалемъ по заходѣ слонца, и тутъ ночовалемъ.

Май. 1. Субота. Александеръ і Михайло, слуги паней, ездившіе до Ямпюля въ интересѣ панскомъ, сказали, что видѣли тамъ брегадира и протчіихъ колеистовъ, туда жъ ездившихъ за скарбомъ, будто винятомъ отъ простого человекъ, але нѣчого незискавши, назадъ вернулись. П. Василь Романовичъ былъ у Гамалѣвцѣ и со мною видѣлся. Поехалемъ оттуду и пріехалемъ въ Глуховъ, где пана Андрѣя швакгра, пріехавшого зъ Чернѣгова, засталемъ. Ездилемъ до брегадира и просилемъ его въ Роменъ на крестини.

2. Неделя. Билъ у брегадира и оттуду до церкви поехали. Едучи до церкви въ каретѣ зъ правителями, видѣлемъ листъ Милорадовича, въ якомъ онъ зъ Сулаку, 10 марта, объявляетъ—о непомисльномъ тамъ своемъ пребываніи. По службѣ Божой, зъ брегадиромъ былемъ у прокурора, где брегадиръ обѣщался поехать въ Роменъ, на крестини, бытъ воспріемникомъ сину моему. Отправилемъ черезъ лубенского сторожа писма, въ Роменъ, до родителя и сожителници, о прибитіи ясневел. и брегадира, и до Петра Петровича, и п. Скоропадского, о ихъ прибуттію туда жъ. Буйволъ чудеса дѣлалъ.

3. Понеделокъ. Ездилемъ до Сваркова, где указалемъ, якъ еренжерей дѣлать. Приѣхалемъ на обѣдъ въ домъ и обѣдалисмо зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Бяловскимъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ до вечера и его жъ увенеровалемъ отъ швакгровъ. Демянъ приѣхалъ зъ Гамалѣвки, отъ ясневелможной, и сказалъ, что завтра будетъ въ Глуховъ сюда, а отсюду мѣетъ въ четверъ виехать, зъ Глухова, на ночь въ Мутинъ. Зъ паномъ Андрѣемъ, швакгромъ, разговаривали о своемъ интересѣ, которій отложилъ до приѣзду пана Якова. Войтъ глуховскій Иванъ Ивановичъ, братъ Александра, померъ. Ковотопъ городъ вигорѣлъ зъ многими домами и 3-ма церквами.

4. Вовторокъ. Ясневелможная приѣхала зъ Гамалѣвки въ Глуховъ. Зъ С.П.бурху указъ сенатскій въ колегію пришолъ о висилки пановъ бунчуковихъ въ Гилянъ, чего ради и брегадиръ поездъ свой въ Ромень отставилъ и съ тимъ Арсеніева ко мнѣ прислалъ. Войту Забарѣ наказъ въ 12 пунятахъ далемъ, и Андрѣю теслѣ. У ясневел. былемъ, у вечеру, и у брегадира. Асаулъ гонцювскій Михайло Кириловъ, Черняховскій и Шостакъ лубенскіе, приѣхали въ Глуховъ, позванни салдатомъ отъ колегіи по дѣлу Леонтія Янковскаго.

5. Середа. Ездила ясневелможная рано до брегадира и я при ней. Обѣдалисмо дома зъ швакграми. Почепскіе коменданты были у насъ и дворъ шарфовскій отдали свѣтлѣйшому князю п. п. швакгри.

6. Четверъ. У ясневелможной кушалисмо, также брегадиръ и полковникъ чернѣговскій. По обѣдѣ, пожекгналемъ ясневел. и дала 469 зол. У брегадира былемъ и писма за мною получилиемъ до енера Матюшкяна, брегадира Левешова, и полковника Яронкина. Швакгри мои, въ разговорѣ зо мною, уступуютъ села Крисіокъ мнѣ, а болшъ нѣчого.

7. Пятокъ. Московское пуздерко насипали водкою мастихиною. Пожекгналемъ швакгровъ своихъ, а оставилемъ Демяна для того, чтобъ онъ увѣдомился у нихъ, когда будутъ въ Ромень. Приѣхалемъ въ Тулицолови, где наказъ давши Роману въ 7 пунктахъ, отехалемъ въ Мутинъ. Зъ Мутина послалемъ 20 зол. до Лозовскаго,

зъ якими жеби и отъ себе 7 копъ доводячіеся отослалъ въ Тулиголови до Романа. Перевюзшись черезъ Сеймъ, поехали почтою на Конотопъ, куда отъ перевозу будетъ болшъ 20 верстъ, а оттуду до Карабутова верстъ 20, а оттуду до Хмѣлова 20 верстъ, и зъ Хмѣлова до Ромна 20 же верстъ.

8. Субота. Приехали въ Роменъ на обѣдъ, гдѣ застали пана Федора и пана Тарновского, и п. судію прилуцкую, а по обѣдѣ Бурковскій приехалъ. Тарасъ молодикъ показалъ реестри стадини и статку въ Криворудекомъ футорѣ, где показалось по ищисловіи его: кобилъ 71, лошаковъ третяковъ 15, стрижаковъ 21, четвертаковъ 17, третячокъ 14, стрижачокъ 20, опрочъ нинѣшнихъ лошасть, и того, опрочъ дригантовъ, 158; а зъ рогатого: коровъ 91, телятъ малихъ 46, воловъ 42, бичковъ назимковъ 40, телиць 28, и того всѣхъ, опрочъ бугаевъ, поголовья рогатого—247. Максимъ староста перервинскій донесъ на картѣ, что тамъ обрѣтается жита немолоченого 2 скирти, пшениць осмачовъ 3, овса осмачокъ 5, проса амъ 3.

9. Неделя. Синъ мой Семенъ крещенъ zostалъ протопопоу роменскимъ отцемъ Василюмъ Савѣцкимъ, а воспріемниковъ било двѣ пари: панъ Федоръ, дядко прилуц., зъ родителкою, да п. Бурковскій Андрѣй зъ п. судіюю прилуцкою, дядиною. П. Михайло Скоропадскій зъ своею панею приѣхалъ въ Роменъ. Селецкій, за тютюнъ пославшійся въ Полщу, привезъ лѣкарства разного штукъ зъ 12. Плетюнка приехалъ зъ Сухоносовки и явился тутъ. Подніяхомъ при немаломъ собраніи гостей.

10. Понедѣлокъ. Гостѣ у насъ всѣ обѣдали. Гостѣ всѣ порозодилися. Плетюнку отравили зъ словесною іформаціею. Козакъ, стойчикъ полковий, посланъ въ Глуховъ зъ писмами отъ п. Михайла до прокурора, а отъ мене до господара и до Кондзеровского. Архипъ приехалъ зъ Смѣлого и объявилъ, что купили мнѣ воловъ 8. Родитель о Перервинцахъ говорилъ мнѣ, чтобъ тамъ всѣмъ мнѣ владѣти.

11. Вовторокъ. Рано, Козель хлопецъ зъ почтаремъ поехали въ Глуховъ, зъ писмами въ розныхъ интересахъ. Вина, 60 квартъ

зъ чимсь, волоского купилемъ, по 3 шаги кварта. Козакъ дунайскій отъ князя Четвертеньского зъ Глухова присланный зъ писмомъ, отправленъ и чрезъ него посладемъ до прокурора листъ и баранковъ 2, до князя листъ и баранковъ 1, до господара листъ. Покроилъ швецъ чоботь мнѣ паръ 4 и юпку зъ сафину. Родителка бунтъ сафяновъ видала привозу Адамового. П. судіинная прилуцкая даровала мнѣ 500 зол. и пuzдерко зъ мисками и тарѣлками мѣдними. Гаврилови предложили ити въ дорогу передомъ зъ возами.

12. Середа. Ездилемъ за Сулу и тамъ осмотрѣвши коней своихъ всѣхъ ижджалихъ, поехали до табору, где вози мои воловие, которихъ осталось 17, а воловъ при ихъ всѣхъ 75; да при тому жъ обозѣ Несторовичевыхъ 2 воза, а Якова 1; да съ того жъ обозу 3 вози воловихъ передомъ вылучили зъ харчею, чтобъ зъ мною ишли. Пуздра пересипали и до Монастирища ездили, где полтора пуздра родителка велѣла насыпать. Панъ Андрѣй братъ даровалъ мнѣ коня верхового, сивого. У лазнѣ милемся

13. Четверъ. Гаврилу листи подавалемъ отъ мене писанніе, до коменданта царичанского, до Полянского, до Волинского губернатора и до Горки, архіерея астраханского. Федоръ Юрченко, явившись тутъ, далъ еще грошей 60 р., а такъ отдалъ уже 260 р., а еще мѣлъ зъ Глухова прислать 40 р., черезъ которого о томъ до Василя господара писалемъ и до п. судіинной. Леско сторожъ посланъ въ Смѣлое за стрелцами. Перебрадемъ писма, купчіе и всѣ ишіе крѣпости вложили въ зеленую скринку. Пуздра винніе и бутилокъ лутшого вина 7, а подлѣйшого 8. позапечатовали. Пару болдинокъ Гаврилу на дорогу далемъ. Ему жъ Гаврилу облѣкъ его на 28 р. отдалемъ. Зъ Чорнухъ отъ Звѣраки присланъ листъ и въ ономъ декретъ на лѣсъ и ниви поновскіе, закрѣпленный рукою отца Оомы Збриского, протопопи пѣрат.

14. Пятокъ. Коваль сторожъ до Тарнавскаго посланъ, о его прибытіи сюда. Якову на расходи 90 зол далемъ. Сухоносоевскимъ мужикамъ по колѣ читиромъ далемъ. До Плетюнки писмо писалемъ и до Звѣраки отвѣтъ. Божко въ Перервинцѣ посланъ за козаками курѣничиками. Шваггри мои оба, Андрей и Яковъ Полуботки, при-

ехали сюда. До Лубенъ посланъ листъ и 4 р. въ аптеку и рецептъ. Спалню у Василя глинского возьмемъ, а ему свою дадемъ.

15. Субота. Швакгри мои Полуботки отехали въ Коровинцѣ, нѣчого неучинивши. Юско Залускій и Казѣмиръ Шпаковскій послани въ Царицинъ и Астрахань передомъ, за уготованнемъ судна водного, о чомъ и я до коменданта царичанского писалемъ. Слюсарь, що зъ Астраханѣ принюсъ 2 фузѣя, чили ручницѣ, зъ гвѣнтами, мнѣ зробленніе, за которіе ему дадемъ только 2 зол., до давно даннихъ грошей. П. Семень братъ подарилъ рогъ на порохъ. Родитель подарилъ мнѣ въ дорогу два конѣ, сивого, прозиваемого смѣлянского, и чалого прилудкого. Казанъ котляри, зробивши, принесли у 12 фунт. Стрелцѣ изъ Смѣлого, а козаки зъ Токаровъ по 3 чловѣка, приехали, со мною мѣючіе пойти въ походъ. До родителя съ колегіи указъ принесенъ ехать самому въ Глуховъ, а до асаули Семена, Василя Дячонка и Петрановского салдатъ приехали, взять ихъ въ Глуховъ же.

16. Неделя. Троица Св. Прапорщикъ Волжинъ приехалъ въ Роменъ и обѣдалъ съ нами. П. Несеровичъ посланъ отъ насъ до швакгровъ Полуботковъ, въ Коровинци, зъ уговоромъ о нашемъ дѣлѣ. Почтарь, зъ Козломъ хлопцемъ, повернулся зъ Глухова. Наказъ пунктами Никитѣ Плетюницѣ составилемъ, въ 30 пунктахъ.

17. Понедѣлокъ. Ездилисмо за Сулу и тамъ служби Божой вслухавши, обѣдалисмо. Вѣдомо учинилося, что Грицько Гудимъ поехалъ до Рыбного, зъ дядкомъ своимъ, купеческимъ промысломъ, зъ горѣлкою, для чого дячиная его въ турму была посажена, а потимъ и випущена зостала. Зъ аптеки отъ Ісаака Івановича Іохемса привезени лѣкарства, за 4 р. кунленіе и заплаченіе уже именно: Spir. Cachlearia ttij. Elixir. propriet ttij и въ словку прошку (про?)носного часть. Отъ п. Тарнавского до родителя принесенно письмо, въ которомъ объявляетъ о себѣ, что мѣеть ити въ походъ, а для опроваженія его до обозу далъ бы сотникъ пѣративскій 4 козаковъ, просить. Приехалисмо зъ женою въ городъ и тутъ ночовалисмо.

18. Вѣвтор. Возки виправилисмо къ походъ, а приставъ—Яковъ Дуброва. Возковъ глабчастихъ, по два конѣ—3, а палубовъ, по 2 жъ конѣ—3, Палубецъ зъ сукнями, у 2 жъ конѣ, палубецъ на 2-хъ колесахъ, спалня 2 конѣ, верховихъ 4 зайвихъ, а зъ обо-зошъ, верхахи, поехали: Яковъ Алексѣецъ, Мартинъ, Леско ку-харъ, Ляввишко, Максимъ Коржовскій, да зъ ними жъ, при Якову, скринка зъ денгами, а въ ней чер. 40, тал. (битыхъ?) 150, руб. 100. П. Нестеровичъ, ездившій до швакгровъ, повернулся зъ Грунки и о ихъ укоризненномъ предложилъ виговорѣ. Родитель въ дорогу далъ мнѣ 200 р. За фузѣи слюсареви заплатилемъ. Слугамъ далемъ по 2 р., а машталѣру 2 р., другому 3 р. Отецъ Островскій пріехалъ въ Ромень. Пунктовъ 35 составивши господареви въ наказъ, отдадемъ до рукъ паней.

19. Середа. Молебень о путешествіи моемъ въ церквѣ, отцемъ Савѣцкимъ и другими, отпразненъ. Родитель подарилъ мнѣ перстень шмаракгдовий зъ 6 діамантиками, на благословеніе; такъ же и кулбаку нѣмецкую. У лавнѣ милемся. Вѣжевскому на реходъ далемъ грошей 4 р. Орановскій отъ швакгровъ Полуботковъ повернулся зъ листомъ до отца протопопи причиннимъ—бить ему въ Коровинцяхъ. Григорій Тишенко принеслъ печатку мою на севгвѣту, у Шліонску здѣланную, за которую будто заплатилъ за злото и за камень, 10 твардихъ а за роботу 5 чвертокъ, а всѣхъ грошей налѣчилъ 9 р. безъ полкопи. Виездъ опредѣленъ бувъ мой зъ Ромна, въ походъ, у вечеру, а на ночь за Сулу, а потимъ отложенъ на завтрейшій ранокъ. О братови п. Семенови родителіе со мною розговорували и листъ отъ нихъ написалемъ до ахтир-ского подковника. Рекомендаціи листовніе отъ родителя 10, до рознихъ персонъ, о мнѣ.

20. Четвер. Конѣ рано заложили были до виезду моего, а потомъ знову виложени. За перстень, на которомъ печатка моя зъ гербомъ, заплатилемъ Манжосу 7 р. Орановскому далемъ 5 талар. бытихъ. Родитель взялъ себѣ печатку тую и далъ мнѣ каменецъ красній четверуголний, которій я далъ тому жъ Григорію Манжосу, жебы въ Шліонску вирѣзано на ономъ печатку мою зъ та-

ковимъ компартиментомъ, яковіи на сталной моеи есть печатцѣ, на що далемъ ему червоного, 2 таляр. бытихъ и рубля грошей, и для образца, випечатавши на паперѣ, печатки мою и родительскую, оніи емужъ далемъже. — Виездъ въ походъ зъ Ромна. Виехалемъ зъ Ромна по обѣдѣ, въ походъ настоящей Гиланскій, а опроважали мене: родитель, родителька, протопопъ и другихъ много очинъ присутствующихъ, даже до села Гарасимовки, где годинъ склика простояли, а наконецъ пожекгнавшись, отехалемъ въ Коровинцѣ на ночь, а съ нами: жена моя, братъ съ братовою, Василь глиняскій, Зарудніе Федоръ и Андрѣй, Столповскій, которій и отедеть, Федко и другіе; а приехалисмо въ Коровинцѣ на ночь,

21. Пятокъ. Рано поехавши зъ Коровинецъ, приехалисмо до Будокъ о полдни, куда будетъ миль зо три добрихъ, и тамъ обѣдалисмо и ночовалисмо. Тамже зъ отцемъ Островскимъ, трижди подпивавшомъ, тѣшились. Иванъ, конюшій родительскій, приехалъ зъ Ромна и привюзъ бутилу вина венгерского доброго. Черезъ козака коровинского писалемъ до родителей листъ, жеігнаючи ихъ и просячи о молитви. Сватба била въ Питербурху: цесаревна Анна Петровна отдана за голштинского князя Фридерика, а якимъ способомъ що было, тогда зри юня 13 числа.

22. Субота. Служби Божой вислухалисмо у Будкахъ и по службѣ поснѣдалисмо. Братови п. Андрѣви даровалемъ шаблю свою и оную казалемъ отдать женѣ моеи до его рукъ. Помѣнялисясъ съ ними кулбаками, ему жовтую далемъ, а себѣ кгранатовую. Пожекгналемся съ нимъ, братовою, также и зъ своею женою и, поехавши зъ Будокъ, черезъ пѣщаній брудъ, где гробля на Сулѣ, приехалисмо степомъ до Грунѣ, куда будетъ миль 3 добрихъ и оттуду виехавши, недоежджаючи Михайловки, постояли въ полѣ малое время, поколь братъ п. Семень, приостановившиися въ Будкахъ, нагналъ насъ, а оттуду поехавши, приехали до Михайловки, отъ Грунѣ зъ милію добрую отстоячихъ, и тамъ заехалемъ до швак-гровъ Полуботковъ и видѣлемся съ ними, также и зъ п. Андрѣвою и п. Антоною и, малое время позабавивши у ихъ, поеха-

лемъ до Лебедина, у мялю отстоячого, и, оный переехавши, на степену, педоежджаючи городка Олешнѣ, ночовали, якъ би у поль 2 милѣ.

23. Неделя. Рано вставши барзо, поехалисмо и минуѣши Олешню, приехали въ Ахтирку, отстоящую отъ Лебедина у 4 милѣ, и стали на пастовнику. зъ приѣзду, п. полковника ахтирскаго. У князя былемъ зъ братомъ и зваромъ родиннимъ поклонилемся ему; да онъже далъ за мною писма до Матюшкина, Кропотова, и Яропкина. А по обѣдѣ, у полковника просидѣлемъ, и оттоль зъ Стефаномъ Гамалѣю и Самойловичами приехаликъ къ себѣ и тутъ о дѣлѣ брата зъ нимъ розговоровши, и зъ лука пострелявши и вина выпивши, отправилемъ его. Князь давалъ читать объявленіе сенатское о Оедосію Яновскомъ, архиепископу новгородскомъ, первомъ вице-президенту синодалному, который за нѣкоторыя укоризненіе слова противъ монаршей персони и другіе причины, лишенъ епархіи и синодалнаго мѣста, а сосланъ въ силку въ монастырь Корѣльскій, близъ Двини реки устя.

24. Понедѣлокъ. Слишно намъ стало, что у Василя Даниловича умеръ сынъ, куда полковница ахтирская и п. Стефанъ Гамалѣя ездили. По прошенію п. Стефана Самойловича, отъ п. полковника ахтирскаго къ намъ присланныго, псехалисмо на обѣдъ. У п. полковника ахтирскаго зговоръ здѣлалисмо: дочь ихъ Парасковію за брата п. Семена, при битности зъ ихъ стороны его: п. полковника, самой п. полковниковой, Стефана Гамалѣи, обоихъ Самойловичовъ, Федора Гамалѣи и прочіихъ, а зъ нашей: насъ, Василя Жбуковского, Федора и Андрѣя Заруднихъ, где и хустки всякому зъ насъ подавала панна, а оной братъ далъ дуката золотого у нѣсколко червонихъ. П. полковникъ ахтирскій даровалъ мнѣ фузѣю хорошую. Отехалисмо отъ п. полковника, шумни, до себе.

25. Вовтор. Билисмо у князя Голѣцина и объявили ему о учинившойся сватбѣ нашей, которою онъ насъ поздравлялъ и пожегивалисмо его. Обѣдалисмо у п. полковника и до вечора прозабавили шумни. Зъ Ромна емщикъ приехалъ зъ 2 бутилами вина, одною водка и зъ хлѣбомъ и листами родителя, родительки и жени

мою. Сторожъ п. полковника нѣжинского пріехалъ зъ Нѣжина и о ясновелможной сказалъ, что тамъ теперь обрѣтается.

26. Середѣ. Заехали рано до п. полковника на чай, по которомъ и водки по нѣсколько чарокъ выпили. Онъ же зъ панею своею подарилъ мнѣ слоекъ кристалный, полнъ мира святителя Христова Николая чудотворца, а брату п. Семену шаблю, полскимъ манѣромъ зробленную. Оехали предъ обѣдомъ зъ Ахтирки, а ехали поузь левади тютюнные государевы, очинь великіе и поузь мури превеликіе, израдн зъ рѣзаного дерева подѣланные, а пріехали на обѣдъ, у двѣ милѣ отъ Ахтирки, къ урочищу и потоку, прозиваемому Веселая. Оттуду писалисмо до родителей и моей жени о сватбѣ и о прочемъ зъ комплементами, а зъ тимъ отпустилисмо Грицка коваля, сторожа роменского да Залюбовского, да имъ же и листъ п. полковника ахтирского, писанный о той же сватбѣ, вручилисмо. Поехавши оттуду, переехали село прозиваемое Куціоваха, до ратуша ахтирского валежачое, а отъ Ахтирки въ трохъ миляхъ отстоящее, а оттуду еще милъ зо двѣ поехавши, а не доежджачи Богодухова, сталисмо на ночлѣгъ въ полѣ, противъ села Губаровки, якое намъ въ правомъ боцѣ було.

27. Четверъ. Рано отъ ночлѣга поехавши, пріехалисмо на обѣдъ въ мѣстечко сотенное полку ахтирского, прозиваемое Богодуховъ, и тамъ у сотника Федора Павловича сталисмо на квартерѣ и кушалисмо, а Богодуховъ отъ Ахтирки въ 6 миляхъ, а отъ Куціовахи въ 3 миляхъ отстоитъ, где поневажъ дождъ началъ ити, того ради и переночовать тамъ резолвовалисмося. Черезъ сторожа ахтирского, опровадившаго насъ до Богодухова, писалисмо листи я и братъ, до п. полковника ахтирского, зъ благодареніемъ, за угощеніе и зъ комплементомъ о сватбѣ. Да черезъ того жъ писалемъ до родителя и вѣдомость о Феодосію приложилемъ. Сотники полку лубенского, глиняскій Афанасій и лукомскій Кодинецъ, и Прийма, атаманъ лубенскій, опровадивши свои сотнѣ до обозу, повернулись и били тутже у насъ. Слуга Холодовича, воронѣжского сотника, посланный къ нему зъ дому зъ запасомъ, повернулся зъ Дербенѣ, и объявилъ, что тамъ Шафкаль и Усмей стали

противность свою показывать. Черезъ его жь писалемъ до родителя, что письмо отъ атамана смѣлянскаго къ его особѣ писанное, читалемъ.

28. Пятокъ. Глинскій сотникъ Афанасій обѣщалъ прислать въ слѣдъ за мною обухъ. Рано простившись мы зъ нимъ и зъ сотникомъ богодуховскимъ и женою его, выехали отсюда и переехали греблю на рѣчкѣ Мерлѣ, близъ Богодухова текучой; уехали миль зо двѣ и на степу обѣдъ имѣли, а по обѣдѣ поехавши, прибыли къ городку полку харковского, прозываемому Вулшаная, которое отъ Богодухова остоитъ въ 3 миляхъ, а отсюда верстъ за 4 проехавши, приехали къ селу, прозываемому Куть и оной обминувши, приехали до села называющагося Пересѣчное, въ 4 верстахъ отъ Кута отстоящее; отсюда якъбы у мило доехали села полковничаго прозываемаго Синоницювка и проехавши оное село, якъбы у полъмилѣ отъ онога, приехали къ монастыру харковскому, въ якимъ архимандритъ Ефремъ, постриженецъ нѣжинскаго монастыра, а монастырь, едучи къ Харкову, у лѣвой рѣчкѣ на горѣ стоитъ, сооруженъ зъ древяною церковію. Минувши оной, якъби у 2 версти, сталисмо въ полѣ при дубровѣ, на ночлѣзѣ, а лошадей въ сѣнокосъ Лаврентія Шидловскаго пустисмо. На становиску обѣдномъ купилисмо, за копу, 4 спинки осятровихъ у донцовъ, да оне жь донци говорили намъ, что 3000 донцовъ пошло въ Гилянскій походъ уже тому недель зо двѣ. Грошей еще 3 рублѣ Вѣжевскому далемъ на росходи.

29 Субота. Отъ ночлѣга поехавши, прибыли рано до Харкова, отстоящаго отъ Олшаной въ 3, а отъ Богодухова въ 6 миляхъ, который имѣетъ свое расположеніе нехудое, бо на пригорбку стоитъ, рѣчка зъ пріезду нашего, подъ городомъ течетъ Лопатень, а зъ другой стороны другая рѣчка Харковка. Приехавши въ городъ, службы Божой вислухалисмо и въ церквѣ увидѣлисмося зъ п.п. Борзнами. По службѣ Божой заехалисмо до п.п. Миклашевскихъ и зъ ними повидѣвшись, выехали зъ Харкова. Купили въ Харковѣ вина волоскаго кварть 8 по 3 алт. а особливо 3 кварти за приговорку Василя Жуковского. Поехавши зъ Харкова, поми-

нулисмо шляхъ у право до Печенѣгъ, а влѣво дорогу до Салтова взялисмо и милъ зо двѣ проехавши, стали на обѣдъ, не доежджачи якъби у полъмилѣ Барабашевихъ байраковъ. Тамже бунчукові Костенецкій и Грабовскій приходили до насъ. По обѣдѣ поехавши, прибили на ночлѣгъ до селця чили деревнѣ, прозиваемой Баба, владѣнія Петра Матвѣевича Апраксина, до Салтова належачого, а отстоящего отъ Харкова въ 4 миляхъ добрихъ, и сталисмо при селѣ на лукахъ боярскихъ. Увѣдомилисмося, что Семень Лизогубъ сего дня обѣдалъ у Салтовѣ у прикажчика тамошнего.

30. Неделя. Мужикъ тамошнего села, войтъ въ заводъ зъ нами увойшолъ за тое, что на онихъ лукахъ стоялисмо, и до Салтова побѣгши, прикажчику тамошнему іноземцу наговорилъ, которій заразъ приѣхавши въ село первой, посилалъ, еще ночью, своихъ мужиковъ конѣ наши отокрасть, а когда осмотрѣлись наши и недопустили того, потомъ самъ приходилъ и межи возами нашими ходячи, нѣчого нѣкому неказавши, отийшолъ, а прислалъ потимъ уже въ день того седа войта и зъ нѣмъ чловѣка скилка, явно грабить конѣ, чого наши недопустили, и тогда жъ оттуду поехали. а приѣхали подчасъ служби въ Салтовѣ мѣстечко, отстоящее отъ того села въ 5 верстахъ, а отъ Харкова 5 миляхъ, и тамъ же, въ Салтовѣ, зъ Нандибою, Новѣцкими и прочими бунчуковими, повидѣлемся; и оттуду заразъ поехавши и переехавши мостомъ черезъ рѣку Донецъ, стали на семъ боцѣ, у версту отъ Салтова, на обѣдъ, и тутъ зъ своимъ обозомъ и зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ совокупилемся, где и Семень Лизогубъ и прочіе бунчукові и полки стояли. Прикажчикъ салтовскій недоволенъ будучи тоей своей зачѣпки, писалъ листъ до Семена Лизогуба, ускаржаючись на мене, будто я ставши на лукахъ боярскихъ, зовсѣмъ оніе спустошилъ и за то бы я награжденіе учинилъ, якое писмо прислалъ ко мнѣ Лизогубъ черезъ середнего Бутовича и на оное отвѣтъ учинилемъ, оправдаючи себе. Видѣлемся зъ Семеномъ Лизогубомъ и прочіими бунчуковими. Поехавши по обѣдѣ, заехалисмо на дорожѣ до Баска (?) наказного полковника чернѣговского, и тамъ пива напившись, отехали, и присмотрувались, якъ честь отдавалъ полкъ чер-

нѣговскій бунчуковимъ. Рушивши отгуду, всѣ ми пріѣхали къ байраку, отъ дороги у правой сторонѣ будущому, и тутъ ми сами, зъ прочими бунчуковими, захали къ намъже и вапившись, пива, меду и вина, нѣкаторіе зъ нихъ поехали далѣй, якъбы верстъ у 3, до рѣчки, називающейся Костумля, переноривами идучой и тамъ перебравшись черезъ рѣчку, стали отъ Салтова въ двѣ милѣ. Панъ Федоръ дядко позабавилъ у насъ и розговорувалъ о швакграхъ моихъ, намѣрившихъ болшь 1000 р. дать намъ денегъ по духовной небожчика тестя. Пріездилъ къ намъ Себастьяновичъ прилуцкій и Яковъ, судденко глиняскій, и посидя мало, отехали. Да онъ же сказовалъ, что Лизогубъ устроилъ генералѣтетъ: обознихъ двохъ Кандибу и Тарасевича, судію Кочубея Василя, писара Якубовича Якова, асауловъ—Гречаного и Жураховского, хоружого—Сулиму.

31. Понеделокъ. П.п. Миклашевскіи пріехали къ обозу нашему и повидавшись съ нами, поехали къ обозу енералному и тамъ стали. Писма черезъ брата п. Семена писалемъ до родителей, ясновелможной, брегадира, прокурора, моей жени, п. Андрѣя брата, п. Петра Апостола, п. Якова Полуботка, п. полковника ахтирского о нашемъ обращеніи, и о другихъ рознихъ потребахъ. Зъ п. Василемъ глиняскимъ поминялись на конѣ, я у его вороного его взалемъ, а ему сивого гудимовского, жебы дома отдаво писалемъ до жени. Братъ п. Семень, Василь Жуковский, Федоръ и Андрѣй Зарудніи и при нихъ слуги мои Тарасъ и Максимъ Коржовскій и зъ кареткою машталѣръ Иванъ и зъ возкомъ и одноконнимъ палубцемъ, поехали назадъ, а не ехали на Салтовъ того ради, что п. Андрѣй Миклашевскій остереглъ насъ, будто прикажчикъ салтовскій зъ позволенія Лизогубового намѣренъ насъ зграбить, когда будутъ ворочатися назадъ. По отездѣ ихъ, ездилісма до табору и тамъ были у Лизогуба и Бурковскаго и, позабавившись нѣкаторое время, отехали домой назадъ къ своему обозу. Тогда жъ у насъ гасло пятница, тоестъ Параскевея, на памятку п. Михайловой. Обозъ п.п. Гамалѣвъ стародубовскихъ пріишоль и сталъ зъ нами тутже. У ночѣ дождъ превеликій ишоль по сторонамъ правимъ, и насъ гарадза зачепилъ, зъ блискавицею и отчасти громомъ.

73.

Самойлиха обѣщаетъ, что передастъ внуку отъ умершаго сына Ефима причитающуюся часть имущества, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Року 1654, месеца февраля 7-го дня.

На вряде местском, передо мною Исифом Андѣриовичом и при мне едностайне засѣлыми бурмистрами, ставшы очевисто Грицко Киселенко зъ жоною своею Фесею, бывъшею Евъхиминою роспиралися зъ Самойлихою и з сынами еи Матфием и Якимом (о) позосталое убозетве сына еи Евъхима, которое позостало дитяти его а внукови Самойлишиному, Данилови; домагалася матка у бабки, абы тое убозетво отдали дитяти. Теды на тое баба не позволила и мовила, же в тот часъ отдам, якъ внукъ зъросте; а по мне сыны мои повинны отдат, то ест меновите: коня, жуцан, вола, я сама повинна тое внукови Данилови отдат, а по мнѣ сыны мои Матфій и Яким повинны тое все отдате. О што просили нас уряду, абы было для памети до книгъ записано—што есть записано.

74.

Раздѣлъ имущества между Остапомъ Подгайненкомъ и сестрамп его Татьяною и Овдею.

Anno 1654, miesiąca maia 3 dnia.

Iż była ugoda, przed nami, przede mną **Siemieniem Swietlicznym** setnikiem ¹⁾ y Daniłą Szepielenkiem atamanom horodowym y przy mną jednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Timoszenkiem y Hrickom Małyszzenkiem, y Sawką Zacharczenkiem, y Miskiem Chodorkowskim, Ostapa Podhainenka yz siestrami swemi, dwoma Tatianu, a druhoiu Owdieiu. o oyczyznowski dom y sad sławnei pamięci Andreia Banbieręka, tedy Tatiana poszła zamąż za Harasima Iesifowicza, za bywszego wuyta; tedy pozywał Iesif yz synem Ha-

¹⁾ Второй по времени сотникъ бориспольскій Семень Свѣтличный.

rasimem Podhainięka przed panow sędziow woyskowych, tedy Iiesifowi nakazano było ekstraktem od oiczyzny wystąpic. Tedy ten Ostap tego wysłuchawszy y opelewał do jego mosci pana hetmana dobrodzieia naszego wielkiego y pozwał Iesifa yz synem do Czehiryne, do pana hetmana. A gdy przyiechali z sobą do Czehiryne y przyszli do pana hetmana, tedy iego mosc pan hetman odesłał do panow sędziów, aby ich sprawy wysłuchali y rossądzili. Co też panowie sędziowie rozsądzili y dekretem przykryli, że sestram Ostapowym trzecia część w sadu obom, a dwie części y dwor ze wszystkim budynkiem y z sadem, y z polem Ostapu, iako oyczyzna iego własna, y dekretem nakazana od panow sędziów woyskowych, co też w tym dekreecie napisano y do nas, aby trzecią część ubozstwa z sadu oyczyzny dano dziewczkam y splecono. Tedy ja, Siemien Swietliczny, setnik, y ia Charko Kuranda wuit, ia, setnik, posłałem, dwoch towarzyszow na imia Antona Harasimięka y Dawyda Wiernięka, a woit dwoch burmistrzow Iwana Timoszęka y wysz mianowanych ynych burmistrzow o szacunek sadu tego Podgainego. Tedy sad oszacowali kop 90 z. polskich; tedy za trzecią czesz y oddał brat Ostap sestram pieniędzy Iiesifu y synowi iego Harasimu część tego, co przynależało na Harasimichu, siestru iego Ostapa. Iiesif Andrzejewicz y syn iego Harasim żadnego przystępu niema miec do niego, do Ostapa, ni żony ich, ni dzieci, ni też krewnyie ych, iako blizkiie, tak dalekiie, ni do oyczyzny iego sławnei pamięci oycy iego Banbieręka żadnego przystępu, okrom Ostapa; wolno temu Ostapu ten dwor yz sadem, y z polem przedac, darowac y na cerkow oddac, y samemu obładac. iako w oyczyznie; co też y Iiesiofowi synowi dosyc się stało Harasimowi, od mała do wielika od Ostapa oyczyzny iey. A co się została siestra mnieysza, tedy przy nim ma mieszkac Owdia, y ubuzztwo, co na niey przynależyt oyczyzny, to do wzrostu iey y do oddania zamąż iey trzymac, a oddawszy zamąż ią, to oddac ma Ostap supełnie oyczyzne iey; a oddawszy ią zamąż y oddawszy, co na niei przynależy oyczyznu iey, to wolnym ma byc Ostap wiecznymi czasy y od tey, co y ta mnieysza Owdia siestra do dwora, ni do sadu, ni do pola, niema miec żadnego przystempu, tylko Ostap Podhainy.

Co obie stronie stanowszy przed nami prosili, aby do xiąg zapisano mieskich Baryszpolskich, co iest y zapisano anno die et ut supra.

75.

Раздѣль имущества между Гришкомъ и его мачехою Ивановою Кравчихою.

Року 1655, марта дня 8.

Перед нами акътами места Баришъполя, в ратуши Баришполским, Харку Курандѣ войтѣ, и перед нами засѣлими бурмистрами Грицку Малашенку, Миску Ходорковъским, Савцѣ Захарченку, Ивану Томиленку, ставши очевисто Иванова Кравчиха из пасынкѣ своим, и скаржилас на пасынка своего Гришка, котрой ук-ривдил ей в позосталой худобе небожчика мужа ее второго мал-женства в рупесках рухomyх и лежачих; що теж мы выслухавши обѣх контроверсій обѣх сторон, и углядевши тое, наказали есмо, абы двадцат гроший дал за зельза, косу, по полуосмачка муки пшеничной, серповъ два, а въ засѣвку озимом третая част, его два работника мают бути, не еден. Што тежъ для лепшей вѣре и па-мети далиесмо се писанѣ с подписом рукъ наших и печатей наших року и дня выше менован(ых).

76.

Вдова Федориха Коломейчиха продала свой домъ Ивану Панушку.

Року Божего 1655, августа дня второго.

Передо мною Харком Курандою войтомъ и при мнѣ будущими бурмистрами Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Савцѣ Захар-ченку, Миску Ходорковским, ставши очевисто Федориха Коломей-чиха вдова, и оповѣ(ди)ла ясне и явне, иже продала дом свой власный, нигде, ни вчѣм не заведеный, из огородомъ и якъ се ъ собѣ маеть, на улици Вишенской за золотих полодинадцати Ивану

Панушку, котри то домъ волно ему самому, жонѣ, детем и приятелем его уживат, также волно продати, дати, даровати; а я вѣчне не маю жадной справи болше мѣти, так тежъ и приятелѣ моѣ вѣчне. Счо тежъ стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг месткыхъ записано; счо есть записано року и дня вишенасаного.

77.

Ониско Пусѣй продалъ свою ниву Трохиму Турукалу.

Року 1655, августа 2.

Передо мною Харком Курандою войтом и засѣлими бурмистрами Грицку Малишенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковском, ставшы очевисто Ониско Пусѣй и оповѣл явне, жемъ продал ниву из цѣлиною в меже Михалевой пану Турукалу Трохиму, за суму певную за 20 шест, вѣчне, которую ниву волно ему самому и потомком его уживат вѣчне, также продат, дарова(т); а я и потомки моѣ не мают sprawy до той нивы мѣти. Счо теж стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг месткихъ принято и записано; счо ест принято и записано.

78.

Тимошъ Олешневичъ продалъ свой домъ Андрею Мохомору, цехмистру кушнерскому.

Року 1655, августа дня десятого.

Передо мною Харком Курандою, войтом, и при мнѣ будущими бурмистрами, Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Миску Ходорковскимъ, ставшы очевисто славетный пан Тимошъ Олешневичъ ку записано до книг мескихъ и оповѣл ясне и явне, ижем продал дом свой власный нѣкому нѣ въ чомъ не заведенный зе всимъ будинкомъ, як ся в собѣ мает, за суму певную, за сто злотихъ и са десять пану Андрѣю Мохомору, цехмистру кушнерскому и бра-

тне его всей в цеху кушнерском найдующих ся, вѣчно, а я Тимош выше менованый. от того дому вѣчно зрекаюс не мѣти жадного приступу, также жона и приятелѣ моѣ до того дому; а пану Анд-рѣю выше менованному и братиѣ его волно продат, дати и даро-вати и як хотѣтъ найлѣпше на свой пожиток оборочат. Счо тежѣ стороны обѣ просили нас, абысьмо тое до книг местских казали писать—счо ест принято и записано року и дня вышменованихъ. Котрый то дом мѣлемъ также за гроши своѣ власны, от пана Се-верина Висоцкого, бывший Матюшкевичевский, стоячи перед Товсто-пышина, а обмеж у того Олешкевича.

79

Мировая сдѣлка между Фескомъ Меселіемъ и Юскомъ Рыжимъ но дѣлу обѣ убійствѣ сына Феска, Омелька.

Року 1656, пообра дня (?)

Перед нами Харком Бурандою войтом, и при мнѣ будущими бурмистрами Григорию Малишенку, Ивану Тимошенку, Савце Захарченку, Марку Ходорковским, становшы очевисто Феско Меселій, челядник пана Пекунацкаго, поведал перед нами справу свою, ко-торую мѣл з Юскомъ Рижом, о побитя сына его на ймя Омелки, также и перед его милостю паном судиею енералним Антоном Жда-новичом, войска его царское милости зволанного от его милости пана гетмана, и просил поневаж оную успокоил и поеднал справу, абы то было и до книг месткихъ записано. Где ми сами, особи выше менование при тим будущие, иж тая справа през пана судю, пана Стефана Сулимы, пол. пер.¹⁾, пана Григория Забузского, пана Бог-дана Калениченка, пана Тимоша Цицоренка, сотники Баришполские, и Семена Светлечного и Антона Гарасимевка и иных особ немало, на тот час будущих, поеднаня сталос, и актор з позванным прости-лис во всем, так в накладах яко и иных речах, хоч смерт, любо

¹⁾ Степанъ Сулима, сынъ гетмана Ивана Михайловича Сулимы, убитъ въ 1659 г.

живот был сыну Юска Рижого, престо Юску Рижому мет помененого Феска во всем досит ся стало Юску Рижому; котрий то Юско Рижий просил нас, абы тое было до книг меских записано—счо тежь мы особы виш менованые доводне тую справу виразумѣвши и дознавши, иж так ест, а не иначе, поневаж скуток и еднаня стало во всим Юску Рижому, иж Юско Рижий, анѣ сынъ, анѣ жаден с приятелей, чоч бы за намовою людскою были, (до) тоеи справы не повинен мѣти жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо тежь ми тую згуду и еднаня казалесмы и до книг меских записат, и ест записано рока и дня вышменованого.

80.

Костюкъ Залозненко продалъ свой домъ Федору Рымарю.

Року тисеча шест(сот) патдесят седмого, месеца сентебра дня осмогоднадцать.

Передо мною Григорим Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великим, Миску Ходорковским, Ивану Тимошенку, станувшы очевисто Костюк Залозненко признал ясне и явно, жем продал домъ свой власный не ценный и нѣкому нѣвчом не заведенный, стоячий в между дому Ивана Денисенкова, за суму певну, за коп тринадцат личбы литовское, Федору Рымарю, зе всим будынком, як ся в собѣ маєт, и з огородом; которим тим домом Федору, як хотѣт, ведлугъ позитку своего оборочат, также волно продати, дати и даровати; я Костюк, жона и всѣ приятелѣ моѣ не маюг мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо теж стороны обѣ просили нас, абы тое было до книг меских записано.

81.

Герасимъ Есифовичъ продалъ свой домъ свояку Грицьку Яременку.

Року тисеча шестсотъ пятьдесят осмого, дня двадцат третего мисеца марта.

На вряде меском пере до мною Григоромъ Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великом, Миску Ходорковъсьем, ставшы очевисто Герасим Есифович, вызнал ясне и явне, же я у свояка своего Грицька Яременка узялем коп девят за дом, который то двом сестрам належал; пре то през декрѣт правный, я, яко старшый, спустилем свояку своему, то ест меншой свести своей, за суму вышменованую; прето вѣдомо чиню, же ея дом ис полем, що до того дому належит; теде ему- волно тим домом, и полем, и садом, якъ хотѣт оборочат, продати, даровати, дати и на церков отдати, и якъ хотѣтъ на свой пожитокъ оборочать. А я Герасим, жона, дѣти и приятелѣ моѣ, часы вечными до того двора и поля, саду, не мают мѣти жадного дѣла и пристуцу, под винами на вряд будучий зло(тых) сорок, и под обовязками правными. Теде сторона обѣ просили нас, абы тое було и до книг нинешних меских принято. Прето мы ба- чачи реч слушную казалисмо и записат—и ест записано.

82.

Марья Ярмолиха продала свой пляц Левону Филоненку.

Року тисеча шестсотъ пятьдесят девятого, месеца септеврѣя дня 20.

Перед нами Иваном Тимошенком войтом, из бурмистрами Миску Ходорковским, Иваномъ Тихим, ставшы очевисто, Маря Ярмолиха, ку записавю до книг мескихъ нинешних визвала ясне и явне, жемъ продала пляц свой власный, стоячий напругивку двора Миска Ходорковъского бурмистра, за золотых пят Левону Филоненку на вечност, ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем, а я Маря Ярмолиха,

до того пляцу юж не маю мѣти и мочи не буду жадного дѣла и приступу часы вѣчными. А для памяти казалисмо до книг меских записат и ест записано, року, месеца и дня више менованого.

83.

Постановленіе Гоголевскаго уряда о признаніи невиннымъ въ кражѣ Никиты Барышпольца.

Року Божого тысеча шестсот шестдесятого месеца фѣвраля 20-го дня.

Перед нами въ ратушу Барышполским, передо мною Иваном Тимошенком, войтом, з бурмистрами также из нами заселыми, паном **Василіем Волочаем**, сотником войска его царского величества запорозского, Барышполским, и при товариствах двоих, зосланных з мѣста Гоголева, зосланных з Микитою Барышполчем для вшелякого даня вѣри, которий ставшы Микита, обывател Гоголевский, показовал нам правный декрет с подписами руки и печатми, которий декрет так ся в собѣ мает: „Мы, врад мѣста Гоголева, чиним вѣдомо сим нашимъ урадовным писаням, тепер и напотом будучим паном врадом, якого колвекъ стану, так свѣцкого, яко и духовного, аже притрафился был злий казус на Микиту Барышполчака от Грицка Сиварезого пасынка, о поволаия злодейства; которий то менованный Грицко, юж будучий в подозреню на злодействе, пойманный в першом разу в Барышполю, а для першого разу врад уволнившы его, аби не был каран на горлѣ, а тепер другой и третий раз поткнулся, въ Ядловце и в Гоголевѣ чтири воли украд; а будучы за третим разом злодейства, приведенный будучы перед уряд наш Гоголевский, повидѣл на правѣ же з Микитиноѣ направы воли крав. Мы, врад, записавшы, казалисмо его до вязеня дати и того за поруку кого поволан, а ведлуг права на горло осудившы оного злочивцу; а гди раз и другой был справованный от мистра, в тие слова повѣдал, як и вперед повѣдал, а кди юж был веден на смерть, отволаал Микиту повѣдаючи, жом то з инших людей намовы пово-

лал, Микита нѣчого, нѣкды о том не знает. Що мы вряд видячи, же невинное поволяня и неславу нанес оный злочинца, так на его самого, дѣти, яко и на всѣ приятели, казалисмо оного Микиту, яко невинного, нѣ в чом не подозреного уволнити, и писаня ему дати, варуючы, абы нѣхай не важилсе словами ущипливыми доганяты и безчестити так его самого, яко и всѣх приятелей, любо на подпивку, любо в дорозѣ, або на ярмарку и индей гдѣ ено трафится; а хто бы мѣл наименшим ущипливым словом вишменованому Миките, такового доводом и донесенем скарги до вряду, якогж колвек притрафится. новинен будеть очищати и навязки платит сто коп на вряд, и увязеню седѣт неделю, для того що обезчестил в невинности. Що для лѣпшое вѣри, и писаня далисмо с подписом рукъ, под печатю; котороемы прочитавшы, ведлугъ прозби, казалисмо до книг меских нашихъ Гоголевскихъ записати слово у слово“. В котором-то декретѣ тии подписи рукъ в том декрете: Петро Хоначевский наместник Гоголевский. Артем Гнѣвуш, сотник Гоголевский. Федор Кашуба, атаман городовый зо всѣмъ товариством, Давило Кюга (?) войтъ зо всею громадою. И при томъ вписаню, были зослани Семен Гриненко, Грицко Пархоменко. Прето на жадани пана Микиты Барышполченка и ведлуг (права) в книги ест вписано, для впеядкого даня вѣры ест вписан.

84.

Оришка Савчиха продала свой домъ Харьку Кротѣ.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февруаря дня двадцат четвертого.

На вряде меском перед нами Иваном Тимошенъкомъ войтомъ з бурмистрами Миску Ходорковъским, Иваном Тихим, постановившыя очевисто Савчиха Оришка, визнала ясне и явне до книгъ меских нинешньих, жемъ продала дом свой власный непенный и пѣкму нѣ в чом незаведеный, стоячий напругивко огорода Курачдына, Харьку Кротце за золотыхъ одинадцат, зо всѣмъ будинкомъ,

як ся в себе маеть. Которому то тенъ домъ от мене проданый, волно продат, дати и даровати и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочат; а я сама, дѣти моѣ и приятелѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и потреби часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, аби тое било до книг меских принято и записано—и ест принято и записано, року, месеца и дня вишьменованого.

85.

Ганна Ярошиха продала свой домъ Дмитрію Нечипоренку.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца феврала дня 20 шестого.

Передо мною Иваном Тимшенком войтом, з бурмистрами, Луцку Полуляховым, Иваном Тихим, Миском Ходорковѣским, ставши очевисто Ганна Ярошиха, визнала яене и явне, жемъ продала дум свой власный не пенный и никому, ни в чом не заведеный, стоячий в между двора Процикова, за певную сумму за зло (тых) осм Дмитру Нечипоренку, которому волно продат, дат и дароват, и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочатъ; а я не маю до того дому не маю мити жадного дела часы вечными. Прето стороны обѣ просили нас, аби тое було записано, и ест записано року, месеца и дня (вишьменованого).

86.

Приговариваются къ смертной казни Юско Бажурченко и зать его Ярошъ Семеничъ за вражу лошадей.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца июля дня двадцат сегого.

Перед нами, въ ратушу Барышполским, Григорим Малишенком войтом, Панком Черевченкомъ, Матвѣемъ Шулкою, Гарасымом Дюгтаромъ, и при бытности нана Данила Кулика Гордѣнка и иных

товаришахъ на справу нижей менованую в сем року заселыми, ставши очевисто Процик Евсеенко, Яким Шянкар, Григорий Верещака и козаки полку Переяславського мѣста нашего Барышполя, ускоржались на Юска Баярченка злочинца, у которого Процикъ Евсеенко в Переяславѣ у Павла шинкара з конем постигнул, которого в том же Переяславлю до вязеня оддал; которий Юско доброволне узнался, же коней двое я сам узав, на болоню под мѣстом сивого, а гнѣдий за мною бѣгъ. Потим през декрет того владу Переяславля на Юска злочинцу бил выдан, бил трикрат тягненный. Которий Юско на Яроша Семенича зятя своего поволал: же Ярошъ, зят мой, до того мене привѣлъ и намовил, и взял ковя Якимова, то не вѣдаю где, и оддал ми у озера Княжидкого, а Верещачина коня отдал против Нестеровки, у Петровицю. Прето ми, суд, ведлуг жалобы козаков вишьменованих, схиляючися до права посполитого в статуте земском и в порадке права майдебурского описаного, казуем оното Юска Баярченка злочинцу, также и Яроша Семенича зятя своего, которий его до того приводил и самъ много шкод людем в краню коней починил; так Яроша, вишьмененого злочинцу, ми, суд, казуем на муки и на смерть, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тим на суд Божий стали; бо еслибы хто украл, жеби злотих три стояло, або вышей, мает бути обѣшон, если теж укралбы, жебы стояло полкопы, мает бути нацехован. Прето водле роботы своей Юско злочинца и Ярош, будучий поволан од шурина своего, же ся ему в тым товаришыл, в краденю коней, мают плату на своем тѣли и здоровья понестѣ; а для лѣпшого вѣри и далшой памяти, казалисмо оных злочинцов справу до книг меских Барышполских записат, и ест записано et ut supra.

87.

Семениха Бульская признаеть, что она оклеветала дѣвку Зѣню.

Року тисеча шестсотъ шестдесятого мѣсяца августа дня двадцат пятого.

Передъ нами вradoмъ месткимъ Барышполским Григориемъ Малышенкомъ войтом, Панком Черевкомъ, Иваномъ, Матвѣемъ Шул-

гою, Яковомъ Яцюченком бурмистрами, лавою зуполна засѣлоу и з нами засѣлими, паномъ Данилом Буликомъ атаманомъ городовымъ, ставши очевисто Матвѣй Коломыець, также и Семениха Булская, помовила була пяная Матвѣву братану дѣвку Зѣню нецнотливими речами, которой казалисмы Булской, аби того доказова(ла), же помовила була пре то пана Матвѣя Коломыйца за тую дѣвку о простуок свой з людми зацными, передъ нами судомъ просила и тие нецнотливые слова у своѣ уста побра(ла), тыми словы мовячи: же я не говорила ти, алеж брехала, и на тим пана Матвѣя поєднала, же Матвѣй Коломыец, жона, также дѣвка вишей имено(ваная) до Семона Булского, анѣ до жоны юж не маюг мѣти жадного дѣла и потреби вѣчными часы, а Булская не маеть жадныхъ похвалок и тых... *(актъ не оконченъ)*.

88.

Фесько Матвѣенко продалъ свою хату брату своему Ивану Матвѣенку.

Року 1661, генвара 4-го.

Перед нами Григорием Малишенком войтом, з бурмистрами Михаиломъ Шулгою, Гарасимом Догтаром, Яковомъ Яцюченком, Максимом Поташным, ставши очевисто Фесько Матвѣенко, визналъ ясне, явно и доброволне, жем продал хату свою власную, батковскую, за суму певную, за коп повчварта, Ивану Матвѣенку, брату своему, на вѣчное и спокойное ему держаня; ему волно тую хату, от мене купленую, продат, дароват, на церковь отдат и якъ хотѣть оборочать; а я тое хаты вѣчнесь зрекаю не мити до тое хаты жадного дѣла вѣчными часы. Прето стороне обе просили нас, аби тое було и записано, и ест записано.

Михайленко хотѣлъ два́ раза получить деньги съ Веремѣя рѣзника за скоть.

Року тисеча шестсот шестдесят первого месеца январия дня 21.

Передо мною Дмитром Светухою полковником наказным войска его корол. милости запорозского и судею войска его кор. милости Переяславским и при мнѣ будущих особѣ, славетных панов, паном Исидоромъ Поклонченкомъ атаманом, Григорием Малишенкомъ войтомъ з бурмистрами, актовалас справа Веремѣемъ розником поводом и Гаврилом Михайленком, а то в тен способъ: аже Веремѣй вынен был долгу тому Михайленку за розный товар, за который товар Веремѣй все отдал тому Михайленку од мала до веля; на которое то отдане долгу ставив людей много, а меновите на вряде мѣскому Веремѣй во всем устился; а Гаврило Михайленко невинне у того Веремѣя набраль товаров розных на коп сто и едну, ведлугъ реестру и слушной рахубы; который Михайленко, ведлугъ жалоби адверсира своего, до того браня, которое Веремѣй меновал, не узнался, але в томъ ся даль Михайленко до книгъ мескихъ записати в тен способъ: же мыс во всем з Веремѣемъ погодили, же юж не маем еден до другого, не маем мѣти жадного дела. Прето мы казалисмо той угоды записаной в книгах шукат, счо ся жадным способом тое не показало, але през свою мову власную во всей винѣ зостал; бо и жаден з ураду на то не признал, тилко признали, же рахубу на то чынили, а в том южъ и сам Михайленко признался, же раховалесмо на ратушу, въ томъ ся Веремѣй нами, врядомъ, сведчил, и того доводил Веремѣй, яко повод, людми одними, то есть ставил Андрѣя Лисого, для подпори справы своей, котрый под сумленем, перед нами врадом признал: же у мене Гаврило Михайленко за вола едного два разы плату брал. Также Иван Перестрит, также под сумленем признал: же я два разы тому Михайленку за гречку платил. Прето мы, суд, прихилиячыс до права посполитого в статуте земском и в порядку права майдебурского записавом, наказуемъ декретомъ нашим, абы Михайленко, яко южъ

презвѣдженный в своей речи през вѣды повода своего Веремѣя, во всем, от мала до велика, тые сто коц и одну отдал и наклады правные поворочал, и за свое кламство и нецноту, караня однѣс, яко упалий у свойей речи и переконанный сведками. Счо для лѣпшой вѣри и далшой памяти тепер и напотом будучым, казалѣсмо тот декрет нашъ принят до книг меских Баршполских, абы болшь южъ не мѣли еден до другого жадной справи часы вѣчными; которий мы приняли, которий ест слушне и досконале во всем писанный. Дѣялоє року, месеца и дня вишъменованого.

Тимже паном уставуем, пану Веремѣю и пану Гаврилу Михайленку, заруку, ежели бы который мѣлъ тую справу счати, либо сами, або хто колвек с приятелюв, або похвалку пьяный, або твезрезый чынити,—на такового укладаем вины на его милост пана гетмана таларов 100, на пана полковника—таларов 100, на сотника золотых 100, на вряд меский золотых 100; которая зарука жадными людмы переконаная не минет, конечъне.

90.

Петро выдѣляетъ имущество своей невѣсткѣ.

Року 1661, месеца мая 25 дня.

Ознаймуюемъ и записуюемъ симъ записом нашимъ в книги мѣские, ижъ Петро Осиповъ братаничъ отправлялъ невестку свою, и дай юй третину во всюю господарствѣ и набытку вѣчными часы, жебы южъ болшь жежи собою не турбовалис, тилко еще в новину мает дати ис поля невѣстци своей десят коп жита, а болшей тое отдавши, жебы юж вечными часы не турбовалис; тилко вона была винна золотыхъ осмьнадцет; прето девер еѣ, Петро, пренялся тое отдат, на которие осмьнадцат золотых покинула она шмать не дѣланую, прето, аби южъ вѣчными часы не турбовалис. Дѣялося въ ратуши, року и дня вишеписаного.

Прохоровскій житель Кирикъ Фесенко и Кіевскій житель Денисъ Куприенко помѣнялись лошадыми.

Року 1661, іюня дня 26.

Перед нами Григорием Малишенкомъ войтомъ, з бурмистрами Матвѣю Шулгѣ, Гарасиму Догтару, ставшы очевисто Кирикъ Фесенко, обывател Прохоровскій, и Куприенко Денис, обывател Кіевскій, ставши очевисто вызнали ясне, явне и доброволне, ажесмы ся кони фрмарчили, я Кирил вишменованый менялем коня вороного на три ноги белокопытого, лѣтомъ осмию добеглого, на молочня, за которим еще взялем додатку кошь десят личбы литовских и грошей литовських. Прето я пану Денису Купреенку плябую, же не ест краденый, а ежели бы мѣл хто знатися до того коня. где бы мѣл пан Денис копу тратит, а я поднѣмаюс своих коп двѣ там ставит, а пану Денису волно тим конем, яко хотѣт оборочат, волно продат, дароват и фрмарчит. А для лѣпшое вѣри и памяти казалесмо тое до книгъ меских записат.

Максимъ Москаль изъ Кіева признаеть, что укралъ деньги у Кіевского мѣщанина Ефима Саливонова.

Року Божего 1661, іюня 31.

Пред нами Григориемъ Гарешою, сотникомъ Баришполским и при мнѣ будучими паномъ Григориемъ Малишенкомъ войтомъ из бурмистрами, ставшы очевисто Евхимъ Саливоновъ мещанин Кіевскій, ускаржался нам на Максима москаля Кіевскаго, которий у мене взяв грошей пят талырий литовскихъ а рудих копѣекъ коп 12, которого найшолемъ въ мѣстѣ вапомъ. Которого, на прозбу его, отдали до вязеня; которого москаля отдавши, тен Евхим из мѣста нашего пошол, отдавши до везенія; а бачачи же тот покинул того вязня, посадаемо до Кіевского маестрату, ознаиминивъши

о томъ вязню и о той справѣ. Маэстрат на нашу волю спустил. Прето мы чинимъ его от везеня волним, а тому москалеви за свое таковое турбованя волно як хотѣт чинит з тим Евхимом. Еднак призналсе тот москал сам в дому пана сотника виш (менованого) и при Гвату начальном чоловѣку и при иных людяхъ зацных, же взял тие гроши. Що ми для памяти вазалисмо записат.

93.

Полковникъ Бориспольскій Григорій Горкуша забираеть хуторъ въ Требуховѣ, оставшійся выморочнымъ послѣ смерти Кирика, его жены и сыновей.

Руку тисеча шестсот шестдесят втораго, месеца фебруария дня 20 четвертаго.

Я Григорій Горкуша, полковникъ на тотчас будучий Барышпольскій, маючы повѣсть о кгрунтѣ, лежачомъ в селе Требуховѣ, который пустоваль през час немалый, то ест отумерщина, аже тот Кирикъ вимер из жоною и всѣмъ щадкомъ, а за их души жадных не було офер до Господа Бога, прето я, уподобавши тотъ кгрунтъ, а бачачы, (иж) жадные их покровние до того кгрунту не находятся, умыслилемъ, абы за ихъ души был служоный сорокоуст, то ест за самого Кирика, за жону его и за сынов его два, то ест за 4 души уедналемъ отца Симеона священника Требуховскаго за копъ 14 за тие чотири души, а на церковь Божию дадем коп шест, то ест дадем за тот кгрунт Кириковский всеѣ сумы коп двадцат личбы литовское, при людяхъ зацныхъ и вѣри годныхъ, то ест при пану Николу, сотнику броварскомъ, при пану Матвѣю Молявченку, сотнику Дудерковъскому, и при пану Лукъяну Слушченку , при пану Яцеу Антоненку, и упросилисмо их милости пановъ магистрату, абы тую мою куплю приняли и записали до книгъ мескихъ, для вшелякого даня вѣри каждому враду тепер и на потом будучим. Що пан Григорій Малишъ, войт, з бурмистрами, на прозбу мою тую, мою куплю казал до книг меских записат; а минѣ

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по 1 р.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Кивлицій.